

ВЕСТНИК СНО

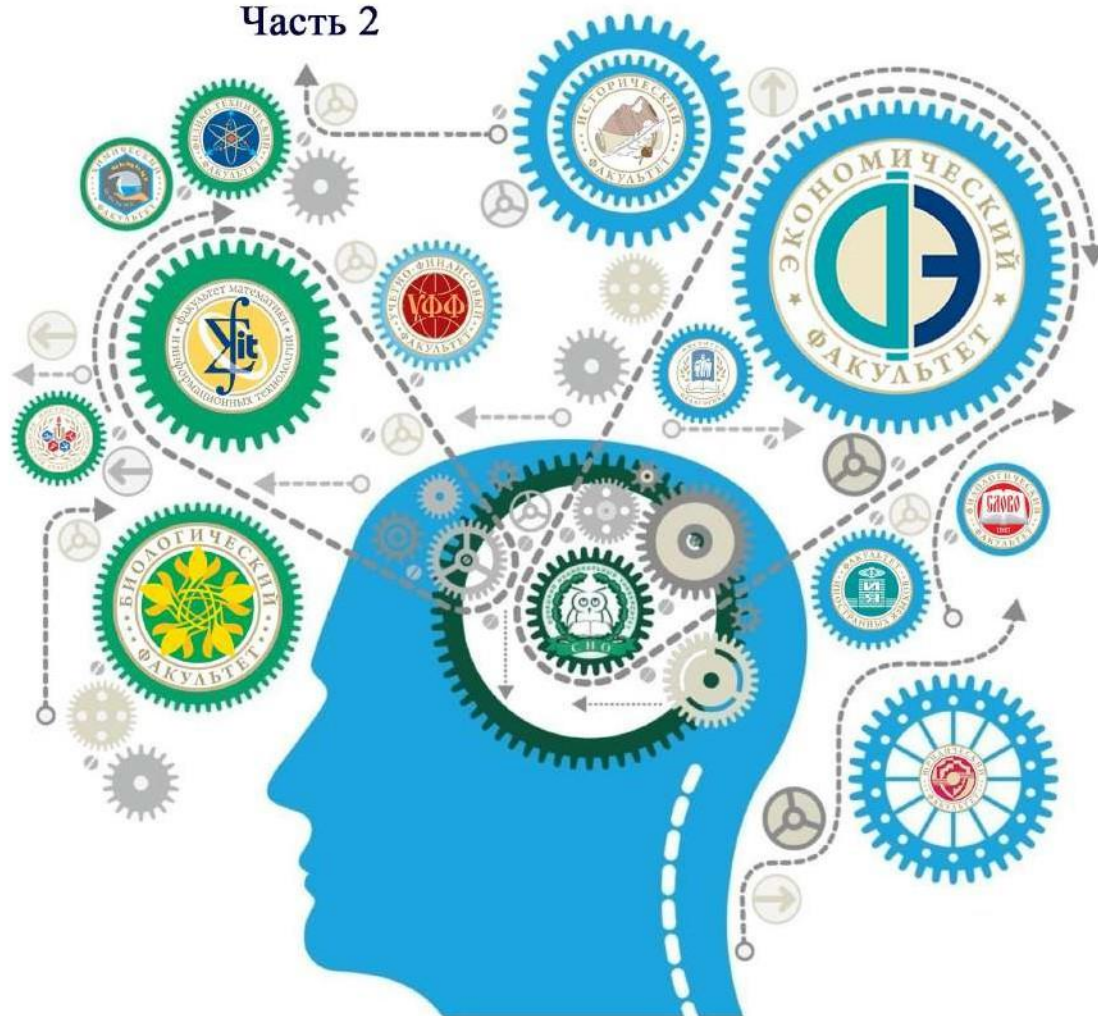
ВЫПУСК 16

ТОМ 2:

Социально-гуманитарные науки

Филология

Часть 2

Донецк 2024

ISSN 2522-4824

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОННУ»

ВЫПУСК 16

ТОМ 2

Социально-гуманитарные науки

Филология

Часть 2

Донецк – 2024

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». – Донецк: ДонГУ, 2024. – Вып. 16, том 2: *Социально-гуманитарные науки (Филология), часть 2.* – 343 с.

**Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»**

Главный редактор – Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор

Зам. главного редактора – Дегтярев С.В., председатель Совета СНО

Ответственный секретарь – Самарева Т.Н.

Технический редактор – Торба А.А.

Члены редакционной коллегии:

Бурлай А.С., ассистент

Ветрова Э.С., докт. филол. наук, профессор

Воробьева Ю.С., старший преподаватель

Разумный В.В., канд. ист. наук, доцент

Ручица Т.С., старший преподаватель

Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент

Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент

Финкина А.П., старший преподаватель

Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент

Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент

Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В шестнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ФГБОУ ВО «ДонГУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.* Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договора № 452-11/2018.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДонГУ, к. 215;

Тел.: +7 (856) 302-92-26;

E-mail: sovetsno@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/science/sno>

Печатается по решению Ученого совета

ФГБОУ ВО «ДонГУ»

протокол № 3 от 29.03.2024 г.

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024

Содержание

Русская филология. Психология

Баймина Ю.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕССЕНДЖЕРОВ В КАЧЕСТВЕ НОВОСТНЫХ ПЛАТФОРМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА МАССОВУЮ КОММУНИКАЦИЮ	7
Бессарабова А.А. АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	11
Глазкина М.Н. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ СПОСОБОВ РЕАГИРОВАНИЯ У «ПАССИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА»	16
Говорущенко Е.С. МОРФОЛОГО-ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ»)	21
Головко А.В. КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА	28
Гриненко А.Д. ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ	33
Демиденко П.С. АНТИУТОПИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ Е.И. ЗАМЯТИНА: ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМ КОНТРОЛЯ, СЛЕЖКИ И КОНФОРМИЗМА В РОМАНЕ «МЫ»	39
Дереза П.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	44
Жемчугова А.И. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	50
Жижко В.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОКРАСТИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ	54
Жукова Д.Д. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	59
Зайцева Н.Д. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	64
Капуста А.О. ПРИЁМ ФРЕЙМИРОВАНИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК	69
Клочкова В.А. ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТА В TELEGRAM И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АУДИТОРИЮ	74
Кобзарь Н.С. ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЦИПИЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА	79
Круглякова Е.Д. РОЛЬ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	83
Куркина Н.С. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	88
Ланина Н.А. МОРФЕМНО-ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)	94
Липич С.А. КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ПРОДУКТА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ	99
Лучко Е.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ	104
Марущенко А.А. ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ	109
Миленина Е. Е. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ СТУДЕНТАМИ ВУЗА	114
Мосина Н.Д. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СОВРЕМЕННОГО ИНСТРУМЕНТА РЕКЛАМНОЙ И PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ SMM	121
Паниотова А.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ	125

<i>Самохина А.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В СИТУАЦИИ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ В ЗОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА	130
<i>Серенкова А.Е.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОДХОДАХ	134
<i>Симонова А.В.</i> МЕДИАДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛИСТИКЕ	139
<i>Слинько А.А.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ	144
<i>Сологубов И.Ю.</i> ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ И ПЕРВЫЕ КОМЕДИЙНЫЕ ОПЫТЫ А.П. СУМАРОКОВА	150
<i>Степанова Е.Д.</i> «ЦИФРОВЫЕ ШРАМЫ»: ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПОДРОСТКОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ АТАКЕ КИБЕРБУЛЛИНГА	156
<i>Суглоба Д.И.</i> «ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А.А. БЛОКА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	161
<i>Ткачук А.В.</i> ПРОБЛЕМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ	165
<i>Федосова В.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ	171
<i>Ширинская А.Д.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА	175
<i>Юрчук К.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЧАСТОТНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА	180
<i>Якубовская А.Р.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОНБАССА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И СВОЙСТВА	184
<i>Яланский А.А.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале социальной сети «ВКонтакте»)	188
<i>Ярема А.В.</i> СВОЕОБРАЗИЕ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ПРОКОПОВИЧА	193
<i>Ясинский А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАК ФАКТОР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	197
<i>Ясыба Л.С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В ПСИХОЛОГИИ	201
<i>Гришкова Е.О.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	206

Зарубежная филология

<i>Аллахвердян А.А.</i> СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИЙНЫХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	212
<i>Афонская Е.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	219
<i>Белоусова Д.Ю.</i> НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ОДИНОЧЕСТВО В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	225
<i>Войтова О.И.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ МЕТАФОР С СЕМАНТИКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	231
<i>Волков Д.Р.</i> ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА HÉROÏSME 'ТЕРОИЗМ' ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	236
<i>Дудник В.Н.</i> СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ВНЕШНЮЮ КРАСОТУ В РАЗГОВОРНОМ СЕГМЕНТЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	241
<i>Жилина С. А.</i> ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРСОНАЖАМИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»)	245

Задирина Р.И. LINGUISTIC FEATURES OF CONTRACTS CONCLUDED IN ENGLISH	250
Заякина В.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДЕРЕВЬЯ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	255
Йовенко А.С. СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	261
Костоглодова Э.А. ПОЭЗИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	265
Кудинова К. Д. ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ ЛЕКСИКО–ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	269
Кулик А.С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ДРАМ А.П. ЧЕХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ “ТРИ СЕСТРЫ”)	276
Литвиненко М.А. ФУНКЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА IN И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	280
Милохин Е.И. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	285
Михайловская А. В. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	291
Острянина А.А. К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	295
Просандеева Ю.В. ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА	301
Пузакова М.Д. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	307
Селезень Е.А. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	311
Татарина Е.А. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	316
Трофимова Д.А. ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	320
Чернов Д. А. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОПОРЕФЛЕКТОНИМОВ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ И. В. ГЁТЕ)	325
Чернякова О.Д. ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В БАЛЛАДАХ И.В. ГЁТЕ	330
Шиянова А.А. ШЕКСПИРОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПЬЕСЕ М. КАРП «ПОРЦИЯ КОХЛАН»	334
Якушкина А.А. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ ШВЕЙЦАРСКИМ ВАРИАНТОМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И НЕМЕЦКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ	339

Русская филология. Психология

УДК 070

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕССЕНДЖЕРОВ В КАЧЕСТВЕ НОВОСТНЫХ ПЛАТФОРМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЛИЯНИЕ НА МАССОВУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Баймина Ю.А.

**Научный руководитель: Якель А.О., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»**

Аннотация: В данной статье исследуются современные тенденции в медиaprостранстве, особенно в контексте использования мессенджеров в качестве новостных платформ. Фокус исследования направлен на Telegram и ВКонтакте как наиболее популярные социальные медиа в России. Целью статьи является анализ влияния этих платформ на журналистскую практику и коммуникацию в современном информационном обществе. В ходе исследования проводится анализ функциональных особенностей мессенджеров, их влияния на форматирование новостных сообщений, а также взаимодействия между журналистами и читателями. Результаты исследования позволяют сделать выводы о роли мессенджеров в современной журналистике и их влиянии на информационное пространство.

Ключевые слова: мессенджеры, новостные платформы, общественное мнение, медиа, новостной жанр.

В последние годы мессенджеры стали популярными каналами для обмена информацией, включая новости. Это вызывает интерес у исследователей, которые стремятся понять роль и влияние мессенджеров в современном медиаландшафте. В данной статье мы рассмотрим различные аспекты использования мессенджеров в качестве новостных платформ и их воздействие на общественное мнение.

Несмотря на широкие возможности современных технологий, люди часто ограничиваются единственным источником информации. Они довольствуются центральным телевидением или несколькими новостными источниками, такими как «Новости Mail.ru», «Дзен» или «Рамблер/новости», при этом не испытывая желания проверять достоверность получаемой информации.

Отсутствие критического подхода к сомнениям, доверчивость и агрессивность в случае попыток убедить их в обратном – эти характеристики подходят не только для российских потребителей медиа.

Социальные медиа сегодня составляют серьезную конкуренцию средствам массовой информации: телеграмм-каналы выпускают эксклюзивную информацию раньше, чем официальные СМИ, блоги в видеохостингах набирают больше просмотров, чем телевизионные программы, колонкам в прессе читатели предпочитают посты своих кумиров в социальных сетях.

Самая популярная в Рунете социальная сеть – «ВКонтакте». На сегодняшний день на платформе зарегистрировались почти 90 миллионов пользователей. «ВКонтакте» является также самой популярной по числу активных авторов и по объему публичных сообщений в мае 2017-го: 25 722 тысячи авторов опубликовали в сети за месяц более 310 795 тысяч

сообщений. Twitter занимает второе место по объему контента – 78 372 тысяч твитов было опубликовано в мае, по количеству авторов социальная сеть находится на 4 строчке – 1 171 тысяч авторов.

Социальные сети лучше всего показывают возможности пользовательского контента, поскольку сами практически состоят из него: посты, комментарии, аудио- и видеозаписи создаются участниками сети. Стоит отметить, возможности социальных сетей для пользователей, а в особенности на Telegram-платформе и VK – создавать группы и сообщества. Часто пользователи, не имеющие профильного образования, создают паблики, которые становятся популярнее СМИ. Например, Telegram-каналы «Типичный Донецк», «ЧП Донецк» и аналогичные им паблики в «ВКонтакте». Редакцией группы становится «администрация», в которой есть администраторы, редакторы и модераторы: они создают контент, модерируют комментарии, фотографии и видео, размещаемые в группе/сообществе и другой контент, если это предусматривается правилами сообщества.

Поскольку цифровые устройства все больше используются в повседневности, очевидно, что будущее принадлежит платформам и сервисам, которые удовлетворяют современные потребности: скорость, удобство и многофункциональность. В настоящее время существуют серьезные дебаты вокруг мессенджеров. Например, мессенджер Telegram, созданный Павлом Дуровым, основателем социальной сети ВКонтакте, отличается защитой переписки и шифрованием, что позволяет вести приватные разговоры. Однако есть разница между обсуждением личных секретов и использованием этой инфраструктуры террористическими сетями и экстремистами. Они используют закрытые и частично открытые группы для обсуждения своих планов и координации атак.

Однако telegram-каналы нельзя рассматривать как модификацию или будущее СМИ, поскольку их контент часто не имеет прямого информационного значения и не обновляется оперативно с заданной частотой. Каналы, которые освещают актуальные события в отрасли, например, канал «Breaking Trends» медиаисследователя Юлии Загитовой, являются исключением, так как они предлагают аналитику, трансляции медиасобытий и примеры из региональных и зарубежных СМИ. Они реагируют на текущие новости и отражают реальные приоритеты дня, но больше сосредоточены на авторском подходе, чем на актуальности событий.

Мессенджеры обладают уникальными особенностями, которые отличают их от традиционных новостных источников. Например, они предоставляют возможность быстрого обмена информацией в режиме реального времени, а также участвуют в формировании сообществ и групп, где пользователи могут обсуждать новости и делиться своими мнениями. Исследование этих особенностей помогает понять, как мессенджеры влияют на способы получения и восприятия новостей.

Использование мессенджеров в качестве новостных платформ может оказывать значительное влияние на общественное мнение. Распространение новостей через мессенджеры может создавать фильтрованные информационные пузыри, где пользователи получают новости, подтверждающие их существующие убеждения. Кроме того, распространение дезинформации и фейковых новостей через мессенджеры может иметь серьезные последствия для формирования общественного мнения и доверия к информации.

Пользователи социальных сетей и мессенджеров в настоящее время активно используют политический контент не только для информирования аудитории, но и для создания ажиотажа и увеличения охвата. Блогеры, инфлюенсеры часто продвигают политиков и политические идеи, иногда получая за это деньги, но не всегда указывая на это.

Проблема выявления идентификации фейковых новостей становится особенно актуальной в современном общественно-политическом медиапространстве. Определение поддельных новостей является необходимостью для информационной гигиены и защиты общественного сознания. Решение этой проблемы требует совместной работы

государственных органов, технологических компаний, СМИ, журналистов и общественности в целом.

Использование мессенджеров в качестве новостных платформ также представляет вызовы и перспективы для журналистики и медиа. Журналистам необходимо адаптироваться к новым форматам и обеспечивать достоверность информации, а также развивать стратегии взаимодействия с аудиторией через мессенджеры. В то же время, мессенджеры предоставляют возможности для инноваций в области новостного контента и взаимодействия с читателями.

Мессенджеры играют все более значимую роль в распространении новостей и влияют на общественное мнение. Однако их использование в качестве новостных платформ также сопровождается вызовами, связанными с дезинформацией и формированием информационных пузырей. Дальнейшие исследования в этой области помогут лучше понять влияние мессенджеров на медиаландшафт и разработать стратегии для эффективного использования этих платформ в качестве новостных источников.

В ходе исследования особенностей современных новостных жанров и их функций было выявлено, что социальные медиа и мессенджеры определяются по следующим критериям: уникальный контент, который публикуется с определенной периодичностью на различных онлайн-платформах, сложившийся авторский состав, редакция, концепция, доход (за счет рекламы, спонсорства, дотаций). Социальные медиа, как и СМИ, обладают следующими функциями: коммуникативной, идеологической, культурно-образовательной, рекламно-справочной и рекреативной. Социальные медиа сегодня способны собирать не меньшую аудиторию, чем онлайн-СМИ.

Активное использование мессенджеров значительно повышает оперативность традиционных СМИ. Зрители и читатели – а в будущем подписчики – получают свежие данные в онлайн-режиме. В то же время журналист может занять роль эксперта, который описывает событие на страницах издания в виде развернутого аналитического репортажа. Аудитория сама решает, читать материал или нет. Однако доверие к СМИ сохраняется, так как читатель оперативно получает свежие новости. Вместе с тем высок риск получить недостоверную информацию. Если данные поступают журналисту посредством мессенджеров, часто невозможно установить источник сведений. Интернет предлагает все больше возможностей для общения, но скорость передачи информации во многих случаях обратно пропорциональна ее качеству. Речь идет не только о технических возможностях каналов передачи, но и о необходимости журналиста уделять время для сбора данных и их анализа.

Проанализировав специфику подачи новостей в социальных медиа, выявлена следующая типология:

- по каналу распространения («ВКонтакте», Telegram, Twitter, YouTube, «Одноклассники»);
- по форме организации (группы, форумы, публичные страницы, блоги);
- по информационному наполнению.

Из особенностей трансформации новостных жанров в современных интернет-СМИ следует отметить, что СМИ по-прежнему остаются более надежным и предсказуемым источником информации, чем социальные медиа и мессенджеры. Последним не хватает достоверности, объективности и точности подачи. СМИ продолжают сохранять доверие аудитории, выдавать качественные и достоверные тексты, что не касается «желтой прессы». Соцмедиа оказываются быстрее, насыщеннее, они публикуют оперативно доступную им информацию без ограничений. Однако вместе с этим проявляется непрофессионализм авторов: распространение получают истории, не соответствующие действительности, слухи.

Определив тенденции развития распространения информации в современном интернет-пространстве, хочется отметить, что социальные медиа и мессенджеры, как

новостные платформы, собирают не меньше число просмотров, нежели официальные издания. Сообщения из социальных сетей становятся инфоповодами для новостей в СМИ. У социальных медиа здорово получается взаимодействовать со своими читателями, давая возможность становиться частью авторского коллектива, поэтому они становятся «глазами и ушами» и когда что-либо происходит социальные медиа, ведущие подобную работу со своей аудиторией, узнают об этом раньше и больше, чем официальные СМИ. И как следствие, читатель уходит от изданий, публикующих новости, к социальным медиа: поскольку узнает о том или ином событии первым, а также потому, что им удобнее потреблять контент в социальных сетях, мессенджерах. Есть социальные медиа, которые работают строго по формату: делают уникальные подводки к своим постам, их авторы сами и делают фоторепортажи. Есть же социальные медиа, которые копируют подчистую новость из региональных СМИ и выдают их у себя. В исключительных случаях авторы ставят гиперссылку на СМИ. Для социальных медиа еще не написали этические кодексы, поэтому администраторы сообществ без угрызений совести публикуют фотографии с трупами, детально описывают интимные подробности тех или иных происшествий.

Исследуя специфику трансформации новостных журналистских жанров, необходимо подчеркнуть, что средства массовой информации должны качественнее и сознательнее подходить к развитию своих сообществ, каналов и пабликов, чтобы выиграть в гонке с социальными медиа, которые в ближайшее время продолжают свой рост, несмотря на трудности, а также непрофессионализм, поскольку читателям важнее получить информацию, развлечься, коммуницировать. Социальные медиа выполняют эти функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качкаева А.Г. Коммуникационная революция создает нового потребителя. 2014.
2. Варганова, Е. Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству // Медиаальманах. 2020. № 5. С. 13-15.
3. Романов А.А., Шабаяев В.В. «Fake news» в социальных сетях, блогах и мессенджерах как угроза информационной безопасности. 2020.
4. Зинкин Е.А. Приложения, социальные сети и мессенджеры как платформы распространения новостного контента СМИ. 2018.
5. Лютикова А.А. Специфика трансформации жанров в интернет-медиа // Материалы V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. - Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. - С. 247-250.
6. Варганова Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ. 1999.
7. Степанов В. А. Социальные медиа: учеб.-метод. Пособие. 2020.

THE USE OF MESSENGERS AS NEWS PLATFORMS: MODERN TRENDS AND THEIR IMPACT ON JOURNALISM AND COMMUNICATION

Annotation. This article explores current trends in the media space, especially in the context of using messengers as news platforms. The focus of the research is on Telegram and VKontakte as the most popular social media in Russia. The purpose of the article is to analyze the impact of these platforms on journalistic practice and communication in the modern information society. The study analyzes the functional features of messengers, their impact on the formatting of news reports, as well as the interaction between journalists and readers. The results of the study allow us to draw conclusions about the role of messengers in modern journalism and their impact on the information space.

Keywords: messengers, news platforms, public opinion, media, news genre.

Baуmina, Y.A.

Scientific adviser: Yakel, A.O., PhD in Philology, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: julia.baimina@gmail.com

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Бессарабова А.А.

*Научный руководитель: Ковальчишина С.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблемы психического и личностного развития детей в младшем школьном возрасте. В статье рассматривается важность психического и личностного развития в данном возрасте, описываются основные проблемы, с которыми сталкиваются дети и возможные пути, методы их решения. Особое внимание уделяется анализу влияния окружающей среды, образовательной системы и семьи на развитие детей.

Ключевые слова: личностное развитие, психическое развитие, младший школьный возраст, проблемы развития.

Вступление. В младшем школьном возрасте дети переживают важный этап своего развития, когда формируются их психические и личностные особенности. Этот период является ключевым для всецелого развития ребенка и определяет его будущее. Однако, в современном обществе дети сталкиваются с рядом проблем, которые могут негативно сказываться на их психическом и личностном развитии. Исследование и анализ этих проблем имеют важное значение для понимания того, какие факторы оказывают влияние на развитие детей в младшем школьном возрасте и какие меры можно предпринять для их решения. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты проблемы психического и личностного развития детей в этом возрасте, выявим ключевые факторы, влияющие на данную проблему, и обсудим возможные пути ее решения. Целью статьи является изучение основных аспектов проблемы психического и личностного развития детей в младшем школьном возрасте и анализ ключевых факторов в развитии детей в данном возрасте.

Основная часть. Младший школьный возраст является периодом интенсивного развития психических и личностных качеств у детей. В этот период они активно учатся, формируют свою самостоятельность, адаптируются к новым социальным ролям. Однако, в процессе этого развития могут возникать различные проблемы, которые могут оказать влияние на психическое и личностное состояние ребенка. В данной статье мы проведем анализ основных проблем, с которыми сталкиваются дети в младшем школьном возрасте, и обсудим возможные пути их решения.

В отечественной психологии внимание к личности выразилось в работах, начиная с Л.С. Выготского, В.М. Бехтерева и А.Ф. Лазурского, сформулировавшего идею о необходимости понимания личности в аспекте ее системы отношений. Дальнейшее развитие отечественная психология личности получила в научных школах В.Н. Мясищева, А.Н. Леонтьева, А.Г. Ковалева, Б.Г. Ананьева и многих других.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются дети в младшем школьном возрасте, является адаптация к новой социальной среде. Переход из детского сада в школу может быть сложным для многих детей, так как им приходится привыкать к новым правилам, расписанию, учителям и одноклассникам. Некоторые дети могут испытывать стресс и тревогу из-за этих изменений.

Другой проблемой, которая часто возникает в младшем школьном возрасте, является формирование самооценки и самопонимания. Дети начинают сравнивать себя с другими, и это может привести к появлению комплексов неполноценности или недостаточности. Некоторые дети могут столкнуться с проблемами в общении с окружающими, что также может повлиять на их самооценку.

Кроме того, в младшем школьном возрасте дети начинают формировать свою личность и ценностные ориентации. Важно, чтобы ребенок получал поддержку и понимание со стороны родителей и учителей в этот период, чтобы он мог развиваться гармонично и уверенно.

Для решения проблем, связанных с адаптацией к новой социальной среде, важно обеспечить детей поддержкой и пониманием. Родители и учителя должны помогать детям адаптироваться к новым условиям, объяснять правила и ожидания, поддерживать их эмоционально. Для развития самооценки и самопонимания детей необходимо поощрять их достижения, поддерживать в процессе обучения, помогать ребенку осознавать свои сильные стороны и работать над слабыми. Формирование личности и ценностных ориентаций требует от родителей и учителей терпимости и понимания. Важно обсуждать с детьми их ценности, помогать им понимать различные точки зрения, развивать у них эмпатию и уважение к другим [1].

Во всех научных психологических исследованиях человека и изучении категории «личность» в той или иной степени используется так называемый антропологический подход, где рассматриваются источники личности, происхождение, обусловленность и детерминированность ее особенностей, этапы, механизмы и закономерности развития, условия и факторы становления личности и формирования ее особенностей, проблемы нормы и патологии. Помимо общепсихологических проблем исследования личности, огромное значение имеют исследования человека, его индивидуальности в аспекте психологии развития и возрастной психологии. Именно эти отрасли изучают последовательность и закономерности развития психики человека, начиная с пренатальных этапов и заканчивая геронтологическими этапами его жизни. В рамках возрастной психологии на сегодняшний день уже выявлены и определены возрастные стадии развития личности, выделены порядки и периоды становления человека, конкретизированы возрастные нормы и цели развития на каждом возрастном этапе жизни. Следует отметить, что исследования ведутся по принципу системности и целостности, и благодаря такому подходу выделены и изучены множественные детерминанты и факторы, влияющие на особенности и качества психики и личности, как ребенка, так и взрослого – биологические, культурно-антропологические и социопсихологические [1].

Особым достижением психологии развития и возрастной психологии выделяются возрастные классификации и периодизации развития, систематизация доминант развития, таких как условия (биологические, социальные, психологические), возрастные особенности, возможности и нормы развития, механизмы развития и роль ведущей деятельности для качественного процесса становления и формирования новообразований личности на каждом возрастном этапе. Все это позволило на сегодняшний день структурировать и содержательно охарактеризовать возрастные нормы развития психики и личности, выделить параметры индивидуальной и функциональной нормы, разграничив поле психопатологии и осложнений в развитии [2].

В рамках нашего исследования основное внимание будет уделено изучению возрастных особенностей становления и развития психики и личности детей младшего школьного возраста. Объективно, по мнению ученых, границы возраста нельзя считать абсолютными, но на сегодняшний день дети в возрасте 6-7 и до 10-11 лет являются детьми младшего школьного возраста. Этот возрастной период выделили в науке в аспекте социально-значимого периода развития личности, где происходит активное формирование и становление в рамках приобщения ребенка к культуре посредством образования [2].

В этом возрасте ребенок продолжает бурно развиваться, продолжается и активный физический рост. Однако исследования показывают, что в этот период развитие и рост протекают вполне спокойно, «гармонично». У детей происходит рост скелета,

развивается и уравнивается функционирование органов и систем, укрепляется иммунная система, что отражается на общей устойчивости функционирования и снижению их заболеваемости. Активно продолжает развиваться мозг, его вещества и волокна – созревает кора головного мозга (особенно лобные доли), разрастаются нервные волокна, особенно образуются связи и их проводимость между отдельными участками коры головного мозга и полушарий (ассоциативные волокна, комиссуральные волокна) [3].

Это положительно влияет на динамические и качественные характеристики психической деятельности, на ее общую продуктивность. Такие изменения находят отражение, как в когнитивном, так и в личностном развитии ребенка. Так, память становится более произвольной, ребенку для восприятия и переработки уже доступны большие объемы информации. Мышление детей в этом возрасте уже осуществляется без прямой опоры на наглядные образцы, их словарный запас и обогащающийся понятийный аппарат определяет более высокие мыслительные формы. Младшему школьнику уже становится доступным словесно-логическое мышление, которое непосредственно и развивается по ходу ведущей деятельности. Реализация такого рода мыслительной деятельности возможно в результате совершенствования аналитико-синтетической деятельности мозга, способности ребенка к вычленению отдельных элементов целого, его изучения и последующего объединения их в целое на основе синтеза [3].

В младшем школьном возрасте претерпевает изменение и внимание ребенка. Будучи еще в большей степени произвольным, оно имеет более высокие возможности объема и концентрации, что позволяет ему легче распределяться и переключаться с объекта на объект. Также внимание становится более устойчивым. Образующиеся в младшем школьном возрасте свойства внимания способствуют формированию его произвольности, а под влиянием учебной деятельности это совершенствуется и обогащается произвольностью поведения и деятельности детей в целом [4].

Формируемая у детей произвольность положительно образом влияет и на их память, а именно на ее качество и продуктивность. Память как психический процесс активно изучалась в отечественной психологии, и результаты исследований были представлены еще в работах Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева и т.д.

Не менее детально изучалась в отечественной психологии память и в детских возрастах. В.И. Дубровиной отражены результаты исследований памяти младшего школьника, где систематизированы ее особенности, возрастные изменения, продуктивность и способы ее формирования и развития [4].

В целом, как показывают все проведенные исследования, этот возрастной период является прорывным для развития интеллекта детей. Умственная деятельность становится зрелой, а, по мнению А.А. Реана, она в большей степени уже похожа на познание и мышление взрослых периодов жизнедеятельности человека [5].

В свете такого бурного и содержательного развития ясным и обоснованным становится выделение учеными новообразований личности в младшем школьном возрасте, как мы уже говорили, ими являются произвольность, развитие внутреннего плана действий, способность к самоконтролю поведения и деятельности, и рефлексия, как способность подвергать содержательному анализу продукты своей деятельности и поведения. Произвольность напрямую связана с осознанностью, представляющей собой работу сознания ребенка в процессе его жизнедеятельности и развития, где внешнее в совокупности с поведением и деятельностью предстает в субъективном преломлении, постепенно становясь компонентом самосознания.

Произвольность, не смотря на неоднозначные взгляды на эту категорию в науке, рассматривается как способность личности к «сознательной регуляции поведения» [6]. Все подходы к пониманию произвольности можно разделить на понимание

произвольности, во-первых, как функции сознания и, во-вторых, с позиции способности к произвольной регуляции в аспекте мотивационного компонента личности. Ярким представителем мотивационной представленности произвольности человека является в отечественной психологии А.Н. Леонтьев, в работах которого напрямую указывается доминирующее значение мотива для возникновения побуждения к произвольной регуляции поведения. Он также отмечает, что мотивы относительно собственной деятельности ребенка формируются прижизненно, через непосредственную реализацию предметной деятельности в ходе индивидуального пути жизнедеятельности и социализации [6].

В зарубежной психологии исследования произвольной регуляции деятельности проводились не менее широко. Так, В. Вундт считает ее причиной любой активности субъекта, отмечая значение в большей степени воли человека, которую он объясняет в связи с наличием желания [7]. А в исследованиях Ж. Пиаже рассматривается динамика активности и формирование произвольности в ходе развития психики и мышления ребенка [8].

В младшем школьном возрасте произвольность, как новообразование, встроено в ведущую деятельность ребенка, причем развитие и успешность и того и другого совершенно взаимообусловлены – учебная деятельность невозможна без произвольной регуляции психических процессов, а реализация учебной деятельности в соответствии с ее сутью и организацией напрямую формирует произвольность школьника. Здесь на передний план выступает произвольность внимания ребенка. П.Я. Гальперин, автор отечественной теории внимания, подчеркивая значения внимания для деятельности человека и выделяя его функции контроля за планомерной и целенаправленной активностью в аспекте имеющейся задачи, утверждал, что оно (внимание) в своей произвольной форме имеет не только исполнительные и ориентировочные, но и контролирующие функциональные компоненты [9]. Такое состояние, или функция, стимулируют и обеспечивают произвольность восприятия, памяти, мышления ребенка.

Рассмотрим еще одно новообразование детей в этом возрастном периоде. Им, по общему мнению ученых, является рефлексия. Для этого возраста характерным является понимание рефлексии в отношении учебной, ведущей, деятельности ребёнка, когда он осознает себя ее субъектом. В общетеоретическом смысле, рефлексия это «...мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений с другим, своих задач, назначения... Понятийно, процессуально и функционально рефлексия связана с самонаблюдением, интроспекцией, ретроспекцией, самосознанием... Нередко рефлексию выделяют языковую, интеллектуальную, эмоциональную, смысловую, личностную» [9].

В младшем школьном возрасте рефлексия еще только начинает развиваться и происходит это в ходе учебной деятельности, где ребенку ставятся определённые задачи, для решения которых он их должен осознать, определить и принять способ их решения, то есть способ действия, а также должен понять смысл и причину этого способа (почему именно так). Помимо этого, важным аспектом развития ребёнка в целом и его конкретных новообразований в частности является рефлексия (осознание) потребности в своей ведущей деятельности. Здесь рефлексия работает в направлении личных побудительных причин и мотивов деятельности и синхронизируется с новой социальной ролью и позицией ребенка – ученик.

Выводы. Таким образом, в младшем школьном возрасте развитие всех личностных сфер ребенка – познавательной, эмоциональной, волевой, нравственной, происходит в ходе реализации учебной деятельности, которая и порождает, и развивает новые качественные характеристики психической деятельности и личности ребенка – произвольность как саморегулирующая система, обеспечивающая деятельность и

поведение в соответствии с целью, задачами и «новыми», социально обусловленными необходимостями его жизни, рефлексия, поддерживающая систему соответствия деятельности и поведения эталонам и нормам, а также обеспечивающаяся во-многом самооценку и самоотношение детей. Все стороны и сферы личности в своем развитии находятся в позиции взаимной обусловленности, так как выпадение или сложности в развитии одной из сторон влекут за собой определенные последствия для всех других. Проблемы психического и личностного развития детей в младшем школьном возрасте требуют внимания и заботы со стороны общества. Важно помогать детям адаптироваться к новым условиям, развивать их самооценку и самопонимание, формировать личность и ценностные ориентации. Только таким образом возможно обеспечить гармоничное развитие нового поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология детей младшего школьного возраста. Учебник и практикум / Под общ. ред. А. С. Обухова. - М.: Юрайт, 2020. - 425 с.
2. Кулагина И. Ю. Психология детей младшего школьного возраста. Учебное пособие. - М.: Юрайт, 2020. - 292 с.
3. Гониная О. О. Психология младшего школьного возраста. Учебное пособие. - М.: Флинта, 2018. - 272 с.
4. Дубровина И. В. Младший школьник. Развитие познавательных способностей. - М.: Просвещение, 2003. - 208 с.
5. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. - М.: АСТ, 2015. - 656 с.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. - М.: Смысл, 2020. - 527 с.
7. Вундт В. Введение в философию. - М.: КДУ, 2007. - 360 с.
8. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. - М.: АСТ, 2020. - 352 с.
9. Гальперин П. Я. К проблеме внимания // Психология внимания. Хрестоматия. - М.: АСТ, 2008. - 704 с.

ANALYSIS OF THE PROBLEM OF MENTAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF CHILDREN IN PRIMARY SCHOOL AGE

Annotation. This article is devoted to the analysis of the problem of mental and personal development of children at primary school age. The article discusses the importance of mental and personal development at this age, identifies the main problems that children face, and discusses possible ways and methods of solving them. Particular attention is paid to the influence of the environment, educational system and family on children's development.

Keywords: personal development, primary school age, developmental problems.

Bessarabova A.A.

Scientific adviser: Kovalchishina S.V., Ph.D. psychol. sciences Donetsk State University

E-mail: @antoninabessarabova038@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ СПОСОБОВ РЕАГИРОВАНИЯ У «ПАССИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА»

Глазкина М.Н.

*Научный руководитель: Яновская Л.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты пилотажного исследования особенностей стресс-преодолевающего поведения людей, постоянно проживающих в зоне ведения боевых действий, которые стали предпосылкой к созданию тренинговой программы.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг-стратегия, травматизация, терапия принятия и ответственности.

На сегодняшний день особо остро стоит проблема сохранения психологического здоровья у людей, которые каждый день сталкиваются с опасностью в режиме реального времени. Однако речь идет не о военнослужащих, которые «идут в опасность» осознанно, готовы к риску. Мы исследуем особенности, так называемых, «пассивных участников военного конфликта». Тех, кто не был готов к экстремальному изменению своей реальности, однако вынужден мириться с новой действительностью и адаптироваться к ней.

Как мы видим, современный человек сейчас не только предстал лицом к лицу с глобальным кризисом, но и столкнулся с кризисом осмысления собственного существования. Антропогенное, в большинстве случаев, негативное воздействие на окружающий мир, ставит под удар самого человека. В итоге создается целый ряд проблем, обостряются существующие проблемы, которые зачастую не находят конструктивного решения.

Но, так или иначе, давать объяснение всей напряженности и кризисности личности в связи с глобальными проблемами человечества, не является правильным. Многие исследователи считают, что весь этот глубокий семантический кризис, на самом деле, лежит в сфере человеческой субъектности. Так, мы можем наблюдать глубочайшую апатию у одного человека и невероятный рост личности у другого. При условии, что оба находятся в совершенно одинаковых негативных условиях окружающей среды.

В своей работе мы пытаемся раскрыть тему, своего рода, профилактики стрессовых расстройств, возникающих вследствие деструктивных способов совладания со стрессами. Именно поэтому мы проводим своё исследование, посвященное изучению особенностей стресс-преодолевающего поведения людей, постоянно проживающих в зоне ведения военного конфликта, в самый разгар военных действий.

Ряд авторов акцентируют внимание на взаимосвязи жизнестойкости личности и ее способности совладания со сложными жизненными ситуациями, экстремальными ситуациями, поведением личности в условиях кризиса. (Л.А. Александрова, С.А. Калашникова, Л.В. Куликов, К. Муздыбаев и др.)[1].

В своей статье «Особенности стресс-преодолевающего поведения пассивных участников военного конфликта» мы затронули вопрос человеческой субъектности, отображающейся в особенностях поведения и самореализации. В свою очередь, наибольшим интересом в исследовании для нас выступили компоненты стресс-преодолевающего поведения личности и профессиональная самореализация.

На сегодняшний день, отечественными психологами уже предприняты попытки целостного осмысления личностных характеристик, которые отвечают за успешную адаптацию и совладание с жизненными трудностями. К таким характеристикам относится и понятие пассионарности Л.Н. Гумилева, и понятие о личностном

адаптационном потенциале, определяющем устойчивость человека к экстремальным факторам, предложенное А.Г. Маклаковым, и понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым на основе синтеза философских идей М.К. Мамардашвили, П. Тиллиха, Э. Фромма и В. Франкла [2;3].

Результаты нашего пилотажного исследования показали необходимость создания психотерапевтического проекта, нацеленного на решение ряда психологических проблем, которые были выявлены непосредственно в ходе проведения пилотажного исследования.

Для проведения исследования нами была собрана выборка из 40 человек. Все методики были проведены в дистанционном формате посредством гугл-форм. В пилотажном исследовании приняли участие лица в возрасте от 21 до 45 лет. Испытуемые были разделены на две группы, которые в свою очередь, были разделены на подгруппы (по результатам методик). Условно мы назвали группы А и Б. В группу А вошли испытуемые, которые подверглись травматизации вследствие военного конфликта (проживают в зоне ведения боевых действий). В свою очередь, группа Б выступает в качестве контрольной, входящие в нее испытуемые не подвергались травматическим событиям военного конфликта. Количество испытуемых в группе А – 30 человек, а в группе Б – 10 человек.

Диагностический инструментарий составили следующие методики:

1. методика «Тест Жизнестойкости», С.Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева;
2. методика определения ведущих копинг-стратегий, Р.С. Лазаруса;
3. методика «Тип и уровень профессиональной самореализации», Е.А. Гавриловой;
4. методика ШОВТС, М.Горовиц, адаптация Н.В.Тарабрина;
5. саморефлексия травматического события (анкета для пострадавших вследствие военного конфликта).

Методику «Тест Жизнестойкости» мы применили с целью определения выраженности компонентов жизнестойкости в двух группах. В широком применении данная методика определяет какие психологические факторы способствуют успешному совладанию со стрессом и снижению (или даже предупреждению) внутреннего напряжения.

Методика определения ведущих копинг-стратегий применена в нашем исследовании с целью определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности у лиц, подвергшихся травматическим событиям военного конфликта и тех, кто не подвергался психотравмирующим событиям.

Методику Е.А.Гавриловой «Тип и уровень профессиональной самореализации» применялся в нашем исследовании с целью прогнозирования успешности профессиональной самореализации личности. В сочетании с остальными методиками, диагностика типа и уровня профессиональной самореализации, дает нам возможность оценить взаимосвязь между выраженностью жизнестойкости и ведущими копингами успешностью (или не успешностью) профессиональной самореализации. Мы преследуем интерес выявить взаимосвязь между выраженностью стресс-преодолевающего поведения и успешностью в профессиональной самореализации.

Методика ШОВТС применялась нами как вспомогательная, прежде всего, для группы людей из числа всех испытуемых, которые оказывались в психотравмирующих ситуациях военного конфликта. Целью применения данной методики выступило выявление значимости произошедшего с человеком, его личное отношение к травматическому событию.

Также, мы применили вспомогательный инструмент – анкету саморефлексии травматического события. Анкета также как и методика ШОВТС была нацелена на

определение значимости травмирующего события конкретной личности. Задачей анкеты являлось выявление эмоциональных переживаний, которые в ответе на вопрос должен был описать испытуемый.

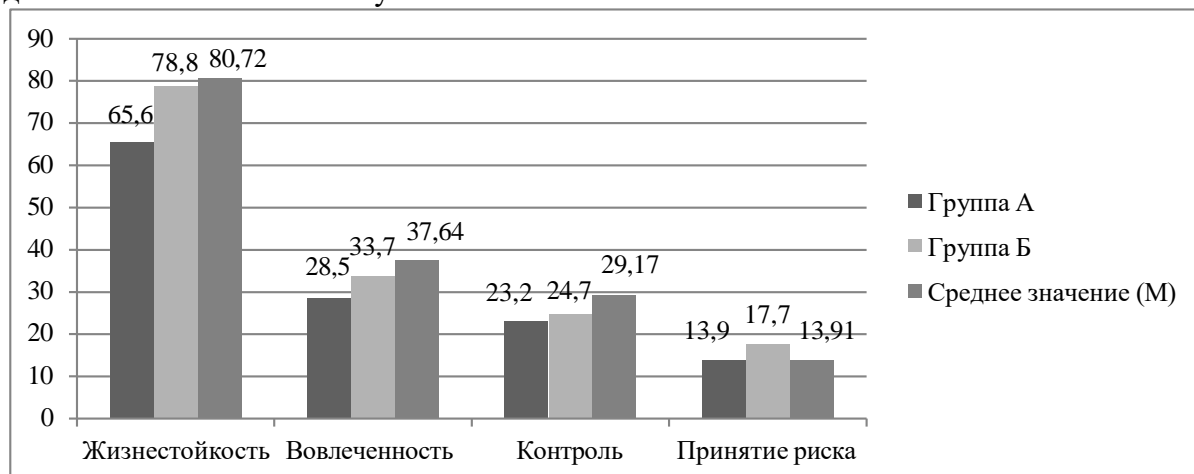

Рисунок 1. Среднегрупповые результаты по методике «Тест Жизнестойкости» в двух группах

По результатам изучения жизнестойкости в двух группах, мы видим, что средние групповые результаты в группе Б выше, чем в группе А. Однако, почти все шкалы в двух группах находятся на среднем уровне. Исключение составил компонент Вовлеченность в группе А. Показатели данной шкалы находятся в диапазоне низких значений среди испытуемых группы А. Это может говорить об ощущении себя вне жизни, а также о неудовлетворенности своей деятельностью. Испытуемые группы А, как бы, чувствует себя отвергнутыми самой жизнью. Такой результат может быть следствием травматизацией вследствие военного конфликта, свидетелями и пассивными участниками которого, по сути, являются испытуемые группы А.

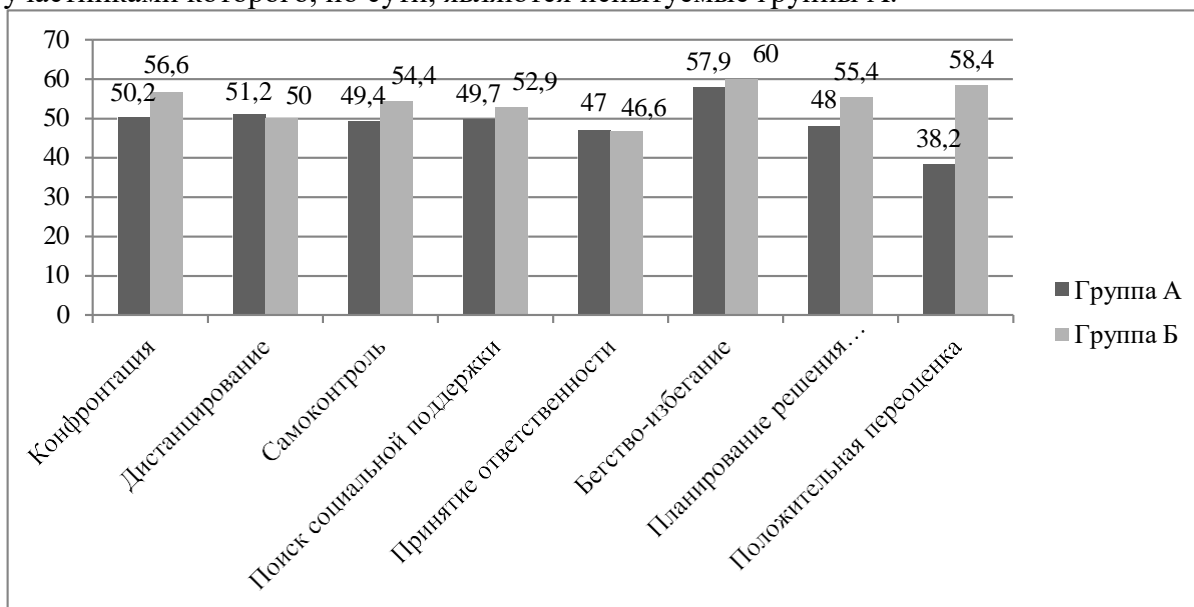

Рисунок 2. Средне групповые результаты в двух группах по методике «Способы совладающего поведения»

Таким образом, мы видим, что наиболее предпочитаемая и чаще применяемая копинг-стратегия в группе А и в группе Б – это бегство-избегание. Это значит, что испытуемые группы А и группы Б склонны реагировать в стрессовых ситуациях путем

отрицания, ухода в иллюзии, отвлечения. В группе Б все остальные копинг-стратегии применяются в зависимости от ситуации, об этом свидетельствуют результаты на среднем уровне. В группе А такой копинг как положительная переоценка является редко используемым. Это говорит о том, что преимущественно, испытуемые группы А «отбрасывают» возможность положительного переосмысления проблемной ситуации, не извлекают ресурс для личностного роста из проблемной ситуации[3].

Исходя из полученных результатов пилотажного исследования, нами был разработан психотерапевтический практико-ориентированный проект, нацеленный, в первую очередь, на профилактику ПТСР.

В качестве основного метода, задействованного в рамках проекта, мы использовали элементы когнитивно-поведенческой психотерапии, а именно терапию принятия и ответственности.

Основная задача терапии – модификация пессимистических и катастрофических оценок и воспоминаний, связанных с психотравмой, с целью преодоления поведенческих и когнитивных паттернов, поддерживающих избегание и препятствующих нормальному повседневному функционированию.

Продолжительность проекта по формированию конструктивных способов реагирования у людей, постоянно проживающих в зоне ведения боевых действий, составила 4 месяца. Была проведена работа с непосредственными участниками нашего исследования. Регулярность встреч – 2 раза в неделю. Проект реализовывался в 4 этапа: организационный, просветительский, основной и заключительный. В свою очередь, основной этап проекта разделен на 4 блока, каждый из которых решает определенную задачу.

В заключительном этапе мы провели повторную диагностику участников проекта и получили некоторые различия в результатах до и после проведения тренинга по формированию конструктивных способов реагирования, что позволило нам сделать вывод об успешности проводимой работы.

Таким образом, мы видим на рисунке 3 динамику изменения копинг-стратегий. Если до тренинга у участников преобладали деструктивные копинги, то по завершению проекта ситуация несколько изменилась в сторону преобладания более конструктивных способов реагирования.

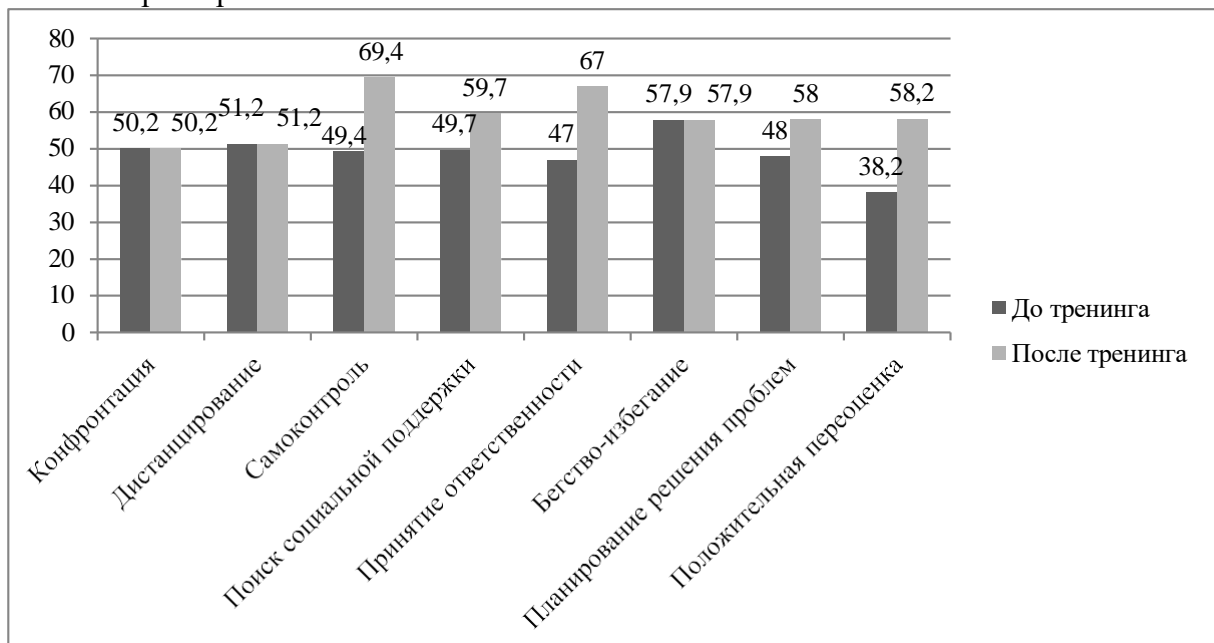

Рисунок 3. Среднегрупповые показатели по методике Р.Лазаруса «Способы совладающего поведения» до и после проведения тренинга

Таким образом, проведенное нами пилотажное исследование позволило получить определенные данные об особенностях стресс-преодолевающего поведения людей, постоянно проживающих в зоне ведения боевых действий. В свою очередь, полученные нами исследовательские результаты дали нам возможность выявить именно те компоненты стресс-преодолевающего поведения, которые несут деструктивное влияние на жизнедеятельность испытуемых. Повторная диагностика показала эффективность тренинговой программы, реализованной в рамках практико-ориентированного психотерапевтического проекта. Мы достигли поставленной цели проекта – сформировали более конструктивные способы реагирования посредством метода когнитивно-поведенческой психотерапии – терапии принятия и ответственности (АСТ). В дальнейшей перспективе, в рамках нашего магистерского исследования, мы более глубоко изучим взаимосвязь компонентов стресс-преодолевающего поведения и типа и уровня профессиональной самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып. 2 / Под ред. М.М. Горбатовой, А.В. Серого, М.С. Яницкого. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. - С. 82-90.
2. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. - 2001. - Т. 22. - № 1. - С. 16-24.
3. Тарабрина, Н.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Н.В. Тарабрина, Н.Е. Харламенкова, М.А. Падун. - Москва: «Институт психологии РАН», 2017. – 344 с.

FEATURES OF THE FORMATION OF CONSTRUCTIVE WAYS OF RESPONDING TO «PASSIVE PARTICIPANTS IN A MILITARY CONFLICT»

Annotation. The article considers the results of an aerobic study of the characteristics of stress-overcoming behavior of people permanently residing in the combat zone, which became a prerequisite for the creation of a training program.

Keywords: resilience, coping strategy, traumatization, acceptance and responsibility therapy.

Glazkina M.N.

Scientific adviser: Yanovskaya L.V., Ph.D. psychol. Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology

Donetsk State University

E-mail: missgetmanskaya@gmail.com

МОРФОЛОГО-ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ»)

Говорущенко Е.С.

Научный руководитель: Могила С. А., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: В данной статье объектом для исследования периодической морфологии стали тексты газеты «Донецк Вечерний». Актуальность состоит в необходимости изучения и описания морфемных единиц периодических изданий Донбасса. Материалом для статьи стали морфемы, отобранные методом сплошной выборки из текстов за период: 26.10.2022 - 23.11.2022 г. При использовании программы частотного анализа текста стало возможным соединять анализ единичного текста с его статистическими характеристиками. Позволило рассматривать текст с другими элементами коммуникативного процесса. При исследовании газет «Донецк Вечерний» выявлены самые частотные части речи.

Ключевые слова: части речи, частотность, лингвистика, частотный анализ, языковая структура.

Вступление. XXI век – эпоха информационных технологий, время безраздельного господства коммуникаций.

Интенсивное развитие новых институтов, заявивших свои права на участие в формировании общества, не могло не сказаться на публицистике. Более того на фоне этих процессов перед публицистикой встала непростая задача – найти подход к читателю в изменившихся экономических, политических, в условиях коммуникации последних лет.

Анализ публицистического текста с точки зрения его включенности в коммуникативный процесс требует концентрации знаний об изучаемом феномене и сфере его существования, а также, способствует расширению существования.

В современном мире, как научная сфера, так и повседневная жизнь людей невообразима без автоматизированных информационных технологий. На протяжении последних десятилетий их значение стремительно растет. В то время как развитие вычислительной техники и средств коммуникации достигло невероятных успехов, достижения в области смысловой обработки информации несколько скромнее. Это объясняется, прежде всего, тем, что необходимо более глубоко изучить процессы человеческого мышления и формирования речи, а также научиться их моделировать с использованием компьютеров.

В настоящее время поиск решения проблем автоматической обработки текстовой информации на естественном языке представляет особый интерес для ученых. Это объясняется тем, что естественный язык является не только инструментом мышления и общения между людьми, но и универсальным средством накопления, хранения, обработки и передачи информации. Применение естественного языка в системах автоматической обработки информации является областью изучения такой науки, как лингвистика.

В данной работе **объектом** для исследования морфологии стали тексты газеты «Донецк Вечерний».

Актуальность исследования состоит в необходимости изучения и описания морфологических единиц периодических изданий Донбасса.

Материалом для исследования стали слова, отобранные методом сплошной выборки из текстов за период: 26.10.2022 - 23.11.2022 г. При использовании программы частотного анализа текста стало возможным соединять анализ единичного текста с его

статистическими характеристиками. Позволило рассматривать текст с другими элементами коммуникативного процесса.

Цель: морфолого-частотный анализ периодических изданий Донбасса.

Основная часть. Для республиканской газеты ведущими оказались маркеры, связанные с работой власти, сельским хозяйством, охраной здоровья, охраной порядка и др. Большая группа маркеров определяет стиль текстов республиканских газет как официальный и книжный. Наряду с темами, отражающими повседневную жизнь города и района, неожиданно на первый план по количеству маркеров выдвинулись темы, связанные с непростой ситуацией в Республике, СВО в Донбассе. В стилистическом отношении газете свойственна разговорность и диалогичность.

Для достижения цели исследования требуется решить следующие **задачи:**

- составить корпус статей газеты «Донецк Вечерний»;
- проанализировать данный корпус с помощью электронного ресурса «Textovod», а именно:

- составить и описать частотные списки морфологических единиц;
- сравнить сочетаемость наиболее частотных морфологических единиц;
- сравнить полученные данные;
- проанализировать то, как морфологические тенденции отражают общественные и государственные явления и реализуют речевое воздействие на читателя.

Теоретическая часть работы определяется описанием методики морфолого-частотного анализа. Практическая часть состоит в том, что на базе корпуса газеты «Донецк Вечерний» были составлены и описаны частотные списки морфологических единиц и дана оценка полученных в результате анализа данных.

Компьютерная лингвистика – это наука, занимающаяся разработкой методов и технологий для обработки естественного языка компьютерами. История развития компьютерной лингвистики началась в 1950-х годах, когда появилась идея использовать компьютеры для автоматического перевода текстов

Морфолого-частотный анализ представляет собой исследование частоты употребления словоформ в языке. Он позволяет лингвистам понять, какие части речи чаще всего используются, что важно для изучения структуры языка и его эволюции.

Морфолого-частотный анализ текста на естественном языке – это метод, сочетающий в себе частотный анализ слов и морфологических единиц с целью изучения лингвистических структур и особенностей текстов.

Морфолого-частотный анализ является мощным инструментом в обработке текстов и позволяет выявить различные лингвистические закономерности, что находит применение в различных областях, от лингвистики до технологий обработки естественного языка.

Частотный словарь – это инструмент, который используется для определения частоты употребления слов в языке. Частотный словарь содержит список слов, упорядоченных по частоте их использования в тексте. Он может быть полезен для разнообразных задач: изучение языка, лингвистических исследований, анализа текста и т.д.

Частотный словарь может быть создан вручную или с помощью компьютерных технологий. Для создания частотного словаря вручную необходимо проанализировать текст и посчитать количество употреблений каждого слова.

Применение статистических методов в лингвистике требует использовать такое понятие, как словоупотребление. Под словоупотреблением понимается любой «графически подозрительный» на слово набор букв между разделителями (пробелами, знаками препинания). Естественно, одно слово (в разных формах) может использоваться в тексте несколько раз. При этом каждый раз это будет рассматриваться как новое словоупотребление. По этой причине количество словоупотреблений в тексте – это

количество встреченных наборов символов, которые понимаются как слова при просмотре текста [5].

Самый первый частотный словарь русского языка был опубликован в 1953 году и состоял из 1700 слов. В научной школе в Таллине в 1963 году был издан первый в Советском Союзе частотный словарь русского языка, включающий в себя 2500 слов. Такое небольшое количество слов (1700 и 2500) в словарях объясняется тем, что все вычисления проводились лингвистами вручную. Использование ЭВМ для создания списка слов по частоте их употребления для русского языка произошло в 1977 году. Так был составлен частотный словарь Л.Н. Засориной, содержащий 40000 слов, однако, при создании этого словаря обрабатывались в основном тексты, связанные с атрибутикой советской власти, и по этой причине в него входило очень мало слов, используемых в настоящее время. Так начинает свое формирование научное направление, занимающееся составлением списков слов по частоте их употребления с использованием компьютерных технологий [5].

Объектом особого внимания методология лингвистических исследований стала сравнительно недавно: только с 1990-х годов стали появляться первые пособия по методам лингвистических исследований

Как свидетельствуют многие исследователи, одной из проблем лингвистической методологии является неупорядоченность основных используемых понятий. В энциклопедии «Кругосвет» отмечается, что лингвистические методы не представляют собой единого набора принципов и способов исследования и описания языковых сущностей.

Скорее, это некоторое «меню» взаимодополняющих и/или взаимоисключающих методов, используемых в различных комбинациях и в различных пропорциях в частных лингвистиках и в конкретных лингвистических исследованиях. Более того, этот набор не является постоянным. Непрерывно происходит его обогащение, изменяется также отношение к тем или иным методам: в различные исторические периоды и в различных научных школах один и тот же метод может быть доминирующим в лингвистической практике или же, напротив, научно дискредитированным [1].

Термин *метод* является многозначным: им обозначается аспект исследования, методика, приемы, способы описания и т.д. Естественно, что при таком недифференцированном подходе к определению методов трудно создать сколько-нибудь научную классификацию лингвистических методов. Именно поэтому даже лучшие работы по методологии языкознания ограничиваются описанием более или менее бесспорных методов и располагают их в одном ряду без указания на классификационную иерархию [4].

Поэтому методология лингвистических исследований является традиционным разделом языкознания и представлена почти во всех известных нам учебниках по введению в языкознание и общей лингвистике.

Начинающим исследователям бывает особенно сложно разобраться в методологии науки из-за изобилия терминов, разнообразия их толкований, модификаций и принципов классификации. В итоге – именно методология и методы оказываются определенными в работах наименее грамотно. Научной литературы, посвященной методологии лингвистики, одновременно и много, и мало.

В настоящее время в языкознании используется ряд терминов для называния исследовательских процедур – *методология, метод, способ, принцип, методика, подход, аспект, прием, процедура, операция*. При этом во многих случаях они используются в одинаковом значении, что затрудняет взаимопонимание специалистов и представляет собой терминологическую проблему. Как отмечалось нами, «...наличие нескольких синонимичных терминов вызывает у пользующихся ими специалистов стремление (объяснимое привычкой к тому, что разные слова имеют разные значения) находить

между ними разницу (часто несущественную), что приводит к искажению их содержания. Вместе с тем использование разных терминов вызывает неуверенность в том, что пользующиеся ими специалисты говорят об одном и том же понятии. Это приводит к затруднению взаимопонимания и вызывает бесчисленные споры о терминах» [1].

Следовательно, одной из первых и давно назревших проблем лингвистической методологии является классификация и определение основных понятий, и уточнение используемых терминов.

К числу базовых следует отнести такие понятия лингвистических исследований, как *методология, методика, метод, способ, подход, аспект, прием*.

Современные лексикографические источники предлагают в настоящее время целый ряд определений для термина *методология*.

Известно и понимание термина *методология* как теории научно-познавательной деятельности, направленной на изучение и разработку методов научного познания. «Значение методологии научного познания состоит в том, что она позволяет, во-первых, выяснить подлинную философскую основу научного познания, во-вторых, произвести на этой основе систематизацию всего объема научных знаний, что дает возможность эффективнее овладеть всеми имеющимися знаниями, и, в-третьих, создать условия для разработки новой, еще более эффективной методики дальнейших исследований во всех областях знаний» [1,2].

В то же время в ряде случаев методология понимается как система используемых методов. В энциклопедии «Кругосвет» приводится следующее определение: *методология лингвистики*:

- в узком смысле – сформированный в процессе развития лингвистической науки (и в результате деятельности различных научных школ и направлений) комплекс стандартных приемов и средств (методов и методик) исследования, основанных на правдоподобных предположениях (презумпциях) о природе изучаемого объекта и обеспечивающих достижение поставленной цели.

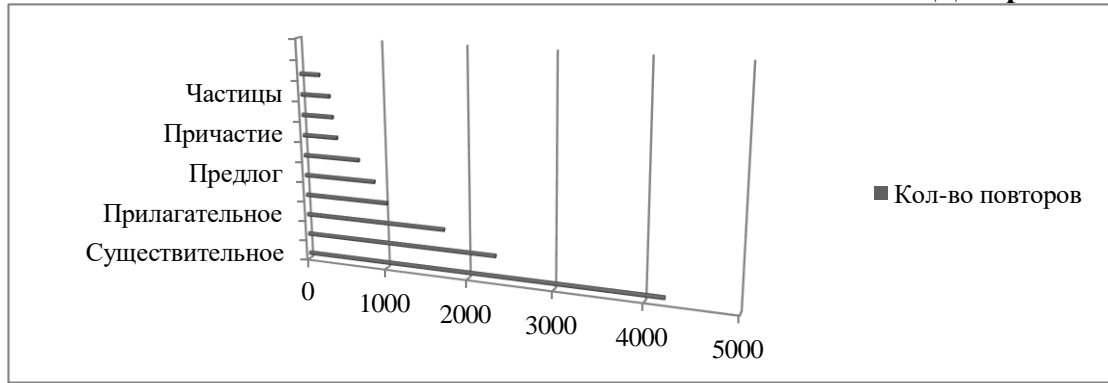
- в широком смысле к методологии любой научной дисциплины относятся не только приемы и средства исследования, но также и то, что называется мета научными убеждениями и ценностями, разделяемыми сообществом людей, занимающихся данной наукой [3].

Исследовательская работа проводилась на материале газеты «Донецк Вечерний».

Первый номер газеты вышел в свет 1 июля 1973 года. На страницах газеты отражены все происходящие события в Республике. Информация органов самоуправления, актуальные проблемы, новости, зарисовки о людях, жизнь в прифронтовых селах, рекламные объявления – вот лишь краткий перечень того, о чем пишет газета сегодня.

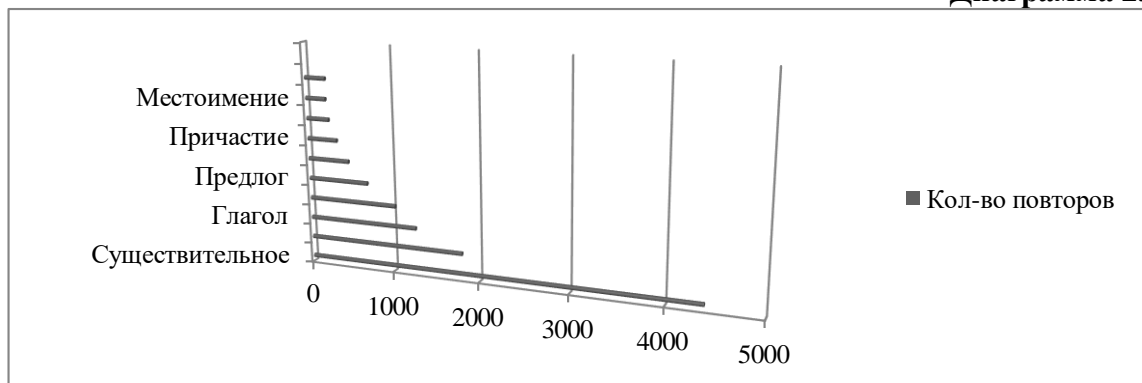
Газета выходит 1 раз в месяц, в четверг, тираж – 20240 тысяч экземпляров. Для исследовательской работы нами взяты 2 газеты: 26.10.2022, 23.11.2022 года. Отсканировав номера газет, перевели изображения документов в программе ABBYY FineReader в редактируемый формат Microsoft Word. Было исследовано и проанализировано 11214 словоформ.

Диаграмма 1.

При исследовании газет от 23.11.2022 «Донецк Вечерний», самыми частотными были такие части речи, как: *существительные, глаголы, прилагательные, числительные.*

Диаграмма 2.

При исследовании газет от 26.10.2022 «Донецк Вечерний», самыми частотными были части речи, такие как: *существительные, прилагательные, глаголы, числительные.*

Использование подсчетов и измерений в лингвистике при изучении языка и речи опирается главным образом на математическую статистику.

Семантический анализ и учет его результатов, в свою очередь, делают продуктивным коммуникативный процесс, поскольку создают для аудитории наиболее благоприятные условия понимания текста.

Именно поэтому программа частотного анализа, способствует пониманию и оптимизации процесса коммуникации.

Таким образом, в результате проведенного исследования морфолого-частотного анализа периодических изданий Донбасса (на материале газеты «Донецк Вечерний») можно сделать следующие выводы:

- исследование позволяет определить, какие морфемы наиболее часто встречаются в текстах периодических изданий. это может свидетельствовать о специфике языка использования в данном жанре;

- частотный анализ выявляет тенденции в использовании определенных лексических единиц. это может свидетельствовать о предпочтениях в выборе слов и тем в периодических изданиях;

- исследование может выявить изменения в языковых структурах, таких как преобладание определенных морфем в разные периоды времени. это полезно для анализа динамики языкового развития;

- частотный анализ позволяет выделить морфологические особенности, характерные для периодических изданий. например, можно выявить типичные словоформы, используемые в заголовках статей;

- анализ изменений в частоте употребления словоформ может указать на влияние определенных событий или тематик на языковую структуру периодических изданий;

- частотный анализ может помочь выявить общие морфологические черты, пересекающие различные жанры периодических изданий.

Эти выводы предоставляют информацию о структуре и динамике языка в периодических изданиях, что может быть полезным для лингвистических, стилистических и культурных исследований.

В целом можно сказать, что все поставленные задачи были выполнены и выяснено, что языковая действительность напрямую влияет на газетные тексты и отражается в материалах издания.

Выводы. Русский язык – наиболее ценная и в то же время наиболее ранимая часть нашей культуры, нашего национального достояния. Русский язык принадлежит к числу наиболее развитых и богатейших языков мира, обладающих древней книжно-письменной традицией.

Отражение нашей жизнедеятельности, тех процессов, которые происходят в нашей стране – это наш язык. История языка тесно связана с историей народа. Из этого следует, что перемены, происходящие в экономической, политической и культурной жизни общества, приводят к изменению его языковых особенностей.

В периодической печати отражается современная действительность, а язык газетных текстов выступает как социальная сила, средство формирования взглядов и управления поведением людей.

Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена необходимостью систематизации сведений о газетном тексте и его анализа с точки зрения лингвистики.

Газеты являются одним из самых массовых средств коммуникации, т.е. общения. Информирование – основная функция газет.

Для лексики газеты характерно употребление большого количества прилагательных и существительных оценочного характера, эмоционально окрашенных слов, междометий, фразеологизмов, метафор, фразеологических оборотов, общественно-политической лексики, терминологических слов и выражений (обязательно с комментариями), разговорной лексики, иноязычных заимствований

В синтаксисе газетных материалов отмечаются простые конструкции, использование диалогов; употребление глаголов настоящего времени в значении прошедшего или будущего.

В газетных статьях часто используется косвенная речь. Там где ее нет, встречаются цитаты, т.е. дословные выдержки из авторской речи, заключенные в кавычки.

Следующая особенность газетной журналистики – это то, что прилагательные и существительные часто объединяются друг с другом для того, чтобы сократить написанное и произвести неожиданный эффект:

Использование разговорной лексики можно объяснить желанием журналистов привлечь внимание, расставить оценочные акценты, выразить свое мнение по поводу произошедших событий. Разговорные слова создают имитацию диалога, беседы, а также помогают создать эффект доверительных отношений между читателем и журналистом.

Заимствованные слова и термины также помогают максимально сжать информацию, чтобы материал был достаточно информативным и в то же время уместился на небольшой площади газеты.

Газетная коммуникация – это особо важный инструмент выражения позиции власти по самым различным вопросам. Статьи в газете становятся не просто источником

актуальной информации, но и «идеологическим оружием» влияния на общественное сознание. В связи с этим язык газет представляет собой центральный компонент политического дискурса. Исследование материалов газеты «Донецк Вечерний» позволило выявить ключевые морфологические особенности общественно-политического языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городецкий Б.Ю. Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Выпуск XII / Б.Ю. Городецкий. – Москва: Радуга, 1983. – 459 с.
2. Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения III (XVII) Международной конференции молодых ученых. – 2016. – 1–12 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В. К вопросу о методах лингвистических исследований / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина. – Москва: Эл. журнал «Вестник МГУ» №№ 2.1, 2.2., 2010. – 59–62 с.
4. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П.П. Каминский. – Москва: Вестник Томского государственного университета, 2007. – 5–13 с.
5. Зубов А.В. ЭВМ анализирует текст / А.В. Зубов, А.А. Лихтарович. – Москва: Народная Асвета, 1989. – 159 с.

MORPHOLOGICAL AND FREQUENCY ANALYSIS OF DONBASS PERIODICALS (BASED ON THE MATERIAL OF THE DONETSK EVENING NEWSPAPER)

Annotation: In this article, the texts of the Donetsk Evening newspaper became the object for the study of periodic morphology. The relevance lies in the need to study and describe morphemic units of Donbass periodicals. The morphemes selected by the continuous sampling method from texts for the period: 10/26/2022 - 11/23/2022 became the material for the article. When using the text frequency analysis program, it became possible to combine the analysis of a single text with its statistical characteristics. It allowed us to consider the text with other elements of the communicative process.

A study of the Donetsk Evening newspapers revealed the most frequent parts of speech.

Keywords: parts of speech, frequency, linguistics, frequency analysis, language structure.

Govorushchenko E. S.

Scientific adviser: Mogila S. A., S.L.

Donetsk State University

E-mail: elisavetagovorushenko@gmail.com

КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА

Головки А.В.

*Научный руководитель: Мозила Н.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье описаны особенности коллаборативного обучения, являющегося альтернативой традиционному образованию; представлены точки зрения зарубежных ученых дефиниции «коллаборация» в контексте педагогической науки; описаны характеристики кооперативной и коллаборативной форм социального взаимодействия; уделено внимание коллаборации как социологического и педагогического феномена.

Ключевые слова: образование, интерактивное обучение, совместное обучение, коллаборативное обучение, кооперативное обучение, взаимодействие, обучение в сотрудничестве, совместная деятельность.

Введение. Несомненно, что улучшение в системе образования необходимы. На смену одним педагогическим технологиям, методам и формам работы приходят другие, более современные.

Актуальность этого исследования определяется растущей частотой использования научного понятия «коллаборация» среди педагогов-исследователей, а также существенными разногласиями среди ученых в отношении определения этого явления.

Цель статьи – определить, к какой основной категории педагогической науки относится феномен коллаборации в обучении: педагогическое взаимодействие, образовательная технология, метод, подход, организационная форма, учебная стратегия и т.д.

Основная часть. В последнее десятилетие интерактивное обучение, которое основывается на взаимообучении (содружестве), приобретает большую популярность и активно используется в высшем образовании. Существует множество видов такого обучения, каждый из которых, обладая определенными характеристиками.

В зарубежной научно-педагогической литературе часто используются термины «кооперативное обучение» и «коллаборативное обучение». Обе технологии имеют свою историю, теоретические и практические базы и привлекают внимание педагогов. Следует отметить, что особенности использования кооперативного обучения частично рассматривались авторов в предыдущих работах, а коллаборативному обучению не уделялось достаточное внимание.

Коллаборацией называют временное сотрудничество людей или компаний, которые хотят достичь совместных целей и получить взаимовыгодный результат. Ряд исследователей используют термин «коллаборация» для объединения понятий «совместная деятельность», «деятельность, выполняемая сообществом», «групповая форма организации взаимодействия», «учебное сотрудничество» [1].

По мнению Г. П. Сеницыной, коллаборация является одним из компонентов учебной стратегии обучения в партнерстве [2]. Н. В. Павельева считает, что коллаборативное обучение следует понимать шире: как педагогический подход, основанный на тесном взаимодействии между участниками образовательного процесса [3]. Еще шире коллаборацию в образовательной среде определяет А. В. Куликов, отмечая, что коллаборация является философией образования, исходной концепцией совместной деятельности, обучения и профессионально-академического взаимодействия [4].

Само слово «коллаборация» пришло из французского языка, в котором collaboration означает то же самое – «сотрудничество». А французское слово восходит к латинскому con laborare, «совместно трудиться».

При этом следует отметить, что в советское время часто встречалось понятие «*коллорационизм*», имеющее крайне негативную коннотацию: так называлось предательское сотрудничество с врагами, а самих предателей именовали «*коллорационистами*». В период Великой Отечественной войны в отношении этого явления использовались термины «*сотрудничество с оккупантами*» или «*пособничество оккупантам*», что квалифицировалось в качестве измены Родине. В число коллаборационистов вошли различные группы советского населения, включая идейных противников советского режима, националистов из советских республик, дезертиров, некоторой части военнопленных, а также представителей мирного населения, которые считали сотрудничество с немцами единственным средством выжить в условиях оккупации или плена. По оценкам ряда зарубежных и российских историков численность советских граждан, в какой-либо мере сотрудничавших с оккупантами в годы войны составляла около 1,5 млн человек. Большая часть российских исследователей даёт оценку от 200 до 800 тысяч человек [5]. В современном педагогическом образовании в понятии «*коллорация*» никаких оценочных смыслов нет.

Термины «*кооперация*», «*коллорация*» и «*сотрудничество*» часто используются как синонимы как в российских, так и в зарубежных исследованиях. Однако, П. Дилленбург проводит фундаментальное различие между этими понятиями, утверждая, что сотрудничество предполагает распределение сил и ресурсов для достижения общей цели, в то время как коллорация подразумевает объединение усилий и ресурсов для совместного решения задачи [6]. В таблице 1 представлены отличительные особенности коллорации и кооперации как специфической формы сотрудничества.

Таблица 1

Характеристики кооперативной и коллоративной форм социального взаимодействия

	<i>Кооперативное социальное взаимодействие</i>	<i>Коллоративное социальное взаимодействие</i>
<i>Определение</i>	Форма социального взаимодействия, при которой участники сотрудничают для достижения общей цели или решения проблемы.	Процесс совместного создания ценности или решения проблем посредством сотрудничества и интеграции ресурсов.
<i>Цель</i>	Кооперация направлена на достижение общих целей или решение общих проблем.	Коллорация ориентирована на создание новых ценностей или решений, которые могут быть полезны для всех участников процесса.
<i>Участники</i>	Кооперативные взаимодействия обычно включают в себя небольшое число участников, связанных общими целями или проблемами.	Коллорации могут включать большое количество участников, каждый из которых вносит свой вклад в общее дело.
<i>Структура</i>	В кооперативном взаимодействии каждый участник играет свою роль, и его действия направлены на достижение общей цели.	В коллоративном взаимодействии участники работают вместе в команде для достижения общего результата, где каждый имеет свою роль и вносит свой вклад.
<i>Коммуникация</i>	В кооперативных взаимодействиях коммуникация между участниками обычно более формальна и структурирована.	В коллорациях коммуникация более открыта и неформальна, что позволяет участникам быстро обмениваться идеями и информацией.
<i>Ответственность</i>	В кооперации каждый участник несет ответственность за свой вклад и выполнение своей роли.	В коллорации участники несут коллективную ответственность за достижение общей цели и качество результата.
<i>Результаты</i>	Кооперативное взаимодействие может привести к созданию новых идей, решений и возможностей для участников.	Коллоративное взаимодействие приводит к созданию новых продуктов, услуг или технологий, которые представляют ценность для всех участников.

Как видно из таблицы 1, коллаборация в системе социального взаимодействия является особой формой сотрудничества. Данная форма отличается от кооперации как наиболее близкого понятия рядом обозначенных в таблице особенностей.

Педагогическое взаимодействие обычно рассматривается учеными как часть социального взаимодействия, а формы сотрудничества и конкуренции часто пересекаются. Однако, чтобы перенести феномен коллаборации в сферу педагогического взаимодействия, необходимо использовать анализ научной литературы для сравнения характеристик социального и образовательного сотрудничества в целях поиска возможной позитивной корреляции.

Анализ зарубежных источников показывает, что особенности коллаборативного обучения начало широко освещаются в педагогических работах, начиная с конца 1980-х годов.

Прежде всего, как отмечает Д. Джонсон, учебная коллаборация основана на исходных положениях о том, что:

- а) знания конструируются и трансформируются самими обучающимися;
- б) образовательный процесс есть не воздействие педагога, а субъект-субъектное и субъект-объектное активное целенаправленное взаимодействие всех участников;
- в) вышеперечисленное возможно только в рамках учебного сотрудничества как ведущей формы взаимодействия в образовательном процессе [7].

Проведем результаты сравнительного анализа характеристик образовательной коллаборации и сотрудничества как формы социального взаимодействия (см. табл.2). Принимая во внимание наличие связи в описаниях этих двух явлений, мы считаем, что образовательную коллаборацию можно отнести к формам педагогического сотрудничества.

Таблица 2

Сравнение характеристик коллаборации как социологического и педагогического феномена

	<i>Коллаборация как форма социального сотрудничества</i>	<i>Учебная коллаборация</i>
<i>Определение</i>	Процесс сотрудничества между индивидами или группами для достижения общих целей или решения проблем.	Процесс взаимодействия между субъектами образовательного процесса для достижения образовательных целей и задач.
<i>Цель</i>	В социальном контексте основной целью коллаборации является создание новых возможностей, решение проблем, развитие и улучшение качества жизни членов общества.	В педагогическом контексте целью коллаборации является создание условий для эффективного обучения, развитие навыков и компетенций учащихся, повышение качества образовательного процесса.
<i>Участники</i>	Участниками коллаборации в социальном контексте могут быть любые индивиды или группы, объединенные общими интересами, целями или задачами.	В образовательном процессе участниками коллаборации являются учителя, ученики, родители, а также другие субъекты, вовлеченные в образовательный процесс (например, социальные партнеры, волонтеры, специалисты из других областей).
<i>Структура</i>	В социальной коллаборации структура взаимодействия может быть различной в зависимости от целей и участников. Это может быть сотрудничество между организациями, группами, сообществами и отдельными индивидами.	В образовательном контексте структура коллаборации определяется целями и задачами образовательного процесса. Она может включать в себя различные формы взаимодействия между учителем и учеником, между учениками, между учителями, между родителями и учащимися и т.д.

<i>Коммуникация</i>	В социальной коллаборации коммуникация может быть разной в зависимости от контекста и участников. Она может быть формальной или неформальной, вербальной или невербальной, прямой или опосредованной.	В образовательной коллаборации коммуникации играют важную роль. Они могут быть формальными (например, через образовательные платформы, электронные журналы) и неформальными (через личные встречи, беседы).
<i>Результаты</i>	В социальном сотрудничестве коллаборация может приводить к созданию новых возможностей, решению проблем, развитию и улучшению качества жизни индивидов и групп.	В образовательном коллаборационном процессе результаты могут быть различными, включая повышение качества обучения, формирование навыков и компетенций у учащихся, улучшение взаимодействия между участниками образовательного процесса и т.д.

Учитывая наличие взаимосвязи в описаниях двух рассматриваемых явлений, считаем целесообразным относить учебную коллаборацию к формам педагогического сотрудничества. Инструменты коллаборативного обучения могут варьироваться в зависимости от контекста и целей обучения.

А.В. Куликов в своих исследованиях акцентирует внимание на том, что дистанционная форма обучения включает некоторые популярные инструменты для коллаборативного обучения, а именно:

1. Google Документы: Для совместного редактирования текстовых документов, презентаций и таблиц.
2. Slack: Для обмена сообщениями и организации командных проектов.
3. Microsoft Teams: Платформа для виртуальных команд и коммуникации.
4. Trello: Для управления проектами и задачами в реальном времени.
5. Zoom или Microsoft Teams (для видеоконференций): Для проведения вебинаров, онлайн-уроков и групповых обсуждений.
6. Miro: Для визуализации и совместной работы над диаграммами, мозговыми картами и другими графическими элементами.
7. Google Jamboard: Для обсуждения и создания идей при помощи цифрового белого доски [4].

Эти инструменты помогают эффективно сотрудничать, делиться информацией и создавать новые материалы в режиме реального времени.

В связи с недостаточной исследованностью данного педагогического явления, отсутствием конкретных методик и примеров практической реализации коллаборативного взаимодействия, мы видим потенциал для дальнейшего изучения учебного сотрудничества в создании и проверке технологии коллаборативного обучения в рамках традиционного (очного) и дистанционного форматов организации учебного процесса.

Заключение. Использование кооперативного и коллаборативного обучения реализует идею сотрудничества обучающихся, учит конструктивному взаимодействию, способствует улучшению психологического климата в аудитории, создает доброжелательную атмосферу и значительно повышает мотивацию к изучению лингвистических и прикладных дисциплин, способствует формированию коммуникативной компетенции.

Таким образом, по сравнению с групповой работой, внедрение форм и методов технологий кооперативного и коллаборативного обучения является более выгодными, которые способствуют развитию в обучающихся познавательной и самостоятельной деятельности в образовательном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Незнанов А.А. Коллаборативные технологии в образовании: как выстроить эффективную поддержку гибридного обучения? // Университетское управление: практика и анализ. – 2019. – Т. 23. – № 1-2. – С. 101-110.
2. Сеницына Г.П. Стратегия обучения в партнёрстве: коллаборативное обучение // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 2(36). – С. 78-82.
3. Павельева Н.В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса // Образование. Карьера. Общество. – 2010. – № 3(29). – С. 30-37.
4. Куликов А.В. Системы дистанционного коллаборативного обучения и некоторые аспекты технологии их разработки // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – Vedecko vydavatelске centrum Sociosfera-CZ sro, – 2012. – № 8. – С. 105-107.
5. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] — URL: <https://bigenc.ru/>
6. Dillenbourg, P., Baker, M., Blaye, A. & O'malley, C. The evolution of research on collaborative learning. // E. Spada & P. Reiman (Eds) Learning in Humans and Machine: Towards an interdisciplinary learning science. – 1996. – pp. 189-211.
7. Johnson D.W. et al. Impact of group processing on achievement in cooperative groups // The Journal of Social Psychology. – 1990. – Т. 130. – № 4. – p. 507-516.

**COOPERATIVE TECHNOLOGIES AND COLLABORATION AS NEW FORMS OF
COOPERATION IN LEXICOLOGY TRAINING**

Annotation. The article describes the features of collaborative learning, which is an alternative to traditional education; the points of view of foreign scientists of the definition of "collaboration" in the context of pedagogical science are presented; the characteristics of cooperative and collaborative forms of social interaction are described; attention is paid to collaboration as a sociological and pedagogical phenomenon.

Keywords: education, interactive learning, collaborative learning, collaborative learning, cooperative learning, interaction, collaborative learning, joint activities.

Golovko A.V.

Scientific supervisor: Mogila N.N. Senior Lecturer

Donetsk State University

E-mail: na.stya2001@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Гриненко А.Д.

*Научный руководитель: Гордеева А.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию учебной мотивации и учебного стресса студентов, обучающихся онлайн. Дистанционный формат обучения получил большое распространение за последние годы, однако его влияние на психологию студентов остается малоизученным. С помощью комплекса психодиагностических методик выделены и описаны ведущие мотивы учебной деятельности, причины и проявления учебного стресса, устойчивость студентов к определенным группам стрессоров. Описаны обнаруженные с помощью корреляционного анализа взаимосвязи между мотивацией и устойчивостью к стрессогенным факторам. Предоставленные результаты могут быть использованы для выработки рекомендаций в целях повышения учебной мотивации, а также для разработки методов совладения со стрессом у студентов, обучающихся дистанционно.

Ключевые слова: дистанционное обучение, учебная мотивация, стресс, стрессоры, стрессоустойчивость.

В связи с распространением коронавирусной инфекции система образования во всем мире претерпела существенные изменения: в связи с пандемией COVID-19 в вузах и других учебных учреждениях был осуществлен вынужденный переход на дистанционный формат обучения. И, хотя, в большей части территории Российской Федерации и в мире в целом необходимости в таких мерах уже нет, онлайн-обучение становится все более распространенным и важным элементом образовательной среды, многие вузы предлагают смешанный или полностью дистанционный формат учебы. В это же время учебные учреждения г. Донецка до сих пор вынуждены соблюдать данный режим ввиду продолжающихся боевых действий. Такая форма обучения предоставляет студентам возможности для осуществления учебной деятельности вне зависимости от местоположения и обстоятельств. Однако вместе с преимуществами возникают и вызовы, среди множества которых можно выделить поддержание высокой учебной мотивации и стрессоустойчивости студентов.

Изучение мотивационной сферы является одним из самых актуальных и перспективных направлений современной психологии. Мотивация является неотъемлемой частью личности и играет важную роль в любой деятельности и на протяжении всей жизни человека. Мотивы являются движущей силой, одним из главных компонентов психологической структуры деятельности. По А. Г. Маклакову, мотив можно охарактеризовать как побуждение к какой-либо деятельности, направленное на удовлетворение потребностей индивида. Мотивацию же он характеризует как «совокупность побуждений к деятельности...» [1, с. 472].

Мотивация учебной деятельности может быть рассмотрена как подструктура мотивационной сферы личности, как процесс, запускающий, направляющий и поддерживающий действия, с помощью которых осуществляется учебная деятельность. Согласно Т. О. Гордеевой, мотивация учебной деятельности является сложной динамической системой, которая включает в себя определенную иерархию внутренних и внешних мотивов, учебные намерения и цели, способы и особенности реагирования на неудачи и трудности, которые могут возникнуть в образовательном процессе, представления и ожидания, которые касаются оценки собственных успехов, достижений, потенциала и неудач [2, 3]. По мнению А. К. Марковой, мотивация учебной деятельности складывается из множества изменяющихся и взаимодействующих друг с другом сторон, таких как смысл обучения для учащегося, его цели, интересы, мотивы, потребности,

цели, общественные идеалы. Учебная мотивация представляет собой усложненные структуры и образования мотивационной сферы, содержащихся в ней побуждений и отношений между этими побуждениями [4].

Стресс в самом общем виде можно охарактеризовать как состояние напряжения, совокупность реакций организма в ответ на воздействие стрессоров. Отдельно выделяется категория психологического (эмоционального) стресса, которая интерпретируется не только как реакция, но и как процесс, в котором требования среды рассматриваются личностью, исходя из ее ресурсов и вероятности разрешения возникающей проблемной ситуации, что определяет индивидуальные различия в реакции на стрессовую ситуацию [5].

Стрессогенные факторы (стрессоры) – это неблагоприятные внешние воздействия, вызывающие стрессовые состояния. Стрессоры отличаются своей многочисленностью и чрезвычайной разнообразностью. Способность человека выдерживать и противостоять стрессовым состояниям называется стрессоустойчивостью.

Одной из разновидностей стресса является учебный стресс. Учебная деятельность студентов – это один из наиболее эмоционально и интеллектуально напряженных видов деятельности. Диапазон факторов, ведущих к возникновению учебного стресса, очень широк. Учебный стресс зачастую отождествляют с экзаменационным, который является наиболее резко выраженной формой учебного стресса. Подготовка к экзаменам и сессионный период сопряжены с немалочисленными неблагоприятными воздействиями. В целом, учебный и экзаменационный стрессы негативно влияют на нервную, иммунную и сердечнососудистую системы учащихся и представляют собой серьезную угрозу здоровью студентов [5, 6].

В быстроизменяющемся мире люди часто ощущают на себе влияние всевозможных стрессоров, поэтому исследования стресса, стрессогенных факторов, устойчивости к ним и различных копинг-стратегий являются крайне актуальными. Дистанционное обучение также несет в себе особую стрессовую нагрузку, например, изоляцию студентов, отсутствие достаточных социальных контактов, должной поддержки и общения в целом, а также порождающую значительные неудобства неготовность образовательной сферы к онлайн обучению. Однако взаимосвязи онлайн-обучения и стрессоустойчивости до сих пор остаются малоизученными.

В последнее время набирают популярность изучение учебного стресса [6], мотивации студентов в условиях дистанционного обучения [7, 8], взаимосвязи мотивации и стрессоустойчивости [9], а также исследования дистанционного обучения как определенного стрессора [10, 11].

Актуальность данного исследования обусловлена получившим распространение дистанционным форматом обучения, в условиях которого студенты сталкиваются с уникальными вызовами, влияющими на мотивацию учебной деятельности и на устойчивость к стрессу.

Цель исследования: раскрытие ведущих аспектов учебной мотивации и стрессоустойчивости студентов, проходящих обучение онлайн; установление взаимосвязей между мотивацией и устойчивостью к стрессорам. Основной задачей данной работы было посредством разработки и апробации комплекса психодиагностических методик исследовать мотивацию учебной деятельности и стрессоустойчивость студентов на дистанционном обучении.

Объект исследования – мотивационная сфера личности и психологический стресс. Предмет исследования – мотивация учебной деятельности и стрессоустойчивость студентов, проходящих обучение в дистанционном формате.

Исследование проводилось в период с ноября 2023 г. по февраль 2024 г. на базе учебной лаборатории кафедры психологии ФГБОУ ВО «ДонГУ».

Были использованы следующие методики: «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной, «Шкалы академической мотивации» (ШАМ) Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина; «Тест на учебный стресс» Ю. В. Щербатых и «Опросник психологической устойчивости к стрессу» (ОПУС) Е. В. Распопина. Для статистической обработки и анализа полученных результатов применялись описательная статистика и, ввиду отсутствия нормального распределения данных, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборкой исследования стали 50 студентов в возрасте от 17 до 49 лет, обучающихся дистанционно. Большинство выборки составили студенты от 17 до 19 лет (70%). В исследовании приняли участие 8 мужчин (16%) и 42 женщины (84%). Самая многочисленная группа – студенты второго курса: 36 человек, что составляет 72% выборки. По направлению обучения основой выборки являются студенты-психологи: 44 человека (88%).

Результаты показали, что ведущим мотивом учебной деятельности студентов является приобретение знаний. Кроме того, менее половины респондентов (46%) имеют адекватную мотивацию обучения в вузе, а именно, получение знаний и овладение профессией. Оставшиеся 54% студентов обладают неадекватной мотивацией обучения: одним из ведущих мотивов является получение диплома.

В структуре учебной мотивации студентов ведущими оказались следующие: мотивация саморазвития (средний балл – 14,9), мотивация познания (средний балл – 14,7) и мотивация достижения (средний балл – 13,6). Шкала саморазвития диагностирует выраженность стремления к развитию своих способностей и потенциала в контексте обучения, к достижению компетентности и мастерства по выбранному направлению. Познавательная учебная мотивация может быть охарактеризована как стремление к узнаванию нового, пониманию изучаемых предметов; такая мотивация связана с переживанием удовольствия и интереса в процессе познания. Мотивация достижения в структуре учебной мотивации – это стремление к получению максимально высоких результатов в процессе обучения, наслаждение от решения и преодоления сложных задач.

Исследование учебного стресса позволило выявить, что студенты наиболее влияющими на возникновение общего стресса проблемами считают: большую учебную нагрузку (8 баллов), страх перед будущим (5,7 балла), строгих преподавателей, неумение правильно организовывать свой режим дня и излишне серьезное отношение к учебе (по 5,6 балла).

Практически половина респондентов (48%) заявила, что их уровень постоянного стресса значительно увеличился с начала учебного года. Незначительно возрос он у 11 студентов (22%), не изменился у восьми (16%), незначительно уменьшился у четверых (8%), значительно уменьшился у троих (6%).

Было установлено, что учебный стресс сильнее всего выражается в следующем: спешке, ощущении постоянной нехватки времени (7,4 балла); страхе, тревоге (6,5 балла); повышенной отвлекаемости, плохой концентрации внимания (6,4 балла); низкой работоспособности, повышенной утомляемости (6,1 балла); невозможности избавиться от посторонних мыслей (5,6 балла).

Средний показатель экзаменационного волнения составляет 7,5 балла (при норме в $6,0 \pm 0,35$ балла), что позволяет сделать вывод о чрезмерной и завышенной тревожности перед экзаменами.

Результаты позволяют сделать вывод, что студенты не осведомлены в достаточной мере о методах совладения с предэкзаменационным стрессом, однако некоторая часть исследуемых (20%) использует дыхательные практики.

В исследовании устойчивости к определенным группам стрессоров не было выявлено ни одного фактора, к которому у студентов была бы высокая

стрессоустойчивость. Уровень общей стрессоустойчивости по выборке – низкий (2 станайна), не было обнаружено ни одного студента с высоким уровнем стрессоустойчивости. Из 13 шкал лишь пять отвечают среднему уровню стрессоустойчивости: шкала «Изоляция» (6 станайнов), отражающая устойчивость к ситуациям межличностной изоляции, дефицита или отсутствия социальных контактов; шкала «Негативная социальная оценка» (4 станайна), характеризующая устойчивость по отношению к эмоционально насыщенным, конфликтогенным ситуациям межличностного взаимодействия; шкала «Неопределенность» (4 станайна), отражающая устойчивость к ситуациям неопределенности, неизвестности, дефицита личностно значимой информации; шкала «Монотонность» (4 станайна), отражающая устойчивость к однообразным, однотипным, монотонным условиям деятельности; шкала «Неожиданность стрессора» (4 станайна), характеризующая устойчивость к неожиданным, непредсказуемым событиям, нарушающим процесс планирования и осуществления какой-либо деятельности.

Для специфики исследования важным оказался тот факт, что единственная шкала, набравшая значительное количество баллов – это шкала устойчивости к изоляции. Это открытие является весьма значимым, так как подобные результаты позволяют сделать предположение, что устойчивость к изоляции, одиночеству и нехватке социальных контактов в целом выработалась у студентов в частности благодаря дистанционному формату обучения.

По результатам корреляционного анализа выделились следующие статистически значимые прямые взаимосвязи между мотивацией и стрессоустойчивостью:

1) между познавательной мотивацией и устойчивостью к таким стрессогенным факторам, как повседневные стрессоры ($r_s=0,39$, $p\leq 0,01$) и длительность стрессора ($r_s=0,28$, $p\leq 0,05$). Полученные результаты подтверждаются наличием связей между данными по другой методике и стрессоустойчивостью: между мотивацией к приобретению знаний и устойчивостью к повседневным стрессорам ($r_s=0,29$, $p\leq 0,05$), а также устойчивостью к длительности стрессоров ($r_s=0,2$, $p\leq 0,05$). Таким образом, можно сделать вывод, что чем выше у студентов выражена мотивация познания, тем лучше у них проявляется устойчивость к сложностям и ограничениям, возникающим в повседневных жизненных ситуациях, а также устойчивость к ситуациям, стрессогенность которых определяется и усиливается продолжительным, повторяющимся либо хроническим характером стресса;

2) между мотивацией достижения и устойчивостью к длительности стрессоров ($r_s=0,37$, $p\leq 0,01$), что позволяет предположить, что студенты с высокой мотивацией достижения склонны быть более устойчивыми к хроническим, длительным либо повторяющимся стрессогенным факторам;

3) между мотивацией к приобретению знаний и устойчивостью к негативной социальной оценке ($r_s=0,2$, $p\leq 0,05$): студенты с выраженной мотивацией познания склонны легче совладать с межличностными конфликтами, негативными эмоционально насыщенными ситуациями взаимодействия с окружающими;

4) между стремлением овладеть профессией и устойчивостью к повседневным стрессорам ($r_s=0,38$, $p\leq 0,01$);

Также были обнаружены следующие обратные взаимосвязи:

1) между мотивацией самоуважения и устойчивостью к таким стрессорам, как негативная социальная оценка ($r_s=-0,31$, $p\leq 0,05$) и негативная самооценка ($r_s=-0,39$, $p\leq 0,01$). Студенты, желающие самоутвердиться и повысить самооценку за счет успехов в учебной деятельности, склонны к стрессогенной неудовлетворенности собой и не проявляют устойчивости в конфликтогенных ситуациях общения;

2) между интроецированной мотивацией и общей стрессоустойчивостью ($r_s=-0,43$, $p\leq 0,01$), а также устойчивостью к следующим стрессогенным факторам: негативной

самооценке ($r_s=-0,49$, $p\leq 0,01$), неопределенности ($r_s=-0,62$, $p\leq 0,01$), информационным перегрузкам ($r_s = -0,31$, $p\leq 0,05$), ситуациям конкретной угрозы ($r_s=-0,29$, $p\leq 0,05$) и длительности стрессоров ($r_s=-0,3$, $p\leq 0,05$). Побуждение к учебной деятельности, вызванное ощущением чувства долга или стыда связано с низкой стрессоустойчивостью;

3) между экстернальной мотивацией и общей стрессоустойчивостью ($r_s=-0,43$, $p\leq 0,01$), а также устойчивостью к следующим стрессорам: негативной социальной оценке ($r_s=-0,28$, $p\leq 0,05$), негативной самооценке ($r_s=-0,29$, $p\leq 0,05$), неопределенности ($r_s=-0,46$, $p\leq 0,01$), информационным перегрузкам ($r_s=-0,28$, $p\leq 0,05$) и физическим перегрузкам ($r_s=-0,29$, $p\leq 0,05$). Стремление учиться, спровоцированное нуждой следовать требованиям социума также связано с низкой стрессоустойчивостью;

4) между мотивацией к приобретению знаний и устойчивостью к монотонности ($r_s=-0,33$, $p\leq 0,05$).

Таким образом, было выявлено, что почти половина респондентов имеет адекватную мотивацию обучения в вузе (получение знаний и овладение профессией), а в структуре учебной мотивации ведущими являются мотивации саморазвития, познания и достижения.

Наиболее влиятельные стрессоры в учебной деятельности: чрезмерная учебная нагрузка, страх перед будущим, строгие преподавателей, неумение организовывать режим дня и излишне серьезное отношение к учебе. Уровень постоянного стресса значительно увеличился с начала текущего учебного года у половины исследуемых. Учебный стресс ярче всего проявляется в спешке, ощущении постоянной нехватки времени; страхе и тревожности; повышенной отвлекаемости, плохой концентрации внимания; низкой работоспособности, повышенной утомляемости; невозможности избавиться от посторонних мыслей. Студенты страдают от сильного волнения перед экзаменами и слишком слабо осведомлены о методах совладения со стрессом и их эффективности.

В контексте общей стрессоустойчивости у студентов обнаружилась удовлетворительная устойчивость к таким стрессорам, как: межличностная изоляция, дефицит или отсутствие социальных контактов; эмоционально насыщенные, конфликтогенные ситуации межличностного взаимодействия; ситуации неопределенности, неизвестности, дефицита лично значимой информации; однообразные, монотонные условия деятельности; неожиданные, непредсказуемые события. Можно предположить, что устойчивость к одиночеству и изоляции выработалась у студентов именно благодаря продолжительному обучению в формате онлайн.

Между мотивацией и стрессоустойчивостью студентов были выявлены как прямые, так и обратные статистически значимые взаимосвязи. В целом, адекватная учебная мотивация связана с большей стрессоустойчивостью, в то время как дисфункциональные мотивы учебной деятельности коррелируют с низкой устойчивостью к стрессорам.

Результаты исследования раскрывают «слабые места» в учебной мотивации и стрессоустойчивости студентов, обучающихся онлайн. Полученные данные могут быть использованы для выработки рекомендаций и стратегий на повышение адекватной мотивации учебной деятельности, методов совладения со стрессом, направленных на возрастание общей эффективности обучения в дистанционном формате. Можно предположить, что слабая стрессоустойчивость является большой проблемой для современных студентов; недостаточная резистентность к стрессорам значительно ухудшает качество жизни и снижает академические успехи, и поэтому нуждается в основательной проработке. Проблема взаимосвязи мотивации и стрессоустойчивости студентов на онлайн-обучении нуждается в дальнейшей разработке и новых исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклаков А. Г. Общая психология. / А. Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
2. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения / Т.О. Гордеева. – М.: Смысл, 2006. – 336 с.
3. Гордеева Т. О. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) / Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин. // Психологические исследования. – 2012. – № 24. – С. 4.
4. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – Акционерное общество «Издательство «Просвещение», 1990. – 192 с.
5. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции / Ю. В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.
6. Захаренко Т. А. Учебный стресс: причины и проявления / Т. А. Захаренко, Е. И. Кулько // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы VI международной научно-практической конференции. – 2017. – № 28. – С. 480-484.
7. Кононыхина О. В. Мотивация студентов при дистанционном обучении / О. В. Кононыхина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №. 2-1. – С. 107-111.
8. Коркмазов А. В. Особенности формирования мотивации студентов при дистанционном режиме обучения / А. В. Коркмазов, А. А. Рашидханова, Б. С. Мальсагов // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №. 71-4. – С. 155-158.
9. Церковский А. Л. Стрессоустойчивость студентов и мотивация достижения / А. Л. Церковский // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2012. – № 11. – №. 4. – С. 107-111.
10. Дистанционное обучение как стресс-вызов/препятствие для студентов / О. В. Булатова [и др.] // Информационное общество. – 2023. – №. 4. – С. 32-42.
11. Тапунов Ю. Н., Осипова А. С. Феномен стресса в дистанционном формате обучения: генезис проблемы подходы к коррекции / Ю. Н. Тапунов, А. С. Осипова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №. 68-3. – С. 283-286.

FEATURES OF ACADEMIC MOTIVATION AND STRESS RESILIENCE OF STUDENTS IN DISTANCE LEARNING

Annotation. This article is dedicated to studying the academic motivation and academic stress of students engaged in online learning. Distance learning has become widely popular in recent years, yet its impact on students' psychology remains understudied. Through a set of psychodiagnostic assessments, the leading motives for academic activities, the reasons and manifestations of academic stress, and students' resilience to specific stressors have been identified and described. Correlation analysis has revealed relationships between motivation and resilience to stressors. The provided results can be utilized to develop recommendations for enhancing academic motivation and designing coping methods for students engaged in distance learning.

Keywords: distance learning, academic motivation, stress, stressors, stress resilience.

Grynenko A.D.

Scientific adviser: Gordeeva A.V. Ph. D., associate professor.

Donetsk State University

E-mail: a.d.grynenko@gmail.com

АНТИУТОПИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ Е.И. ЗАМЯТИНА: ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМ КОНТРОЛЯ, СЛЕЖКИ И КОНФОРМИЗМА В РОМАНЕ «МЫ»

Демиденко П.С.

*Научный руководитель: Белоконь С.А., канд. фил. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе исследуются темы контроля, слежки и конформизма в романе-антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Основное внимание в статье обращено к вопросам ограничения свободы личности, подавления человеческого начала и деформации морали в идеальной системе управления Единого Государства. Подавление личности происходит путем строгого контроля над каждым членом общества и слежке со стороны правительства. Конформизм же играет определяющую роль, поскольку жители этого общества лишены индивидуальности и вынуждены следовать установленным правилам и нормам.

Ключевые слова: антиутопия, тоталитаризм, тема контроля, тема слежки, конформизм.

Роман Е.И. Замятина «Мы» представляет собой своеобразный пример романного мышления. В «Мы» центральным героем фактически является сознание – сознание персонажа Д-503, добросовестно ведущего свои почти ежедневные записи. Е.И. Замятин описал тоталитарное государство, превратившееся в механизм, существующий только для поддержания своей работы. Государство доведено до абсурда идеей коллективизма и тейлоризма – теорией управления, целью которой было повышение производительности труда. В описанной системе стабильность и математически безошибочное счастье обеспечивается безграничной государственной властью, доносами, казнями вольнодумцев и операциями, лишаящими людей фантазий. Автор показал новый для читателя мир глазами живущего в нем человека, демонстрируя не только образ жизни, но и образ мыслей людей, населяющих Единое Государство.

Основной способ подавления личности, создания единой безголосой массы номеров достигается путем контроля, слежки за жителями Единого Государства и, как следствие, проявление конформизма, т.е. пассивного примирения со сложившимся порядком.

Е.И. Замятин довольно тонко и точно воссоздает картины психологического давления на граждан Государства, принципы манипуляции сознаниями номеров для полного уничтожения желаний и фантазии, с целью создания механизации живых организмов. В ходе нашего исследования мы обратимся к исследованию темы контроля, слежки и конформизма в романе Е.И. Замятина.

Мы помним, что законы жанра остаются неизменными. Антиутопия – это почти всегда личный взгляд на массовое неоправданное уравнивание всех. При любой диктатуре людей ограничивают в знаниях, а, значит, постепенно лишают прав на человечность. Ключевым поворотом в судьбе главного героя антиутопии становится любовь, потому что только она способна показать человеку, в какие рамки он закован, и пробудить его душу, которую в мире замятинского романа считали болезнью.

Перед нами предстает непонятный, неузнаваемый и жуткий мир, отграниченный от всего живого стеклянной стеной, - мир Единого Государства, мир несвободы, единообразия, мир без любви, без музыки, без поэзии, без личности и, конечно, без души.

Причиной глобальных изменений мироустройства стала Великая Двухсотлетняя война, конфликт, приведший к гибели 80 процентов населения земного шара. Во время войны большая часть транспортной инфраструктуры была уничтожена, города оказались отрезаны друг от друга. В результате весь мир покорился власти Единого Государства.

Его лидеры уже на протяжении тысячелетия ведут человечество к математически безошибочному счастью. Город, в котором происходят основные действия романа,

отгорожен от остального мира Стеной и находится под куполом. Люди не покидают его пределы.

Предыстория в романе описана скупо, но ясно, что Великая Двухсотлетняя война была войной между городом и деревней. Для выживания в уцелевших городах были введены строгие порядки, максимально ограничивающие свободу человека. Государственная власть распространилась на все сфера деятельности. После окончания войны и налаживания мирной жизни эти порядки были сохранены, ведь они обеспечивали полную управляемость обществом и удовлетворения минимальных потребностей каждого человека.

Система сотнями лет искореняющая любое инакомыслие стала восприниматься людьми, как единственно верная. Граждане Единого Государства, называвшиеся теперь нумерами, были лишены имён. Каждый получал обозначение, состоявшее из буквы и числа. Нумера жили в одинаковых комнатах с прозрачными стенами, все были на виду друг у друга. Нумерам нечего было скрывать. К тому же такое устройство жилища облегчало труд Хранителей, следивших за порядком.

Воспитание заменено полным контролем каждого шага жизни индивида — от рождения до смерти, — все ставится на конвейер, преобразуясь в изготовление человеческих машин, а не людей. Включена Материнская Норма (О-90 не хватает десяти сантиметров до нее, и потому она не имеет права быть матерью). Государство создавало новое поколение покорных нумеров также, как завод, производящий новые партии изделий. Для рождения детей выбирались мужчины и женщины, соответствующие определенным материнским и отцовским нормам. Остальные не имели право рожать детей. Для того чтобы полностью разорвать связь между поколениями и сделать невозможным передачу опыта от родителей к детям, институт семьи был искоренен. Дети воспитывались на детско-воспитательных заводах. В воспитании принимали участие роботы. Государство, таким образом, имело возможность закладывать в головы детей исключительно то, что было необходимо для недопущения возникновения вредоносных мыслей.

Полный контроль даже добрался до личной жизни героев, точнее к ее отсутствию. Там не существует любовь, там есть только розовые билеты, которые дают право обладать другим человеком, если возникло желание близости. Интимная жизнь людей воспринимается как государственная обязанность, исполняемая согласно «табелю сексуальных дней». В сутках у них есть личное время для занятия любовью и на это время им разрешается опустить занавески. Все остальное время мир тотально прозрачен. Проблема в таком мире одна – отсутствие свободной воли, потому что эта воля заменена коллективным «рацио». Нет больше индивидуальности, потому что есть одно великое «мы». Не случайно в своих записках, из которых и состоит роман, главный герой Д-503 говорит: «"МЫ" – от Бога, а "Я" – от дьявола» [1]. Это такой распространенный тоталитарный подход. Одинаковые квартиры, стеклянные стены, униформа, прогулки строем – вот жизнь в идеальном государстве.

Общество подвергается контролю во всех областях жизни со стороны государства. Жителям же этого тоталитарного мира любое вмешательство в их жизнь кажется нормой. Для них совершенно нормальным является жить в стеклянных домах, где каждый их шаг просматривается, не удивляет их отсутствие семей, отсутствие чувств. Нумера не интерпретируют себя как личности и индивидуальности, они говорят «мы». Только местоимение «мы» подразумевает множество, к которому относится я и другие, а фактически каждый номер одинок и не о каком-либо множестве не может быть и речи. Мы – это единая безликая масса подвластная общим целям и потребностям.

Здесь нет семьи, семенные ценности чужды. Существование нумеров в социуме идет изолировано, но, тем не менее, им кажется, что они объединены. Их объединяет любовь и покорность Благодетелю. Существовая в таком изолированном мире, которому

грозит социальная катастрофа, потому что социализация уже сама потеряна и не вызывает необходимости у жителей Единого Государства, нумера осуждают существование далеких предков, которые предпочли свободу вместо счастья. «Не смешно ли: знать садоводство, куроводство, рыболовство (у нас есть точные данные, что они знали все это) и не суметь дойти до последней ступени этой логической лестницы: детоводства» [1].

Наконец, когда любовь побеждена, граждане Единого Государства представляют собой только пригодных к труду недочеловеков, а сам труд оказывается вдруг одним из средств повиновения, растворения личности в массе. Но машина Единого Государства еще давал сбой, у людей появлялись ненужные машине желания и вредоносные мысли. Такие вышедшие из строя детали подлежали уничтожению. Одна из причин этих сбоев заключалась в сохранившихся внешних отличиях.

Пространство романа представляет собой разграничение настоящего и прошлого. С пространственной точки зрения реальность героя ясная и упорядоченная, прошлое же также разобщенно и хаотично, как и временной показатель. Пространство представляет четкое и математическое устройство жизни, определяется понятиями свободы и замкнутости. Стена, которой окружен город, реализует концепт замкнутости, в то время, как стекло, из которого сделаны квартиры, стирает рамки и образует открытое пространство. Таким образом, в романе нет личного пространства у граждан Единого Государства, они все на виду друг у друга. Здесь происходит смешивание свободы и замкнутости в концепте пространства.

Технологический прогресс дошел того, что теперь с помощью Великой Операции могут изъять фантазию. После этой операции нумера, лишившись чувств, желаний и воли, буквально станут живыми мертвецами или машинами. Будущее человечества, принудительно подвергнувшегося такой процедуре, ужасно.

Идея всеобщего равенства, центральная идея любой утопии, оборачивается в антиутопии всеобщей одинаковостью и усредненностью. Идея гармонии личного и общего заменяется идеей абсолютной подчиненности государству всех сфер человеческой жизни.

Еда из нефтяных продуктов, одинаковая одежда и лысые головы говорит о равенстве, идентичности всех людей. Половую принадлежность определяет начальная буква номера – гласная или согласная. Рас в этом мире не сохранилось. Д-503 сообщает читателю, что лучшее произведение литературы людей прошлого, - расписание поездов, поскольку там все четко и точно, а среди всех искусств ему больше всего нравится танец.

Этот мир и правда напоминает театрализованное хореографическое действие без музыки. Каждый точно знает, где она находится сейчас, и где будет находиться в следующую минуту. Все предсказуемо, просчитано и синхронно. В этой механичности Д-503 усматривает настоящую красоту, говоря, что прежде люди жили в странном хаотичном мире, а хаотичный образ жизни, по мнению героя, крайне убийственен для общества.

Особый интерес представляет поведение общества – 50 жевательных движений на кусок, розовый талон к кому угодно, сон и прогулки по расписанию, единовременная смерть десятка людей при тесте ракеты для них не повод для беспокойства т.д. Дело и в образе их мышления: все выверено, все подсчитано, их жизнь, идеология и мышление сводится к тому, что каждый номер живет для поставленной цели-величия и правильному, по их мнению, образу жизни Единого Государства, все по формулам. При всех особенностях социального устройства жители государства не видят в нем проблем, для них такой мир – идеал.

В Едином Государстве осуществляются основные принципы Великого инквизитора, но при этом картина будущего насыщается конкретностью новейшего исторического опыта. Эксперимент над человеком доводится до логического предела и

тем самым до абсурда. В Едином Государстве научно-технический прогресс достиг высочайшего уровня: побеждены голод и нищета, достигнуто не просто благополучие, но изобилие, построен «рай на земле».

Появилась возможность перенести эти достижения на другие планеты с помощью межпланетного корабля. Материальное благосостояние достигнуто, однако в жертву принесено умственное развитие, личностный рост человека, его научное и художественное творчество. Вся жизнь мелочно регламентирована и идет по расписанию под библейски звучащим названием «Часовая Скрижаль».

Замятин использует лексику и символику «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского — «благодетели», «хранители тайны», «принудительное спасение», жизнь как «детская игра», однако он создает картину нового технического века, чем придает этим образам современное звучание [2].

В романе Замятина Благодетель - верховный правитель Единого Государства - принадлежит именно к этой разновидности. Этот внушающий страх и трепет кумир при личной встрече разочаровывает героя романа, он с удивлением отмечает в дневнике обыденность этого образа: «Передо мной сидел лысый, сократовски-лысый человек» [1].

В «Легенде о Великом инквизиторе» дана целая философия истории и пророчество о судьбе человечества. Дух Великого инквизитора живет во всяком насильственном абсолютном государстве.

Правители Единого Государства в романе «Мы», подобно Великому инквизитору, исходят из убеждения, что всеобщая сытость и довольство, в которых они видят главную ценность жизни человеческой массы, несовместимы со свободой, поэтому, чтобы удовлетворить всех граждан, следует искоренить стремление к свободе, ограничить доступ к знанию, свести на нет творческие стремления, уравнивать всех в правах и обязанностях, создать стандартного человека.

Философская позиция Е.И. Замятина выражается путем изображения истории формирования мировоззрения персонажа. Система временных отношений раскрывает в данном романе постепенное, диалектическое усложнение внутреннего мира героя. Д-503 проходит путь значимых, существенных изменений, которые фиксируются в его дневнике. Очевидная моноцентричность не отменяет важности окружающих Д-503 персонажей, но свидетельствует о направленности всех событий, встреч, споров, которые определяют развитие характера, становления героя.

Все этапы жизни героя – его встречи с I-330 и R-13, попытки осмыслить свои отношения с O-90, встреча с «иным» миром в Древнем Доме и за Зеленой Стеной способствуют более глубокому проникновению в тайны собственной души, все более внимательному взгляду в себя. Такое взглядывание определяется принципом двойничества, где главный герой стихийно и не всегда последовательно «обнаруживает себя» в других персонажах, а затем также непоследовательно – через конфликты – растождествляет себя с ними, оставляя при себе опыт этого соотнесения.

В романе Замятина собственно становление не происходит, итог – в его отсутствии. Идеология и практика воспитания в изображенной реальности романа находятся в противоречии с естественными индивидуальными процессами.

Таким образом, философской основой, определяющей содержание и структуру романа, является личность человека в условиях нового времени. Подавление человека современным режимом жизни происходит не только через внешний контроль, нумера настолько подавлены, что самостоятельно могут внутренне контролировать себя. Они знают, какие мысли опасны и какие действия им необходимо предпринять, в случае их появления.

Замятин в своем романе делает попытку найти противоядие от полной рационализации, алгебраичности жизни, противоядие он ищет в естественном,

природном человеке. Писатель ждет, когда стихийные, бессознательные, «дионисийские» силы души вырвутся наружу с революционным настроением.

Эстетическая рефлексия в «Мы» соотнесена с общественной и философской проблематикой времени – с проблемой построения нового мира, продуктивности вторжения воли в органическое течение жизни и ее преобразования на основе разума. Основу романа составляет философская проблема свободы человека. Философская позиция автора выражается путем изображения истории формирования мировоззрения персонажа. Рационализация убивает всякую личность, индивидуальность, человечность. Построение нового мира вторгается в органическое течение жизни. Замятин выступает против этого: нельзя личность приносить в жертву коллективу, человек – не средство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замятин, Е.И. Мы / Евгений Замятин. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 256 с.
2. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. - Москва : Дрофа : Вече, 2002. – 910 с.
3. Бердяев, Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон, 1999. – 464 с.
4. Толмачева О.В. Творчество Е.И. Замятина и современная литература // Социально-экономические явления и процессы. № 10 (56). Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С.166-169.

E.I. ZAMYATIN'S DYSTOPIAN VISION: EXPLORING THE THEMES OF CONTROL, SURVEILLANCE AND CONFORMITY IN THE NOVEL "WE"

Annotation. This paper explores the themes of control, surveillance and conformity in E.I. Zamyatin's dystopian novel "We". The main attention in the article is paid to the issues of restriction of personal freedom, suppression of the human principle and deformation of morality in the ideal management system of a Single State. The suppression of personality occurs through strict control over every member of society and surveillance by the government. Conformism plays a decisive role, since the inhabitants of this society are deprived of individuality and are forced to follow established rules and norms.

Keywords: dystopia, totalitarianism, the theme of control, the theme of surveillance, conformism.

Demidenko P.S.

Scientific adviser: Belokon S.A. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: demidenko.polia@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Дереза П.А.

*Научный руководитель: Максименко Е.Г., д-р психол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье автор систематизирует научно-практические исследования по проблеме становления личности в юношеском возрасте, акцентирует внимание на задачах возраста с точки зрения различных концепций. Отмечается значимость юношеского периода для формирования ценностно-смысловых и духовно-нравственных основ личности. Отмечая психологические особенности возраста, автор обращает внимание на главную задачу периода – личностное и профессиональное самоопределение. Поиск смысла жизни становится ориентиром в определении позиции молодого человека в системе общественных ценностей. В статье представлены авторские модели основных задач юношеского возраста и подходов к его изучению, сложившихся в психологии развития личности. Влияющими факторами развития, отмечены коммуникативность и компетентность, в качестве основных задач выделены становление самосознания и формирование социальной зрелости.

Ключевые слова: юношество, взросление, психическое развитие, самоопределение, психологические особенности.

Вступление. Юношеский возраст является важным звеном в ходе развития личности, так как представляет собой фазу перехода от подросткового возраста к взрослости. Охарактеризовать данный период можно стремлением личности к самоанализу, логическому мышлению, рассуждению на духовно-нравственные, социальные, политические, духовные темы. В качестве предмета исследования юношеский возраст рассматривался и описывался многими авторами как критический возрастной период, в связи с фундаментальным влиянием возрастных задач на дальнейшую профессиональную и личную жизнь человека.

Современный мир можно охарактеризовать как стремительно изменяющийся в социальном, экономическом и геополитическом аспектах, что безусловно отражается на психологическом восприятии жизни и часто сопровождается повышением уровня тревоги из-за большого объема информационного потока. Систематизация имеющихся данных поможет лучше понять психологию лиц юношеского возраста, опираясь на которую возможно дальнейшее развитие и разработка научно-методического материала при составлении коррекционных программ.

Основная часть. Отечественными психологами данный период характеризуется как период самоопределения, становления самостоятельности, планирование дальнейшей самореализации в ходе жизни. Л.С. Выготский в своих теоретических работах впервые отделил данный этап от периода детского возраста, отчетливо разделив детство и взрослость. Таким образом, юность впервые была названа Л.С. Выготским «началом зрелой жизни». В дальнейшем эту идею разделяли многие отечественные ученые.

Обозначение возрастных границ периода юношества в психологии обозначаются по-разному, и являются весьма условными. Так, большинство авторов считают, что нижний порог приходится на 16-17 лет и является переходным от подросткового возраста. На данный период приходится окончание общего образования и начало студенчества, активно происходит процесс социализации.

На верхний порог данного возраста приходится 22-23 года, период характеризуется освоением социальных, общественных и семейных ролей. И.С. Кон делил юность на три основных периода, каждый из которых имеет свою специфику развития: ранняя юность – 16-17 лет, юность – 17-21 год, поздняя юность 22-23 года. В течение данного периода

личность окончательно переходит из детства и активно начинает формироваться в качестве взрослого человека. Возрастные границы периода могут варьироваться в зависимости от жизненных обстоятельств, формы и сроков обучения и пр.

Л.С. Выготский характеризовал период юношества как период подъема подростка, характеризующийся набором множества синтезов, протекающих в психике личности. Согласно периодизации данного автора, большая часть данного периода приходится на первый возрастной кризис, который личность проживает во взрослом возрасте – кризис становления (18-25 лет).

Э. Эриксон называет данный кризис – кризисом самоопределения, и относит его к старшему школьному возрасту, в ходе которого формируется чувство взрослости, становление самооценки, выбора профессионального пути, что формирует центральную в юношеском возрасте проблему – самоопределение [1].

Кризис самоопределения сопровождается чувством потери прежних ценностей, ростом связанного с этим чувства неудовлетворения. Однако, в данном периоде можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны.

Так, например, к положительным можно отнести раскрывающиеся и ранее не имеющиеся возможности формирования внутренней идентичности и интересу к познанию своего «Я», формирование гражданской ответственности, активная социальная жизнь, преобладание стремления к освоению профессиональных навыков с последующим выбором жизненного пути, создание отношений с противоположным полом. К отрицательным можно отнести смену круга общения, связанным с периодом завершения школьного образования и переходом к студенчеству, утрата привычного образа жизни, которые могут спровоцировать эмоциональный дискомфорт и замкнутость.

М.Р. Гинзбургом рассмотрен последовательный подход к вопросу личностного самоопределения. Базой для данного подхода служит представление ценностно-смысловой природы самоопределения. Так, согласно М.Р. Гинзбургу в первую очередь самоопределение – это определение позиции личности относительно сложившейся обществом системы ценностей и поиск на основании данного смысла собственной позиции существования.

Когнитивную сферу периода юношества характеризует рост вербальной памяти, становление осмысленного и произвольного запоминания, избирательность фокуса внимания, всплеск творческой активности в различных видах деятельности. В процессе самоопределения и попытках разобраться в окружающем мире и себе у личности в данном возрастном периоде происходит поиск смысла жизни. Как следствие – формирование своих личных взглядов, убеждений и мировоззрения. Этот процесс важен потому, что от его успешного протекания зависит то, насколько реалистично и глубоко сформировавшиеся мировоззрение личности будет отображать объективный мир.

Высокая степень самосознания позволяет юношам систематизировать знания о себе, что приводит к самоопределению и самовоспитанию.

Для периода юношества свойственны ряд психологических препятствий при процессе самовоспитания:

1. Проявление волевых усилий;
2. Проявление восприимчивости в случае наличия нравственной оценки со стороны окружающих, внешнее безразличие к ней, действие в соответствии со своим намеченным планом;
3. Стремление к идеализации и проявлению принципиальности при реализации ответственных дел, и наоборот, проявление беспринципности в менее значительных делах;
4. Стремление к формированию в себе таких качеств как: самообладание, выдержка, стойкость.

Характерным для периода юношества, в современном мире, становится фактор распада детского взгляда на окружающий мир, столкновение с реальными жизненными условиями, исчезновение прежнего непосредственного оптимизма [2].

Период юношества в плане задач психического развития может быть рассмотрен по двум основным векторам:

1. Становление самосознания.

Характеризуется выстраиванием дружеских, любовных и прочих коммуникаций в социуме, где в приоритет ставится ценность человеческой духовной близости и взаимопонимание.

2. Формирование социальной зрелости.

Характеризуется принятием ответственности за свои поступки, решения. Начинают выполняться социальные задачи и обязанности (создание семьи, выбор и приобретение профессии, определение социального статуса).

Для того, чтобы достичь социальной зрелости, прежде всего необходимо решить вопрос личностного самоопределения, которое несет в себе основную задачу развития на протяжении данного периода (рис. 1).

Рисунок 1. – Модель основных задач психического развития личности в период юношеского возраста

В работах В.И. Слободчикова период юности описывается как ступень к индивидуализации личности, временной промежуток выбора того, как и кем быть.

Как уже ранее было отмечено, одной из главных задач развития в юношеском возрасте – формирование социальной зрелости, весомой частью которой является поиск и закрепление своего места во взрослом обществе, зачастую протекает остро и кризисно.

Однако, избегание данного кризиса будет только задерживать возрастное развитие личности. Те юноши, которые спокойно приняли данный переломный период в своем становлении, зачастую становятся более устойчивыми и способными управлять своей судьбой [3].

В психологии юности можно выделить три основополагающих подхода, каждый из которых имеет значительное множество вариаций (рис. 2):

1. Биогенетический подход.

Основывается на биологических процессах развития личности, принимая остальные процессы в качестве производных от них.

Одним из наиболее ярких представителей подхода является американский психолог С. Холл. Он придерживался биогенетического закона — «закона рекапитуляции», как ведущего в данном походе, согласно которому онтогенез дублирует основные стадии филогенеза, и характеризовал данный период как появление у личности чувства индивидуальности в результате проживания внутренних и внешних конфликтов.

Немецкие ученые, Э. Йенш и Э. Кречмер, представители конституциональной психологии, выдвинули иной вариант биогенетической концепции, согласно которому тип личности напрямую связан с типом телосложения и конституцией тела.

Так, например, Э. Кречмером в монографии «Строение тела и характер человека» было выделено две конституциональные группы: шизотимик (эмоциональное колебание от чувствительного к холодному) и циклотимик (эмоциональное колебание от радости к печали) [4]. Позже К. Конрад, последователь Э. Кречмера предположил, что набор данных характеристик может быть применим к возрастным этапам. С этой точки зрения, сложность психических процессов юношеского периода обусловлена соотношением особенностей данного этапа развития личности и биологическими процессами развития.

2. Социогенетический подход.

Основывается на процессах социализации и решении социально-общественных задач, присущих данному этапу. Это направление взаимосвязано с воздействием социальной психологии. Примером научного исследования на данную тематику может служить «теория поля» психолога К. Левина.

В работе отмечается, что поведение человека складывается из двух свойств: является непосредственно функцией личности и обуславливается окружающей средой. Индивид и окружающая среда взаимосвязаны, и существуют благодаря друг другу. Взаимодополнение компонентов личности и среды К. Левин называет психологическим/жизненным пространством, а первостепенным процессом, протекающим в нем — расширение круга общения, пространства и групповой принадлежности личности.

Биогенетический и социогенетический подход объединяет общий вектор — видение источников развития вне психики личности.

3. Психогенетический подход.

Обусловлен протеканием психических процессов, важность и значимость биологических и социальных процессов при этом не отрицается. Подход развивался в трех основных направлениях:

- психодинамическое направление.
- поведение объясняется нерациональными составляющими, такими как эмоции, влечения, инстинкты и пр.
- когнитивно-генетическое направление.
- построено на развитии познавательных и интеллектуальных процессов.
- персонологическое направление.
- строится на развитии личности в целом.

Одним из ведущих представителей психодинамической теории является американский психолог Э. Эриксон. Его работы представляют продолжение развития идей психоанализа З. Фрейда, одной из основных идей которой являлось положение о том, что главная сила, побуждающая к развитию – половое влечение/либидо. В концепции Э. Эриксона процесс развития личности состоит из отдельных, взаимосвязанных процессов: социального развития, развития сознательного «Я» и соматического развития. Основным принципом концепции выступает «эпигенетический принцип», где на каждой стадии развития личности формируются новые качества, и

здоровый переход на следующую стадию возможен только при решении ключевого противоречия. Если кризис не решился, то последствия проявятся в последующих за ним стадиях развития.

Э. Эриксон выделял восемь этапов жизненного цикла, пятым из которых является юность. По концепции Э. Эриксона данный период характеризуется формированием чувства собственной идентичности, уникальности и непохожести на других [5]. Задача юности на данном этапе – переосмысление и объединение знаний о социальных ролях, рассмотрение их в контексте настоящего, прошлого и будущего. При успешном прохождении кризиса возникает ощущение идентичности, при котором возникает ряд «взрослых» задач: создание брака, формирование дружеских отношений, в противном случае образуется состояние «диффузия идентичности».

В продолжение теории Э. Эриксона Дж. Марсиа выделил статусы и этапы личностной идентичности: диффузия, предрешенность, мораторий и достижение идентичности.

1. Диффузная идентичность. Для данного этапа характерно избегание принятия решений;
2. Второй этап может варьироваться:
 - предрешенность (выбор дальнейшего пути под влиянием авторитетной фигуры);
 - мораторий (кризис, поиск принятия собственных решений, поиск ответов на поставленные вопросы о себе);
3. При прохождении кризисного этапа – достижение личностной идентичности.

Рис. 2. Модель основных подходов, сложившихся в психологии развития личности в юношеском возрасте

Например, юноши, которые пребывают в статусе предрешенности, самостоятельно не принимали участия в выборе ключевых аспектов формирования своей идентичности (выбор профессии, интересов), за них данный выбор принимали значимые взрослые. В связи с этим переход на следующий этап – взрослость будет проходить без экспериментирования и глобальных личностных конфликтов. В диффузном состоянии у юношей будет отсутствовать стремление найти дальнейший курс направления

жизненного развития, из-за непройденного кризиса идентичности. Данное состояние сопровождается избеганием решения этого вопроса. Статус идентичности – наиболее благоприятное состояние юношей, сопровождается принятием своих обязательств, жизненной ориентации и будущей профессии.

Выводы. Рассмотрев и проанализировав психологические особенности личности в юношеском возрасте, можно сказать, что в данный период развития мобилизируются все процессы и силы для перехода во взрослую самостоятельную жизнь.

Были проанализированы концепции зарубежных и отечественных психологов, рассмотрены проблемы и особенности психического развития личности в юношеском возрасте, обоснование возрастного периода юношества.

При рассмотрении психологических особенностей развития человека в юношеском возрасте были выделены основные критерии и характеристики формирования личности, а также новые черты, появляющиеся в данный период становления, главными из которых можно выделить формирование самооценки, стремление к самовоспитанию, усиления уровня самокритичности, повышенные требования к моральному облику индивида и формирования мировоззрения.

Юношеский период играет ключевую роль в формировании личности. В нем активно развиваются познавательные процессы, устанавливаются социальные роли, происходит завершение формирования черт характера личности, которые оказывают значительное влияние на взрослую жизнь человека.

В периоде юношества происходит психологическая и физическая трансформация человека. Благополучное развитие личности в данный период закладывает фундамент для дальнейшего развития на всю последующую жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология развития и возрастная психология. Психологическая характеристика возрастных периодов человека. Юношеский период (15-18 лет). [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/191370/psihologiya/yunosheskiy_period?ysclid=lsaaucuhm430031307#gads_btm (дата обращения 06.02.2024).
2. Роджерс, К. Становление человека / К. Роджерс. – М.: Прогресс: Универс, 1994 – 478 с.
3. Франкл, В. Человек в поисках смысла: введение в логотерапию [Текст] / В. Франкл. - М.: Прогресс, 2000 - 366 с.
4. Кретчмер Э. Строение тела и характер человека. Монография. [Электронный ресурс] URL: <https://djvu.online/file/KV7zAO7It5Jui?ysclid=lsems0ooc7991367283> (дата обращения 09.02.2024).
5. Кагермазова, Л.Ц. Возрастная психология [Текст]: Электронный учебник / Л.Ц. Кагермазова. - ДПО КБГУ, 2009 – 276 с. [Электронный ресурс] URL: <https://studylib.ru/doc/6353184/vozzrastnaya-psihologiya?ysclid=lsf3csni4z627861498> (дата обращения 09.02.2024).

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PERSONALITY DEVELOPMENT IN ADOLESCENCE

Annotation. This paper examines the psychological features of the emotional formation of a personality in adolescence, as an integral part of the development and transition from adolescence to adulthood. In this study, through the analytical systematization of modern literature sources, as well as scientific works related to the psychological characteristics of personality development in the period of adolescence, the main approaches developed in the issue of this study are considered and systematized. Based on the results of the systematization of the material, a model of the main approaches that have developed in the psychology of personality development in adolescence has been compiled.

Keywords: youth, adulthood, mental development, self-determination, psychological characteristics.

Dereza P.A.

Scientific advisor: Maksimenko E.G., Advanced Doctor in Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Donetsk State University
E-mail: p.dereza@mail.ru

УДК 811.111.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Жемчугова А.И.

*Научный руководитель: Могилы Н.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье анализируются взгляды ученых на термины «эквивалент», «безэквивалентные единицы», «безэквивалентная лексика»; рассматриваются особенности и методы перевода английской безэквивалентной лексики на русский язык, которые отражают специфические предметы и явления культуры его носителей.

Ключевые слова: лексика, эквивалент, безэквивалентная единица, экзотизмы, методы.

Введение. Изучение иностранного языка – задача, требующая усиленного внимания и упорства. Одним из самых трудных аспектов является запоминание новых слов и выражений, которые отличаются от родного языка. Однако успешное развитие навыков чтения, говорения и понимания на слух невозможно без прочных основ в области лексики. Ведь это именно через лексикон осуществляется обмен информацией.

Словарный арсенал языка продолжает расширяться, пополняясь новыми терминами, которые отражают различные явления. Эти явления и соответствующие им слова могут отличаться в разных культурах и часто носят локальный характер. Иными словами, определенные термины могут отсутствовать в других языках, сохраняясь только в определенной культуре.

В ходе перевода с одного языка на другой выявляются определенные закономерные расхождения в лексическом составе и грамматическом строе. Однако явление безэквивалентности представляет значительные трудности при переводе.

Лексика, которая относится к явлениям материальной культуры, процессам современной общественной жизни и особенностям этносоциального характера, составляет безэквивалентную часть языковой системы. Это особое языковое явление отличается от других лексических единиц благодаря своему особому отношению к реалиям.

Цель статьи – описать особенности перевода безэквивалентных слов и словосочетаний с английского языка на русский.

Основная часть. В настоящее время языкознание уделяет большое внимание проблеме и пониманию безэквивалентной лексики.

Языки отличаются друг от друга, именно благодаря определенным признакам, в культурах можно заметить разницу между ними. Однако, наиболее ярко выраженные различия можно заметить в лексике и фразеологии, так как они наиболее точно отражают внекодую действительность. В любом языке и диалекте существуют слова, которые не имеют точного эквивалента в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, которая преимущественно используется для обозначения специфических явлений и элементов местной культуры.

Изучение феномена «безэквивалентности» началось во второй половине XX века вместе с появлением переводоведения как отдельной научной дисциплины. Однако, проблема невозможности полного перевода отдельных слов, фраз и текстов возникла значительно раньше и имела множество причин.

Неоспоримо, все более быстрые и интенсивные взаимодействия между странами заставляют каждое новое поколение исследователей постоянно обращаться к проблеме достижения полного соответствия при переводе.

Актуальность работы заключается с одной стороны, большим значением проблемы соответствия языка и культуры; с другой стороны – неослабевающим интересом теоретиков

и практиков перевода к методам и способам передачи безэквивалентной лексики с одного языка на другой.

Значительный вклад в изучении безэквивалентной лексики был внесен отечественными и зарубежными специалистами:

- в теории перевода (И.С. Алексеева, Л.М Алексеева, Н.К. Грабовский, Л.К. Латышев и др.);

- в природе лексической непереводаемости (П.П. Дашинамаева, Р.Р. Чайковский, А. А. Apter и др.);

- работы посвященные лексическим проблемам перевода (В.Е. Горшкова, В.С. Виноградов, С.В. Влахов, Д.О. Добровольский, А.О. Иванов, Т.А. Казакова, С.Ф. Флорин, W. Gladrow, W. Kutz, A. Pavlova и др.),

Прежде всего следует отметить, что безэквивалентные единицы подвергались рассмотрению в таких языковых парах как: *русский – английский* (Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.); *английский – русский* (А.А. Махонина, М. А. Стернина и др.).

Перед анализом особенностей перевода безэквивалентной лексики с английского на русский язык, давайте рассмотрим определения таких терминов, как "эквивалент", "безэквивалентные единицы" и "безэквивалентная лексика". В современном переводоведении существуют различные подходы к определению понятия "эквивалент". Например, лингвистический словарь определяет эквивалент как речевую единицу, которая выполняет ту же функцию, что и другая единица речи, и совпадает с ней по функции [1].

Безэквивалентными называются такие единицы первоначального языка, которые не имеют точных соответствий в языке перевода. Важно отметить, что их обнаружение возможно только в контексте одного из двух анализируемых языков, поскольку конкретная единица первоначального языка, неэквивалентная в отношении данного языка перевода, может иметь точные соответствия в других языках [2].

Изучив работы Е.М. Верещагина и В.Н. Комиссарова, можно определить понятие безэквивалентной лексики. Безэквивалентной лексикой называются слова, которые невозможно полностью перевести (они не имеют точного соответствия в других языках или не передают семантику и смысловые нюансы оригинала). Слова, которые нельзя соотносить с иноязычными лексическими понятиями и которые не имеют аналогов в других языках, являются безэквивалентной лексикой. Она включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и саму причину такого отсутствия – отражение специфической материальной и духовной культуры через слово [3;4].

Оценка этих работ помогает определить, что безэквивалентная лексика является неотъемлемой частью языка и не всегда может быть точно переведена на другие языки. Это объясняется особенностями языка, его культурой и уникальным контекстом, который обуславливает уникальность некоторых слов и понятий.

Важно отметить, что в национально-культурном аспекте особое значение имеет специфическая лексика, которая, несмотря на свою семантическую разнородность, выражается через определенные семантические единицы, такие как "местность", "этническая принадлежность", а также необязательные характеристики, включающие "историческую привязку", "общественно-политическую активность", "социокультурные знания" и "конфессиональную принадлежность".

Согласно исследованиям ученых В.Н. Комиссарова и В.А. Кухаренко, изменения в национально-культурном компоненте происходят по ряду причин. Это связано с тематической принадлежностью, степенью сходства исходного и производного значения, направлением и сущностью развития семантических процессов и семантических переносов, а также с внематематическими параметрами [5; 6].

Многие лингвисты считают, что под эквивалентностью в переводе следует понимать максимальное соответствие всех уровней содержания оригинального и переводного текстов. Это понятие основано на определении функций взаимодействия

смыслообразующих элементов текста путем сравнения реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке.

Лексические единицы исходного языка или диалекта, лишенные регулярных эквивалентов в языке перевода, могут быть классифицированы как *безэквивалентная лексика* или *экзотизмы*. В этой категории можно выделить несколько групп, такие как имена собственные, географические названия, названия учреждений, зданий и так далее; реалии (слова, которые существуют в определенном языке, но не имеют точного аналога в другом), а также случайные лакуны. В формировании уникальной лексики значительную роль играют экзотические элементы. Экзотизмы представляют собой лексические единицы, которые служат для обозначения предметов, явлений и особенностей, присущих жизни других народов и стран. В научных публикациях экзотизмы обычно подразделяют на "узкие", которые имеют узкую специализацию, и "широкие", которые включают в себя более широкий спектр описываемых объектов.

Как утверждает Л. К. Латышев, экзотическая лексика отличается своей связью с национальной культурой, особенностями и уникальностью жизни данной нации, а также недостаток синонимов в языке-наследнике. По мнению ученого, экзотизмы отражают высокий уровень культурной связи между нациями [7].

Исследования в области языкознания привели к разработке уникальной методики, которая позволяет передавать реалии на другие языки. Эта методика включает в себя несколько подходов: *описательный перевод*, который используется в случае отсутствия аналогов реалии в целевом языке и заменяет ее описанием; *транслитерацию*, когда звуковая форма слова передается на другой язык; *калькирование*, когда структура и значимость слова в исходном языке сохраняются в переводе; *новообразование*, когда вводятся новые слова или комбинации слов; *аналогия*, когда используются сходные реалии в целевом и исходном языках; *синонимический (дублетный) перевод*, при котором используются синонимы для передачи значения исходного слова.

Приведем примеры наиболее употребляемых способов перевода безэквивалентных слов:

- **приближенный перевод**, прим.: *near-field monitor* – *студийный монитор*; *broadcast quality* – *высочайшее качество (звука)*; *доцент* – *assistant professor, associate professor*; *душегрейка* – *vest*.
- **описательный**, прим.: *landslide* – *победа на выборах с большим перевесом голосов*; *whistle stop speech* – *агитационное выступление кандидата во время остановки поезда*; *bull* – *спекулянт, играющий на повышении биржевых ценностей*; *bear* – *спекулянт, играющий на понижении биржевых ценностей*;
- **при помощи калькирования**, прим.: *sky-scraper* – *небоскреб*, *Золотое кольцо России* – *The Golden Circle of Russia*, *brain drain* – *утечка мозгов*, *grand jury* – *большое жюри*, *backben cher* – *заднескамеечник*.
- **перевод при помощи транслитерации и транскрипции**, прим.: *drive-in* – *драйв-ин*, *teach-in* – *тич-ин*, *drugstore* – *драг-стор*, *public schoo l*– *паблик скул*, *know-how* – *ноу-хау*, *impeachment* – *импичмент*.

Сегодня, благодаря внедрению информационных технологии в гуманитарной сфере, возникли новые области филологической науки, такие как компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика и компьютерная лексикография. Как утверждает Н. С. Бакашева, учеными разработаны инструменты в прикладных направлениях, которые значительно облегчили работу переводчиков. Особенно полезными стали языковые корпуса и электронные лексикографические ресурсы [8].

Учитывая это, студенты филологического факультета ДонГУ направления подготовки 45.04.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика в учебном процессе широко используют методы *компьютерной* (метод формирования базы данных) и

корпусной лингвистики (метод параллельных текстов), *методы лексикографии* — лексикографический анализ, использование электронных словарей и т.п.

Мы поддерживаем мнение И.И. Саженина, который отмечает, что не смотря на обилие электронных лексикографических источников в Сети, не существует ресурса, отвечающего следующим требованиям: объёмность содержательного материала, «филологически компетентная» поисковая система, позволяющая извлекать разные типы лингвистической информации из всего объёма содержательного материала словаря. Поэтому, при выборе варианта перевода необходимо учитывать переводческие традиции, особенности контекста и лексико-грамматические нормы употребления в русском языке [9].

Во многих случаях точные соответствия для английских слов и словосочетаний среди русских лексических единиц отсутствуют и переводчику всякий раз приходится создавать свой вариант перевода. Таких авторских вариантов множество, причем состав их неоднородный, зависимо от компетентности автора, его лингвистической подготовленности, фоновых знаний и вкуса.

Заключение. Из всего вышеизложенного можем сделать выводы:

– В современном переводеведении существуют совершенно разные подходы к определению понятия «эквивалент».

– К безэквивалентной лексике относятся слова и словосочетания, отражающие специфику национальной культуры народа, то есть своеобразный специфический культурный компонент, их существованием объясняется расхождение двух культур

– Вероятность достижения полноценного словарного перевода безэквивалентных единиц зависит от связи между исходным языком и языком перевода.

Полученные в ходе исследования результаты говорят о том, что часто при передачи безэквивалентной лексики с английского языка на русский, используется прием описания, а наиболее простой метод перевода – калькирования и транслитерации, используются существенно реже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского на английский язык/ Е.В. Бреус. – М.: УРАО, 2000.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1976. – С. 12-1 9.
4. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 245 с.
5. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 188 с.
6. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – Л.: Просвещение, 1979.
7. Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – М.: НВИ –Тезаурус, 2000. – 287 с.
8. Бакашова, Н.С. К проблеме перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) / Н. С. Бакашова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 61-64.
9. Саженин И. И. Словарный корпус как элемент оптимизации исследовательского процесса // Вестник НГПУ. – 2013. –№2 (12).

FEATURES OF TRANSLATION OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Annotation. This article analyzes the views of scientists on the terms "equivalent", "equivalent-free units", "equivalent-free vocabulary"; discusses the features and methods of translating English equivalent-free vocabulary into Russian, which reflect the specific objects and cultural phenomena of its speakers.

Keywords: vocabulary, equivalent, equivalent unit, exoticism, methods.

Zhemchugova A.I.

GOU VPO DonGU

E-mail: zhemchugovanastya266@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОКРАСТИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Жижко В.В.

*Научный руководитель: Есенова А. Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе раскрыта актуальность изучения и обсуждаются психологические особенности феномена прокрастинации личности, причины ее развития, а также классификации зарубежных и отечественных авторов. В статье приведены рекомендации по самокоррекции прокрастинации личности.

Ключевые слова: прокрастинация, страх неудачи, неумение планировать, перфекционизм, откладывание решений.

В последних научных обзорах по психологии все чаще замечается повышенное внимание к феномену прокрастинации личности. Общая статистика по данной категории показывает, что 20% взрослых людей являются хроническими прокрастинаторами; 25% считают это определяющей чертой личности; среди студентов - 50% хронически; 75% считают себя прокрастинаторами; 80–95% в той или иной степени откладывают дела на потом. Примечательно, что подавляющее большинство (более 95%) прокрастинаторов хотят уменьшить проявление этого «недуга» у себя (А.Эмерсон, 2024).

Многие авторы единодушны в том, что отрицательные симптомы прокрастинации проявляются не только в снижении продуктивности и успешности личности, но и в серьезных эмоциональных переживаниях собственной неудачи, нерешительности, чувства вины, так как обычно выражается в делах значимых для человека. Феномен прокрастинации, на наш взгляд, приводит к психологическим потерям в межличностных, профессиональных отношениях. Сама же проблема прокрастинации изучается в психологии относительно недавно, на сегодня смутно обозначены причины, определяющие склонность откладывать дела "на потом".

Таким образом, возникают актуальные для изучения вопросы общей причинности, возрастной динамики, видового ассортимента, эффектов прокрастинации личности, что обусловило выбор темы для нашего исследования.

Термин «прокрастинация» получил свою популярность в психологии еще в начале 70-х гг. 20 века. В отечественной психологии под понятием прокрастинации понимали (Юдеева Т. Ю., Гаранян Н. Г., Жукова Д. Н., Барабанщикова В.В., Марусанова Г.И. и др.) лень, отсутствие волевых качеств, неразвитость организаторских навыков личности.

В настоящее время под термином «прокрастинация» понимают поведенческий паттерн, при котором предмет ведущей деятельности в настоящее время откладывается «на потом» (по В.С.Ковылину, 2013). Личность занимается деятельностью, но менее значимой и иногда бессмысленной. При этом человека тяготят мысли о незавершенной важной работе.

Прокрастинация – это как нездоровая привычка, которая со временем может закрепиться в структурных компонентах личности. Устоявшаяся привычка становится следствием того, что люди не видят новые возможности, некачественно делают свою работу, постоянно находятся в стрессовом состоянии, ощущают себя беспомощными и несчастными.

Под определением прокрастинации часто понимают и отождествляют лень. Однако лень подразумевает либо осознанное безделье, либо отказ осуществлять рабочую деятельность. Под влиянием феномена прокрастинации личность не отказывается выполнять работу и не бездельничает, а отсрочивает исполнение важных дел и занимается

менее значимыми, но полезными задачами. Такая личность с удовольствием делает рутинные дела по дому или на работе, подготавливается, чтобы начать выполнять работу.

Позже среди ученых (Соломон Э.А., Ронтблум Н., Мураками Х., 1986 год) закрепилось понятие академической прокрастинации, под которым они понимали откладывание учебных заданий на более длительный срок. Обычно это поведение объясняется дезорганизацией учебной деятельности недоразвитыми навыками обучения ригидностью поведенческой сферы. Таким образом, академическая прокрастинация часто приводит к снижению успеваемости и качеству усвоения академических знаний.

Статистические данные показывают, что от 46% до 95% обучающихся общеобразовательных организаций и высших учебных заведений нашего региона находятся под влиянием феномена прокрастинации и утверждают, что нуждаются в компетентной психолого-педагогической поддержке (Попова Д.И., Беликова М.Е.) В связи с этим многие классные руководители в школах и кураторы вузов проводят плановые мероприятия, направленные на формирование навыков планирования образовательной деятельности, а также определения приоритетов своего времени.

В большинстве языков существуют пословицы по типу «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». Миру также известны английские пословицы: «There is no time the present» («Нет времени лучше, чем настоящее»), «Procrastination is the thief of time» («Откладывать – время терять»). Прокрастинация была во все времена, и с развитием цивилизации в научном сообществе выростала популярность проблемы. Все больше молодых специалистов обращали внимание на проблему, создавали новые гипотезы, диагностические методики и коррекционные упражнения.

Все люди однажды сталкиваются с откладыванием каких-либо дел, особенно когда необходимо выполнить что-то под принуждением обстоятельств или под давлением со стороны. Но личность под влиянием прокрастинации не торопится с выполнением задуманного, даже когда полностью осознает важность поставленной задачи. Оставаясь уверенным, что это важно, полезно, нужно, и поставленная задача должна быть завершена и выполнена «еще вчера». Человек осознанно не спешит с выполнением поставленной задачи, осознавая, что это приведет к некоторым трудностям и сложностям.

Прокрастинация может негативно влиять на эмоциональное состояние личности, вызывая тревожность, стресс и чувство вины. Кроме того, она влечёт за собой снижение продуктивности и негодование со стороны окружающих из-за несвоевременного выполнения трудовых обязательств. Объединение данных чувств и чрезмерная растрата жизненных сил (вначале на незначительные задачи и противостояние усиливающейся тревожности, а после на работу в срочном темпе) способно провоцировать новый приступ прокрастинации.

Основой хронической прокрастинации может стать скрытый психологический или физиологический недуг. Иногда в психологической практике встречаются люди, способные плодотворно работать только тогда, когда находятся в серьезных временных ограничениях. Пик их продуктивности начинается в последние часы перед наступлением крайнего срока.

Согласно лонгитюдным исследованиям, (Kachgal et al., 2001) в современном социуме заметна динамика увеличения уровня устойчивой прокрастинации. От 15% до 25% населения нашей планеты страдают из-за снижения способности противостоять симптомам вредной привычки откладывать принятие важных решений.

Благодаря исследователям из Рурского университета в Германии выяснилось, что прокрастинация проявляется на физиологическом уровне. На МРТ испытуемых, которые предпочитают откладывать работу «на завтра», нарушена взаимосвязь миндалевидного тела (лимбической системы), в которой создаются эмоции, и дорсальной зоны передней поясной коры, что выбирает поведение в сложной ситуации и ответственна за принятие решений [3, с. 328].

Таким образом, индивид часто переживает, боится последствий и постоянно переносит выполнение дел на потом. Чтобы снять напряжение, он занимается незначительными «полезными» увлечениями. Во время того, как накапливаются задачи и нарастает тревожное беспокойство, которое уменьшает мотивацию.

С психологической точки зрения перенос обязательств называют одним из проявлений защитных механизмов личности и связывают с невротической тревожностью. Потому как последствия провала в ранее отложенных больших обещаниях наносят удар по самооценке.

Вызвать такое поведение может страх неудачи, работа из чувства долга, неумение планировать и перфекционизм. Страх неудачи появляется в сознании, если раньше подобные поручения заканчивались неприятностями.

Работа из чувства долга – причина прокрастинации, поскольку работник считает ее бессмысленной и выполняет по принуждению. Повысить мотивацию и эффективность работы поможет сосредоточенность на итоге, но не самом процессе. В том случае, когда человек согласился на выполнение деятельности, означает, что она приносит пользу в виде позитивного опыта или знаний. Просто заменив «я должен» на «я хочу» появится мотивация.

Неумение планировать часто становятся фактором стресса перед началом масштабного проекта. Бывает сложно понять, с чего начать, что самое главное. Правильный путь – разбить неподъемную задачу на много маленьких. Тогда она перестанет выглядеть тяжелой.

Перфекционизм – влечение к идеалу. Имеет свойство полностью испортить труд, раз вы не подготовлены к усредненным успехам [3, с. 334]. Конечно, не запрещено постоянно редактировать первый подпункт дипломной работы и в завершении проигнорировать все сроки. Также можно впопыхах доделать его и отложить день на последние исправления. Как только вы смотрите на полноценный проект, легче увидеть, где правда необходимы изменения, а где вы заикливайтесь мелких деталей.

В литературе описании прокрастинации можно встретить следующие понятия: жизнерадостные или печальные, функциональные или дисфункциональные, пластичные или ригидные, активные или пассивные механизмы [1, с. 485]. Так в определении прокрастинации исследователи склонны отмечать ее негативные компоненты (печальность, дисфункциональность, ригидность, пассивность). С другой стороны, в феномене есть много положительных структур (жизнерадостность, функциональность, пластичность, активность) разъясняются переносом решения важных дел с намерением сокращения неблагоприятных последствий в рамках ее осуществления. Вопреки общим качествам, в формулировке разнообразных категорий прокрастинации, обозначения ее благоприятных и неблагоприятных составляющих, распространенного термина для всех разновидностей и сторон прокрастинации до настоящего времени не имеется. Отсутствие простого и верного понятия этого явления создаёт всесторонний характер объема изучения прокрастинации.

Рассмотрим одну из первых классификаций видов прокрастинации, предложенную Н. Милграмом (в соавторстве с Дж. Батори, Д. Моурером). В зависимости от масштаба проявления можно говорить о наличии пяти основных видов прокрастинации.

Бытовая (ежедневная) привычка откладывать выполнение повседневных или домашних обязанностей, которые необходимо выполнять регулярно и можно перенести на следующий день. Например, сделать влажную уборку или сделать подмену воды в аквариуме, или сложить вещи в шкаф, или приготовить еду. Игнорируются по большей части регулярные и рутинные дела по дому. Субъект осознает, что исполнять - это вроде как неизбежно, но он согласен заняться чем либо, только не этим.

При такой закономерности обычно рекомендуется передать домашние обязанности (детям или родителям, второй половинке или домработнице) или установить правила с самим собой, планировать графики выполнения бытовых задач и реализовывать их.

Прокрастинация в принятии решений. Трудности в избрании и предпочтении одного варианта, в том числе, когда все продумано до мельчайших деталей. При этом выполнение дел заморожено не потому, что личность не жаждет их выполнять, а потому, что они взаимосвязаны с различными исходами, которые заранее нужно принять. Допустим: прочесть «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского или «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. На эмоциональный фон воздействует страх принятия выбора, обязанностей или последующих последствий.

Рекомендации исхода положения - научиться выбирать выход и брать ответственность за его выбор – значит повзрослеть и выйти из позиции ребенка.

Невротическая прокрастинация обычно протекает в формате повышенной тревожности и страхе, который наступает при осуществлении жизненно важных решений и становится фоновой составляющей жизни. Триггерами могут стать такие глобальные и животрепещущие планы, как создание семьи, переезд или выбор профессии. Страх парализующее давит и мешает взяться за дела, при этом работает чрезвычайно хитрым образом. Допустим, на рабочего давит невыплаченная ипотека или кредиторы, а тревожность этого влияния блокирует возможность выполнения работы, что приносит денежные выплаты для закрытия долгов.

Нелогично, но этот вид прокрастинации воздействует так. Борясь с ним, сначала стоит успокоиться и взять себя в руки, сделать первый шаг через «не могу» медленно входя в течение.

Компульсивная прокрастинация, при которой у индивида объединяются два вида феномена. Нерешительность, проявляющаяся в поведенческой прокрастинации и принятии решений, отражающей привычку растягивать время, потому воздействует на все сферы жизни. При таком подвиде происходит синхронно откладывание и выбора, и работы. Таким образом, проявляется устойчивый тип поведения, при котором не принимается и выбор, и дела не делаются.

При таком типе поведения психологи обычно рекомендуют начать с установления мотивационных, но при этом реалистичных житейских задач и планов, а далее разобрать их выполнение на небольшие шаги и, наконец, начать какое-либо дело, постепенно двигаясь по направлению к своим желаниям.

Академическая прокрастинация проявляется только при выполнении учебных и рабочих задач, связанных преимущественно с интеллектуальным трудом [2, с. 39]. Известно, что привычка откладывать познавательные задания до крайнего срока сдачи чаще всего становится причиной неуспеваемости обучающихся общеобразовательных учреждений и вузов. Такой ученик чаще всего откладывает написание домашних или практических занятий, подготовку к контрольной или экзаменационной работе, выбор тематики написания реферата, статьи или дипломной работы.

Единственный выход – перебороть это чувство через силу. Пока обучение не станет приносить удовольствие и просто даваться.

Существует и отечественные подходы к типологии феномена прокрастинации. Например, Ильин Е.П. отмечает такие виды как расслабленная и напряженная тенденция откладывать деятельность «на потом».

При расслабленной прокрастинации индивид ради увлекательных развлечений игнорирует важные вопросы. Например, вместо необходимых дел, он отдает предпочтение таким увлечениям, как поиграть в компьютерные игры, пересмотреть любимый сериал, послушать современную мелодию, посидеть в социальных сетях, раскрасить картину по номерам, пойти прогуляться, выпить чай с коллегами по работе и так далее. В других ситуациях личность подсознательно уверена, что если он не займется обязанностями, то это сделает другой субъект. Концентрируя собственное внимание на занятии делами, приносящими удовольствие в данный момент, индивид как бы оттягивает неизбежность последствий.

Напряжённая прокрастинация - это ситуации, когда субъект находится в стрессе из-за нехватки времени, при чем чувствует невероятную усталость и напряжение от незавершённых обязанностей. Он даже вынужден тратить время на отдых и откладывать дела, потому как физических возможностей у него пока не хватает. Такой тип привычки, конечно, ведет к выгоранию и серьезному эмоциональному истощению, высокой тревожности, беспокойства и чувства вины. Поскольку человек в общем перегружен, потерял ощущение жизни, недоволен результатами своей работы, у него расплывчатые житейские цели, неудовлетворённость собой, заниженная самооценка и нерешительность.

Прокрастинация может воздействовать на самые разные сферы жизнедеятельности человека и приводить к различным отрицательным результатам, психологическое переживание которых тоже способно побуждать негативные эмоции и чувства.

Таким образом, нами была рассмотрена природа феномена прокрастинации как нездоровой привычки, которая со временем может закрепиться в таких структурных компонентах личности как поведенческий, когнитивный и эмоциональный.

Как выяснилось, основные причины прокрастинации находятся в плоскости самой личности, страха неудачи, перфекционизма, преувеличенного чувства долга, трудностей самоорганизации значимой деятельности. Негативными последствиями такой нездоровой привычки являются не только в снижение продуктивности и успешности личности, но и серьезные эмоциональные переживания своей неудачи, нерешительности, чувства вины, неудовлетворенность своей работой.

В ходе работы проанализированы различные виды прокрастинации (бытовая, прокрастинация в принятии решений, невротическая, компульсивная и академическая, а также расслабленная и напряжённая прокрастинация), проявление которых, на наш взгляд, обусловлено половозрастными, индивидуально-личностными, социальными факторами.

Перспективными задачами дальнейшего эмпирического исследования является изучение гендерных различий прокрастинации у студентов на разных курсах обучения в вузе, что позволит сформировать комплекс психолого-педагогических мер коррекционного и профилактического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лей К.Х. Черта прокрастинации и восприятие личностных задач // Журнал социального поведения личности. - 2013. - №7. - С. 483-494.
2. Стил П., Клингсик К.Б. Академическая прокрастинация: пересмотр психологических предпосылок // Психологические исследования. - 2016. - №51.- С. 36-46.
3. Ясная В.А., Ениколоцов С.Н. Современные модели перфекционизма // Психологические исследования. - 2013. - № 29. - С. 327-334.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE MANIFESTATION OF PROCRASTINATION OF PERSONALITY

Annotation. This paper reveals the relevance of the study and discusses the psychological features of the phenomenon of procrastination of personality, the causes of its development, as well as the classification of foreign and domestic authors. The article provides recommendations for self-correction of personality procrastination.

Keywords: procrastination, fear of failure, inability to plan, perfectionism, postponing decisions.

Zhizhko V.V.

Scientific supervisor: Esenova A.Yu., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: zhizhko-2002@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Жукова Д.Д.

*Научный руководитель: Могила Н.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные типы фразеологизмов, а также представлены приёмы и способы их перевода. Особое внимание уделено описанию сложностей, с которыми может столкнуться переводчик при передаче фразеологизмов восточнославянских языков на русский.

Ключевые слова: фразеологическая единица, перевод, язык, синонимия, вариативность.

Введение. Языкознание – это наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как его индивидуализированных представителях. Фразеология – раздел лингвистики, изучающий устойчивые выражения, которые помогают сделать язык выразительным, образным, в них находит отражение психологии народа, его обычаи, обряды и история.

Не секрет, что фразеологические единицы, в процессе речевого функционирования подвергаются преобразованиям. Эти изменения всегда имеют определенный стилистический и коммуникативный характер. Поэтому их перевод встречает ряд значительных трудностей, а именно:

- многие из них выступают яркими и эмоционально насыщенными поворотами, характерными для конкретного речевого стиля и часто обладающими ярко выраженным национальным оттенком;

- фразеологические единицы отличаются не только разнообразностью стилей, но и многозначностью.

Большинство исследователей полагает, что возможность достижения полноценного словарного перевода фразеологических единиц обусловлена соответствием между единицами исходного текста и языка перевода. При их переводе также необходимо учитывать специфику контекста, в котором они используются.

Цель статьи: проанализировать особенности перевода фразеологизмов со славянских языков на русский.

Задача исследования заключается в рассмотрении типов синонимии в составе фразеологизмов и вариативность их перевода; обобщении сведения о синонимии и вариативности фразеологических единиц при переводе их с одного языка на другой.

Без сомнения, хорошее владение любым языком невозможно без знания его фразеологии, что значительно облегчает чтение как художественной, так и публицистической литературы. Ученые утверждают, что важнейшей характеристикой образованного человека является его словарный запас, степень использования его в повседневной разговорной практике, а правильное использование фразеологизмов делает речь идиоматической. Благодаря фразеологическим выражениям, которые нельзя перевести дословно, а только воспринять переосмыслено, расширяется эстетический аспект языка. Поэтому систематизация способов перевода фразеологических единиц в зависимости от типа самой единицы является важной задачей переводоведения. В этом и заключается *актуальность* данной проблемы.

Основная часть. Важным моментом различных переводческих систем является единица перевода. Она значится основной в процессе модификации сообщения из исходного языка в переводной язык. Наиболее точное определение понятия «*единица перевода*» указано в работе Л.С. Бархударова: «Под единицей перевода мы имеем в виду такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте

перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода» [1, с. 174].

При переводе текста на другой язык, процесс начинается с расследования семантики отдельных лексических единиц, находящихся в его составе.

В.С. Виноградов отмечал, что слово – это основная единица языка, в ней хранится традиционно закрепленный набор информации, которую необходимо сохранять при переводе [2, с. 10].

Как уже говорилось, фразеологические единицы являются самыми трудными в переводческой деятельности. Поэтому задача переводчика не просто передать слова, но и сохранить дух и культурное наследие народа, которому они принадлежат.

Для того чтобы теоретически рассуждать о способах перевода фразеологических выражений, необходимо систематизировать всю фразеологию данного языка и разделить ее на группы, в которых проявлялись бы преобладающие подходы и приемы выражения фразеологических единиц.

Такие ученые, как Ш. Балли, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н.М. Шанский использовали лингвистические классификации в качестве опорной точки, основанные на критериях неразложимости фразеологизма и целостности его элементов. При этом рекомендовали учитывать также дополнительные признаки, такие как метафоричность и мотивировка значения.

В р фразеологизмы можно распределить по одному из следующих разделов, а именно:

- фразеологические единства (метафорические единицы),
- фразеологические сращения (идиомы),
- фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Примером модельной работы данной классификации в теории и практике перевода можно привести суждение А.И. Федорова. Исследуя основные лингвистические схемы своего времени (1968 год), он придерживается схемы, предложенной В.В. Виноградовым, и анализирует ее с позиции переводоведения. Например, ученый утверждает, что отсутствует четкая граница между отдельными категориями, так как существует разная степень мотивированности, ясность внутренней формы и национальная специфика единиц, которая может потребовать от переводчика подхода, аналогичного идиомам [3].

Советский лингвист Я.И. Рецкер отмечает, что данная классификация является удобной для теории и практики перевода. Он рекомендует использовать из нее только *единства* и *сращения*. Лексикограф считает, что для этих двух видов фразеологических выражений необходимо применять разные приемы перевода: перевод фразеологического единства должен быть образным, а перевод фразеологического сращения осуществляется в основном путем целостного преобразования.

Как утверждают лексикографы, все фразеологические единицы в русском языке можно условно раздел на две категории: исконно русские и заимствованные. Исконно русская фразеология включает общеславянские выражения (*ни рыба ни мясо, ни богу свечка ни черту кочерга, братъ за живое*), восточнославянские (*ни кола ни двора, из уст в уста, толочь воду в ступе, при царе Горохе*), собственно русские (*всем миром, во всю ивановскую, сматывать удочки, хлопот полон рот, Москва слезам не верит*).

Необходимо сделать акцент и на то, что общеславянские выражения имеют аналоги в славянских языках, восточнославянские – в украинском и белорусском, а собственно русские характерны только для русского языка.

Среди заимствованных фразеологизмов выделяют две группы: заимствования из славянских и неславянских языков. К славянским фразеологическим заимствованиям относятся главным образом выражения из старославянского языка: *альфа и омега*,

запретный плод, земля обетованная, златное место, исчадие ада, манна небесная, притча во языцех, хлеб насущный, в поте лица, плоть от плоти, святая святых, глас вопиющего в пустыне, вавилонское столпотворение. Источником данных фразеологических единиц послужили христианские книги (Библия, Евангелие), переведенные на старославянский язык.

История лексикологии и фразеологии ярко демонстрирует языковые процессы, которые способствовали формированию норм литературного языка.

Согласно исследованиям В.И. Зиминой, И.И. Чернышевой, феномен фразеологической синонимии и вариативности является одним из ключевых аспектов развития словарного состава русского языка [4]. Преобладающее множество наименований находит свое отражение в синонимических рядах, которые охватывают различные смысловые отношения между их компонентами. Лексикографическая область отличается насыщенностью и смешением этих разнообразных и разносторонних элементов, что приводит к обилию неотличимых синонимов.

Фразеологическими синонимами обычно называют фразеологические обороты, которые имеют схожие компоненты лексем, но не полностью совпадают по значению. *Фразеологические варианты* представляют собой фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические разновидности одной и той же фразеологической единицы. При сохранении единого значения, структуры и лексического состава, они могут отличаться одним компонентом, который приносит незначительные изменения в смысловой или стилистический характер. Например: «*быть на шпaгaтe*», «*быть на ветке*» (рус.) – «*быць на шпaгaцe*», «*быць на гaлiнцы*» (белорус.) – «*být na provázku*», «*být na větvi*» (чеш.). Оба выражения обозначают – «находиться в невыгодном или затруднительном положении»).

Фразеологическая синонимия. Фразеологизмы-синонимы – это выражения, состоящих из двух или более слов, которые имеют схожие значения. Они могут вступать в синонимические отношения, как между собой, так и со словом, при этом фразеологизмы, как правило, всегда несут дополнительную коннотацию. Синонимия во фразеологии и лексике имеет несколько общих и характерных особенностей. Важно различать синонимию и вариантность.

Синонимичные фраземы – это выражения тождественные и близкие по значению, они могут указывать на одно и то же конкретное значение, но при этом отличаться оттенками значения, стилистическими и эмоциональными оттенками, структурой и синтаксическими особенностями.

С учетом семантических и стилистических особенностей, можно выделить несколько видов фразеологических синонимов:

1) *Равнозначные синонимы* – выражают одно и то же понятие, одно и то же суждение. Они могут быть совершенно разными по оформлению и составу, но в то же время передают одно и то же понятие и относятся к одной стилистической категории – разговорной речи. Фразеологические выражения с различной структурой, лексикой и образностью могут быть объединены в однородные группы вместе с компаративными выражениями и парными сочетаниями, так как все они являются равнозначными синонимами и имеют схожую структуру.

Например: *Устанавливать связи с кем-либо* (рус.) – *Ўсталёўваць сувязі з кім-небудзь* (белорус.) [5] – *Navazovat kontakty s kýmkolí* (чеш.) [6]; *свободные часы, окно в расписании* (рус.) – *вольныя гадзіны, акно ў раскладзе* (белорус.) [5] – *volné hodiny, okno v rozvrhu* (чеш.) [6].

2) *Идеографические синонимы* – фразеологические единицы, выражающие хотя и одно понятие, но отличаются друг от друга семантическими оттенками. Семантические оттенки значения фразеологических синонимов являются второстепенными дополнительными элементами, выделяемыми в значении. Эти семантические оттенки

могут дифференцировать фразеологические синонимы в различных планах и, в первую очередь, в отношении интенсивности характеризуемого действия. Например: *за дзедам шведам (белорус.)* [5] – *при царе Горохе (рус.)* – *už jsem starý známý (чеш.)* [6], что означает «очень давно»; *два сапога пара (рус.)* – *абое рабое (белорус.)* [5] – *dvě boty pár (чеш.)*, что означает *быть похожими друг на друга* [6].

3) *Стилистические синонимы* – во фразеологии характеризуются общим значением и различиями в стилевом оттенке. Они возникают в результате вариации компонентов в синонимичных выражениях, вызванной различной функционально-стилистической принадлежностью слов, которые варьируются. В зависимости от того, к какой сфере употребления принадлежит варьируемый компонент – литературному языку, повседневной разговорной речи, специальной лексике или территориальным диалектам, стилистическая характеристика фразеологизма будет различаться.

Пример: *ломать копыя, скрещивать шпаги (рус.)* – *ламаць дзіды, крыжжаваць шпагі (белорус.)* – *lámat oštěpy, křížit provázky (чеш.)*, что означает «спорить, отстаивать свою точку зрения»; *хоть пруд пруди, что песку морского (рус.)* – *куры не клююць, хоць гаць гаці (белорус.)* [5] – *i když rybníky, so písek mořský (чеш.)* [6].

В славянских языках в составе фразеологизмов может варьироваться не одна лексема, а несколько: *брать (хватать) за сердце (за душу, за живое)* – *браць (хапаць) за сэрца (за душу, за жывое)* – *vzít (chytit) za srdce (za duši, za život)*, как *(точно, словно) заведенный (заведенная машина)* – *як (дакладна, нібы) заведзены (заведзеная машына)* – *jak (přesně jako) nastartované (nastartované auto)*, *твердый (крепкий) орех (орешек)* – *цвёрды (дужы) арэх (арэшак)* – *tvrdý (tvrdý) ořech (oříšek)*.

Как отмечает В.В. Виноградов, большинство фразеологических выражений в языке характеризуются отражением национально-культурных особенностей и способствуют появлению фразеологических параллелей [2].

Из-за отсутствия точного соответствия исходному фразеологизму его перевод осуществляется с использованием аналогичного фразеологизма-синонима, который имеет общее значение с переводимым фразеологизмом, но построен на другой словесно-образной основе. К группе межъязыковых фразеологических структурных синонимов относятся фразеологические выражения, которые имеют одинаковое значение, структуру и лексико-грамматическую организацию, но отличаются по компонентному составу.

Заключение. Подводя итоги исследования фразеологических единиц в контексте межъязыкового сравнения, можно отметить:

– Каждый язык обладает своей национально-уникальной особенностью в лингвоэтническом понимании носителями языка.

– Вероятность полноценного перевода фразеологических единиц зависит, в первую очередь, от взаимосвязи между исходным языком и языком перевода, а именно:

1) Если фразеологическая единица включает ясное и не зависящее от контекста соотношение между значением и контекстом, она может быть полностью переведена без искажения в языке перевода.

2) В случае, если в языке перевода отсутствуют аналоги или эквиваленты фразеологической единицы, она становится непереводимой в словарном смысле.

3) Однако, фразеологическая единица может быть передана в языке перевода через определенное соотношение, при этом небольшие отступления от полного перевода могут быть допустимы. Часто такие эквиваленты существуют для фразеологических единиц.

– Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о значительном сходстве фразеологических единиц восточнославянских языков как в содержательном, так и в выраженном аспектах, а также о совместных установках и закономерностях формирования фразеологических единиц в русском и славянских языках.

– Фразеологические единицы, являясь своеобразными элементами языка, выполняют одну и ту же функцию и играют одинаковую роль в его системе. Они сохраняют языковые образы, которые служат способом восприятия окружающего мира и значительно влияют на его формирование, выражают оценочное отношение к действительности и тесно связаны с менталитетом различных народов и наций. Развитие фразеологизмов неразрывно связано с окружающей средой данной лингвистической области.

– Помимо соотношения между языками, важно также понимать и учет контекста при переводе фразеологических единиц. Он может значительно влиять на выбор и верность перевода.

Таким образом, при переводе фразеологических единиц необходимо учитывать связь между исходным языком и языком перевода, а также сопутствующие особенности, чтобы обеспечить наиболее точное и адекватное передачу смысла и звучания фразеологических выражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Международ. отношения, 1975. – 240 с.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Федоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973.- 171 с.
4. Зимин В.И. Современная фразеология: тенденции и инновации/ В. И. Зимин. – М.: Новый проект, 2016. – 200 с.
5. Зьміцер, С. Ф. Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем. – Минск: Навука І тэхніка, 1991.
6. Степанова, Л.И. Русско-чешский фразеологический словарь. – Olomouc: Univ. Palackého, 2007. – 878 с.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS EAST SLAVIC LANGUAGES INTO RUSSIAN

Annotation. This article discusses various types of phraseological units, as well as presents techniques and methods of their translation. Special attention is paid to the description of the difficulties that a translator may encounter when translating phraseological units of East Slavic languages into Russian.

Keywords: phraseological unit, translation, language, synonymy, variability.

Zhukova D.D.

Scientific supervisor: St.Rev. Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E. S. Otin – Mogila N. N.

GOU VPO DonGU

E-mail: dzhukova629@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зайцева Н.Д.

*Научный руководитель: Красулина В. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе поднимается вопрос семьи как первичного и наиболее важного социального окружения, в котором формируется личность подростка. Рассматриваются особенности формирования личности подростков в зависимости от различных сценариев внутрисемейных отношений, от различных типов семьи и условий, в которых проживает подросток.

Ключевые слова: личность, семья, тип семьи, подростки.

Вступление. Внутрисемейные отношения – это структура взаимодействия в определённой семейной ячейке, в которую входит проявление любви, заботы, понимания, стили воспитания и многое другое. Качество и динамика внутрисемейных отношений играют решающую роль в становлении индивидуальности и поведенческих черт ребёнка, так как значимый взрослый для него – это идеал к которому нужно стремиться, которому нужно стараться подражать, которого нужно слушать и принимать.

Основная часть. Известно, что в период новорожденности дети эмоционально зависимы от взрослого, им необходимо эмоциональное общение, близость, некий симбиоз, некоторые авторы и вовсе указывают на необходимость «донашивания» детей [1]. В этом плане младенчество не принципиально отличается от новорожденности, разве что эмоциональное общение принимает уже большую осознанность. Далее раннее детство, хоть и знаменует первые явные попытки автономности, однако это и тот период, когда появляются первые действия и взаимодействия. Поскольку ребёнок не имеет готовых образцов действий, то в процессе овладения любым и его видов ориентируется в первую очередь на взрослого. В дошкольном возрасте взрослый воспринимается ребёнком как источник знаний и умений, которые ребёнок старается применить. Этот возраст сопрягается с чувствительностью к оценкам взрослого. Приобретая базовые умения и знания, ребёнок неосознанно обрастает определённым социальным опытом, традициями, установками, ценностями, нормами, мировоззрением, стилем взаимодействия, даже полоролевой идентичностью. Вопрос того, кто же этот загадочный взрослый, можно назвать риторическим - это мама, папа, бабушка, дедушка, брат, сестра и т.д. - мы назвали базовую структуру семьи, обличая тех самых взрослых. Стоит отметить, что в семье довольно длительно организуется социальная ситуация развития ребёнка, по Л.С. Выготскому, что так же является важным фактором формирования личности. Таким образом, внутрисемейная среда, разнообразные факторы внутри семьи играют ключевую роль в развитии личности подростков и оказывают непосредственное влияние на психологическое и эмоциональное развитие, формируя ценности, убеждения и образ мышления [2].

Особенности внутрисемейных отношений изучали Э. Арутюнянц, А. Бандура, Ю. Гиппенрейтер, И.С. Кон, В.К. Кочисов, Р. Кэмбелл и так далее. Одним из важных факторов является влияние родителей на мировоззрение подростка. Этот процесс может быть как положительным (поддержка, воспитание, обучение жизненным навыкам), так и отрицательным (жестокость, неразумные требования, непостоянство в воспитании). Иерархия ценностей, которые поддерживаются внутри семьи, формируют основу для моральных установок подростка. Культурные и религиозные аспекты семейной жизни

также могут оказывать значительное влияние на систему ценностей подростка. Немаловажно качество эмоциональной атмосферы в семье, такой как любовь, поддержка и уважение – это имеет глубокое влияние на эмоциональное развитие подростка. Семейные конфликты, насилие и недостаток внимания также могут негативно повлиять на психологическое состояние подростка [3].

Важным аспектом является образец поведения, который родители демонстрируют своим детям. Если родители проявляют интерес к обучению, чтению, исследованиям и творческим занятиям, вероятно, их дети также будут придерживаться подобного подхода. Общение внутри семьи, открытость к диалогу, умение слушать и понимать друг друга способствуют формированию коммуникативных навыков и уровня эмпатии у подростка. С экономической стороны важно, чтобы родители обеспечивали подходящие условия для развития ума и творчества, включая доступ к разнообразным культурным и образовательным ресурсам. Поддержка и поощрение со стороны родителей играют ключевую роль в стимулировании интересов и мотивации подростков к учебе и творческой деятельности. Открытая и доверительная коммуникация между родителями и подростками позволяет детям чувствовать себя уверенно в выражении своих мыслей, идей и чувств, что важно для развития их умственных способностей и творческого потенциала.

Самооценке подростка и её связи с внутрисемейными отношениями можно выделить отдельную статью, но освещая основные моменты можно сказать, что многие родители в основном не готовы конструктивно взаимодействовать со своими повзрослевшими детьми. Стоит отметить, что, наблюдая за подростковым возрастом своих детей, родители уже могут непосредственно наблюдать плоды своего воспитания, проводить анализ оправданности ожиданий, правильности шагов своих детей и реагировать на то, что не входило в их планы, соразмерно своим возможностям. Кто-то начинает упрекать подростка, ругать, не обращать внимание на достоинства и подчеркивать недостатки, формируя у подростков заниженную самооценку и синдром самозванца, при котором подросток просто не способен оценить свои достоинства, а все удаchi приписывает случайному стечению обстоятельств. Кто-то на основании своего опыта, ведёт подростка по дороге «самого лучшего», где похвала и позитивное подкрепление поступает по поводу всего, что делает сто он делает и над ним не совершается никакого контроля. Это может привести к завышенной самооценке, эгоцентризму и нарциссизму. Кто-то же уповает, что всё само пройдёт и не оказывает на жизнь подростка хоть сколько значимого воздействия. Такое поведение может привести к абсолютно непредсказуемому сценарию формирования личности подростка.

Затронем и тему конфликтных семей и жестокого обращения с детьми. В последние десятилетия разрушился миф о том, что дети – это единственный привилегированный класс в нашем обществе, охраняемый и оберегаемый. Насилие над детьми в семье, теперь является одним из серьёзнейших проблем современного общества. В зоне риска применения различных видов насилия к своим детям, относятся следующие категории семей: семьи со сложной материальной ситуацией как по вынужденным, так и по халатным причинам; многодетные семьи, которые как правило и мало обеспечены и не способны распределить внимание равноценно; неполные и конфликтные семьи; семьи с усыновленными детьми. Один из основных подходов к объяснению причин жестокого обращения с детьми заключается в том, что многие взрослые, проявлявшие жестокость в обращении с детьми, сами в детстве подвергались подобному обращению. Один из возможных механизмов этого – воспроизводство ролевых моделей родителей. Другой механизм формируется при попытке родителя, в детстве страдавшего от жестокости, общаться с ребенком противоположным образом. И в этом случае родитель ориентируется не на конкретного ребенка с его особенностями, а на свои представления о том, как не нужно его воспитывать. Иногда родители, пережившие в семье жестокость,

склонны подавлять негативные эмоции, накопление которых в определенных условиях может привести к мало контролируемым вспышкам агрессии в адрес ребенка. Это ещё раз подтверждает гипотезу, что определённые семейные условия, несут за собой определённые последствия.

Поэтому, особенно молодым родителям нужно понимать, что родительство это не только умиление первым шагам ребёнка и гарантия стакана воды в старости, а ответственность и каждодневная работа. Как при планировании здания необходимо сделать планы и чертежи, правильно залить фундамент и использовать качественные материалы, так и ребенку нужно дать хорошую базу, подкрепляемую и подтверждаемую своим же поведением.

Стоит отметить, что разнообразие семейных структур так же оказывает значительное влияние на подростков, формируя их поведенческие паттерны и способность адаптироваться к социуму. Рассмотрим различные семейные структуры, влияющие на подростка [5]:

1. Полные семьи (родители и дети):

- **Поддержка и стабильность:** в полных семьях подростки обычно имеют стабильную семейную обстановку, что может обеспечивать им чувство уверенности и безопасности.

- **Положительные образцы поведения:** в присутствии обоих родителей подростки могут видеть положительные образцы отношений и поведения, что способствует формированию их моральных убеждений.

В полных семьях, где оба родителя присутствуют, подростки часто имеют стабильный эмоциональный фундамент, что может способствовать их уверенности и самооценке. Они могут видеть положительные образцы отношений и поведения, что влияет на формирование их собственных ценностей.

2. Неполные семьи (один из родителей отсутствует):

- **Эмоциональные трудности:** подростки в неполных семьях могут столкнуться с эмоциональными трудностями, связанными с отсутствием одного из родителей, особенно если развод произошел недавно.

- **Больше ответственности:** они часто берут на себя больше ответственности в домашних делах и заботе о семье, что может повлиять на их социальные и учебные аспекты жизни.

В неполных семьях, где один из родителей отсутствует, подростки могут столкнуться с эмоциональными трудностями, особенно если развод произошел недавно. Они часто берут на себя дополнительные ответственности в семье, что может повлиять на их социальные отношения и учебу.

3. Семьи с одним родителем и новым партнером:

- **Адаптация к новым отношениям:** подростки могут столкнуться с необходимостью адаптироваться к новому родителю и, возможно, его/ее детям, что требует гибкости и терпения.

- **Социальная адаптация:** новые отношения могут повлиять на социальные связи подростка, интеграцию в расширенную семью и принятие новых ролей.

Семьи с новыми партнерами или приемными детьми предоставляют подросткам возможность адаптироваться к новым отношениям и ролям. Это может быть сложным, но такие семьи могут также предоставить расширенную поддержку и понимание.

4. Семьи с одним родителем (вдовцы или вдовы):

- **Потеря и траур:** подростки в семьях, потерявших одного из родителей, могут столкнуться с трауром и эмоциональным стрессом, что оказывает влияние на их психологическое состояние и поведение.

• Усиленная связь с оставшимся родителем: в таких семьях связь между подростком и оставшимся родителем может усилиться, что иногда способствует более тесным и поддерживающим отношениям.

5. Семьи с приемными детьми:

• Процесс адаптации: подростки могут столкнуться с процессом адаптации к новой семье, новым правилам и отношениям. Это может быть эмоционально интенсивным периодом.

• Расширенное семейное окружение: подростки из приемных семей могут иметь возможность развивать свои социальные навыки в более широком круге людей, что может быть полезным для их социальной адаптации.

Каждая семейная структура предоставляет уникальные возможности и вызовы, которые могут оказывать влияние на эмоциональное и социальное развитие подростка. Понимание этих влияний помогает родителям и педагогам поддерживать подростков в их уникальных семейных контекстах [6].

Заключение. Формирование личности подростка неразрывно связано с различными условиями внутрисемейных отношений и обстановкой внутри семьи. Именно в семье ребёнок получает первый жизненный опыт, приобретает умения и навыки, выстраивает мировоззрение, образцы установок и ценностей. Подросток может наблюдать определённую форму поведения мужчины и женщины, отца и матери, определённые способы решения конфликта, обработки эмоций и взаимодействия со сверстниками и усваивать это, не имея других аналогов. Именно поэтому родителям необходимо создавать и поддерживать благоприятный психологический климат, не противоречить себе, придерживаться своих же правил и норм. Не стоит так же забывать, что мир взрослых довольно противоречив и далеко не все люди сами по себе способны быть образцом для подражания. Излишняя критичность, не верное оценивание или напротив попустительство к себе и своему ребёнку в свою очередь оказывают влияние на социальное развитие и самооценку подростка. Нельзя пропустить и экономическую стабильность или нестабильность в семье, которая напрямую влияет на доступ к образованию, культурным и спортивным возможностям, что может нести собой определённые негативные тенденции в развитии личности.

Различные семейные структуры - будь то полные или неполные семьи, семьи с одним из родителей или с приемными детьми, неблагополучные семьи - оказывают влияние на эмоциональное, социальное и нравственное развитие подростка. Тип семьи, включая наличие обоих родителей, степень близости в отношениях, наличие братьев и сестер, может оказывать разное воздействие на формирование личности подростка. Например, подростки в неполных семьях могут столкнуться с уникальными вызовами и стратегиями правления и много другое. Совершенно ясно, что различные внутрисемейные условия влияют на развитие личности подростка, но как именно, будут ли определённые условия коррелировать с определёнными чертами личности, есть ли какие-то особенности и подводные камни, надлежит изучать эмпирическим путем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрановская Л. В. Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка / Л. В. Петрановская — «АСТ», 2015. - - С. 14-19
2. Аверин, В.А. Психология детей и подростков: Учеб. пособие. - 2-е изд., перераб. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – С. 34
3. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. - СПб.: Речь, 2005. – С. 67
4. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. М. Издательство: СПб.: Речь, 2003. 248с.
5. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. - СПб.: Питер, 2000. – С. 35
6. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. - М.: Эксмо – Пресс, 2010. – С. 57

**FEATURES OF THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF ADOLESCENTS IN VARIOUS
CONDITIONS OF INTRA-FAMILY RELATIONS**

Annotation. This paper raises the issue of the family as the primary and most important social environment in which the personality of a teenager is formed. The features of the formation of the personality of adolescents are considered, depending on various scenarios of intra-family relations, on various types of family and the conditions in which the teenager lives.

Keywords: personality, family, family type, teenagers.

Zaiceva N. D

Scientific adviser: Krasulina V.A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: zaicevanataha1@gmail.com

ПРИЁМ ФРЕЙМИРОВАНИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

Капуста А.О.

*Научный руководитель: Антоненко Ц.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье исследуется приём фреймирования медиапространства в контексте отражения информационных атак. Автор выясняет, как формируются и воздействуют фреймы в процессе передачи информации, освещает механизмы их создания в медийной среде. Статья рассматривает стратегии использования фреймов для воздействия на общественное мнение и формирования представлений об информационных событиях. Особое внимание уделяется влиянию фреймирования на восприятие аудитории и эмоциональные реакции. Полученные результаты могут быть полезны для понимания динамики информационных процессов и разработки медиастратегий в условиях информационных атак.
Ключевые слова: фрейм, фреймирование, медиапространство, информационная атака.

Вступление. С увеличением важности информационного пространства и цифровых медиа вопросы формирования и контроля общественного мнения приобретают стратегическое значение, требуя более глубокого понимания механизмов воздействия информационных атак.

Анализ и исследование приёмов фреймирования медиапространства имеет прямое отношение к пониманию того, как различные интересы и силы могут манипулировать информацией для достижения своих целей. В современном мире информационные атаки становятся все более изощрёнными, и понимание, как они воздействуют на медийные платформы и общественное мнение, становится важным аспектом для эффективной защиты от манипуляций и дезинформации.

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе применяемых приёмов фреймирования медиапространства в контексте отражения информационных атак ввиду понимания их влияния на формирование общественного мнения и восприятия событий окружающей реальности.

Основная часть. Термин «фрейм» стал широко известен благодаря работам американского ученого Марвина Минского, занимавшегося исследованиями в области искусственного интеллекта. Позднее появились термины «фреймирование» и «рефреймирование», образованные путем калькирования с английского языка. В лексикографии английского слова «frame» имеют множество переводов, таких как сооружение, остов, структура, рама, ферма, кадр и другие [1, с. 87].

В контексте когнитологии фрейм представляет собой способ компактного хранения информации в сознании. Это когнитивная структура, основанная на восприятии знаний о типичных ситуациях, и связанных с ними ожиданиях, свойствах и отношениях объектов. Фрейм можно рассматривать как сценарий с фиксированным набором стереотипных ситуаций, который представляет собой универсальную схему для сбора мыслительных образов [2, с. 186].

Фрейм создается в мыслях как последовательность действий и состав участников в определенной ситуации. Это некая универсальная схема, которую можно быстро применить к различным мыслительным операциям и принять необходимые решения, ускоряя реакцию. Исходно фрейм пуст, представляя собой только структуру данных о тексте, без конкретных сведений. Заполненный фрейм представляет собой выражение смысла текста, где конкретные сведения вносятся в предварительно составленную структуру данных о сценарии.

Важным аспектом фрейминга является процесс отбора и выделения аспектов реальности в журналистских материалах. Этот процесс направлен на подчеркивание важности определенных аспектов, делая их более выделяющимися (*salient*) в глазах аудитории. Таким образом, фрейминг не только выбирает информацию для отображения, но и влияет на ее восприятие, формируя определенные интерпретации и оценочные суждения.

Определение фрейминга в политико-коммуникационном контексте представляет собой задачу несмотря на обилие вариаций в научных определениях. Большинство исследователей сходятся в том, что фрейминг означает отбор аспектов реальности для подчеркивания их важности, формируя определенные причинно-следственные связи, этические оценки и рекомендации по действиям в отношении той или иной ситуации.

Фрейминг, в целом, означает процесс создания определенного образа действительности в медиа-пространстве. Это ключевое понятие в исследовании коммуникации и журналистики. Важно различать два аспекта этого термина: глагольный («*to frame*») и существительный («*a frame*»). Глагол «*to frame*» относится к действию по созданию определенного образа реальности, в то время как существительное «*a frame*» означает результат этого процесса [3, с. 1236].

Согласно определению, предложенному в 1989 году Гэмсоном и Модильяни, фрейм – это стержневая идея коммуникационного текста, выявляющая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения. Он содержит в себе артикуляцию проблемной ситуации, предпочтительные способы ее разрешения и определенные моральные суждения [1, с. 88]. Это позволяет рассматривать фрейм не только как отражение реальности, но и как инструмент формирования представления о ней.

Существуют различные типы фреймов, включая «фрейм в поддержку» (*advocate frame*), который ориентирует внимание аудитории на определенные аспекты события, освещаемого каналами медиа. Это свидетельствует о том, что фрейминг часто используется для достижения определенных целей и воздействия на общественное мнение.

Таким образом, фрейминг представляет собой сложный процесс воздействия на восприятие информации, который имеет как субъективный, так и манипулятивный потенциал. Он играет ключевую роль в формировании общественного дискурса, определяя то, какие аспекты реальности становятся более выделяющимися и значимыми для общества.

Существует разделение на медийные и индивидуальные фреймы в зависимости от того, кто является носителем фреймов. Медийные фреймы позволяют журналистам «упаковать» события, используя уже существующие шаблоны, что экономит временные и интеллектуальные ресурсы при создании материалов. Индивидуальные фреймы, напротив, представляют собой образы и идеи, присутствующие в сознании аудитории, через которые люди воспринимают информацию от масс-медиа. Индивидуальные фреймы могут быть рассмотрены с двух точек зрения. В одной интерпретации, они являются частью общей культуры и представляют собой устойчивые шаблоны оценивания реальности. В другой интерпретации, они представляют собой когнитивные схемы, которые базируются на личном опыте и ценностных установках индивида, помогая ему перерабатывать информацию и формировать собственное отношение к событиям.

Исходя из вышеприведенных разъяснений, прием фреймирования медиапространства представляет собой систематическое формирование и воздействие на образы, шаблоны и контекст, которые используются при представлении информации в СМИ. Этот процесс включает в себя активное выборочное представление аспектов событий, а также использование определенных лингвистических, визуальных и

культурных элементов для придания особого значения определенным аспектам представляемой информации.

Медийные фреймы, формируемые при помощи приемов фремирования, обеспечивают журналистам и редакторам способ «упаковать» информацию, используя заранее созданные шаблоны и концепции. Это упрощает передачу событий и делает их более доступными для понимания широкой аудитории. Приемы фремирования также включают в себя выбор определенных терминов, метафор и изображений для создания желаемого контекста и воздействия на восприятие [4, с. 157].

Следует отметить, что приемы фремирования применяются не только на уровне массовых медий, но и могут влиять на индивидуальные фреймы, которые формируют восприятие событий и информации конкретными индивидами. Таким образом, прием фремирования медиапространства является стратегическим методом воздействия на общественное мнение и формирования определенных представлений о реальности.

Теперь целесообразно проанализировать роль приёма фремирования медиапространства в процессе отражения информационных атак.

Так, информационная атака в медиапространстве представляет собой стратегию или набор действий, направленных на манипуляцию общественным мнением через средства массовой информации. Целью таких атак может быть влияние на восприятие событий, дискредитация определенных личностей, организаций или государственных структур, распространение дезинформации или создание иллюзии определенной реальности.

Информационные атаки могут принимать различные формы, такие как фейковые новости, манипулятивные фреймы, дезинформационные кампании, кибератаки на информационные системы, и другие. Часто такие атаки используются для достижения политических, экономических или идеологических целей [4, с. 107].

Отражение информационных атак в медиапространстве требует комплексного подхода. Один из методов – повышение медиаграмотности общества, обучение критическому мышлению и развитие навыков фильтрации информации. Эффективным считается также улучшение законодательства, направленного на борьбу с дезинформацией, и сотрудничество между правительством, обществом и медиа для выявления и противодействия информационным атакам. Кроме того, развитие технологических средств для выявления фейков и манипуляций в информационных потоках также играет важную роль в защите медиапространства от воздействия атак.

В целом, в медиапространстве используют восемь приемов для успешной манипуляции сознанием, включая отсутствие диалогового режима, использование авторитетных личностей, хаотичные методы представления информации, эмоциональные удары, метод сенсаций, ежедневное показывание зрелищ смерти, применение нейролингвистического программирования и создание рваного информационного поля [5, с. 454-455].

При этом, принцип фреймирования медиапространства в процессе отражения информационных атак играет ключевую роль в формировании общественного восприятия и понимания событий. Фреймы представляют собой когнитивные структуры, используемые для организации информации и выделения ключевых аспектов сообщаемых событий. В контексте отражения информационных атак, медийные фреймы могут использоваться для акцентирования внимания на определенных аспектах атаки, изменения контекста или формирования определенной нравственной оценки.

Применение приема фреймирования включает выбор определенных терминов, лексики, метафор и изображений, чтобы представить информацию в определенном свете. Например, с использованием позитивно окрашенных фреймов можно попытаться смягчить воздействие информационной атаки или даже изменить ее трактовку. С другой

стороны, негативные медийные фреймы могут усилить воздействие атаки, направляя внимание общественности на ее вредные последствия.

Отражение информационных атак с использованием фреймирования также включает в себя адаптацию к быстро меняющейся ситуации. Журналисты и редакторы медийных ресурсов должны быть готовы к анализу поступающей информации, выявлению фреймов, используемых атакующими, и активному формированию контр-фреймов для более объективного представления событий. Эффективное использование приема фреймирования требует высокой медиаграмотности и ответственности со стороны информационных ресурсов в поддержании честного и точного представления событий, несмотря на попытки искажения информации в ходе информационных атак [6, с. 9].

В контексте отражения информационных атак через приём фреймирования медиапространства, важно отметить, что выбор конкретных фреймов может существенно влиять на восприятие событий аудиторией. Применение данного приёма предполагает формирование особых рамок вокруг представления информации с целью воздействия на общественное мнение и восприятие событий.

Например, журналисты могут использовать фрейм, который акцентирует внимание на страданиях и последствиях для потенциальных «жертв» информационной атаки. Эмоциональная составляющая подобного фрейма может вызвать сильный отклик у аудитории и формировать ее отрицательное отношение к агрессорам.

В рамках национальной безопасности медийные ресурсы могут выбирать фреймы, подчеркивающие угрозу со стороны внешних сил и необходимость защиты национальных интересов. Это создает контекст, в котором информационная атака воспринимается как потенциальная угроза для страны, мобилизуя общественную поддержку для принятия мер.

Акцентирование этических аспектов атаки через фреймирование может направить внимание общественности на нарушения международных норм или использование дезинформации. Это может стимулировать требования к ответственности и мерам против агрессоров.

Создание контр-фреймов, направленных на разоблачение дезинформации и восстановление правдивого контекста, является еще одним способом применения приёма фреймирования. Это предоставляет обществу альтернативный взгляд на ситуацию, корректируя искаженные представления.

В экономическом контексте, журналисты могут использовать фреймы, связанные с потенциальными экономическими последствиями атаки, такими как ущерб для бизнеса, потеря доверия инвесторов или воздействие на рыночные показатели.

Таким образом, фреймирование медиапространства в ответ на информационные атаки представляет собой сложный процесс, включающий выбор и акцентирование определенных аспектов событий с целью воздействия на общественное мнение и формирования конкретного восприятия происходящего.

Выводы. Приём фреймирования медиапространства представляет собой стратегию формирования восприятия общественности путем акцентирования определенных аспектов событий, контекстов или персон в информационных материалах. Он направлен на создание определенной интерпретации и эмоционального отклика аудитории, влияя на образ событий в общественном сознании.

Приём фреймирования медиапространства в процессе отражения информационных атак играет ключевую роль в формировании восприятия общественности о событиях, и включают в себя формирование альтернативных фреймов, использование объективного языка, взаимодействие с аудиторией и медиаобразование. Комплексный подход и совокупность этих приёмов содействуют созданию более устойчивого и открытого медиапространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаков, А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок / А.А. Казаков // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2014. – №4. – С. 85-90.
2. Антоненко, Ц.А. Фрейм из XX века в XXI / Ц.А. Антоненко // Вестник студенческого научного общества. Гуманитарные науки. – Д.: ДонНУ. 2018. – Вып.10. – Т.2. – С.184-188.
2. Скрипникова, А. И. Фреймирование и рефреймирование в масс-медиа / А. И. Скрипникова // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 1235-1238.
3. Самкова, М.А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города / М.А. Самкова // Политическая лингвистика. – 2021. – №5 (89). – С. 156-167.
4. Коцюбинская, Л.В. Информационная атака: понятие и онтологические свойства / Л.В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. – 2017. – №6. – С. 106-111.
5. Антоненко, Ц.А. Манипуляции информацией в условиях противостояния телевизионных СМИ / Ц.А. Антоненко // Наука и мир в языковом пространстве: материалы II Республиканской очно-заочной конференции (Макеевка 23 ноября 2016 г.) / научн. ред. Артамонова И.М. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – Вып. 1. – С. 453–458.
6. Болдырихин, Н. В. Аналитический обзор сетевых атак / Н. В. Болдырихин, М.В. Карпенко, А.В. Корнилова // Молодой ученый. – 2022. – № 51 (446). – С. 8-11.

THE TECHNIQUE OF MEDIA SPACE FORMATION IN THE PROCESS OF REPELLING INFORMATION ATTACKS

Annotation. This article examines the technique of framing the media space in the context of repelling information attacks. The author finds out how frames are formed and affected in the process of transmitting information, highlighting the mechanisms of their creation in the media environment. The article examines strategies for using frames to influence public opinion and form ideas about information events. Special attention is paid to the effect of framing on audience perception and emotional reactions. The results obtained can be useful for understanding the dynamics of information processes and developing media strategies in the context of information attacks.

Keywords: frame, framing, media space, information attack.

Kapusta A.O.

Scientific supervisor: Antonenko Ts.A., Senior Professor of the Department of Journalism

Donetsk State University

E-mail: allakapusta777@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТА В TELEGRAM И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АУДИТОРИЮ

Клочкова В.А.

*Научный руководитель: Якель А.О., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности медиатекста в мессенджере Telegram. Автор анализирует реализацию медиатекста на данной платформе и стремится исследовать инструменты, с помощью которых медиатекст способен влиять на аудиторию. В статье также дается оценка воздействия медиатекста в Telegram, насколько безопасным или деструктивным может быть медиатекст для аудитории в данном мессенджере.

Ключевые слова: медиатекст, медиаконтент, мессенджер Telegram, медиапотребление, массовая коммуникация, платформа.

Современная массовая коммуникация во многом строится не на традиционных каналах и способах передачи информации, а на использовании новейших медиа. Разнообразии цифровых платформ, мессенджеров, социальных сетей позволило расширить возможности журналистики в донесении информации и получении обратной связи, а массовая коммуникация стала эффективнее за счет того, что теперь пользователю достаточно иметь в руках смартфон, чтобы быть включенным в информационные потоки. Изменилось и понимание журналистского текста, что повлекло за собой популяризацию нового термина, который в полной мере раскрывает смысл текста в цифровой среде – медиатекст. Современный медиапользователь имеет дело именно с медиатекстом на различных площадках, сайтах, информационных ресурсах, и, конечно, мессенджерах. Каждый такой ресурс имеет ряд определенных особенностей, влияющих и на то, каким предстанет медиатекст перед пользователем. Данное исследование посвящено особенностям медиатекста в Telegram, поскольку этот мессенджер не только является одним из самых популярных в России, но и по причине того, что он во многом задает тренды цифровой массовой коммуникации.

Актуальность исследования связана с тем, что мессенджер Telegram популярен среди медиапотребителей. Кроме того, данный мессенджер позиционируется как текстовый. Он не предназначен для того, чтобы люди делились фотографиями с короткими подписями, как это делается в иных мессенджерах и социальных сетях. Для Telegram свойственен именно текстовый формат, поэтому медиатекст непосредственно в этом мессенджере представляет научный интерес. Новизна исследования обоснована тем, что мы делаем акцент на изучении воздействия медиатекста в Telegram. Дело в том, что многие исследователи рассматривают специфику медиатекста в данном мессенджере, уже выявлены многие особенности медиатекстов. Однако, анализ литературы по теме показал, что крайне редко исследователи изучают медиатекст в Telegram как способ воздействия на аудиторию, инструмент формирования мнения. Поэтому мы и предлагаем рассмотреть малоизученные аспекты медиатекста в Telegram.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить особенности медиатекста в мессенджере Telegram, обосновать природу их возникновения, а также выявить, как именно медиатекст в Telegram воздействует на аудиторию, за счет каких инструментов влияние на потребителя представляется возможным.

Итак, прежде чем говорить об особенностях медиатекста в Telegram, во-первых, определимся, почему тексты в Telegram относятся именно к медиатекстам, а, во-вторых, какие функциональные особенности платформы позволяют создать на ней непосредственно медиатексты. Стоит отметить, что существует множество трактовок понятия «медиатекст», поскольку исследователи смотрят на этот вопрос по-разному.

Под медиатекстом, как правило, понимается текст в массовой коммуникации, который от обычного текста отличается объемом и многослойностью, то есть текст предстает не только как набор знаков, но и как визуальная или аудиальная компонента. Медиатекст рассматривается как комплекс, куда входит и сам текст непосредственно (как информация, передаваемая аудитории), так и все, что этот текст сопровождает, а именно мультимедийные компоненты: фотографии, видео, аудиозаписи, иллюстрации, схемы, графики, интерактивные компоненты. Исследователь медиатекстов Добросклонская в своей публикации отмечает, что текст в его традиционном понимании при переносе в сферу масс-медиа расширяет свои границы и предполагает последовательность не только вербальных знаков, а любых других [1].

В Telegram контент представлен именно таким образом, как некое единое целое, в котором есть разнообразные форматы, жанры и инструменты для общения с аудиторией. Кроме того, текст в мессенджере не только обладает мультимедийностью, он также побуждает пользователя дать обратную связь, что можно сделать либо посредством написания комментария к посту, либо кликнув на значок реакции, тем самым выразив свое мнение относительно темы/проблемы/ситуации. Технологические и функциональные возможности платформы влияют на то, каким будет в итоге медиатекст. В публикации «Особенности медиатекста в мессенджере Telegram» исследователь Сулаквелидзе пишет следующее: «Добавляются новации, например, такие как новые возможности платформы Telegram: медиатекст с полноценного сайта издания сворачивается в небольшой пост-сообщение, оформленный так, чтобы он был читабельным в рамках данного мессенджера» [2]. Таким образом, получается, что медиатекст может выглядеть совершенно по-разному даже в рамках одной платформы.

Говоря о медиатексте в Telegram, стоит проанализировать форму реализации текста на данной платформе. Отличительной особенностью мессенджера является формат публичных каналов, где медиатексты и публикуются. Автор канала может распространять информацию на большую аудиторию, при этом оставаться анонимным. Таким образом, медиатекст в Telegram реализуется посредством постов в публичных каналах.

Медиатекст в цифровой среде обладает тремя основными характеристиками, отличающими его от традиционных журналистских текстов. Это гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность. Мессенджер Telegram позволяет в полной мере использовать арсенал инструментов медиатекста. Гипертекстуальность выражается наличием ссылок на контент в рамках одного канала, на другие каналы в мессенджере и на источники контента за пределами платформы. При этом ссылки в Telegram можно изображать не только в форме обычных ссылок, но и записать ее как обычное слово, которое будет кликабельным и выделено синим цветом, чтобы визуально можно было определить наличие ссылки в посте. Такое оформление ссылки выглядит более эстетично, при этом нельзя сказать, что ссылка потеряется и не привлечет внимание пользователя даже, если она будет состоять из одного короткого слова. Это не только усиливает эстетическое наполнение канала, но и экономит место [3].

Мультимедийность в Telegram реализуется посредством наполнения постов визуальными мультимедийными компонентами, такими как фотографии, видео, музыка, аудиозаписи, подкасты, иллюстрации, графики, диаграммы. Поскольку мессенджер Telegram представляет собой платформу преимущественно для текстовых постов, мультимедийные материалы выполняют следующие функции: информативную (например, некоторую информацию проще не расписывать текстом, а изобразить в виде диаграммы или схемы), эстетическую (текст визуально малопривлекателен для современного общества медиапотребления), демонстративную (фотография как подтверждение написанного в посте), развлекательную (Telegram как инфотейнмент), формирования мнения (визуальные объекты, как правило, оказывают большее влияние

на пользователя, чем текстовые, кроме того, именно визуальный компонент обычно и привлекает к тексту медиапотребителя).

Интерактивность данного мессенджера проявляется в форме опросов, голосований, викторин, ответов на вопросы в комментариях, реакциях. В Telegram также популярна такая форма интерактивности, как посты-активности. Обычно это рубрика, которая наиболее популярна на канале и вызывает больше всего желания у пользователей проявить активность и написать комментарий. Популярна на данной платформе активность под постами-мемами. Автор канала публикует мем и просит в комментариях присылать мемы, веселые картинки, все, что может поднять настроение. Выбор интерактивных приемов зависит не только от целей автора, но и от специфики канала. Каналы-агрегаторы Telegram (как например, каналы «Гуляй, Москва», «Московская хроника»), обычно не используют интерактивные формы общения с аудиторией, как правило, и функция комментирования постов в них отключена. В то же время на каналах, которые представляют собой личные блоги (такие как «Екатерина Самойлова_Пространство Созидания», «Alexandr Fedorov») используются различные формы интерактивного взаимодействия с подписчиками. Таким образом, направленность, тема и авторский подход к ведению блога влияют на то, насколько интерактивным будет медиатекст в Telegram.

Еще одной особенностью медиатекста в мессенджере Telegram является «эффект присутствия». Данная особенность связана с форматом каналов и персональная рассылки. Дело в том, что на данной платформе у пользователя создается впечатление, что автор канала пишет именно для него, а не для широкой аудитории. Эффект персонализированности, на наш взгляд, и делает Telegram популярной площадкой, где пользователю удобно находить лидеров мнений, единомышленников и интересных авторов контента [4].

Анонимность медиатекста также отличает данную платформу. Автору необязательно делиться личной информацией, здесь популярность каналов во многом решает качество контента и оперативность наполнения каналов. Можно сказать, что Telegram показал, что пользователю важен не сам источник информации, а ценность и важность информации.

Среди особенностей медиатекста в Telegram стоит выделить такую тенденцию, как отказ от кликбейтовости. На данной платформе ценится непосредственно вовлеченный читатель, который перешел на канал не по кликбейту, и который уйдет, как только поймет, что контент не удовлетворил его информационные потребности. Здесь важен пользователь, который останется с автором надолго и который, по сути, является единомышленником автора и остальных подписчиков в какой-то степени. Можно сказать, что канал представляет собой некое комьюнити, где люди собрались из-за схожих ценностей, мироощущения, потребностей. И именно посредством медиатекста пользователь может понять, близок ему тот или иной контент, понятен ли он ему, хочется ему присутствовать в инфополе канала или не хочется.

Медиатекст в Telegram способствует укреплению клипового мышления, которое присуще современному медиапотребителю. Под клиповым мышлением понимается способ мышления, при котором человек воспринимает мир в виде коротких ярких образов. Это очень фрагментарная картина мира, в которой нет системного понимания причинно-следственных связей, но есть лишь некоторый набор знаний о вещах, практически несвязанных между собой. Во многом, формирование такого способа мышления связано с современной информационной средой, а именно с популярностью социальных сетей, мессенджеров, платформ, сериалов, рекламы, которые в форме короткого по продолжительности или небольшого по размеру контента дают пользователю информацию о различных вещах окружающего мира. В качестве примера можно упомянуть скроллинг ленты в социальных сетях. Яркие

короткие видео или картинки сменяются одна за другой, человек получает несвязанную информацию, которая не может полноценно осмысляться мозгом, в результате чего возникает иллюзорная картина мира, максимально далекая от реальных или объективных представлений о происходящем.

Безусловно, контент в Telegram представляет собой персональную рассылку информации, так как посты из разных каналов создают определенный набор информации, так называемое «меню». Пользователь на протяжении какого-то времени потребляет контент совершенно несвязанный между собой, что является механизмом клипового мышления. Однако, стоит сказать, что Telegram несколько отличается от иных социальных сетей, платформ и в меньшей степени способствует формированию клипового мышления. Дело в том, что данный мессенджер, как мы уже отмечали выше, создан для того, чтобы публиковать текстовую информацию и создавать более глубокий и осмысленный контент для пользователей. Эта платформа для тех, кто хочет делиться мнениями, мыслями, и для тех, кто готов читать и вдумчиво поглощать информацию, а не посредством скроллинга отдыхать от реальности в виртуальной среде. В Telegram текст как часть медиатекста является доминирующим и наиболее важным компонентом. Безусловно, мультимедиа необходимы для высокого качества контента, привлечения пользователей и вовлечения их в свою целевую аудиторию. Но на данной платформе текст является главным инструментом информирования, а мультимедиа в свою очередь являются вспомогательными элементами. Поэтому, мы пришли к выводу, что Telegram способствует формированию клипового мышления в том случае, если пользователь бездумно переходит с канала на канал, не вникает в смыслы медиатекста, не стремится с помощью информации в данном мессенджере получить образовательную, познавательную информацию, позитивно сказывающуюся на формировании осознанной личности. Таким образом, мы пришли к важному аспекту нашего исследования – изучению воздействия медиатекста в Telegram.

Исследователь Я. П. Солдаткина в публикации «Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров» отмечает, что Telegram позитивно сказывается на информационной среде и пишет следующее: «Telegram-каналы актуализировали и категорию «авторства» – уникальной авторской трактовки контента, и адресацию к «думающему» читателю медиа, что в целом может свидетельствовать об определенном оздоровлении медиaprостранства и тенденции к повышению качества сетевого медиатекста» [5]. Действительно, если в целом привлечение аудитории на свой ресурс/аккаунт/сайт осуществляется посредством медиатекста, в котором используются кликбейты, сенсационность, психологические уловки (как вербальные, так и визуальные), манипуляции, то в Telegram наблюдается более здоровое и даже адекватное к пользователю.

Медиатекст в Telegram должен не столько цеплять, сколько заставить читателя углубиться в тему и остаться на канале по собственному желанию, из интереса. Таким образом, мы считаем, что воздействие медиатекста в мессенджере менее деструктивно, чем на иных площадках. В качестве сравнения приведем пример. В социальной сети «ВКонтакте» кликбейтовость, сенсационность и навязчивость являются наиболее популярными инструментами привлечения аудитории. Раздел с видео на данной платформе, на наш взгляд, обладает деструктивным потенциалом, поскольку реализует механизм формирования клипового мышления. Скроллинг коротких, несвязанных между собой видеороликов не только не формирует адекватного восприятия окружающего мира, этот процесс уводит пользователя от реальности, в результате чего человек может потратить много времени на просмотр таких видео, даже если собирался потратить на это не более пяти минут. Механизмы платформы созданы таким образом, чтобы удерживать пользователя на своих ресурсах. На наш взгляд, это деструктивный подход и он негативно влияет на психологическое состояние личности.

В то же время Telegram менее деструктивно воздействует на аудиторию. Здесь даже реклама выглядит менее навязчиво, так как представляет собой сообщение, которое не выделяется на фоне остальных сообщений и не перетягивает внимания на себя. К аналогичному мнению пришла и исследователь Сулаквелидзе: «Аудиторию мессенджера Telegram можно характеризовать как активную согласно основным положениям теории использования и удовлетворения: аудитория активно использует СМИ в соответствии со своими целями; инициатива в выборе СМИ принадлежит самому человеку; отдельные СМИ конкурируют между собой за удовлетворение потребностей аудитории; пользователи достаточно хорошо представляют, что и почему их интересует в СМИ и то, что они от них получают; использование одного и того же содержания различным образом. И, наконец, суждения о получаемой информации различаются в соответствии с ценностями пользователя» [2].

Таким образом, медиатекст в Telegram помимо мультимедийности, гипертекстуальности, интерактивности, анонимности, «эффекта присутствия» обладает чертами, которые в меньшей мере формируют клиповое мышление, чем большинство информационных ресурсов медиасреды. Медиатекст в Telegram воздействует преимущественно не с помощью уловок, манипуляций и приемов (как, например, кликбейтовость), а через качество контента, через глубину понимания автором того, о чем он говорит у себя на канале. Воздействие осуществляется как вербально (текстово), так и с помощью мультимедиа и интерактивных элементов, которые побуждают подписчика к проявлению активности. При этом, формат данного мессенджера способствует созданию контента, который предложит пользователю не поверхностно изучить контент, а углубленно и вдумчиво осмыслить информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестн. Моск. ун та. Сер. 10. Журналистика, 2005. С. 28.
2. Сулаквелидзе Н. М. Особенности медиатекста в мессенджере Telegram // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы. – Самара., 2018. – С. 241-247.
3. Яшина А. Р. Telegram-журналистика: как мессенджеры изменили СМИ // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва / сост. А. В. Столяров ; отв. за вып. П. В. Сенин. – Саранск, 2021. – С. 327–334.
4. Бондаренко О. В. Телеграм-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. – 2018. – № 2-2. – С. 170-172.
5. Солдаткина Я.В. «Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2018. – №3. – С. 326.

FEATURES OF THE MEDIA TEXT IN TELEGRAM AND ITS IMPACT ON THE AUDIENCE

Annotation. This article discusses the features of the media text in the Telegram messenger. The author analyzes the implementation of the media text on this platform and seeks to explore the tools by which the media text is able to influence the audience. The article also provides an assessment of the impact of the media text in Telegram, how safe or destructive the media text can be for the audience in this messenger.

Keywords: media text, media content, Telegram messenger, media consumption, mass communication, platform.

Klochkova V.A.

Scientific adviser: Yakel A. O., candidate of philological sciences, docent

Donetsk State University

E-mail: vlada2001ka@gmail.com

УДК 82...А/Я7

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЦИПИЕНТА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА

Кобзарь Н.С.

*Научный руководитель: Кораблев А.А., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция такого металитературного аспекта творчества Владимира Сорокина, как взаимоотношения литературы и реципиента на примере произведений «Роман», «Dostoevsky-trip», «Лед», «Путь Бро» и «Манарага». Показано, что на протяжении всего творческого пути автора характер описываемых в его произведениях отношений литературы и реципиента меняется путем перестановки ролей субъектов, которые метафорически обозначены в статье понятиями «палач» и «жертва». Если в ранних текстах писателя литература изображена в роли палача, а реципиент в роли жертвы, то в позднем творчестве эти роли становятся противоположными. Тексты периода творчества средних лет описывают переходную стадию, в которой реципиент становится в оппозицию по отношению к литературе.

Ключевые слова: Владимир Сорокин, металитература, литература и реципиент.

Поскольку Владимир Сорокин был творчески воспитан и сформирован как писатель в кругу московских концептуалистов, одной из специфических черт его творчества является металитературность и шире — метадискурсивность, присущая большинству произведений русского концептуалистского искусства: «...Гройс определяет концептуализм как метарефлексию над условиями и способом создания и восприятия искусства: ...Можно понимать его [концептуализм] более широко. При широком понимании "концептуализм" будет означать любую попытку отойти от деления предметов искусства как материальных объектов, предназначенных для созерцания и эстетической оценки, и перейти к формированию тех условий, которые диктуют восприятие произведений искусства зрителем, процедуру их порождения художником, их соотношение с элементами окружающей среды, их временной статус...» [1, с. 20]. Наличие данной отличительной черты исследователи (такие как, например, Илья Калинин и Дирк Уффельманн) отмечают даже в самых ранних работах автора [2] [1, с. 32-70]. Одной из металитературных тем, регулярно поднимаемых писателем в своих текстах, является тема отношений литературы и реципиента, развитие которой мы и рассмотрим в данной статье на примере таких работ автора как «Роман», «Dostoevsky-trip», «Лед», «Путь Бро» и «Манарага».

Роман Владимира Сорокина «Роман» обычно рассматривается исследователями и критиками как текст о смерти романа как жанра. В произведении этот жанр олицетворяет главный герой с соответствующим именем — Роман — который в финале романа совершает массовое убийство жителей деревни, в чем ему помогает его возлюбленная Татьяна, впоследствии тоже убитая героем. Романтические, любовные взаимоотношения Романа и Татьяны сразу вызывают в сознании достаточно подготовленного читателя ассоциацию с пушкинским «Евгением Онегиным», в котором о Татьяне Лариной сказано, что она была влюблена в романы: «Ей рано нравились романы; // Они ей заменяли все; // Она влюблялася в обманы // И Ричардсона, и Руссо» [3]. Таким образом, сразу намечается и персонаж, олицетворяющий реципиента, который погибает от «рук» литературы (в данном случае — в ипостаси жанра), представленной в роли деструктора, субъекта взаимоотношений, оказывающего деструктивное (даже смертельное) влияние. Для удобства и краткости будем далее называть эту роль словом «палач». Роль же обратную, которую в «Романе» исполняет реципиент, определим понятием «жертва».

Похожая ситуация описана и в пьесе «Dostoevsky-trip», в которой писатели-классики изображены в виде наркотиков. По сюжету группа из семерых людей ожидают

продавца, который должен доставить им «литературный» наркотик. Во время ожидания они делятся друг с другом опытом употребления других наркотиков-писателей, обсуждая их эффект. Через некоторое время приходит продавец и предлагает им «одну из последних разработок» – наркотик Достоевский. Герои пьесы покупают его, прощаются с продавцом и принимают вещество, погружаясь в наркотический трип: «Все семеро проваливаются в пространство романа Достоевского "Идиот", став персонажами романа» [4, с. 499].

С каждой страницей поведение героев становится все более вызывающим и абсурдным, при этом в нем начинают выражаться их до того сокрытые пороки, приобретая сильную гиперболизированность. По выходе из трипа персонажи пьесы по очереди делятся воспоминаниями из детства, после чего «застывают в нелепых позах» и умирают, что становится понятно из диалога появившегося персонажа — химика — с продавцом: «Как говорит мой шеф, экспериментальная фаза завершена. Теперь можно с уверенностью констатировать, что Достоевский в чистом виде действует смертельно» [4, с. 537-538].

Как мы видим, литература здесь вновь представлена в негативном, разрушающем, смертельном для реципиента виде. Можно, конечно, возразить тем, что убийственным в пьесе представлен лишь один автор, что будет верным, однако не отменит того факта, что все остальные писатели, хоть и не настолько сильно, но опасны и деструктивны, — это наркотики, и они обладают всеми негативными свойствами, вызывают зависимость, абстиненцию и прочие симптомы, сопровождающие регулярный прием наркотических веществ, о чем и говорят герои в начале пьесы.

Примечательно, что сам Сорокин в интервью Татьяне Рассказовой говорил о тексте как об оружии: «Но почему так притягивает сам текст? Фуко сказал, что любой текст тоталитарен, так как претендует на власть над человеком. Текст — очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда — просто парализует» [5]. А само интервью называется «Текст как наркотик».

Следующие произведения, в которых явно описываются взаимоотношения литературы и реципиента, — романы «Лед» и «Путь Бро», входящие в «Ледяную трилогию», хоть и тема этих отношений затронута всего в двух репликах героев, по одной на каждый роман: «Но больше всего нам везло почему-то в библиотеках. Там всегда сидели тысячи мясных машин и занимались молчаливым безумием: внимательно перелистывали бумажные листы, покрытые буквами. Они получали от этого особое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Толстые потертые книги были написаны давно умершими мясными машинами, портреты которых торжественно висели на стенах библиотек. Книг были миллионы. Их непрерывно размножали, поддерживая коллективное безумие, чтобы миллионы мертвецов благоговейно склонились над листами мертвой бумаги. После чтения они становились еще мертвее» [6, с. 275], «Я поднял глаза. Четыре больших портрета висели на своих местах. Но вместо писателей в рамках находились странные машины. Они были созданы для написания книг, то есть для покрытия тысяч листов бумаги комбинациями из букв. <...> Машины в рамках производили бумагу, покрытую буквами. Это была их работа. Сидящие за столами совершали другую работу: они изо всех сил верили этой бумаге, сверяли по ней свою жизнь, учились жить по этой бумаге – чувствовать, любить, переживать, вычислять, проектировать, строить, чтобы в дальнейшем учить жизни по бумаге других» [7].

Из этих двух реплик мы прежде всего можем заметить, что Владимир Сорокин приписывает персонажам романов трилогии примерно те же взгляды, которых придерживался сам в годы раннего творчества. Но главное, что мы видим, — это бунт против литературы (уже не конкретного автора или жанра, а литературы в целом), осознание человеком ее тоталитарной, уничтожающей силы и отстранение от нее. Осознавая это, человек (хоть и не каждый в мире этих романов способен это осознать)

уже не является жертвой, он переходит в оппозицию литературе, становится ее противником, не позволяя деструктивно влиять на себя.

Последний текст, который мы здесь рассмотрим, — роман «Манарага», в котором Сорокин возвращается к литературоцентричности текста, наблюдавшейся в некоторых произведениях раннего периода творчества, о которых было сказано в самом начале статьи. Основная тема романа — книги, место которых в описываемом будущем (роман написан в жанре антиутопии) достаточно специфично.

В силу интенсивного технического прогресса чтение книг стало ненужным, ведь этот самый прогресс предоставил людям так называемых «умных блох», дающих знания о любой книге, любом авторе и прочих вещах: «Мои умные блохи помогают мне. Их у меня три: красная, синяя, зеленая. Красная — самая важная, она ведает моим психосомо + вписывает меня во время + делает меня умнее <...> К тому же теперь у меня в голове есть ВСЕ» [8, с. 25], «Всю классику я и моя умная блоха знаем наизусть: сюжет, биография автора со всеми подробностями, дата выхода бумажного полена» [8, с. 10]. Так, появляется большое количество людей, вовсе не умеющих читать: «...даже если он вообще не умеет читать книги. А таких людей у нас, к сожалению, все больше» [8, с. 10]. Сам же главный герой — Геза — любит русскую классику, «хотя не прочел и до середины ни одного русского романа» [8, с. 10]. Таким образом, печатные книги совсем перестали издаваться.

Со временем начали появляться профессиональные повара, предлагающие богатым людям специфическое удовольствие: еду, приготовленную на горящих книгах. Такая деятельность получила название Book'n`grill, а повара, соответственно, зовут себя book'n`griller-ами. В связи с возросшей популярностью этих поваров их деятельность оказалась под запретом, а бумажная книга стала музейным экспонатом и была занесена в Красную книгу: «...человечество берегло свое культурное наследие. Просвещенная часть человечества испугалась, что без музейной книги Homo sapiens окончательно превратится в обезьяну с айфоном в лапе. Так книгу занесли в Красную книгу» [8, с. 17].

Таким образом, автор в своем романе выполняет сразу как минимум две литературные задачи: обличает потребительское отношение к книге и, что наиболее важно для нас, выстраивает линию отношений между реципиентом и литературой, совершенно противоположную той, что была в раннем творчестве (не зря повара, готовящие на книгах, называют свою работу чтением: «У нас говорят: этот повар хорошо читает. Я читаю прилично» [8, с. 9]).

При этом книга в романе нисколько не теряет своей сакральности, наоборот — от десакрализации литературы, изображаемой в «Трилогии», Сорокин не просто переходит к противоположному изображению ее статуса, он доводит его до абсурдного предела: чрезмерно возвышая книгу, люди приходят к ее полному уничтожению. Причем делают это не только повара, но и государство, делая из книг музейные экспонаты.

Также из соображений повышенной ценности книги, а точнее — ее уникальности, принимается решение разрушить некую копировальную фабрику, расположенную под горой Манарага, штампующую копии первого издания романа «Ада» Владимира Набокова (примечательно, что сам Сорокин в программе «Апокриф» назвал этот роман визитной карточкой постмодернизма); такую теорию причинности этого акта предложил Марк Липовецкий в своей статье «Автопортрет художника с грилем: "Манарага" и литературоцентризм» [9].

Итак, по итогу изложенных здесь наблюдений мы видим, что эволюция характера взаимоотношений литературы и реципиента, изображаемых в произведениях Владимира Сорокина разных лет, проходит в три этапа. На раннем этапе своего литературного творчества писатель придерживался постструктуралистских взглядов (ссылаясь на Фуко) на отношения текста и реципиента, представляя текст как тоталитарный аппарат, оружие, властвующее над читателем и уничтожающее его. Данная точка зрения была

художественно изображена в двух ранних работах писателя — «Роман» и «Dostoevsky-trip». В этих произведениях художественная литература в разных своих ипостасях деструктивно влияет на реципиента и даже буквально убивает его.

В творчестве средних лет (в романах «Ледяной трилогии» «Лед» и «Путь Бро») Владимир Сорокин описывает уже другие отношения реципиента и литературы, наделяя первого своими собственными взглядами, описанными выше, и ставя его в оппозицию литературе. Реципиент, изображенный в этих романах осознает пагубное влияние литературы, отстраняется от нее и становится противником.

В позднем же своем творчестве автор меняет описываемые отношения реципиента и литературы на прямо противоположные тем, что были описаны в ранних его текстах, что наиболее ясно читается в романе «Манарага».

Таким образом, мы прослеживаем эволюцию описываемых Сорокиным в своих текстах отношений литературы и реципиента, которую можно выразить в таблице:

Таблица 1. Эволюция ролей литературы и реципиента в творчестве В.Г. Сорокина

Период творчества и произведения	Роль литературы	Роль реципиента
Раннее творчество («Роман», «Dostoevsky-trip»)	Палач	Жертва
Творчество средних лет («Лед», «Путь Бро»)	Палач	Противник
Позднее творчество («Манарага»)	Жертва	Палач

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уффельманн Д. Дискурсы Владимира Сорокина / Д. Уффельманн; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 312 с.
2. Калинин И. Владимир Сорокин: ритуал уничтожения истории [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/2/vladimir-sorokin-ritual-unichtozheniya-istorii.html>
3. Пушкин А.С. Евгений Онегин [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/436/p.3/index.html>
4. Сорокин В.Г. Dostoevsky-trip // Капитал. Пьесы / Сорокин В.Г. – М.: АСТ: CORPUS, 2019. – 672 с.
5. Рассказова Т. Текст как наркотик [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/h8Uyzxrk0i>
6. Сорокин В.Г. Лед / Сорокин В.Г. – М.: Ад Маргинем, 2002. – 320 с.
7. Сорокин В.Г. Путь Бро [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.srkn.ru/texts/bro_part01.shtml
8. Сорокин В.Г. Манарага / Сорокин В.Г. – М.: АСТ: CORPUS, 2017. – 256 с.
9. Липовецкий М.Н. Автопортрет художника с грилем: «Манарага» и литературоцентризм [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/hDi9Bhj5Me>

THE EVOLUTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LITERATURE AND THE RECIPIENT IN THE VLADIMIR SOROKIN'S WORKS

Annotation. The article examines the evolution of such a metaliterary aspect of Vladimir Sorokin's works as the relationship between literature and the recipient on the example of the works "Roman", "Dostoevsky-trip", "Ice", "The Way of Bro" and "Manaraga". It is shown that throughout the author's career, the character of the relations between literature and the recipient described in his works changes by rearranging the roles of the subjects of these relations, which are metaphorically designated by the concepts of "executioner" and "victim". If in the writer's early texts literature is depicted as an executioner, and the recipient as a victim, then in later works these roles become exactly the opposite. The texts of the middle-aged creative period describe a transitional stage in which the recipient becomes in opposition to literature.

Keywords: Vladimir Sorokin, metaliterature, literature and recipient

Kobzar N.S.

Scientific adviser: Korablev A.A. Ph.D., professor

E-mail: nick.kobz@gmail.com

РОЛЬ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕДАЧЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Круглякова Е.Д.

*Научный руководитель: Титаренко Э.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию роли лингвоспецифичных лексических единиц в процессе передачи культурной информации. Акцент делается на языковых элементах, которые не только несут смысловую нагрузку, но и являются носителями культурных концепций и ценностей. В ходе исследования рассматриваются механизмы влияния лингвоспецифичных лексических единиц на формирование и восприятие культурных кодов в различных языковых средах.

Ключевые слова: лингвоспецифичные лексические единицы, культура, язык, коммуникация, информация, нормативность.

Введение. Культура играет важную роль в жизни каждого человека и является неотъемлемой частью его идентичности. Она определяет наши ценности, традиции, обычаи и способы взаимодействия с окружающим миром. Культура передается из поколения в поколение через различные способы, и одним из наиболее эффективных средств является язык. Лингвоспецифичные лексические единицы играют важную роль в передаче культурной информации и являются ключевым инструментом для понимания и интерпретации культурных особенностей различных народов и сообществ.

Современный мир сталкивается с растущей потребностью в межкультурном обмене информацией, и язык играет ключевую роль в этом процессе. Лингвоспецифичные лексические единицы, являясь неотъемлемой частью языка, оказывают значительное влияние на передачу культурной информации. В данной статье рассмотрим, как эти языковые элементы формируют культурные концепции и влияют на восприятие сообщений в различных языковых средах [1].

Основная часть. А.Д. Шмелев отмечает, что лингвоспецифичность лексической единицы определяется отсутствием у нее семантического эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление, лингвоспецифичность естественно связывается с «непереводимостью»; русское *авось* ученый называет почти каноническим примером лингвоспецифичного слова [2, с. 663]. Известно, что англичанину, изучающему русский язык, достаточно трудно понять, что такое «*поступать не по совести*» или кто такой «*бессовестный человек*», если использовать буквальный перевод на английский язык. Роль лингвоспецифичных лексических единиц в передаче культурной информации заключается в том, что они могут содержать в себе определенные культурные значения и оттенки, которые не всегда могут быть точно переданы в другом языке. Некоторые лексические единицы имеют устоявшиеся значения и ассоциации, которые не всегда могут быть полностью воспроизведены в другом языке. Кроме того, некоторые лексические единицы имеют связь с определенными культурными явлениями, и их перевод может потребовать дополнительных комментариев или описания. Также существуют лексические единицы, которые не имеют точных эквивалентов в другом языке из-за отсутствия подходящих морфологических моделей или запретов фонетического характера. Все эти особенности лингвоспецифичных лексических единиц могут влиять на передачу культурной информации при переводе текстов. Согласно К.С. Куликовой, половина смысла текста скрыта именно в элементах, содержащих культурное воздействие: 1) культурная информация: безэквивалентная или частично эквивалентная лексика, аллюзии и т. д.; 2) идиома: стандартный способ выражения в конкретной коммуникативной ситуации; 3) стереотипы: убеждения, ценности,

мировоззрение и поведение, присущие определенному национальному сообществу; 4) культурные темы, например, британские метрические единицы, австралийская фауна [3, с. 158].

В современном мире, где глобализация и межкультурное взаимодействие становятся все более значимыми, передача культурной информации является важной задачей для языка. Лингвоспецифичные лексические единицы играют ключевую роль в этом процессе, поскольку они являются носителями культурной информации и отражают особенности определенной культуры.

Лингвоспецифичные лексические единицы – это слова или выражения, которые имеют специфическое значение или использование в определенной языковой и культурной среде. Они могут быть связаны с определенными предметами, явлениями, традициями, обычаями или идеями, которые характерны только для определенной культуры или языка. Примерами таких лексических единиц могут быть термины, идиомы, фразеологизмы, наименования мест и т.д.

Одной из основных функций лингвоспецифичных лексических единиц является передача культурной информации. Они позволяют передать особенности и ценности определенной культуры, ее историю, традиции и обычаи. Например, в японском языке существуют множество лексических единиц, связанных с японской культурой, таких как *сакура* (вишневый цветок), *сэнсэй* (учитель) или *гэйша* (традиционная японская танцовщица). Использование этих слов в японском языке позволяет передать особенности японской культуры и создать аутентичную атмосферу при общении на японском языке.

Кроме того, лингвоспецифичные лексические единицы могут также отражать социальные, исторические и политические аспекты культуры. Например, в английском языке существуют множество идиом, связанных с историческими событиями или политическими фигурами, таких как *to turn a blind eye* (проигнорировать что-либо, букв. повернуться слепым глазом) или *to cross the Rubicon* (принять необратимое решение). Использование этих идиом позволяет передать определенные социальные или политические концепции и отражает историческое наследие английской культуры. Однако передача культурной информации с помощью лингвоспецифичных лексических единиц может быть сложной задачей, особенно при переводе с одного языка на другой. Переводчикам приходится искать адекватные эквиваленты в целевом языке, чтобы сохранить культурную информацию и передать ее наиболее точно. Иногда это может быть невозможно, и переводчикам приходится использовать пояснительные примечания или описательные выражения, чтобы передать значение лингвоспецифичной лексической единицы. Анализируя лексические проблемы перевода с русского языка на английский, А.А. Херина отмечает, что большие трудности вызывает перевод реалий – это понятия, относящиеся к жизни, быту и отсутствующие в языковых системах других народов, например: *область – oblast*. Часто реалии передают с помощью транскрипции, транслитерации и калькирования либо с помощью описания, например: *дача – summer house* [4]. К российским культурно-специфичным реалиям лингвисты относят «*справку*» и «*зачет*», чтобы перевести такие единицы, недостаточно просто найти словарное соответствие.

Также стоит отметить, что лингвоспецифичные лексические единицы могут быть источником недоразумений или неправильного понимания при общении между представителями разных культур. Незнание или неправильное использование таких лексических единиц может привести к негативным последствиям и неправильному восприятию сообщения. Поэтому важно учитывать контекст и особенности культуры, в которой используются лингвоспецифичные лексические единицы, чтобы избежать недоразумений и обеспечить правильное восприятие информации.

Роль лингвоспецифичных лексических единиц в передаче культурной информации в культурной коммуникации является важной и сложной задачей для переводчика. В процессе перевода синхронный переводчик часто сталкивается с трудностями сохранения структурных и семантических особенностей оригинального сообщения. Возникают «пробелы», которые могут быть заполнены с помощью переводческих техник и трансформаций. Исследования по проблеме «пробелов» в переводе показывают, что это явление связано с отсутствием соответствия слов или устойчивых фраз в другом языке. Пробелы могут быть временной категорией, которая может быть заполнена в процессе коммуникации с помощью лингвистических средств в переводе. Для успешного перевода и передачи инварианта значения переводчику необходимо иметь знания о коммуникативной ситуации и функциональных особенностях текста. Знание этих характеристик облегчает процесс перевода и позволяет переводчику создать эквивалентный перевод, отражающий прагматическое намерение отправителя [5].

Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Конфигурация идей, заключенных в значении слов родного языка, воспринимается говорящим как нечто само собой разумеющееся, однако, при сравнении различных языковых образов мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, иногда очень нетривиальные: «Языковой образ мира формируется системой ключевых концептов и инвариантными ключевыми идеями, связывающими их». Такие слова являются лингвоспецифичными (Language-Specific) – в том смысле, что для них сложно найти лексические соответствия в других языках. Вместе с такими культурными и значимыми концептами-концептами, в любых словах также присутствуют любые слова, значение которых включает в себя некоторые важные для данного языка (т.е. ключевые) моменты». Факт того, что некая идея является ключевой для данного языка, подтверждается, с одной стороны, тем, что та же самая идея повторяется в значении других слов и выражений, иногда даже синтаксических конструкций и моделей словообразования, а с другой стороны, что значение этих слов наиболее сложно передать при переводе на иностранные языки и понять представителям других лингвокультурных систем [6].

Один из способов освоения культурных знаний заключается в изучении оригинальной литературы на изучаемом языке, включая как художественные, так и образовательные произведения, а также просмотр аутентичного киноматериала. Культура включает в себя не только имена и исторические события, но и особенные выражения, высказывания, разговорные обороты, проникающие в художественный текст, включая диалоги в фильмах. Это придает тексту больше живости и предоставляет уникальную возможность наблюдать за повседневной жизнью носителей изучаемого языка и устройством их общества. Изучение культурного потенциала иностранного текста, будь то письменный или устный, представляет собой увлекательное научное исследование, поскольку половина его значения заключена именно в элементах, отражающих культурное влияние, таких как культурная информация, идиомы, стереотипы и темы [4, с. 7].

В современном мире, где глобализация и межкультурные контакты становятся все более интенсивными, вопрос передачи культурной информации приобретает особую актуальность. Лингвоспецифичные лексические единицы играют важную роль в этом процессе, так как они не только отражают уникальные особенности культуры, но и способны передавать определенные ценности, нормы и стереотипы, характерные для данной культуры. Передача культурной информации через лингвоспецифичные лексические единицы строится на понимании и использовании языковых и культурных кодов. Эти лексические единицы представляют собой слова или выражения, обладающие специфическим значением или использованием в рамках определенной культуры или языка. Они могут быть привязаны к конкретным предметам, явлениям,

традициям или историческим событиям, их смысл может быть труднопереводимым или обладать особыми коннотациями. Даже такое слово, как *bratец* некоторые переводчики предпочитают переводить как *brother*, некоторые – как *myfriend* [7, с. 662].

Важно отметить, что лингвоспецифичные лексические единицы несут в себе не только семантическую информацию, но и эмоциональную, эстетическую и идентификационную. Они помогают передать особенности менталитета, традиций, обычаев и ценностей определенной культуры. Например, в японском языке есть понятие **和** (wa) [8], которое олицетворяет гармонию, согласие и взаимодействие в японском обществе. Это понятие является ключевым для понимания японской культуры и отражает ее уникальные ценности.

Однако передача культурной информации через лингвоспецифичные лексические единицы может стать сложной задачей из-за различий в языковых и культурных системах. Некоторые лексические единицы могут быть непереводаемыми или иметь разное значение в разных культурах. Например, слово «душа» в русском языке имеет глубокое и многогранное значение, связанное с духовными и эмоциональными аспектами человека. Это понятие трудно перевести на другие языки, так как оно не имеет точного эквивалента. Таким образом, передача культурной информации через лингвоспецифичные лексические единицы требует глубокого понимания и чувства языка и культуры.

Одним из основных инструментов передачи культурной информации через лингвоспецифичные лексические единицы является перевод. Переводчик должен быть не только владеющим языками, но и иметь глубокое знание и понимание культур, межкультурной коммуникации и особенностей передачи культурной информации. Он должен учитывать не только семантические значения лексических единиц, но и их контекстуальное использование, коннотации и эмоциональную окраску. Переводчик должен быть способен передать не только слова, но и культурные нюансы и особенности, связанные с данными лексическими единицами.

Кроме того, лингвоспецифичные лексические единицы играют важную роль в культурной коммуникации. Они помогают людям из разных культур понять и уважать друг друга, а также строить взаимопонимание и сотрудничество. Например, использование лингвоспецифичных лексических единиц в международных переговорах может помочь установить доверие и создать атмосферу взаимопонимания между участниками.

Заключение. Отметим, что лингвоспецифичные лексические единицы играют важную роль в передаче культурной информации. Они помогают передать уникальные особенности культуры, ее ценности, нормы и стереотипы. Переводчик должен быть способен передать не только семантическое значение лексических единиц, но и их контекстуальное использование, коннотации и эмоциональную окраску. Кроме того, лингвоспецифичные лексические единицы играют важную роль в культурной коммуникации, помогая установить взаимопонимание и сотрудничество между людьми из разных культур.

Таким образом, исследование роли лингвоспецифичных лексических единиц в передаче культурной информации является актуальным и важным в современном мире, где глобализация и межкультурное взаимодействие становятся все более значимыми. Лингвоспецифичные лексические единицы представляют собой слова и выражения, которые не имеют точного эквивалента в других языках и отражают особенности и культурные ценности определенного сообщества. Исследование их влияния на межкультурный обмен информацией не только расширяет наше понимание языковой динамики, но также способствует более эффективному взаимодействию между культурами. Важно продолжать изучение этой темы, чтобы содействовать более точному и глубокому пониманию языковых и культурных аспектов нашего многообразного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котлярова О.В. Некоторые тенденции функционирования лексических единиц в речи государственных служащих // Известия ВГПУ. – 2018. – №3 (126). – С. 77–82.
2. Шмелев А.Д. Лингвоспецифичные слова в переводах (с русского языка и на русский язык) // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2016. – №. 1. – С. 658–665.
3. Ибрагимова К.Г., Рыкова П.А. Элиминация лакун в синхронном переводе (на материале синхронно переводимых выступлений совета безопасности ООН) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 5. – С. 1647–1653.
4. Павлова А.В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? // Антропологический форум. – 2012. – №16-online. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhno-li-sudit-o-kulture-naroda-po-dannym-ego-yazyka>
5. Куликова К.С. Культурная грамотность как необходимое условие межъязыковой коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 9 (864). – С. 156–162.
6. Денисова Г.В. Перевод художественных фильмов: лингвистические и культурологические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 10. – С. 158–168.
7. Херина А.А. Лексические проблемы перевода с русского на английский – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-problemy-perevoda-s-russkogo-na-angliyskiy>
8. Японско-русский словарь. – URL: <https://japanese-words.org/ru/dictionary>

THE ROLE OF LINGUISTIC SPECIFIC LEXICAL UNITS IN THE TRANSMISSION OF CULTURAL INFORMATION

Annotation. This work is devoted to the study of the role of language-specific lexical units in the process of transmitting cultural information. The emphasis is on linguistic elements that not only carry a semantic load but are also carriers of cultural concepts and values. The study examines the mechanisms of influence of language-specific lexical units on the formation and perception of cultural codes in various language environments.

Keywords: language-specific lexical units, culture, language, communication, information, normativity.

Kruglyakova E.D.

Scientific adviser: Titarenko E.A., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: kruglyakovakate@yandex.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Куркина Н.С.

*Научный руководитель: Ревуцкая И.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются психолого-педагогические проблемы межличностного общения в родительских семьях у современной молодежи. На формирование взаимоотношений влияют такие факторы, как личность родителей, психофизиологические особенности, особенности самой семьи и отношений между ее членами. Отношение молодежи к родителям определяется их восприятием семьи, а также переживаниями, связанными с семейными отношениями.

Ключевые слова: семья, родительская позиция, юность, типы взаимоотношений, самоопределение.

Тема взаимоотношения родителей и современной молодежи не перестанет быть актуальной всегда, потому что времена меняются, а вместе со временем меняется и молодежь. Чем дальше, тем более современнее, и тем менее понятна она становится для многих родителей, выросших в совершенно другое время. Зачастую можно услышать о том, что молодежь нынче не та, что молодые люди испортились, что развитие ухудшилось и т.д. Однако, следует помнить о том, что у каждого поколения разное, и каждый переживает свою юность по-своему.

Проблемой взаимоотношения между родителями и молодежью занимались такие ученые, как А. С. Шевчук, Г. А. Шевчук, И. С. Кон, Л. Де Моз, М. Мид, О. В. Наконечная, Ф. Райс, и другие ученые.

Цель исследования: выявить психолого-педагогические проблемы взаимоотношения между родителями и современной молодежью.

Гипотеза: на проблемы межличностного общения родителей и молодежи влияет атмосфера семьи, в частности, конфликты на почве обесценивания интересов молодежи и чрезмерная опека со стороны родителей.

Юность — период в развитии, соответствующий переходу от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни. Это определяет социальную ситуацию развития возраста: юноша занимает промежуточное положение между ребенком и взрослым.

Главная причина, из-за которой могут пострадать взаимоотношения между родителями и молодежью, кроется в том, что юноши и девушки обретаю самостоятельность и начинают отдаляться от родителей, в результате чего возникает недопонимание. Нравственные ориентиры тоже начинают претерпевать значительные изменения. Образ идеальных родителей уходит на задний план, авторитетами становятся современные кумиры.

Многие родители стараются контролировать своих детей, даже несмотря на то, что они выросли и у них появились собственные планы, мнение. Из-за этого у молодых людей начинают возникать разногласия и различные конфликты с семьей, в результате которых они покидают с гневом семью или вынуждены смириться со всеми правилами и жить мирно дальше, отпустив свои желания и поставив цели на второй план.

Е. Шафер рассматривал воспитательное воздействие родителей с позиции детей, которое можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: принятие-эмоциональное отвержение, психологический контроль-психологическая автономия, скрытый контроль-открытый контроль. При этом принятие он подразумевает, безусловно, положительное отношение к ребенку вне зависимости от исходных ожиданий родителей. Эмоциональное же отвержение рассматривает как отрицательное

отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения, а порою и просто враждебность. Понятие психологического контроля обозначает как определенное давление и преднамеренное руководство детьми, так и степень последовательности в осуществлении воспитательных принципов [1].

А. Я. Варга, уделяла большое значение в детско-родительских отношениях, структуре и типу родительского отношения к ребенку утверждая, что чрезмерная опека порождает инфантилизм и неспособность к самостоятельности, а излишняя требовательность – неуверенность в себе у ребенка. Она выделяет шесть типов родительского отношения: отвержение, безразличие, гиперопека, сверхтребовательность, устойчивость, активная любовь [2].

А. Рое, М. Siegelman, считают, что наиболее травматичным для ребенка является эмоциональное отвержение, т.к. оно вызывает повышенный уровень тревоги, агрессивности [1]. Anderson показал, что степень родительской гиперпротекции и доминирования определяет социальный статус ребенка в группе сверстников, чем выше доминирование и гиперопека, тем более низкий статус занимает ребенок в группе.

На основании рассмотренных теоретических положений, цели и гипотезы, нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, которое проводилось на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Период проведения – май 2023 год. В исследовании приняло участие 30 студентов психолого-педагогического образования.

С целью изучения межличностного взаимодействия установок, поведения и методов воспитания родителей глазами детей, родительского отношения к детям и поведенческих стереотипов, особенностей восприятия и понимания характера ребенка, его поступков, были использованы методики: «Стратегии родительского воспитания матери, отца» З. Матейчик, П. Ржичан, адаптация: Нипни, «Тест-опросник родительского отношения» А. Я. Варга и В. В. Столин.

Представим анализ результатов, полученных по методике «Стратегии родительского воспитания матери, отца» З. Матейчик, П. Ржичан, адаптация: Нипни. По шкале позитивного интереса, стратегии воспитания матери глазами детей выявлено, что в норме данный показатель присутствует у 20% испытуемых, это свидетельствует о том, что уровень поддержки, материнское отношение, критический подход, уровень опеки к детям находится в норме. Мать не стремится через чур ущемлять, или наоборот потакать таким детям, все запреты и поощрения строятся на адекватном представлении происходящего. Слабое выражение данного показателя по материнской стратегии воспитания зафиксировано у 32% испытуемых. Это говорит о неприятии их матерями, об отсутствии любви и уважения, о враждебности. Высокие балы по данной шкале отмечают у 48% испытуемых. Данный результат подразумевает, безусловно, положительное отношение к ребенку, вне зависимости от исходных ожиданий мам.

Если говорить о стратегиях воспитания отца глазами детей, то в норме данный показатель присутствует у 32% испытуемых. Это значит, что отцовская строгость, внимание и любовь находятся на среднем уровне. Отец знает где правильно стоит наругать, а где поощрить ребенка. У 34% обследуемых отмечается слабое выражение по данной шкале. Это говорит о неприятии, враждебности, отсутствии любви и уважения со стороны отца. Такие отцы часто унижают и беспричинно наказывают своих детей. Высокий показатель по данной шкале выявлен у 34% испытуемых, что говорит о безусловно положительном отношении к ребенку, вне зависимости от исходных ожиданий пап. Причем у мальчиков уровень принятия папами несколько выше, чем у девочек. Отношения с такими отцами находятся на уровне дружеских.

Проведем описание по шкале директивности по стратегиям воспитания матери глазами детей. В норме данный показатель отмечается у 59% испытуемых. Это свидетельствует о том, что уровень контроля, симпатии и отзывчивости со стороны матери к ребенку находится в норме. Мать не стремится слишком контролировать жизнь ребенка, но и не пускает все на самотек. Слабое выражение по данной шкале зафиксировано у 36% испытуемых. Это говорит о пониженном родительском контроле, попустительской системе воспитания. Высокий показатель диагностирован у 5% обследуемых. Это говорит о том, что родительский контроль у них несколько повышен. Имеет место, определенное давление и преднамеренное руководство ребенком.

Рассмотрим результаты по шкале директивности по стратегиям воспитания отца глазами детей. На среднем уровне данный показатель отмечается у 29% испытуемых. Это говорит о том, что уровень контроля со стороны отца в норме. Отец знает, что и когда можно позволить ребенку, всегда адекватно расценивает ситуацию и руководствуется справедливостью, а не своим самомнением. Такие отцы считаются с мнением детей, понимая, что у них может быть другое видение на жизнь, потому что они индивидуальность. Низкий показатель по данной шкале отмечается у 63% испытуемых, что говорит о пониженном родительском контроле со стороны отца.

Результаты по шкале враждебности по стратегиям родительского воспитания матери глазами детей показали, что 17% испытуемых имеют средний уровень враждебности к матери. Это означает, что их отношения находятся в норме и мать с ребенком может адекватно взаимодействовать на дружеском уровне. 29% испытуемых имеют слабое выражение враждебности к матери, что говорит о положительных, доверительных и дружеских отношениях между матерью и ребенком. Отчетливо выражен уровень враждебности у 54% обследуемых, что олицетворяет отрицательное отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения. В настоящий момент ребенок воспринимает отношения с мамой как конфликтные.

Анализируя шкалу враждебности по стратегиям родительского воспитания отца глазами детей, видно, что у 37% испытуемых средний уровень враждебности. Это означает, что отношения ребенка и отца находятся на нормальном уровне, выдвигаются адекватные требования к ребенку, отношения базируются на общении «родитель – ребенок». У 39% испытуемых виден низкий уровень враждебности, что говорит о положительных, доверительных и дружеских отношениях с отцом. Высокий уровень по данной шкале отмечается у 24% обследуемых, что говорит о конфликтных отношениях с отцом. Чаще всего директивность со стороны отца выражается сверхтребованиями по отношению к ребенку.

Проведем описание по шкале автономности стратегий родительского воспитания матери глазами детей. 66% обследуемых имеют средний уровень автономности. Это говорит, о нормальном воспитании ребенка матерью, мать в норме принимает участие в жизни своего ребенка, не допуская попустительского расклада событий. Слабо выражена автономность у 7% испытуемых. Это может свидетельствовать о большей вовлеченности матерей в воспитание девочек, чем мальчиков. Мамы слишком стараются участвовать в жизни ребенка, не давая возможность что-то решить самому, проявляют чрезмерную опеку и заботу. Высокий уровень автономности выражается у 27% обследуемых. «Автономность» матерей исключает какую-либо зависимость от ребенка, его состояния, требований. Отрицаются также какие-либо формы заботы и опеки по отношению к дочерям.

Рассмотрим шкалу автономности стратегий родительского воспитания отца глазами детей. Средний уровень автономности отмечается у 32% обследуемых, что говорит о средней вовлеченности отца в жизнь ребенка. Такой отец на нормальном уровне вмешивается в жизнь своих детей. Слабо выражена автономность у 20% испытуемых, что свидетельствует не об отстраненности отца, а, наоборот, о его

заинтересованности и вовлеченности в воспитание ребенка. Высокий результат по шкале виден у 48% обследуемых. Это говорит о полной безучастности отца в жизни ребенка. Автономный отец существует отдельно от остальных членов семьи. Ему абсолютно все равно, что происходит вокруг, его действия зачастую не согласуются с потребностями и запросами близких, интересы которых им полностью игнорируются.

Анализируя балы по шкале непоследовательности по стратегиям воспитания матери глазами детей, видно, что в норме показатель выражается у 27% испытуемых. Это значит, что мать адекватно воспитывает ребенка, без различных скачков по стилям воспитания. У 27% обследуемых отмечается слабое выражение по шкале, что говорит стратегической последовательности в воспитательной практике матерей. Отчетливо выражен данный показатель у 46% испытуемых, что указывает на тенденцию к резкой смене стилей воспитания, представляющую собой переход от очень строгого к либеральному, и затем, наоборот, переход от значительного внимания — к эмоциональному отвержению матерью. Есть основания считать воспитательную практику этих мам дисгармоничной.

Рассмотрим балы по шкале непоследовательности по стратегиям воспитания отца глазами детей. Средний уровень отмечается у 46% обследуемых, что говорит о стабильно-адекватном стиле воспитания отца. Слабо выражен данный показатель у 20% испытуемых, это указывает на отсутствие непоследовательности в воспитательной практике отцов. Отчетливо выражены высокие значения по данной шкале у 34% обследуемых. Отец представляется человеком совершенно непредсказуемым. С достаточно высокой степенью вероятности в его поведении могут проявляться совершенно противоречащие друг другу психологические тенденции, причем амплитуда колебаний порой максимальна.

Проведем описание по шкале близости по стратегиям воспитания матери глазами детей. В норме показатель наблюдается у 24% испытуемых, это говорит о том, что степень проявления теплых чувств и притяжения ребенка находится на среднем уровне. Мать не слишком опекает ребенка, однако и не забывает о нем. Слабо выражен данный показатель у 24 % обследуемых, что означает преимущественное отвержение матерями этих детей, мать не проявляет должного внимания и заботы о своем ребенке. Высокие результаты по шкале, преобладают у 52% испытуемых, это характеризует высокую степень проявления теплых чувств и притяжения мамами своих детей.

Проведем анализ по шкале близости по стратегиям воспитания отца глазами детей. У 29% обследуемых данный показатель находится на уровне нормы, что свидетельствует о том, что принятие и проявление теплых чувств отца по отношению к детям находится на среднем уровне. Слабое выражение данного показателя отмечается у 39% испытуемых, что означает преимущественное отвержение отцов этих детей. 32% обследуемых имеют высокие значения по данной шкале, что говорит о высокой степени проявления теплых чувств и притяжения папами своих детей.

Анализируя шкалу критики по стратегиям воспитания матери глазами детей видно, что у 73% испытуемых данный показатель находится на уровне нормы. Это означает, что заинтересованность и контроль матери по отношению к ребенку в равной степени, он проявляется в ситуациях необходимости и не переживается ребенком как давление или нарушение границ. У 22% обследуемых, данный показатель слабо выражен. Это говорит об отсутствии заинтересованности матерей в сочетании с ощущением безнадзорности или наоборот. Отчетливо выражен данный показатель у 5% испытуемых. Это характеризует высокую заинтересованность и тотальный контроль матерей в отношении своих детей. Такие дети находятся под сильным наблюдением, тотальным контролем и чрезмерной опекой, что порождает в дальнейшем неуверенность в себе, низкую самооценку и неумение самостоятельно вливаться во взрослую жизнь.

Проведем описание по шкале критики стратегий воспитания отца глазами детей. 44% испытуемых имеют среднее значение по шкале, что говорит о нормальном уровне контроля и заинтересованности отца к ребенку. У 34% обследуемых слабо выражен показатель. Это показывает отсутствие заинтересованности отцов своими детьми, что формирует ощущение безнадзорности и безразличия по отношению к ним. Высокие значения по шкале отмечаются у 22% испытуемых. Данный показатель характеризует тотальный контроль отца в отношении своего ребенка. Отец стремится во всем контролировать, властвовать, не считаясь с мнением самого ребенка.

Перейдем к анализу результатов полученных на втором этапе исследования по методике диагностики родительского отношения (А.Я. Варга и В.В. Столин).

Анализируя балы по шкале принятия, мы видим, что 8,7% испытуемых имеют низкий уровень родительского принятия. Это говорит о том, что взрослый испытывает по отношению к ребенку в основном только отрицательные чувства: раздражение, злость, досаду, даже иногда ненависть. Такой взрослый считает ребенка неудачником, не верит в его будущее, низко оценивает его способности и нередко своим отношением третировает ребенка. Понятно, что имеющий такие наклонности взрослый не может быть хорошим педагогом. 34,8% обследуемых имеют средний уровень принятия, что говорит о нормальном уровне эмоционального отношения к ребенку. Высокие значения по данной шкале имеют 47,8% испытуемых. Это значит, что у данного испытуемого имеется выраженное положительное отношение к ребенку. Взрослый в данном случае принимает ребенка таким, какой он есть, уважает и признает его индивидуальность, одобряет его интересы, поддерживает планы, проводит с ним достаточно много времени и не жалеет об этом.

Рассмотрим шкалу кооперации. Низкие значения по данной шкале имеют 13% испытуемых. Это свидетельствует о том, что взрослый по отношению к ребенку ведет себя противоположным образом и не может претендовать на роль хорошего педагога. 39,2% участников имеют средние значения по данной шкале, что говорит о норме стремления взрослых к сотрудничеству с ребенком, проявления с их стороны искренней заинтересованности и участие в его делах. Высокие результаты имеют 43,5% испытуемых. Это является признаком того, что взрослый проявляет искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высоко оценивает способности ребенка, поощряет самостоятельность и инициативу ребенка, старается быть с ним на равных.

Проведем анализ по шкале симбиоза. Низкие данные отмечаются у 8,7% обследуемых. Это является признаком того, что взрослый, устанавливает значительную психологическую дистанцию между собой и ребенком, мало заботится о нем. 43,5% испытуемых имеют средний уровень по данной шкале. Это говорит о том, что взрослый на среднем уровне стремится к единению с ребенком. Высокие показатели по шкале видны у 43,5% обследуемых. Это достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что данный взрослый человек не устанавливает психологическую дистанцию между собой и ребенком, старается всегда быть ближе к нему, удовлетворять его основные разумные потребности, оградить от неприятностей.

Анализируя балы по шкале контроля, видно, что у 21,7% испытуемых низкий уровень контроля. Это свидетельствуют о том, что контроль за действиями ребенка со стороны взрослого человека практически отсутствует. Это может быть не очень хорошо для обучения и воспитания детей. 52,2% обследуемых имеют средний уровень контроля. Высокий уровень контроля отмечается у 26,1% испытуемых. Это говорит о том, что взрослый человек ведет себя слишком авторитарно по отношению к ребенку, требуя от него безоговорочного послушания и задавая ему строгие дисциплинарные рамки. Он навязывает ребенку почти во всем свою волю.

Проведем анализ по шкале отношения к неудачам. Низкий результат по данной шкале отмечается у 21,7% испытуемых. Это свидетельствуют о том, что неудачи ребенка

взрослый считает случайными и верит в него. Средние балы имеют 47,8% участников, что говорит о нормальном уровне отношения к неудачам, недостаткам и успехам ребенка. Высокие балы по этой шкале имеют 30,4% испытуемых. Это значит, что взрослый человек считает ребенка маленьким неудачником и относится к нему как к несмышленому существу. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся взрослому человеку несерьезными, и он игнорирует их.

Исходя, из данных, полученных в результате исследований, видно, что проблемы межличностного общения между родителями и молодежью возникают в результате враждебного отношения матери по отношению к своим детям, также из – за чрезмерной опеки, обесценивания ребенка и его мнения. Враждебное отношение проявляется в том, что мать агрессивно и строго относится к своему чаду. Из-за своего самолюбия она не способна адекватно воспринимать и принимать ребенка. С помощью его мать пытается самоутвердиться и показать свою значимость, что в последствии оказывает негативное влияние на взаимоотношения с ним. Чрезмерная опека говорит, о том, что мать не может смириться с взрослением своего ребенка и продолжает контролировать и указывать ему, как лучше жить. В результате этого возникают конфликты, потому что молодежь взрослеет и пытается наоборот быть самостоятельнее на пути к своей будущей жизни. Необходимо понимать, что дети вырастают и идут в свою взрослую жизнь, лучше лишний раз поддержать и сохранить близкие отношения, чем порицаниями испортить все. Обесценивание происходит в тот момент, когда родители неспособны понять и принять мнение своего ребенка, не способны оказать поддержки и считают проблемы взрослой молодежи полной ерундой.

Таким образом, важной проблемой в межличностном взаимодействии между родителями и детьми, является недопонимание и не умение слышать и слушать обе стороны мнений. Если бы родители не только учили, но и пытались входить в положение уже взрослых детей и воспринимать их мнение наравне со своим, то взаимоотношения были бы куда приятнее. Очень важно сохранить доверительные отношения несмотря ни на что.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капустин С. А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам / С. А. Капустин ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 14. ПСИХОЛОГИЯ. 2014. № 4. – С. 76-90.
2. Варга А.Я. Диссертация Структура и типы родительского отношения / А. Я. Варга 1986. – С. 206

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN PARENTAL FAMILIES AMONG MODERN YOUTH

Annotation. This paper examines the psychological and pedagogical problems of interpersonal communication in parental families among modern youth. The formation of relationships is influenced by factors such as the personality of the parents, psychophysiological characteristics, the characteristics of the family itself and the relationships between its members. The attitude of young people towards their parents is determined by their perception of the family, as well as experiences related to family relations.

Keywords. Family, parental position, youth, types of relationships, self-determination.

Kurkina N.S.

Scientific supervisor: Revutskaya I.V. , Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk State University

E-mail: nata.kurkina.02@mail.ru

МОРФЕМНО-ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

Лапина Н.А.

*Научный руководитель: Мозила С. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проведен морфемно-частотный анализ периодических изданий Донбасса (на материале газеты «Комсомольская правда»). Выявлены наиболее частые морфемы, которые используются при словообразовании слов, а также выявлены методы автоматического исследования текста.

Ключевые слова: анализ, морфемы, словообразование, частотность, метод.

Вступление. В современном мире язык играет важную роль в общении и передаче информации. Понимание структуры языка, его морфологических и синтаксических особенностей имеет большое значение для лингвистических исследований. Одним из методов анализа текста является морфемно-частотный анализ, который позволяет выявить основные морфемы и их частотность в тексте, а также определить особенности языкового строя и тематику текста. Актуальностью исследования является определение основных словообразующих морфем и их частотность, а также определить особенности языкового строя и тематику текста. Полученные результаты могут быть полезны для лингвистических исследований, а также для определения тенденций развития языка в конкретном тексте.

Морфемно-частотный анализ текста, который является объектом данной работы, заключается в выявлении наиболее частотных словообразующих морфем.

Данный анализ позволяет получить представление о том, какие морфемы чаще всего используются для словообразования. Это позволяет более детально провести анализ и оценку анализируемого текста.

В ходе исследования проведен морфемно-частотный анализ периодических изданий ДНР, а именно анализ на материале газеты «Комсомольская правда». При анализе использовались выпуски изданий №21 (27.10.2023) и №23 (08.11.2022), которые и являются предметом исследования.

Цель работы заключается в выявлении наиболее частотных словообразующих морфем в текстах изданиях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) Отформатировать печатный текст в электронный вариант и изучить его.
- 2) С помощью программы Textus Pro выявить наиболее частотные словоформы в двух выпусках издания. Составить таблицу на базе полученных данных.
- 3) На базе полученной таблицы определить способ словообразования, путем определения морфем.

Основная часть. Современное понимание морфемы восходит к учению И.А. Бодуэна де Куртенэ, который определял морфему как «далее неразложимый морфологический элемент языкового мышления» и рассматривал термин «морфема» в качестве родового понятия, объединяющего видовые понятия (корень, префикс, суффикс, окончание). Из учения И.А. Бодуэна де Куртенэ следует, что морфема – это живая единица языка; элемент слова, зависимый от слова; наделена значением; имеет не только значение, но и звуковое выражение; простейшая минимальная единица, далее не делимая с морфологической точки зрения. Эти же признаки считаются существенными для морфемы и в современных исследованиях [1, с.4].

Выделение в составе слова морфем производится путем подбора к данному слову однокоренных и одноструктурных слов и сопоставления с ними данного слова. При

выделении в слове морфем, при их характеристике необходимо учитывать также принадлежность слова к определенной части речи, рассматривать его в совокупности всех присущих ему грамматических форм. Например, при морфемном анализе слова *подарок*, являющегося склоняемым именем существительным в форме именительного падежа единственного числа, сопоставляя данную словоформу с формами косвенных падежей этого же слова (*подарка, подарку, подарком* и т. д.), выделяем в составе анализируемой словоформы нулевое окончание. Следовательно, слово *подарок* составляет основу этой словоформы. Лишь в последние годы словообразование рассматривается как самостоятельный раздел, не входящий в морфологию [2, с.9].

Существует несколько методов выделения морфем, которые помогают исследователям анализировать язык и его структуру. Первый метод выделения морфем – это анализ слова на основе его грамматических форм. В этом случае исследователь анализирует изменения слова в разных грамматических формах и выделяет морфемы, которые отвечают за эти изменения.

Второй метод выделения морфем – это анализ слова на основе его производных форм. В этом случае исследователь анализирует слово и его производные формы, чтобы выделить морфемы, которые отвечают за образование этих форм. Например, в русском языке слово «*книга*» может образовывать производные формы, такие как «*книжный*» и «*книжка*». Исследователь может выделить морфемы «-ый» и «-ка», которые отвечают за образование этих форм.

Третий метод выделения морфем – это анализ слова на основе его состава. В этом случае исследователь анализирует слово и его составляющие, чтобы выделить морфемы, которые образуют это слово. Например, в русском языке слово «*некрасивый*» состоит из приставки «не-», корня «красив» и суффикса «-ый». Исследователь может выделить эти морфемы и проанализировать их значения и функции в слове [3, с.61].

Каждый из этих методов имеет свои преимущества и ограничения. Анализ на основе грамматических форм позволяет выделить морфемы, которые отвечают за грамматические изменения слова, но может быть ограничен в случае нерегулярных форм. Анализ на основе производных форм позволяет выделить морфемы, которые отвечают за образование производных форм, но может быть ограничен в случае отсутствия таких форм. Анализ на основе состава позволяет выделить морфемы, которые образуют слово, но может быть ограничен в случае сложных слов или слов с неясной структурой. В целом, выделение морфем в словах является важным инструментом для анализа языка и его структуры. Методы выделения морфем позволяют исследователям понять структуру слова, его значимые составляющие и процессы образования слов в языке. Это помогает не только в лингвистических исследованиях, но и в обучении и изучении языка.

Разработка и оптимизация принципов определения частотности вхождения лексических единиц в письменные тексты включают в себя решение следующих задач:

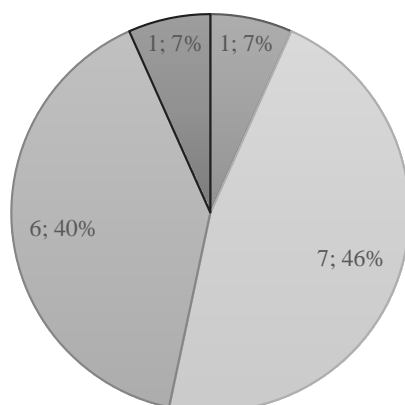
- 1) сбор лексического материала в виде письменных текстов с их дальнейшей оцифровкой или использованием текстов в цифровом формате;
- 2) разработка принципов формализации лексических единиц и сведения их к словарной форме и корневой морфеме;
- 3) определение частотности вхождения лексических единиц в состав анализируемых текстов [4, с.17].

Для проведения исследования была выбрана газета Донбасского издания «Комсомольская правда». При анализе использовались выпуски изданий №21 (27.10.2023) и №23 (08.11.2022). Общий объем исследуемого текста составил 11364 словоформ. С помощью программы TextusPro был проведен анализ текста и занесен в таблицу. Выявление морфем и определение способа словообразования был проведен методом отбора на основе правил.

Таблица 1

№	Слово	Часть речи	Начальная форма	Способ словообразования
1.	ДНР	S (сущ.)	ДНР	Аббревиация
2.	Республики	S (сущ.)	Республика	Непроизводное
3.	России	S (сущ.)	Россия	Суффиксальный
5.	Время	S (сущ.)	Время	Непроизводное
6.	Донбасса	S (сущ.)	Донбасс	Сложение
7.	Народной	A (прил.)	Народный	Суффиксальный
8.	Работы	S (сущ.)	Работа	Суффиксальный
9.	Фото	S (сущ.)	Фото	Непроизводное
10.	Людей	S (сущ.)	Человек	Непроизводное
11.	Путин	S (сущ.)	Путин	Непроизводное
12.	Владимир	S (сущ.)	Владимир	Непроизводное
13.	Российской	A (прил.)	Российский	Суффиксальный
14.	Строители	S (сущ.)	Строитель	Суффиксальный
15.	Территории	S (сущ.)	Территория	Непроизводное
16.	Власти	S (сущ.)	Власть	Суффиксальный

Частотный анализ выпуска №21

■ Аббревиация ■ Непроизводное ■ Суффиксальный ■ Сложение

Таблица 2

№	Слово	Часть речи	Начальная форма	Способ словообразования
1.	ДНР	S (сущ.)	ДНР	Аббревиация
2.	Области	S (сущ.)	Область	Непроизводное
3.	Работы	S (сущ.)	Работа	Суффиксальный
4.	Помощь	S (сущ.)	Помощь	Приставочный
5.	Фото	S (сущ.)	Фото	Непроизводное
6.	Время	S (сущ.)	Время	Непроизводное
7.	России	S (сущ.)	Россия	Суффиксальный

Выводы. Исходя из полученных данных в таблицах, можно сделать выводы о том, что большинство слов в исследуемых текстах образованы **суффиксальным способом**. Но большая часть слов – **непроизводные**.

Исходя из проделанной работы, можно сделать следующие выводы о том, что выполнена задача работы, а именно – проделано выявление наиболее частотных способов словообразования в текстах изданий СМИ. При выполнении задачи были использованы дополнительные программные компоненты, благодаря которым был выполнен качественный морфемно-частотный анализ текста.

В ходе изучения теоретических аспектов частотного анализа текста, можно сказать, что частотный анализ текста является очень полезным инструментом для обработки больших объемов текстовой информации. Он помогает выявить ключевые слова и фразы, классифицировать тексты и извлекать информацию. Однако, необходимо учитывать, что он не всегда может быть точной и требует дополнительной проверки и корректировки. Кроме того, морфемно-частотный анализ может быть полезным инструментом для изучения изменений в языке, используемом в СМИ, со временем. Путем сравнения частотности морфем в разных периодах времени можно выявить тенденции и изменения в использовании языка в СМИ.

Одним из основных выводов, которые можно сделать на основе морфемно-частотного анализа периодических изданий СМИ, является то, что в СМИ преобладает использование определенных морфем и слов. Например, часто встречаются слова, связанные с политикой, экономикой, социальными проблемами и культурой. Это свидетельствует о том, что данные темы являются наиболее важными и интересными для общества [5].

Автоматизация морфемного анализа текста представляет собой важный инструмент для обработки и анализа текстовой информации [6]. Применение компьютерных программ и методов обработки естественного языка позволяет значительно упростить и ускорить процесс выявления морфем в тексте, что делает этот подход актуальным и перспективным для различных областей науки и техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирзоев Р.С. Русское словообразование. Учебники и учебные пособия для вузов. – Баку: «Мутарджим», 2018. – 248 с.
2. Автоматическая обработка естественного языка: учебное пособие / А.В. Луканин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 70 с.
3. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие / Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. – 269 с.
4. Петрова Т.И. Словообразование в теории и практике русского языка как иностранного: учебно-методическое пособие / Т.И. Петрова. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021. – 49 с.
5. Мирзоев Р.С. Русское словообразование. Учебники и учебные пособия для вузов. – Баку: «Мутарджим», 2018. – 248 с.
6. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

**MORPHEMIC-FREQUENCY ANALYSIS OF DONBASS PERIODICALS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE KOMSOMOLSKAYA PRAVDA NEWSPAPER)**

Annotation. In this work, a morphemic-frequency analysis of periodicals of Donbass was carried out (based on the material of the newspaper Komsomolskaya Pravda). The most frequent morphemes that are used in word formation have been identified, as well as methods of automatic text research.

Keywords: analysis, morphemes, word formation, frequency, method.

Lapina N.A.

Scientific adviser: Mogila S.A.

Donetsk State University

E-mail: nikaland28@gmail.com

УДК 659.12

КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ПРОДУКТА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Липич С.А.

*Научный руководитель: Каика Н.Е., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности создания банковской рекламы в российском медиапространстве в условиях социально-экономической нестабильности. Проанализированы и охарактеризованы креативные технологии создания рекламы «Тинькофф Банк». Подчеркивается высокая степень креативности рекламных продуктов банка. Показано, что на фоне решения непосредственных маркетинговых задач, рекламные обращения банка апеллируют к знаковым событиям истории российского государства, достижениям советской эпохи, актуализируют патриотические мотивы в рекламе, что способствует укреплению в сознании потребителя положительного имиджа банка, а также реализации социокультурной функции рекламы.

Ключевые слова: банк, банковский сектор, реклама, креативные технологии.

Вступление. В условиях развития современной банковской сферы в Российской Федерации, которая вынуждена претерпевать санкционное воздействие, а также давление внешних факторов после начала спецоперации, стал актуальным и одновременно острым вопрос, как быстро и эффективно адаптировать под сложившуюся ситуацию рекламные технологии [5, с. 337].

Проблемы развития отечественной рекламы в банковской сфере в условиях современных вызовов находят отражение в научных работах Н.И.Быкановой, И.А.Науменко, К.В.Молчанова [2], Л.А.Зайцевой [3], Н.Е.Каики, С.А.Липич [5], В.В.Корниловой, Д.Е.Михайловой [6] и др. Вместе с тем эти вопросы в силу текущих процессов социально-экономических трансформаций требуют дальнейшего научного осмысления, что обуславливает актуальность темы.

Основная часть. Цель исследования – проанализировать и охарактеризовать креативные технологии создания и особенности функционирования банковской рекламы в российском медиапространстве в условиях социально-экономической нестабильности (на примере АО «Тинькофф Банк»).

Креативные технологии являются важной составляющей разработки рекламных продуктов в банковской сфере. Банки, как и любые другие компании, стремятся к привлечению большего количества клиентов, и для этого им необходимо разработать рекламные кампании, которые будут привлекать внимание и запоминаться. Сегодня конкуренция в банковской сфере настолько высока, что без использования креативных технологий создания рекламного продукта становится трудно выделиться на рынке и привлечь внимание потенциальных клиентов.

Реклама всегда притягивала к себе многих талантливых людей – художников, писателей, режиссеров, актеров, певцов и т.п. Именно они превращают рекламу в искусство. Реклама по-настоящему интересна и эффективна, когда происходит гармоничное соединение креативного решения с прагматикой маркетинговых задач.

Креативные технологии создания рекламного продукта в банковской сфере позволяют создавать оригинальные и запоминающиеся рекламные кампании, которые не только привлекают внимание клиентов, но и способны вызвать эмоциональную реакцию и укрепить имидж банка. Также креативные технологии создания рекламного продукта включают в себя широкий спектр инструментов и методов: использование необычных форматов, нестандартных подходов к продвижению, применение современных

технологий виртуальной реальности, дополненной реальности, искусственного интеллекта и др.

Креативные технологии создания рекламного продукта требуют компетентного подхода к их применению, так как неправильно выбранная стратегия может привести к негативным последствиям. Поэтому необходимо уметь грамотно сочетать креативность с банковскими стандартами и правилами, а также учитывать особенности целевой аудитории и рынка. Стоит отметить, что использование креативных технологий создания рекламного продукта в банковской сфере может стать ключевым фактором в привлечении новых клиентов и укреплении позиций банка на рынке.

Разрабатывать политику эффективного маркетинга для банков – задача перманентная и важная, так как они постоянно подвергаются давлению конкуренции внутри самой системы, меняя как концепцию маркетинга банковских услуг, так и просто запуская огромное количество рекламы по продуктовой линейке. Существенную динамику в цифровую трансформацию банковских продуктов внесла ситуация постковидного времени, которая послужила триггером в изменении восприятия банковских продуктов среди потребителей и позволила сформировать новые тренды в поведении. Продажи стали переходить из офлайн в онлайн, а покупки стали совершаться через приложения, когда раньше предпочтения отдавались сайтам. Все это повлекло и новые требования со стороны населения, их стали предъявлять к банковским услугам [1].

Рассмотрим креативные технологии создания рекламы в банковской сфере на примере банка «Тинькофф». Рекламные технологии банка отличаются высокой степенью креативности.

Показательным примером стала большая рекламная кампания в апреле 2023-го, которая была посвящена Дню космонавтики. «Тинькофф» выпустил впечатляющий короткий 15-секундный ролик с броским видеорядом и хорошо знакомой, но слегка переработанной композицией Э.Артемяева «Поход» из фильма «Солярис» А. Тарковского. В первом кадре мы видим взлетающую ракету и легендарную фразу Юрия Гагарина «Поехали!» на заднем плане. После этого нам показывают первый спутник в открытом космосе и указывают год, когда он там появился. Затем нам демонстрируют космонавта, который машет рукой, на экране видим текст о том, что впервые в открытый космос человек вышел в 1965-м году. Одновременно с этим закадровый голос призывает оформить карту «Тинькофф Black» до 16 апреля. В следующем кадре нам показывают, что в 1970-м году был введён в эксплуатацию первый луноход. Диктор говорит, что при оформлении карты до указанной даты клиент получит бесплатное обслуживание этой самой карты навсегда. Потребителям демонстрируют варианты дизайна карт с «героями» этого же ролика – первым спутником, космонавтом и луноходом. Завершается всё ставшей узнаваемой фразой «Тинькофф – он такой один».

Анализ рекламного креатива, который использовали маркетологи в данной рекламе, позволяет считать удачным подбор композиции, так как она полифункциональна: с одной стороны, она приятна слуху, отлично подходит под космическую тематику, вызывает чувство чего-то большого и неизведанного; с другой же стороны, у аудитории постарше композиция может вызвать положительные эмоции, связанные с прошлым, чувство ностальгии и гордости. Ролик короткий, но ёмкий. Видеоряд идёт динамично, кадры яркие, а предложение звучит максимально лаконично и понятно.

Можно заключить, что данная реклама банка «Тинькофф», посвященная Дню космонавтики, получилась весьма удачной с позиций постановки, подбора музыки и рекламного посыла – все факторы сработали, многие люди заинтересовались, что же за композиция играла в рекламном ролике, а следовательно, можно сделать вывод о его определенной вирусности (рис.1).

Нельзя не отметить ролик, посвященный тому, что банк набрал 25 млн клиентов. В нём видеоряд наполнен различными жизненными и рабочими ситуациями, на которые тонко накладываются возможности, которые открываются при использовании услуг банка: обычные переводы, оформление страховок, инвестиции, возможность использовать карту в качестве зарплатной и прочее. Всё это сопровождается закадровый голос, который благодарит клиентов за пользование услугами банка «Тинькофф». Подчеркнем, что современное российское рекламное пространство насыщено базовыми для русской ментальности мифологемами семьи, дружбы, свободы, родины и т.д., которые коррелируют с архетипическими образами, символами и мотивами и визуализируются в рекламных обращениях. На фоне традиционных способов визуализации образа родины, что характерно, скажем, для рекламы молочных продуктов, консервированных овощей, фруктовых соков и пр., наблюдаем нестандартные визуальные решения, к примеру, в рекламе «Тинькофф Банк» (*«Где еще можно открыть офис площадью 17 млн. квадратных километров? Где еще рабочий день длится 9 часовых поясов? Где “кровь из носу” – это не идиома, а клятва? Где <...>? – Только здесь, в огромной стране, над которой никогда не заходит солнце <...> Тинькофф Банк. Мы из России»*) [4, с.51]. Рекламный текст *«...в огромной стране, над которой никогда не заходит солнце»* и сопровождающий яркий визуальный ряд весомо подчеркивают величие и мощь Российской Федерации.

Также в конце диктор говорит, что благодаря клиентам, которые доверяют банку, он готов называться «Банком года в России». Благодаря различным ситуациям, представленным в ролике, можно понять, что банк подходит клиентам всех возрастов и самых разных профессий. Благодарность, которую авторы выражают в ролике, положительно сказывается на лояльности клиентов. Подчеркнем, что данный ролик, демонстрирующий услуги, которые предоставляются банком «Тинькофф», и направленный на решение коммерческих задач, актуализирует также и патриотические мотивы в рекламе (рис. 2).

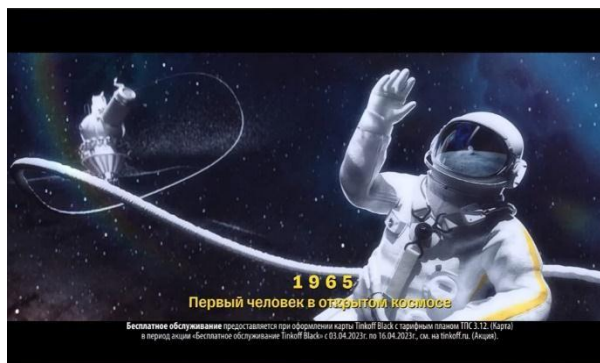

Рис. 1. Реклама «Тинькофф Блэк_Космос»

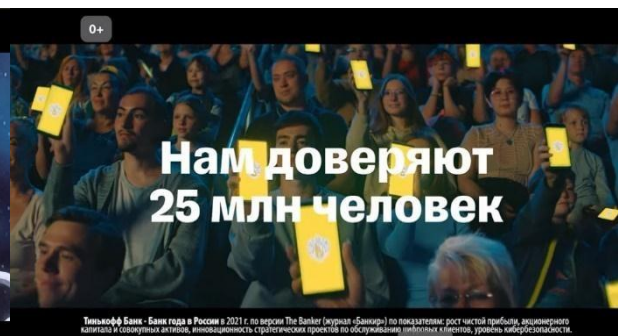

Рис. 2. Реклама «Тинькофф: 25 миллионов клиентов»

В отечественной рекламе широко используются художественные образы, взятые из произведений искусства (литературы, живописи, музыки, кинематографа и т.д.). Эстетическая информация обладает большим потенциалом внушаемости: она воздействует на поведение человека посредством апелляции к эмоциональной сфере психики.

Современная действительность показывает и подтверждает широкое распространение и использование в рекламе общепризнанных, общеизвестных и вошедших в историю произведений живописи прошлых эпох.

Так, «Тинькофф» представил ролик «Слушайте сердце» о том, что важно следовать за мечтами и не терять с ними связь даже во в зрелом возрасте. В основу сюжета легли

истории из жизни клиентов. Главные герои – люди разного возраста, которые используют продукты «Тинькофф» и совершают добрые дела. Ролик начинается со школьного утренника, на котором дети читают родителям стихотворение. Слушая его, каждый взрослый задумывается о наступающем годе и представляет свои цели. Например, одна из мам собирает деньги на ремонт машины сына с помощью раздела «Сбор», а бабушка открывает в «Тинькофф Бизнесе» ИП, чтобы продавать свою выпечку. Ролик заканчивается призывом слушать в наступающем году своё сердце, которое подскажет, что делать с финансами, как обустроить личную жизнь. Слушать сердце, принимать добрые, хорошие решения, делать мир лучше на своём уровне, окружать себя близкими людьми – концептуальная идея «Слушайте сердце» заключается именно в этом [7] (рис.3).

Дебетовая карта Tinkoff Black – настоящее произведение искусства! Под таким лозунгом банк представил дебетовые карты Tinkoff Black лимитированной коллекции в дизайне картин из Третьяковской галереи. Клиенты могут выбрать один из пяти вариантов дизайна с изображением известных картин: «Демон сидящий» Михаила Врубеля; «Девочка с персиками» Валентина Серова; «Утро в сосновом лесу» Ивана Шишкина; «Богатыри» Виктора Васнецова; «Аленушка» Виктора Васнецова (рис. 4). В целях привлечения внимания клиентов был выпущен рекламный ролик «Тинькофф Black. Третьяковская галерея». Виртуальная карта (помимо физической) в соответствующем дизайне также будет отображаться и в мобильном приложении Тинькофф.

Рис. 3. Реклама «Тинькофф. С новым, 2023 годом»

Рис. 4. Дебетовые карты Tinkoff Black лимитированной коллекции в дизайне картин из Третьяковской галереи

Заключение. Современная коммерческая реклама, функционирующая в российском рекламном пространстве, характеризуется положительной тенденцией к созданию качественного продукта. Технологии создания рекламного продукта в банковской сфере отличаются высокой степенью креативности. Рекламный продукт Tinkoff Bank, кроме решения непосредственных маркетинговых задач, апеллирует к знаковым событиям истории российского государства, достижениям советской эпохи, актуализирует патриотические мотивы в рекламе, что способствует укреплению в сознании потребителя положительного имиджа банка, а также реализации социокультурной функции рекламы.

Перспективы развития дальнейших исследований в русле данной темы видятся в изучении креативных стратегий восточно-азиатской рекламы в банковской сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов, Р.А. Банковская система в современных условиях цифровизации / Р.А. Беспалов, Н.В. Хаданович // Приоритеты новой экономики: энергопереход 4.0 и цифровая трансформация: Сборник тезисов всероссийской научно-практической конференции (15 декабря 2021 года). — Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. — С. 370-373.
2. Быканова, Н. И. Тенденции развития digital-маркетинга на рынке банковских услуг / Н.И. Быканова, И. А. Науменко, К. В. Молчанов // Научный результат. Экономические исследования. Т. 8. № 4. 2022. С. 88-98.
3. Зайцева, Л. А. Особенности офлайн-рекламы банков и финансовых организаций в Крыму /Л. А. Зайцева // Информационные и коммуникативные технологии. Проектная деятельность в образовательном и информационно-коммуникативном процессе: опыт и перспективы: сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Симферополь - Гурзуф, 22–25 мая 2019 года). – Симферополь: Ариал, 2020. – С.69-77.
4. Каика, Н. Е. Национально-культурная специфика современной коммерческой рекламы / Н.Е. Каика // Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 16-18 мая 2019 г. Часть II. Под общей редакцией профессора В.В. Тулупова. Воронежский государственный университет. Факультет журналистики. – Воронеж, 2018. – 118 с. – С.49-51.
5. Каика, Н.Е. Функционирование банковской рекламы в условиях социально- экономической нестабильности /Н.Е.Каика, С.А.Липич //Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культураи вызовы современности: Материалы VIII Международной научнойконференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – 414 с. – С.337-339.
6. Корнилова, В. В. Роль медиакоммуникаций в ребрендинге ПАО Сбербанк / В. В. Корнилова, Д. Е. Михайлова // Гуманитарные науки в пространстве современной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Киров, 2021. – С. 46-48.
7. Финансовые итоги и детские мечты: «Тинькофф» запустил новогоднюю кампанию. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/tinkoff-novogodnij-spetsproekt-s-itogami-goda-58435.html> (дата обращения: 5.02.2024).

CREATIVE TECHNOLOGIES FOR MAKING AN ADVERTISING PRODUCT IN THE BANKING SECTOR

Annotation. The article deals with the specifics of creating bank advertising in the Russian media space in terms of social and economic instability. The creative technologies of Tinkoff Bank advertising are analyzed and characterized. The high creative level of the bank’s advertising products is emphasized. It is shown that while solving the immediate marketing task, the bank’s advertising messages appeal to significant events in the history of the Russian state, the Soviet era achievements, actualize patriotic motives in advertising, which helps to strengthen the positive image of the bank in the consumer’s mind, as well as the implementation of the social and cultural function of advertising.

Keywords: bank, banking sector, advertising, creative technologies.

Lipich S. A.

Scientific adviser: Kaika N. E., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: slaneckiy@yandex.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Лучко Е.В.

*Научный руководитель: Ревуцкая И. В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются различные подходы к понятию профессиональное самосознание. Особенности формирования профессионального самосознания психологов в контексте образовательной деятельности. Последовательно представлены этапы формирования профессионального самосознания психолога на разных этапах обучения в ВУЗе. Описаны качества, необходимые в профессиональной деятельности психолога.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, психолог, подходы, обучение в ВУЗе.

Важность роли сознания в жизни человека и общества не требует дополнительной аргументации. Известно, что сознание отражает главным образом картину мира и систему смыслов, стоящих за ней, в нашем же исследовании актуальна профессиональная составляющая сознания, традиционно изучаемая в связи со спецификой профессиональной подготовки субъекта деятельности. В нашем случае такими субъектами выступают психологи.

Для успешного усвоения любой профессии, необходимо пройти обучение, через поэтапное усложнение и обогащение информации. Н.В. Чепелева выделяет несколько уровней, усвоение которых необходимо для профессионального становления психолога: идеологический, профессиональный, и личностный уровни. Невозможно стать хорошим специалистом не принимая нормы, правила, ценности и этику психолога. Для эффективной реализации данной деятельности требуется владение необходимой системой знаний и технологий, а также предполагается наличие у ее субъекта определенных психологических характеристик личности, в том числе и сформировавшегося профессионального самосознания.

Анализ литературы позволяет выделить большое количество подходов к объяснению сущности профессионального сознания и самосознания. Точка зрения на профессиональное сознание Ж.П. Вирна идет в русле исследований Д. Супера, который видит профессиональное сознание, через вхождение в профессиональную роль. По мнению автора, профессиональные предпочтения являются реализацией комплексной «Я-концепции», когда человек сознательно стремится к профессии, требования к освоению которой, отражают представления субъекта о себе как о профессионале [1].

Говоря о профессиональном самосознании, С.В. Васьковская объясняет его как особое явление в психике человека, способствующее саморегуляции своих действий в профессиональной сфере на основе знания профессиональных требований, своих профессиональных способностей и эмоционального отношения к себе как к субъекту профессиональной деятельности. По мнению Б.Д. Парыгина, профессиональное самосознание проявляется в принятии человеком принадлежности к определенной профессиональной группе [2]. Согласно позиции А.К. Марковой, профессиональное самосознание включает в себя: представления человека о себе как о специалисте; систему отношений к себе как к специалисту; определенный уровень самоопределения личности. Точка зрения Г.Б. Петрова, также представляет научный интерес, согласно которой сущность профессионального самосознания представляет собой матрицу смыслов, состоящую из коллективно выработанных, понятий: «личность», «Я», «сознание», которые характеризуются динамикой [3].

Наличие различных точек зрения относительно сущности профессионального самосознания привело к разнообразию представлений о его структурных компонентах. Первые исследования структуры профессионального самосознания принадлежат Е.А. Климову, согласно которому профессиональное самосознание включает в себя: осознание своей принадлежности к определенному профессиональному сообществу, представления о своем соответствии профессиональным стандартам, знание своих достоинств и недостатков, возможных путей самосовершенствования [4].

Обобщая, можно заметить, что сущность профессионального самосознания, объясняется через призму структурных элементов самосознания в принципе. В его структуру входит самопознание, эмоционально-ценностное отношение к себе и саморегулирование поведения личности, рассмотренные в работах И.И. Чесноковой.

Затрагивая линию анализа условий развития профессионального самосознания, – интересный взгляд предлагает А.К. Маркова. Она считает, что профессиональное самосознание базируется на профессиональной самооценке – потенциальной (Я как профессионал завтра), ретроспективной (Я как профессионал в прошлом), актуальной (Я как профессионал сегодня) и идеальной (Я как профессионал в будущем). Автор подчеркивает, что о росте профессионального самосознания можно говорить в том случае, когда текущая оценка выше ретроспективной, а идеал выше фактической [5].

А.В. Иващенко определены этапы становления профессионального самосознания: первый – формирование у будущего специалиста идеальной модели «Я – профессионал»; второй – актуализация личностной рефлексии, сопоставление реальных и идеальных образов «Я – профессионал»; третье – стимулирование личностного роста для достижения идеального образа «Я – профессионал» [6].

Логично отметить, что наиболее перспективным периодом, активизации процесса формирования профессионального самосознания, является период профессиональной подготовки. Обучаясь в высшем учебном заведении (далее ВУЗ) студент начинает понимать, соответствует ли выбор профессии его первоначальным представлениям, происходит интеграция его качеств в профессиональную направленность, развитие профессионального мышления. В этот период формируется более широкая и устойчивая мотивация будущей профессиональной деятельности.

Говоря об особенностях формирования профессионального самосознания будущих психологов требуется выделение, специфичных для данной профессии психологических особенностей, определяющих цели обучения. Работа психолога относится к категории повышенной ответственности, поскольку связана с чрезвычайно сложным явлением – психикой и сознанием человека, что, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к личности будущего специалиста и его подготовке.

Андрейчук И.П. подчеркивает важность формирования позитивной Я-концепции в процессе обучения в ВУЗе. Показателями позитивной Я-концепции, по мнению автора, являются постоянство и адекватность самооценки, доминирование внутреннего локуса контроля, отсутствие тревожности у индивида и внутриличностных проблем. Стасюк Ю.Л. обобщая ряд эмпирических исследований, выделяет уровни формирования профессионального самосознания психологов в ходе образовательной деятельности: адаптивный, репродуктивный, эвристический и креативный [7].

Если говорить о хронологии формирования профессионального сознания психологов в системе высшего образования, обратимся к диссертационному исследованию Шевченко Н.Ф. На первом году обучения в ВУЗе формируется адаптивный уровень профессионального сознания. Будущие психологи учатся определять цели учебной и профессиональной деятельности и отличать их от множества личных целей. Происходит формирование положительного отношения к методологии науки, психологическим знаниям, готовности применять в собственной практической деятельности. Начинает формироваться способность к рефлексии.

На втором курсе развивается репродуктивный уровень профессионального сознания. Происходит формирование устойчивого отношения к профессиональной психологической реальности, прослеживается включение будущих психологов в профессиональную практику. Студенты, осознают роль обучения в совершенствовании собственного профессионального сознания, проявляют готовность использовать систему психолого-педагогических знаний при перестройке профессиональной деятельности. Активное развитие их профессионального сознания возможно при организации взаимодействия педагогов со своими воспитанниками в рамках образовательной деятельности, создании условий для вступления в диалог с каждым из своих студентов. Формируется научная картина психологической реальности.

На третьем и четвертом курсах формируется эвристический уровень профессионального сознания. В этот период повышается готовность и умение использовать систему психологических знаний. Демонстрируется понимание содержания существующих профессиональных систем и сущности профессиональной деятельности, умение размышлять о собственном профессиональном опыте, анализировать содержание и структуру своей деятельности, владение надежными способами решения задач, появляются попытки изобрести новые, оригинальные способы их решения.

На пятом и шестом курсах обучения, в ходе производственной практики и при попытках самостоятельной профессиональной деятельности формируется творческий уровень профессионального сознания. В это время будущие психологи самостоятельно включают ценности социально-моральных и психологических координат в организацию и регуляцию всей своей деятельности. Их профессиональные действия отличаются мобильностью использования знаний и методик, что в свою очередь стимулирует переход к активной, творческой и самостоятельной профессиональной деятельности.

Динамика формирования профессионального самосознания будущих психологов также отмечена кризисными периодами. На первом году обучения формирование профессионального самосознания характеризуется конфликтом несогласованности между представлениями, пониманием понятий, которые касаются личности психолога. Отсюда несоответствие желаемого и действительного. На третьем курсе обнаруживается конфликт десемантизации, при котором абстрактный предмет образовательной деятельности не совпадает с реальным предметом будущей профессиональной деятельности. На четвертом курсе у студентов проявляется «внутренний семантический конфликт», заключающийся в столкновении научных смыслов, сформированных на предыдущих этапах обучения, и практических смыслов, приобретенных в ходе производственной практики. На пятом курсе это противоречие сохраняется [8].

Говоря о качествах профессиональной деятельности психолога, обратимся к книге Г.С. Абрамовой, в которой перечислены десять качеств психолога, который: 1) ориентирует клиента в его целях, дает возможность найти максимально возможное число вариантов поведения; 2) способен по-разному реагировать – вербально и невербально в различных ситуациях, на различные проблемы; 3) понимает сложность предмета своего исследования и невозможность его исследования в рамках одной концепции, поэтому стремится понять и использовать в работе множество концепций; 4) способен вырабатывать разнообразие моделей поведения, что позволяет ему влиться в мир клиента, и идти вместе по пути решения проблемы; 5) сохраняет конфиденциальность; 6) рефлексивен, понимает и принимает ограничения своих возможностей, уровень квалификации и сотрудничает с коллегами и представителями смежных специальностей; 7) понимает, что его реакция влияет на клиента и наоборот – реакции клиента влияют на него самого; 8) понимает, что человеческое достоинство в работе практического психолога является самоценностью; 9) изучает новые теории и подходы, разрабатывает на их основе собственную концепцию психологической

помощи; 10) относится к любой теории, как отражению реальности психической жизни, так и реальности культурной и гендерной идентичности автора теории, отражающего эту реальность в своём образе мышления [9].

Е.Е. Сапогова приводит следующие основные характеристики профессионального сознания психолога: гибкость; философская оценка психологических фактов; метафоричность; экологичность – воздержание от оценки и давления; интуитивность исключая стандартный стиль поведения, реагирования; экзистенциальное сознание расширяющее горизонты понимания клиентов; феноменальность в анализе личности через множественные подходы; воображение и креативность; гуманизм; диалогичность; мультикультурализм как принятие клиента в свою социокультурную систему; теоретичность; интерпретация; возможность увидеть двусмысленность каждого человека.

А.Г. Самойлова выделяет группы качеств, которые должно включать профессиональное сознание психолога. Мировоззренческие качества: убеждения, нормы, психологическая грамотность, идеалы, универсальность, мультикультурализм, ценностно-смысловая сфера. Профессиональные качества: владение профессиональными знаниями, умениями, технологиями, культурой, компетентностью, грамотностью, системным видением сферы профессиональной деятельности, умением интегрироваться со смежными науками, профессиональной адаптацией, постоянной готовностью к повышению квалификации, пониманием значимости специальности. Личностные качества: наличие мотивов, приоритетов; личный опыт; адекватная самооценка, способность принимать решения, харизматические качества, способность к эмпатии, рефлексии, знание законов межличностных отношений; экзистенциальность, диалогичность, герменевтика, интенциональность. Творческие качества: творческий подход к работе, творческое решение профессиональных задач, гибкость мышления, профессиональная эрудиция [10].

Анализ литературы позволяет выделить большое количество подходов к объяснению сущности профессионального сознания и самосознания личности. Озвучены взгляды Н.В. Чепелевой, Ж.П. Вирна, Д. Супера, Б.Д. Парыгина, С.В. Васьковской, А.К. Марковой, Г.Б. Петрова, Е.А. Климова, А.В. Иващенко, И.П. Андрийчука и др. Обобщая различные подходы в понимании профессионального самосознания, можно раскрыть его как – осознание себя как представителя определенной профессиональной группы, осознание своего предназначения и роли в определенной профессиональной сфере, способность выстраивать пути профессионального самосовершенствования, вобравшее в себя не только профессиональные навыки и знания, но и субъективный профессиональный опыт. Можно констатировать, что профессиональное самосознание личности является сложным личностным феноменом, опирающимся на структуру самосознания как такового, выполняющим ряд регуляторных функций в профессиональной деятельности.

Касаемо условий развития профессионального самосознания, наиболее перспективным периодом, когда активизируется процесс его формирования, является период профессиональной подготовки. На каждом курсе обучения надстраиваются новые уровни формирования профессионального сознания (Стасюк Ю.Л.): адаптивный, репродуктивный, эвристический и креативный. Проходят кризисы профессионального становления. Анализ профессионального генезиса самосознания будущих психологов основан на логике формирования личности, сознания и самосознания профессионала.

Рассмотрены основные свойства и характеристики профессионального самосознания квалифицированных психологов. На наш взгляд А.Г. Самойлова наиболее полно определяет группы качеств, которые включает профессиональное сознание психолога: мировоззренческие; профессиональные; личностные; творческие.

Таким образом, в результате обзорно-аналитического исследования были рассмотрены различные подходы к пониманию профессионального самосознания, а также рассмотрены особенности формирования профессионального самосознания психологов в контексте образовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вирна Ж.П. Мотивационно-смысловая регуляция в профессионализации психолога. Луцк: Вежа, 2003. 320 с.
2. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. Санкт-Петербург: ИГУП, 2003. 616 с.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. Москва: Международный гуманитарный фонд Знание, 1996. 308 с.
4. Петрова Г.Б. «Профессиональное самосознание» как научный конструкт и философский концепт: к проблеме истолкования смысла. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогика и психология. Киров, 2009. № 1 (3). С. 12-15.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512с.
6. Евтешина Н.В. Социально-психологические особенности профессиональной идентичности психологов в различных сферах: сопоставительный анализ: дис... канд. психол. наук: 19.00.05. Рязань, 2008. 319 с.
7. Стасюк У.Л. Особенности профессионального самоопределения будущих психологов. Проблемы современной психологии. 2009. Вып. 6. Част. 2. С.265-274.
8. Шевченко Н.Ф. Формирование профессионального сознания практических психологов в системе высшего образования: дис... д-ра психол. наук:19.00.07 / Институт им. Г.С. Костюка АПН Украины. Киев, 2006. 296 с.
9. Абрамова Г.С. Практическая психология Учебник для студентов вузов – Изд 6-е., перераб. и доп. – М: Академический Проект, 2003. – 496 с
10. Бондаренко А.Ф. Личностное и профессиональное самоопределение отечественного психолога-практика. Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1. С.63-75.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF PROFESSIONAL SELF-AWARENESS OF FUTURE PSYCHOLOGISTS - TEACHERS

Abstract. This paper examines various approaches to the concept of professional self-awareness. Features of the formation of professional self-awareness of psychologists in the context of educational activities. The stages of formation of professional self-awareness of a psychologist at different stages of higher education are consistently presented. The qualities necessary in the professional activity of a psychologist are described.

Keywords: professional self-awareness, psychologist, approaches, university education.

Luchko E. V.

Scientific adviser: Revutskaya I. V. senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: Lychkoalena295@mail.ru

УДК 070

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Марущенко А.А.

*Научный руководитель: Артамонова И.М., д-р наук профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются влияние телевидения на формирование системы ценностей у населения России. Анализируется телевизионный контент, приводятся примеры деструктивных моделей поведения на телеэкране. Автор также исследует образ населения страны, который создается телевидением. В статье рассматривается механизм формирования и трансляции ценностей, а также предпринимается попытка анализа ценностного и нравственного потенциала российского общества.

Ключевые слова: телевидение, телевидение, контент, образ, деструктивный контент, телепередача, ценностный потенциал.

Телевидение является транслятором ценностей для общества. Несмотря на стремительное развитие новейших медиа и в целом цифровой среды, телевидение как социальный институт занимает важное место в обществе. Телевидение формирует устойчивую картину мира, модели поведения и нарративы, создает информационное поле, которое тем или иным образом на индивида воздействует. Безусловно, телевидение закладывает и систему ценностей, причем не только у детей, но и у взрослого населения страны. Мысли, идеи, отношение к определенным вещам, понимание того, что есть хорошо, а что таковым не является, формируются с помощью телевидения как целенаправленно, так и случайным образом, реализуя таким образом воспитательную функцию данного массмедиа.

Однако сегодня мы живем в обществе, для которого на первом месте стоит потребление, а не созидание, в обществе с довольно сомнительным ценностным аппаратом, ценностями, присущими обществу потребления. На первый план выходит финансовая составляющая, деньги становятся главной ценностью, а общечеловеческие ценности (нравственные, этические) перестают быть ценностями как таковыми. На наш взгляд, телевидение в этом процессе обесценивания играет значимую роль. Многие современные телевизионные программы демонстрируют деструктивный контент. Это и драки в прямых эфирах («Вечер с Владимиром Соловьевым»), и оскорбления («Мужское/Женское»), и чрезмерно сексуализированный контент («Прямой эфир», «Светская хроника»). На телевидении практически отсутствует познавательный контент, как для детей, так и для взрослых. Их место занимают развлекательные передачи в жанре телеигр и телевикторин («Игра в кино», «Поле чудес»). О сложившейся ситуации можно сказать, что телевидение на данный момент выполняет лишь функции, которые характерны для капиталистического телевидения: информативную, рекламно-справочную, функцию формирования общественного мнения, поэтому пропагандируются соответствующие ценности. При этом, наблюдается когнитивный диссонанс: официальная политическая риторика сводится к тому, что обществу необходимо прививать общечеловеческие ценности (сегодня это ярко выражено на примере темы с традиционными семейными ценностями). Телевидение же при этом зачастую несет иные смыслы. Данной проблеме и посвящено наше исследование. На наш взгляд современное телевидение воспитывает общество с искаженными ценностями, а затем транслирует результаты такого воспитания. Так, например, гостями передачи «Мужское/Женское» являются маргинальные личности. Их образ жизни, безусловно, осуждается в эфирах передачи, но для чего, если не ради рейтинга, эта передача и многие другие существуют на телевидении, раз они не несут обществу созидательного потенциала и ценностей, формирующих сознательных и здоровых личностей?

Актуальность исследования связана с тем, что общество России в данный момент переживает во многом кризисный этап, а телевидение либо остается в стороне от многих конфликтных ситуаций, либо уходит в пропаганду, становясь на сторону политической повестки. Создается ситуация, в которой телевидение служит властным структурам, а не населению страны, что в корне противоречит принципам журналистики. Все это приводит к тому, что из-за перенасыщения телевидения деструктивным контентом и негативной информацией, люди выбирают контент в цифровой среде.

Новизна исследования в том, что мы делаем акцент на исследовании ценностного потенциала современного российского телевидения и рассматриваем, как телевидение не только формирует картину мира, но и каким представляет население России. Как правило, исследователи не связывают эти два направления, изучая либо механизмы формирования образа России (и населения России в том числе), либо полезность и ценность непосредственно телевизионного контента. Мы же предлагаем смотреть на ситуацию следующим образом: негативные явления в обществе связаны с отсутствием общечеловеческих ценностей в обществе, телевидение с одной стороны критикует негативные социальные явления, с другой – формирует их. Именно данный механизм и представляет для нас научный интерес.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы изучить ценностный потенциал современного российского телевидения и проанализировать, как телеканалы изображают население страны.

Население страны, как правило, и является аудиторией средств массовой информации. Это те люди, на которых журналистский контент и нацелен. Безусловно, если брать конкретные издания, то аудитория будет дифференцироваться и сегментироваться, на СМИ для мужчин и для женщин, для жителей столицы и регионов, для любителей моды, охоты, спорта. Каждый канал таким образом формирует ценности непосредственно у своей целевой аудитории, а на передачи приглашаются гости, которые соответствуют требованиям передачи или даже выпуска. На российском телевидении существует ряд телепередач, нацеленных в целом на российское общество. И, как показывает контент-анализ, именно в таких передачах деструктивных элементов больше всего. Рассмотрим пример такой передачи. Социальное ток-шоу «Мужское/Женское» представляет собой программу, где собираются некоторые маргинальные личности и эксперты, главная цель которых в соответствии со сценарием передачи заключается в оказании помощи этим личностям. Героями таких передач обычно являются люди с зависимостью и члены их семей, которые страдают от присутствия рядом с ними такого человека: это родители, которые не справляются со своими родительскими обязанностями (пьющие матери, девушки, ставшие матерями в раннем возрасте), дети, страдающие от того, что их родители ведут нездоровый образ жизни, в семьях которых нормой является рукоприкладство, оскорбления, насилие).

Так, героиней выпуска от 07.02.2024 года стала женщина, которая страдает от клопов и тараканов своих соседей, неблагополучной семьи. Вот что можно узнать о героях из описания к данному выпуску: «Игорь Коновалов и его сожительница Наталья Аксенова пропивают детские пособия, воруют в магазине алкоголь и памперсы. Они роняют и бьют о стены своих малолетних детей — восьмилетнюю Алену и годовалого Тимофея. В детстве их дочь чуть не умерла во сне, потому что к ней в рот заполз таракан. Людмила многократно обращалась в органы опеки, ПДН и администрацию, но сотрудники этих организаций бездействуют». Эксперты в студии стараются помочь решению проблем героев передач, и создается впечатление, что данное ток-шоу создано для того, чтобы помогать людям в сложных жизненных ситуациях. Но вся эта помощь оказывается в рамках передачи. Помогают ли этим людям после того, как выпуск снят и оправлен в эфир? Насколько правдивы драки, ссоры и истории героев в данной передаче?

Ответить на эти вопросы трудно, но именно от этих ответов зависит ценность и полезность передачи «Мужское/Женское».

Есть и другие передачи, где гости собираются для того, чтобы обсуждать подробности жизни людей, которых зачастую даже нет в студии. Речь идет о передачах «Пусть говорят», «Прямой эфир». Так, в выпуске передачи «Прямой эфир» от 02.02.2024 года звучали обвинения в адрес человека, которого даже не было в студии и который ответить на эти обвинения не мог. Здесь возникает вопрос: насколько этичен подобный контент? «После обвинений модели и актера Эдуарда Кривенко в похищении и сексуальном насилии прогремели новые шокирующие заявления! Теперь его обвиняют в жестоком убийстве своей возлюбленной! Убитые горем родственники требуют эксгумации тела и сурового наказания для богатого и знаменитого красавца-мужчины с телеэкрана! Что на эти страшные обвинения ответит сам "Мистер Вселенная"?!», – так на сайте канала описан выпуск. Может показаться, что польза подобных передач в том, что люди могут предать огласке свои проблемы и с помощью общественности и журналистов их решить. И, действительно, такие случаи происходят. Но такой контент бесполезен на наш взгляд, так как огласка и помощь журналистов может пригодиться в случае каких-то социальных проблем, преследований, когда правоохранительные органы не смогли помочь человеку, оказавшемуся в сложной ситуации. В данной передаче дело обстояло таким образом, что правоохранительные органы были осведомлены о проблемах девушек, но доказательств вины мужчины нет. При этом в студии собираются люди, которые порочат его честь и достоинство, так как согласно журналистским нормам нельзя называть человека преступником, если его вина не доказана.

В передачах в жанре ток-шоу очень часто ради сенсационности контента приглашают неоднозначных личностей, обсуждают личную жизнь людей без их присутствия в студии. Поскольку гости делятся мнениями, а не фактами, и достоверность их слов не подвергается сомнению, то можно сделать вывод, что в таких передачах делятся слухами, которые выдаются за факты. Такой контент, безусловно, увеличивает просмотры, повышает рейтинг, привлекает аудиторию, а значит, приносит телеканалу деньги [1]. Но какую пользу несет такой контент и какие ценности посредством этого контента формируются у населения? На наш взгляд, все это создает информационный шум.

Подобные передачи создают также искаженный образ населения России. Если посмотреть несколько выпусков вышеуказанных программ, то может создаться искаженная картина мира, в котором российское население состоит из безответственных родителей, матерей-одиночек, алкоголиков. Образ населения представлен крайне негативно. При этом трудно назвать передачи, которые бы транслировали противоположную картину. Однако стоит вспомнить советский опыт телевидения. Тогда СМИ в целом рассказывали о героях-передовиках, о врачах, об учителях. В советское время человеку нужно было чего-то добиться, сделать что-то важное и ценное для общества, чтобы о человеке написали в газете или пригласили на телевидение. Конечно, из такого информационного поля можно было сделать вывод, что население СССР идеально, что тоже не создавало реалистичный образ страны. Безусловно, были и маргинальные личности, но телевидение старалось акцентировать внимание на позитивных тенденциях в обществе, на людях, для которых общечеловеческие ценности стоят превыше всего. Если раньше население идеализировалось средствами массовой информации, то сейчас ситуация обратная. О простых людях, которые каждый день выполняют свой долг, редко говорят по телевидению. Обычно героями становятся личности, мало полезного сделавшие для общества, а темы подбираются так, чтобы контент привлек больше зрителей. Очевидно, что СМИ должны создавать картину мира максимально приближенную к реальности, образы должны быть объективными. Если

говорить только о положительных личностях, или только об отрицательных, то картина мира у зрителя будет искажена. На наш взгляд, важным для телевидения является ответ на следующий вопрос: «Какой подход более полезен для зрителя, когда телевидение демонстрирует позитивный образ населения или негативный?» Мы считаем, что при ответе на данный вопрос следует исходить из того, что телевидение предлагает модели поведения. То, что транслирует СМИ, должно быть показателем нормы или нормальности в обществе, то есть телевидение должно акцентировать внимание на том, что есть плохо и что хорошо. Зрителю нужно понимать, к чему стремиться, а к чему нет. Передачи, где гостями выступают маргинальные личности, понижают планку нормальности, на наш взгляд. Если зритель будет видеть на экране телевизора позитивного человека, у которого система ценностей устойчива и который в любой ситуации будет вести себя нравственно и этично, ему будет проще идентифицировать себя как члена общества и понимать, какие модели поведения являются нормой для человека, а какие таковыми не являются. При этом, если показывать только неблагополучных личностей, у зрителя будет создаваться впечатление, что вся страна состоит именно из таких людей, а значит, можно и самому не особо следить за моральной стороной своего поведения.

Остановимся на еще одной важном аспекте темы. Не только герои ведут себя в студиях вызывающе и неадекватно. Ведущие передачи «Мужское/Женское» иногда и сами позволяют себе колкости в адрес гостей, насмешки, повышенный тон. Создается впечатление, что в студию пригласили людей, чтобы на ними посмеялись и ведущие и эксперты. Юлия Барановская не раз кричала на гостей студии, демонстрировала свое презрение и осуждение. Приведем несколько примеров нетактичных и оскорбляющих высказываний Барановской в эфирах передачи: «Вас что поезд переехал? А что у вас с лицом?», «Вы на трассу? Она в другой стороне», «Ты знаешь на кого ты похож? Вот всю программу меня не отпускает мысль, что ты глист на раскалённой сковородке». Подобное поведение не только неэтично, оно также деструктивно влияет на аудиторию, поскольку такие ведущие транслируют модель поведения неуместную на телеэкране. На этом примере также видно, что ведущая осуждает многих гостей программы за их неэтичное поведение, но сама же ведет себя подобным образом.

Безусловно, нельзя сказать, что современный телеконтент демонстрирует исключительно негативные модели поведения и образы. Так, в передаче «Прямой эфир» героями выпуска становятся участники СВО, совершившие героические поступки. Но, на наш взгляд, в программах не хватает личностей, которые транслировали бы общечеловеческие ценности.

Исследователь С. С. Сулакшин, изучая нравственность в рамках российского общества, пришел к следующему выводу: «Несмотря на стремление к нравственным ценностям, судя по показателям многих социологических исследований, российское общество переживает ценностный и нравственный кризис. Так, семья для российских граждан остается последней ценностной точкой опоры и номинируется в качестве главной ценности. В пятерку самых распространенных ответов также попали безопасность, достаток, мир и стабильность. Наименее распространенными стали — твердость (воля), сила, демократия, религия, держава. Уровень ценностной деструкции в России в целом можно оценить как кризисный» [2].

В исследовании А. В. Морозова и Л. Е. Радченко также делается вывод о том, что призванные выполнять позитивные функции, информировать и позволять каждому члену общества формировать свое собственное отношение к происходящему вокруг, они, напротив, зачастую дезинформируют и моделируют поведение, манипулируя человеческим сознанием. Особенно остра эта проблема, когда речь идет о еще не сформировавшемся сознании ребенка [3]. Стоит отметить также, что на современном телевидении практически нет передач для детей. Существуют детские каналы, где

показывают детский контент (мультсериалы, фильмы), но именно передач, направленных на формирование ценностей, демонстрирующих позитивные модели поведения и побуждающих к изучению окружающего мира, на телеканалах нет. До 2020 года в России существовала передача для детей «АБВГ Дейка», изначально созданная в СССР. Передача позиционируется как образовательная, однако, по своей специфике она больше подходит под определение развлекательной передачи для детей. О влиянии телевизионного контента на молодежь пишет в своем исследовании И. П. Матвеева: «По мнению психологов, телевидение является одним из побудителей социального насилия и девиантного поведения подростков, которые зачастую демонстрируются в передачах и фильмах и являются для молодого поколения наглядным примером, формируя их ценностные ориентации» [4].

Таким образом, мы видим, что современное телевидение транслирует несколько искаженные ценности (пропагандируется преимущественно ценности, присущие капиталистическому обществу), искаженные образы населения России, неадекватные модели поведения, неэтичные и аморальные паттерны. При этом, в передачах, как правило, осуждаются люди, склонные к маргинальному образу жизни. Однако, на наш взгляд, проблема заключается именно в том, что телевидение же во многом и формирует все это. Создается некий замкнутый круг, из которого, как нам видится, есть выход, а именно отказ от данной модели журналистики и переориентация телевидения в пользу зрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуева, Т. В., Чуракова, А. М. Нравственные аспекты информационного пространства современного телевидения // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2011. – №166. – С. 120-124.
2. Сулакшин, С. С. (2014) Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. № 9. С. 1065-1081.
3. Морозов А. В., Радченко Л. Е. Влияние средств массовой информации на нравственное воспитание, психическое и физическое здоровье современной молодежи // Социально-психологические проблемы современной молодежи. Арзамас АГПИ, 2009. – С. 102-128.
4. Матвеева И.П. Роль современного телевидения в формировании морально-нравственных ориентиров российского общества // Мировые цивилизации Том 1, №3 (2016)

FEATURES OF THE MEDIA TEXT IN TELEGRAM AND ITS IMPACT ON THE AUDIENCE

Annotation. This article examines the influence of television on the formation of a value system among the Russian population. Television content is analyzed, examples of destructive behaviors on the television screen are given. The author also explores the image of the country's population, which is created by television. The article examines the mechanism of formation and translation of values, as well as attempts to analyze the causes of the decline in the value and moral level in Russian society.

Keywords: television, broadcasting, content, image, destructive content, TV show, value potential.

Marushchenko A.A.

Scientific adviser: Artamonova I.M., doctor of sciences, professor
Donetsk State University
E-mail: nas22oct2000@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ СТУДЕНТАМИ ВУЗА

Миленина Е.Е.

*Научный руководитель: Могила Н.Н., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Лексикология – это одна из самых интересных и богатых сфер изучения в плане культуроведческого потенциала. Здесь сочетаются аспекты языка, культуры и общества, предоставляется возможность более глубокого понимания и анализа мира названий, их значения и функциональности. В статье раскрываются ее скрытые возможности, формы и методы изучения; особенности формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся при изучении восточнославянских языков.

Ключевые слова: лингвокультурология, прагматика, лексикология, лингвистика, краеведческий материал.

Введение. В последние годы проблема формирования лингвокультурологической компетентности в обучающихся занимает важное место в научных исследованиях учёных различных стран.

Филологическое образование также сосредоточено на развитии лингвокультурной компетенции у студентов, которое включает в себя знания о культурных особенностях носителей языка, отраженных в национальном языке, личностные качества, что развиваются в процессе изучения системы культурных ценностей, представленных в языке и определяющих коммуникативное поведение его носителей.

Донбасс – многонациональный регион, который синтезировал и вобрал разнообразные культуры. Это создаёт определённые трудности преподавателям ВШ при изучении студентами филологического факультета лингвистических и прикладных дисциплин, в том числе и восточнославянских языков. Ведь перед ними стоит задача не просто дать обучающимся определённые знания по дисциплине, но ещё и воспитать языковую личность, которая способна в совершенстве овладеть всеми языковыми средствами в разных речевых ситуациях.

Цель статьи – проанализировать особенности взаимоотношения языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета при изучении раздела «Лексикология» восточнославянских языков студентами филологического факультета и наметить пути формирования лингвокультурологической компетентности у обучающихся вуза.

Основная часть. Формирование не только лингвистической, но и культурологической компетенции способствует обучению, в основе которого лежит лингвокультурологический подход. Однако ранее он не находил применения в организации вузовского образовательного процесса. Сегодня всплывает на поверхность проблема: как можно реализовать обучение студентов-филологов в рамках данного подхода?

Большинство современных ученых отмечают, что лингвокультурологический подход в обучении предполагает приобщение обучающихся к культуре народа. При таком подходе, утверждают лингводидакты, человек рассматривается как носитель национальной психологии, национального характера, национального самосознания. Одна из основных задач данного подхода: научить анализировать тексты, содержащие лингвокультурологические аспекты и помочь усвоить ценностную лексику.

Главным инструментом познания в области лингвокультурологии является язык как средство коммуникации и отражение культурных особенностей народа или региона.

Лингвокультурологические исследования имеют давнюю традицию. Европейская лингвокультурологическая традиция связана с именами Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, Т. ван Дейка. Заметный вклад в лингвистическую теорию культурно-ситуативных моделей внесли Л. Витгенштейн, Г. Гадамер, Г. Гийом, М. Хайдеггер, Н. Хомский, К. Ясперс.

Следует отметить, что у истоков определения мировоззрения народов из-за их языков стоял В. Гумбольдт. Среди тех, кто продолжил его учение были А. А. Потемня, А. Мейе, Ж. Вандериса, Э. Бенвениста и др.

В конце XX века в России развитие лингвокультурологии достигает ступени междисциплинарной науки. В Москве появляются четыре лингвокультурологические школы: «Школа Н. Д. Арутюновой», занимающаяся исследованием универсальных терминов культуры, извлекаемых из текстов разных времен и народов; «Школа Н.В. Телия», известная как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов, где занимались исследованием языковых сущностей с позиции рефлексии носителей живого языка, «Школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова» и «Школа лингвокультурологии В. В. Воробьева».

В своих исследованиях, посвященных взаимосвязи между языком и культурой, В. В. Воробьев подчеркивает, что лингвокультурологическая компетенция является целью обучения языку [1]. Учёный предлагает изучать культуру как отдельный объект, и учебный материал, по его мнению, должен представляться не с точки зрения языка, а с точки зрения культурных единиц.

Следует обратить внимание и на исследования Е. И. Зиновьева и Е. Е. Юркова, которые представляют лингвокультурологию – как филологическую науку, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения.

Таким образом, лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой компетентности, но ее содержание значительно глубже.

Учитывая требования Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования [2], преподаватель, прежде чем приступить к формированию лингвокультурологической компетенции у студентов при изучении языков, должен уточнить ряд вопросов, а именно:

- как культура участвует в образовании языковых концептов;
- к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;
- осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим, как они влияют на речевые стратегии;
- существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы;
- как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы.

Так же следует акцентировать внимание на то, что любой язык, формирующийся в определённых и неповторимых условиях, представляет лишь часть знаний о мире, т.е. относительное знание.

Работы Н. О. Астапова [4], А. Д. Васильева [5], Р. А. Газирова, Н. А. Игнатенко [6] и других учёных, убеждают нас в том, что на уровне лексики, каждый язык кодирует некоторые области опыта более детально, чем другие.

Как отмечает В. Ф Гумбольдт, основная цель словесных знаков заключается в том, чтобы отображать окружающий мир и иметь первостепенное значение в понимании и описании прагматики слова [3].

В современной лингвопрагматике укрепилось мнение ученых о том, что прагматическое значение присуще не только текстовым единицам. Прагматика слова представляет собой реальность, которая не противоречит идее о коммуникативных параметрах, определяющих семантическое содержание слова. Известны лексические группы, которые по своей природе являются яркими прагмемами. С одной стороны, это «ключевые слова эпохи», а с другой – неологизмы, окказионализмы, сознательные девиации и другие.

Лексические единицы обладают яркой прагматикой, способной передавать эмоциональные (от отрицательных до положительных) и интеллектуальные оценки, наряду социокультурной информацией. В целом, контуры культурологического и прагматического изучения лексики не могут быть считаны полностью разработанными с теоретической и методологической точек зрения, хотя продуктивность такого анализа несомненна.

Помимо этого, важно отметить, что прагматическое значение слова может изменяться в зависимости от контекста и ситуации общения. Одно и то же слово может иметь различные оттенки значения в разных социокультурных группах или в разных временных периодах.

Например, в русском языке есть по крайней мере четыре слова для обозначения наименования различных видов *снега*: *снег, крупа, пороша, наст, хлопья*; в украинском языке: *сніг, пороша, снігопад, крупа*; английском – два слова: *snow* – «снег» и *snowdrift* – «сугроб».

Некоторые слова и словосочетания встречаются только в восточнославянских языках и объяснить их значение иностранцам бывает нелегко. Например, словосочетание «*Старый новый год*» будет понятно только носителям русского и украинского языков.

Общие и схожие признаки лексического состава близкородственных языков (русского и украинского) часто являются причиной лексической интерференции не только у начинающих учить один из славянских языков, но и в речи коренного населения.

Самыми распространенными из них (на Донбассе) являются межъязыковые кальки (немотивированные заимствования), например: *мне нравится эта лялька; я хочу эту сыню лодочку*.

Возьмём к примеру, русское слово «*иной*» и родственное ему украинское слово «*ініший*». Если по звучанию и написанию эти слова схожи, то их смысл имеет заметные отличия. Более точным соответствием украинскому слову «*ініший*» в русском языке будет «*другой*» – оно несколько более формально и не несет такой эмоциональной и художественной выразительности, как слово «*иной*».

Практика показывает, что при изучении восточнославянских языков, студенты-билингвы сталкиваются с схожими по звучанию, но разными по лексическому значению словами, а также с разными по звучанию, но имеющими одинаковое лексическое значение. Оба этих типа лексических единиц объединяются вместе, что указывает на различие между фоновым значением лексем украинского языка и их аналогами в родном языке. Чем больше подобных случаев (в данном контексте – лексических единиц), тем сложнее различить их, и это различие, как правило, связано с лексическим и фоновым значением определенной этнолексемы.

По нашему мнению, знать лексическое значение слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения, необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Иными словами, помимо значений слов нужно понимать:

- 1) когда сказать или написать, как, кому, где (при каких обстоятельствах);
- 2) как данное значение/понятие «живет» в реальности мира изучаемого языка.

Использование дидактического материала на краеведческой основе при изучении лингвистических и прикладных дисциплин, позволяет, по нашему мнению, развивать коммуникативную компетенцию обучающихся и является основой духовно-нравственного воспитания молодого поколения. С этой целью, нами была разработана система творческих заданий и упражнений для студентов направлений подготовки 45.03.01 Филология «Профиль: Славянская филология» и 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика ФГБОУ ВО «ДонГУ».

Предлагаем несколько таких заданий, которые были использованы при изучении раздела «Лексикология» студентами специальности «Славянская филология».

Задание 1.

– Назовите топонимы, которые отображают красоту нашей природы, настроение поэтической души нашего народа – **радость и печаль**.

(Ответ: Благодатное, Желанное, Прелестное, Каменные Могилы и т.п.)

– Запишите топонимы связанные с разработками полезных ископаемых.

(Ответ: Углегорск, Угледар, Гранитное, Соледар, Шахтерск и т.п.)

– В названиях каких населенных пунктах нашего края используются имена международных деятелей?

(Ответ: г. Торез; п. Тельманово и т.п.)

Справочный материал. г. Торез имел несколько наименований. Сначала это было село Алексеевка, затем поселок Алексеево-Леоново; в 1867 году он получил название Чистяково, а с 1932 г. носит имя французского коммунистического политика, государственного деятеля Мориса Тореза, который внес огромный вклад в развитие дружбы между Францией и Советским Союзом.

– Прочтите имена людей. Какие из них имеют древнегреческие корни ?

Инесса, Вадим, Дарина, Эллина, Марина, Милена, Влада, Ярослав, Егор, Нестор, Тихон, Лариса, Тамара, Альбина, Полина, Ульяна, Лилия, Неля. (Ответ: Инесса, Эллина, Нестор, Тихон, Лариса, Неля.)

– Укажите лексическое значение региональных слов Донбасса.

Аполо'тник, ополо'тник –...; бакла'жка –...; гаплы'к –...; га'пнуться или гэпнуться ; керпа'тый –...; копы'тные –...; лавру'шка –...; лу'тка, луд'ка –...; ны'шпорить – ...; охоло'нуть –...

Задание 2.

Упражнение 1. Какие русские праздники Вы знаете? Какие традиции с ними связаны? Что Вы знаете о праздновании свадьбы в России? Какие русские свадебные традиции Вам знакомы?

Упражнение 2. Найдите в энциклопедическом словаре значение следующих слов и составьте короткие фразы с этими словами: *обряд, сватовство, сговор, девичник, мальчишник, венчание, сваха.*

Прочтите еще раз слова. Попробуйте предположить, как отмечали свадьбу на Руси.

Коммуникативный блок

Текстовый этап

Упражнение 1. Прочтите текст (см. приложения 1), разделите его на смысловые части. Подберите название к каждой из них. Передайте его основную идею несколькими предложениями.

Например: *Свадьба на Руси не могла происходить без соблюдения определённых традиций и обрядов. Главным этапом свадебных традиций было венчание – после которого «официально» получалась новая семья.*

Упражнение 2. Найдите предложения:

- выражающие основные положения текста;
- детализирующие основные положения текста.

Упражнение 3. В тексте употребляются слова «традиция», «обычай» и «обряд». Чем похожи и чем различаются эти слова?

Послетекстовый этап

Упражнение 1. Опираясь на содержание прочитанного текста, закончите своими словами предложения:

1. Свадьбе должно предшествовать ...
2. Родители невесты не давали ответ сразу...
3. Накануне свадьбы устраивали...
4. Ключевым обрядом является...
5. Свадебное торжество на Руси длилось обычно ...

Упражнение 2. Замените заглавие текста на такое, которое, по Вашему мнению, более точно выражает его содержание.

- А. Выразите свое отношение к прочитанному тексту.
- Б. Напишите краткую на него аннотацию на предложенный текст.

После того, как обучающиеся познакомились со свадебными традициями на Руси, можно предложить им текст о свадебных традициях в их регионах или других стран. Поскольку считаем, что, во избежание повторений в выполнении однотипных упражнений, можно с гораздо большей эффективностью провести занятие в формате «Круглый стол», во время которого обсудить содержание данного текста и провести сравнительный анализ свадебных традиций (региона) или других стран, используя теоретические знания с лексикологии.

Грамматический блок

Упражнение 1. В тексте употребляются слова «традиция», «обычай» и «обряд». Запишите и сопоставьте варианты словосочетаний *имя существительное + глагол*, на русском и украинском языках. Объясните особенности правописания слов.

Например: *сваха пришла* (рус.) и *сваха прийшла* (укр.) – пришла женщина которая занимается сватовством; *венчание свершилось* (рус.) и *вінчання відбулося* (укр.) – совершение церковного обряда бракосочетания.

Упражнение 2. В России существует множество пословиц и поговорок, связанных со свадьбой и дальнейшей семейной жизнью.

А. Прочтите пословицы. Как Вы понимаете их смысл?

- *Выбирай невесту не в хороводе, а в огороде.*
- *Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.*
- *Жена мужу подруга, а не прислуга.*
- *Не тот счастлив, у кого много добра, а тот, у кого жена верна.*
- *Птица крыльями сильна, жена мужем красна.*

Б. Запишите украинские пословицы и поговорки по теме. Объясните их значение.

Например: *Нащо й клад, коли в сім'ї лад.*

Нема кращого друга, як вірна супруга.

Батьки глядять дочку до вінця, а чоловік жінку до кінця.

Задание 3. Самостоятельная (индивидуальная) работа студентов.

Подберите текст на краеведческой основе и разработайте задания для изучения студентами раздела «Лексикология».

Использование такого рода заданий способствует развитию культурно-языковых способностей обучающихся и имеет множество преимуществ:

- во-первых, позволяет улучшить качество межличностного взаимодействия и общения, повысить эффективность и продуктивность работы в коллективе;

- во-вторых, помогает лучше понимать и уважать различные культурные особенности, что в свою очередь способствует развитию толерантности и культуры мира.

Заключение. Из всего выше изложенного можем сделать определенные выводы.

Каждый язык располагает разнообразным набором средств, среди которых наиболее яркими являются лексические единицы, семантически ориентированные на человека.

Прагматическое значение слова является сложным и многогранным понятием, которое требует учета различных факторов, таких как контекст, ситуация общения, социокультурный контекст и влияние средств массовой коммуникации.

Для формирования лингвокультурологической компетентности в обучающихся необходимо использовать различные методы и формы работы, такие как анализ текстов, опросы и интервью, наблюдения, сравнительный анализ и т.д.

Изучение литературы, искусства, истории и других аспектов культуры (просмотра фильмов, посещения музеев и выставок и других мероприятий), позволяет понимать особенности менталитета, социальных и культурных норм и ценностей народа или региона, а также традиции и обычаи, связанные с использованием языка.

Важно также понимать, что развитие культурно-языковых способностей является процессом, который требует времени, терпения и упорства, и что нельзя достичь успеха в этой области без постоянной практики и самообразования.

Наконец, развитие культурно-языковых способностей обучающихся при изучении не только восточнославянских языков, может дать возможность для общения и понимания представителей других культур, что может привести к международному сотрудничеству.

Приложение 1

ТЕКСТ

Свадьба на Руси в течение многих веков постепенно обрела множество традиций, обычаев и обрядов, некоторые из них дошли до наших дней в несколько измененном, но, тем не менее, узнаваемом виде. Любой свадьбе на Руси непременно должно было предшествовать сватовство. Родители или родственники жениха направлялись в дом к невесте, традиционно взяв с собой хлеб. Сам жених мог пойти вместе со сватами, а мог остаться дома, дожидаясь вестей о результатах «переговоров». При этом по традиции родители невесты не давали ответ в первый же день, а тянули время и делали вид, что сомневаются – стоит ли отдавать свою дочь замуж. В результате многодневного сватовства родители девушки или разрезали подаренный сватами хлеб, или возвращали его назад, что означало отказ. Если родители давали согласие на будущий брак, то сразу после этого соблюдалась еще одна старинная традиция – сговор или, говоря современным языком, помолвка. Она могла проходить как с участием многочисленных родственников, так и в узком семейном кругу. После этого составлялся документ, в котором оговаривалось, когда состоится свадьба, и какое приданное дают родители невесты. Накануне свадьбы на Руси традиционно устраивались девичник и мальчишник. Невесте во время девичника полагалось плакать и причитать, провожая свое девичество. Традиционный мальчишник в доме жениха, в отличие от девичника, обычно проводился с множеством гостей и в обстановке более радостной. Венчание в церкви – ключевой обряд среди всех русских свадебных традиций. Перед церемонией венчания и жених, и невеста непременно спрашивали разрешение на брак у духовного отца. В старину на венчании не должны были присутствовать родители молодых, а жених по традиции на протяжении всего церковного обряда держал невесту за руку. После венчания молодые проходили от церкви по дорожке, которая была осыпана цветами. Свадебное торжество на Руси могло длиться не один день, а два-три, или даже

целую неделю. Существовала традиция, согласно которой после венчания молодожены разъезжались по родительским домам, там обедали, и лишь после этого жених шел в дом к невесте, где затевались разнообразные свадебные обряды и игры, в том числе и выкуп невесты. Когда невесту выкупали, то направлялись для празднования в дом жениха. Спать ложились не в доме, а в сенях, где по традиции сваха должна была приготовить брачное ложе уже с утра. Молодым укладываться спать в доме не разрешалось, так как считалось, что в день бракосочетания нечистые силы насылают порчу на тот дом, где проводится празднование. Согласно другой традиции, первый день свадьбы проходил в доме невесты, на второй день свадьба перемещалась в дом жениха, а на третий день невеста, которая уже являлась законной женой, должна была проявить свои кулинарные таланты, подав на свадебный стол самостоятельно испеченные пироги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии // Вестник МГУ. – 2011. – Выпуск 13 (724). – С. 217–226.
2. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: методическое пособие / В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.
3. Гумбольдт В. Ф. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В.Ф // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 124–129.
4. Астапова Н. О. Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации. – Барнаул, 2007. – 256 с.
5. Васильев А. Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. – Красноярск: Изд-во РИО КГПУ, 1997. – С.112–134.
6. Игнатенко Н. А. Прием «капсула культуры» в развитии иноязычной социокультурной компетенции на продвинутом уровне // Научный альманах. – 2016. – № 1-2. – С. 167–170.

THE LINGUOCULTURAL APPROACH AS THE MAIN COMPONENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE STUDY OF LEXICOLOGY BY UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. Lexicology is one of the most interesting and rich fields of study in terms of cultural potential. It combines aspects of language, culture and society, provides an opportunity for a deeper understanding and analysis of the world of names, their meaning and functionality. The paper reveals its potential possibilities and applications; the peculiarities of familiarizing students with its significance and significance in the study of linguistic disciplines.

Key words: linguoculturology, pragmatics, lexicology, linguistics, local history material.

Milenina E.

Scientific supervisor: Mogila N.N.

katya.milenina99@mail.ru

УДК 004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СОВРЕМЕННОГО ИНСТРУМЕНТА РЕКЛАМНОЙ И PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ SMM

Мосина Н.Д.

*Научный руководитель: Гудова Т.В., старший преподаватель
ФБГОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается применение искусственного интеллекта (ИИ) в рекламе, PR и SMM. Статья освещает значимость и актуальность использования ИИ в современном мире технологий. Исследование проводилось с помощью анализа научной литературы, сравнительного анализа подходов и статистического анализа эффективности использования ИИ в SMM. В результате работы была разработана модель использования искусственного интеллекта в SMM, представляющая набор рекомендаций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, реклама, PR-деятельность, SMM, социальные медиа.

В современном мире технологий, где цифровые инновации оказывают значительное влияние на все аспекты нашей жизни, использование искусственного интеллекта (ИИ) становится все более важной стратегией в области рекламы и PR-деятельности, особенно в контексте социальных медиа.

Искусственный интеллект — это область науки и технологии, которая занимается созданием машин, способных имитировать человеческий интеллект. ИИ работает на основе алгоритмов и больших объемов данных, используя методы машинного обучения для тренировки моделей на основе этих данных. Это позволяет машинам прогнозировать результаты, принимать решения и выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, как например, распознавание речи, обработка естественного языка и визуальное восприятие [1].

Целью данной работы является проведение анализа применения искусственного интеллекта в рекламе и PR, а также в SMM. Эта цель была обусловлена необходимостью понять, как искусственный интеллект уже используется в этих сферах, и какие возможности он может предложить в будущем.

Актуальность исследования данной темы безусловна, поскольку искусственный интеллект становится все более важным инструментом в различных сферах деятельности, включая рекламу и PR. По мере развития технологий искусственного интеллекта все больше компаний начинают использовать его возможности для улучшения своих рекламных стратегий и PR-кампаний.

В ходе работы были использованы различные методы исследования. В частности, был проведен анализ научной литературы по теме искусственного интеллекта и его применения в рекламе и PR, был выполнен сравнительный анализ различных подходов к использованию искусственного интеллекта в этих сферах, а также были применены методы статистического анализа для оценки эффективности использования искусственного интеллекта в SMM.

В результате исследования была разработана конкретная модель использования искусственного интеллекта в SMM. Эта модель представляет собой конкретный набор рекомендаций по применению искусственного интеллекта, что имеет большую практическую ценность.

Один из наиболее значимых и перспективных вариантов использования искусственного интеллекта в социальных медиа маркетинге (SMM) — это аналитика данных. ИИ, обладая возможностью обрабатывать огромные массивы информации, может производить комплексный анализ данных, которые могут включать в себя не только посты, но и комментарии, отзывы, общение пользователей и многие другие параметры в социальных сетях.

С помощью анализа данных, ИИ способен выявить общие тренды, настроения и интересы аудитории, которые могут быть использованы для оптимизации стратегий в SMM. ИИ может распознать не только очевидные тренды, но и более тонкие нюансы в поведении пользователей, что позволяет получить глубокое и всестороннее понимание потребностей и интересов аудитории.

Результаты такого анализа оказываются чрезвычайно полезными для компаний, поскольку они помогают лучше понимать своих потребителей, узнавать о их предпочтениях и ожиданиях. Это, в свою очередь, позволяет создавать более точечные, персонализированные и, следовательно, эффективные рекламные кампании.

Способность ИИ анализировать большие объемы данных и выявлять закономерности также позволяет предсказывать будущие тренды и изменения в поведении потребителей. Это дает возможность компаниям быть на шаг впереди, адаптировать свои стратегии и принимать обоснованные решения, основанные на данных, что в конечном итоге может привести к увеличению конверсии и укреплению отношений с клиентами.

Искусственный интеллект обладает значительным потенциалом в области автоматизации рутинных задач, что может охватывать самые разнообразные аспекты, начиная от планирования и публикации постов в социальных сетях и заканчивая обработкой запросов от пользователей и формированием на их основе подходящих ответов. Боты и чат-боты, которые функционируют на основе ИИ, способны отвечать на простые вопросы, тем самым освобождая время сотрудников для занятия более сложными задачами и стратегического планирования. Это позволяет компаниям эффективнее использовать свои ресурсы.

Также, ИИ может быть использован для создания сложных визуальных элементов рекламных сообщений. С его помощью можно с легкостью создать все, от логотипа и элементов айдентики до слогана для создания бренда. Искусственный интеллект может помочь сгенерировать эти важные элементы бренда, что значительно упрощает процесс создания маркетинговых материалов.

Кроме того, ИИ может играть ключевую роль в продвижении компании, используя различные системы и алгоритмы для оптимизации маркетинговых кампаний и повышения видимости бренда. Это демонстрирует огромные возможности ИИ в сфере маркетинга и брендинга.

Существуют и другие инструменты и методы использования искусственного интеллекта в социальных медиа, которые стоит отметить. Одним из таких инструментов являются рекомендательные системы. Эти системы могут анализировать предыдущее поведение и предпочтения пользователя и на основе этих данных предлагать ему содержимое, которое ему, вероятно, понравится.

Рекомендательные системы являются важной частью многих платформ, включая социальные медиа и онлайн-магазины. Благодаря искусственному интеллекту, эти системы могут обрабатывать огромные объемы данных и находить сложные закономерности в поведении пользователей, чего невозможно достичь традиционными методами анализа. Это позволяет создавать более точные и персонализированные рекомендации, которые могут увеличить удовлетворенность пользователей и улучшить их взаимодействие с платформой.

Это не только увеличивает вовлеченность пользователей, но и помогает компаниям лучше понимать их потребности и предпочтения. Благодаря этому, они могут улучшить свою маркетинговую стратегию, создавать более эффективные рекламные кампании и даже разрабатывать новые продукты или услуги, которые отвечают потребностям своей аудитории.

Кроме того, рекомендательные системы могут быть использованы для предсказания будущего поведения пользователей. Например, они могут предсказать, какие продукты или услуги пользователь захочет приобрести в будущем, и предложить их ему в нужный момент. Это может значительно повысить конверсию и увеличить продажи компании.

Искусственный интеллект обладает способностью предсказывать поведение пользователя, что открывает новые возможности для компаний. Это предсказательное свойство ИИ позволяет компаниям заранее определить, какие продукты или услуги могут заинтересовать пользователей в будущем. С этими знаниями они могут более точно настроить свою рекламную кампанию, чтобы она была максимально эффективной и соответствовала потребностям потребителей [2].

Важно также различать традиционный и генеративный искусственные интеллекты. Традиционный искусственный интеллект и генеративный искусственный интеллект представляют собой два ключевых подхода в области разработки ИИ. Каждый из них имеет свои уникальные особенности, применения и области применения, позволяя ИИ решать разнообразные проблемы и задачи.

Традиционный ИИ включает в себя использование заранее определенных правил и алгоритмов. Эти правила и алгоритмы создаются человеком и затем передаются машинам для выполнения определенных задач. Это подход, который был широко использован с начала развития области ИИ и был применен во многих областях, включая игровые системы, маршрутизацию и планирование. Преимуществом традиционного ИИ является его способность давать точные и последовательные ответы на определенные вопросы или задачи. Однако, его главный недостаток заключается в том, что он может быть жестким и неэффективным в ситуациях, которые требуют гибкости и способности к обучению [2]. Примерами традиционного ИИ являются голосовые помощники Siri и Alexa, рекомендательные системы Netflix и Amazon, а также поисковые алгоритмы Google.

С другой стороны, генеративный ИИ — это относительно новый подход, который использует механизмы машинного обучения для создания новых данных на основе существующих данных. Это достигается путем обучения модели на большом наборе данных и затем использования этой модели для генерации новых данных, которые похожи на изначальные. Генеративный ИИ широко применяется в креативных областях, таких как музыка, изобразительное искусство и дизайн, где ИИ может генерировать новые идеи или создавать работы, основанные на обучающих данных.

Выбор между традиционной и генеративной ИИ зависит от конкретной задачи, которую требуется решить. Важно помнить, что, хотя эти подходы могут быть разными, они не взаимоисключающие и часто могут быть использованы вместе для достижения лучших результатов.

Наиболее популярный в использовании генеративный искусственный интеллект – ChatGPT. Это инновационный инструмент, предоставляющий возможности для разработки и реализации маркетинговых стратегий. Основанный на искусственном интеллекте GPT, чат-бот обладает уникальными функциями, такими как анализ данных, генерация контента и прогнозирование поведения потребителей. Он помогает принимать взвешенные решения и достигать поставленных целей.

Специалисты по рекламе и PR могут использовать ChatGPT в своей деятельности следующими способами:

1. Создание контента: ChatGPT — это мощный инструмент для автоматического создания текстов. Он может генерировать содержание для блогов, статей, социальных медиа постов и пресс-релизов. Это значительно упрощает процесс создания контента, особенно при работе с большими объемами информации. ChatGPT может адаптироваться к стилю и тону бренда, обеспечивая последовательное и эффективное общение с аудиторией.

2. Генерирование идеи: чат-бот может быть полезным инструментом для генерации новых идей. Он может предложить новые подходы к рекламным кампаниям, стратегиям PR и творческим концепциям. Это может быть особенно полезно при подготовке к мозговым штурмам, так как ChatGPT может предложить неожиданные и инновационные предложения.

3. Взаимодействие с клиентами: ChatGPT может быть использован в качестве чат-бота для общения с клиентами. Он может автоматически отвечать на часто задаваемые вопросы,

обеспечивать поддержку в реальном времени и собирать обратную связь. Это улучшает обслуживание клиентов, освобождает время сотрудников для работы с более сложными вопросами и увеличивает эффективность коммуникаций.

4. Анализ данных: он может помочь в анализе больших объемов данных для выявления ключевых тенденций и инсайтов. Он может помочь преобразовать сырые данные в понятные и актуальные отчеты, которые могут быть использованы для корректировки стратегий рекламы и PR [3].

Искусственный интеллект открывает широкий спектр новых и увлекательных возможностей для улучшения эффективности и результативности рекламной и PR-деятельности в сфере SMM. Этот подход не просто представляет собой последние тенденции в области технологий, но и является ключевой необходимостью, которая позволяет компаниям оставаться конкурентоспособными в быстро меняющемся и все более сложном мире цифрового маркетинга. Использование искусственного интеллекта в этом контексте может помочь в создании более точных и целевых рекламных кампаний, а также в повышении уровня вовлеченности аудитории, что, в свою очередь, может привести к увеличению продаж и прибыли.

Основные результаты данной работы включают модель использования ИИ в социальных медиа, основанную на аналитике данных для выявления трендов и интересов аудитории, предсказания будущих трендов и оптимизации стратегий. Рекомендательные системы, основанные на ИИ, могут предлагать пользователям персонализированный контент, основанный на их предпочтениях, что увеличивает уровень вовлеченности и улучшает маркетинговые стратегии. Эти результаты имеют большую практическую ценность для компаний, стремящихся улучшить свои рекламные стратегии и PR-кампании. Дальнейшие исследования в этом направлении могут расширить понимание влияния ИИ на различные аспекты рекламы и PR, а также на социальные медиа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Ю. В. Применение инновационных технологий в современном маркетинге // Инновации и инвестиции. - 2020. - № 3. - С. 6-8.
2. Иванченко О. В. К вопросу об актуальности технологий искусственного интеллекта в маркетинге // Экономика. Наука. Инноватика: материалы I Республиканской научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Ярошенко. - Донецк, 2020. - С. 101-103.
3. Сирбиладзе Кетеван Китаевна ChatGPT и его возможности для продвижения продукции компаний // Практический маркетинг. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-i-ego-vozmozhnosti-dlya-prodvizheniya-produktsii-kompaniy> (дата обращения: 22.02.2024).

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MODERN TOOL FOR ADVERTISING AND PR ACTIVITIES IN THE FIELD OF SMM

Annotation. This paper examines the use of artificial intelligence (AI) in advertising, PR and SMM. The article highlights the importance and relevance of using AI in the modern world of technology. The study was conducted using an analysis of the scientific literature, a comparative analysis of approaches and a statistical analysis of the effectiveness of using AI in SMM. As a result of the work, a model for using artificial intelligence in SMM was developed, representing a set of recommendations.

Keywords: artificial intelligence, advertising, PR activities, SMM, social media.

Mosina N.D.

Scientific adviser: Gudova T.V., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: nata_persik_09@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Паниотова А.Н.

*Научный руководитель: Емельяненко А.В., канд. филол. наук, доцент
ФБГОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: использование контент-анализа рекламных текстов является важным и эффективным инструментом в современной маркетинговой сфере. Контент-анализ представляет собой систематическое и объективное исследование текстов с целью определения и анализа основных тем, ключевых слов, сообщений и особенностей структуры и оформления рекламных материалов. Он позволяет более глубоко понять и проанализировать рекламные тексты, их сильные и слабые стороны, влияние на целевую аудиторию и эффективность в достижении поставленных коммерческих целей. В статье представлен теоретический обзор одного из наиболее актуальных современных методов научных исследований – контент-анализа, освещены этапы и особенности применения в исследованиях рекламных материалов.

Ключевые слова: рекламные тексты, контент-анализ, исследование, этап, анализ, метод.

Актуальность статьи обусловлена тем, что, являясь одним из самых технологичных из аналитических методов, метод контент-анализа в наибольшей степени подходит для систематического мониторинга рекламных текстов и позволяет выявить глубинные черты и особенности ценностных ориентаций, социальных установок и представлений, что не всегда возможно с помощью тестов или анкетирования.

Цель данной статьи заключается в формировании системы знаний о методике контент-анализа в области рекламной коммуникации: о понятии контент-анализа, о возможностях, этапах, преимуществах и недостатках контент-анализа рекламных текстов и т. д. Данная цель обусловила решение таких задач: 1) изучить понятие контент-анализа; 2) осветить особенности применения контент-анализа в исследованиях рекламной коммуникации; 3) описать этапы применения контент-анализа рекламных текстов; 4) изложить преимущества и недостатки метода.

Контент-анализ широко применяется в различных науках для исследования текстовых данных. Контент-аналитические исследования средств массовой информации проводили С. Ю. Башкаев, А. В. Семёнова и М. В. Корсунская, О. Б. Молодов, В. М. Маркина и др. учёные.

По мнению А. В. Семёновой и М. В. Корсунской, контент-анализ (анализ содержания) – это особая методическая процедура анализа всех видов текстов (вербальных, визуальных и прочих), это анализ ядра коммуникации, того, что лежит между коммуникатором и аудиторией, между автором послания и тем, кому это послание адресовано [1, с. 10].

Проанализируем метод контент-анализа с лингвистической точки зрения. Обоснованность данного метода заключается в том, что для контент-анализа используется исключительно лингвистическая информация об особенностях текста, метод стремится определить его смысловые характеристики. Смысл контент-анализа состоит в том, чтобы по внешним, то есть количественным, характеристикам текста сформировать верные гипотезы о его плане содержания, отталкиваясь от слов и словосочетаний текста. Как результат, метод позволяет выдвинуть заключение об отличительных чертах мышления и сознания автора текста, которые включают в себя его намерения, установки, желания, ценностные ориентации и т. д. [2, с. 8].

Отметим, что анализ содержания рекламных сообщений представляет собой процесс исследования и поиска информации, представленной в СМИ, а также модифицирование данного количественного материала в качественную форму посредством классификации сообщений. Такая методика предоставляет возможность

определения степени успешности распространения посредством рекламной коммуникации ключевых сообщений и тем, которые популяризирует та или иная компания. Основная цель такой методики заключается в анализе документальной информации для определения социального контекста сообщения.

Л. И. Зубанова в своей работе «Контент-аналитические методы исследований СМИ: обзор подходов» выделяет такие возможности метода в исследованиях рекламных текстов СМИ [3, с. 70]:

- устанавливать способ подачи материала и исследовать доминирующие рекламные векторы;
- определять эмоциональную окраску, тон публикаций;
- формулировать рейтинг лидеров, организаций, торговых марок по частоте упоминания;
- интерпретировать отношение СМИ к лидерам, организациям, событиям;
- сосредотачивать внимание исследователя на таких текстовых особенностях, которые прямо или косвенно демонстрируют позицию, состояние или намерения автора.

Таким образом можем выделить такие преимущества метода: способность избегать влияния исследователя на анализируемый объект, высокая вероятность полноты и достоверности извлеченных материалов, вдобавок возможность исследования социально-психологических явлений во временном континууме.

Н. А. Хлопаева пишет: «Факторы, принимаемые во внимание при контент-анализе: способы распространения сообщений, время выхода, частота, средство передачи информации, охват территории; источник получения информации, объем материала, характеристика автора, охват аудитории и эффект от сообщения; кто, какая организация или проект и в каком контексте были упомянуты; характер оценок» [4, с. 23].

В связи с этим можем подытожить плюсы и минусы использования метода:

+ Контент-анализ демонстрирует событие, его место и контекст; даёт возможность сравнить с другими данными, в том числе по целевым группам; целесообразен при оценивании проблем и мониторинге тенденций, включая прогнозирование.

– Метод затрачивает финансовые и временные ресурсы; неинформативен при изучении степени воздействия сообщений; в конечном итоге, не вся информация представлена в СМИ.

Контент-аналитический метод в СМИ первоначально применялся как метод количественно-ориентированного анализа текстов для изучения рекламных коммуникаций. Так анализ контента рекламных текстов впервые нашёл своё применение в 1910 году социологом Максом Вебером в целях экзаменации масштабов рассмотрения прессой политических акций в Германии. Гарольд Лассуэлл в 30–40-е гг. XX в. применил такой метод в отношении изучения содержимого информационно-пропагандистских сообщений военного времени. Американский философ Абрахам Каплан в 1943 г. сместил интерес контент-анализа от статистической семантики (значения текстов) политических дискуссий до анализа значений символов (семиотики). Общедоступность семиотики в годы Второй мировой войны способствовала применению качественно-ориентированного контент-анализа с целью изучить «идеологические» аспекты в таких жанрах, как телевизионные шоу и коммерческая реклама. Круг исследований с использованием методики контент-анализа нашего времени учитывает анализ как текста, так и изображений, аудио-, видео- и фотоматериалов.

Рассмотрим этапы контент-анализа рекламных текстов. Первый этап базируется на формулировании целей анализа, выдвижении гипотез, моделировании списка вопросов. Гипотезы могут возникать на основе различных факторов, включая теоретические предпосылки, предыдущие исследования, опыт, изменения на рынке и перспективы. Эти гипотезы могут быть разделены на несколько вопросов, которые помогут

проанализировать ситуацию [5, с. 95]. Представим примерный список вопросов, составленных для анализа конкурентной рекламы:

- какие достоинства продукции выносят на первый план в своих рекламных акциях наши конкуренты?
- какие мотивы руководят нашими конкурентами при выборе средств массовой коммуникации, каково их процентное соотношение?
- присутствуют ли в рекламе их продукции уникальные торговые предложения (УТП), какие именно?
- какова тональность представления информации в рекламе (агрессивно, дружелюбно, нейтрально и т. д.)?
- есть ли зависимость между содержаниями, сюжетами рекламных объявлений и выбранным рекламным носителем?

Естественно, все эти вопросы должны быть адаптированы под цели исследования и определены самим исследователем.

Второй этап – определение генеральной совокупности. Генеральная совокупность анализируемых материалов выбирается, опираясь на цели и задачи сформулированных гипотез. Верное формулирование генсовкупности способствует избеганию неопределённости, двусмысленности и чёткому определению глоссария исследования.

Третий этап представляет собой построение выборочного плана исследования. Данный план устанавливает, как именно будет осуществлена подборка рекламных объявлений из полной генсовкупности. В особых случаях может исследоваться вся генеральная совокупность, когда: 1) число конкурирующей рекламы лимитировано относительно небольшим числом рекламных объявлений; 2) слишком ужесточены требования к истинности итогов анализа содержания, применимые для выстраивания бизнес-стратегии; 3) существует высокая доступность отчётов компетентных организаций, сделанных на основе почти всей генеральной совокупности (особенно в странах развитого рынка маркетинговых исследований).

Четвёртый этап носит характер установления тактики обработки повторяющихся рекламных объявлений. Нередки случаи, когда рекламные сообщения демонстрируются в СМИ многократно за выбранный период времени, что приводит к их дублированию в выборке. Обращать каждое такое сообщение как отдельное или вовсе исключать дубликаты, зависит от задач и целей исследования. Подсчёт дубликатов как отдельных рекламных сообщений справедлив в случае определения объектом анализа аспектов влияния полного массива объявлений. А в случае сосредоточения фокуса исследования на рекламных сообщениях определённого конкурента или стратегии продвижения дубликаты необходимо игнорировать, так как интерес должен быть сконцентрирован на содержательных элементах рекламных объявлений, а не на частоте их появления [6].

Пятый этап заключается в создании системы категорий и подразделяется на два подэтапа:

1) идентификация всех содержательно существенных категорий. Выбранные категории должны быть всесторонними, то есть включать в себя все специфические особенности рассматриваемых объявлений, названы ясно и чётко, непосредственно связываясь с объектом исследования и выдвинутыми гипотезами.

2) формирование размерностей категорий. Каждая категория развёртывается во множество определяющих её размерностей с обязательным установлением правил измерения. Источников размерности категорий большое количество: маркетинговые теории, предыдущие исследования, личный опыт исследователя в данной продуктовой группе и т. п. Обязательное условие – размерность задаёт последовательно непротиворечивую систему измерения, адекватно описывая наличие или отсутствие какого-либо признака, его количество или типологию. Так, категории и их размерности

могут представлять собой типы вопросов и ответов в анкетах, типы переменных (категориальные, порядковые, интервальные) в статистическом анализе.

Шестой этап представляет собой подготовку кодовых книг и кодовых страниц. Под кодовой книгой будем понимать словарь проводимого контент-анализа.

Седьмой этап – этап отбора и обучения кодировщиков. Этап, к которому необходимо подойти с особой тщательностью. Во-первых, кодировщиков должно быть не менее двух. Во-вторых, опыт и навыки кодировки выбранных специалистов должны приблизительно соответствовать. В-третьих, специалисты не должны зависеть друг от друга или от исследователя, который подготавливает кодовый план. К. Криппендорф особенно отмечал это условие, настаивая, что не может быть ничего хуже, когда кодировкой занимается сам исследователь или же при помощи своих коллег, также участвующих в данном исследовании [6]. Процесс обучения осуществляется в такой последовательности: 1) ознакомление кодировщиков с категориями, их определениями и размерностями категорий, описанных в кодовой книге; 2) инструктаж; 3) изучение образцов объявлений, отобранных для кодировки; 4) кодирование сообщений в соответствии с полученными инструкциями; 5) обсуждение возникших в процессе практической работы проблем, оценка качества кодировки, в некоторых случаях дополнительный тренинг.

На восьмом этапе осуществляется пилотаж и коррекция плана исследования, что включает в себя усовершенствование категорий, размерностей, кодировочных листов и инструкций кодировщикам.

Заключительный этап – кодирование собранного материала и оценка валидности данных. Анализ данных, полученных после кодировки рекламных объявлений, следует логике обычных методов количественных исследований – рассчитываются проценты, средние, медианы, моды, строятся кросс-таблицы, значимые различия и т. п.

Так, приходим к выводу, что основной целью контент-анализа рекламных текстов является способствование лучшему пониманию рекламной практики в целом, специфики определённых рекламных стратегий, изучению конкурентного рекламного поля.

Недостаток контент-анализа рекламы заключается в невозможности исследования связей между элементами рекламы и её эффективностью. Впрочем, комбинация анализа содержания рекламных сообщений и одновременное исследование потребительского поведения (знания, отношения, отклика) помогает выявить такие связи, опираясь не на интуицию и рассуждения о здравом смысле, а при помощи строгих математических процедур.

Распространение метода контент-анализа ограничивается временем и трудоемкостью, что затрудняет получение результатов в быстро меняющихся рыночных условиях. В таких динамичных ситуациях, когда каждая неделя, а иногда даже каждый день имеет значение, традиционный подход контент-анализу не пользуется должной популярностью. Возможно существенно сократить время проведения анализа, если отказаться от предварительного изучения рекламных сообщений на стадии выдвижения гипотез и формирования системы категорий, а вместо этого использовать априорные гипотезы и готовую систему категорий [7, с. 98]. Однако, данный подход имеет свои недостатки, так как подвержен сильному влиянию личности исследователя (или заказчика), которая призвана быть исключена из метода контент-анализа. Один из возможных путей решения данной проблемы – использование новых информационных технологий.

Главным достоинством контент-анализа рекламы можем определить способность выявления объективных связей между содержанием рекламных текстов и какими-либо их характеристиками, воздействия рекламы на возможных потребителей на научных основаниях [8, с. 128].

Перспективы дальнейшего исследования метода контент-анализа рекламных текстов заключаются в применении метода контент-анализа в комбинации с различными способами исследования рекламы, что может служить мощным инструментом исследования эффективности рекламы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В. А. Мансурова. – М. : Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.
2. Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы. Языковое сознание : теоретические и прикладные аспекты. – М. : Барнаул, 2004. – С. 6-17.
3. Зубанова Л. И. Контент-аналитические методы исследований СМИ : обзор подходов // Знак : проблемное поле медиаобразования. – 2011. – № 11. – С. 69–72.
4. Хлопаева Н. А. Креативные методы анализа текстов СМИ как инструмент коммуникационного менеджмента. – Томск : Изд-во ТПУ, 2008. – 81 с.
5. Бурькин Е. С. Алгоритм использования конкурентных преимуществ продукта в рекламных коммуникациях // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – Серия 1 : Экономика и управление. – 2019. – № 2 (29). – С. 94-100.
6. Кутлалиев А., Попов А. Эффективность рекламы [Электронный ресурс]. – URL: <https://psyfactor.org/lib/content-analysis4.htm> (дата обращения : 10.02.2024).
7. Кострова Ю. Б., Лящук Ю. О., Шибаршина О. Ю. Формирование потребительского поведения молодежи средствами рекламы : монография / Под общ. ред. Ю. Б. Костровой. – М. : изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2021. – 163 с.
8. Саттарова И. В. Оценка эффективности рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 119. – С. 126-129.

USING THE METHOD OF CONTENT ANALYSIS OF ADVERTISING TEXTS

Annotation. The use of content analysis of advertising texts is an important and effective tool in the modern marketing field. Content analysis is a systematic and objective study of texts in order to identify and analyze the main topics, keywords, messages and features of the structure and design of advertising materials. It allows you to understand and analyze advertising texts more deeply, their strengths and weaknesses, their impact on the target audience and effectiveness in achieving your commercial goals. The article presents a theoretical overview of one of the most relevant modern methods of scientific research – content analysis, highlights the stages and features of the application of advertising materials in research.

Keywords: advertising texts, content analysis, research, stage, analysis, method.

Paniotova A. N.

Scientific adviser: Emelianenko A. V., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: alexandra.paniotova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В СИТУАЦИИ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ В ЗОНЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Самохина А.Д.

*Научный руководитель: Красулина В. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья рассматривает особенности стрессоустойчивости и индивидуально-психологических характеристик личности у людей, которые постоянно проживают в зоне военного конфликта. В статье подчеркивается то, что люди сталкивающиеся с постоянной угрозой жизни, непредсказуемостью и насилием, могут по-разному реагировать и переживать это.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, военный конфликт, индивидуально-психологические характеристики личности.

Вступление. В зонах военного конфликта жители подвергаются постоянным угрозам для своей безопасности, что может значительно повлиять на их психическое состояние и стрессоустойчивость. Мы ставим целью изучение различных социально-психологических аспектов ситуации военного конфликта, а также определение индивидуально-психологических характеристик личности, обеспечивающих стрессоустойчивость и конструктивное переживания экстремальной ситуации.

Основная часть. Анализ исследований в области жизнедеятельности личности в экстремальной ситуации позволяет выделить основные направления в изучении данной проблематики: исследование особенностей переживания личностью экстремальных ситуаций (Л.Р. Правдина, Т.Н. Султанов, Л.В. Трубицына); исследования проблемы переживания людьми трудных жизненных ситуаций (Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Л.Б. Шнейдер); исследование влияния социальной активности на особенности переживания человеком стрессогенных ситуаций (Д.А. Леонтьев, И.В. Абакумова, А.А. Левшина, П.Н. Ермаков) исследование социальной адаптации к ситуациям жизненного кризиса (В.В. Антипов, Ш.О. Исмаилов, И. П. Шкуратова) и др.

Анализ исследований связи стрессоустойчивости и особенностями личности: стрессоустойчивость и способность быть эмоционально стабильным (Н.Д. Левитов; П.Б. Зильберман; Я. Рейковский; В.Л. Маришук; В.Г. Норакидзе; К.К. Платонов; А.Г. Маклаков); стрессоустойчивость и сопротивляемость (С.С. Carver, А. Antonovsky); стрессоустойчивость и жизнестойкостью (S. Kobasa, М.С. Pucetti, С. Мадди) и др. [1].

Стресс – это физиологическая и психологическая реакция организма на различные негативные воздействия внешней среды. Ганс Селье выделил три стадии стресса: 1 - реакция тревоги, мобилизирующая все ресурсы организма; 2 - реакция сопротивления, когда организм успешно справляется со стрессом; 3 – реакция истощения, когда действие вредоносных факторов долго не удается преодолеть и приспособительные возможности организма снижаются. Позднее он разделил стресс на два вида: дистресс (источник истощение) и эустресс (источник повышения активности).

Д. Эверли и С. Вожнер пришли к выводу, что стресс может привести к развитию различных психических расстройств, таких как депрессия и тревожность, чрезмерный стресс может привести к суицидальным мыслям и повышенной смертности. *Р. Розенфельд* обнаружил, что постоянный стресс может привести к повышенному кровяному давлению, ухудшению работы сердца, иммунной системы, пищеварения и сна. *Ю. Татура и Д. Фонтана* отметили, что стресс может вызывать эмоциональные расстройства, такие как рассеянность,

раздражительность и нерешительность, влиять на социальное поведение человека, вызывая агрессию и изоляцию.

Нельзя не выделить еще одну категорию очень уязвимую в ситуациях военных конфликтов – дети. У детей так же проявляются нарушения в виде тревожности, депрессии, агрессии, нарушениях сна и питания, проблемах с концентрацией внимания и обучением. А для детей дошкольного возраста наиболее характерны такие постстрессовые проявления, как регрессивное поведение. А у детей школьного возраста появляются проблемы в учебе и общении, поведенческие нарушения от агрессии до депрессии с чувством «вины выжившего», различные соматические жалобы [2].

Чувство вины – это когнитивно-эмоциональное состояние, возникающее в результате реального или предполагаемого нарушения моральных, общепринятых или личных норм и стандартов. Чувство вины выжившего впервые было задокументировано и описано в психоаналитических трудах о Холокосте и выживших в Хиросиме. Эти выжившие несли с собой «постоянное чувство вины, сопровождаемое сознательным или бессознательным страхом перед наказанием за то, что они пережили то самое бедствие, которому подверглись их близкие». Они неосознанно воспринимали свое выживание как несправедливость, убеждение в том, что они не должны были выжить. Вину не обязательно испытывают лица выжившие в какой то бомбардировке и т.д., это могут быть те, кому повезло никогда не попасть под обстрел, жилище которых осталось в целостности, а родственники и друзья не пострадали, тем не менее могут находиться в постоянном ожидании такой вероятности и испытывать чувство вины выжившего [3].

Если говорить о стрессоустойчивости, то, прежде всего, определим это понятие. Петр Борисович Зильберман предлагает одну из самых удачных на наш взгляд трактовок стрессоустойчивости, понимая под ней «..интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмотивной обстановке». Однако, постоянное проживание в зоне военного конфликта может вызвать хронический стресс, что требует особой стрессоустойчивости. Люди, проживающие в зоне военного конфликта, имеют более высокие показатели тревожности и депрессии, чем те, кто живет в безопасной среде [4].

Существует множество исследований, которые проводились в зонах локальных войн. Они показали, что мирное гражданское население (а также, беженцы и насильственно перемещенные лица, заложники), подвергается психологической травматизации не меньше, чем военные. Как итог появляются различные психические расстройства. Согласно проведенному исследованию в Чечне, было обнаружено, что 91,2% гражданских лиц страдают от психических расстройств, связанных с пережитым стрессом. Из этой группы 58,2% имели посттравматическое стрессовое расстройство (далее ПТСР). Однако, за период трех лет только 9,2% испытуемых полностью выздоровели. В остальных случаях наблюдалась трансформация ПТСР в аффективные расстройства (31,6%), соматоформные расстройства (35,7%) и хроническое изменение личности (11,3%). При обследовании мирного гражданского населения в Чечне в период с 1996 по 2001 г. Помимо ПТСР и расстройства адаптации, также было выявлено большое количество других психических нарушений, таких как депрессия, тревожные расстройства, нарушения сна, алкогольная и наркотическая зависимость. Несмотря на проводимую терапию, многие пострадавшие продолжали испытывать сложности в повседневной жизни и трудно приспосабливались к новым условиям. Однако среди них находились и те, кто пережил всё нормально и смог

социализироваться заново. Поэтому особенно важно понимание факторов, обеспечивших эмоциональную устойчивость людей переживших ситуацию военного конфликта [5].

В настоящее время Донецкая и Луганская области находятся в зоне серьезнейшего со времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. военного конфликта. В данном исследовании мы делаем упор на гражданском населении и предполагаем, что военная обстановка может как являться дистрессом, так и выступать эустрессом, что восприятие и переживание экстремальной ситуации, стрессоустойчивость каждого конкретного человека всегда напрямую связаны внутренним, психологическим состоянием и структурой личности. Изучая основные концептуальные модели структуры личности, используя в качестве базы, теорию личности Б. Г. Ананьева, можно выделить выделяют следующие основные структурные характеристики личности, оказывающие влияние на переживание личностью ситуации военного конфликта: темперамент, характер, мотивы, ценности, смыслы. Так О.В. Бойко и Н.В. Новикова в своём исследовании индивидуально-психологических особенностей переживания личностью ситуации военного конфликта, выполненном г. Горловке, Донецкой Народной Республики, на выборке испытуемых - 219 человека, в 2019 году, выделили следующие индивидуально-психологические характеристики личности, влияющие на стрессоустойчивость[6]:

1) свойства темперамента, а именно высокий уровень экстраверсии и низкий уровень нейротизма;

2) черты характера – высокий интеллект, смелость, мечтательность, тревожность, радикализм, высокий самоконтроль, доверчивость, спокойствие, расслабленность;

3) компоненты мотивационной структуры личности – жизнеобеспечение, социальный статус, общение, творческая активность, общежитейская направленность, рабочая направленность;

4) все компоненты системы смысложизненных ориентаций – цели в жизни, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, локус контроля Я – хозяин жизни, общий показатель смысложизненных ориентаций;

5) компоненты системы жизненных смыслов – альтруистические, гедонистические, жизненные смыслы самореализации;

6) компоненты самоактуализации – аутосимпатия, контактность, ориентация во времени, ценности, спонтанность, самопонимание, общий показатель самоактуализации.

Поскольку данное исследование проводилось спустя 5 лет с начала военного конфликта, мы предполагаем, что выделенная выше экстровеитированная личность с высоким интеллектом, мотивацией, локусом контроля Я и самоактуализацией хоть и логически явно более жизнестойкая, но спустя это время могла ещё находиться в ресурсе. Сейчас же спустя 10 военного конфликта, который уже можно считать затяжным, любая сильная нервная система может потерять эту устойчивость и будет нуждается в выработке дополнительных копинг-стратегий совладения со стрессом, вероятного некоего переосмысления и т.д. Поэтому мы считаем актуальным повторное исследование данной области с поправкой на следующие дополнительные переменные: общее состояние здоровья, образ жизни, социальная поддержка, адаптация к стрессу через потенциально опасные профессии. Заключение. XXI в. характеризуется резким увеличением числа экстремальных, сложных жизненных ситуаций, техногенных катастроф, не последнее место занимают военные конфликты, на которых сосредотачивается внимание нашего исследования. Опыт многочисленных исследований показывают, что реакция на стресс и разных людей будет разной. В затяжном конфликте многие гражданские лица ощущают,

что жизнь стоит на паузе, не ждут ничего хорошего, однако как показывают исследования, хорошо переносят стресс люди с неуравновешенной нервной системой, как бы это странно не звучало. Такие люди реагируют на стресс, проживая его, формируя первичный ответ организма, тогда как у людей уравновешенных, стресс проходит все фазы, приводя к истощению. Так обладая мотивацией достижения успеха, в отличие от мотивации избегания неудач, военный конфликт можно воспринимать как преодоление очередного препятствия и т.д.

Опираясь обзорно-аналитическое исследование проблемы особенностей стрессоустойчивости в ситуации постоянного проживания в зоне военного конфликта, можно определить, что это должна быть личность, которая способна конструктивно переживать ситуации военного конфликта, осмысленно относиться к жизни и кризисной ситуации, отличаться благополучным психоэмоциональным состоянием и высоким уровнем жизнестойкости. Согласно исследованиям данные характеристики фиксируются у людей, имеющих: определенные свойства темперамента, черты характера, компоненты мотивационно-потребностной сферы, системы жизненных смыслов и смысложизненных ориентаций, самоактуализации личности.

Изучение области жизнедеятельности личности в экстремальных условиях ориентировано на выявление возможностей личностного роста, духовного совершенствования человека, на определение ресурсной, конструктивной составляющей опыта, приобретаемого личностью в экстремальной ситуации. Выдвинутые теоретические положения надлежит проверить эмпирическим путем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михеева, А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. №2. С. 82 – 87
2. Панишева О.В., Логинов А.В. Анализ педагогических особенностей «детей войны» // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Личность. Общество. Образование. Качество жизни и образование: стратегии и инновационные практики» (г. Санкт-Петербург, 30 - 31 марта 2016 г.). СПб: Ленинградский областной институт развития образования, 2016. С. 186-191.
3. Кадыров Р.В., Родникова А.Е. Вина выжившего в психотерапии ПТСР // Сборник научных статей XI международной научно-практической конференции «Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности» (г. Владивосток, 8-10 июля 2022 г.) С. 10-13.
4. Шогенов, Б. Ю., Кумахова, Д. Б. Влияние стресса на человека. Экономика и социум, 2020. № 1. - С. 917-929.
5. Ахмедова Х.Б. Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и расстройства адаптации // Психологический журнал. 2003. № 3. С. 37-44.
6. Бойко О. В., Новикова Н. В. Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта // Вестник Вятского государственного университета. - Киров : Научное издательство ВятГУ, 2019. - № 4. - С. 94-105.

FEATURED OF TOLERANCE IN SITUATION OF PERMANENT RESIDENCE IN MILITARY CONFLICT ZONE

Annotation. The article examines the features of stress resistance and individual psychological characteristics of personality in people who permanently live in a military conflict zone. The article emphasizes that people facing constant threats to their lives, unpredictability and violence can react and experience it in different ways.

Keywords: stress, stress tolerance, military conflict, individual psychological characteristics of a personality.

Samokhina A.D.

Scientific adviser: Krasulina V.A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: karabanabdul@gmail.com

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОДХОДАХ

Серенкова А.Е.

*Научный руководитель: Ревуцкая И.В., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье проведен теоретико-методологический анализ проблемы формирования позитивной Я-концепции. Рассмотрены основные теоретические подходы к данной проблеме в подростковом периоде. Представлены различные аспекты самопринятия, такие как самовосприятие, самооценка и самореализация, а также их влияние на формирование позитивной Я-концепции. Проанализировано практическое применение позитивной Я-концепции в различных сферах жизни, таких как учеба, отношения с другими людьми, личная жизнь и самоосуществление.

Ключевые слова: подростки, Я-концепция, самовосприятие, самопринятие, самопонимание.

В современном обществе многие люди сталкиваются с проблемами низкой самооценки, недостатком уверенности в себе и негативным отношением к своей личности. Формирование позитивной Я-концепции является важным психологическим процессом, который позволяет людям достичь психологического благополучия и уверенности в себе. Теоретико-методологический анализ проблемы формирования позитивной Я-концепции и роли самопринятия позволяет выявить ключевые аспекты этой проблематики.

Проблема формирования позитивной Я-концепции в подростковом возрасте освещена в работах многих отечественных ученых: Л. И. Божович, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, И. С. Кон, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин, И. И. Чеснокова, Д. Б. Эльконин.

Рассмотрим разные подходы, отмечая важность их вклада в понимание этой проблемы.

Рассматривая культурно-деятельностный подход, Л. С. Выготский считал, что в структуре личности подростка нет ничего устойчивого, окончательного, неподвижного, что личностная нестабильность порождает противоречивые желания и поступки. Подростки стремятся во всем походить на сверстников и пытаются выделиться в группе, хотят заслужить уважение и бравируют недостатками, требуют верности и меняют друзей [1].

Важно отметить, что Л. И. Божович создала собственную оригинальную концепцию личности, основанную на культурно-исторической теории Выготского. Л. И. Божович исследовала влияние социального контекста и социальной ситуации развития на формирование Я-концепции подростков. Ее работы рассматривают проблему развития личности в целом. Она исходила из чрезвычайно значимого тезиса о том, что психическое развитие ребенка представляет собой сложный процесс, понимание которого всегда требует анализа не только тех объективных условий, которые воздействуют на ребенка, но и уже сложившихся особенностей его психики [2].

Сходные идеи, просматриваются и в работах В. В. Давыдова, который подчеркивает роль образовательной среды и личностно-ориентированного обучения. В работах В. В. Давыдова, основанных на его теории развития психических систем и методике формирования позитивной Я-концепции в образовательном процессе, автор предлагает модель развития психических систем, которая выделяет стадии развития субъекта и его психических функций. Эта модель подразумевает последовательное формирование и углубление способностей субъекта в процессе его взаимодействия с

окружающей средой, включая образовательные практики. В. В. Давыдов исследует методики и практики, направленные на формирование у обучающихся позитивного представления о себе. Он выделяет ряд подходов, таких как активное участие в образовательном процессе, создание поддерживающей и эмоционально благоприятной образовательной среды, использование методов личностно-ориентированного обучения и др. [3].

Личностно-ориентированный подход в исследованиях В. В. Давыдова в области формирования позитивной Я-концепции в образовательном процессе имеет важное значение для педагогики и психологии образования, поскольку он предлагает практические методики и рекомендации для создания поддерживающей среды, способствующей развитию позитивного отношения к себе у учащихся.

Исследователь И. С. Кон раскрыл сущность социальной природы «Я» через анализ проблемы его определения. Он осознал, что «Я» включает в себя не только физические аспекты, которые человек воспринимает внутри себя, но и социальные компоненты, возникающие из его взаимодействия с окружающим миром. Этот процесс происходит параллельно с естественным развитием организма.

Стойкость идентичности человека наиболее точно описывается термином «идентичность», который имеет три основные формы в гуманитарных науках. Первая — психофизиологическая — отражает единство физиологических и психических процессов. Вторая — социальная идентичность — связана с вхождением индивида в определенное общество. И, наконец, личностная идентичность обозначает целостность жизни, целей и мотивов человека, понимающего себя как «Я».

Хотя психофизиологическая и социальная идентичности могут быть объективно описаны, личностная идентичность относится к субъективной реальности. Различие между «я» и «не-я», а также между актуальным и желаемым, зависит от внутреннего мира индивида и его контекста [4].

Изучение внутренней структуры «Я» приводит к различению между субъективной активностью (экзистенциальным «я») и представлениями о себе (рефлексивным «Я»). Эти аспекты соответствуют различным психическим процессам, таким как саморегуляция, самосознание и самопознание.

Одним из ключевых направлений, является системный подход А. В. Петровского. Он выделял, что образ «Я» может развиваться в нескольких аспектах, таких как «реальное Я», «желаемое Я», «фантастическое Я», «представляемое Я», «идеальное Я», причем каждый из этих аспектов учитывает мнение окружающих и стремление к успеху. Например, «идеальное Я» отражает нормы и запреты общества, в то время как «желаемое Я» представляет собой воплощение успешного поведения в важных ситуациях.

В своем исследовании А. В. Петровский обсуждал различные аспекты формирования личности, процессов формирования образа «Я» и факторов, влияющих на эти процессы.

Он выделил три основные фазы развития личности:

1. Фаза адаптации, во время которой индивидуальные особенности ассимилируются с нормами и ценностями социальной группы, в которой находится человек.

2. Фаза индивидуализации, в которой формируются уникальные черты и особенности, которые выделяют индивида из общей группы.

3. Фаза интеграции, которая характеризуется достижением гармонии между различными аспектами личности, что позволяет контролировать свое поведение и направлять его к целям личностного развития.

В дополнение к образу «Я», каждый человек также реально оценивает свои качества и достижения, формируя тем самым свою самооценку. А. В. Петровский отмечал, что эти оценки и представления о себе зарождаются в раннем детстве под

влиянием родителей и окружающей среды. У подростка складываются разнообразные образы «Я», первоначально изменчивые, подверженные внешним влияниям. К концу периода они интегрируются в единое целое, образуя на границе ранней юности Я-концепцию – систему внутренне согласованных представлений о себе, образов «Я», которую можно считать центральным новообразованием всего периода [5].

Таким образом, система «Я-образов» и самооценок, описанная А. В. Петровским, может быть определена как Я-концепция.

В системном походе работал и В. В. Столин. Можно заметить его упор на развитие индивидуальности и личностного роста через самоопределение и развитие личности. Взгляд В. В. Столина на формирование позитивной Я-концепции через развитие индивидуальности подчеркивает важность процесса самоопределения для подростков, помогая им осознать свои интересы, ценности и потребности, что способствует выстраиванию положительного отношения к себе. В своём видении автор включал стимулирование творческого мышления и самовыражения, что позволяет подросткам раскрывать свой потенциал и увереннее чувствовать себя. Он придает значение развитию навыков самостоятельности у подростков, поощряя их принятие собственных решений и ответственности за свою жизнь, что способствует формированию позитивного представления о себе. В. В. Столин предлагает принципы, направленные на поощрение успехов и достижений подростков, а также на поддержку их уверенности и самопризнания, на развитие и раскрытие своей индивидуальности, что в свою очередь способствует формированию благоприятного отношения к себе и своему месту в мире [6].

Подобно В. В. Столину, Д. Б. Эльконин рассматривал деятельностный подход, в котором обращает свое внимание на значимость развития индивидуальности, делая акцент, на процессе самоопределения и раскрытии личностного потенциала. Оба автора подчеркивают значение самопонимания и самовыражения в процессе формирования позитивного отношения к себе и укрепления личностной идентичности. Их работы обогащают понимание важности саморефлексии и саморазвития для достижения психологического благополучия у подростков [7].

Важно отметить, что анализ работ А. Н. Леонтьева демонстрирует более глубокое воздействие деятельности на формирование самосознания и образа «Я», что представляет еще одну перспективу в рассмотрении данной проблемы. Он утверждает, что позитивная Я-концепция формируется через активное взаимодействие с окружающим миром и конкретными жизненными ситуациями. В этом контексте, деятельность играет ключевую роль.

Взаимосвязь между деятельностью и формированием позитивным образом «Я», согласно А. Н. Леонтьеву, проявляется следующим образом: деятельность представляет собой основной источник познания и опыта для индивида. Через участие в различном виде деятельности, человек приобретает знания о себе, о своих способностях и предпочтениях. А. Н. Леонтьев выделяет ряд психологических особенностей деятельности, таких как мотивация, цель, средства и результаты. Он считал, что эти аспекты деятельности влияют на самопонимание и самооценку индивида, формируя его позитивную Я-концепцию. Деятельность включает в себя взаимодействие с различными сторонами окружающей среды, включая других людей, социальные структуры и культурные нормы. Эти взаимодействия также влияют на формирование позитивной Я-концепции, поскольку они предоставляют обратную связь и подтверждение самооценки [8].

Таким образом, А. Н. Леонтьев показал, что деятельность играет центральную роль в формировании позитивной Я-концепции, поскольку через нее индивид получает опыт, осознает свои способности и достижения, а также взаимодействует с окружающей средой, что влияет на его самооценку и самопонимание.

Согласно И. И. Чесноковой, которая изучала принцип единства сознания и деятельности, что является одним из ключевых постулатов отечественной психологии,

самосознание отражает достижения психического развития личности на определенном этапе для самой личности. Также самосознание, как внутренний регулятор поведения, воздействует на последующее развитие личности, обеспечивая баланс между внешними воздействиями и внутренними состояниями личности, а также формированием её поведения [9].

В свою очередь Л. С. Рубинштейн, рассмотрел концепцию личностной беспомощности с позиции субъектно-деятельностного подхода. В его работах, таких как «Основы общей психологии» и «Проблемы общей психологии», он подчеркивает важность деятельности и самореализации в процессе формирования позитивной Я-концепции. Автор выделил несколько этапов становления самостоятельности у индивида, мы предполагаем, что именно они влияют на формирование личности в будущем.

Первый этап связан с овладением собственными телесными функциями и возникновением произвольных движений в процессе выполнения первых предметных действий. Второй этап – начало самостоятельной ходьбы. На этом этапе ребенок становится относительно самостоятельным инициатором различных действий и уже осознает, что он выделяется из окружения. С этой предпосылкой осознания и связано первое представление личности о своем «Я». При этом к познанию собственного «Я» человек приходит лишь через отношения с окружающими его людьми:

Следующий значимый этап в формировании личности, по мнению Л. С. Рубинштейна, овладение речью как новым видом сознания и мышления. Развитие речи существенно расширяет влияние ребенка и приводит к более глубоким изменениям: он переходит от роли объекта воздействия к статусу субъекта, обретая способность направлять действия окружающих по своему усмотрению и воздействовать на мир через них.

В период подросткового возраста, когда приближается самостоятельная жизнь, перед индивидом стоит задача самостоятельной постановки целей и определения направления своей деятельности. Это требует формирования целостного мировоззрения и активного развития способности к самостоятельному мышлению. На данном этапе происходит осознание собственной личностной уникальности и переход к более зрелым критериям самооценки. Л. С. Рубинштейн считал, что не существует «Я» вне отношений к «Ты», и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта. [10].

Таким образом, общим анализом проблемы формирования Я-концепции в отечественной психологии можно выделить следующие основные точки: ученые придают большое значение Я-концепции в формировании личности и определении ее поведения и самооценки; системный подход больше акцентирует внутренние аспекты Я-концепции, такие как самоощущение и самопонимание, в то время как культурно-исторический подход больше внимания уделяет социальным и культурным факторам, влияющим на формирование Я-концепции, авторами деятельностного подхода подчеркивается важность общения и взаимодействия с другими людьми в формировании Я-концепции.

Позитивная Я-концепция формируется на основе положительного самопринятия и уверенности в своих способностях. Самопринятие играет важную роль, позволяя осознавать и принимать свои сильные и слабые стороны.

Перспективы дальнейших исследований могут быть направлены на более глубокое изучение теорий зарубежных подходов, что даст возможность разностороннего рассмотрения позитивной Я-концепции и расширит наши возможности в разработке коррекционно-развивающей программы, направленной на формирования позитивной Я-концепции у подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Выготский](#) Л.С. [развитие личности](#) и мировоззрения ребенка. // Психология личности. Хрестоматия. – СПб: Питер, 2002. С.243 – 251.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968. Социальная ситуация развития ребенка: С. 143—207.
3. Давыдов В В. Теория развивающего обучения—М: ИНТОР, 1996. С. 235— 250.
4. Кон И. С. Открытие Я. – М.: ИПЛ, 1978. – 367 с.
5. Петровский А В. Л. С. Выготский и развитие социально-психологической теории. // Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология: Тез. докл. Всесоюз. конф. 23-25 июня 1981 г./НИИ ОПП АПН СССР – М.: Б. и., 1981. – 198 с.
6. Столин В. В. Самосознание личности: [Пер. с рус.] / В. Столин. – М.: Прогресс, Б. г. (1987). С.64 – 70.
7. Эльконин Д. Б (1904-1984). Избранные психологические труды [Текст] / Д.Б. Эльконин; под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко; [авт. вступ. ст. и коммент. В. В. Давыдов]; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1989. С. 406-413.
8. [Леонтьев](#) А.Н. Деятельность. [сознание](#). Личность. – М.: ИПЛ, 1977. С. 67 – 78.
9. Чеснокова И. И. Особенности развития самосознания в онтогенезе. // Принцип развития в психологии. – М.: Наука, 1978. – 368 с.
10. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. С. 108– 116.

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF FORMING
A POSITIVE SELF CONCEPT**

Annotation. In this article, a theoretical and methodological analysis of the problem of forming a positive Self-concept is carried out. The main theoretical approaches to this problem in adolescence are considered. Various aspects of self-acceptance are presented, such as self-perception, self-esteem and self-realization, as well as their impact on the formation of a positive Self-concept. The practical application of the positive Self-concept in various spheres of life, such as studies, relationships with other people, personal life and self-fulfillment, is analyzed.

Keywords: adolescence, formation of a positive Self-concept, self-perception, self-acceptance, self-understanding.

Serenkova A.E.

Scientific supervisor: Revutskaya I.V.

Donetsk State University

E-mail: kulakovaanastasia@gmail.com

МЕДИАДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛИСТИКЕ

Симонова А.В.

*Научный руководитель: Михальченко М.Н., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается медиадизайн в цифровой журналистике, его особенности и способы применения в медиаконтенте. Автор стремится определить, чем медиадизайн отличается от веб-дизайна, графического дизайна и других видов дизайна, используемых в интернет-пространстве. Предпринимается попытка осмысления медиадизайна как инструмента подачи визуального контента. Анализируются яркие примеры медиадизайна в мультимедийных проектах и лонгридах.

Ключевые слова: медиадизайн, интернет-журналистика, цифровая журналистика, веб-дизайн, медиаконтент, медиапотребление.

Журналистика в эпоху постпостмодерна является не только способом передачи информации от тех, кто ею обладает тем, кто хочет ею обладать, но и способом взаимодействия между этими группами общества. Сегодня гораздо правильнее говорить даже не о том, что из средства информации медиа стали способом коммуникации, а информирование уступило место интерпретированию фактов и данных об окружающем мире, теперь мы имеем дело с эпохой потребления, где важна не сама информация, а форма ее подачи и репрезентативность. Разнообразные цифровые платформы и медиаресурсы создали конкурентную среду, где все сложнее бороться за внимание аудитории, а потому помимо привычных средств и инструментов массмедийщикам приходится создавать новые методы, формы, способы подачи. Одним из эффективных инструментов донесения информации на сегодняшний день является медиадизайн.

Исследователи дают разные определения термина медиадизайн. При этом в научной среде все еще четко не определено, что относится к медиадизайну, а что является, к примеру, мультимедийной составляющей журналистского материала. Не пришли к единому мнению специалисты и в понимании того, чем является медиадизайн в журналистике: методом подачи информации (основным или вспомогательным), инструментом визуального воздействия, форматом (если говорить о медиадизайне как полноценном лонгриде). Таким образом, данное исследование отличается новизной, поскольку мы предпринимаем попытку осмысления медиадизайна в современной интернет-журналистике, выявления его отличительных особенностей и специфических черт.

Актуальность исследования связана с популярностью и распространенностью медиадизайна в интернет-журналистике. Сухая подача текстовой информации не привлекает аудиторию. Кроме того, современному обществу свойственно клиповое мышление, а привычка к скроллингу привела к тому, что привлечь внимание индивида может только яркий, сенсационный контент, который будет выделяться на фоне остального контента, менее привлекательного. Поскольку серьезные медиа не могут полностью перейти на клиповый формат и остаются верными традиционным методам подачи информации, на помощь им приходит именно медиадизайн, который позволяет сделать контент более притягательным и при этом не снизить его смысловое качество, смысловую ценность.

Цель данного исследования – изучить медиадизайн и определить его статус в медиасреде. Для этого необходимо ответить на вопрос, является ли медиадизайн методом подачи информации (и если является, то каким именно: самостоятельным или вспомогательным методом), форматом или инструментом подачи. Гипотеза исследования состоит в том, что мы склонны считать медиадизайн инструментом подачи информации.

Контент в интернет-среде работает более эффективно за счет визуальных средств. Поскольку интернет-пространство способствует быстрому поглощению информации (поверхностное потребление), то контент должен обладать специфическими чертами,

которые бы не задерживали пользователя и не заставляли бы прилагать усилия для потребления контента. Общество потребления предпочитает получать информацию быстро и поверхностно, а это в свою очередь рождает когнитивные искажения, неправильную интерпретацию данных и фактов. Медиадизайн помогает побудить пользователя к тому, чтобы он подольше задержался на веб-странице, сайте, контенте и получил более глубокое понимание. Получается, что визуальный язык упрощает информацию и делает ее более доступной одновременно.

Рассмотрим этот парадокс на примере. Допустим, что журналист провел глубокое расследование или детально изучил сложную тему, которую нельзя описать в двух абзацах, чтобы пользователь сразу понял суть. Это должен быть материал, который стоит читать вдумчиво, и который получился довольно обширным. Как побудить пользователя прочесть сложный, но важный текст? Принцип «перевернутой пирамиды» вряд ли сработает, если пользователь в теме материала не заинтересован и не вовлечен. Разбавить текст фотографиями или иллюстрациями можно, но это настолько привычно, что вряд ли заинтересует человека. Тогда необходимо создать элемент интерактива, который будет способствовать вовлеченности, использовать мультимедийные объекты, при этом будет лучше, если это будут не просто фотографии, видео или иллюстрации, а графики, карты, схемы, диаграммы. Сложную информацию можно преобразовать в графический элемент. Тогда и места на странице он займет меньше, и возрастет вероятность того, что пользователь уделит этому смысловому элементу внимание. Это и принято называть медиадизайном – создание визуальными средствами информативного или эстетического фона, который привлечет внимание пользователя к контенту, будет способствовать лучшему пониманию информации и сделает поглощение текста нескучным, чтобы пользователю хотелось дочитать материал до конца. В исследовании В. В. Волковой «Специфика медиадизайна» отмечается, что медиадизайн на данный момент является неустоявшимся термином, а необходимость его введения в теорию журналистики возникла из-за распространения практики использования элементов медиадизайна [1]. Исследователь также говорит о том, что данный термин синонимичен с понятиями теледизайн, коммуникативный дизайн, дизайн цифровых медиа. И несмотря на то, что отличия между этими терминами очевидны, исследований в этой области практически нет, что создает широкое поле для научных поисков.

В данном исследовании мы будем рассматривать медиадизайн в цифровой среде, где этот термин понимается как визуальная составляющая медиатекста в интернет-пространстве. Медиадизайном можно считать графическое искусство как часть инфосреды. Таким образом, текстографика переросла в графический дизайн, который в свою очередь стал именоваться медиадизайном и приобрел некоторые уникальные черты. На становление медиадизайна повлияли такие факторы, как развитие цифрового изобразительного искусства, развитие технологии создания медиатекста, потребности общества в визуальной коммуникации.

На наш взгляд, существует проблема с дифференциацией таких понятий, как веб-дизайн, дизайн интерфейсов, мультимедиа-дизайн, бродкаст-дизайн, моушн-дизайн и соответственно медиадизайн. Все эти виды дизайна сосуществуют в интернет-среде с медиатекстом, а потому, нам кажется правильным считать медиадизайном именно совокупность видов дизайна, который в виртуальной среде может быть применим к журналистским материалам [2]. Отличаются виды дизайна в цифровой среде по сфере применения, по способу создания графических элементов, по конечному виду продукта и по задаче, которая стоит перед дизайнером. Так, веб-дизайн применим на сайтах, в приложениях, сервисах, графический дизайн необходим для создания иллюстраций, фирменного стиля, логотипов, а медиадизайн применим для создания мультимедийных проектов, бизнес-проектов, спецпроектов. Для создания графических элементов используются разные программы, конструкторы и платформы. Что касается конечного вида продукта, то веб-дизайнер, как правило создает веб-сайт, графический дизайнер создает логотипы, иконки, иллюстрации, а медиадизайнер представляет медиаконтент, то есть интерактивную и

мультимедийную страницу с анимационными элементами, видео- и фотоэлементами. Задача веб-дизайнера обычно заключается в представлении услуг компании или организации, создании сайта, где медиа может рассказать о себе и позиционировать себя на медиарынке. Задача графического дизайнера состоит в создании элементов, которые могут быть использованы на сайтах и в медиапроектах. А интерактивные сторителлинги являются задачей медиадизайнера.

Таким образом, можно сделать вывод, что медиадизайн можно рассматривать как отдельный вид дизайна, так и совокупность веб-дизайна, бродкаст-дизайна, графического дизайна. Определяющим фактором в том, как именно рассматривать данные понятия, является подход исследователя.

Цель медиадизайна заключается в организации (упорядочивании смысловых фрагментов информации) и визуализации (разбавлении текста мультимедийными и визуальными элементами) медиатекста. При этом медиадизайн может быть применим в создании индивидуального образа сайта, канала, сообщества, портала, платформы, но основная его цель заключается в улучшении показателей качества медиатекста. Веб-дизайн применяется для оформления сайта, мультимедиа-дизайн используется при работе с отдельными мультимедийными элементами. А непосредственно медиадизайн нужен для того, чтобы максимально эффективно и качественно соединить текст и визуальную составляющую в материале. Таким образом, чтобы еще раз разграничить виды медиадизайна, скажем, что визуальная составляющая интернет-изданий «Мел», «Нож», создается веб-дизайнерами, а вот верстка каждого отдельного материала является частью медиадизайна.

Яркими примерами медиадизайна являются мультимедийные проекты или лонгриды, как их еще принято называть. Это полноценные медиатексты, в которых визуальная составляющая является не вспомогательной, а наряду с текстом основной. Первым таким проектом был лонгрид «Snow Fall», созданный в 2012 году командой издания The New York Times. Затем этот формат пришел и в отечественные СМИ. Самые популярные из них «День, когда началась война», «Чернобыль. Земля отчуждения», «Поколение», «Конец Советов: 20 лет». Они представляют собой большие тексты, предназначенные для глубоко и вдумчивого чтения. Но при этом материалы сопровождаются всевозможными мультимедийными фрагментами: фотографиями, видео, аудиозаписями, иллюстрациями, фотогалереями, слайдшоу, панорамными кадрами, графиками, схемами, картами.

Рассмотрим особенности медиадизайна в лонгриде «Чернобыль. Земля отчуждения», опубликованный 26 апреля 2014 года, ровно через 28 лет после аварии. Цветовая палитра в данном мультимедийном проекте используется небольшая, здесь преобладают белый, коричневый, зеленый, несколько оттенков серого цвета. Такой выбор палитры способствует тому, чтобы пользователь еще больше погрузился в состоянии удрученности и грусти, вызванные текстом, фотографиями и видео. Именно цвет в этом проекте играет важную роль, он ассоциируется с той же серостью, что царит в Припяти, подчеркивает мрачность темы, что вызывает у пользователя чувство тревоги и создает «эффект присутствия».

Проанализировав данный лонгрид, мы установили, что в нем использовано 39 мультимедийных элементов, большую часть из которых составляют фотографии и видеоматериалы. Особенностью медиадизайна проекта является стилевое единство. Для верстки заголовков использовался белый шрифт Arial 16px; основной текст написан черным шрифтом Georgia 20px; бэкграунд выполнен с помощью серого шрифта Georgia 17px, отделенного квадратной скобкой слева. Названия глав сверстаны белым шрифтом Georgia 80px на фоне статичной иллюстрации. Подзаголовки выполнены в черном шрифте Georgia 34px, а подписи на иллюстрациях – в белом шрифте Georgia 18px на фоне полупрозрачной черной плашки. Такое дизайнерское решение упрощает восприятие информации и способствует удобной работе пользователя с проектом.

Мы пришли к выводу, что лонгрид «Чернобыль. Земля отчуждения» можно считать примером качественно выполненного медиадизайна, который в данном случае не менее

ценен, чем текст проекта. Здесь даже способ скроллинга способствует удержанию интереса, так как пользователь имеет возможность видеть, как фрагменты двигаются по экрану, как один элемент сменяет другой. При этом на качестве потребления текста визуальные составляющие тоже сказываются положительно. Объекты хоть и интерактивны, но не мешают двигаться по истории от начала до конца, или вернуться к блоку, который захотелось перечитать.

Медиадизайн должен делать текст эффективнее, усиливать его. Если же пользователю мешают объекты при чтении материала, или навязчивые графические элементы отвлекают от понимания сути, это говорит о том, что медиадизайн не выполняет свои функции, необходимо переверстать материал. Приведем еще один пример удачного медиадизайна. Репортаж «Стена рассвета» о восхождении на гору корреспондентов The New York Times представляет собой не просто историю о том, как Томми Колдуэлл и Кевин Джорджесон совершили девятнадцатидневное восхождение на Эль-Капитан, это медиатекст, в котором дизайнер создал 3D-модель горы, и таким образом визуализировал этот подъем. Эту модель можно покрутить, увеличить, уменьшить, на ней есть пометки с обозначениями и информацией, чтобы пользователи могли представить себе, каким было это путешествие. Кроме того, репортаж сопровождается фотографиями, дополняющими текст. Выглядит данная композиция так: с правой стороны экрана расположена 3D-модель горы, слева текст и фотографии узким блоком, который необходимо скроллить. При этом, если навести курсор на гору, то этой экспозицией тоже можно управлять. Данный мультимедийный репортаж отличается оригинальностью медиадизайна. Сам по себе материал бы не вызвал столько восторга у пользователей, сколько вызвал общий вид медиатекста и медиадизайна. На наш взгляд, необходимо отметить также, что реализовывать медиадизайн не во всем цифровом пространстве можно одинаково. Функциональные особенности разных интернет-площадок, платформ, сайтов и каналов отличаются, а это значит, что иногда располагать медиатекст и визуальные объекты приходится не так, как хочется дизайнеру или контент-мейкеру, а как позволяют возможности площадки. Так, например, на сайте или в специальном конструкторе для мультимедийных проектов (как конструктор сайтов Tilda Publishing) можно использовать самые разнообразные инструменты и способы подачи информации. Можно использовать полноэкранные фотографии, разнообразные фотогалереи, комбинации фотографий и текста, выбирать, как сделать тот или иной блок, экспериментировать со шрифтами и текстографикой. А в социальных сетях, которые используются как медийные площадки для продвижения контента выбор способа визуализации контента ограничен. Здесь медиадизайн будет упрощенным. Например, медиаресурс в «Телеграм» не удастся представить с оригинальным дизайном, так как набор инструментов для работы с текстом и графическими фрагментами маленький. Но, тем не менее, и эти инструменты помогут сделать текст выразительнее, а мультимедийные элементы усиливают текст.

Таким образом, медиадизайн как часть цифровой среды выполняет две основные функции: развлекательную и познавательную [3]. С одной стороны, мультимедийные объекты содержат в себе информацию, которая выражена не в текстовой, а в графической форме, что упрощает восприятие контента, с другой стороны, некоторые графические элементы созданы не для информирования, а для создания общего фона настроения и исходя из эстетических требований, предъявляемых к цифровым медиапродуктам.

М. М. Иванова в статье «Влияние актуальных трендов медиадизайна на облик и оформление современных российских журналов» высказывает следующее мнение о функциях медиадизайна: «Несмотря на явную многогранность и многокомпонентность природы медиадизайна, которую признают все исследователи, очевидно, что на первое место выходит функция визуализации – важнейшая для любых современных СМИ, независимо от формы существования и формата».

Медиадизайн решает задачи не только в журналистике, он также полезен в сфере бизнеса и маркетинга. Здесь в качестве примера приведем лонгрид Екатерины Ковтунович

«Из журналиста в дизайнеры». Это проект, который не только рекламирует личный бренд дизайнера одежды Ковтунович, это история ее успеха, то есть очень ненавязчивая реклама, которая подается через биографию лица бренда. Медиадизайн этого проекта отличается яркостью и красочностью иллюстративного материала. Здесь три основных блока, разделение которых помогает систематизировать информацию. Используется минимум выразительных средств, визуально лонгрид не перегружен. В совокупности здесь насчитывается 46 фотографий, выполняющих разные функции: и информативную, и эстетическую, и эмоциональную, и познавательную. Медиадизайн сегодня является неотъемлемой частью цифровой журналистики. Общество потребления привыкло к тому, что контент должен не только информировать, но и развлекать, привлекать и удерживать внимание [5]. Поэтому мы считаем, что медиадизайн будет оказывать большое влияние на развитие современной интернет-журналистики. Можно предположить, что визуальная составляющая станет доминировать над текстом, так как это упрощает потребление информации и ускоряет процесс взаимодействия с информацией, а пока общество идет по пути упрощения смыслов, медиадизайн будет эффективным инструментом.

Итак, мы пришли к выводу, что медиадизайн является инструментом, который помогает сделать информацию более интересной для пользователя. Называть медиадизайн форматом не совсем верно, так как форматом является мультимедийный проект, частью которого, как правило, медиадизайн и является. Можно сказать, что медиадизайн это способ подачи визуальной информации. Вспомогательный или основной способ – это автор контента решает сам, исходя из того, какие цели и задачи стоят перед ним. Медиадизайн, вероятно, и далее будет использоваться в цифровой журналистике как эффективный инструмент подачи информации, так как он в полной мере соответствует требованиям и ожиданиям современной интернет-аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова В.В. Специфика медиадизайна // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2014. – № 4. – С. 5-21.
2. Казак М.Ю. Интертекстуальные модели медиатекстов // Журналистика и медиаобразование 2010: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22-24 сент. 2010 г. / под ред. А.П. Короченского, М.Ю. Казака. – Белгород, 2010. – С. 347-354.
3. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Выпуск № 47 / том 9. – 2007. – С.159-165.
4. Иванова М.М. Влияние актуальных трендов медиадизайна на облик и оформление современных российских журналов // Вопросы журналистики. – 2023. – № 13. – С. 111-123.
5. Жаркевич В.С., Манецкая К. А. Медиадизайн как новая форма дизайна // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22-23 окт. 2020 г. – Минск : БГУ, 2020. – С. 376-384.

MEDIA DESIGN IN MODERN ONLINE JOURNALISM

Annotation. This article discusses media design in digital journalism, its features and methods of application in media content. The author seeks to determine how media design differs from web design, graphic design and other types of design used in the Internet space. An attempt is being made to understand media design as a tool for presenting visual content. The article analyzes vivid examples of media design in multimedia projects and longreads.

Keywords: media design, Internet journalism, digital journalism, web design, media content, media consumption.

Simonova A.V.

Scientific adviser: Mikhachenko M.N., candidate of philological sciences

Donetsk State University

E-mail: namanakleo22@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Слинько А.А.

*Научный руководитель: Ревуцкая И.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье идёт речь о психолого-педагогических особенностях развития творческих способностей младших школьников с помощью инновационных методов обучения. Даны определения таким понятиям, как «творчество» и «творческие способности»; описаны особенности младшего школьного возраста, а также рассматривается инновационный метод обучения, который актуален на данный момент именно в начальной школе – метод проектов.

Ключевые слова: творческие способности, младшие школьники, инновация, метод проектов, развитие.

«Необходимо, чтобы ребёнок познавал себя как человека, и его интересы совпадали с общечеловеческими ценностями»

Ш.А. Амонашвили

За последнее столетие прогресс шагнул настолько далеко, в сравнении с тысячелетиями существования человеческой цивилизации, имеющей на пути своего развития архитектурные достояния, научно-технические знания, культурные ценности, промышленность, социальные институты, что человек создал искусственный интеллект. Всё это было бы невозможно без творческих способностей самого человека, которые и являются двигателем прогресса.

Именно поэтому современная система образования придаёт большое значение и уделяет много внимания развитию творческих способностей детей на разных этапах обучения, рассматривая творческие способности как движущую силу прогрессивного развития общества.

Творчество определяется как деятельность человека, создающая особые материальные и духовные ценности, привносящие новшества и обладающие общественной значимостью, то есть в результате творчества создаётся что-то новое, до этого еще не существующее, и не являющееся предметом обсуждения [1].

Творчество проявляется у детей в игровой, трудовой и учебной деятельности, везде, где ребёнок может проявлять свою активность, инициативу, самостоятельность в принятии решений, мыслительную деятельность, воображение, оригинальность суждений.

Материалистическое понимание творчества позволяет рассматривать его как деятельность человека по преобразованию природного и социального мира в соответствии с целями и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности. По характеру осуществления и результату творчество как созидательная деятельность характеризуется неповторимостью, оригинальностью и наряду с индивидуальной ещё и общественно-исторической уникальностью.

Многие исследователи отмечают, что творчество является высшей формой поисковой активности и естественной потребностью человека, например Н.А. Бердяев рассматривает носителем творчества – личность. Понимая под творческой личностью человека, выходящего за пределы природного и социального, «посюстороннего» мира, стремящегося к иррациональному началу свободы, экстатическому прорыву природной необходимости и разумной целесообразности.

В современных исследованиях зарубежных учёных «творчество» определяется описательно и выступает как сочетание интеллектуальных и личностных факторов. Также следует отметить, что способность творить – одно из фундаментальных свойств

человеческой личности, без творчества можно считать личность не состоявшейся. По мнению П. Торренса в структуре творческой деятельности можно выделить восприятие проблемы, поиск решения, возникновение и формулировку гипотез, проверку их модификацию и нахождение результатов.

Рассматривая творчество как специфический вид человеческой деятельности, учёные выделяют в нём такие характеристики, как новизна и общественная значимость нового, особо ценного для обогащения культуры, при этом указывая на важнейшие аспекты (признаки), связанные с самореализацией личности, её предметным утверждением в мире.

И.В. Львов считает, что творчество – не всплеск эмоций, оно неотделимо от знаний и умений, эмоции сопровождают творчество, одухотворяют деятельность человека, повышают тонус его протекания, работы человека-творца, придают ему силы. Но пробуждают творческий акт лишь строгие, проверенные знания и умения.

Таким образом, творчество – это деятельность, порождающая нечто новое, ранее неизвестное. В результате творческой деятельности формируются и развиваются творческие способности.

В отношении способностей, как свойств личности, учёные высказывают кардинально противоположные мнения. Одни считают, что способности не даются человеку с рождения в готовом виде, не являются врождёнными свойствами, не передаются по наследству. Другие – утверждают, что именно врождённые особенности, например, физиологическое строение тела, является тем задатком для способностей, благодаря которому человек может реализовать себя в спорте. Ф. Гальтон, опираясь на свои исследования, утверждал, что четырнадцатый ребёнок в семье может унаследовать таланты родителей. И.П. Павлов отмечал, что каждый человек имеет свои врождённые анатомо-физиологические особенности строения мозга, органов чувств и движения, или врождённые задатки, которые определяют природную основу индивидуальных способностей. Он выделял три группы людей с преобладающим типом способностей: художественный, мыслительный и средний.

Один и тот же человек может обладать различными способностями, однако, некоторые из способностей могут быть более развитыми чем другие. Несмотря на это, разные люди обладают одинаковыми способностями, которые имеют различия по уровню развития.

Творческие способности – далеко не новый предмет исследования. Проблема человеческих способностей вызывала огромный интерес людей во все времена.

В процессе анализа психолого-педагогической литературы были выявлены основные подходы к определению понятия «творческие способности» [1].

В психоанализе творческие способности, это индивидуальные врожденные особенности личности – способ высвобождения психической энергии, влияющий на качество жизнедеятельности человека. З. Фрейд рассматривал каждое высвобождение психической энергии как акт восприятия мира индивидуально, любую деятельность человека, направленную на создание чего-то нового и оригинального, он назвал творческой. Гуманистическая психология так же рассматривает творчество, как образ жизни человека, способ самовыражения, определяя способности, как основание для непрерывного развития и самоактуализации личности.

Кардинально отличное понимание творческих способностей представлено в бихевиоральном и необихевиоральном подходах, где творческие способности, это свойство, развивающееся исключительно в процессе обучения под влиянием подкрепления среды, в которой является нормой или поощряется создание чего-то нового.

Когнитивная психология, рассматривает творческие способности как форму мышления, превосходящую обычное логическое и рациональное мышление. Л.С. Выготский описывает процесс творческой деятельности, как комбинирующую способность мозга к воображению и фантазии. Ассоциативное направление также понимает творчество, как связь мыслительных процессов, но уже посредством ассоциаций, где творчество – это

способность находить разрозненные элементы, объединять их в новые комбинации и переформулировать отдаленные ассоциации между идеями.

В гештальт-подходе творческие способности – это психологические возможности личности создавать новое на основе интуитивного постижения проблемы, озарения – инсайта. Большое значение уделяется умениям, навыкам и способностям воссоздавать целостный образ из отдельного элемента достигая оптимального равновесия внутри организма и баланса с внешней средой, например, создание мелодии, которая влияет на эмоциональное состояние.

В рамках функционально-генетического подхода творческие способности рассматриваются с точки зрения функции и функциональной системы, а возникновение способностей – с позиции генетической теории (К.В. Макарова, В.Д. Шадриков, Д.Б. Гриник и др.).

Исходя из личностно-деятельностного подхода, творческие способности – это интегративное, динамическое образование, включающее когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты, формирующееся на основе творческих задатков и определяющее успешность выполнения любой деятельности, носящей творческий характер.

На современном этапе развития общества образование призвано решать задачи совершенствования подготовки детей к активной творческой деятельности в условиях социального и научно-технического процесса.

Одним из важнейших критериев развития личности является его творческая активность. Младшему школьнику свойственно обладать высоким уровнем развития познавательного интереса и познавательной активности.

Сезитивным периодом в развитии творчества является дошкольный и младший школьный возраст. В этом возрасте дети проявляют неподдельное любопытство и искренне желание познавать окружающий мир. Именно младший школьный возраст является особенно чувствительным в развитии воображения как познавательного психического процесса, а для того, чтобы опыт детей постоянно обогащался, необходимо вовлекать их в разнообразные виды работ. Всё это есть ничто иное, как предпосылки для творческого развития ребёнка и начала его творческой деятельности [2].

Ребёнок приобщается к новой для него деятельности – учебной. Именно она является ведущей в младшем школьном возрасте. Учебная деятельность предполагает освоение ребёнком общих способов действий в системе научных понятий. Учебная деятельность – это усвоение социокультурного опыта. Данная деятельность регулируется учителем с помощью предъявления ребёнку норм и правил, которых ему необходимо придерживаться.

Именно творческое начало – воображение и творческое мышление, способствует формированию таких познавательных психических функций как мышление, память, которые в свою очередь способствуют расширению индивидуального жизненного опыта, представлений о мире, о себе, о людях.

Современная образовательная практика переходит к новым тенденциям обучения, где знания не просто передаются в готовом виде, а способствует активному включению детей в процесс выполнения заданий, непосредственно направленных на решение проблем в реальной жизни.

Учитель не просто передаёт некоторую сумму знаний, а создаёт благоприятные условия для развития школьника в процессе обучения и воспитания, нацеливает его на активное познание окружающего мира, позволяет самостоятельно осваивать новые знания. От благоприятности условий напрямую зависит оптимальность и успешность развития. Если созревание совпадает с началом функционирования (то есть, развития) во времени и далее осуществляется синхронно по отношению к развитию, то, соответственно, можно говорить о том, что были созданы благоприятные условия, а также, что сам процесс развития идет легко. Именно в это время можно достичь наибольшего результата, то есть ребенок может стать способным, талантливым или даже гениальным.

В детском творчестве наблюдается комбинирование несоединимых вещей, при этом конечный результат комбинирования не подвергается критике в отличие от конечного результата творчества взрослых. Именно способность из отдельных единичных элементов комбинировать новые сочетания, создавать новые построения, основываясь на уже существующих и является основой творчества [3].

Развивать творческие способности в детском коллективе можно и в досуговой, и в учебной деятельности. Эффективное развитие творческих способностей детей в досуговой деятельности обеспечивается знанием возрастных особенностей младших школьников.

Важным компонентом развития творческого потенциала детей является организация досуговой деятельности, в которой ребёнок сможет найти и проявить свои творческие способности. К сожалению, современная реальность несмотря на то, что все виды искусства являются составной частью цивилизованного общества, не реализует в полном объёме данный компонент.

Процесс досуговой деятельности не мыслим без организации культурной среды в воспитательном и образовательном процессах, без обеспечения эмоциональных комфортных условий, которые в совокупности должны удовлетворять культурные потребности детей, способствовать развитию их духовности и творческих способностей.

И.Я. Лернера считает, что развитие личности учащихся напрямую зависит от определенного нравственного и эмоционального климата на занятиях. Решающую роль, по мнению учёного, в этом играет позиция самого педагога, его творческий энтузиазм, доброжелательность, создаваемая им атмосфера свободы мысли и самопроявления.

Стимулирование творческих способностей детей в процессе обучения осуществляется посредством определённых приёмов, средств и соответствующих условий, которые и создают предпосылки для проявления творчества. Под «условием» в психолого-педагогическом смысле следует понимать всё то, от чего зависит достижение дидактических целей [1].

Важным условием самопознания является организация взрослым ситуаций успеха. Ситуация успеха – это разновидность педагогической ситуации, которая формирует у детей субъективное состояние готовности включиться в творческий процесс на уровне своих возможностей, и которая обеспечивает условия для такого включения [1]. Ситуация успеха развивает нестандартное мышление, стимулирует стремление к творческому самопроявлению, формирует в ребёнке позицию активного участника процесса познания.

Перед обществом стоит задача: создать обстоятельства для формирования личности, способной к творчеству и готовой к постоянно меняющимся жизненным обстоятельствам.

Для того, чтобы понять, насколько успешны те или иные новые методы и формы развития, должно пройти длительное время, поэтому вопрос инноваций в образовании остается острым и актуальным.

Понятие «инновация» означает новшество, новизну, изменение; инновация как средство и процесс предполагает введение чего-либо нового [1]. Инновации сами по себе не возникают, они являются результатом научных поисков.

Инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний, которое мы видим непосредственно в учебном процессе как основном модернизирующем факторе образования [4]. Инновации в образовании должны нести, прежде всего, процесс выработки уверенности маленького человека в себе, своих силах.

Целью внедрения инновационных технологий, направленных на развитие творческого потенциала у детей младшего школьного возраста целесообразно использование интегративных и интерактивных способов обучения, проектной деятельности, что позволит создать условия для развития творческих способностей.

Рассмотрим проектную деятельность как метод, направленный на формирование у детей таких умений, как самостоятельно получать новые знания, искать необходимую информацию, предлагать гипотезы, заключать выводы.

Проект – это специально организованный и самостоятельно выполняемый детьми комплекс действий по решению субъективно значимой проблемы ученика, завершающийся созданием продукта и его представлением в рамках устной или письменной презентации [1].

Метод проектов, это действие, направленное на решение проблем посредством использования различных методов, а также способность интегрировать знания и умения из всего объёма научных и технических знаний, цифровых технологий, сфер искусства.

Основой метода проектов является формирование у детей когнитивных способностей, на основании знаний о мире создавать собственную картину реальности, умений осваивать информационные технологии, развивать критическое мышление. Итогом реализованных проектов должен быть конкретный продукт, готовый к использованию в реальной жизни ребёнка [5].

При внедрении проектной деятельности в образовательную среду необходимо учитывать возрастные особенности младших школьников, поскольку у детей до второго класса активно формируются такие обязательные навыки, как способность к рефлексии, самоконтролю, самоорганизации и саморегуляции, необходимые для реализации проектной деятельности. Начиная с третьего класса проектная деятельность может найти своё применение на уроках художественно-эстетического цикла: литература, изобразительное искусство, технология, музыка, окружающий мир, а также на свободной самостоятельной работе и внеурочном времени. Наиболее эффективные формы работы: совместные проекты детей всего класса по заданной проблеме; включение в проектную деятельность родителей и индивидуальные проекты.

Таким образом, в результате проведённого анализа психолого-педагогической литературы установлено, что творчество – это деятельность, результатом которой являются новые материальные и духовные ценности; высшая форма психической активности, самостоятельности, способность создавать что-то новое, оригинальное. Творческие способности – это совокупность индивидуальных особенностей личности, которые определяют возможность успешного осуществления конкретного вида творческой деятельности и обуславливают уровень её результативности.

В настоящее время, несмотря на достаточную разработанность, психология творчества и его процессов продолжает оставаться весьма актуальной областью исследования многих учёных.

Следует отметить, что с психологической точки зрения младший школьный возраст является благоприятным периодом для развития творческих способностей, потому что в этом возрасте дети чрезвычайно любознательны, у них есть огромное желание познавать окружающий мир. Если ребёнок активно, творчески, с интересом и увлечением действует в разнообразных, постоянно меняющихся ситуациях, успешность его творческого развития гарантирована.

Творческая деятельность, особенно в начальной школе, должна быть связана с открытием нового, приобретением новых знаний, что обеспечивает интерес к деятельности. Соответственно, младший школьный возраст даёт прекрасные возможности для развития способностей к творчеству.

Следовательно, создавая психолого-педагогические условия для успешного развития творческих способностей младших школьников, необходимо окружить их такой средой и такой системой отношений, которые бы стимулировали самую разнообразную творческую деятельность.

Проанализировав традиционные и инновационные методы обучения в начальной школе можно сделать вывод, что инновационные методы обучения способствуют развитию творческих способностей у младших школьников, учат систематизировать и обобщать изучаемый материал, обсуждать и дискутировать.

На данный момент применение метода проекта очень актуально и эффективно, так как проектная деятельность предполагает выполнение творческих проектов. Младший

школьный возраст является начальным этапом вхождения в проектную деятельность, закладывающим фундамент дальнейшего им овладения. Включение учащихся в проектную деятельность учит их размышлять, прогнозировать, предвидеть, формирует адекватную самооценку.

В заключение отметим, что проект ценен тем, что в ходе его выполнения младшие школьники учатся самостоятельно приобретать знания, получают опыт познавательной и учебной деятельности. При этом дети младшего школьного возраста переходят от пассивного получения готовых знаний к созданию собственных образовательных продуктов. Идеальным считается тот проект, для исполнения которого необходимы различные знания, позволяющие разрешить целый комплекс разнообразных проблем.

Перспектива дальнейшего исследования видится нами в разработке программы развития творческих способностей с использованием метода проектной деятельности для детей младшего школьного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононенко Б.И. Культурология. Большой толковый словарь. М.: Вече – АСТ, 2003. – 512 с.
2. Кондратьева Н.В. Развитие творческих способностей младших школьников // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Статья. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tvorcheskih-sposobnostey-mladshih-shkolnikov/viewer> (дата обращения: 02.02.2024).
3. Широких Н.Г. Психолого-педагогические особенности развития творческих способностей младших школьников // Инфоурок. – Статья. – URL: <https://infourok.ru/psihologopedagogicheskie-osobennosti-razvitiya-tvorcheskih-sposobnostey-mladshih-shkolnikov-3171319.html> (дата обращения: 07.02.2024).
4. Герасимова О.С. Инновационные формы и методы обучения младших школьников // Мультиурок. – Начальные классы. – URL: <https://multiurok.ru/files/innovatsionnye-formy-i-metody-obucheniia-mladshikh.html> (дата обращения: 11.02.2024).
5. Никищенко Л.П. Проектная деятельность младших школьников // Мультиурок. – URL: <https://multiurok.ru/files/proiektnaia-deiatel-nost-mladshikh-shkol-nikov-3.html> (дата обращения: 14.02.2024).

THEORETICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE LEARNING

Annotation. This article deals with the psychological and pedagogical features of the development of creative abilities of primary school children using innovative teaching methods. Definitions of such concepts as «creativity» and «creative abilities» are given; the features of primary school age are described, and an innovative teaching method, which is relevant at the moment in primary school – the project method, is considered.

Keywords: creative abilities, primary school students, innovation, project method, development.

Slinko A.A.

Scientific adviser: Revutskaya I.V. Candidate of Psychological Sciences, docent
Donetsk State University

E-mail: anymaslim09@gmail.com

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ И ПЕРВЫЕ КОМЕДИЙНЫЕ ОПЫТЫ А.П. СУМАРОКОВА

Сологубов И.Ю.

*Научный руководитель: Сенчина Л. Т., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние итальянской комедии на первые комедийные опыты А.П. Сумарокова. Выявляются черты комедии дель арте в первых пьесах драматурга. Обоснована необходимость определить национальную самобытность комедийного жанра в творчестве А.П. Сумарокова.

Ключевые слова: комедия, жанр, дель арте, сатира, интермедия.

Комедия в греческом языке «κωμῳδία», многие исследователи переводят первую часть слова, как «веселое шествие» или же «праздник в честь Диониса», в древнегреческой мифологии бог виноделия и плодоношения земли. Вторую часть данной категории принято трактовать как «песня». В конечном счете, получается «веселая песня». Древние греки знали толк в искусстве и как нельзя кстати заложили в основу данной категории ориентиры для дальнейшего развития комедии как жанра.

Аристотель в своем трактате «Поэтика» говорил о комедии и трагедии как о жанрах литературы и искусства. Аристотель понимал комедию как «подражание низким людям» [1]. Низость проявляется в категории «γελοῖον», в смехе. Таким образом, смешное является «какία» – безобразным и, в свою очередь, не провоцирует за собой страдание. Комедия, как и трагедия является жанром драмы. Действие комедии противоположно трагедии: композицией, вектором изображения мироустройства, а также лицами и стилем. Композиционно комедия движется с помощью смеха к положительному завершению действия. Вектор изображения мироустройства снижен и сатиричен. Лица комедии чаще всего имеют какое-либо отклонение от нормы характера, например, это может выражаться в гипертрофированности пороков или пристрастий героя. Комедии обычно писались «низким» стилем, что выражалось просторечной лексикой, наличием каламбуров, ироничной «игрой» слов и тому подобное.

Комедийный жанр развивается благодаря античным опытам в этом типе произведения, которое распространилось по всему миру. В связи с этим в последующие эпохи начали активно появляться народные театры, которые распространялись по западным странам, а в восемнадцатом веке дошли и до Российской империи. Первым писать комедии в России начал Александр Петрович Сумароков. На комедийное творчество драматурга имели влияния и античные комедии, и западноевропейские. Сумароков сделал попытку в создании национального жанра комедии, заложив тем самым себе почву для появления своей лучшей комедии «Рогоносец по воображению» [2].

Влияния западной драматургии, например, французского и итальянского на А. Сумарокова нашли отражение в его комедийном творчестве, особое место в данном вопросе занимает итальянская народная комедия или «commedia dell'arte». Целесообразно подчеркнуть особую роль итальянской народной комедии в формировании жанра на русской почве. Появился данный жанр в середине шестнадцатого века в Италии. Естественно, что предтечей этого жанра были античные комедии. Комедия «dell'arte» или «комедия масок», распространила свое влияние на различные виды искусства западной культуры, например, литературу, цирк, оперу, живопись.

Принято считать, что термин «commedia dell'arte» впервые начал использовать драматург восемнадцатого века Карло Гольдони. Однако стоит сказать, что данное

определение применяли и раньше. «Arte» с итальянского «искусство» также трактовалось как ремесло или мастерство [3].

Как известно, комедия dell'arte имеет свои отличительные черты. Первый прием характерный для данного типа комедии, это отсутствие заранее подготовленного или написанного текста. Также комедии дель арте присуще диалогичная форма повествования, которая, в свою очередь, тоже строилась на импровизации. Одним из важных приемов являлись маски, которые были надеты на актерах, исполнявших определенную роль в пьесе. Маска выражала гиперболизированную черту характера действующего лица комедии. Высоко ценилось искусство исполнения актеров, что являло собой оригинальный тип сценического действия происходящего на сцене перед глазами зрителя. Лица, играющие в комедии дель арте обязаны были проявлять себя в разных видах искусства, например, актер должен уметь петь, танцевать, исполнять цирковые этюды и по максимуму использовать свою мимику. Эти основополагающие приемы комедии дель арте навеяны эпохой античности. Древние греки и римляне использовали подобные черты в своих представлениях массового характера, они пользовались большой популярностью у низших слоев общества.

Таким образом, для актеров комедии дель арте основными моментами игры считались умение пользоваться вокалом и танцами, хорошие ораторские способности, эмоциональная и физическая экспрессия. Это связано с использованием масок и полумасок, в связи с этим ценился и язык жестов [4].

Важную роль в итальянской комедии играл такой прием как буффонада. Она основана на карикатуре действий, гиперболизированности характера лица с синтезом шуток, создавался сатирический эффект, за которым скрывались серьезные жизненные вопросы. Например, Антонио Сакки – известный комик Италии, цитировал различных древних философов. Актер комедии дель арте должен был отдать дань вековой традиции, которая отражалась в определенной маске, а также быть осведомленным в жизни общества и его культурных вопросах. Гротескный синтез безжизненных масок, которые закрывали половину лица и не спрятанной его части, движения тела создавали впечатляющий эффект. После просмотра комедии зрители были настроены на философские рассуждения, достаточно привести пример противопоставления жизни и смерти, подводящие к выводу о том, что нужно уметь наслаждаться прекрасными моментами жизни, в то же время понимая неизбежность смерти.

Влияние комедии дель арте распространилось по всей Европе. Использовались сюжеты и знаменитые маски, переписывались сценарии с целью адаптации к определенной национальной культуре. В конечном счете, мы можем видеть схожие черты и приемы в первых русских национальных комедиях А.П. Сумарокова.

А.П. Сумароков является знаковой фигурой в русской литературе XVIII века. Он проявил себя не только в поэтической практике, но и в теоретической мысли своего времени. Следует обратить внимание на требования Сумарокова к «простоте» и «ясности» языка художественного произведения. В отличии от Тредьяковского и Ломоносова, он не настаивал на жесткой прикреплённости жанра и стиля.

Таким образом, деятельность Сумарокова оказала огромное влияние на процесс развития русской литературы XVIII века [5].

А.П. Сумароков написал двенадцать комедий, их можно условно разделить на три группы:

- В 1750-е годы написаны такие произведения как: «Пустая ссора», «Тресотиниус», «Чудовищи»;
- В период с 1764-х по 1768-х годов такие комедии как: «Опекун», «Приданое», «Три брата совместники», «Лихоимец», «Нарцисс», «Ядовитый»;
- В 1772 году комедии: «Мать совместница дочери», «Рогоносец по воображению», «Вздорщица».

Исследовательница Т.В. Мальцева справедливо относит первую группу пьес к жанровому варианту памфлетной или полемической комедии. Ко второй группе относятся комедии, в которых появляется интрига, «языковой комизм», индивидуализация речи лиц. В третьей группе как известно появляется бытовой план, усложняется характеристика персонажей, появляется психологизм. Достаточно вспомнить названия сумароковских комедий: «Тресотиниус», «Чудовищи», «Рогоносец по воображению» и другие. Стоит отметить, что объединяет все комедии – доминирование креативной интенции их заглавий. Практически каждое заглавие приобретает достаточно явный оценочный характер, а коллизия и проблема демонстрируются именно заглавием [6].

В ранних комедиях А.П. Сумарокова нет развитой фабулы, в них отсутствует полностью реализованный сюжет, то есть влюбленная пара, которая в завершении сочетается брачными узами. Данный аспект характерен и для комедии дель арте, так как ее сюжет – чистая импровизация в центре которой оказывается влюбленная молодая пара, которая всегда в тени других масок. С некоторой долей иронии воспринимается чувство их взаимной любви.

Целесообразно подчеркнуть, что у А.П. Сумарокова любовная тема в драматургии особо не оказывает влияния на ход действия, можно отметить, что и самого действия, как такового в ранних комедиях практически нет. Как правило на театральную сцену одна за одной выходят комические маски, а действующие лица – пороки, которые осмеиваются. Порок этот они демонстрируют в диалоге, а диалог не влияет на развитие события или действия. Диалог, как отмечалось выше, также является характерной чертой комедии дель арте. Когда же комические диалоги и пороки исчерпывают себя, комедия завершается.

Отметим, что сходное построение комедии достаточно близко к сатирическим сценкам и площадным интермедиям. Интересно, что в своих первых комедиях А.П. Сумароков использует большое количество действующих лиц: в комедии «Тресотиниус» присутствует десять персонажей, в комедии «Чудовищи» – одиннадцать [6].

В ранних комедиях автора нет единого действия, в них отсутствует и подлинный быт. Как и в интермедиях используется сценическая площадка, которая представляет собой условное место, в нем никто не живет, в нем только появляются действующие лица для манифестации недостатков, которые тоже изображены условно. В пьесах условно-гротескная манера исполнения, Сумароков любит фарсовый комизм, то есть смешные пикировки героев, драка на сцене и т.п. Физическое действие еще один аспект, сближающий ранние комедии Сумарокова с итальянской комедией масок.

В комедии «Чудовищи» между мужем Бармасом и женой его Гидимой встает вопрос: за кого же выдать дочь? Есть несколько кандидатов на сердце Инфимены, дочери супругов. Женитьба нужна, чтобы справиться с долгами, семья Бармасов обнищала.

Во время бурного спора Гидима отпускает пощечину мужу, а он, в свою очередь, грозит подать в суд.

Гидима (дает ему пощечину). Поди ж да бей челом.

Бармас. Я на тебя в Судном приказе подам челобитную, а ходить за меня есть кому.

Гидима. Бей челом, а свидетелей нет [7].

Отец семейства хочет обратиться за помощью к ябеднику Хабзею, которого и рассматривает как выгодную партию своей дочери Инфимене. Хабзей гиперболизирован на пристрастии ко всему русскому. Гидиме больше импонирует Дюлиж, который всячески сторонится всего русского. Действие перерастает в схватку, где каждое лицо трансформируется в чудовище. Каждый из персонажей утрирует свою особенность до максимума и в какой-то момент действующие лица становятся в равной степени противны. Никто не хочет мирного решения и каждый придерживается своего мировоззрения.

Учитывая отношения общества того времени, есть суждение, что данной комедией Сумароков уничтожил авторитет своего оппонента В. К. Третьяковского. Далее происходит суд из-за пощечины, которую дала Гидима своему мужу. Судьи Додон и Финист представлены как нелепые глупцы, которые некомпетентны в своих полномочиях. Один утверждает, что он еще слишком молод, другой говорит, что без протоколиста ничего сделать не может.

Додон. Как вы, господин Финист, думаете, а мне кажется, что его от дела отрешить не надлежит.

Финист. Мне бы казалось, что ему при деле быть не надлежало. Да полно, ежели мы его отрешим, так нам оного дела вершить будет нельзя.

Додон. А для чего ж бы нельзя.

Финист. Я не знаю, сильны ли вы в делах приказных, а я все служил в солдатстве и в приказах посажон недавно. Так я в делах-то не очень еще силен, разве вы в них знающы?

Додон. Я век свой изжил в приказах, только без эдакого человека, каков наш протоколист, я ничего не сделаю. Это не судейская должность, чтобы знать права. Наше дело -- оговаривать и вершить дела. Знать права то дело секретарское, а господин Хабзей у нас и протоколист и с приписью подьячий, которой ту ж должность правит, что и секретарь.

Финист. Так я подаю мнение, чтоб господина Хабзея ни от дела, ни от свидетельства не отрешать.

Додон. Я в этом с вами согласен [7].

В конечном счете дочь говорит родителям, что все в руках у Валера, ее любовника, которого она действительно любит. Валер просит руки Инфимены у семейства и говорит, что оставит им их имение. Гидима и Барбас соглашаются.

В действующих лицах Сумароков изобразил то, что происходило в России того времени. Зритель делился на тех, кто склонялся к французам, другие к немцам. Некоторая часть отдавала предпочтение судебным разбирательствам. В то время происходила борьба за переосмысление наследия предков, что и нашло отражение в русской культуре данной эпохи. Также менялись литературные формы, старались мыслить по-новому, искали новые подходы к творчеству в целом. Нормы языка использовались каждым автором по-своему. Это противоречивое время нашло свое отражение в сумароковских комедиях. Драматург как раз и подверг это сатирическому осмеянию, в свою очередь, не отдавая предпочтения определенной позиции [7].

В комедии «Чудовищи» Сумароков не показал ни единого положительного лица, каждый из действующих лиц был чем-то омерзителен. Таким образом, на первый план выходит смех, т.к. зрителям ничего больше не оставалось. Эффект должен быть философским, то есть натолкнуть людей на размышления по поводу истинности и искренности решений того же суда.

В комедии под названием «Пустая ссора» также в центре семейный конфликт, связанный с выбором партии для дочери. Первоначальное название данной пьесы «Ссора мужа с женой». В итоге прийти к общему выводу по поводу выбора жениха, как, например, в комедии «Чудовищи», так и не удастся. Вместо компромисса на сцене происходит переполох, связано это с отсутствием лица, которое могло бы направить движение действия в нужную сторону, решения конфликта.

Для А.П. Сумарокова важным являлась проблема русского языка и его использование в пьесах. Драматург искренне хотел избавиться от перенасыщения иностранными заимствованиями, поэтому и в «Чудовищах», и в «Пустой ссоре» мы наблюдаем сатирический подход к изображению иноязычных слов. Сумароков в комедиях показывает противостояние русского и французского языка.

Дюлиж. Ты это, чтоб тебе жениться на Деламиде, еще не выложил из головы?

Фатюй. Будто это в моей воле, вить суженой и конем не объедешь.

Дюлиж. Что это такое: суженую конем не объедешь?

Фатюй. Ты разве этого не знаешь? Вить ты русский.

Дюлиж. Ты русский, а не я; ежели ты мне едак вперед скажешь, так я тебе конец моей шпаги покажу. Я русский человек!

Фатюй. Какой же ты, братец?

Дюлиж. Я это знаю, какой; я тебе не братец, ты это позабыл, что по-французски ни одного не знаешь слова.

Фатюй. Кабы я учился, так бы и я знал.

Дюлиж. И ты бы знал, думаешь ты? Нет, друг мой, для французского языка не едакая голова надобна и не едаким волосам быть должно.

Фатюй. Были бы волосы, а подвивать их не мудрено [8].

В «Пустой ссоре» показан избыток франконизмов, которые переделываются на русский лад. Исходя из этого, теряется первичный смысл слов, не сразу понятно, что хотели донести лица комедии той или иной фразой. А.П. Сумароков пытался реформировать русский язык, вот и спор с Третьяковским по этому вопросу оставался открытым.

Главенствующей точкой зрения в данной комедии является мнение Салмины – матери, она хочет, чтобы муж у Деламиды был более бойким. Она проецирует свои отношения с Оронтом на будущее дочери и не желает повторения истории, так как думает, что вышла замуж за дурака. Оронт поэтому думает, раз жена позволяет выражать такие суждения в слух при посторонних, то значит она сама глупа. Салмина жена Оронта, также говорит, что родила ее не от него. У зрителей должно сложиться мнение, что никто не захочет взять в жены Деламиду, в связи с тем, какие секреты открывает Салмина в ходе развития действия [8].

Женихи изображены со определенными особенностями характера. Первый прототип – это отец суженой, который старается угождать каждому. Второй хвостун и пытается всячески себя выдвинуть на первый план, показывая слабохарактерность и необразованность первого. В комедии нет лица, который был бы достойным женихом. Родителям остается только искать нового, но это невозможно из-за перегруженности эмоционального фона лиц.

Таким образом, решения «ссоры» нет. А.П. Сумароков оставил комедию без логического завершения, это в очередной раз подкрепляет название комедии «Пустая ссора», так как действие не приводит к логическому разрешению конфликта.

Влияние комедии дель арте ярко отражается в первом периоде комедийного творчества А.П. Сумарокова. На это указывают структуры пьес, также их тематика и действующие лица, которые в большинстве своем и подобны маскам комедии дель арте. Комедиограф применял приемы итальянской комедии масок в рамках русской действительности [9].

Подводя итог наших рассуждений, подчеркнем, что А.П. Сумароков, как правило, отходил от приемов комедии дель арте в своих последующих пьесах, драматург усиливал роль человеческих чувств и переживаний своих персонажей. Лица поздних комедий становятся более эмоционально наполненными и сложными, психологически точными. Комедийное творчество А.П. Сумарокова – это вклад в историю русской драматургии и мощный фундамент для освоения и развития жанра комедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 2017. - 184 с.
2. Сумароков А.П. Драматические сочинения / А. П. Сумароков; [составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ю. В. Стенник]. - Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1990. - 479

- с.
3. Феррацци М.; пер. с итал. А. О. Демина. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны 1731–1738, Москва, 2008. С. 280-293
 4. Миклашевский К.М. Итальянская комедия (Commedia dell' arte) // Очерки по истории европейского театра. Петербург, Academia, 1923. С. 125 - 141.
 5. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. - М., 2003. - С. 135-136.
 6. Мальцева Т.В. Литературная полемика и жанр комедии в русской литературе XVIII - начала XIX века: автореферат дис.....доктора филологических наук: 10.01.01 / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого.
 7. Сумароков А.П. Чудовищи. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786.
 8. Сумароков А.П. Пустая ссора. Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786.
 9. Симонова-Партан О.Е.: Странствующие маски. Итальянская комедия дель арте в русской культуре, Москва, 2021.

ITALIAN COMMEDIA DELL'ARTE AND THE FIRST COMEDIC EXPERIENCES OF A.P. SUMAROKOV

Annotation. This article examines the influence of Italian comedy on the first comedic experiences of A.P. Sumarokov. The features of commedia dell'arte in the first plays of the playwright are revealed. The necessity to determine the national identity of the comedy genre in the works of A.P. Sumarokov is substantiated.

Keywords: comedy, genre, del arte, satire, interlude.

Sologubov I.Y.

Scientific supervisor: L. T. Senchina, Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: ilia.sologubov@yandex.ru

«ЦИФРОВЫЕ ШРАМЫ»: ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПОДРОСТКОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ АТАКЕ КИБЕРБУЛЛИНГА

Степанова Е.Д.

*Научный руководитель: Гордеева А.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются личностные особенности подростков, подвергшихся атаке кибербуллинга. Обозначены проблемы, с которыми сталкиваются подростки «жертвы», «свидетели» и «агрессоры» кибертравли.

Ключевые слова: кибербуллинг, интернет, низкая самооценка, личность подростка, «жертва», «агрессор», «свидетель».

Технологическое развитие общества, возрастающее значение использования информационных технологий в жизни человека, проблема интернет-социализации современной личности являются приоритетными вопросами современной реальности.

Считается, что начало эры интернета приходится на 70-е годы прошлого века, в 90-е годы персональные компьютеры начали появляться у все большего числа людей, и наряду с появлением широкого пространства для творчества, самовыражения и изобретения социальных сетей, это привело к возникновению нового феномена: перенесению травли в интернет - пространство – кибербуллингу.

Интернет – гипервлиятельная среда, которая оказывает сложное и многостороннее воздействие на личность: в коммерческих, идеологических, политических, а порой, откровенно злонамеренных, антигуманных целях. Наряду с новыми возможностями феномены киберкоммуникации могут представлять реальную угрозу психологическому и физическому благополучию личности и общества в целом. Следует подчеркнуть, что данное утверждение не относится к алармизму: это не панические настроения, а реальная оценка существующих угроз.

Начало эры интернета приходится на 70-е годы прошлого века, в 90-е годы персональные компьютеры начали появляться у все большего числа людей, и наряду с появлением широкого пространства для творчества, самовыражения и изобретения социальных сетей, это привело к возникновению нового феномена: перенесению травли в интернет-пространство – кибербуллингу: совокупности умышленных действий с использованием электронных форм контакта с целью нанесения вреда и причинения дискомфорта жертве [1, с. 181].

В настоящее время проблема кибербуллинга является одной из наиболее актуальных во всем мире (по информации ВОЗ, с наибольшим распространением кибербуллинга среди подростков, Россия находится в лидирующих местах), ведь с каждым днём потеря некой «человеческой телесности» в интернет-пространстве превращает взаимодействие людей во взаимодействие образов, псевдонимов, аватаров.

Кибербуллинг может иметь столь же серьезные последствия для развития личности, что и традиционный буллинг. Исследователи описывают негативные последствия онлайн-травли в виде повышенной тревоги, аффективного расстройства, панических атак, суицидальных мыслей, изменений самооценки и мировосприятия в целом; появления скрытости, нежелание идти на контакт со значимыми взрослыми, друзьями; потери коммуникативных навыков, признаки девиантного поведение [5].

Хотя в последние годы было проведено достаточно исследований феномена киберзапугивания (исследования И.С. Лучинкиной, А.И Лучинкиной, А.С. Зинцовой, М.С. Bergmann, Baier D, Goldstein S.E. и др.), многие вопросы, касающиеся личностных

качеств подростков, вовлеченных в ситуации издевательств в Интернете, не имеют четкого ответа, сохраняя, во многом субъективные авторские представления.

Помимо всего этого, люди, оправдывающие кибербуллинг (виктимблейминг), часто убеждены в том, что данный феномен не представляет никакой большой угрозы. Так, результаты недавнего совместного исследования «Лаборатории Касперского» и независимого агентства B2B International, проведенного в 2015 году показывают, что лишь половина родителей (48%) волнуется, что их дети могут стать жертвой кибербуллинга, ссылаясь на то, что это происходит в виртуальной реальности и не представляет собой повода для беспокойства. Однако эти утверждения не выдерживают критики, ведь даже если сообщение пишется и получается в онлайн – формате, урон наносится реальному живому человеку.

У кибербуллинга есть некоторые особенности, которые делают его последствия очень серьезными: он может воздействовать на жертву семь дней в неделю, 24 часа в сутки, не оставляя пространства и времени, в котором человек мог бы чувствовать себя защищенным. Исходя из этого, целью исследования стало изучение личностных особенностей подростков, включенных в процесс кибербуллинга.

Гипотезы исследования: Подростки «агрессоры» и «жертвы» кибербуллинга имеют низкую самооценку и отличаются агрессивным поведением. Существуют особенности ценностных ориентаций у подростков с различным опытом в ситуациях кибербуллинга.

Данное эмпирическое исследование проводилось на базе одной из школ г. Донецка в феврале 2023 года среди учеников 7-9 классов, возрастом 12-15 лет. В исследовании приняли участие 48 человек – 22 юноши и 26 девушек.

Являясь включённым в процесс кибербуллинга, подросток может выступать: "агрессором" – тем, кто намеренно отправляет сообщения, чтобы угрожать, запугивать, причинять боль или унижать другого человека; "жертвой" – тем, кто подвергается нападкам, унижениям, оскорблениям или угрозам в интернете; "свидетелем" – наблюдателем за издевательствами, угрозами в адрес других людей в Сети [4].

По результатам анкеты включенности в кибербуллинг были выделены три группы: «агрессоры» (42%), «жертвы» (32%) и «свидетели» (26%). Отметим, что большинство «агрессоров» – юноши, «жертв» – девушки. Помимо этого, на момент исследования, практически все «жертвы» отметили, что подвергались нападкам в интернете из-за своей национальности, происхождения, что является следствием современных межнациональных конфликтов.

Самым часто используемым каналом для распространения агрессии в интернете является социальная сеть Telegram, на что указали 67% респондентов. Второе место по частоте использования заняли Вконтакте (26%) и TikTok (11%). Реже в качестве канала травли используется Instagram (запрещенная социальная сеть на территории Российской Федерации), чаты массовых многопользовательских онлайн-игр, таких как Dota 2, Fortnite, PUBG и т.д. Наименее распространенный канал – YouTube.

Для «свидетелей» кибербуллинг оказался не менее травматичным. «Травма свидетеля» достаточно сильная, именно она побуждает человека прибегнуть к равнодушию, как к защитной реакции. Фрэнк Герберт, американский писатель-фантаст, писал: «Наша цивилизация вполне может умереть от безразличия, прежде чем падет жертвой внешнего нападения», – и это, в какой-то степени, характеризует поведение «свидетеля», ведь в отличии от «агрессора», он бездействует, что часто приводит к более серьезным последствиям [2, с. 332].

Особенности самооценки респондентов изучались с помощью методики диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан (рис.1).

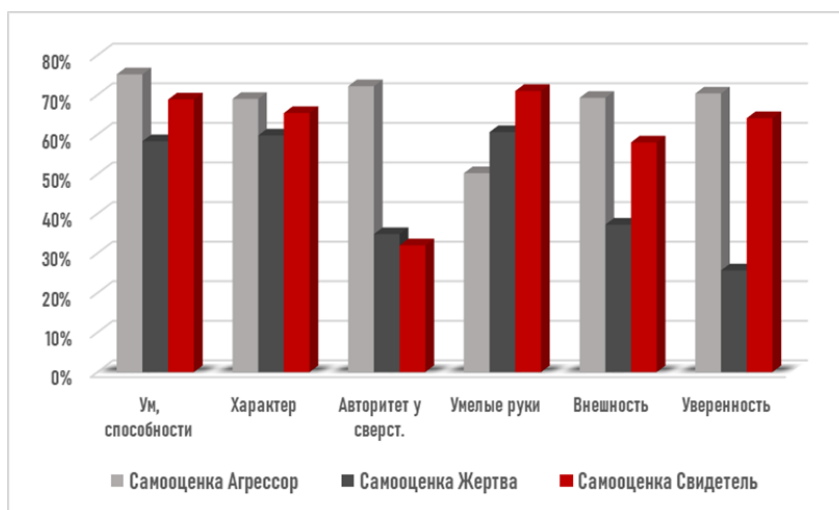

Рис. 1. Среднегрупповые значения самооценки участников процесса кибербуллинга

Подростки, наблюдающие за травлей в сети, характеризуются более низкой оценкой своего авторитета. «Жертва» существенно отличается от «агрессора» и «свидетеля» по таким шкалам, как «Уверенность», «Внешность» и «Авторитет у сверстников», что подтверждает многочисленные исследования доказывающие, что «жертвы» характеризуются низкой самооценкой [3].

Диагностика склонности к враждебному и агрессивному поведению измерялась с помощью шкалы враждебности Кука-Медлей (рис.2).

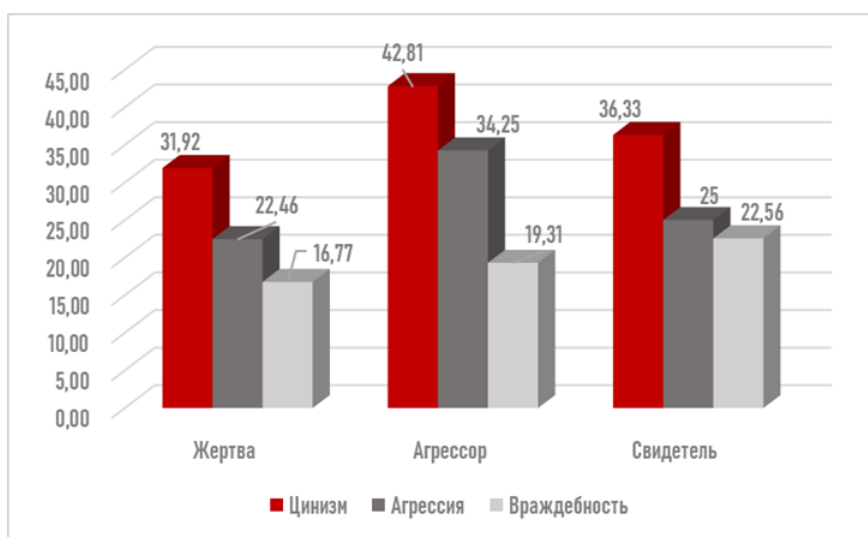

Рис. 2. Среднегрупповые результаты по шкале враждебности Кука-Медлей

Обнаружено, что для подростков, совершающих кибербуллинг, характерна тенденция к высоким показателям агрессии и цинизма. По шкале враждебности «агрессор» и «жертва» не имеют значимых различий и характеризуются средними показателями с тенденцией к низкому, «свидетель» же обладает средним показателем с тенденцией к высокому, что говорит о недоброжелательном отношении, готовности или желании причинить зло другим.

Ценностные ориентации респондентов изучались с помощью опросника Ш. Шварца (табл. 1)

Результаты опросника Ш. Шварца

Ценностные ориентации			
	Жертва	Агрессор	Свидетель
Комфортность	4,77	4,96	4,98
Традиции	3,36	3,04	3,09
Власть	3,78	5,85	5,26
Доброта	5,08	3,62	4,23
Гедонизм	4,45	5,79	5,49
Безопасность	6,05	4,47	5,39
Стимуляция	5,13	3,70	3,31
Самостоятельность	5,13	4,76	5,43
Универсализм	3,99	3,81	3,72
Достижения	4,16	2,86	3,73

Подростки, указавшие, что страдали от травли в интернете, в меньшей степени нацелены на достижение социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и материальными средствами. Они ставят в приоритет сохранение и повышение благополучия близких людей и в большей степени нацелены на автономию в мыслях, мнении, поведении. У них более выражен исследовательский интерес, что может проявляться в более активном познании и сферы онлайн-коммуникации. Такая активность определяет более высокий риск столкнуться с кибербуллингом.

«Жертвы», как и «свидетели», в большей степени, чем «агрессоры» нацелены на достижение личного успеха в соответствии с поставленными социальными стандартами. По иерархии ценностных ориентаций «жертвы» больше «свидетелей» и «агрессоров» ценят безопасность, гармонию, стабильность общества, взаимоотношений, безопасности для личности, в целом.

Можно отметить, что выдвинутые гипотезы были подтверждены частично. Выявлено, что более 32% респондентов подвергались кибербуллингу, более 26% были свидетелями травли в адрес других и около 42% инициировали кибербуллинг. Статистически на момент исследования практически все «жертвы» подвергались нападкам из-за своей национальности. Оказалось, что по большинству оцениваемых качеств «Я» подростки «агрессоры» и «свидетели» кибертравли не отличаются. Были обнаружены значимые различия по шкале «Авторитет у сверстников»: подростки, наблюдающие за травлей в сети, характеризуются более низкой оценкой своего авторитета. «Жертва» существенно отличается от «агрессора» и «свидетеля» по таким шкалам, как «Уверенность», «Внешность» и «Авторитет у сверстников». Обнаружено, что для подростков, совершающих кибербуллинг, в сравнении с «жертвами» и «свидетелями» характерна тенденция к высоким показателям агрессии и цинизма. У «свидетелей» же высокий уровень развития враждебности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочавер, А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177-191.
2. Герберт, Фрэнк. Дети Дюны / Фрэнк Герберт ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 640 с.
3. Мардахаев, Л.В. Кибербуллинг и его влияние на социализацию младшего подростка / Л. Мардахаев, М. Гречкина // Электронный научно-публицистический журнал "Homo Cyberus". - 2019. - №1(6).

4. Slonje R., Smith P.K., Frisé A. The nature of cyberbullying, and strategies for prevention// Computers in Human Behavior. 2013. 29. P.26–32.
5. Tural Hesapcioglu S., Ercan F. Traditional and cyberbullying co- occurrence and its relationship to psychiatric symptoms //Pediatrics International. 2017. Т. 59. №. 1. P. 16-22.

"DIGITAL SCARS": PERSONALITY TRAITS OF TEENAGERS WHO WERE ATTACKED BY CYBERBULLYING

Annotation. This article examines the personal characteristics of teenagers who have been attacked by cyberbullying. The problems faced by teenage "victims", "witnesses" and "aggressors" of cyber bullying are outlined.

Keywords: cyberbullying, Internet, low self-esteem, adolescent personality, "victim", "aggressor", "witness".

Stepanova E.D.

Scientific supervisor: A.V. Gordeeva Ph.D., associate professor.

Donetsk State University

E-mail: katych4ka2004@gmail.com

УДК 82-14

«ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А.А. БЛОКА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Суглоба Д.И.

*Научный руководитель: Першина К.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе проведен анализ характерных особенностей рецепций лермонтовских мотивов в образе Прекрасной Дамы А.А. Блока. Исследование с помощью метода компаративного анализа освещает философские и стилистические черты, присутствующие в представлении женского идеала у обоих поэтов, выясняя уникальные нюансы в творчестве Блока, вдохновленные лирическим наследием Лермонтова. Работа представляет новый взгляд на формирование образа идеальной женщины в символистской поэзии, обогащая понимание эволюции этой темы в русской литературе.

Ключевые слова: романтизм, символизм, женский идеал, лермонтовская традиция.

Согласно утверждению В. М. Жирмунского, истоки символизма уходят в эпоху романтизма, особенно в произведения лирики Жуковского [1]. Эти два литературных течения связаны не только общими социально-экономическими условиями, в которых они возникли, но и схожими темами, образами, стилистическими и композиционными приемами. Символизм роднит с романтизмом схожее мироощущение, ощущение подлинной действительности как ирреальной, мистической, небесной, скрытой. Это является причиной и основанием интертекстуальных пересечений между символистами и романтиками, чья поэтика читается часто перекрестно.

Андрей Белый в их ранней переписке с Александром Блоком четко о нем подметил: «Вы точно рукоположены Лермонтовым, Фетом, Соловьевым, продолжаете их путь, освещаете, вскрываете их мысли» [2]. Творчество М.Ю. Лермонтова, занимающего выдающееся положение среди представителей русского романтизма, представляло собой синтез глубоких лирических переживаний, ярких образов и философских размышлений и стало одним из главных источников переосмысления для символистов, сотворения на созданной им культурной подоплеке чего-то нового. Ярчайшим образом М. Ю. Лермонтов — как его личность, так и творчество — отразился именно в творчестве А.А. Блока.

В самом начале творческой деятельности поэзии Блока был присущ неосознанный поиск основ своего мироощущения и способов воплощения оных в стихотворчестве. Таким образом, в произведения поэта вплетались сходные с В. А. Жуковским, А. А. Фетом, В. С. Соловьевым мотивы и настроения. Однако утверждение Андрея Белого о «рукоположенности Лермонтовым» Блока все же имело твердое основание, и вскоре юный поэт переоткрывает для себя творчество М. Ю. Лермонтова. К. И. Чуковский о душевном родстве поэтов писал так: «Он был Лермонтов нашей эпохи. У него была та же тяжелая тяжба с миром, богом, собою, тот же роковой, демонический тон, та же тяжесть неумеющей приспособиться к миру души, давящей как бремя» [3]. Обостренная чувствительность, дух романтического максимализма, демонизм, дистанция по отношению к миру и человеку — все это отмечалось Блоком в Лермонтове как невероятно родное, и позже, так или иначе, различалось в его стихотворениях любого времени написания.

Этот интерес простирается не только на поэтический контекст, но и на философские аспекты жизни. Увлечение первой любовью как средством духовного трансформирования и молитвенного поклонения возлюбленной было отмечено в ранних произведениях молодого Лермонтова еще задолго до того, как Блок написал свои «Стихи

о Прекрасной Даме»: «Моя душа твой вечный храм; // Как божество, твой образ там, // Не от небес, лишь от него // Я жду спасенья своего».

Разумеется, символизм и романтизм, не смотря на их родство, представляют собой различные дискурсивные системы. Рассматривая тему женского идеала, мы видим пересечения блоковских образов и мотивов Вечной Женственности с образным рядом в рамках этой темы в поэзии Лермонтова, но видим и тот путь, которым Блок уходит от влияния одного из самых любимых и значимых в его творчестве поэтов в изображении женственности в ее небесной ипостаси. И путь этот нуждается в более детальном рассмотрении.

Для Блока чувственный мир не являлся самостоятельной реальностью. Он полагал, что чувственный мир представляет собой лишь несовершенное отражение высшего, сверхчувственного мира. Таким образом, на одной плоскости у поэта соединилось мистическое с реальным. В лирике потусторонний мир без какой-либо сюжетной или физической обоснованности хаотично проникает в реальность неожиданным образом, как, например, в стихотворении «Незнакомка». В завязке мы наблюдаем мрачную, угнетающую картину ресторана, наполненного пьяными криками и визгами, и даже пейзаж отражает духоту и скуку: «А в небе, ко всему приученный, // Бессмысленно кривится диск». Блок описывает мир, наполненный повседневностью и вульгарностью. Но вдруг мистическое касание меняет реальность: «дыша духами и туманами» в ресторане появляется Незнакомка. Лирического героя захватывает иной мир: «И странной близостью закованный, // Смотрю за темную вуаль, // И вижу берег очарованный // И очарованную даль». Мистический мир играет с настоящим, то резко захватывая его, то оставляя его бесследно.

Помимо этого, при изображении потустороннего у Блока в арсенале мы находим синкретические эпитеты, катахрезу: «глухая ночь», «серая тоска», «темный морок цыганских песен». В предложениях отсутствует подлежащее, либо оно намерено скрыто под местоимениями «кто-то», «что-то»: «Кто-то с богом шепчется // У святой иконы». Блок пишет об этом так: «в тех мирах нет причин и следствий, времени и пространства, плотского и бесплотного» [4].

Мир у Лермонтова также делится на земную и небесную плоскости, и способом попасть из первой во вторую будет ничто иное как умереть. Потустороннее у Лермонтова имеет земные очертания. Мистические видения заключены в плоть и кровь, они антропоморфизованы.

В свою очередь, «Прекрасная Дама» Блока образ невыразимый и неопределимый в вещественных формах. Она не то, чтобы девушка из потустороннего мира, она в принципе не имеет конкретного человеческого облика - лишь намеки, детали, некий едва ощутимый шлейф присутствия.

Ю.В. Манн, обращаясь к теме любви у романтиков, пишет так: «романтическое переживание любви <...> заключалось в крайнем повышении ее идеального значения <...> любимая женщина возвеличивается - она обожествляется, так как представляет в глазах поэта высшие субстанциональные силы бытия» [5]. Лермонтовская идеальная женщина «реальная» и «идеализированная» одновременно. При этом стоит заметить, что у Лермонтова происходит идеализация именно реальной женщины, через художественные детали, возвышающие ее, а в образе Прекрасной Дамы Блока земная составляющая почти утрачивается, теряет свою пластику и выражение. В лирике Лермонтова при создании образа идеальной женщины находим: противопоставление прошлого и настоящего, реального и мечтаемого, резкое противоречие между образом идеальной девушки-ангела и ее реальным воплощением. Такая женщина носит две ипостаси: вечной, идеальной женственности и изменяющейся, реальной: «В твои глаза вникая долгим взором: // Таинственным я занят разговором, // Но не с тобой я сердцем

говору. // Я говорю с подругой юных дней, // В твоих чертах ищу черты другие, // В устах живых уста давно немые, // В глазах огонь угаснувших очей». От этого в лирике мы сталкиваемся с героем, находящимся в постоянной фрустрации от двойственности возлюбленной: «Иль женщин уважать возможно, когда мне ангел изменил?..». Возникает некий образ "femme fatale": ни в каком из случаев герой не способен установить взаимоотношения с ней. Варианты развития событий представляются как крайне негативные: либо герой умирает, не сумев достичь близости с фатальной женщиной, либо они оба погибают, когда близость достигнута, либо их любовь изначально обречена на гибель.

У Блока эти же черты воплощаются в Прекрасной Даме, однако у него она еще больше отрывается от земли. В контексте символизма идеальная женщина никогда не воспринимается как реальная личность: она всегда является объектом фантазии или мистического видения, становится частью культа. Блок всегда только лишь «предчувствует» женский образ: «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо — // Всё в облике одном предчувствую Тебя» — и боится, что при встрече божественность образа разобьется о реальность: «Весь горизонт в огне, и близко появленье, // Но страшно мне: изменишь облик Ты, // И дерзкое возбудить подозренье, // Сменив в конце привычные черты». Таким образом, в отличие от Лермонтова, фрустрации от столкновения земного и небесного у Блока мы не наблюдаем (лишь тревоги об этом), так как данного столкновения и не происходит. Образ идеальной женщины поэтом отдалается от героя, наделяется спиритуальной чистотой, эфемерностью. Прекрасную Даму возможно любить только на расстоянии, и чем больше оно, чем больше невозможна близость, тем сильнее наслаждение. Таким образом, образ Прекрасной Дамы олицетворяет как наслаждение, так и его утрату.

Смысловым ключом к образу Прекрасной Дамы и идеального женственного у Блока и Лермонтова является «тайна». У Лермонтова читаем: «То истиной душит в ней всё, // То все в ней притворно и ложно! // Понять невозможно ее, // Зато не любить невозможно». В этих строках мы видим символ вечной загадки, которая манит и обольщает, будучи одновременно и истиной, и иллюзией. Лермонтовская героиня заставляет героя и читателя задуматься о границах человеческого познания и о возможности постижения абсолютной красоты и совершенства. Особенность восприятия женщины как тайны подчёркивает глубину её образа, который не поддаётся логическому анализу и остаётся вечной загадкой для мужского восприятия.

Такой же изображается Блоком Прекрасная Дама: Она становится не только объектом восхищения, но и символом вечного стремления к совершенству, которое, по мнению поэта, лежит за пределами достижимого. Эта концепция возвышает образ Прекрасной Дамы до уровня абсолютной идеи, делая её проявлением высшей красоты и гармонии, которые человек способен лишь интуитивно ощущать, но никогда полностью не овладеть. Блок, таким образом, использует образ Прекрасной Дамы для исследования темы вечного поиска идеала, который невозможно достичь, но который продолжает влечь за собой человеческую душу. Эта недостижимая природа красоты и совершенства не только усиливает ощущение тайны, но и служит напоминанием о трансцендентности истинных ценностей, которые остаются за гранью человеческого опыта: «Вечереющий день, догорая // Отступает в ночные края // Посещает меня, возрастая // Неотступная Тайна моя».

Таким образом, концепция «тайны» в контексте образа Прекрасной Дамы и идеала женственности у Блока и Лермонтова выступает не просто как элемент украшения или поверхностная деталь. Это глубинная основа, определяющая взаимодействие между героем и объектом его восхищения. В стихотворениях Лермонтова невозможность полного понимания женской природы подчёркивается через противопоставление истинности и обманчивости, что в свою очередь создаёт образ загадочной и

недостижимой женщины. Этот образ становится своеобразным зеркалом, в котором отражаются как вечные человеческие стремления, так и ограниченность человеческого опыта. «Тайна» Прекрасной Дамы так же остаётся неразгаданной, но именно это и делает её бесконечно притягательной для поэта, пытающегося через своё искусство прикоснуться к вечному.

Таким образом, мы можем заключить, что, при очевидном лермонтовском генезисе мистической интерпретации женского начала в мире Блока, Блок все же наметил свой особый путь. Он воспринимал Лермонтова, прежде всего, как родственную душу, предшественника, погруженного в ту самую "тревогу", которая пронизывала современный ему мир. Духовное беспокойство Лермонтова глубоко резонировало с Блоком, служа общей основой, которая привлекла его к русскому романтизму 1830-х годов и определенно сыграла свою роль в формировании образа идеальной женщины.

В истории изучения символизма большое количество трудов посвящено соотношению софиологии В.С. Соловьева и его учения о вечной женственности с образным миром ранней поэзии А.А. Блока. Следовательно, образ Прекрасной Дамы рождается в искусном и продуктивном в своей смысловой глубине синтезе философии Серебряного века и романтического довоемирия, самым ярким выражением которого в русской словесной культуре можно считать поэтический мир Лермонтова и его представления о женском идеале. Последний у Лермонтова отмечен двоемирием, совмещает в себе силовое поле мира горнего и мира дольного, что рождает в свою очередь подлинно романтический конфликт отношения лирического героя к женщине и женскому. В поэтическом мире Блока этот конфликт снимается, но в прочтении образа Прекрасной Дамы, на наш взгляд, романтический пласт смыслов, имеющий корни в лермонтовской поэтике, расширяет интерпретативное поле и дает объемное звучание символистской поэтике и философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В. Жирмунский. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. П. 1922, С. 91.
2. Белый Андрей и Блок А. Переписка. 1903 — 1919. М., 2001, С. 22.
3. Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский К.И. Соч.: В 2 т. Т.2. Критические рассказы. М., 1990. С.494.
4. А. Блок. «О современном состоянии русского реализма». Март — апрель 1910.
5. Манн Ю.В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001. С. 447.

"ETERNAL FEMININITY" IN THE POETIC WORLD OF A.A. BLOK AND M.Y. LERMONTOV

Annotation. In this paper, the analysis of the characteristic features of the receptions of Lermontov motifs in the image of the Beautiful Lady A.A. Blok is carried out. The study, using the method of comparative analysis, highlights the philosophical and stylistic features present in the representation of the feminine ideal in both poets, clarifying the unique nuances in Blok's work, inspired by Lermontov's lyrical legacy. The work presents a new perspective on the formation of the image of the ideal woman in symbolist poetry, enriching the understanding of the evolution of this topic in Russian literature.

Keywords: romanticism, symbolism, feminine ideal, Lermontov tradition.

Sugloba D.I.

Scientific adviser: Pershina K.V. Ph.D., Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: dariasugloba@mail.ru

ПРОБЛЕМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ткачук А.В.

*Научный руководитель: Ковальчишина С.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе девиантное поведение рассматривается как одна из актуальных проблем современного общества. В статье проанализированы взгляды отечественных и зарубежных ученых и определены основные направления поиска причины развития девиантного поведения среди подростков: нарушения в функционировании социальных институтов, социально-психологические аспекты нарушения внутрисемейной системы подростка или особенности подросткового периода развития личности подростка.

Ключевые слова: девиантное поведение, отклоняющееся поведение, делинквентное поведение, антисоциальное поведение, подростки.

Существенные преобразования современного общества затронули все сферы жизнедеятельности человека, которые повлекли за собой широкое распространение девиантного поведения. С каждым годом наблюдается рост отклонений поведения у подростков, усугубляется их характер, а также увеличивается преступность. Ученые по-разному трактуют термин «девиантное поведение», однако они очень близки по своему содержанию и смыслу. Параллельно определению «девиантное поведение» используют термины «отклоняющееся поведение», «делинквентное поведение», «антисоциальное поведение», «асоциальное поведение».

Девиантное поведение характеризуется как совокупность действий и поступков, которые нарушают общепринятые психологические, социальные и моральные нормы, а также правила и устои общества. Такое поведение наносит физический, психологический, социальный и моральный вред как самому подростку, так и обществу в целом. Также, девиантное поведение можно охарактеризовать, как систематизированные поступки, которые не соответствуют правилам и нормам данного общества, проявляющиеся дестабилизацией психических процессов, нарушением процесса развития личности, а также нежеланием контролировать и направлять свое поведение в соответствии с нравственно-эстетической культурой общества.

Рассмотрим трактование определения «девиантное поведение» у таких авторов, как В. Д. Менделевича и Е. В. Змановской, которые достаточно точно смогли раскрыть значение этого термина. Так, В. Д. Менделевич считал, что девиантное поведение это – «система поступков или отдельные постулаты, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации и уклонении от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением» [1, с. 236]. Такое понятие близко к трактовке Е. В. Змановской, которая считает, что девиантное (отклоняющееся) поведение – это «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [2, с. 15].

Издавна ученые изучают проблему девиантного поведения и начиная с XIX века появляется новый подход к решению данной проблемы, суть которой заключается в выявлении причин и факторов отклоняющегося поведения. На основании их можно разработать различные программы по профилактике девиантного поведения, а также психолого-педагогические методы оптимизации семейной системы как фактор профилактики девиантного поведения у подростков.

Д. Ватсон и др. считают, что поведения человека не является врожденным, а каждое действия стимулируется из вне. Следовательно, можно «создать» человека на любой лад, навязывая правильность тех или иных действий. Этому мнению придерживались такие ученые, как Т. Гиббенс, Х. Джонс, В. Зауер, Л. Стейнер и др, говоря о «предрасположенности» индивида к криминальному поведению.

Р. Мертон предложил теорию «социальной аномалии», в которой прослеживается тесная взаимосвязь отклоняющегося поведения с социальными структурами. Он утверждает, что общество и его строение в целом оказывает огромное давление на определенных людей, толкая их на антисоциальные поступки. Следовательно, Р. Мертон создал типологию отклоняющегося поведения, которое позволяет приспособиться индивиду к тем или иным условиям: подчинение, инновация (обновление), ритуализм, ретризм (отклонение от жизни – бродяжничество, отщепенство, алкоголизм, наркомания), мятеж.

Следует отметить, что в разных странах существует теория ряда факторов, которая говорит о том, что девиантное поведение возникает при условии влияния на человека нескольких мотиваторов, побуждающих его к противоправным действиям. Таким образом, один фактор не является источником воздействия на индивида, который приводит к отклоняющемуся поведению.

Разновидностью девиантного поведения человека является делинквентное поведение, которое означает не соответствие или нарушение общепризнанных социальных норм данного общества (страны), влекущие за собой конституционно-правовую, дисциплинарную, административную, гражданско-правовую, материально-правовую и уголовно-правовую ответственность. Термин делинквентное поведение в переводе с латинского языка *delinquens* означает «проступок, провинность». Индивид, совершающий противоправные действия называется делинквентная личность либо делинквент, а сами действия-деликтами [2, с. 97].

Делинквентное поведение можно охарактеризовать как противоправное поведение, при котором нарушается общественный порядок, принятый в данном государстве. Следует отметить, что это поведение может ограничиться мелкими нарушениями норм правопорядка.

Термин «делинквент» широко распространен в зарубежных странах и обозначает несовершеннолетнего преступника. Лицо, которое не достигло возраста 18 лет, причиняющее вред человеку или группе лиц, а также нарушающий рамки дозволенного в данном социуме в настоящий момент времени, называется делинквентом. После наступления совершеннолетия делинквент становится антисоциальной личностью.

Определение делинквентность ввел ученый А. Коэн в 1950 г., который предложил теорию делинквентных субкультур. В ней говорится о том, что аномия является причиной поиска молодого поколения современных форм поведения, которые являются аморальными и не соответствуют нормам данного социума. Следовательно, появляются различные субкультуры, в которых такие проявления, как агрессивность, воровство, вандализма и др. признаются средствами самовыражения личности и завоевания престижа среди членов группировки [3, с. 358].

Проблема девиантного и делинквентного поведения широко рассматривается в работах таких отечественных исследователей, как М. А. Алемаскин, Я. И. Гишинский, В. И. Добреньков, Е. В. Змановская, Л. Н. Зюбин, К. Е. Игошев, В. В. Ковалев, А. И. Кравченко, А. Н. Леонтьев, А. Е. Личко, М. И. Рожкова, В. Я. Семке и др.

В отечественной психологии такие ученые, как М. А. Алемаскин, Л. Н. Зюбин, К. Е. Игошев, А. Н. Леонтьев, А. Е. Личко, Д. И. Фельдштейн и др. убеждены, что девиантное поведение не является «прирожденным механизмом», а зависит от микросреды, взаимоотношений, воспитания, социально-психологических характеристик личности. Совокупность этих факторов оказывает воздействие на развитие различных

видов отклоняющегося поведения: аномия, агрессия, алкоголизм, наркомания, фрустрация, преступность и т.д. Следует отметить, что в настоящее время огромное влияние на появление девиантного поведения оказывает системный кризис страны, общества, экономики и личности в целом.

Так, Я. И. Гишинский [4, с. 26] рассматривает девиантное поведение, как «поступок, действие человека, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)». Схожее определение можно встретить в работах М. И. Рожкова [5, с. 7].

Согласно мнению А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский, девиантное поведение – это единичные поступки (система поступков), которые противоречат общепринятым нравственным или правовым нормам. Изъяны нравственного и правового сознания, особенности характера личности, потребность или нужда в чем-либо, а также нарушения эмоционально-волевой сферы являются причинами отклоняющегося поведения. Первые отклонения в поведении можно наблюдать в детском или подростковом возрасте, которые можно объяснить пониженным уровнем умственного развития, несформированностью личности, негативным влиянием ближайшего окружения или семьи.

Такие ученые, как К. А. Абульханова, Н. В. Васина, Л. Г. Лаптева, В. А. Сластенина утверждают, что отклоняющееся поведение – это отдельные поступки или совокупность поступков, которые противоречат общепринятым моральным, юридическим и социальным нормам, а также социальному и культурному развитию норм морали, принятых в данном обществе. К разновидностям аморального поведения относятся токсикомания, алкоголизм, наркомания, а также противоправное (делинквентное) поведение.

А. А. Бодалев и А. Н. Сухов девиантное поведение определяют, как систему поступков или отдельные поступки, которые не соответствуют правовым либо нравственным нормам, а также требованиям общества. Аномальное поведение, связанное с патологией мозговой деятельности, не относится к девиантному поведению. Отклоняющееся поведение социально детерминировано. Причинами его происхождения являются дефекты развития личности, которые могут сочетаться с ошибками семейного воспитания и негативным влиянием проблемной ситуации внутри семьи либо референтной группе. А. А. Бодалев и А. Н. Сухов при рассмотрении отклоняющегося поведения четко разделяют его на следующие две группы:

- 1) поведение собственно девиантное, то есть отклоняющееся от принятых в обществе норм;
- 2) поведение делинквентное (психологическая тенденция к правонарушению) - преступное, криминальное.

Следует отметить, что отклоняющееся поведение, вступающее в противоречие с установившимися в обществе образцами, стереотипами, может иногда сочетаться с относительно хорошим знанием нравственных норм, что свидетельствует о необходимости целенаправленного формирования нравственных привычек. Данное положение особенно актуально для детей, отклоняющееся поведение которых нередко служит средством самоутверждения, выражением протеста против реальной или кажущейся несправедливости взрослых.

Отклоняющееся от одобряемых социальных норм поведение ребенка объясняется тем, что в процессе взросления личность в какой-то мере становится независимой от внешних воздействий. Субъективно-личностные отношения выступают опосредующим звеном между поступками индивида и объективным влиянием окружающей среды.

Особое внимание хотелось бы уделить исследованиям З. Фрейда, который является основоположником теории психоаналитической ориентации. Представители этой теории с отклоняющимся поведением, включая социальную девиацию и нервно-

психическое отклонение, наблюдают ярко выраженную тревожность, повышенную агрессию, склонность деструктивным действиям.

В. В. Коваль в своей работе «Патологические формы девиантного поведения у детей и подростков» дает следующее определение девиантного поведения: «...девиантное, т.е. отклоняющееся от принятых в данном обществе социально-психологических и нравственных норм поведение». Автор отмечает, что «девиантное поведение чаще наблюдается у детей и подростков в связи с социальной незрелостью и физиологическими особенностями деформирующегося организма» [6, с. 178]. Он выделяет две формы отклоняющегося поведения: непатологическое и патологическое. Согласно типологии В. В. Ковалю, девиантное поведение делится на антисоциальное, антидисциплинарное, аутоагрессивное, антиагрессивное (саморазрушающее, включающая употребление вредных веществ).

Обычно происходит сочетание двух типов девиантного поведения- делинквентного и антидисциплинарного, часто переходящего в противоположное. В таких случаях тяжело выявить форму девиантного поведения (непатологическую или патологическую). Также причиной отклоняющегося поведения могут быть психические расстройства либо социально-педагогическая запущенность, которые зачастую взаимообусловлены и взаимосвязаны. Для профилактики и коррекции отклонений в поведении необходимо определиться, что является первично для каждой конкретной ситуации.

В своей работе «Основы превентивной психологии» С. А. Беличева термин «отклоняющееся поведение» рассматривает, как итог нарушения процесса социализации личности.

М. Раттер, Д. Бержери и др. в процессе исследования детей, живущих в бедных семьях, выявили факторы, которые связаны с психическими нарушениями у них. Полученные данные позволили сформировать следующие группы:

- 1) разногласие между родителями и отсутствие четких дисциплинарных требований в семье;
- 2) психические нарушения, алкоголизм, наркомания и криминальное поведение родителей;
- 3) низкий социальный статус семьи и плохие жилищные условия;
- 4) неблагоприятные особенности школьной среды.

Вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что неблагополучные, многодетные и распавшиеся семьи, а также неблагоприятные жилищные условия, аморальное поведение, наркомания, алкоголизм родителей и т.д. способствуют повышенному уровню психических нарушений среди детей.

По мнению В. И. Добренькова и А. И. Кравченко, делинквентное поведение – это совокупность противоправных поступков либо преступлений [7, с. 248].

А. Е. Личко рассматривал делинквентное поведение как многочисленные провинности, проступки, незначительные правонарушения либо антиобщественные действия не криминального характера (отнимание денег, мелкое хулиганство, издевательство над слабыми, школьные прогулы, приобщенность к асоциальной группировке, угон велосипедов и т.д.), которые не предусматривают уголовной ответственности [8, с. 26]. Однако В. В. Ковалев выступает против такой интерпретации делинквентности, утверждая, что делинквентное поведение представляет собой преступное поведение [9, с. 21].

Немаловажное влияние на формирование личности оказывает развитие ее направленности. С. Л. Рубинштейн впервые дал расшифровку определению «направленность личности». Этот термин определяет основные потребности, интересы, устремления, склонности индивида. Такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, Б. В. Зейгарник, А. Н. Леонтьев утверждают, что формирование положительной

направленности личности составляет основу для успешного развития. Согласно мнению Л. И. Божовича, С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Славиной и др., развитие мотивационной сферы человека является центральным звеном в проблеме формирования личности.

В своей работе Л. С. Выготский выделил первичные и вторичные симптомы отклонений в поведении человека. Первичные симптомы устранению не подлежат, т.к. они связаны с биологическими факторами и элементарными психическими процессами. Вторичные поддаются коррекции, т.к. формируются при антисоциальном развитии индивида и имеют взаимосвязь с первичными симптомами. Следовательно, развитие личностных качеств детей происходит еще в онтогенезе, а семейное воспитание является первичным звеном для формирования гармоничной личности.

Проблема отклоняющегося поведения достаточно широко представлена и в зарубежной психологии. Здесь понятие отклоняющегося поведения по большей части описывали как антисоциальное асоциальное, подчеркивая тем самым его антиобщественный характер. Д. Беннет охарактеризовал термин «делинквентность», как психологическую склонность, провинность, «психологическую устремленность к правонарушению». Его мнение разделяли такие ученые, как Л. Доддера, Х. Каплана, Ф. Регди, Ф. Фелдмана, Б. Шелдона и др.

Н. Смелзер и В. Фокс утверждают, что делинквентное поведение – это социально-неприемлемое поведение, включающее два типа отклонений от нормы: антисоциальный и асоциальный. По мнению Р. Кларка, А. Коэна и Р. Мертона, причиной асоциального поведения является неудачная социализация, а также дефекты семейного воспитания на раннем этапе развития личности. Многие авторы убеждены, что антисоциальное поведение является производным асоциального на более высоком уровне.

Э. Дюркгейм ввел понятие «социальная аномия» - состояние общества, при котором отсутствует четкая регуляция поведения, образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Он подчеркивал, что социальные правила играют важную роль в регуляции жизни людей, управляя прежде всего их поведением. В результате нарушается общественный порядок и происходит дезориентация людей, провоцируя их на делинквентное поведение [10, с. 26].

Таким образом, в отечественной и зарубежной литературе отсутствует единый подход к определению понятия «девиантное поведение». Так, отечественные ученые определяют его как сложное социальное явление, которое отражается в отклонении поведения от существующих социальных норм. Зарубежные исследователи подчеркивают его антиобщественный характер, вызванный отсутствием четких норм в самом обществе и их большим разнообразием. Большинство отечественных и зарубежных авторов едины во мнении, что подростковый период самый сензитивный для проявления отклоняющегося поведения в виду возрастного аспекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурзенко В. А. Психологический анализ личностно-поведенческой структуры так называемых «трудных» детей в условиях массовой школы (в связи с задачами психокоррекционной работы): автореф. канд. дисс. / В. А. Мурзенко. - Л.: Лениздат, 1979. – 24 с.
2. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 288 с.
3. Королёв В. В. Психические отклонения у подростков правонарушителей [Текст]: монография. - М.: Медицина, 1992. – 208 с.
4. Гишинский Я. И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения / Я. И. Гишинский, В. Афанасьев. - СПб. 1993. – 341 с.
5. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: Учеб.-метод. пособие / под ред. М. И. Рожкова. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с.

6. Созонов В. П. Анатомия девиантного поведения / В. П. Созонов // Народное образование, - 2015. - №6.- с. 171-181.
7. Добренъков В. И. Социология: т. 3: Социальные институты и процессы / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. - М.: Инфа - М, 2009. – 292 с.
8. Личко А. Е. Типы акцентуации характера и психопатий у подростков / А. Е. Личко. - Изд. 2-е доп. и перераб., Л.: Медицина, 1983. – 256 с.
9. Ковалёв В. В. Патологии личности и девиантное поведение: Руководство по психиатрии. М.: Наука, 1989. – 462 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с. 30. Жигинас Н. В., Аксёнов М. М. Проблема агрессивности девиантных подростков в ракурсе маскулинного и феминного дискурса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 1. 2005. – 77 – 82 с.

THE PROBLEM OF DEVIANT BEHAVIOR IN RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGY

Annotation. In this paper, deviant behavior is considered as one of the urgent problems of modern society. The article analyzes the views of domestic and foreign scientists and identifies the main directions of searching for the causes of deviant behavior among adolescents: violations in the functioning of social institutions, socio-psychological aspects of violations of the intra-family system of a teenager or features of the adolescent period of personality development of a teenager.

Keywords: deviant behavior, deviant behavior, delinquent behavior, antisocial behavior, teenagers.

Tkachuk A.V.

Scientifik adviser: Kovalchishina S.V., associate professor

Donetsk State University

E-mail: tkashukalisa@mail.ru

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ОБУЧЕНИЮ В ШКОЛЕ

Федосова В.В.

**Научный руководитель: Красулина В.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»**

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности психологической готовности ребенка к школе. Приводятся разносторонние параметры психического развития ребенка, существенно влияющих на готовность к обучению в школе. Проводится параллель между взаимодействием ребёнка с окружающей средой, функционированием в семье, учреждениях, которые он посещал до обучения в школе и качественной составляющей готовности к школе.

Ключевые слова: готовность к школе, школьная подготовка, психологическая готовность, дошкольники.

Введение. Раннее детство является важным периодом как с точки зрения социального, эмоционального, когнитивного развития, так и с точки зрения необходимых предварительных знаний, навыков и опыта детей, для поступления в школу. Школьная зрелость является необходимыми достаточным уровнем психического развития ребенка для начала освоения школьной учебной программы в условиях обучения в группе сверстников. Она отражает раннее полученные в семье, сформированные ближайшим окружением и обществом необходимые предварительные знания, навыки и возможности для эффективного процесса адаптации ребенка, что обеспечивает его адекватное участие в академической жизни. Психологическое развитие ребенка может сильно повлиять на его способность к обучению.

Основная часть. У истоков определения компонентов психического развития ребенка, наиболее существенно влияющих на готовность к обучению в школе, стояла Л.И. Божович, точку зрения которой разделяли и другие ученые, из которых А.В. Запорожец и И.С. Ильина, Е.Е. Кравцова и др. Обобщая точки зрения авторов, к психологической готовности ребёнка к обучению в школе можно отнести следующие составные компоненты: личностный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, социально-психологический, мотивационный и функциональную готовность [1].

Ключевым элементом является личностная готовность, которая включает в себя формирование готовности к принятию новой позиции, социального статуса, положения школьника, выражается в желании стать учеником. Сопровождается пониманием круга своих обязанностей и прав. На появление личностной готовности влияет отношение ухаживающих взрослых к обучению, как к важной составляющей деятельности, выделение её значимости, на фоне игровой деятельности. Выражается в сформированности отношения ребенка к школе, учителям и учебной деятельности. В результате у ребенка формируется внутренняя позиция школьника.

В интеллектуальную готовность входит приобретение ребенком определенного запаса знаний, понимание общих связей, принципов, закономерностей; развитость наглядно-образного мышления, схематического мышления, творческого воображения, наличие основных представлений о природе и социальных явлениях. Интеллектуальная готовность предполагает умение ребёнка воспринимать объект как целое, обладать элементами теоретического отношения к изучаемому материалу, обладать основными логическими операциями, смысловым запоминанием. Ребёнок должен уметь выделить учебную задачу и превратить ее в самостоятельную цель деятельности.

Эмоционально-волевая готовность включает в себя произвольность поведения - умение дошкольника осознанно и целенаправленно руководить своими действиями, произвольную регуляция психических процессов, мобилизацию своих усилий,

сформированность основных элементов волевого действия, постановки цели, принятие решения и так далее. Эмоционально-волевой компонент даёт начало развитию дисциплинированности, самоконтроля, осознанности в проявлениях эмоций и их устойчивости. Данный компонент формирует позитивный эмоциональный настрой по отношению к школе, учению, самому себе [2].

Социально-психологическая готовность к обучению в школе предполагает наличие качеств, которые помогают дошкольнику налаживать отношения с одноклассниками, учиться и работать вместе. Учебная деятельность по сути своей является деятельностью коллективной. Дошкольнику необходимо войти в коллектив класса, найти свое место в нем и с готовностью включиться в общую деятельность, так как дети школьного возраста должны учиться взаимодействовать, выполняя совместные учебные действия.

Этот компонент психологической готовности является коммуникативным, поэтому предполагает сформированность двух характерных для дошкольного возраста форм общения:

– внеситуативно-личностное общение с взрослым, формирующее у ребенка умение внимательно слушать, понимать взрослого, воспринимать его в роли учителя, понимать из чего эта роль состоит и занимать по отношению к нему новую позицию я - ученик;

– общение с детьми и специфические отношения с ними, формирующее деловое общение детей друг с другом, умение и понимание смысла продуктивного общения с одноклассниками.

Большое место в формировании мотивационной готовности дошкольников уделяется развитию познавательной потребности, которая означает интерес к самому содержанию получаемых в школе знаний, к процессу познания. Мотивационная готовность так же предполагает сознательное соподчинение мотивов, возникновение иерархии мотивов и появление новых по своему строению опосредованных мотивов. Стоит отметить, что с данным компонентом связано и возникновение моральных качеств, чувства долга, на что указывали исследования проведенные Д.Б. Элькониным и Л.И. Божович.

К функциональной готовности относятся соразмерность созревания определенных мозговых структур и нервнопсихических функций, условиям и задачам школьного обучения. Среди них сбалансированность процессов возбуждения и торможения, способствующих сосредоточению внимания, развитию мелкой моторики рук и зрительно-моторной координации, становлению речи. Стоит отметить, что готовность ребенка к школе является не только результатом естественного процесса развития, но и результатом взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Вопрос о раннем развитии ребенка, его взаимодействии с окружающей средой, функционировании в семье и учреждениях, которые он посещал до обучения в школе не лишен значения. Поэтому мы предполагаем, что уровень психологической готовности ребенка к школе отражает как индивидуально-психологические особенности, так и качество образовательных воздействий, полученных в социальной среде, в семье, яслях, детском саду и других социальных институтах [3].

Говоря об индивидуально-психологических особенностях готовности ребенка к обучению в школе следует учитывать возраст и пол ребенка, тип нервной системы, темпераментные черты. Можно заметить, что дети легко заводящие и поддерживающие дружеские отношения, легче демонстрируют позитивные траектории социального и когнитивного развития в начальных классах, лучше осознают себя контролирующими учебную деятельность, испытывают симпатию к школе и оцениваются учителем как имеющие высокий уровень настойчивости и способности сопротивляться отвлечению внимания. Это как правило дети проявляющие экставертированные тенденции. Так же стоит отметить строго академические аспекты готовности, например, знание букв или цифр и умение пользоваться карандашом или кистью [4].

Одним из навыков, связанных с успешной адаптацией к школе, является саморегуляция, лежащая в основе многих форм и атрибутов поведения. В частности, регулирование эмоций при соответствующем социальном взаимодействии, целенаправленное поведение, а также регулирование внимания и использование стратегий при выполнении когнитивных задач. Саморегуляция в адаптации к школе, проваливается в: умении выражать потребности, желания и мысли устно; поддерживать внимание и проявлять энтузиазм в новых видах деятельности; подавлять импульсивность и следовать указаниям; уважать чувства других детей.

Готовность семьи означает специфичный для семьи тип поддержки, оказываемой ребенку, другими словами, то, как семья заботится о ребенке и поддерживает его развитие. Качество этой поддержки может зависеть от экономических и социальных ресурсов семьи, а также от личной компетентности родителей и других членов семьи. Успешное обучение ребенка обусловлено стремлением к новой школьной жизни, к «серьезным» занятиям, «ответственным» поручениям. На появление такого желания влияет отношение близких взрослых к учению, как к важной содержательной деятельности. Влияет и отношение других детей, сама возможность подняться на новую возрастную ступень в глазах младших и сравняться в положении со старшими. Стремление ребенка занять новое социальное положение ведет к образованию его внутренней позиции. Это характеризуется как центральное личностное новообразование, определяющее личность ребенка в целом [5].

Говорить о готовности школы, можно если учитываются и удовлетворяются индивидуальные потребности ребенка в развитии и образовании, что выражается в поддержке в момент поступления в школу и подготовке ребенка к функционированию в социальной среде. Важным является использование индивидуального подхода к обучению, сотрудничество с родителями и вовлечение школьного персонала в организацию благоприятных для ребенка условий обучения.

Готовность местной среды относится к формальным и неформальным источникам поддержки. К ним относятся учреждения и места, предлагающие встречи и поддержку родителям, а также позволяющие детям участвовать во внеклассных мероприятиях (например, клубы, центры, парки, игровые площадки и другие места, позволяющие проводить неформальные встречи).

При таком подходе к готовности дошкольника к обучению в школе осуществляется поиск связи между: - историей жизни ребенка и его функционированием (благодаря чему возможно определить текущий уровень развития ребенка в конкретных областях жизнедеятельности); - элементами функционирования ребенка в семье и местной среде (чтобы можно было найти ответ на вопрос о текущих условиях успеха и трудностях, с которыми сталкивается ребенок);- факторами, поддерживающими развитие ребенка и компенсирующими любые его ограничения [6].

Заключение. Обучение в школе требует от ребенка не только базовых знаний алфавита и арифметики, но и более сложных форм умственной деятельности, таких как: саморегуляция и контроль; проявление как критичности, так и интереса к результатам своей деятельности, к выполнению заданий; понимание инструкции и последовательности, алгоритма работы, развитость вербального и невербального воображения и так далее. Вопросами психологической готовности к обучению в школе занимались разные авторы: Л.И. Божович, И.В. Дубровина, Л.А. Венгер, А.В. Запорожец, М.М. Безруких, Е.Е. Кравцова и многие другие. Обобщая точки зрения авторов, по вопросу психологической готовности детей к обучению в школе можно выделить следующие её составные компоненты: личностную готовность, интеллектуальную, эмоционально-волевою, социально-психологическую, мотивационную и функциональную готовность. Исключительную важность среди них занимают познавательная и социальная мотивация учения; достаточное развитие произвольного поведения, волевой регуляции; сформированность

интеллектуальной сферы, знаковой функции как характеристики общения, умения совместно действовать для решения поставленных задач.

На данный момент нормативный ход развития детей дошкольного возраста разносторонне исследован, однако рассматривать вопрос готовности исключительно с точки зрения отдельных элементов психического развития, не представляется возможным. Научный интерес представляет понимание того, каким образом на адаптацию к школе влияют индивидуальные различия между детьми, внешняя среда, и социальная ситуация развития, а это школа в том числе. Готовность к школе со стороны личности ребенка проявляется в коммуникативной готовности, когнитивной готовности, эмоционально-волевой готовности и личностной готовности. Так же стоит отметить строго академические аспекты готовности, такие как, знание букв или цифр и умение пользоваться карандашом или кистью. Готовность семьи означает специфичный для семьи тип поддержки, оказываемой ребенку, такой как позитивные личностные примеры обучения родителей, хорошие и озвученные воспоминания о школе, подчеркнутая важность знаний со школьной скамьи, того, как они пригодились в жизни и профессиональной деятельности, а так же фактическая помощь. Готовность школы и местной среды к встрече и адаптации ребёнка связаны с материальным оснащением, возможностями школы и связанных с обучением учреждений отразить то, что школа несёт собой не только сухое обучение, а и внеклассные мероприятия, и досуг.

Таким образом рассуждая о психологической готовности ребенка к школе, можно предположить, что первоклассник должен справиться не только с предъявляемыми требованиями обучения в школе, через сформированность определённых психических структур, а и превозмочь предыдущие эффекты, наложенные в социальной среде, семье, учреждениях посещаемых ранее. Особенности влияния вышеперечисленных элементов на психологическую готовность детей дошкольного возраста к обучению в школе, надлежит проверить эмпирическим путём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруких М.М., Ефимова С.П. Ребенок идет в школу. – М.: Academia, 2016. – 303 с.
2. Алиева С.А., Абдуллаева Н.А., Цахаева А.А. Методический арсенал духовно-нравственного воспитания младшего школьника в современных условиях // Успехи современной науки. 2016. Т. 2. № 6. С. 78 – 81.6.
3. Климакова М.В, Кочетова. Ю. А., Сакаданова А.Э. Представления современных родителей о психологической готовности к школе / Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 6.
4. Болдарева О.А., Степанова Г.А. Содержательные компоненты готовности детей к школьному обучению // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2022. №4
5. Плаксина Н.И., Сорокина А.А. Предпосылки формирования агрессивного поведения у детей дошкольного возраста // Территория науки. 2016. Т 1. № 4. С. 141-144.
6. Гулбахор Д.Н., Ситора Д.Н. Психолого-педагогическая готовность детей к обучению в школе // Scientific progress. 2021. №7.

PSYCHOLOGICAL READINESS OF PRESCHOOL CHILDREN TO STUDY AT SCHOOL

Annotation. This paper examines the features of a child's psychological readiness for school. The versatile parameters of the child's mental development, which significantly affect the readiness to study at school, are given. A parallel is drawn between the child's interaction with the environment, functioning in the family, institutions that he attended before studying at school and the qualitative component of school readiness.

Keywords: school readiness, school preparation, psychological readiness, preschoolers.

Fedosova V. V.

Scientific adviser: Krasulina V.A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: veronikafedosova2003@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ширинская А.Д.

*Научный руководитель: Ревуцкая И.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье рассматривается анализ природной составляющей психологического понятия эмоционального интеллекта как единства эмоционального и интеллектуального. Рассмотрены особенности четырех компонентной модели эмоционального интеллекта, которая состоит из восприятия, оценки, понимания и использования эмоций. Определены особенности формирования эмоционального словаря.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, восприятие эмоций, понимание эмоций, управление эмоциями, использование эмоций.

«Эмоциональный интеллект» – ЭИ, коэффициент умений и таланта личности различать проявление эмоций, чувствовать намерения, мотивационные побуждения и потребности окружающих людей, свои личные желания. Также проявляется в умении владеть навыками регуляции своими эмоциями и эмоциональными состояниями окружающих для решения собственных целей и задач.

Понимание положения ЭИ в нише психологических знаний требует исследования двух частей этого термина: интеллекта и эмоций. Определение первого часто используется в науке для выявления того, на какой степени развития находится когнитивная сфера: умственные способности помогают выделять понятия, их взаимосвязи, пользоваться ими, что помогает изобретать суждения и образовывать метафорические умозаключения. Эмоции относятся к второй – эмоциональной сфере, в которую входят сами эмоции, чувства, привязанности и настроение. Эмоции реагируют на сдвиги в оценке отношений между субъектом и объективным миром.

На данный момент существует много теорий по этому феномену: теория влияния активности ЭИ на интеллектуальные способности Тихомиров О. К., Рубинштейн С. Л. и Манойлова М. А. Концепция связи когнитивной и эмоциональной сферы Бар. Р., Люсин Д. В., Власова О. И. Учение о влиянии личностных качеств и навыков на его развитие Гоулман Д., Лобанов А. П., Носенко Э. Л. Положение о межличностном взаимодействии Бар Р., Белоконь О. В. и Барисо Дж. Взгляд на взаимосвязь эмоционального и интеллектуального Ильин Е. П., Майер Дж. и Сэловей П. Большинство учёных сходится в том, что ЭИ – способность понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей.

Личность с высокой степенью развития ЭИ: оптимистично смотрит на мир и осознает свои эмоции; осознает, насколько важную роль вкладывают эмоции и чувства во взаимосвязи с окружающими; способна выражать собственные эмоции так, чтобы налаживать и сохранять дружелюбные отношения с другими людьми, намеревается прочувствовать и расширить собственный внутренний мир; способна контролировать личные эмоции; успешна в контроле над внутренней мотивацией и способна сохранить настрой на достижение результатов.

В то время как низкий показатель ЭИ становится причиной психосоматических расстройств, а также нереализованности в профессиональной и семейной сфере. Такая личность быстро вступает в конфликт, постоянно находится в состоянии раздражения, не уверена в себе, нерешительна, старается держать все под контролем. Находиться в подчинении сильного чувства гнева.

Структурные компоненты ЭИ содержат: мотивационный компонент, осознанность, самооценку и социальную адаптацию [1, с. 198]. Его составляющие регулируются общественными нормами и идеалами, растут и совершенствуются, включают в себя ведущие характеристики личности.

Наиболее соответствующей современному определению считается четырех компонентная модель эмоционального интеллекта Майер Дж. Д., Соловей П. и Карузо Д., разработанная в 1990 году, претерпевшая несколько этапов изменений на протяжении последующих лет и представленная на сегодняшний день в новой версии [2, с. 416].

Первой составляющей является восприятие, оценка и выражение эмоций. Эта особенность позволяет точно распознавать эмоции и определять их эмоциональную сущность. Исследователи считают, что этот компонент ключевой и первостепенный в формировании ЭИ. Они взяли за основу теорию Экмана П. о том, что мимические выражения эмоций на лице, отображающие радость, удивление, грусть, страх, отвращение и гнев, у всех людей похожи, а следовательно, их можно научиться отличать. Считается, что развитие ЭИ начинается с рождения ребенка. Познавая мир, формируется базовое доверие к миру благодаря социальным отношениям с матерью или заменяющим ее лицом. Младенец искренне излучает эмоции, а желание скрыть их проявление слишком очевидно отражается на языке тела. Становясь старше, он постепенно учится узнавать эмоции. Взрослая личность зачастую привыкла скрывать собственные эмоции. Но, несмотря на это, при продолжительном наблюдении или проявлении микровыражений их определенно можно с точностью распознать. Если индивид способен применять на практике этот навык он, вполне вероятно, может наиболее точно определять обстоятельства и поступки людей, делая о них верные выводы.

Оценка эмоций взаимосвязана с возможностью ее восприятия и выражения. Различные культуры знакомят нас как с многогранностью мимических проявлений чувственного выражения, так и с их специфичностью и своеобразием в целом. Разница в исследовании мимической экспрессии обуславливается разнообразными социальными функциями наций. Определение основных и сложных эмоций взаимосвязана с персональными особенностями узнавания и понимания выражения лица.

Исследования по точному распознаванию детьми выражения эмоций у лиц разных возрастов было проведено достаточно мало, и их результаты достаточно неоднозначны. Стаффиери и Бассетт утверждают, что, чем старше ребенок, тем лучше он распознает выражение лица. Негативным фактором распознавания эмоций может выступать рождение ребенка у молодых родителей, потому что, в отличие от более взрослых родителей, у молодежи эмоции более неустойчивы. Также влияет и национальность ребенка, например согласно исследованию Изарда К., французские дети лучше распознают эмоции отвращения и призрачности в сравнении с американскими детьми. Таким образом, маленькие дети в большинстве случаев некорректно понимают эмоции других людей, потому что сам процесс распознавания эмоций является когнитивным, для которого нужны сформированные интеллектуальные способности и умение обучаться.

Вторым компонентом модели является использование эмоций для улучшения продуктивности интеллектуальных возможностей. Это намерения индивида побуждать в себе творческие способности, стимулировать свои интеллектуальные возможности, задействовать эмоции как мотивационный компонент. В подобных обстоятельствах личность осознанно воспринимает силу воздействия эмоций, понимает себя, доверяет своим ощущениям и проявляет эмоции в свою пользу, но не во вред. Человек обучается обращать свое произвольное внимание на главные для него вещи и осознанно пробуждать необходимые эмоции, которые могут помочь в урегулировании вопроса. Допустим, благодаря многим экспериментам выяснилось, что при жизнерадостном и позитивном подходе, а также образе мышления, когнитивные процессы человека

намного лучше работает, чем в негативном настрое. Таким образом, личность старается ввести себя в нужное эмоциональное состояние и достигает поставленной цели.

Использование эмоций для совершенствования интеллектуальной деятельности в клинических экспериментах об осознании целостности эмоционального и рационального, Бека А., Эллиса А., Тиганова А. С., доказывают, что принятие конструктивного решения неосуществимо без подкрепления мысли эмоцией. Таким образом, ЭИ – это внутренняя способность человека, во время которой осуществляется переработка уникальной эмоциональной информации.

Третьим элементом считается понимание эмоций. Это навык, приобретенный на практике. Даёт возможность понять отношение и становление между эмоциями и мыслями, обнаружить предпосылку и первоисточник проявления эмоции, ориентироваться в амбивалентных, сложных чувствах и отождествлять эмоции, проявляющиеся во время социального взаимодействия. Человек воспринимает эмоцию как информацию, которая передается в сознание как побуждение к действию. Когда индивид испытывает чувство страха, он выбирает один из трёх способов действия – бей, беги или замри. В тех случаях, когда человек испытывает ощущение радости, он желает общаться с людьми и делиться своим счастьем. Когда злится, то намеревается причинить материальный, физический или психологический ущерб другому человеку. Бывают так, что эмоции перетекают друг в друга, или появляются на доли секунды и исчезают. Личность может фиксировать как мышление (позитивное или негативное) меняет эмоциональные состояния и чувства.

Понимание эмоций связывается с их словесным выражением. Вербализируя эмоциональное переживание, личность интерпретирует свои эмоции, оценивает результат их эффективного или деструктивного влияния, что способствует формированию личного субъективного опыта, определяет эмоции, классифицируя их тремя способами: закрепление опыта; межличностное общение; эмоциональная экспрессия. Такая идентификация дает возможность каждому индивиду иметь собственный эмоциональный словарь – сленг, с помощью которого человек реализует себя в социуме. Эмоциональный словарь имеет как пассивную, так и активную форму выражения. У тех детей, которым родители запрещают выражать негативные эмоции, активный эмоциональный словарь будет более скудным.

Структурные компоненты эмоционального словаря обуславливаются:

— значением конкретной эмоции в народном языке, той культуры, в которой она предлагается, поскольку язык непосредственно воздействует на возникновение и структурирование окружающей среды [3, с. 368]. Приведем пример: на крупнейшем острове Французской Полинезии – Таити отсутствует слово подходящие для обозначения печали. Именно за счёт этого фактора родитель, потерявший ребенка, воспринимает свое эмоциональное состояние как физическую боль, не отождествляя это с душевной болью.

— эмоциональный словарь ребенка преимущественно составлен из эмоционального словаря семейной, родительской среды. Разумеется, что обучение родителями распознавания эмоциональной сферой ребенка заключается в регулировании отрицательных и положительных проявлений эмоций, в поддержке, понимании и помощи как с ними справиться, и наоборот, невнимание со стороны родителей к эмоциональной сфере ребенка приводит к формированию особого типа сознания, где эмоциональной жизни не предается значение, что приводит к искажению или полному непониманию эмоций своих и чужих. Алекситимия – затруднение в понимании и вербализации эмоционального состояния.

Даже личность с отсутствием психологических и эмоциональных проблем может встретиться с неправильной интерпретацией эмоциональных переживаний. Предположим, что ощущение тревоги может называться страхом. Таким образом,

упоминание и толкование одной эмоции при чувствовании полного букета эмоций возможно неправильно, поскольку акцент делается только на одном аспекте. Определить проявление чужого эмоционального импульса означает рассмотреть истинный смысл, который в него вкладывается. Обязательные условия для распознавания эмоционального импульса: нужен большой опыт коммуникации с людьми разного возраста, понимание различных культурных аспектов и менталитета, хороший объем оперативной и кратковременной памяти, необходимый для запоминания эмоциональной тональности в процессе межличностного общения. Помимо этого, человек не должен изменять смысл эмоций, которые передает собеседник. Только в этом случае эмоциональная коммуникация будет наиболее эффективной.

Последний, четвертый компонент – оценка эмоций. Умение провоцировать, влиять, побеждать и управлять эмоциями своими и чужими для реализации поставленных целей и задач. Для того чтобы человеку научиться регулировать личные эмоции и управлять эмоциями окружающих, требуется подготовить себя к состоянию осмысления, во время которого его эмоции уравновешены, он спокоен, внимателен и наблюдателен. Для наилучшего результата в достижении успеха в формировании такого навыка необходимо тренировать самоорганизованность и самоконтроль.

Управлять эмоциями не просто, но возможно, если делать это косвенно применяя знания об объекте, учитывая его потребности, считывая знаки, которые являются маркерами эмоциональных импульсов. В начале контроля своих эмоций необходимо понять, что это отделение общего эмоционального волнения на субъект и его эмоции, то есть не мир страшен, а я чувствую страх. Регулирование чувств заключается в приумножении или в приуменьшении чувственной информации, а именно при помощи контроля мыслей. Например, сдерживающая интеллектуальная стратегия осуществляется мыслями «Меня это не волнует, расслабься, забудь» и наоборот, могут сопровождаться подобными мыслями, как «Прими эти чувства, изучи их получше», свидетельствует об искренности сознания в принятии эмоциональной информации. Бывают ситуации, когда контроль эмоций и настроения происходит автоматически. Знание настроения помогает влиять на подбор эмоциональных проявлений через положительное обогащение духовного опыта.

В настоящее время проблема исследования ЭИ изучается достаточно обширно. Это обусловлено тем, что постепенно увеличивается объем скопившихся знаний о новом феномене, его взаимосвязи с социальными и психологическими условиями, такими как влияние цифрового пространства, глобальной сети и социальных сетей. Также со стремительным развитием киберпространства проблема развития ЭИ становится более актуальной поскольку возрастёт нехватка живого общения. Также уделяется внимание связи ЭИ с академической успеваемостью, коммуникативными способностями, буллингем и т. д.

Осуществленный анализ психологической литературы формирует неоднозначное представление о воздействии ЭИ на социальные отношения, поскольку ЭИ – это сумма внутренних способностей, используемых личностью для эффективного осуществления собственных целей и потребностей. Рассмотренная комплексная модель ЭИ стоит из точности восприятия, оценки эмоций по внешнему поведению человека, пониманию эмоций, их связей со словами, поступками субъекта, использование эмоций в мыслительном процессе, управление эмоциями в процессе выбора стратегии своего поведения. Особенности эмоционального словаря зависят от множества социокультурных факторов, содержания эмоционального словаря семьи и родителей.

В настоящее время концепция ЭИ, ее содержание, дальнейшие пути развития требуют реализации новых исследований для того, чтобы открыть подлинность возможности совершенствования межличностных отношений благодаря полноценному

пониманию эмоциональной сферы, ее процессов, эмоции и состояний в процессе общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зейднер М., и Мэтьюз Г. Способность к эмоциональному интеллекту и психическому здоровью: социальная поддержка как посредник // Личность и индивидуальные различия. - 2017. - №9. - С. 196-199.
2. Майер Дж. Д., Соловей П., Карузо Д. Модели эмоционального интеллекта // Справочник по интеллекту. - 2000. - С. 420.
3. Стивен Дж. Стайн, Говард Э. Д. Преимущество EQ: эмоциональный интеллект ваш успех // Издательство американское. - 2011. - №3 - С. 368.

THEORETICAL ANALYSIS OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

Annotation. The article examines the analysis of the natural component of the psychological concept of emotional intelligence as a unity of emotional and intellectual. The features of the four-component model of emotional intelligence, which consists of perception, evaluation, understanding and use of emotions, are considered. The features of the formation of an emotional vocabulary are determined.

Keywords: emotional intelligence, perception of emotions, understanding of emotions, emotion management, use of emotions.

Shirinskaya A. D.

Scientific supervisor: Revutskaya I. V., Ph.D. of Psychological Sciences

Donetsk State University

E-mail: nastiriks3@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЧАСТОТНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА

Юрчук К.А.

*Научный руководитель Могила С. А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматривается тема синтаксиса, анализа периодических изданий Донбасса, вычленение разных типов предложений и союзов в массиве данных, сравнение результатов. Поднимается тема аспектов синтаксиса и классификации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Ключевые слова: синтаксис, анализ, частотность, семантика, предложение.

Вступление. Проблема анализа периодических изданий Донбасса заключается в двух основных аспектах. Во-первых, синтаксическом аспекте, так как синтаксис является сложной системой способов соединения слов в речи и основных единиц связной речи, таких как словосочетание, предложение, текст и другие. Этот аспект до сих пор не был подробно изучен специалистами в области газет, поэтому его исследование является актуальной задачей в контексте печатных материалов Донецкой Народной Республики. Во-вторых, следует уделить внимание изучению частотности периодических изданий в нашем крае.

Несмотря на то, что современное состояние развития данного вопроса не слишком широко и распространено, предлагаемая статья акцентирует внимание на нескольких ключевых аспектах. В частности, она рассматривает частотность предложений в текстах двух газет, анализирует их на различные типы предложений, вычисляет среднюю длину предложения и исследует наиболее частотные сложносочиненные и сложноподчиненные союзы, взяв за основу материалы газет.

Целью данной статьи является исследования в области сравнительного анализа частотности и синтаксической структуре печатных изданий, издаваемых на территории Донбасса. Основное внимание будет уделено изучению синтаксиса, связи слов в предложении и словосочетании. Помимо этого, необходимо обратить внимание на выявление наиболее типичных структур простых и сложных предложений (в зависимости от количества грамматических основ и их видов связи): односоставных, двусоставных, сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений при анализе материала из газет.

Основная часть. Давайте начнем с изучения понятия синтаксиса и его исследования. Выражение «синтаксис» происходит от греческого слова «syntaxis», что означает «построение, сорасположение, строй». Синтаксис определяется как научная дисциплина, которая изучает и рационализирует правила формирования речи. На синтаксическом уровне языка наиболее ярко проявляется взаимосвязь между языковой системой и ее реализацией в речи. В истории развития синтаксиса в качестве науки играют важную роль учения древнегреческих мыслителей.

Одним из ведущих синтаксических подходов XX века стало направление, основанное на работе выдающегося лингвиста Виноградова В.В. и продолженное Г.А. Золотовой. Основной идеей этого подхода является связь и взаимодействие формы, значения и функции, что в свою очередь стало основой для систематизации синтаксических конструкций. В работе М. В. Ломоносова «Русская грамматика» (1755) предложение определяется как сочетание значимых элементов слова и структур, объединенных общими идеями. В книге «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» классифицированы взаимосвязи и отношения между различными

концепциями русского синтаксиса, которые обобщены в системе синтаксического поля предложения. Также разработан переход от предложения к тексту, который является главным объектом исследования коммуникативного процесса.

Концепция В.А. Белошапковой описывает вторую синтаксическую идеологию. Ученая представила минимальные структурные схемы (грамматические образцы предложения) и расширенные структурные схемы (номинативные образцы), тем самым визуализируя, что два подхода к анализу строения простого предложения могут быть ключевыми элементами неделимого учения «Синтаксис».

В конце XIX в. с появлением интереса лингвистов к общенациональным особенностям морфологии, синтаксис стал определяться как учение о функциях классов слов в предложении. Ф.Ф. Фортунатов придерживался этой точки зрения и определил основную задачу синтаксиса как изучение способности слов к распространению. Он также определил словосочетание как основную единицу синтаксиса, а предложение – как вид словосочетания. Это понимание предмета и задач синтаксиса сформировало развитие этой области грамматики в 20-е гг. XX века.

Таким образом, синтаксис русского языка имеет свою логику и уникальную историю развития, наследуя богатые научно-исследовательские традиции и занимая важное место в европейском и мировом языкознании.

В современной науке различают три аспекта синтаксиса: *грамматический (формально-синтаксический, конструктивный), семантический и коммуникативный*. Причем, существуют они не автономно друг от друга, а в тесном взаимодействии.

Грамматический аспект в научном изучении – это традиционный фокус. Именно так мы изучаем синтаксические элементы в рамках школьного курса. В области синтаксиса долгое время имело преимущество грамматическое направление. Можно сказать, что идеальное выражение грамматического подхода мы находим в знаменитой книге Александра Матвеевича Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». В этом контексте синтаксические элементы представляют собой конструкции, которые находятся в организованной системе. Проще говоря, это самая простая и очевидная теория синтаксиса, содержащая список всех правильных предложений выбранного языка.

Следующий аспект – семантический. Изучение этого аспекта предложения (а также синтаксических элементов в целом) началось значительно позже, по сравнению с грамматическим аспектом. В 19 веке и в первой половине 20 века оно было изучено лишь частично, а активное исследование началось только во второй половине 20 века. Семантический аспект рассматривает предложение как некую репрезентацию ситуации, небольшого фрагмента реальности.

В процессе коммуникации важно учитывать коммуникативный аспект. Синтаксические единицы не ограничиваются простыми конструкциями и пропозициями. Они формируются в речи, в определенной ситуации с целью передачи актуальной информации. Давайте рассмотрим один пример из представленных предложений: «Дождь идет» (в грамматическом аспекте N1 – Vf, в семантическом аспекте «дождь»). Это предложение может быть произнесено разными способами, в зависимости от цели высказывания. 1) «Дождь идет» – это констатация ситуации. 2) «Дождь идет» – это сообщение о продолжении ситуации (в ответ на вопрос, подтверждение данного факта). 3) «Дождь идет?» – задается вопрос, ожидается ответ. Таким образом, одна и та же структура и одно и то же предложение могут быть представлены как три разных высказывания. Интонация и порядок слов – основные средства для формирования разных высказываний.

Перед тем как приступить к практической части нашего изучения, давайте кратко рассмотрим тему сложносочиненных предложений (ССП) и сложноподчиненных предложений (СПП). В русском языке классификация ССП в значительной мере остается

неизменной. С самых первых описаний сложносочиненных предложений, начиная с работы Николая Ивановича Греча, подход к их анализу строился по одной и той же принципиальной схеме: среди сложносочиненных предложений выделялись соединительные, разделительные и противительные предложения в зависимости от характера смысловых отношений между составляющими и с учетом семантических групп союзов. Единственное, что изменялось, – это развернутость описания семантических групп внутри данных классов. Кроме указанных классов, позднее были добавлены еще два: пояснительные предложения, где части связываются отношениями пояснения или уточнения (специфическими маркерами таких отношений являются союзы *то есть, а именно* и другие функционально аналогичные им средства связи), и присоединительные предложения, где вторая часть представляет собой «дополнительное сообщение» о содержании первой части (подобную классификацию сложносочиненных предложений применяют в грамматических описаниях других славянских языков).

Классификация сложноподчиненного предложения, основанная на семантике союзных средств, позволяет выделить внутри двух формальных типов (открытые и закрытые структуры) формально-смысловые разряды (и подразряды). Классификация, основанная на значениях, создаваемых лексическим наполнением частей, позволяет выделить внутри отдельных формально-смысловых разрядов собственно смысловые разновидности.

В отечественной лингвистике в разное время было предложено три принципа классификации сложноподчиненных предложений. Наиболее распространенная классификация основана на уподоблении сложносочиненного предложения в целом простому предложению, а придаточных частей – членам предложения.

В распоряжении у нас были два публицистических издания: «Донецкое время» и «Донецк вечерний». Взяв из них массив данных, был проведен частотно-синтаксический анализ и были выявлены простые, бессоюзные (БСП), сложносочиненные (ССП) и сложноподчиненные (СПП) предложения. Данные занесены в таблицу 1.

Таблица 1

П/н	Тип предложения	Частотность		Средняя длина предложения	
		Д. вечерний	Д. время	Д. вечерний	Д. время
1.	Простое	292	403	51	69
2.	Бессоюзное (БСП)	315	201		
3.	Сложносочиненное (ССП)	651	883		
4.	Сложноподчиненное (СПП)	376	255		

В массиве данных из материалов газеты «Донецкое время» было проанализировано 1742 предложения. Найдены наиболее частотные союзы:

Сложносочиненные (ССП):

«и» – 530 союзов, 65%

«а» – 95 союзов, 12%

«также» – 55 союзов, 7%

«или» – 77 союзов, 9%

«но» – 62 союза, 7%

Сложноподчиненные (СПП):

«как» – 73 союза, 36%

«если» – 42 союза, 20%

«чтобы» – 37 союзов, 18%

«когда» – 38 союзов, 19%

«пока» – 15 союзов, 7%

В периодическом издании «Донецк вечерний» было проанализировано 1634 предложения. Также найдены наиболее частотные союзы:

Сложносочиненные (ССП):

«и» – 487 союзов, 53%

«а» – 190 союзов, 20%

«или» – 113 союза, 12%

«но» – 85 союзов, 9%

«также» – 52 союза, 6%

Сложноподчиненные (СПП):

«как» – 62 союза, 30%

«если» – 54 союза, 27%

«чтобы» – 44 союзов, 22%

«когда» – 31 союзов, 15%

«пока» – 12 союзов, 6%

Выводы. При помощи частотно-синтаксического анализа текста мы можем наблюдать некоторые различия в показателях двух анализируемых изданий.

Таблица 2

«Донецкое время»	«Донецк вечерний»
Ряд ССП – 51%	Ряд ССП – 40%
Ряд СПП – 15%	Ряд СПП – 23%
Ряд БСП – 11%	Ряд БСП – 19%
Ряд Прост – 23%	Ряд Прост – 18%

Данные показывают, что разброс составляет от 5 до 11%.

Именно в этом направлении лежат потенциальные перспективы для дальнейших исследований, так как важно и интересно узнать, как наш язык организован и применяется в повседневной жизни, в печатных СМИ и газетах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Л.С. Вопросы русского словообразования // Москва. - 2007. - С. 314.
2. Докучаева Р.М. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения // Наука. - 2013. - №1. - С. 232.
3. Красильникова Е.В. Словообразование и морфология. Современный русский язык // Москва. - 1999. - С. 31.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FREQUENCY AND SYNTAX OF DONBASS PERIODICALS

Annotation. This paper discusses the topic of syntax, analysis of Donbass periodicals, identification of different types of sentences and conjunctions in a data array, and comparison of results. The topic of aspects of syntax and classification of compound and compound sentences is raised.

Keywords: syntax, analysis, frequency, semantics, sentence.

Yurchuk K.A.

Scientific adviser: Mogila S.A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: xeniayurchuk@yandex.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОНБАССА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И СВОЙСТВА

Якубовская А.Р.

Научный руководитель: Антоненко Ц.А., старший преподаватель ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: объектом исследования в данной работе является информационное пространство Донбасса. На основании анализа технического и гуманитарного подхода в изучении данного термина мы делаем определенные выводы и рассматриваем очерченный вопрос максимально широко, а также анализируем информационное пространство ДНР. Методы исследования: определение основных понятий, использованных в материал, и рассмотрение конкретных СМИ на основе полученных теоретических выводов.

Ключевые слова: информационное пространство, технический подход, гуманитарный подход, многокомпонентная структура.

Введение. За последние годы вследствие глобальных геополитических изменений многие исследователи в своих работах стали поднимать вопрос о воздействии электронных средств массовой коммуникации на социализацию человека. Недостаточность изучения данной темы не дает возможность выявить динамику перемен в информационном пространстве, а также мешает отследить значимость такого вида коммуникации в ходе этого процесса. Стоит отметить, что в результате модификации информационного пространства образовывается иная концепция ценностей, расставляются другие практические ориентиры, а их значимость устанавливается под воздействием тех значений, которые влияют на формирование и становление общественно-политической реальности. Главная задача на сегодняшний день состоит в том, чтобы исследовать закономерности формирования новой системы ценностей в информационном пространстве.

Цель данного исследования – раскрыть структуру и свойства информационного пространства Донбасса для дальнейшего изучения темы во всех её аспектах. **Актуальность** исследования связана с тем, что на данную тему почти нет научных работ, а в современных геополитических условиях информационное пространство Донбасса претерпело некоторые изменения.

Основная часть. Необходимость появления термина «информационное пространство» обуславливается потребностью социума в постоянном информировании о происходящем в мире. Помимо этого, развитие данного определения непосредственно сопряжено с интеграцией прогрессивных технологий, которые сжали период донесения информации до людей, что позволяет получать новости в самый быстрый промежуток времени. Андрей Потребин в своём исследовании пишет, что информационное пространство представляет собой поле информационных отношений, создаваемое взаимодействующими по поводу информации субъектами, но вместе с тем имеющее свое особое (системное) качество, отсутствующее в самих субъектах. Оно может рассматриваться как социальный ресурс и как пространство отношения. [1, с. 4]

В академической среде преобладают два подхода в исследовании информационного пространства: технический и гуманитарный. Для дальнейшего изучения данной темы нужно проанализировать специфику каждого из них.

Технический подход. С этой стороны информация в значительной мере отходит от сути самого сообщения, во внимание берется только численный подход к вопросу. На этом этапе мы вводим новое определение и говорим, что количество информации – значение противоположное уровню возможности происшествия, о котором идет речь в новости; чем вероятнее это происшествие, тем в значительной мере меньше данных несет информация о

его наступлении. Эта же ситуация работает и в обратную сторону. Формирование термина «информация» открывает новый подход материальной целостности мира и дает возможность приблизиться к единому мнению в разных аспектах, таких как распространение данных согласно технологическим каналам связи, деятельность различных вычислительных машин, их управление и т.д.

У сторонников технологического подхода складываются совершенно разные представления о сути информационного пространства. Каждый ученый дает свое определение, но единым остается одно: ИП (информационное пространство) – сложная иерархия информационных концепций, созданная согласно общему научно-техническому принципу. Все эти системы обладают идентичной частью – основа, которая распоряжается концепцией в полной мере, и неустойчивой частью – комплекс трудных модулей, которые осуществляют выполнение фактических вопросов. **Таким образом, информационное пространство при техническом подходе представляется как концепция, которая передает, обрабатывает и хранит данные с применением технологических ресурсов. В данном варианте характерна привязанность к тем каналам, которые распространяют информацию.**

Гуманитарный подход. При гуманитарном подходе информационное пространство понимается как совокупность информации, регулярно видоизменяющейся в ходе развития общества; подразумевает абсолютное отсутствие рамок, а также привязанности к определенной территории. С этой точки зрения предполагается, что информационное пространство имеет человеческую природу, а базой для его исследования могут быть всевозможные традиционные постулаты. При гуманитарном подходе к пониманию информационного пространства, мы говорим об историческом опыте, который остаётся в системе информационного поля и влияет на его дальнейшие преобразования. **Таким образом, в этом случае информационное пространство считается совокупностью знаний, которое подвергается регулярной модификации в ходе развития цивилизации.** Гуманитарный подход подразумевает, что информация рассматривается не только с точки зрения человеческого существования, она обладает большой значимостью для формирования культурной области.

Стоит отметить, что информационное пространство формируется из определенных частей:

- 1) Информационные средства, включающие сведения и данные, которые отмечены в конкретных носителях.
- 2) Структуры, которые обеспечивают формирование и деятельность информационного пространства; получение, обработка, отбор, хранение и распространение информации.
- 3) Ресурсы информационного взаимодействия людей и учреждений, которые обеспечивают доступ к информативной базе на основании определенных технологий, содержащие технические ресурсы и нормативные акты.
- 4) Общепризнанные нормы, которые регламентируют последовательность формирования, обработки и обмена информативными ресурсами.

В основе данных сведений мы можем выделить элементы, которые формируют структуру информационного пространства:

- Целевая аудитория, которая способна воспринимать данные, передаваемые посредством различных каналов коммуникации.
- Сформированная и улучшенная концепция телекоммуникационной структуры.
- Концепция интернационального взаимодействия в информативной и научно-технической среде.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что информационное пространство предполагает под собой связь разнородных субъектов,

которые изготавливают или потребляют сведения и вместе с разными действиями формируют полноценную структуру информационного пространства.

Стоит отметить, что существует так называемая универсальная модель информационного пространства. Она включает:

- Информационное поле
- Информационные потоки (Они могут проходить и внутри конкретных информационных сфер, и среди них, это зависит от канала коммуникации. Обширный характер информационных потоков располагается в связи с характеристиками этих каналов).
- Различные каналы коммуникации
- Средства массовой информации

Структура информационного пространства может несколько отличаться, но единым остается одно – *многокомпонентность*.

В рамках данной работы мы также должны рассмотреть ключевые свойства информационного пространства:

- 1) Информационное пространство считается *основой* для определения таких терминов как информационная война и информационное оружие.
- 2) Информационное пространство обладает *динамичностью*. В нем не бывает такого понятия как завершенность процесса. Объекты, в основном, обладают определенными пределами. Из этого следует следующий результат: довольно сложно достигнуть непрерывного информативного доминирования, но, несмотря на это, возможно ограниченное информативное преимущество.
- 3) Информационное пространство имеет четкую *структуру*. Оно обладает разнородной структурой, в нем есть устойчивые центры, которые притягивают интерес, но есть и препятствия, которые отталкивают интерес с этого места информационного пространства.
- 4) Информационное пространство всегда находится под *защитой*. В нем есть участки, которые оберегаются от постороннего воздействия. Эта охрана подразумевает, что есть конкретные незащищенные части, которые нужно проверять.
- 5) Информационное пространство обладает *универсальностью*. Каждая сфера нашей общей жизни базируется на этом. Исходя из этого свойства и возникают неповторимые способности с целью влияния в каждой профессиональной сфере.
- 6) Информационное пространство никак *не сопряжено с настоящим пространством*, так как его природа не обладает материальными свойствами, а также есть способности применять обычные информационные структуры, которые могут доходить до любой точки планеты.
- 7) У информационного пространства существуют *специфические способы* работы с информацией.

Информационному пространству присущ особый вид познания, который гарантирует формирование данных в различных конфигурациях. Осведомленность о любых происшествиях здесь не считается чем-то надежным и непрерывным. **Главным показателем подобного знания считается контекст, так любые обстоятельства имеют связь с множеством условий и они не всегда обладают целесообразностью.**

Если говорить конкретно об информационном пространстве Донбасса, то стоит сказать, что после начала военного конфликта (2014 год) на этой территории сложилась довольно сложная ситуация в работе многих изданий/телеканалов и радио, т.к. некоторые работники СМИ выехали, поэтому журналистика в ДНР должна была возродиться. Сегодня в медиа пространство Донбасса входят не только региональные СМИ, но и федеральные, вещающие благодаря работе местных редакций.

Выше речь шла конкретно о традиционных СМИ, но мы не можем не отметить интернет-СМИ, которые на сегодняшний момент широко распространены на территории

ДНР (группы в ВК, тг-каналы и даже TikTok). Популярность новых медиа связана с рядом следующих причин:

- Человек самостоятельно выбирает информацию, с которой он хочет ознакомиться, все остальное он «скроллит».
- В интернет-СМИ можно в любое время суток узнать новую информацию, в то время как у традиционных СМИ такой функции нет.
- «Свобода слова», это связано с тем, что в интернет-СМИ, как правило, нет цензуры, соответственно такие каналы публикуют информацию без отбора на «нужное» и «ненужное».

Заключение. Таким образом, на территории Донбасса широко распространена гражданская журналистика, по этой причине люди могут получать необходимую им информацию в разы быстрее. Благодаря анализу технологического и гуманитарного подхода в понимании информационного пространства мы рассмотрели этот вопрос более детально, а не только то, что лежит «на поверхности». Исходя из этого, можно отметить, что отечественное информационное пространство представляет собой многоуровневую систему, которая постоянно развивается. Кроме традиционных СМИ стали появляться интернет ресурсы, имеющие свою специфику. Это приводит к тому, что аудитория увеличивается, а влияние СМИ в глобальном понимании возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.В. Потребин МЕДИАПРОСТРАНСТВО И МЕДИАСИСТЕМА, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЫНОК [Электронный ресурс] // elib.bsu.by URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/171550/1/200-208.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
2. Ц.А. Антоненко ЭТАПЫ И ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ДОНБАССА [Электронный ресурс] // www.vestnik.vsu.ru URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2023/03/2023-03-18.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

INFORMATION SPACE OF DONBASS: CONCEPT, STRUCTURE AND PROPERTIES

Annotation: the object of research in this work is the information space of Donbass. Based on the analysis of the technical and humanitarian approach to the study of this term, we draw certain conclusions and consider the outlined issue as broadly as possible, as well as analyze the information space of the DPR. Research methods: definition of the basic concepts used in the material and consideration of specific media based on the theoretical conclusions obtained.

Keywords: information space, technical approach, humanitarian approach, multicomponent structure.

Yakubovskaya A.R.

Scientific adviser: Antonenko Ts. A., senior lecturer

Donetsk State University

E-mail: natalya.marhon @yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (на материале социальной сети «ВКонтакте»)

Яланский А.А.

*Научный руководитель: Титаренко Э.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная работа посвящена изучению самопрезентации в лингвистике. Проанализировано понятие самопрезентации, различные подходы к его определению и основные характеристики на материале самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте». Выделены тематические группы и отмечены лексические характеристики текстов-статусов. Установлены приемы, которые использует автор странички в «ВКонтакте» для создания образа своей личности.

Ключевые слова: самопрезентация, семантика, структура, социальная сеть, языковая личность.

Введение. В рамках лингвистического исследования самопрезентация является одним из ключевых аспектов межличностной коммуникации и привлекает все большее внимание исследователей. Лингвисты определяют самопрезентацию в интернет-коммуникации как особый тип коммуникативного послания, акт самовыражения которого направлен на создание благоприятного впечатления или впечатления, соответствующего чьим-то идеалам [1]. В связи с этим статусы в социальных сетях сравнивают с рекламными слоганами. Каждый индивид стремится создать определенное впечатление о себе перед окружающими. Под речевой самопрезентацией понимаем речевое произведение, главной коммуникативной целью которого является сообщить определенную информацию о себе для формирования впечатления об авторе у адресатов этого текста [2].

Исследование самопрезентации в лингвистике позволит расширить понимание механизмов межличностной коммуникации и обогатить знания о роли языка в создании и восприятии текста самопрезентации. Исследование лингвистических особенностей самопрезентации актуально в контексте современного общества, где важно умение эффективно представлять себя и управлять своим образом в глазах других людей.

В данной работе жанра самопрезентации рассматривается на примере текстов (записей) о себе, размещенных на страничке в социальной сети «ВКонтакте».

Проанализировано 100 текстов-статусов в социальной сети «ВКонтакте», полученных методом сплошной выборки со страниц реальных людей социальной сети «ВКонтакте».

Основная часть. Термин «самопрезентация» ввел в науку представитель интеракционизма социолог И. Гоффман. В настоящее время существует множество различных подходов к определению самопрезентации. Активно изучают данное понятие психологи. Самопрезентация и убеждающая коммуникация является предметом рассмотрения в книге Н.А. Корягиной, где приведены примеры применения известных, принятых в мировой практике различных техник и приемов в этой области [3]. Мы рассматриваем статус в социальной сети как речевую самопрезентацию.

В привычных ситуациях общения самопрезентация обычно контролируется и осознается. Люди могут активно выбирать, как представить себя и какие аспекты своей личности подчеркнуть, чтобы создать определенное впечатление. Они используют различные стратегии, такие как управление внешним видом, выбор слов и манеры речи, контроль над невербальными сигналами и так далее, чтобы достичь своих целей самопрезентации [4, с. 44]. Структура самопрезентаций варьируется в зависимости от индивидуальных предпочтений авторов, однако существуют общие элементы, которые часто встречаются в большинстве самопрезентаций [5, с. 135]. Рассмотрим их.

Обычно самопрезентации начинаются со вступительной фразы, которая может содержать приветствие или обращение к аудитории. Это помогает установить контакт с

потенциальными собеседниками и привлечь их внимание к самопрезентации. Вступительная фраза может быть короткой и простой, либо содержать более развернутое обращение, в зависимости от стиля и целей автора.

Затем следует информация о личности автора, которая включает различные аспекты, такие как имя, возраст, место жительства, образование, работа и так далее. Эти данные помогают создать первое представление о личности автора и установить общий контекст для дальнейшего взаимодействия. Важно отметить, что объем и детализация информации о личности могут варьироваться в зависимости от целей самопрезентации и предпочтений автора.

Описание интересов, хобби, достижений и целей является также важным элементом композиционной организации самопрезентаций. Авторы могут рассказать о своих увлечениях, умениях, опыте работы или образовании, чтобы показать свою экспертность в определенной области или вызвать интерес у аудитории. Они также могут выделить свои достижения и цели, чтобы продемонстрировать свою мотивацию и амбиции.

В некоторых случаях, авторы могут включать информацию о своих личных качествах, ценностях и мировоззрении. Это помогает создать более полное представление о личности автора и его взглядах на жизнь. Описание личных качеств и ценностей может быть связано с позитивными характеристиками, такими как ответственность, трудолюбие, коммуникабельность, или с определенными моральными или этическими принципами, которые важны для автора [6, с. 130].

Отметим, что композиционная организация самопрезентаций может быть гибкой и зависит от индивидуальных предпочтений автора. Некоторые авторы могут выбирать более формальный и структурированный подход, представляя информацию о себе в определенной последовательности, чтобы создать более профессиональное впечатление. Другие авторы могут предпочитать более неформальный и свободный стиль, включая элементы юмора или неожиданные повороты, чтобы привлечь внимание и выделиться среди других самопрезентаций.

С учетом особенностей социальной сети «ВКонтакте», ограниченностью текста-статуса, пользователи обычно выбирают какой-то аспект для самопрезентации в статусе [7, с. 41]. Дополнением к самопрезентации является фотография или видео, помогающие создать более яркое впечатление. Также используются различные функции платформы, ссылки на другие страницы или группы, чтобы расширить информацию о себе и привлечь внимание к своей активности в сети, часто это связано с работой: для привлечения потенциальных клиентов. Композиционная организация самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте» имеет важное значение, поскольку является первым впечатлением, которое авторы создают о себе. Она позволяет установить контакт с потенциальными собеседниками, привлечь их внимание и вызвать интерес к дальнейшему взаимодействию. Самопрезентация зависит от целей, личностных особенностей и предпочтений автора. Речевые самопрезентации могут содержать призывы к диалогу, вопросы или предложения для обсуждения. Это создает возможность для более глубокого взаимодействия и установления связей с другими участниками сообщества. Эти семантические характеристики речевых самопрезентаций взаимодействуют и могут влиять на восприятие и оценку окружающих людей. Понимание этих характеристик может помочь нам лучше понять мотивации и цели людей в процессе самопрезентации и разработать стратегии поддержки здорового онлайн-поведения.

Результаты анализа статусов-самопрезентаций на страницах социальной сети «ВКонтакте» позволяют выделить следующие тематические группы речевых самопрезентаций:

- 1) использование статуса **в рекламных целях:**

–Доброго времени суток! Если есть желание отдохнуть в пгт. Седово. +7949-....
Марина.

–Фоторамки из дерева ручной работы <https://vk.com/club...>

–От педагога до предпринимателя. Учредитель инновационного клуба для детей «Kids Element”. Эксперт качества образования.

–Авто из США, Европы и Китая с выгодой до 1 млн руб. Выгодно и безопасно купить/продать готовый бизнес.

–ТОП 10 проводник игры Лила по миру, Со мной играют блогеры-миллионники, долларовые миллионеры и др Терапевт по методу ВсеЛенская терапия

–Скоростное наращивание ресниц, любой объём до 1,30 часов. Ламинирование и Нанопластика ресниц +7 909 ...

2) перечисление родов и видов своей (обычно профессиональной) деятельности:

–Журналист, блогер, автор «Открыто о России».

–Стратег. Спикер. Ментор.

–Пишу про коммуникации и здравый смысл: <https://t.me/nicesomts>.

–Продюсер Оперных Певцов, Основатель и директор Арт-Агентства «Премьер».

–Визионер в области профориентации. Реализую свою миссию — помочь найти призвание 1 миллиону человек. Осталось 999 тыс. ;) и ее друг: персональный ассистент Виктории Вирта.

–Мама.

3) информация о личных переживаниях, эмоциях, планах, взглядах на мир и т.д.:

–Для меня, ты всегда будешь рядом, люблю тебя, покойся с миром.

–А знаете... мечты сбываются

–Моя осень началась с моря)

–здесь и сейчас

–как я люблю эти звонки в 2 часа ночи – Наташка, приезжай! Пить будем!

–Нужно уметь баловаться! Я умею)))

–Строю рожки перед зеркалом и планы на будущее!)

–Знаю секреты многих людей. ~

–I am perfection.

–lost in translation.

4) цитаты, высказывания известных людей:

– с указанием источника цитирования: «...какою мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк. 6, 38).

– без указания автора: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!»; Слава Богу за все!

– из фильмов и мультфильмов, компьютерных игр: – Не ходи туда! Там тебя ждут неприятности!!!! – Ну как же не ходить, они же ждут! (мультфильм «Котёнок по имени Гав»);

– из художественных произведений: Трудов напрасно не губя, любите самого себя! («Евгений Онегин»).

5) сентенции аксиоматичного характера:

–Мнение. Ваше сделает из вас личность. Чужое, эту личность растопчет.

–Засыпай с мечтой, просыпайся с целью.

–Статус должен быть в обществе, а не в социальных сетях.

–Девушки до 25 лет покладисты и милы, после 25 лет ещё покладистей, но грустны, а это уже не так мило...

–*Красота в глазах смотрящего*

–*Всё только к лучшему! :)*

–*Счастье любит тишину!*

–*You're going to love it.*

б) обращения к гостям страницы:

–*Расписание ближайших игр в закрепленном сообщении.*

–*Если кто-то получал от меня странные сообщения – я их не отправлял!!! И страница у меня только эта!!!*

–*если я кому-то не ответил, напишите ещё раз: я просто прочитал ваше сообщение, а потом его засыпало сверху другими.*

7) ссылка на другую сеть:

–*instagram/artist_manticora*

–*быстро отвечаю в тг <https://t.me/egorvideo>*

–*<https://vk.com/englishlanguagecentrekhartsyzk>.*

В проанализированных самопрезентациях количество символов ограничено, текст может состоять не более чем из 64 печатных знаков. Это влияет на реализацию намерения автора, который должен сформулировать мысль кратко, лаконично. В нашем исследовании самой короткой является самопрезентация посредством одного слова «Мама». Самой длинной – рекламная самопрезентация, когда страничка в социальной сети используется прежде всего в коммерческих целях.

Лексические особенности речевых самопрезентаций включают использование определенных слов и фраз, которые помогают создать желаемый образ и впечатление о себе. Например:

– слова в переносном, метафорическом значении: *я не болею звездной болезнью, я ее распространяю :D; Ветер перемен унёс мои невзгоды. Хорошо!!!*

– эмоционально-окрашенные слова, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Лето...солнышко...хочу!*

Это позволяет пользователю успешно передавать свое внутреннее состояние. Иногда пользователь хочет привлечь внимание к своему эмоциональному состоянию: *Дракон в моей душе ещё остался...* В плане эмоций самопрезентация может быть и грустной, например, когда она представляет собой обращение к человеку, которого больше нет: *«Для меня, ты всегда будешь рядом, люблю тебя, покойся с миром»* (пунктуация авторская). Используемая лексика и соотносимость статуса-самопрезентации с одной из выделенных нами групп могут указывать на принадлежность к определенному социуму, интересы автора, жизненную позицию, важные события, эмоциональное состояние.

Заключение. Исследование самопрезентаций позволяет лучше понять специфику коммуникации в онлайн-среде и разработать эффективные стратегии самопрезентации. Понимание стратегий и тактик самопрезентации поможет пользователям лучше представить себя и взаимодействовать с другими людьми в виртуальном пространстве. Это способствует установлению эффективного взаимодействия, созданию положительного впечатления и достижению желаемых результатов в коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев А.А. Самопрезентация // Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А.А. Бондалева. – М. Изд-во «Когито-Центр», 2011.
2. Бондарькова А.В. Самопрезентация как особый интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 78–91.
3. Корягина Н.А. Самопрезентация и убеждающая коммуникация : учебник и практикум для вузов / Н.А. Корягина. — 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 378 с. – Текст :

электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/541777> (дата обращения: 10.02.2024).

4. Хороших В.В. Особенности самопрезентации пользователей социального сайта «ВКонтакте» // Материалы научной конференции «Ананьевские чтения – 2011. Социальная психология и жизнь» (г. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2011 г.) / Отв. ред. А.Л. Свенцицкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – С. 44–45.

5. Федорова Н.А. Теории детерминации самопрезентации: личность или ситуация? // Общение-2006: Материалы международной конференции: Моск. обществ. Науч. фонд, 2006. – С. 133–139.

6. Пикулёва О.А. Самопрезентация личности: мотивация и пространство «Я». Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л.А. Коростылевой. Вып. 8. – СПб.: Изд-во С-Петербургского Ун-та., 2004. – С. 127–145.

7. Семёнова Л.Н. Технология самопрезентации: учебно-методический комплекс / под ред. К.В. Киуру. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 54 с.

LINGUISTIC ASPECTS OF STUDYING SELF-PRESENTATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»)

Annotation. This work is devoted to the study of self-presentation in linguistics. The concept of self-presentation, various approaches to its definition and the main characteristics of this process are analyzed based on the material of speech self-presentations in the social network «VKontakte». Selected thematic groups and marked lexical features of the analyzed texts make it possible to identify the linguistic features of the content and structure of self-presentations in the social network «VKontakte».

Key words: self-presentation, semantics, structure, social network, language personality.

Yalansky A.A.

Scientific adviser: Titarenko E.A., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: yan0534@mail.ru

УДК 82.1

СВОЕОБРАЗИЕ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ПРОКОПОВИЧА

Ярема А.В.

*Научный руководитель: Сенчина Л.Т., канд.филол.наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования жанра элегии в литературе XVIII века. Особое внимание уделено анализу элегии Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии». Обосновывается мысль о том, что эта элегия вносит существенный вклад в развитие этого типа произведения в русской литературе.

На основе проведенного исследования автор подчеркивает новаторский характер элегии Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии».

Ключевые слова: элегия, жанр, протожанр.

История элегии как жанра насчитывает не одно столетие. Это тип произведения берет начало еще в античности. Элегию детально изучают, анализируют, но до сих пор не утихают споры среди исследователей относительно природы этого жанра. Подвижность и постоянная изменчивость элегии способствуют появлению множества вопросов, связанных с истоками формирования этого типа произведения, на разных этапах его развития. Без тщательного и детального изучения истоков формирования жанра элегии в русской литературе нельзя представить целостную картину процессов, происходящих в современной литературе. Этот факт и обусловил актуальность нашего исследования.

Несмотря на сложность проблемы, постараемся определить конструктивные составляющие элегического жанра, обратить внимание на некие константы, которые характерны для этого типа произведения, неизменно сохраняющие жанрообразующие черты вопреки изменчивости и подвижности.

Отличительной чертой элегии является её минорная тональность. По мнению некоторых исследователей, эмоциональный спектр данного жанра довольно узок и не выходит за рамки древнего протожанра ритуального оплакивания. Действительно, если рассматривать протожанр элегии, то мы можем наблюдать особую, и довольно символическую роль образа Смерти. В таких произведениях смерть представляется как граница между невозвратным прошлым и дрящимся настоящим. Образ Смерти достаточно полно проявляется в такой разновидности элегии, как треническая.

Долгое время элегию, действительно, воспринимали как произведение исключительно тренического характера, буквально соответствующее определению, данному В.Г. Белинским, – «песня грустного содержания». Со временем представление о жанре сильно изменилось, элегия «расширила свои границы», демонстрируя удивительную жанровую гибкость, но сохраняя при этом архитектонику. Говоря об элегии, не лишним было бы упомянуть поэтическое творчество В.К. Третьяковского. Отметим, что именно он подчеркивал, что элегия: «... пишется... плачевною и печальною речью...» [1, с. 359] Третьяковскому принадлежит первая классификация данного жанра в русской теории: разделение элегии непосредственно на треническую, описывающую «печаль и несчастие», и эротическую – «любовь и все из нее впоследствии». Одна из первых элегий Третьяковского — это «Элегия о смерти Петра Великого». Она была издана 1725 г. и вошла во вторую часть книги «Езда в остров Любви» (раздел «Стихи на разные случаи»). Это первый известный опыт автора в жанре элегия. Автор элегии выбирает вопросно-ответную форму и стремится во всём тексте удерживать контакт с читателем:

«Что за печаль повсюду слышится ужасно?»

Ах, дать, Россия плачет в многолюдстве гласно!...

«Что то за причина?» (Лишь рекла то вселенна)...»

Герои элегии: Марс, Паллада, Нептун, Слава, Политика ведут между собой разговор в форме развёрнутого диалога. В элегии есть и расширенное описание деятельности Петра 1, детальное перечисление его заслуг:

«Кто когда во искусстве? Кто лучший в науке?...

О премудрый Петре?...

плач, философия,...

Плачьте..., науки драгие....

Стены, механика, вся математика...» [1, с. 57]

Расширение эпического начала свидетельствовало о возможности освоения элегическим жанрам тех сфер бытия, которые изначально принадлежали эпосу.

Анализируя элегию, следует обратить внимание на многочисленные восклицания, обращения, риторические вопросы. Элегия начинается с вопросов: «Что за печаль повсюду слышится ужасно?» Этот вопрос повторяется несколько раз, что, бесспорно привлекает внимание читателя.

Интонацию «плача» поддерживают многочисленные повторы:

«Увы, мой Петре! Петре верх царския славы!

Увы предрагоценный,...

Увы вселенныя...

Увы, моя надежда» [1, с. 56]

В основе «Элегия о смерти Петра Великого» лежит трагическое событие – смерть Петра 1. Поэтому использование опыта «архаичных плачей» было закономерно. Личная боль утраты и степень ее осознания способствовали воздвижению на первый план «в рамках несформированного жанра» личностного переживания. Это глубокое чувство автора, на наш взгляд, пронизывает весь текст элегии, соединяя воедино разные фрагменты произведения.

В дальнейшем развитие элегии связано с усилением лирической доминанты с расширением роли чувствующего субъекта, появлением специфического элегического слова. Таким образом, «Элегия о смерти Петра Великого» — это первый образец элегии на русской почве, демонстрирующий широкие возможности данного типа произведения в плане освоения человеческого бытия.

Треническую разновидность жанра элегии активно развивал и разрабатывал А.П. Сумароков. У поэта целый цикл элегий, посвященных смерти близких.

Нам представляется весьма интересным опыт Ф. Прокоповича в плане осмысления элегического жанра в русской литературе на начальном этапе формирования этого типа произведения. В этой связи обратимся к произведению Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии». Автору элегии явно несвойственно разделение жанра элегии на треническую и любовную. Феофан Прокопович теоретически изложил свой взгляд на это в трактате «Поэтика». Этот труд теоретика долгое время не имел аналогов в плане осмысления общетеоретических проблем, которые стояли перед русской литературой. В «Поэтике» Прокопович пишет: «Хотя элегия и не всегда должна иметь печальное содержание, все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби» [2, с. 439] Также автор отмечает субъективность элегии, допускающую относительную свободу формы и содержания в рамках жанра. Примечателен и тот факт, что Прокопович отступает от теоретических требований, прописанных в его «Поэтике», касающихся формальных признаков: он использует несвойственное элегиям сочетание длинных и коротких строк, а в теории – настаивает на чередовании гексаметров и пентаметров. Стоит заметить, что Ф. Прокопович – единственный теоретик, который расширяет элегическую тематику. Вспомним, что в «Поэтике» автор упоминает о такой эмоции, как радость. Подчеркнем,

что в поэтической практике Прокопович отказался от многих своих теоретических рассуждений, изложенных в трактате.

Рассмотрим подробнее произведение Ф. Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастии» (1730 г.) Автор определяет его как элегию и неспроста: грустное содержание находит отражение в этом произведении. Появление этой элегии обусловлено трудным положением Прокоповича после смерти Петра I.

«Плачет пастушок в долгом ненастии» является одной из первых русскоязычных элегий. Известно, что до ее появления Ф. Прокопович писал элегии на латинском языке.

В весьма аллегоричной форме Прокопович в элегии стремится передать свои душевные переживания. С первых строк автор задается вопросами: «Коли явится милость прещедра небес ясных?»... «Когда же, наконец, всё будет хорошо?». [3, с. 16] С помощью многочисленных повторов Прокопович создает свойственную для элегии мрачную атмосферу: «...света не видно, – всё ненастье...», «дрожу под дубом», «воплей плачевных», «вод дождевых нет отмены», «кручина», «печаль», «ненастье», «многобедно», «мокротным хладом». В тексте присутствует весьма любопытная деталь: «Прошёл день пятый, а вод дождевых нет отмены». Под «днем пятым» подразумевается пятый год со дня смерти Петра I. Образ дождя в литературе символизирует печаль, что мы наблюдаем и в данном произведении.

Обратим внимание на то, что в тексте элегии явно наблюдается противопоставление «...дней печальных...» и «...дней красных...». В самом названии произведения также ощущается противоречие: «пастушок» – герой идиллического мира и «плач» – признак дисгармонического существования человека.

Дисгармоничность и противоречивость мира в тексте элегии «снимается» за счет веры в счастливое будущее и надежду героя на божью милость: «Коли дождусь я весела ведра и дней красных». Современные лингвисты предполагают, что это слово «ведры» произошло от праславянского *vedrǫ* — «ясный, солнечный». Обращение к идиллическим элементам в тексте произведения «Плачет пастушок в долгом ненастии» способствует появлению надежды.

Особо примечательной в данной элегии является концовка, выходящая за рамки традиций, характерных для жанра элегии: «Потщися, Боже, нас свободити от печали, Наши нас деды к тебе вопити научали». Столь нетипичным для элегии финалом Ф.

Прокопович показывает, что выход есть из любой ситуации. Автор соединяет идиллические и элегические мотивы, тем самым нарушает требование «чистоты жанра».

Ф. Прокопович явно преодолевает характерную для элегии установку на «ритуальность». Слово «плач» в контексте этой элегии определяет состояние души, когда вокруг «ненастье». Автор усиливает роль «чувствующего» субъекта. Этот факт обусловил развитие самосознания личности, способствовал трансформации жанра элегии.

Элегия «Плачет пастушок в долгом ненастии» свидетельствует о том, что Ф. Прокопович стремился расширить возможности этого жанра. Он ввел новые формы и новое содержание.

Таким образом новаторский характер элегии Ф. Прокоповича представляется нам бесспорным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяков В. К. Избранные произведения / М. – Л.: Изд-во Советский писатель, 1963 — 577 с.
2. Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. — М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961 — 501 с.
3. Гусев В. Е. Песни и романсы русских поэтов [Текст] / Гусев В. Е. — Библиотека поэта. Большая серия. — М. – Л.: Советский писатель, 1965 — 246 с.

THE PECULIARITY OF THE ELEGIAC GENRE IN THE WORK OF F. PROKOPOVICH

Annotation. The article is devoted to the problem of formation of the elegy genre in the literature of the 18th century. Special attention is paid to the analysis of F. Prokopovich's elegy "The Shepherd Crying in a Long Hardship". The author substantiates the idea that this elegy significantly contributes to the development of this type of works in Russian literature.

The author stresses innovative character of Prokopovich's elegy "The Shepherd Crying in a Long Hardship" based on the performed research.

Keywords: elegy, genre, proto-genre.

Yarema A.V.

Scientific adviser: Sencina L.T. Ph.D., Associate Professor

Donetsk National University

E-mail: yarema841@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ КАК ФАКТОР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Ясинский А.А.

*Научный руководитель: Крусулина В.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья повествует о особенностях Я-концепции как фактора самоопределения в юношеском возрасте. Юношеский период является временем значительных изменений и поиска своего места в обществе. Я-концепция, или представление о себе, играет важную роль в этом процессе.

Ключевые слова: Я-концепция, самоопределение, юношеский возраст.

В юношеском возрасте Я-концепция играет важную роль в процессе самоопределения и формирования личности. Я-концепция представляет собой совокупность убеждений, представлений и оценок о себе, которые человек формирует на основе своего опыта, взаимодействия с окружающим миром и обратной связи от других людей. Она включает в себя как понимание собственных характеристик и качеств, так и оценку своей собственной ценности и значимости.

В современном обществе молодые люди сталкиваются с множеством вызовов и выборов, которые могут иметь значительное влияние на их самоопределение и развитие. В этом контексте особую важность приобретает Я-концепция как ключевой элемент формирования личной идентичности в юношеском возрасте. Многообразие аспектов, составляющих «Я»-концепцию личности, характеризует ее как многоаспектное личностное образование, определяющее поведение и деятельность в работах: К.А. Абульханова-Славская, В.С. Агапов, Л.И. Божович, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн, В.В. Столин; Р. Берне, У. Джемс, К. Роджерс, Т. Шибутани и др.

Большое число работ посвящено профессиональной «Я»-концепции (И.В. Афанасенко, Т.Л. Григорьева, С.Т. Джанерьян, Е.В. Прокопьева и др.).

Проблема самоопределения в этом периоде жизни является одной из важных тем современной психологии. Молодые люди сталкиваются с различными вызовами и принимают решения, связанные с выбором профессии, образования, ценностей и своей идентичности. Одним из факторов, оказывающих влияние на процесс самоопределения, является Я-концепция.

Наиболее полно определение Я-концепции как психологического явления, описание ее строения и взаимодействия между элементами сделал Р. Бернс. Он предлагает рассматривать Я-концепцию как совокупность установок, направленных на самого себя и выделяет три составляющие [1]:

1. Когнитивные (Образ-Я или самовосприятие). Самовосприятие, независимо от того, основано ли оно на объективном знании или субъективном мнении, в принципе должно быть лично удовлетворительным. Объектами личного восприятия являются тело, способности, социальные отношения и многие другие проявления личности. Есть много конкретных способов, которыми самосознание формирует восприятие себя. К ним относятся «надежный», «общительный», «сильный», «красивый» и др. Они могут быть атрибуционными, ролевыми, статусными, психологическими и так далее. Все это представляет собой иерархию значений элементов самоотчета, которая, в свою очередь, изменяется в зависимости от контекста, личного жизненного опыта или влияния времени. Такое самописание - это форма самовыражения, которая в сочетании с чертами каждой личности показывает уникальность каждого человека. Вечные вопросы о том, может ли человек реализовать себя, насколько объективна его самооценка, насколько реальна его самооценка, оправданы с точки зрения когнитивных факторов, учитывая тот факт, что не каждое отношение является отражением

самого себя, поэтому знание человека о себе не может быть исчерпывающим и свободным от оценочных качеств и противоречий. Это объясняет цель второго элемента самооценки.

2. Эмоционально-оценочные (самооценка). Человек - это существо, которое ценит или обесценивает себя. Самооценка понимается как «определенное отношение к себе: к своим характеристикам и состояниям, к своим способностям, к своим физическим и психическим силам». Самооценка-это суждение человека о собственной ценности, выраженное в установках, характерных для человека. Следовательно, самооценка отражает степень, в которой человек развивает самооценку, самооценку и позитивное отношение к себе. Низкая самооценка означает самоотречение, самоотречение и негативное отношение к себе. Самооценка играет важную роль в эффективном управлении поведением личности. Правильная самооценка приносит моральное удовлетворение и поддерживает достоинство человека как личности.

3. Поведенческие. Этот компонент состоит из потенциальных поведенческих реакций, то есть самовосприятия и определенного поведения, которое может быть вызвано самооценкой. Все отношения - это эмоционально окрашенные убеждения, связанные с конкретными объектами. Особенность концепции и в том, что здесь, как и во многих инсталляциях, объектом является сам носитель установки. В результате этой самоинициации все эмоции и оценки, связанные с самооценкой, очень сильны и стабильны и оказывают очень сильное влияние на действия человека, поведение и отношения с другими.

Каждый из этих трех установочных компонентов, с точки зрения Р. Бернса представляется в трех модальностях:

1. «Настоящее Я» - отношение к реальным способностям, реальным ролям и статусам, то есть к тому, как человек видит себя в данный момент.

2. Отношение «к себе как к зеркалу», связанное с самовосприятием других. Зеркальное-Я выполняет важную функцию самокоррекции внешнего вида и самовосприятия. Этот механизм обратной связи помогает держать настоящее я под контролем и оставаться открытым для новых впечатлений посредством взаимного диалога с другими и с самим собой.

3. «Идеальное я» - это отношение, связанное с представлением человека о том, кем он «хочет быть». Идеальное-я – это набор качеств и качеств, которые человек хочет найти в себе или сыграть какую-то роль. Элементы идеального «Я», то есть личности, формируются в соответствии с теми же фундаментальными аспектами, что и структура реального Я. идеальный образ формируется из набора представлений, отражающих внутренние стремления и желания человека. Эти представления могут быть отделены от реальности. Противоречие между реальным и идеальным «Я» является одним из важнейших условий развития личного «Я» [2].

Данный подход очень напоминает структуру личности в целом и в частности психоаналитический взгляд на функционирование, поведение и самоощущение личности, а именно:

1. Ид: представляет собой наиболее примитивную и неосознанную часть личности. Он функционирует на уровне инстинктов и желаний, стремясь удовлетворить основные биологические потребности, такие как пища, секс, безопасность и т.д. Ид работает по принципу удовлетворения и немедленного удовлетворения желаний.

2. Эго: является посредником между внутренними потребностями Ида и внешними реальностями. Оно функционирует на уровне реальности, пытаясь удовлетворить желания Ида в соответствии с социальными и моральными нормами. Эго действует по принципу реальности, учитывая внешние обстоятельства.

3. Супер-Эго: представляет собой внутренний критик и моральный судья личности. Он формируется на основе норм, ценностей и правил, принятых обществом и внутренними убеждениями. Супер-Эго стремится подавлять неприемлемые желания Ида и контролировать поведение через чувство вины и стыда.

Говоря об связи Я-концепции и формирования самоопределения можно обратиться к работам Э. Эриксона и Д. Марше, которые рассматривают следующие варианты формирования идентичности:

- «предустановленный» вариант развития, когда индивид заранее включается во «взрослую» систему отношений, делая это под чужим воздействием, что неблагоприятно влияет на формирование его личностной зрелости (например поколения: врачей, музыкантов, спортсменов и т.д.);

- «проба ролей» в попытках выработать идентичность;

- «зрелая идентичность» » вариант развития, когда молодой человек обретает чувство самоидентичности и переходит к самореализации.

Подход Э. Эриксона предоставляет достаточно объективную схему анализа жизненной ситуации субъекта в юношеском возрасте, в виде основной его тенденции: определение базы своей самоидентичности и собственной траектории утверждения себя в обществе через профессию и круг значимых социальных связей [3].

Для адекватного формирования идентичности необходимо учитывать:

1. Идентификацию и самоопределение. В юношеском возрасте молодые люди активно ищут свою истинную сущность, свои уникальные черты и качества, которые делают их индивидуальностью. Я-концепция помогает им определить, кто они есть и кем хотят стать.

2. Влияние окружающей среды. Окружающие люди, общество, семья, друзья и школа могут оказывать значительное влияние на формирование Я-концепции в юношеском возрасте. Положительная обратная связь и поддержка могут способствовать укреплению самооценки и уверенности в себе.

3. Самопонимание и самопринятие. Я-концепция включает в себя и понимание своих слабостей и недостатков, и принятие их как часть себя. Важно научиться принимать себя таким, какой ты есть, и стремиться к саморазвитию и самосовершенствованию.

4. Самореализацию и самовыражение. Я-концепция также связана с желанием реализовать свой потенциал, достичь поставленных целей и выразить свои уникальные способности и таланты. Важно развивать свои сильные стороны и стремиться к самовыражению через творчество, общение и деятельность.

С.Л. Рубинштейн и К.С Абульханова-Славская говоря об особенностях становления самоопределения в юношеском возрасте, напрямую или косвенно выделяют и процесс рефлексии как «ценностно-смыслового самоопределения», определения «своего» способа жизни. Так же они называют юношеский возраст «сензитивным периодом» для становления рефлексии.

Поиск юношей своего смысла жизни может иметь и некоторые особенности: становиться слишком замкнутым «на самом себе» - или, наоборот, предполагать «нескоординированную» активность, «испытание» себя и на себе разнообразных видов деятельностей, ролей. Этот процесс в юношеском возрасте всегда связан с переживанием себя, своего внутреннего мира как ценности с противоречивыми, полярными тенденциями, стремлениями, чувствами. Юноша задаёт себе вопрос кто я, уникальный ли я, или как все? (Т.В. Снегирева, И.С. Кон). Другая «проблемная точка» для юношеской рефлексии заключается в трудности совмещения «ближней и дальней временной перспективы»: соотношения непосредственных актуальных деятельностей и жизненных долгосрочных планов. «Полярности» здесь могут заключаться в слишком отвлеченных, «фантазийных», «глобальных» жизненных целях, либо в чрезмерно конкретной их постановке или противоречивом, неадекватном сочетании.

Л.И. Божович выделяет «двуплановость» личностного самоопределения, которая заключается в том, что оно осуществляется одновременно, с одной стороны, как конкретное определение будущей профессии и планирование жизни, а с другой - как неконкретные поиски смысла своего существования - самоидентичности. А главная особенность

идентичность состоит в непрерывно идущем процессе её становления, сопровождающимся саморазвитием человека как присущим ему способом бытия [4].

В исследованиях У. Джемса, К. Роджерса, М. Розенберга, Р. Бернса и других авторов образы «Я» дифференцируются в зависимости от критерия: по содержанию выделяются «социальное Я», «духовное Я», «физическое Я», «интимное Я», «публичное Я», «моральное Я», «семейное Я» и т.д.; по временному показателю - «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем»; по наличию в реальности или идеале - «реальное Я» и «идеальное Я». Обобщая содержательное их наполнение «Я»-концепцию личности, можно определить как устойчивую систему представлений человека о самом себе, на основе которой он строит свое поведение и относится к себе. Множество аспектов «Я» характеризуют его как системное образование, включающее в себя характеристики разных сторон личности.

Проанализировав Я-концепцию, можно сказать, что самооценка, самовосприятие и поведенческая реакция могут оказывать больше влияние на формирование мировоззрения, ценностных ориентаций, жизненного пути, выбор профессии и так далее. Неправильная репрезентация самого себя может оказать негативное влияние на человека любого возраста. Негативная Я-концепция может привести, например, к отсутствию стремлений и мотивации избегания неудач, или наоборот, к неадекватно завышенной оценке себя и токсичного отношения к окружающим. Адекватная самооценка, самовосприятие поведенческая реакция – это залог и оплот правильного пути не только в юношеском возрасте, но на любом другом возрастном этапе.

Самоопределение является процессом постоянного определения человеком себя в меняющемся мире, и в то же время в каждый конкретный момент оно определено и целостно. В данном контексте юношеский возраст, это некий «момент», который диктует свои условия, такие как эгоцентричность, актуализация здесь и сейчас, без рассмотрения далеко идущих перспектив и т.д.. Однако это не исключает индивидуальные варианты развития, ведь внешние условия запуска механизма самопонимания обусловлены особенностями социальной ситуации, в которой находится человек. Актуализация понимания субъектом определенных аспектов идентичности связана с запросами социокультурной общности, проблематизирующей данный вид идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернс Р. «Я-концепция и воспитание», М.: 2015 г. - 420 с.
2. Агапов, В.С. Возрастная репрезентация Я-концепции личности [Электронный ресурс] / Психология и педагогика. – 2003. – № 1
3. Чурилова Е.Е. Особенности самоопределения личности в юношеском возрасте / CHRONOS: Психология и педагогика», - 2019. - №2 г.
4. Тучина, О. Р. Идентичность и самопонимание личности / Научная мысль Кавказа.– 2014.– № 2 (78).– С. 47-53.

FEATURES OF THE SELF-CONCEPT AS A FACTOR OF SELF-DETERMINATION IN ADOLESCENCE

Annotation. This article describes the features of the Self-concept as a factor of self-determination in adolescence. The adolescence period is a time of significant changes and the search for one's place in society. The self-concept, or self-image, plays an important role in this process.

Keywords: I am a concept, self-determination, adolescence.

Yasinsky A.A.

Scientific supervisor: Krasulina V.A., senior lecturer

Donetsk State University

Email: ppo_2020@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В ПСИХОЛОГИИ

Ясыба Л.С.

*Научный руководитель: Ковальчишина С.В., канд. психол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: в статье анализируется генезис и этимология понятия синдрома дефицита внимания с гиперактивностью. Автором предпринимается попытка поиска основ к его пониманию, ранней диагностике и возможностей для коррекции. Приведены приоритетные подходы в исследовании синдрома дефицита внимания с гиперактивностью и выделяемые типы, делается вывод о его базовых критериях и отличии от других схожих нарушений.

Ключевые слова: синдром дефицита внимания с гиперактивностью, психическое развитие ребенка, психические функции, минимальные мозговые дисфункции.

Ведение. Психическое развитие ребенка является сложным процессом, который заключается в созревании и усложнении его психических функций и личности. Этот процесс происходит под воздействием различных наследственно-биологических и социальных факторов, таких как воспитание, обучение и окружающая среда. Основными психическими функциями, способностями и навыками, определяющими норму психического развития ребенка, являются мышление, память, речь, внимание, эмоции, воля, саморегуляция, самооценка, гнозис, праксис, письмо, счет и другие. В настоящее время одним из наиболее распространенных патологий, которые серьезно влияют на развитие ребенка и его успеваемость в раннем детском возрасте является синдром дефицита внимания с гиперактивностью (далее СДВГ), при том у мальчиков данное расстройство встречается в несколько раз чаще, чем у девочек [1].

Высокая физическая активность является нормой в развитии дошкольников, как реализация врожденной потребности в движении. Однако у гиперактивных детей реализация данной потребности гипертрофирована, что указывает на нарушение в развитии ребенка. Гиперактивность является одним из симптомов синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ). Среди клинических проявлений синдрома дефицита внимания с гиперактивностью отмечают двигательное беспокойство, импульсивность поведения и мыслей, неспособность учиться на опыте и на сделанных ошибках, недостаток внимания, невозможность сконцентрироваться, легкая переключаемость с одного задания на другое без доведения начатого до конца, рассеянность и т.д. Центральным для подтверждения данного расстройства синдрома дефицита внимания с гиперактивностью считается расстройство внимания. Среди сопутствующих проявлений синдрома дефицита внимания с гиперактивностью часто называется неспособность к обучению и высокую тревожность.

Актуальность исследования диагностики развития и коррекции психического здоровья ребенка дошкольного возраста определена рядом причин.

Во-первых, решение проблемы ранней диагностики нарушений в развитии дошкольников, таких как СДВГ, способствовало своевременной коррекции и адаптации ребенка, и подготовке его к школе. Многие авторы указывают на невозможность ранней диагностики СДВГ, так как ранний возраст является периодом активного созревания психических функций и многие процессы находятся в динамике (вставить фамилии авторов);

Во-вторых, данная тема вызывает противоречия в сфере исследований. Множество исследователей (вставить фамилии авторов) считают, что ранняя детская возрастная группа не подходит для диагностики и коррекции данного синдрома, в то время как другие (вставить фамилии авторов) полагают, что раннее выявление и вмешательство могут существенно улучшить прогноз и адаптацию детей дошкольного возраста и точная диагностика оказывается невозможной в возрасте от трех лет.

В-третьих, существующие подходы (желательно перечислить какие) имеют свои ограничения и не всегда позволяют полноценно и точно оценить состояние и потребности каждого ребенка с задержкой в развитии.

Основным противоречием в исследованиях является возможность точной диагностики СДВГ у детей в возрасте от трех лет (в некоторых случаях и раньше). Некоторые специалисты высказывают сомнения относительно достоверности диагностики в таком раннем возрасте. Они полагают, что раннее выявление СДВГ может привести к чрезмерному медикаментозному вмешательству и негативно повлиять на физическое и психологическое развитие ребенка. Также возникает вопрос об определении критериев диагностики при отсутствии стабильных психомоторных симптомов.

С другой стороны, ранняя диагностика и коррекция СДВГ в раннем детском возрасте может значительно повлиять на прогноз заболевания и качество жизни ребенка в дальнейшем. Внесение психолого-педагогических коррекций, направленных на обучение и формирование адаптивных стратегий поведения, может существенно улучшить развитие ребенка и его адаптацию в социальной среде. Это особенно важно, учитывая то, что СДВГ может сопровождаться другими неврологическими и психическими расстройствами.

Несмотря на противоречия в исследованиях, вопросы диагностики и коррекции синдрома дефицита внимания с гиперактивностью в раннем детском возрасте остаются актуальными и требуют дальнейшего изучения.

В глоссарии психологического словаря, гиперактивность определяется как нарушение в работе центральной нервной системы ребенка, характеризующееся трудностями концентрации и удержания внимания, нарушениями обучения, импульсивностью и чрезмерной активностью.

Одна из нейропсихологических особенностей, которые характеризуют детей с гиперактивностью, связана с проблемой контроля своих эмоций. Они проявляют более сильные и быстрые эмоциональные реакции по сравнению со сверстниками.

Важно отметить, что синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) это не новое явление, которое можно свести только к плохому воспитанию и девиантному поведению. Исследования и заметки медицинских специалистов подтверждают, что гиперактивность и дефицит внимания вызывают серьезный интерес профессионалов уже более столетия и требуют серьезного изучения и внимания.

История СДВГ имеет давние корни, начиная с первых описаний клинических случаев в различных европейских странах. Это расстройство было признано клинически значимым уже более двух веков и обладает своими характерными признаками и симптомами. Ранние научные исследования не использовали термин СДВГ, но описывали детей, у которых проявлялись симптомы и нарушения, которые сегодня соответствуют СДВГ [2].

В 1775 году выдающимся немецким врачом Мельхиором Адамом Вейкардом впервые были описаны симптомы СДВГ. Он обозначал это состояние как «недостаток

внимания», но весьма схожие симптомы в настоящее время практически на 100 % идентифицируются как СДВГ [3].

По сути, это расстройство было отмечено медиками еще в XVIII веке и впоследствии описывалось в медицинской литературе многократно. В 1980-х годах специалисты использовали термин «гиперкинетический синдром», который включался в МКБ-10. В МКБ-11 (Международная классификация болезней 11 пересмотра) появился термин СДВГ [4].

В 1845 г. немецкий психоневролог Г. Хоффман впервые описал чрезвычайно подвижного ребенка, страдавшего нарушениями эмоций и поведения, которые сегодня расцениваются как симптомы изучаемого синдрома. Проблема становилась всё более очевидной и к началу XX века вызвала серьёзную тревогу специалистов - невропатологов, психиатров [2,5].

В 1902 году английский педиатр Г.Ф. Стилл описал данный синдром в своих лекциях, прочитанных в Королевском медицинском колледже. Он обратил внимание на гиперактивность и нарушения поведения, которые наблюдались у детей, не испытывающих общего отставания в психическом развитии и неспособных удерживать внимание.

В 1938 году доктор Левин, проводивший длительные наблюдения, пришёл к неожиданному выводу, что причиной тяжёлых форм двигательного беспокойства является органическое поражение мозга, а лёгкие формы связаны с неправильным поведением родителей, их нечуткостью и нарушением взаимопонимания с детьми. К середине 1950 х годов появляется термин «гипердинамический синдром», и врачи всё больше уверяли, что основная причина заболевания — последствия ранних органических поражений головного мозга [6].

Г.Ф. Стилл связывал этот синдром с «дефектами морального контроля» и предложил, что он может быть либо наследственным, либо результатом пери- или постнатального повреждения центральной нервной системы (ЦНС).

В середине XX века немецкий невролог А.А. Штраусс впервые сформулировал понятие «минимальное мозговое повреждение», чтобы описать неизменные остаточные состояния, возникающие в результате ранних локальных повреждений ЦНС.

В 60-х годах термин «минимальная мозговая дисфункция» (ММД), стал широко распространенным, применяясь к различным состояниям с разной этиологией и патогенезом, сопровождающимися нарушениями поведения и обучения, которые не связаны с явными нарушениями интеллектуального развития. Это понятие подчеркивает отсутствие органических поражений головного мозга. Выявленные в таких случаях нарушения поведения рассматривались как проявления нейрохимической и нейрофизиологической дисфункции структур головного мозга.

В последующие годы педиатры предприняли попытки дать четкое клиническое обоснование так называемым гиперактивным детям. В результате в медицине, а затем и в психологии возникла длительная терминологическая дискуссия, которая нашла отражение в понятиях «легкое повреждение мозга», «легкая дисфункция мозга», «гиперкинетический хронический мозговой синдром», «легкая детская энцефалопатия», «гиперактивность», «гиперкинетические импульсивные нарушения», «минимальная дисфункция мозга» и других. [7, 8]. В 1975 году Б.Д. Смит высказал свое несогласие с названием заболевания «ММД», указывая на то, что данное название ассоциируется с повреждением мозга. Это вызывает страх родителей за будущее и интеллектуальное развитие ребенка. Такая метка сопровождает ребенка на протяжении всей жизни. Кроме

того, автор считает, что нет достоверных научных доказательств в пользу использования этого термина.

Автор аргументирует свою позицию следующим образом: несмотря на высокую распространенность этого заболевания в различных странах, в некоторых из них, включая Великобританию, оно встречается достаточно редко (0,4%).

В дальнейшем, при продвижении в изучении СДВГ, произошел пересмотр диагноза. Термин «ММД» был слишком общим и неопределенным, создавая путаницу в диагностике, лечении и реабилитации детей, неспособных раскрыть истинные причины синдрома. Поэтому в 1980 году в американской классификации психиатрических болезней был принят более четкий термин, чтобы обозначить подобные состояния – синдром дефицита внимания (ADD - Attention Deficit Disorder). После проведения ревизий и внесения уточнений в DSM-IV этот синдром определяется как синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) или attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) и подразделяется на три типа: с преобладанием невнимательности, с преобладанием гиперактивности/импульсивности и комбинированный тип (рис. 4). В Международной классификации болезней развитие диагностики СДВГ происходило по аналогичному пути.

В последней классификации DSM-IV дано следующее определение синдрому дефицита внимания с гиперактивностью – это психоневрологическое расстройство, характеризующееся несоответствующей возрасту степенью выраженности нарушения внимания, гиперактивности, импульсивности, которые проявляются в различных социальных ситуациях (в школе, дома и др.) [9].

Рис. 4. Типы Синдрома дефицита внимания

Для диагностики этого расстройства применяются две системы: в США, Канаде и ряде других стран используются критерии диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям (DSM-IV); в Европе, Великобритании и России используются критерии международной классификации болезней ВОЗ (ICD-10, МКБ-10). Критерии в обоих руководствах идентичны. По МКБ-10 данное расстройство имеет название СДВГ, что расшифровывается как гиперкинетическое расстройство поведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что СДВГ является одним из основных клинических вариантов ММД. Минимально-мозговую дисфункцию (ММД) обычно относят к категории функциональных нарушений, которые могут быть обратимы, и

нормализуемы по мере роста и созревания головного мозга. Важно отметить, что ММД не является медицинским диагнозом, а скорее констатацией факта наличия легкого нарушения в функционировании мозга, причины и суть которого еще подлежат выявлению. Вместе с тем СДВГ представляет собой расстройство поведения у детей, проявляющееся в повышенной двигательной активности, импульсивных поступках и дефиците внимания. Этот синдром относится к структуре невротических расстройств у детей в дошкольном и младшем школьном возрасте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чурило Н. В. Основные подходы к анализу механизмов и факторов возникновения синдрома дефицита внимания и гиперактивности у ребенка // Ученые записки факультета специального образования: сб. научн. ст. / Белорус. гос пед. ун.-т им. М. Танка: научн. ред. С. Е. Гайдукевич, В. А. Шинкаренко, Н. В. Дроздова. – Минск: БГПУ, 2016.
2. Самое раннее упоминание о СДВГ в медицинской литературе / Баркли, Рассел А. Питерс, Хельмут // Журнал нарушений внимания. (ноябрь 2012 г.) [Электронный ресурс] <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22323122/>
3. Международное консенсусное заявление Всемирной федерации СДВГ: 208 доказательных выводов о расстройстве / перевод с английского К.м.н. Мартынихин И.А, Мудракова Т.А. - СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова [Электронный ресурс] <https://www.adhd-federation.org/Resources/Persistent/ec3ebd678db80039ab6c4c9415f3285096c75b8c/ADHD%20International%20Consensus%20Statement%20Russian%20version.pdf>
4. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс]: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4441&ysclid=lsi1z38sra802693593>
5. Хоффман Г. Исторический обзор современных сведений о детях с нарушениями развития: учебное пособие / Г. Хоффман, М. К. Литвак. - М. : БИНОМ, 2015.
6. Барскова Т. П. Диагностика и классификация психических расстройств у детей в образовательных учреждениях: учебное пособие / Т. П. Барскова, Е. А. Шумакова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
7. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. — М.: Эксмо-Пресс, 2009.
8. Ретюнский К. Ю., Петренко Т. С. Гиперкинетические импульсивные нарушения у детей. - СПб.: Питер, 2006. <https://cyberleninka.ru/article/n/giperkineticheskoe-rasstroystvo-u-detey-sovremennoe-ponimanie-patogeneza-i-terapii?ysclid=lsi1nrd4fp521791150>
9. Маранушенко Т.Е., Синдром дефицита внимания с гиперактивностью у детей / Т.Е. Маранушенко, Т.В. Кустова, А.Б. Салмина // Российский педиатрический журнал Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого № 4, 2013 г. Стр. 41-45

CURRENT PROBLEMS OF RESEARCH ON COGNITIVE DEFICIT HYPERACTIVITY DISORDER IN PSYCHOLOGY

Annotation: the article analyzes the genesis and etymology of the concept of attention deficit hyperactivity disorder. The author attempts to find the foundations for its understanding, early diagnosis and opportunities for correction. Priority approaches in the study of attention deficit hyperactivity disorder and the types identified are given, and a conclusion is drawn about its basic criteria and differences from other similar disorders.

Keywords: attention deficit hyperactivity disorder, child's mental development, mental functions, minimal brain dysfunctions.

Yatsyba L.S.

Scientific supervisor: S.V. Kovalchishina, PhD, psychol. Associate Professor, Department of Psychology, DonGU
E-mail: s.kovalchishina.dongu@mail.ru

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Гришкова Е.О.

Научный руководитель: Гордеева А.В., канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема психологического благополучия студенческой молодёжи, проживающей в различных социально-политических условиях. Дан теоретический обзор основных концепций психологического благополучия. Представлены результаты исследования, подтверждающие гипотезу о том, что уровень психологического благополучия студенческой молодёжи, проживающей в зоне вооружённого конфликта, ниже, чем у студентов, проживающих в стабильной обстановке.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, вооружённый конфликт, удовлетворённость жизнью, доминирующее состояние, осмысленность жизни.

Вступление. Студенческая молодёжь как социально-демографическая группа представляет собой интеллектуальный и творческий потенциал будущего. На этапе профессиональной подготовки, помимо приобретения собственно специальных знаний, умений и навыков, развиваются такие качества личности, как инициативность, целеустремлённость, самостоятельность, расширяются способы социального взаимодействия, происходит становление мировоззрения и жизненных планов [1].

В силу того, что проживание в зоне пролонгированного вооружённого конфликта сопряжено с сильным психологическим напряжением, обусловленным чувством неопределённости и близостью человеческого горя, а введённый в целях безопасности дистанционный режим учебного процесса продолжает существенно ограничивать социальную активность студентов, их отношение к реальности, видение жизненных перспектив, психическое состояние могут претерпевать существенные изменения. Так, согласно данным исследований, в психологическом профиле многих учащихся донецких высших учебных заведений значительно выражены депрессивные тенденции, актуальные страхи личности, проявляющиеся как общий негативный эмоциональный фон (напряжение, тревога и пр.), астенические симптомы [2; 3]. Учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание факт того, что в условиях военного конфликта молодые люди в возрасте 18-24 лет наиболее подвержены тревоге и депрессии [4], мониторинг психологического благополучия студенчества с целью последующей разработки необходимых коррекционных мероприятий приобретает особую актуальность.

Анализируя феномен психологического благополучия, стоит отметить, что наука не располагает общепринятым его определением, т.к. в рамках существующих концепций компоненты рассматриваемого конструкта различны. Так, в гедонистической модели уровень психологического благополучия определяется через соотношение позитивных и негативных эмоций (Н. Бредберн) или через тот же баланс аффекта в сочетании с когнитивной оценкой удовлетворённости своей жизнью (Э. Динер). К. Рифф как видный представитель эвдемического подхода, опирающегося на идеи гуманистической психологии, предложила следующие компоненты психологического благополучия: позитивные отношения с другими, принятие себя, автономия, компетентность (способность эффективно управлять своей жизнью), наличие целей, личностный рост [5]. И если недостаток гедонистической модели – недооценка вклада в психологическое благополучие наличия жизненных целей, осмысленности существования, то слабость концепции К. Рифф в том, что игнорируются эмоционально-аффективные компоненты, собственно психологическое благополучие подменяется, скорее, личностным, а «позитивность» ряда предложенных качеств весьма условна (при очень высокой личностной автономности

существует риск «выпасть» из общества и т.д.) [6]. С целью преодоления проблемных сторон рассмотренных подходов создаются интегративные теории психологического благополучия, включающего теперь и эмоциональные, и когнитивно-оценочные, и личностные составляющие [7]. Однако, на наш взгляд, наиболее оптимальную модель изучаемого феномена предложила Г. В. Солдатова, определяющая психологическое благополучие как «относительно устойчивое (доминирующее в определённый жизненный период) психическое состояние, «ядром» которого является отношение человека к своей жизни» [6, с. 22], и выделяющая следующие его уровни: 1) психофизиологический уровень: критерий – функциональное состояние (хорошее самочувствие, ощущение сил, отсутствие дистресса); 2) психологический уровень – критерии: доминирующее эмоциональное состояние (преобладание позитивных переживаний, душевное спокойствие), самоотношение (удовлетворённость собой, самоэффективность); 3) социально-психологический уровень: удовлетворённость жизнью; ощущение осмысленности жизни, наличие её целей и «перспектив» [6].

Именно модель психологического благополучия Г. В. Солдатовой легла в основу данной работы.

Целью нашего исследования стало выявление различий в уровне психологического благополучия студенческой молодёжи, проживающей в различных социально-политических условиях. Мы предположили, что студенты-жители зоны вооружённого конфликта будут отличаться более низким уровнем психологического благополучия по сравнению с учащимися вузов, проживающими в стабильной обстановке. Чтобы проверить нашу гипотезу, мы сформировали две группы испытуемых: первая группа состояла из 50 жителей Донецкой Народной Республики (Донецк, Макеевка, Горловка, Торез, Ясиноватая, Енакиево) 18-23 лет, студентов-психологов ДонГУ 2-4 курсов очной формы обучения, в числе которых 43 девушки и 7 юношей (далее – группа донецких студентов); во вторую группу вошли 50 жителей Иркутской области 19-23 лет, студентов-психологов БГУ и ИГУ 2-3 курсов очной формы обучения, в числе которых 47 девушек и 3 юноши (далее – группа иркутских студентов). Испытуемым были предложены для заполнения следующие методики: «Удовлетворённость жизнью» Н. Н. Мельниковой, «Доминирующее состояние» (ДС-8) Л. В. Куликова, «Тест смысловых ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева. Математическая обработка результатов тестирования проводилась с использованием описательной статистики и U-критерия Манна-Уитни.

Основная часть. Сравнение межгруппового распределения оценок по интегральной шкале методики Н. Н. Мельниковой «Удовлетворённость жизнью» наглядно представлено на рисунке 1.

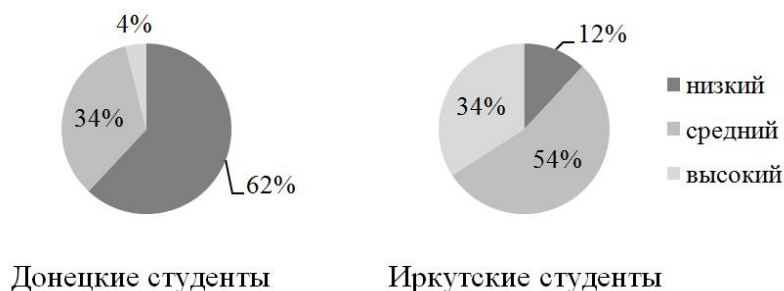

Рис. 1. Распределение студентов по интегральному уровню удовлетворённости жизнью

Из распределения на рис. 1 видно, что для 62% студентов, проживающих в зоне вооружённого конфликта, характерна низкая удовлетворённость жизнью, для 34% – средняя и лишь для 4% – высокая. У иркутской студенческой молодёжи, в свою очередь, преобладают средние (54%) и высокие (34%) оценки, низкая жизненная удовлетворённость

прослеживается у 12% испытуемых данной группы. Среднее значение и стандартное отклонение показателей в группе донецких студентов – $3,06 \pm 1,86$, в группе иркутских студентов – $5,52 \pm 2$ соответственно. Различия значимы на 1% уровне статистической значимости ($U_{\text{эмп}} = 467,5$). Подробнее рассмотрим результаты межгруппового сравнения показателей по частным шкалам методики «Удовлетворённость жизнью». Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение оценок частных шкал методики «Удовлетворённость жизнью»

Параметры	Донецкие студенты $\bar{x} \pm S$	Иркутские студенты $\bar{x} \pm S$	Эмпирическое значение критерия ($U_{\text{эмп}}$)
Жизненная включённость	$3,84 \pm 2,2$	$6,22 \pm 1,72$	503**
Разочарование в жизни	$3,54 \pm 1,98$	$5,04 \pm 2,22$	763**
Усталость от жизни	$2,72 \pm 1,5$	$4,80 \pm 2,02$	532**
Беспокойство о будущем	$3,36 \pm 1,98$	$5,34 \pm 2,02$	575,5**

Примечание:

« \bar{x} » – среднее значение, « S » – стандартное отклонение, «**» – значимость для $p \leq 0,01$; высокий стандартный балл по всем шкалам свидетельствует о благополучии

Итак, данные таблицы 1 подтверждают наличие достоверных на 1% уровне статистической значимости различий по частным параметрам удовлетворённости жизнью между студентами, проживающими в различных социально-политических условиях: по сравнению с иркутскими студентами, для донецких студентов характерна большая выраженность тревожных ожиданий неблагоприятных событий (шкала «Беспокойство о будущем»), астенических состояний (шкала «Усталость от жизни»), переживания обиды из-за расхождения желаемого с действительным (шкала «Разочарование в жизни»); молодёжь, проживающая в зоне вооружённого конфликта, в большей степени склонна не ощущать насыщенности и полноты жизни (шкала «Жизненная включённость»).

Перейдём к обсуждению результатов по методике Л. В. Куликова «Доминирующее состояние» (ДС-8). Большинство показателей находятся у 50-72% донецких испытуемых в пределах средних значений, т.е. преимущественно их состояние характеризуется умеренной тревожностью, нейтральным настроением, готовностью прикладывать усилия к осуществлению задуманного. При этом у 52% студентов-жителей зоны военного конфликта наблюдается пессимистическая позиция в оценке многих жизненных ситуаций, 42% испытуемых данной группы отмечают у себя повышенную утомляемость, 36% – большую эмоциональную напряжённость, 30% – преобладание пониженного настроения. У иркутских студентов, помимо большой представленности средних показателей, велика доля и высоких оценок: так, доминирующее состояние около половины учащихся отличается ровным положительным эмоциональным тоном, высокой оценкой личностной успешности. 38% испытуемых данной группы подмечают у себя большой запас сил, 34% – раскованность, однако для 24% студентов всё же свойственна низкая работоспособность, а 20% учащихся в основном сильно напряжены, не верят в свои силы. У большинства испытуемых-иркутян не отмечается ярко выраженного оптимистического или пессимистического отношения к действительности. Результаты межгруппового сравнения оценок по методике «Доминирующее состояние» (ДС-8) представлены в таблице 2.

Исходя из данных таблицы 2, можно сделать вывод о том, что, в отличие от иркутских студентов, донецкие испытуемые в большей степени склонны к пессимистической оценке настоящего и будущего (шкалы «Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации», «Бодрость – уныние», «Удовлетворённость – неудовлетворённость жизнью»), переживанию напряжённости и беспокойства во многих жизненных ситуациях (шкалы «Спокойствие – тревога», «Раскованность – напряжённость»); у них относительно меньше запас энергии (шкала «Тонус: высокий – низкий»), сравнительно легче возникает эмоциональное

возбуждение (шкала «Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона») ($p \leq 0,01$), наблюдается более высокая критичность в оценке себя (шкала «Положительный – отрицательный образ себя») ($p \leq 0,05$).

Таблица 2

Межгрупповое сравнение показателей доминирующего состояния

Параметры	Донецкие студенты $\bar{x} \pm S$	Иркутские студенты $\bar{x} \pm S$	Эмпирическое значение критерия ($U_{эмп}$)
Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации	41,46 ± 9,70	49,74 ± 10,94	699,5**
Бодрость – уныние	43,54 ± 8,96	52,48 ± 8,68	571**
Тонус: высокий – низкий	43,14 ± 11,76	50,78 ± 12,96	786**
Раскованность – напряжённость	44,70 ± 10,82	52,98 ± 12,21	697,5**
Спокойствие – тревога	47,86 ± 11,87	53,62 ± 11,99	874**
Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона	48,66 ± 8,53	55,18 ± 12,02	742**
Удовлетворённость – неудовлетворённость жизнью в целом	49,26 ± 11,16	57,28 ± 11,28	757,5**
Положительный – отрицательный образ себя	45,28 ± 9,38	49,06 ± 12,09	989*

Примечание:

« \bar{x} » – среднее значение, « S » – стандартное отклонение;

«*» – значимость для $p \leq 0,05$, «**» – значимость для $p \leq 0,01$

Рассмотрим результаты «Теста смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева. Сравнение межгруппового распределения оценок по интегральной шкале осмысленности жизни наглядно представлено на рисунке 2.

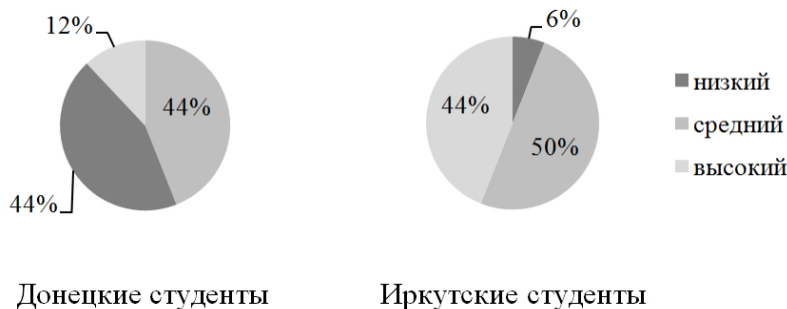

Рис. 2. Распределение студентов по интегральному уровню осмысленности жизни

Из распределения на рис. 2 видно, что для 44% студентов, проживающих в зоне вооружённого конфликта, характерна низкая общая осмысленность жизни, для 44% – средняя, для 12% – высокая. У иркутской студенческой молодёжи, в свою очередь, преобладают средние (50%) и высокие (44%) оценки, низкая осмысленность жизни прослеживается у 6% испытуемых данной группы. Среднее значение и стандартное отклонение показателей в группе донецких студентов – $84,32 \pm 20,25$, в группе иркутских студентов – $105,58 \pm 17,49$ соответственно. Выявленные различия значимы на 1% уровне статистической значимости ($U_{эмп} = 522$).

Интерпретируя баллы по шкалам «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни» как показатели осмысленности в трёх временных перспективах (Будущее – Настоящее – Прошлое), можно сделать вывод о том, что 60% донецких студентов не воспринимают настоящее как интересное, значимое время, но всё же они находят смыслы или в будущем, или в прошлом. Несмотря на то, что около трети испытуемых-жителей зоны вооружённого конфликта испытывают серьёзные затруднения в постановке целей и не удовлетворены прожитой частью жизни, остальные испытуемые данной группы приблизительно (56%) или точно (12%) осознают будущие цели, отчасти (56%) или полностью (10%) довольны пройденным отрезком жизненного пути. Молодёжь, проживающая в стабильной обстановке, приблизительно в одинаковой степени находит смысл и в будущих целях, и в настоящем, и в прожитой части жизни. Затрудняются ставить определённые жизненные цели, не удовлетворены текущим процессом жизни и её пройденным отрезком 10-12% испытуемых-иркутян. Большинство донецких студентов (80%) в целом признают возможность строить свою жизнь в соответствии с собственными целями и представлениями, 20% студентов данной группы всё же не считают себя способными на это (шкала «Локус контроля – Я»). Преобладающее число учащихся разделяют убеждение об относительной (60%) или полной (10%) возможности контроля жизненных событий, 30% донецких испытуемых придерживаются фаталистического взгляда о предопределённости и отсутствии свободы выбора (шкала «Локус контроля – Жизнь»). У иркутской студенческой молодёжи, в свою очередь, преобладают средние (50-60%) и высокие (40%) оценки способности быть полноправным субъектом-творцом собственной жизни. Результаты межгруппового сравнения оценок по «Тесту смысложизненных ориентаций» (СЖО) представлены в таблице 3.

Таблица 3

Межгрупповое сравнение показателей частных шкал методики СЖО

Параметры	Донецкие студенты $\bar{x} \pm S$	Иркутские студенты $\bar{x} \pm S$	Эмпирическое значение критерия ($U_{эмп}$)
Цели в жизни	26,18 ± 8,08	32,28 ± 6,60	713**
Процесс жизни	22,14 ± 7,36	30,56 ± 6,81	509,5**
Результативность жизни	20,06 ± 6,20	26,34 ± 4,87	545**
Локус контроля – Я	18,14 ± 4,81	21,94 ± 4,07	674,5**
Локус контроля – Жизнь	26,44 ± 7,07	32,62 ± 5,85	616**

Примечание:

« \bar{x} » – среднее значение, « S » – стандартное отклонение, «**» – значимость для $p \leq 0,01$

Итак, данные таблицы 3 подтверждают наличие достоверных на 1% уровне статистической значимости различий по результатам методики «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) между студентами, проживающими в различных социально-политических условиях: по сравнению с иркутскими студентами, для донецких студентов характерна относительно меньшая удовлетворённость процессом жизни, её результативностью; испытуемые, проживающие в зоне вооружённого конфликта, сравнительно чаще отмечают ограниченность субъективного контроля над жизнью и испытывают некоторые затруднения при постановке ясных жизненных целей.

Выводы. Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась: студенты-жители зоны вооружённого конфликта отличаются более низким уровнем психологического благополучия по сравнению со студенческой молодёжью, проживающей в стабильной социально-политической обстановке. В соответствии с моделью психологического благополучия Г. В. Солдатовой, межгрупповые различия выявлены на всех уровнях: у донецких испытуемых сравнительно чаще наблюдается выраженность астенических симптомов (психофизиологический уровень); им в большей степени свойственны склонность к пессимистической оценке настоящего и будущего, переживание напряжённости и беспокойства, критичность в самооценивании (психологический уровень); они относительно

меньше удовлетворены жизнью, имеют более низкий уровень её осмысленности (социально-психологический уровень).

Данные проведённого исследования обосновывают необходимость проведения для студентов-жителей зоны вооружённого конфликта профилактических и коррекционных психологических мероприятий (например, в формате тренинга), направленных на обучение приёмам психической саморегуляции и развитие субъектности личности.

Исследование психологического благополучия студенческой молодёжи, проживающей в различных социально-политических условиях, может быть продолжено с привлечением большего количества испытуемых и/или использованием дополнительных диагностических методик для формулирования более точных выводов по рассматриваемой проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власюк И.В., Савченко И.А. Молодёжь и студенчество в современном обществе: универсальные черты и специфические характеристики // Педагогические исследования. – 2021. – № 2. – С. 5-11.
2. Денисов Е.М., Абрамов В.А., Плотноков Д.В. Оценка выраженности психопатологических симптомов у студентов, находящихся в зоне военного конфликта // Университетская клиника. – 2015. – Т. 11, № 2. – С. 84-86.
3. Новикова Е.В. Психологические последствия психотравмирующих событий военного конфликта // Медико-социальные проблемы семьи. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 57-65.
4. Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 5-22.
5. Мельник Ю.И., Колесников В.Н. Психологическое благополучие личности / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – 125 с.
6. Солдатова Г.В. Психологическое благополучие как научный феномен // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Психолого-педагогические науки. – 2021. – № 12. – С. 17-30.
7. Психоэмоциональное благополучие: интегративный подход / В.Р. Манукян, Е.Г. Трошихина, М.В. Данилова [и др.] ; под ред. Л.А. Головей. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 360 с.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENT YOUTH LIVING IN DIFFERENT SOCIO-POLITICAL CONDITIONS

Annotation. The article deals with the problem of psychological well-being of student youth living in different socio-political conditions. A theoretical review of the main concepts of psychological well-being is given. The results of the research confirming the hypothesis that the level of psychological well-being of student youth living in the zone of armed conflict is lower than that of students living in a stable environment are presented.

Key words: student youth, armed conflict, life satisfaction, dominant state, life meaningfulness.

Grishkova E.O.

Scientific adviser: Gordeeva A.V., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: grishkova_k@mail.ru

Зарубежная филология

УДК 811.111.2.161.1:81'37

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИЙНЫХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-КОЛОРОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аллахвердян А.А.

Научный руководитель: Писарева В. В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается семантика фразеологических (ФЕ) и паремийных (ПЕ) единиц с компонентом-колоронимом в английском и русском языках. Сформирован корпус фразеологических и паремийных единиц с компонентом-колоронимом в сопоставляемых языках, проведен семантический анализ собранного материала и выделены лексико-семантические группы. Выявлена специфика значений у ФЕ и ПЕ с компонентом-колоронимом в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, паремия, цвет, семантика, языковая картина мира.

1. Введение. Данная статья посвящена изучению фразеологических и паремийных единиц с компонентом-колоронимом в английском и русском языках.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) служат необходимым звеном в процессе изучения иностранного языка. Это связано с тем, что в процессе их применения исключается возможность использования дополнительных слов, значительно облегчается понимание собеседника, речь становится более экспрессивной, происходит понимание национальной культуры страны изучаемого языка.

Английская и русская лингвокультуры считаются неисчерпаемыми источниками различного рода красочных по форме, содержащих в себе глубокий внутренний смысл, устойчивых языковых конструкций – фразеологических единиц.

Фразеологизмы с компонентом-колоронимом ярко раскрывают выразительные возможности языка как способа отражения самосознания, культурно-исторического развития и эмоционального состояния народа.

Актуальность исследования определяется ростом межкультурных связей, а также необходимостью комплексного анализа фразеологизмов и условий, порождающих эквивалентность в сопоставляемых языках.

Объектом исследования являются фразеологические и паремийные единицы с компонентом-колоронимом в английском и русском языках.

Предметом исследования является семантика фразеологических и паремийных единиц с компонентом-колоронимом в английском и русском языках.

Цель статьи заключается в выявлении лингвокультурологических сходств и различий в оценке цвета в картине мира носителей русского и английского языков на материале фразеологических единиц, содержащих в своей структуре основные цветообозначения.

Материалом исследования послужили 366 фразеологических и паремийных единиц, включающих в свою структуру компонент-колороним в английском и русском языках (191 ед. в английском языке и 175 ед. в русском языке). ФЕ и ПЕ были отобраны путём сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников английского языка – «Longman Idioms Dictionary» [1], «Macmillan English Dictionary for Advanced

Learners (International Student Edition)» [2], «English Idioms and How to Use Them» J. Seidl, J., W. McMordie [3]; русского языка – «Англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [4], «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [5].

2. Некоторые ключевые понятия терминологического аппарата. По мнению А. В. Кунина, фразеологические единицы – это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [6, с.160].

Согласно классификации В. В. Виноградова [7, с. 89], выделяются следующие три типа фразеологических единиц: 1. фразеологические сращения, или идиомы – (1) англ. *to show the white feather* <трусить>, (2) *to kiss the hare's foot* <опаздывать>; 2. фразеологические единства – (3) англ. *to turn over a new leaf* <начать новую жизнь>, (4) *to dance on a tight rope* <рисковать>; 3. фразеологические сочетания – (5) англ. *to break a promise/ an agreement/ a rule* <нарушить обещание, соглашение, правило>, (6) *to shrug one's shoulders* <пожимать плечами>.

В настоящее время паремия есть «краткое образное устойчивое высказывание, синтаксически оформленное как простое или сложное предложение, отражающее обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [8, с. 67].

2.1. Цвет как символ в языковой картине мира. Цитируя В. П. Недельчо, «в символике народов цвета играют весьма немаловажную значимость. Различие зрительных их эффектов, откликающееся восприимчивым способом на настроения и расположении духа, бесспорное воздействие цветов на психологическую область человека, контрастность среди светлыми и темными цветами, насыщенность и энергичная активность красного цвета в сопоставление к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все без исключения данные факторы, которыми человек пользовался с целью символизирования и фигурального оживления собственных созерцаний, чувств и взглядов» [9, с. 29].

Как утверждает Н. Н. Амосова, «цвета представляют значительную роль в создании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у различных лингвокультурных общностей объединены конкретные ассоциации, эти либо другие цветовые предпочтения» [10, с. 61].

Все без исключения фразеологизмы английского языка можно разбить на две категории: исконно английские и заимствованные. Заимствования в свою очередь разделяются на межъязыковые и внутриязыковые. Таким образом, можно выделить три категории фразеологических единиц:

- исконно английские фразеологические единицы;
- межъязыковые заимствования, то есть фразеологические единицы, взятые из иностранных языков посредством того либо иного вида перевода;
- внутриязыковые заимствования, то есть идиоматичные единицы, взятые из американского и иных вариантов английского языка [11, с. 59].

Рассуждая о фразеологических единицах с компонентом-колоронимом в русском языке, стоит упомянуть, что основную массу употребляемых в настоящее время фразеологических оборотов составляют устойчивые сочетания слов исконно русского происхождения.

Таким образом, цвет охватывает все стороны человеческой жизни, причем одно и то же понятие может приобретать как положительную, так и отрицательную оценку. Это говорит о том, что данное многогранное понятие предоставляет множество возможностей для изучения не только языка, но также помогает разобраться в восприятии представителями различных культур.

3. Семантика английских и русских ФЕ и ПЕ с компонентом-колоронимом.

Рассмотрим семантику ФЕ и ПЕ с компонентом-колоронимом в английском и русском языках.

В ходе исследования были выделены 10 лексико-семантических групп: ФЕ, обозначающие разные способы/образы действия (31 ед. в англ. яз. (16,2%), 20 ед. в рус. яз. (11,3%)); ФЕ с отрицательной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места (47 ед. в англ. яз. (24,6%), 57 ед. в рус. яз. (32,3%)); ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места (44 ед. в англ. яз. (23,04%), 47 ед. в рус. яз. (26,7%)); ФЕ с положительной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места (20 ед. в англ. яз. (10,4%), 23 ед. в рус. яз. (13,07%)); ФЕ со значением оценки определенного состояния человека (22 ед. в англ. яз. (11,5%), 9 ед. в рус. яз. (5,6%)); ФЕ, относящиеся к экономике/деньгам (11 ед. в англ. яз. (5,7%), 10 ед. в рус. яз. (5,6%)); ФЕ со значением болезни (2 ед. в англ. яз. (1,05%), 3 ед. в рус. яз. (1,7%)); ФЕ, относящиеся к церковным терминам (0 ед. в англ. яз. (0%), 4 ед. в рус. яз. (2,2%)); ФЕ, относящиеся к профессии/проф. деятельности (13 ед. в англ. яз. (6,8%), 3 ед. в рус. яз. (1,7%)); ФЕ с темпоральным значением (1 ед. в англ. яз. (0,5%), 1 ед. в рус. яз. (0,5%)).

3.1. Наиболее частотным фразеобразующим колоративом в русском языке является чёрный цвет – 45 ед. (в английском языке 25 ед.). Сопоставительный анализ фразеотематических групп с колоративным компонентом *чёрный / black* в русских и английских фразеологизмах показал, что в русском языке вышеупомянутые фразеологизмы входят в 8 лексико-семантических групп, тогда как фразеологические единицы английского языка – в 6 ЛСГ. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «*ФЕ с отрицательной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места*»: (9 ед. в английском языке, 29 ед. в русском языке). Эстетическая функция чёрного цвета в русской культуре заключается в вызывании чувства пессимизма, трагичности, подавленности, угнетенности, страха, отсюда и большое количество фразеологизмов с негативной коннотацией: (7) рус. *чёрная работа* – трудная, грязная работа; (8) рус. *держаться в чёрном теле* – сурово обращаться с кем-то и т.д. В англоязычной лингвокультуре чёрный цвет — цвет ночи, раскаяния, страха и зла: (9) англ. *to be in someone's black books* букв. ‘быть в чьей-то чёрной книге’ <to be in disgrace or in disfavour with someone> ‘быть в опале или в немилости у кого-либо’;

3.2. Вторым по продуктивности колоративным компонентом является *красный/red*, который представлен в русском языке 22 ед., в английском 30 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *красный/red* входят в 6 лексико-семантических групп в русском языке и в 7 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «*ФЕ, обозначающие разные способы/образы действия*»: (8 ФЕ в английском языке, 4 ФЕ в русском языке) (10) англ. *to run through like a red thread* букв. ‘проходить сквозь, как красная нить’ <to be the main, principal, dominant thought, idea> ‘быть главной, основной, доминирующей мыслью, идеей’; (11) рус. *проходит красной нитью* <является главной мыслью>: Вольфганг Гёте писал, что в дневнике главной героини красной нитью проходит тема её привязанности. И эта случайное родство душ, как единая тема, связывает записки в единое целое, придает им смысл.

3.3. Третьим по продуктивности является колоративным компонентом *белый/white* представлен в русском языке в количестве 25 ед., в английском 25 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *белый/white* входят в 9 лексико-семантических групп в русском языке и в 7 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «*ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места*»: (6 ед. в английском языке, 7 ед. в русском языке): (12) англ. *white night* букв. ‘белая ночь’ <a sleepless night of fun> ‘бессонная ночь веселья’ – (13) рус. *белые ночи* – северные летние ночи, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без

наступления темноты; (14) англ. *white paper* букв. ‘белая бумага’ <official report or guide> ‘официальный отчет или руководство’ — исторически сложилось так, что в Великобритании правительственные документы имели цветовую маркировку. Белый цвет означал доступность для общественности, и с тех пор этот термин прижился.

3.4. Фразеологический материал с колоративным компонентом *зелёный/green* представлен в русском языке в количестве 15 ед., в английском 25 ед. (всего 366 ФЕ). ФЕ и ПЕ с компонентом *зелёный/green* входят в 5 лексико-семантических групп в русском языке и в 7 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места: (7 ед. в английском языке, 5 ед. в русском языке) (15) англ. *a green belt* букв. ‘зеленый пояс’ <an area of fields and trees around a town> ‘область полей и деревьев вокруг города’; (16) рус. *зелёная аптека* – лекарственные травы;

3.5. Колоративный компонент *синий/голубой/blue* представлен в русском языке 27 ед. (13 ед. с компонентом *синий*, 14 ФЕ с компонентом *голубой*), в английском 22 ед. ФЕ и ПЕ в русском языке с компонентом *синий* входят в 6 ЛСГ, с компонентом *голубой* входят в 5 ЛСГ, тогда как ФЕ и ПЕ английского языка – в 8 ЛСГ. Большая часть ФЕ с данными компонентами входит в ЛСГ «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места: (5 ед. в английском языке, 9 ед. с компонентом *голубой* и 4 ед. с компонентом *синий* в русском языке) (17) англ. *blueprint* букв. ‘синяя печать’ <a detailed design of an object or idea> ‘детальный проект объекта или идеи’ – фотоотпечаток, состоящий из белых линий на синем фоне, используемый главным образом для копирования планов, чертежей и т.д.; рус. (18) рус. *синь порох* – самая малость, ничтожно мало, мельчайшая частица: в общеславянском языке слово «порох» имело значение ‘пыль, прах’, ни *синь-пороха* в переносном ‘ничего нет, не осталось; совсем отсутствует’.

3.6. В русском языке колороним *жёлтый/yellow* содержится в 11 ед., в английском в 9 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *жёлтый/yellow* входят в 4 лексико-семантических групп в русском языке и в 4 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «ФЕ с отрицательной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места»: (6 ед. в английском языке, 5 ед. в русском языке) (19) англ. *yellow papers* букв. ‘желтые бумаги’ <the low-brow, sensationalist press> ‘низкопробная, сенсационная пресса’ – (20) рус. *желтая пресса* <низкопробная, ориентированная на скандальные репортажи, сенсационные непроверенные факты>.

3.7. Компонент *серый/grey* входит в состав 11 ед. русского языка и 9 ед. английского языка. ФЕ и ПЕ с колоронимом *серый/grey* входят в 4 лексико-семантических групп в русском языке и в 5 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места»: (9 ед. в английском языке, 8 ед. в русском языке) (21) англ. *a grey area* букв. ‘серая область’ <an area of a subject or situation that is not clear> ‘область предмета или ситуации, которая не ясна’; (22) рус. *серые будни* <обычные, будние дни>, (23) рус. *серая мышь* <незаметный, заурядный человек>.

3.8. Колороним *розовый/pink* представлен в фразеологическом материале русского языка 4 ед., английского – 8 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *розовый/pink* входят в 2 лексико-семантических группы в русском языке и в 4 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом относится к ЛСГ «ФЕ, обозначающие разные способы/образы действия» (2 ед. в английском языке, 2 ед. в русском языке) (24) англ. *to see the world through rose-colored glasses* букв. ‘видеть мир сквозь розовые очки’ <to see something in a positive way, to be very optimistic> ‘видеть что-либо в позитивном ключе, быть очень оптимистичным’ – (25) рус. *видеть в розовом свете* – видеть что-либо

лучше, чем на самом деле – выражение возникло из практики ношения цветных очков для улучшения зрения.

3.9. Колоративный компонент *коричневый/brown* входит в состав 1 ед. русского языка и 11 ед. английского языка. ФЕ и ПЕ с компонентом *коричневый/brown* входят в 1 лексико-семантических групп в русском языке и в 5 групп в английском языке. Большая часть ФЕ с данным компонентом входит в ЛСГ «ФЕ с отрицательной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места» (3 ед. в английском языке, 1 ед. в русском языке) (26) рус. *коричневая чума* <фашизм>, в предвоенной Германии так называли штурмовиков молодёжной организации, поддерживающих Адольфа Гитлера из-за униформы коричневого цвета. (27) англ. *to brown off* букв. ‘подрумяниться’ <irritate, bore, ruin something> ‘надоедать, наскучить, испортить что-то’, (28) англ. *browned off* букв. ‘подрумяненный’ <discontented, irritated, fed up, bored, insubstantial> ‘недовольный, раздраженный, сытый по горло, скушающий, бессодержательный’, термин использовался для описания состояния винтовок, когда они засорялись грязью и приходили в негодность; и «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места» (4 ед. в английском языке) (29) англ. *(as) brown as a berry* букв. ‘коричневый, как ягода’ <having tanned skin because of prolonged sun exposure> ‘загорелая кожа из-за длительного пребывания на солнце’, впервые это выражение появляется в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера в конце XIV века.

3.10. Колороним *фиолетовый/violet/purple* встречается в 7 ед. английского языка (1 ед. с компонентом *violet*, 6 ед. с компонентом *purple*), и 3 ед. русского языка. ФЕ и ПЕ в английском языке с компонентом *violet* входят в 1 ЛСГ, с компонентом *purple* принадлежат к 4 ЛСГ, тогда как ФЕ и ПЕ русского языка – в 1 ЛСГ. ФЕ с данными компонентами относятся ЛСГ «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места»: (3 ед. в русском языке, 2 ед. с компонентом *purple* в английском языке). (30) рус. *мне фиолетово* <выражение безразличия>, выражение могло появиться из сленга студентов-химиков: именно в нейтральной среде фиолетовый лакмус остается таковым. (31) англ. *purple heart* букв. ‘пурпурное сердце’ <a medal awarded to a US soldier wounded in battle> ‘медаль, которой награждается американский солдат, получивший ранение в бою’.

3.11. Фразеологический материал с колоративным компонентом *серебряный/silver* представлен в русском языке 4 ед., в английском языке – 8 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *серебряный/silver* входят в 2 лексико-семантических групп в русском языке и в 5 групп в английском языке. ЛСГ, в которую входит наибольшее количество единиц: «ФЕ с нейтральной оценочной характеристикой человека и/предмета/события/места»: (1 ед. в английском языке, 2 ед. в русском языке): (32) англ. *speech is silver, silence is gold* ‘речь – серебро, молчание – золото’ <an expression that values silence over speech> ‘выражение, в котором молчание ценится выше речи’, (33) рус. *Слово – серебро, молчание — золото* <слова имеют очень высокую цену и могут быть подобны благородному металлу, но есть и высшая драгоценность – молчание>.

3.12. Наименьшую продуктивность демонстрирует колоративный компонент *оранжевый/orange* – в русском языке 3 ед., в английском 2 ед. ФЕ и ПЕ с компонентом *оранжевый/orange* входят в 1 лексико-семантических групп в русском языке и в 5 групп в английском языке. Большая часть ФЕ входит в ЛСГ: «ФЕ, обозначающие разные способы/образы действия»: (3 ед. в английском языке). (34) англ. *mix apples and oranges* букв. ‘смешивать яблоки и апельсины’ <to combine or compare two different things> ‘сочетать или сравнивать две разные вещи’; (35) англ. *squeeze an orange* букв. ‘выжать апельсин’ <to make use of everything someone or something has to offer> ‘использовать все, что может предложить кто-то или что-то’.

4. Выводы. В ходе исследования были проанализированы 191 ФЕ и ПЕ в английском языке и 175 ФЕ и ПЕ в русском языке.

4.1. Чёрный цвет преобладает в русских фразеологизмах, придавая им преимущественно негативный оттенок, в то время как в английском языке его употребление более разнообразно, включая и положительные ассоциации. Красный цвет в фразеологии обоих языков также имеет различную окраску, отражая агрессию и стыд в английском, в то время как в русском чаще связан с положительными характеристиками.

4.2. Наименее частотные колоронимы – фиолетовый и коричневый цвет – представлены всего одной фразеологической единицей в каждом языке, что подчеркивает их ограниченное употребление в языковой практике. К наименее частотным цветам во фразеологии обоих языков также относятся *розовый / pink* (8 ед. в английском языке, 4 ед. в русском языке), *желтый / yellow* (9 ед. в английском языке, 10 ед. в русском языке), *серебряный / silver* (8 ед. в английском языке, 4 ед. в русском языке) и *оранжевый / orange* (4 ед. в английском языке, 4 ед. в русском языке).

4.3. В результате исследования были выделены 10 лексико-семантических групп, наиболее продуктивной из которых является группа «ФЕ с отрицательной оценочной характеристикой человека/предмета/события/места». Данная группа включает в себя 47 ед. английского языка, что составляет 24,6% от количества отобранных ед. английского языка (191), и 57 ед. русского языка, что составляет 32,3% от количества отобранных единиц русского языка (175). В представленной группе наиболее частотным колоронимом в обоих языках является *чёрный / black* (9 ед. английского языка и 29 ед. русского языка).

4.4. Наименее продуктивной является ЛСГ «ФЕ с темпоральным значением», в которую входит 1 ед. (36) англ. *once in a blue moon* букв. ‘однажды при синей луне’ <to occur extremely rarely, or only once in a lifetime> ‘происходить крайне редко или только один раз в жизни’ и 1 ед. (37) рус. *среди бела дня* <днем>, т.е. ‘когда светло’.

4.5. Анализ ЛСГ фразеологизмов с колоративным компонентом показал, что исследуемые ФЕ и ПЕ представляют антропоцентричные образования, отражающие мнение человека о цвете и окрашиваемых им предметах и явлениях. Вместе с тем фразеологизмы с колоративом несут в себе и большую аксиологическую нагрузку, выражая положительные и отрицательные оценочные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Longman Idioms Dictionary / Pearson Education Limited. – Addison Wesley Longman Limited., 1998. – 297 p.
2. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners international student edition [Текст], 2002. – 372 p.
3. Seidl, J., McMordie, W. English Idioms and How to Use Them / J. Seidl, W. McMordie// Moscow, 1983. – 155 p.
4. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. /А. В. Кунин// – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
5. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. /В. П. Жуков//М.: Русский язык – Медиа, 2014. – 656 с.
6. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. /А. В. Кунин// – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
7. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов. Лексикология и лексикография: Избр. Тр. — М. : Наука, 1986. – 312 с.
8. Кацюба, Л. Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) /Л. Б. Кацюба// Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. № 1. – С. 65–67.
9. Недельчо Е. В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначений /Е. В. Недельчо//: Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.В. Недельчо. – Кострома, 2000. – 29 с.
10. Амосова, Н. Н. Слово и контекст. – В кн.: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике/Н. Н. Амосова// Л., 1958, Учен. зап. ЛГУ им. Жданова, № 243, вып. 42. – 183 с.
11. Gumperz, J. J., Levinson, S. C. (1996). Rethinking Linguistic Relativity: Studies in the social and cultural foundations of language. /J. Gumperz, S. Levinson//Cambridge: CUP.

**SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL AND PAROEMIA UNITS WITH THE COMPONENT
“COLOUR” IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Annotation: This paper deals with the semantics of phraseological and paroemia units with the component denoting colour in English and Russian languages. The corpus of phraseological and paroemia units with the component denoting colour in the compared languages has been formed, semantic analysis of the collected material has been carried out and lexico-semantic groups have been singled out. The specific features of meanings in phraseological and paroemia units with the component “colour” in the languages under study have been established and compared.

Keywords: phraseological units, paremy, colour, semantics, linguistic picture of the world.

Allakhverdyan A.A.

Scientific adviser: Pisareva V.V. Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: allahverdyan19@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Афонская Е. А.

*Научный руководитель: Трофимова Е. В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу особенностей реализации культурного кода во фразеологизмах, выражающих положительные эмоции в английском языке. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что эмоции чаще всего концептуализируются посредством следующих культурных кодов: соматический, пространственный, биоморфный, предметный и мифологический. При этом наибольшим количеством фразеологизмов представлен соматический код, так как человек концентрируется на себе, на своих ощущениях при оценке ситуации и при переживании той или иной эмоции.

Ключевые слова: фразеологическая единица, эмоции, культурный код, языковая картина мира.

1. Введение. Культура является неотъемлемой частью картины мира и представляет собой сложный комплекс сочетания разнообразных культурных установок, таких как нормы поведения, религиозные догмы, традиции, обычаи, поверья и другие культурные наследия, которые, так или иначе, влияют на культурно-национальные ориентиры. И каждый этнос хранит в своем коллективном сознании данные ориентиры в виде культурных кодов, передает их из поколения в поколение и транслирует в процессе межнационального общения. Культурные коды отображают уникальную картину мира той или иной нации.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем фактом, что фразеологические обороты в языке несут в себе не только лексическое значение, но и отражают культурные особенности и ценности общества, в котором они используются. Понимание и анализ фразеологизмов, выражающих положительные эмоции, помогают раскрывать культурные коды англоязычного сообщества, а также предоставляют информацию о том, какие аспекты жизни и какие события они ценят и фиксируют языковыми средствами.

Целью данного исследования является анализ и интерпретация фразеологизмов, которые выражают положительные эмоции в английском языке, с целью выявления и объяснения культурных кодов, заложенных в этих выражениях.

Объектом исследования являются фразеологизмы английского языка, выражающие положительные эмоции. Предметом исследования являются культурные коды, воплощенные в этих фразеологизмах.

Материалом исследования служат 450 фразеологических оборотов, которые выражают радость, счастье, удовлетворение, восторг и другие положительные эмоции в английском языке. Для решения поставленных в работе задач использовались следующие основные методы и приемы лингвистического анализа:

- метод фразеологической идентификации с целью уточнения соответствия фразеологических единиц критериям отбора,
- метод лингвокультурологического анализа с целью определения лингвокультурной информации во фразеологизме,
- метод количественных подсчетов.

2. Культурные коды как средства фразеологической репрезентации в англоязычной картине мира

Культура, в самом широком смысле слова, может рассматриваться как мировидение и миропонимание. Культура воплощается и обретает знаковое выражение в языке,

который принимает непосредственное участие в ее хранении, воспроизведении, в формировании ее концептов, стереотипов, ценностей. Именно язык чаще всего выступает в качестве основного критерия при различении, типологизации культур [1, с. 48].

В современной антропологической парадигме лингвистического знания язык изучается в тесной связи с этнокультурой, и в центре внимания лингвистики оказывается сам человек как носитель определенного сознания (связанного с особенностями его мышления), языка и культуры [2, с. 7-8]. В языке закрепляется как общечеловеческий, так и национальный общественно-исторический опыт познания мира в виде определенной картины мира.

В энциклопедических словарях термин «код» определяется как совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания) [3, с. 423].

В. Н. Телия [4, с. 121] определяет культурные коды как вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума.

Коды культуры, по мнению В. В. Красных [5, с. 297], представляют собой «сетку», которую культура набрасывает на окружающий мир, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, они эти представления и кодируют. Коды культуры универсальны, но их проявления, удельный вес в каждой отдельной культуре, метафоры, в которых они реализуются, национально определены и обусловлены этой культурой.

Таким образом, рассуждая о кодах культуры, исследователи отмечают их универсальный характер, но в то же время подчеркивают, что их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой.

В качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая область бытия: ландшафты, явления природы, флора, фауна, создания человеческих рук (орудия труда, жилища, хозяйственная утварь, одежда, оружие и т.п.). Всё это – «языки», с помощью которых люди общаются друг с другом. По Ю. М. Лотману [6, с. 201], с помощью стиля и моды в одежде люди сигнализируют друг другу о собственном социальном статусе, имущественном положении, эталонной группе, эстетических вкусах и т.п. Аналогичную информационную нагрузку несут и другие культурные коды.

Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека или мира животного, растительного, предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного, духовно-религиозного и т.д. Следует отметить, что само существование кодов культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако удельный вес каждого кода в определенной культуре всегда национально детерминирован и обуславливается конкретной культурой.

Выделяют базовые коды культуры, т. е. те, которые соотносятся с архетипическими представлениями культуры народа и в которых зафиксированы наивные представления человека о мироздании. К базовым кодам культуры принято относить соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный коды культуры.

Коды реализуются в знаково-символьной форме, где знаки не только «замещают» реальные объекты, но и определяют характер коммуникативной деятельности. По мнению Т. Н. Белой [7, с. 55], знаки ментальны, коммуникативны по своей природе и функциям. «Играя» элементарными знаками, вводя их в те или иные связи (а смысловая информация кроется именно в этих связях) и, преобразуя сообразно замыслу общения

накопленное знание, люди формируют образования (смысловые, мировоззренческие) более высокого порядка.

3. Реализация культурного кода во фразеологизмах, выражающих положительные эмоции в английском языке

Культурные коды в английской фразеологической картине мира отражают традиции, ценности, историю и общественные нормы англоязычных стран. Фразеологические обороты и выражения могут быть обогащены культурными контекстами, которые для носителей других языков могут быть неочевидными [8, с. 15]. Они могут быть сложными для понимания носителями других языков, но они добавляют глубину и окраску в разговоры и письменные тексты на английском языке, а также отражают культурные особенности англоязычных обществ.

Проанализировав 450 фразеологических единиц, выражающих положительные эмоции, мы определили, что с концептуализацией эмоций наиболее связаны соматический, пространственный, биоморфный, предметный и мифологический культурные коды (см. Табл. 1).

Таблица 1

Реализация культурного кода во фразеологизмах, выражающих положительные эмоции в английском языке

№ п/п	Культурный код	Кол-во ФЕ, ед.	Кол-во ФЕ, %	Примеры
1	Соматический код	201	44,7	<i>to make eyes at smb</i> 'строить кому-то глазки', <i>from the bottom of one's heart (soul)</i> 'от всего сердца', <i>a sight for sore eyes</i> 'приятное зрелище, сердцу отрада'
2	Пространственный код	87	19,3	<i>to trend (walk) on (upon) air</i> 'ликовать, ног под собой не чуют, лететь как на крыльях', <i>in the seventh heaven</i> 'на седьмом небе от счастья', <i>to feel on top of the world</i> 'чувствовать себя на вершине мира'
3	Предметный код	79	17,6	<i>to bounce like a ball</i> 'быть энергичным', <i>cakes and ale</i> 'веселье, удовольствие', <i>bright as a button (as a penny)</i> 'сияющий, радостный'
4	Биоморфный код	43	9,6	<i>Every dog has his day</i> 'Будет и на нашей улице праздник', <i>happy as a pig in muck</i> 'ужасно счастливый', <i>lovey-dovey</i> 'голубки, влюбленные'
5	Мифологический код	40	8,8	<i>a good Samaritan</i> 'отзывчивый, добросердечный человек', <i>as pleased as Punch</i> 'быть очень радостным', <i>to grin like a Cheshire cat</i> 'ухмыляться, улыбаться во весь рот'
	Всего	450	100	

На наш взгляд, коды образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Лингвокультурные коды обладают национально-культурной

спецификой. Они отражают особенности культуры использующего их народа. Всякий носитель этнокультуры и этноязыка с ранних лет усваивает эти коды вместе с родным языком.

Каждая из этих фраз имеет свою уникальную культурную коннотацию и отражает способы выражения эмоций в англоязычных культурах [9, с. 98]. Эмоциональная фразеология может быть сложной для носителей других языков, так как она основана на культурных ценностях и нормах, связанных с эмоциями и чувствами.

Рассмотрим соматический код фразеологических единиц с семантикой положительных эмоций. ФЕ, содержащие соматизмы (201 ФЕ), имеют значительный удельный вес во фразеологическом фонде английского языка (44,7%) и отличаются высокой частотностью употребления. Например, *to fall in love head over hills* ‘влюбиться по уши’, *to go from strength to strength* ‘непрерывно улучшаться’.

Как утверждает В. В. Красных, соматический код является наиболее древним из существующих кодов. Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же [5, с. 233]. Помимо этого, в первую очередь человек концентрируется на себе, на своих ощущениях при оценке данной ситуации и при переживании той или иной эмоции.

Основными компонентами соматического кода, формирующими значение фразеологизмов, являются лексемы: *heart* (сердце) и *eyes* (глаза), которые связаны с внутренним миром, поэтому лексема *heart* (сердце) используется для обозначения места средоточия чувств: *to have a heart of gold* ‘иметь золотой характер (быть щедрым, искренним)’, *stars in one's eyes* ‘глаза светятся надеждой’.

Вторая группа представляет 87 фразеологизмов, содержащих пространственный код (19,3%). Они непосредственно связаны с пространственными представлениями человека. Во фразеологизмах положительные эмоции ассоциируются с высотой, состоянием полета или парения: *on cloud seven* ‘бесконечно счастлив’, *a break in the clouds* ‘«просвет в тучах», луч надежды, надежда на улучшение’, *to be head over heels in love with smb* ‘влюбиться’.

Предметный код культуры связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Данная группа представлена 79 ФЕ (17,6). Предметный код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира [5, с. 305]. Данный код реализуется путем ассоциаций и образов, связанных предметами обихода носителей языка: *as good (nice) as pie* ‘очень хороший, симпатичный, любезный’, *a high spot* ‘счастливая минута, примечательное событие’, *to be in a bath of bliss* ‘купаться в море блаженства’.

Следующий код – биоморфный, который является результатом познания природы человеком и осознания своего места в нем. Биоморфный код ассоциируется с идеей, что в языке или культуре существуют некие шаблоны и стереотипы, которые указывают на связь с биологическими аспектами человеческой природы. Данная группа состоит из 43 ФЕ (9,6%).

По мнению В. В. Красных, стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его (образа-представления) национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [5, с. 232].

Так как данный код характеризует связи человека и с растениями, и с животным миром, биоморфный код подразделяется на:

• Фитотропный, который характеризует образы и ассоциации, связанные с растениями: *a bed of roses* ‘путь, устланный розами; лёгкая, счастливая, безмятежная жизнь’, *my cabbage* ‘дорогая; солнышко, лапочка’.

• Зоотропный, демонстрирующий образы и ассоциации, связанные с животными: *like (as pleased as) a dog with two tails* ‘очень довольный, в восторге’, *gay bird* ‘весельчак’.

Следующая группа представлена 40 фразеологизмами с мифологическим кодом (8,8%). Этот код выступает как олицетворение нравственных ценностей, выступающих как основы всех остальных параметров культуры, влияющих на весь процесс познания, оценки окружающего мира и определяющих место и роль человека в этом мире, а также предопределяющих качество оценки окружающего мира: *Phoenix rising* ‘восстановление и возрождение после трудных времен’, *Promethean innovation* ‘прометеевское новшество’

К мифологическому коду принадлежит так называемая вторичная реальность, которая является неотъемлемым элементом культурного пространства (черти, ангелы, ведьмы). Они бытуют в культуре как персонажи или элементы фольклора, обладают определенными стереотипами. Проанализировав фразеологические единицы, мы определили, что *angel* (ангел) является признаком светлого, доброго чувства: *to be on the side of the angels* ‘быть поборником справедливости’, *an angel of light* ‘дорогой, всеми любимый человек’.

Выводы. Исследование культурных кодов во фразеологизмах, выражающих положительные эмоции в английском языке, позволяет лучше понять ценности и мировоззрение англоязычного сообщества. Эти выражения отражают то, что ценится и преобладает в культуре и обществе, и служат важным инструментом для интеркультурного понимания и общения. Понимание культурных кодов в фразеологии обогащает наши знания о мире и разнообразии языковых и культурных выражений [10, с. 11].

Проанализировав 450 ФЕ, мы выделили 5 групп фразеологизмов, содержащих культурные коды. Было определено, что с концептуализацией эмоций наиболее связаны соматический, пространственный, биоморфный, предметный и мифологический культурные коды. Из них наиболее представлена группа с соматизмами, которая включает ФЕ, используемые в речи с целью передать эмоциональные ощущения при оценке той или иной ситуации и при переживании той или иной эмоции. Данная группа представлена 201 ФЕ, что составляет 44,7% от общего количества исследуемых единиц. В рамках этой группы можно выделить следующие фразеологизмы: *to have the world at one's feet* ‘иметь блестящий успех’, *to put a good face on something* ‘принимать довольный, радостный вид’.

Наименее вербализированной является группа с мифологическим кодом, которая представлена 40 ФЕ (8,8%), например, *Yeoman('s) service* ‘добрая услуга, поддержка, помощь’.

Таким образом, при выявлении, определении и анализе культурных кодов в фразеологизмах нам открывается возможность понять внутренний образный мир, особенности познавательного и мыслительных процессов носителей языка, диктуемых национально-специфичными факторами и определяющих образ и основу концептов – единицы познания и понимания мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дарамилова З. Г. Концепт, концептосфера как базовые понятия когнитивной лингвистики. Университетские чтения: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Пятигорск, 2008. – С. 161-167.
2. Петрова А. А. Фразеологические единицы английского языка, выражающие положительные эмоции: культурный аспект. – М.: 2008. – 416 с.
3. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – 4-е изд., расширенное. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.

4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
5. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
6. Лотман, Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
7. Белая, Т. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие. – М.: ФОРУМ, 2011. – 208 с.
8. Горбунова, Н. В. Фразеологические единицы в английском языке: отражение культурных ценностей. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
9. Cheste, L. Cultural Aspects in English Idioms. New York: Cambridge University Press, 1998. – 235 p.
10. Смирнова, Е. П. Взаимосвязь между культурой и фразеологией: английский язык. – Махачкала, 1999. – 57 с.

THE IMPLEMENTATION OF THE CULTURAL CODE IN PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING POSITIVE EMOTIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Annotation. This work is devoted to the analysis of the implementation of the cultural code in phraseological units expressing positive emotions in the English language. The analysis allows us to conclude that emotions are most often conceptualized through the following cultural codes: somatic, spatial, biomorphic, artefact and mythological. At the same time, the somatic code is represented by the largest number of phraseological units, since people concentrate on themselves, on their feelings when assessing a situation and experiencing a particular emotion.

Keywords: phraseological unit, emotions, cultural code, linguistic picture of the world.

Afonskaya E. A.

Scientific adviser: Trofimova E. V., Candidate of Philology, associate professor

Donetsk State University

E-mail: elenafonskaya@yandex.ru

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ОДИНОЧЕСТВО В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Белоусова Д. Ю.

Научный руководитель: Писарева В. В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Данная работа посвящена описанию языковой объективации концепта *ОДИНОЧЕСТВО* в английском, немецком и русском языках. Для характеристики номинативного поля концепта проанализированы дефиниции лексемы-номинанта концепта, рассмотрена этимология имени концепта и исследованы синонимы лексемы-номинанта концепта в трех сопоставляемых языках. Выявлены ключевые семантические признаки изучаемого концепта, установлена их продуктивность.

Ключевые слова: концепт, вербализация, признак, лексическая единица, синоним.

1. Введение

Исследование способов вербализации концептов остается одной из самых актуальных проблем в современной лингвистике. В настоящее время наблюдается возрастание интереса к исследованию концептов, связанных с психоэмоциональной и чувственной сферой человека, в контексте междисциплинарных исследований, объединяющих аспекты когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвистической семантики, психолингвистики и лингвокультурологии. В западной науке феномен одиночества стал предметом изучения в 1950-х годах, тогда как в отечественной науке лишь в 1980-е годы возникли первые попытки анализировать проблему одиночества. Изучение особенностей представления эмоционального состояния одиночества проводится как на материале одного языка [1], так и в контексте сравнительного анализа [2]. Феномен одиночества изучается не только с лингвистической точки зрения, но и в области истории, философии и социологии.

Актуальность работы обусловливается необходимостью выявления национально-специфических особенностей концепта *ОДИНОЧЕСТВО* и дополнения традиционных представлений о репрезентации состояния одиночества в английской, немецкой и русской лингвокультурах.

Объектом исследования является номинативное поле концепта *ОДИНОЧЕСТВО*.

Предметом исследования выступают лексические единицы как средства вербализации концепта в английском, немецком и русском языках.

Цель данной статьи заключается в исследовании лексических средств вербализации концепта *ОДИНОЧЕСТВО* в английском, немецком и русском языках, выявлении понятийных признаков концепта, характерных для когнитивного сознания представителей английского, немецкого и русского лингвосоциумов.

Материалом исследования послужили дефиниции лексемы-номинанта концепта и ее синонимов из англоязычных [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], немецкоязычных [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20] и русскоязычных [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 33; 34; 35] толковых словарей и тезаурусов.

2. Семантические конститuentы концепта *ОДИНОЧЕСТВО* в английском, немецком и русском языках

На основе интерпретаций концепта в современных лингвистических исследованиях [3; 4; 5] было выведено определение концепта, используемое в данной работе: концепт – это существующая в сознании основная единица картины мира, которая объединяет в себе все знания об определенном фрагменте мира, отражает специфику культуры и реализуется языковыми способами. Анализируемый концепт

ОДИНОЧЕСТВО считается базовым универсальным абстрактным эмоциональным вербализованным концептом, способным к трансформации и изменениям.

2.1 Анализ словарных дефиниций лексемы-номинанта концепта. Лексема *loneliness* является лексемой-номинантом исследуемого концепта в английском языке. Изучив данные таких англоязычных толковых словарей, как «Cambridge Dictionary» [6], «Collins Dictionary» [7], «Merriam-Webster Dictionary» [8], «Longman Dictionary» [9], «Oxford Dictionary» [12; 13], можно вывести следующие понятийные признаки имени концепта *LONELINESS*: «Ощущение несчастья», «Чувство грусти», «Отсутствие друзей, компании или собеседников», «Малая посещаемость людьми», «Уединение», «Отчужденность, социальная изоляция», «Запустение, заброшенность».

Исследуемой лексемой-репрезентантом концепта в немецком языке является единица *die Einsamkeit*. В результате исследования дефиниций в немецких толковых словарях («Collins German Dictionary» [14], «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [15], «Duden» [16], «Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache» [17], «PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache» [18], словарь немецкого языка Гюнтера Кемпке [20]) были выявлены следующие понятийные признаки концепта *EINSAMKEIT*: «Покинутость, брошенность», «Изоляция», «Уединение», «Удаленность», «Безлюдье / пустынность», «Малая посещаемость людьми», «Отсутствие социальных связей», «Отсутствие компании», «Ощущение грусти, печали», «Единственность».

Лексемой-репрезентантом изучаемого концепта в русском языке является лексема *одиночество*. Анализ дефиниций, представленных в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [21], «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [22], «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова [23], «Малом академическом словаре» А. П. Евгеньевой [24], «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева [25] и «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [26] позволяет вывести следующие понятийные признаки имени концепта *ОДИНОЧЕСТВО*: «Отдаленность от других», «Отсутствие семьи, близких», «Отсутствие себе подобных, единомышленников», «Чуждость», «Безлюдье, пустынность», «Одиночность».

Так, на этапе анализа дефиниций лексемы-репрезентанта концепта в трёх сопоставляемых языках были обнаружены следующие совпадающие признаки: «Социальная изоляция / отдаленность от других», «Отсутствие друзей, собеседников / единомышленников», «Запустение / безлюдье, пустынность». В английском и немецком языках были также выведены признаки «Малая посещаемость людьми» и «Уединение», а также «Ощущение несчастья, печали» и «Чувство грусти», обозначающие эмоциональную составляющую концепта. Среди отличных несовпадающих в русском языке – «Отсутствие семьи, близких», «Чуждость», и «Одиночность». Также в немецком языке были обнаружены признаки «Покинутость, брошенность», «Единственность» и «Удаленность».

2.2 Исследование этимологии лексемы-номинанта концепта. Первое появление определения одиночества в англоязычных словарях датируется второй половиной XVI века (приблизительно 1580-е). На тот момент одиночество понималось как «состояние уединенности, изоляция» [13, с. 2157]. Основной мыслью была физическая отдаленность, сепарация от общества, которая сопровождается чувством страха и опасности от нахождения вдали от людей. К началу 19 века понятие «одиночество» стало трактоваться в большей степени как эмоциональное состояние, нежели физическое.

Проанализировав сведения англоязычных толковых словарей об этимологии лексемы *loneliness*, можно отметить следующие этимологические признаки лексемы-номинанта концепта *LONELINESS*: «Уединенность», «Отчужденность, социальная изоляция», «Малая посещаемость людьми» и, в дополнение, «Уникальность, непохожесть» и «Отсутствие супруга / партнера или вдовство», которые на данный

момент не находят отражения в современных толковых словарях, а, следовательно, являются историческими.

Лексема-номинант концепта в немецком языке *Einsamkeit* впервые зафиксирована в словарях XV в. для передачи значения лат. *solitudo* ‘уединение, пустынность, безлюдье’, а лексема *einsam* первоначально имела значение «единый», «единственный». Считается, что Мартин Лютер вывел в обиход слово *einsam* в современном значении «одинокий» путем применения в своем переводе Библии в качестве экспрессивного слова вместо *allein* ‘один’, а также в значении «неженатый». Около XVI в. лексема *Einsamkeit* начинает трактоваться в словарях как «состояние одиночества, покинутости». Следовательно, к этимологическим признакам лексемы-номинанта концепта *EINSAMKEIT* можно отнести «Уединение», «Пустынность, безлюдье», «Единственность», а также признак «Отсутствие супруга», который не является актуальным.

Лексема *одиночество* появилась в древнерусском письменном языке в XI-XII вв., несколько раньше, чем в английском языке [27]. Изучив информацию об истории развития лексемы *одиночество*, представленную в трудах В. В. Виноградова [28] и Д. Н. Шмелева [29], можно выделить такие этимологические признаки концепта, как «Изолированность», «Удаленность от общества», «Отсутствие помощи», «Отдельность», «Тоска», «Отсутствие семьи», «Отверженность», «Покинутость», «Беспомощность». Признаки «Одинаковость», «Соглашение», «Единение», «Заговор, сговор» и «Особенность, единственность» на сегодняшний день считаются устаревшими.

Так, в трёх сопоставляемых языках понятие одиночества первоначально трактовалось как состояние физической отдаленности субъекта от общества. В английском и русском языках был обнаружен один совпадающий этимологический признак – «Отчужденность, социальная изоляция», а признак «Единственность» является общим для немецкого и русского языков, хотя данный признак считается актуальным в немецком языке, в отличие от русского. Лексема *одиночество* имела больше дополнительных значений, чем лексемы *loneliness* и *Einsamkeit*, поэтому семантический объем концепта на ранних этапах развития в русском языке значительно превышает объем в английском и немецком языках, что объясняет большое количество исторических признаков в русском языке.

Проанализировав дефиниции, предлагаемые учеными таких областей, как философия, социология и психология [30; 31; 32], можно также вывести ряд дополнительных признаков концепта *ОДИНОЧЕСТВО*: «Тоска», «Изолированность», «Отверженность», «Покинутость», «Беспомощность», «Дефицит или отсутствие социальных связей и общения», а также «Особенность» и «Единственность», которые не находят отражения в современных толковых словарях.

2.3 Синонимический ряд лексемы-репрезентанта концепта в английском, немецком и русском языках. На основе данных словарей синонимов и тезаурусов, можно сделать вывод, что синонимический ряд лексемы-репрезентанта концепта *LONELINESS* включает 12 лексем: *lonesomeness, aloneness, isolation, seclusion, solitariness, solitude, desolation, forlerness, friendlessness, sadness, unhappiness, homesickness* [6; 7; 9; 12]. В результате анализа определений синонимов имени концепта можно вывести ряд производных признаков, которые конкретизируют значение лексемы *loneliness*, а именно: «Покинутость, брошенность», «Подавленность» и «Самостоятельность, самобытность».

В ходе анализа словарей и тезаурусов немецкого языка был составлен синонимический ряд лексемы-репрезентанта концепта *EINSAMKEIT*, который включает в себя 21 синоним: *die Abgeschiedenheit, die Abgelegenheit, die Abkapselung, die Abschließung, das Alleinsein, die Beziehungslosigkeit, die Eingezogenheit, die Einöde, das*

Eremitendasein, das Einsiedlerleben, die Isolation, die Kontaktarmut, die Kontaktlosigkeit, die Klausur, das Menschensein, die Ungeselligkeit, die Vereinsamung, die Vereinzelung, die Verlorenheit, die Verlassenheit, die Zurückgezogenheit [14; 16; 18; 19; 20]. Изучив определения синонимов лексемы-репрезентанта концепта в немецком языке, можно вывести следующие производные признаки концепта *EINSAMKEIT*: «Состояние замкнутости», «Обособленность», «Отсутствие третьих лиц», «Отшельничество», «Отделение», «Малоконтактность», «Нелюдимость», «Ощущение потерянности».

С помощью данных словарей синонимов и тезаурусов русского языка был отобран синонимический ряд лексемы-репрезентанта концепта *ОДИНОЧЕСТВО*, который включает 6 языковых единиц: *сиротливость, сиротство, одинокость, покинутость, разобщенность, уединение* [33; 34; 35]. Анализ синонимов имени концепта позволяет выделить производные признаки концепта *ОДИНОЧЕСТВО*: «Забытость», «Бесприютность» и «Автономия».

3. Выводы

3.1 Проведённое исследование этимологии имени концепта, словарных дефиниций и определений, предложенных специалистами из разных областей, а также толкований синонимов лексемы-номинанта позволяет вывести следующие 10 семантических признаков понятийного слоя концепта *LONELINESS*: «Ощущение несчастья», «Уединение», «Отсутствие друзей, компании или собеседников», «Малая посещаемость людьми», «Отчужденность, социальная изоляция», «Чувство грусти», «Запустение, заброшенность», «Покинутость, брошенность», «Подавленность», «Самостоятельность, самобытность» и признак «Отсутствие супруга / партнера или вдовство», который является историческим.

3.2 В немецком языке ряд признаков понятийного слоя концепта *EINSAMKEIT* включает в себя 18 признаков: «Покинутость, брошенность», «Изоляция», «Уединение», «Удаленность», «Безлюдье / пустынность», «Малая посещаемость людьми», «Отсутствие социальных связей», «Отсутствие компании», «Ощущение грусти, печали», «Единственность», «Состояние замкнутости», «Обособленность», «Отсутствие третьих лиц», «Отшельничество», «Отделение», «Малоконтактность», «Нелюдимость», «Ощущение потерянности», а также исторический признак «Отсутствие супруга».

3.3 В русском языке были определены 13 семантических признаков понятийного слоя концепта *ОДИНОЧЕСТВО*: «Отдаленность от других», «Отсутствие семьи, близких», «Отсутствие себе подобных, единомышленников», «Чуждость, чужеродность», «Безлюдье, пустынность», «Одиночность», «Тоска», «Изолированность», «Отверженность», «Покинутость», «Беспомощность», «Дефицит или отсутствие социальных связей и общения», «Забытость», «Бесприютность» и «Автономия».

3.4 У имени концепта *ОДИНОЧЕСТВО* также были обнаружены исторические признаки, не являющиеся актуальными на данном этапе времени: «Одинаковость», «Соглашение», «Единение», «Особенность» и «Единственность».

3.5 В трёх анализируемых языках были обнаружены такие ключевые понятийные признаки концепта, как «Отдаленность», «Отсутствие семьи, близких и друзей», «Чувство тоски / грусти», «Покинутость, брошенность», «Запустение / безлюдье, пустынность». В английском и русском языках также совпал признак «Самостоятельность, автономность», который отсутствует в ряде признаков немецкого концепта, а также один совпадающий исторический признак: «Единственность, уникальность», обнаруженный на этапе анализа дефиниций лексемы-доминанте концепта в немецком языке. В английском и немецком языках также совпали признаки «Уединение» и «Отсутствие супруга / партнера», однако последний считается устаревшим в немецком языке. Признаки «Чуждость, чужеродность», «Бесприютность»,

«Одинаковость», «Соглашение», «Единение» и «Заговор, сговор», обнаруженные в русском языке, являются отличными от двух других сопоставляемых языков.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что семантический объем концепта в английском и немецком языках с течением времени расширился, а в русском языке несколько сузился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феттер, С. А. Репрезентация концепта «Loneliness» в художественной литературе [Текст] / С. В. Феттер / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – No 8. – С. 200–203.
2. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст]: монография / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 495.
3. Карасик, В. И. Антология концептов [Текст] / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Волгоград: Парадигма. – 2005. – С. 347.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособ. / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – С. 208.
5. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст]: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 250.
6. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed at: 11.03.2022)
7. Collins Online Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed at: 11.03.2022)
8. Dictionary by Merriam-Webster [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed at: 11.03.2022)
9. LDOCE: Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed at: 11.03.2022)
10. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed at: 11.03.2022)
11. Matthews, P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics [Text] / P. H. Matthews. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 859 p.
12. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed at: 11.03.2022)
13. The Shorter Oxford Dictionary [Text]. – Oxford University Press, 2007. – 3472 p.
14. Collins German Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-german> (accessed at: 02.01.2024)
15. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. – URL: <https://www.dwds.de/> (accessed at: 02.01.2024)
16. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. – URL: <https://www.duden.de/> (accessed at: 04.01.2024)
17. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Text] / Dr. D. Götz. – Stuttgart: PONS GmbH, 2019. – 1350 S.
18. PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Text]. – Ernst Klett Sprachen GmbH, 2006. – 2509 S.
19. Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. – URL: <https://www.verben.de/> (accessed at: 04.01.2024)
20. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Text] / G. Kempcke, B. Seelig, B. Wolf [u. a.] – Berlin: Walter de Gruyter, 2000. – 1359 S.
21. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: "Норинт", 2000. – 1536 с.
22. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 1168 с.
23. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. — М.: Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
24. Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
25. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д. В. Дмитриева. — М.: Астрель; АСТ, 2003. — 1582 с.
26. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция [Текст] / Д. Н. Ушаков. — М.: Дом Славянской кн., 2008. — 959 с.

27. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. С. Г. Бархударов и др. – М.: Наука, 1975.
28. Виноградов, В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных [Текст] / В. В. Виноградов; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1999. – С. 756
29. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности №2101 «Русский язык и литература» [Текст] / Д. Н. Шмелев. – Изд. 5-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 274.
30. Старовойтова, Л. И. Одиночество: социально-философский анализ [Текст]: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Моск. Гос. социальный ун-т. Кафедра философии. – М., 1995. – 27 с.
31. Циммерман, И. Г. Об одиночестве [Текст] / И. Г. Циммерман. – Троппау, 1784–1785. – Т. 1. – 18 с.
32. Mijuskovic V. Loneliness in philosophy, psychology and literature. – Assen, The Netherlands, 1979. – 306 p.
33. Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Текст]: 600 ключевых понятий, 8000 синонимических рядов, 47000 слов-синонимов / Бабенко Л. Г. и др.; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 508 с.
34. Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS [Электронный ресурс]. – URL <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 14.03.2023)
35. Тезаурус русской деловой лексики [Электронный ресурс]. – URL <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/business-vocabulary/index.htm> (accessed at: 14.03.2023)

NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT OF *LONELINESS* IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Annotation. This article deals with the description of linguistic objectification of the concept of *LONELINESS* in English, German and Russian languages. The definitions of the nominative lexeme have been analyzed to characterize the nominative field of the concept, the etymology of the concept name has been considered and the synonyms of the nominative lexeme of the concept in the three languages under comparison have been studied. The key semantic features of the studied concept have been identified and their productivity has been established.

Keywords: concept, verbalization, feature, lexical unit, synonym.

Belousova D. Yu.

Scientific adviser: Pisareva V. V. Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: 0306dariaby0407@gmail.com

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ МЕТАФОР С СЕМАНТИКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Войтова О.И.

*Научный руководитель: Басыров Ш.Р., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данном исследовании изучаются немецкие температурные метафоры (ТМ), устанавливаются способы их перевода на русский язык (прямой, описательный, комбинированный перевод, замена, опущение), а также определяется частотность данных способов перевода (наиболее частотный способ – замена, а наименее частотный – опущение).

Ключевые слова: метафора, температура, перевод, способ перевода, частотность.

1. Вступление

Настоящая работа посвящена исследованию немецких метафор с семантикой температуры и способов их перевода на русский язык.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием единого и универсального способа межъязыковой трансляции метафорических единиц, несмотря на многообразие существующих классификаций способов их перевода. Данный факт обусловлен тем, что при переводе метафор большое значение имеет корректная передача эмоциональной, оценочной и эстетической информации, содержащейся в метафорах, возникающей под влиянием различных факторов (лингвистических и внелингвистических) и, как следствие, различия в их восприятии носителями немецкого и русского языков.

Объектом данного исследования являются лексические единицы с семантикой температуры в метафорическом значении. Способы перевода немецких температурных метафор (ТМ) на русский язык составляют **предмет исследования**.

Целью работы является выявление способов перевода немецких ТМ на русский язык. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Осветить проблемы перевода метафоры на другой язык.
2. Установить корпус немецких ТМ и их переводы на русский язык.
3. Выявить способы перевода немецких ТМ на русский язык и описать особенности каждого способа.
4. Определить частотность способов перевода ТМ.

Материалом исследования послужили 238 контекстов употребления немецких ТМ и контексты их русских переводов, полученные соответственно из Маннгеймского корпуса немецкого языка [1], Параллельного корпуса национального корпуса русского языка [2] и художественной литературы.

2. Проблема перевода метафоры

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) является наиболее распространенным тропом и основывается на принципе сходства, аналогии, реже – контраста, на основе которого происходит перенос свойств одного предмета (или явления) на другой [3]. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «наша обыденная понятийная (концептуальная) система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична и структурирует наши ощущения, поведение и отношение к другим» людям [4]. Таким образом, можно заключить, что метафора является не только тропом, используемым для создания художественного образа, но и инструментом человеческого познания действительности. При этом образность лексических единиц может быть выражена в различной степени: некоторые метафоры со временем утрачивают смысловую

двуплановость, т.е. становятся «стертыми», например, *шляпка* гвоздика, *ножка* стула и т.д.

З.И. Резанова определяет метафору как «базисное средство моделирования фрагмента языковой картины мира» [5]. Поскольку языковая картина мира антропоцентрична, имеет ненаучный характер и не является универсальной для представителей разных культур и, соответственно, языков, возникают значительные трудности при передаче образности метафор, которые можно преодолеть различными способами на различных уровнях эквивалентности.

3. Способы перевода ТМ

В ходе исследования немецких ТМ и их переводов на русский язык я опиралась на результаты работы Т. А. Казаковой [6], что помогло установить следующие способы передачи немецких метафор на русский язык:

- 1) Полный перевод (67 ед.);
- 2) Замена (105 ед.);
- 3) Описательный перевод (30 ед.);
- 4) Опущение (12 ед.);
- 5) Комбинированный перевод (24 ед.).

Рассмотрим каждый из данных способов трансляции.

3.1. Полный перевод

Данный способ перевода предполагает полное лексическое, грамматическое и образное совпадение эмоционально-оценочной информации в языках перевода и оригинала [6]. В ходе исследования было обнаружено 67 немецких и русских контекстов, в которых ТМ были переведены с помощью данного приема. Среди них наибольшее количество метафор являются субстантивно-адъективными словосочетаниями (42 ед.), например:

(1) нем. *Wut, helle, heiße Wut durchströmte mich, so heftig, dass meine Stimme ganz heiser wurde.* (Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010))

Гнев, чистый, горячий гнев пронзил меня с такой силой, что мой голос совсем охрип. (Керстин Гир. Изумрудная книга (С. Вольштейн, 2013))

В немецком языке обнаружены также субстантивно-глагольные метафоры, которые транслируются на русский язык эквивалентным способом с лексическо-грамматическим и образным сохранением компонентов исходного и целевого языков, ср.:

(2) нем. *Aber ich wehrte ab, bemühte mich dankbar zu scheinen, indes jedes Wort mich brannte und ich am liebsten ihre unzeitgemäße Fürsorge mit dem Fuße weggestoßen hätte.* (Stefan Zweig. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau (1927))

Отказавшись лечь, я благодарил ее за участие, хотя каждое слово жгло меня и мне очень хотелось вытолкнуть ее вон вместе с ее назойливыми заботами. (Стефан Цвейг. Двадцать четыре часа из жизни женщины (Л. Вольфсон, 1960))

Отмечены случаи, когда в языке перевода опускался глагольный компонент исходного языка, хотя он имплицитно присутствовал в русском языке:

Данный способ был использован и для перевода субстантивных метафор:

(3) нем. *Woher kam die Wärme seines dummen Herzens, das Lachen auf seinem dunklen Gesicht?* (Cornelia Funke. Tintentod (2007))

Откуда – тепло его неразумного сердца, улыбка на темном лице? (Корнелия Функе. Чернильная смерть (М. М. Сокольская, 2012))

С определенной натяжкой сюда можно отнести и перевод некоторых немецких фразеологизмов, которые содержательно и образно равноценны соответствующей фразеологической единице в языке перевода, хотя и обнаруживают некоторые отличия лексического и формального плана. Так, в примере (4) эти различия состоят, с одной стороны, в несовпадении лексического значения немецкого глагола *überlaufen* и

русского глагола *brosen*, а с другой, в разном выборе синтаксических средств связи компонентов словосочетания в немецком языке сочинительного союза *und*, а в русском языке парного союза *то ... то*, ср.:

(4) нем. *Seitdem ist sie nun wirklich zur Statue geworden, und es überlief uns heiß und kalt, wenn sie dem Kind abends vorsang, was sein Vater doch so geliebt hatte.* (Heinrich Böll. Gruppenbild mit Dame (1971))

Тут она действительно превратилась в статую. И вечером, когда она напевала малышу те стихи, которые так любил его отец, нас бросало то в жар, то в холод. (Генрих Бёлль. Групповой портрет с дамой (Е. Михелевич, В. Микушевич, 2019))

3.2. Замена

Замена – это способ перевода, который применяется в случае лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках [6]. Замена обнаружена при переводе 105 немецких ТМ в русских вариантах их перевода.

Приведем примеры данного способа перевода:

(5) нем. *Heute ist Vollmond, glaube ich.«» Was?«» Vollmond. Setzt den Blutdruck herauf. Beschwingt die Illusionen. Befeuert (букв. отапливает) die Mörder.* (Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970))

По-моему, сегодня полнолуние.– Что?– Полнолуние. Давление повышает. Иллюзии окрыляет. Убийц и маньяков воодушевляет. (Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная (М. Л. Рудницкий, 2000));

(6) нем. *Wir nehmen sie unter Feuer (букв. огонь). Doch sie arbeiten sich näher heran, und es wird schlimmer.* (Erich Maria Remarque. Im Westen nichts Neues (1929))

Берем их под обстрел. Но они продвигаются, дело плохо. (Эрих Мария Ремарк. На Западном фронте без перемен (Н. Федорова, 2014)).

Отмечены также случаи замены немецкого метафорического словосочетания соответствующей однословной метафорой в русском языке, например:

(7) нем. *Was ihm in den Weg tritt, Mensch oder Tier, das stößt er nieder mit seinem Kris, und der Bluttausch macht ihn nur noch hitziger (букв. делает жарче)...* (Stefan Zweig. Amok (1922))

Кто бы ни попался ему на дороге, человек или животное, он убивает его своим «крисом», и вид крови еще больше разжигает его... (Стефан Цвейг. Амок (Д. Горфинкель, 1960))

С помощью замен осуществляется передача фразеологизмов с семантикой температуры, например, следующего фразеологизма с каузальным значением:

(8) нем. *Morgen wird mein Vater dem Justizminister eurentwegen die Hölle heiß machen (букв. сделать ад горячим)! (Erich Maria Remarque. Liebe Deinen Nächsten (1941))*

Отец завтра же даст взбучку министру юстиции из-за вашего хамства. (Эрих Мария Ремарк. Возлюби ближнего своего (Е. Никаев, 1992))

3.3. Описательный перевод

Описательный перевод ТМ предполагает использование лексико-грамматической трансформации путем экспликации значения лексической единицы. Это перевод, осуществляемый свободной передачей смыслового содержания переводимого текста. [7]. В эмпирическом материале данный прием представлен 30 единицами, например:

(9) нем. *Fiebrige Glut (букв. зной, жар, пекло) liegt auf ihren Wangen, und sie haben einen bösen, gereizten Blick.* (Stefan Zweig. Die Gouvernante (1911))

На щеках у них выступили красные пятна, глаза злые, настороженные. (Стефан Цвейг. Гувернантка (П. Берштейн, 1924))

(10) нем. *Aber auch ich vergaß mich selbst: wer war ich nun im Dunkel neben Dir? War ichs, das brennende Kind (букв. горящий ребенок) von einst, war ichs, die Mutter Deines Kindes, war ichs, die Fremde?* (Stefan Zweig. Brief einer Unbekannten (1922))

Кто была я, здесь, в темноте, подле тебя? **Страстно влюблённая девочка**, или мать твоего ребёнка, или чужая женщина из ресторана? (Стефан Цвейг. Письмо незнакомки (Д. Горфинкель, 1960))

3.4. Опускание

Данный способ перевода представляет собой трансформационный прием, предполагающий сокращение и компрессию текста путем опускания семантически избыточных элементов исходного текста [7]. Например:

(11) нем. *Er sah mich erstaunt an mit einem unendlich **warmen** (букв. теплым) und dankbaren Blick...* (Stefan Zweig. Amok (1922))

Он посмотрел на меня изумленным и бесконечно благодарным взглядом... (Стефан Цвейг. Амок (Д. Горфинкель, 1960))

(12) нем. *Ich auch, selbst wenn ich immer **wie auf heißen** (букв. горячих) **Kohlen im Drachensaal auf Lucys und Pauls Rückkehr wartete.*** (Kerstin Gier. Saphirblau (2009))

Я тоже, хоть и сидел все время **как на углях** в Зале Дракона в ожидании Люси и Пола. (Керстин Гир. Сапфировая книга (С. Вольштейн, 2013))

В примере (12) при переводе немецкой ТМ был опущен структурный адъективный компонент (маркер температурного признака) **heiß**, поскольку в русском языке присутствует идиоматическое выражение «(сидеть) как на углях», в котором температурный признак не эксплицируется, он семантически заложен в лексему **угли**.

(13) нем. *Von seinem roten Gesicht hob sich scharf der **eisgraue** (букв. серый как лед) Schifferbart ab.* (Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900))

Морская бородка топорщилась вокруг его красного лица. (Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953))

3.5. Комбинированный перевод

Под комбинированным переводом понимается одновременное использование в языке перевода двух и более способов (приемов). В данную группу были отнесены 24 текстовых примера употребления немецких метафор с семантикой температуры и их переводов на русский язык. Среди них обнаружен, в частности, случай комбинации замены и приема добавления:

(14) нем. ***Eine Welle von Wärme** (букв. волна тепла/теплоты) **stieg in mir auf**, – gerade weil wir so verschieden waren, dass wir nichts voneinander wussten.* (Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970))

‘Я испытал вдруг **прилив удивительной нежности** к ней – именно потому, что мы такие разные и еще ничего друг о друге не знаем’ (Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная. (М. Л. Рудницкий, 2000))

В примере (14) наблюдается замена немецкого существительного **Wärme (букв. тепло) на лексему нежность** в русском языке, к которому добавлено прилагательное **удивительная**. Кроме того, в немецкой ТМ субстантивный компонент *Welle* заменен при трансляции на русское имя существительное *прилив*. В результате использования названных трансформаций метафоричность температурного признака утрачивается при переводе.

(15) нем. ***Immer brennender** wurde Dein Blick und **tauchte mich ganz in Feuer.*** (Stefan Zweig. Brief einer Unbekannten (1922))

Твой взгляд становился **всё упорней, всё пламеннее**, он **жёг меня как огнём**. (Стефан Цвейг. Письмо незнакомки (Д. Горфинкель, 1960))

В примере (15) переводчик производит замену немецкого причастия I в форме сравнительной степени **brennender (букв. более горящий)** на два прилагательных в сравнительной степени – **упорней, пламеннее**. Кроме того, метафорически употребленную синтагму **tauchte mich ganz in Feuer (букв. окунул меня в огонь)** переводчик описательно передает сравнительным оборотом **жёг меня как огнём**.

4. Выводы

4.1. При переводе немецких температурных метафор, моделирующих языковую картину мира, на русский язык возникают трудности, которые преодолеваются следующими способами трансляции: прямой перевод, замена, описательный перевод, опущение и комбинированный перевод.

4.2. Наибольшей частотностью характеризуется замена (44,1%).

4.3. На втором месте по частотности стоит прямой (эквивалентный) перевод (28,2%), за ним следуют описательный (12,6%) и комбинированный перевод (10,1%)

4.4. Наименьшей частотностью перевода обладает опущение (5%).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мангеймский корпус немецкого языка (Institut für Deutsche Sprache, Mannheim, Germany) [Электронный ресурс]. URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas/>
2. Национальный корпус русского языка. 2003—2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
3. Николюкин А. Н. Метафора // Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Под ред. А. Н. Николюкина. – 2001. – Спб. – 1596 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст]/ Дж. Лакофф, М. Джонсон: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
5. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения [Текст] / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1. – С. 26–43.
6. Казакова Т. А. Практические основы перевода English – Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. [Текст]: учеб. пособие / Т. А. Казакова. – СПб.: «Издательство Союз», – 2000, – 320 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

TRANSLATION METHODS OF GERMAN METAPHORS WITH THE SEMANTICS OF TEMPERATURE INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. This study establishes and analyses examples of the use of German temperature metaphors (TM) and their translations in the Russian language. Examples obtained by random and continuous sampling. The following methods are identified: direct translation, substitution, descriptive translation, dropping and combined translation. The most productive translation method for TMs is substitution, and the least productive is dropping.

Keywords: metaphor, temperature, translation, translation method, frequency.

Voitova O. I.

Scientific adviser: Basyrov Sh. R., D.Sc.(Philology), professor
Donetsk State University
E-mail: voitova.olga.ig@gmail.com

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *HÉROÏSME* 'ГЕРОИЗМ' ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Волков Д.Р.

Научный руководитель: Кремзикова С.Е., д-р филол. наук, зав.кафедрой
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В статье рассматриваются средства вербализации концепта *héroïsme* 'героизм' как одной из ключевых составляющих французской языковой картины мира. Исходя из понимания концепта как многогранного явления, понятийная составляющая концепта *héroïsme* 'героизм' анализируется через лексикографические дефиниции имени концепта, приведенные в толковых словарях. Лексические средства репрезентации концепта *héroïsme* 'героизм' рассматриваются в их словообразовательных, синонимических связях.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, концептуальное поле, семантика.

Изучение репрезентации концепта *héroïsme* 'героизм' во французской языковой картине мира на уровне лексики представляет собой важную задачу в современной лингвистике. Исследование лингвокультурного концепта – единицы лингвокультурологии и когнитивных наук в целом – сводится к «понятию как совокупности существенных признаков предмета, погруженному в культуру и язык» [3, с. 8].

По определению Карасика В. И., концепт “представляет собой квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы, и включающий понятийное, образное и ценностное измерения.” [2, с. 1]. Любой концепт можно рассмотреть по структуре на разных уровнях и выделить следующие составляющие – образные, понятийные, ценностные. [2, с. 39]

Как известно, источником информации, представляющей понятийный компонент концепта *héroïsme* 'героизм', являются лексикографические данные. В таком контексте, анализ лексических единиц, объективирующих *héroïsme* 'героизм', позволяет определить, как структурируется его концептуальное поле, каким образом данный концепт воплощается в современном языковом образе мира французского народа.

Концептуальное поле – это единая среда распространения концепта, где он может принимать различные формы [4, с. 149]. В концептуальном поле концепт может проявляться в различных формах, зависящих от контекста, общественных норм, культурных ценностей и других факторов. Концептуальное поле концепта "героизм" во французском языке обширно и многоаспектно, отражает различные аспекты этого понятия в культуре и обществе.

Анализ словарных дефиниций из словарей Le Petit Larousse Illustré (2022), Le Grand Robert de la langue française (2021), Petit Larousse Illustré: nouveau dictionnaire encyclopédique (2020) ключевого слова концепта позволил установить его словообразовательные и синонимические ряды.

Проведенное исследование показало, что лексема *héroïsme* входит в словообразовательный ряд *héros* 'герой' ---*héroïsme*; ---*héroïque* 'героический' --- *héroïquement* 'героически'. Словом, которое мотивирует имя концепта *héroïsme* 'героизм', является *héros* "герой". В словарных статьях лексема *héros* представлена следующими дефинициями:

Héros (Nom masculin):

- 1) Figure légendaire ou historique, ou personnage fictif qui se distingue *par sa bravoure, son courage, son héroïsme*. *Les héros d'Homère, d'Eschyle* [5, с. 957] – ‘Легендарная или историческая фигура или вымышленный персонаж, отличающийся храбростью, мужеством или героизмом. Герои Гомера и Эхила’.
- 2) Personne qui accomplit des actes extraordinaires dans des conditions difficiles ou dangereuses, qui fait preuve de *courage* ou de persévérance. *Les héros de la Résistance, des pompiers* [5, с. 957] – ‘Человек, совершающий необычные поступки в трудных или опасных условиях, проявляющий мужество или настойчивость. Герои сопротивления, пожарные’.
- 3) Personne qui est admirée pour ses qualités, ses *exploits*, ou pour sa *générosité*. *Le héros populaire, l'athlète, héros des foules*. [6, с. 875] – ‘Человек, которым восхищаются благодаря его подвигам, качествам, достижениям или благородству. Популярный герой, спортсмен, который является героем’.

Таким образом, в словарных дефинициях *héros* отмечены качества человека, который совершает выдающиеся поступки, подвиги, который признан обществом; который отличается 1) *par sa bravoure* ‘храбрость’, *son courage* ‘мужество’, *son héroïsme* ‘героизм’; 2) *qui accomplit des actes extraordinaires* ‘который совершает чрезвычайные поступки’; *qui fait preuve de courage* ‘который проявляет мужество’ *ou de persévérance* ‘настойчивость’; 3) *qui est admirée pour ses exploits* ‘которым восхищаются за его подвиги’, *ou pour sa générosité* ‘или великодушие’;

Термин "герой" имеет глубокие корни во французской культуре и истории, поэтому во французском языке существует множество лексем, связанных с этим концептом, в том числе, словообразовательно мотивированных единиц.

Так, производные лексем от существительного *héros* “герой”, *-héroïsme* “героизм”, *-héroïque* “героический”, *-héroïquement* “героически” составляют многозвенный словообразовательный ряд, который реализует гомогенный набор дифференциальных сем.

Словарные дефиниции этих лексем включают, кроме слова-мотиватора *héros*, определения, характеризующие как действия, так и качества героического характера. Примером могут послужить такие слова, как *héroïque* “героический”, *héroïquement* “героически”, и *héroïsme* “героизм”, *exploit* “подвиг”, *courage* “мужество” и т.д.

Héroïque ‘героический’

- 1) Qui fait preuve *d'un grand courage*. [8]. - Тот, кто проявляет большую **храбрость**.
- 2) Qui *se comporte en héros*, en heroine [8]. - Тот, кто ведет себя как герой, героиня.

Héroïquement ‘героически’

- 1) [En parlant d'un(e) combattant(e)] Avec une extrême bravoure. [8] – [Говоря о бойце]. С чрезвычайной храбростью.
- 2) Avec *une force d'âme* exceptionnelle. [8] - С исключительной стойкостью.

Лексема *héroïquement* “героически” характеризует действия, совершенные поступки, наделенные героизмом; военные, спортивные, научные достижения.

Héroïsme “героизм”, как лексическая единица, служащая именем концепта, характеризуется в словарных дефинициях следующими признаками:

Héroïsme (Nom masculin):

- 1) Qualité de celui ou de celle qui fait preuve *d'un grand courage, d'une grande abnégation* dans des circonstances difficiles ou périlleuses. [5, с. 805] – ‘Качество человека (мужчины или женщины), который проявляет **большое мужество** и **самопожертвование** в трудных или опасных обстоятельствах’.
- 2) *Courage* exceptionnel, *grandeur d'âme* hors du commun [6, с. 362] – ‘Исключительное **мужество**, необычайное **величие духа**’
- 3) Caractère de ce qui est *héroïque* [6, с. 362] – Свойство того, что является героическим.

Эти определения указывают на то, что героизм “*héroïsme*” описывается как качество или характеристика индивида, проявляющего и выдающееся мужество, и силу духа, и самопожертвование в сложных и опасных ситуациях. Таким образом, во французском языке имя концепта *héroïsme* коррелирует с другими лексемами, образуя концептуальное поле.

Одним из основных компонентов понятийной составляющей концептуального поля *héroïsme* является *exploit* "подвиг".

Exploit (Nom masculin):

- 1) *Action d'éclat*, digne d'admiration, accomplie dans des *circonstances difficiles, périlleuses ou exceptionnelles*. *Exploit militaire, sportif, technique*. [5, с. 410] – ‘**Действие, достойное восхищения**, совершенное в трудных, опасных или исключительных обстоятельствах. Военный, спортивный или технический **подвиг**’.
- 2) Action remarquable, réussite éclatante. *Exploit commercial, financier, scientifique*. [6, с. 452] - **Выдающееся действие**, ослепительный **успех**. Коммерческие, финансовые или научные достижения.

Exploit “подвиг” – неординарный поступок, который совершен со смелостью и отвагой; относится к военным, спортивным, техническим достижениям.

Courage "мужество" является еще одной лексемой, выявленной в словарных дефинициях существительного *héroïsme*. Это слово описывает способность человека преодолеть страх и риск ради достижения цели.

Courage (Nom masculin):

- 1) *Qualité morale* qui permet d'affronter le danger, la souffrance, l'adversité sans faiblir ni reculer. *Avoir, manquer de courage. Faire preuve de courage, d'un grand courage*. [5, с.1117] - **Моральное качество**, позволяющее человеку встретить опасность, страдания или невзгоды, не ослабевая и не отступая. ‘Иметь, не иметь мужества. Проявлять мужество, большую храбрость’.
- 2) *Force d'âme, fermeté de caractère. Garder son courage, perdre courage*. [6, с. 218] - ‘**Стойкость, твердость характера**. Сохранять мужество, терять мужество’.

Во французском языке *courage* "мужество" часто используется в контексте военных действий, где солдаты демонстрируют высокую степень мужества и отваги.

Одной из лексических единиц, которая характеризует понятийный компонент концепта, является *abnégation* “самопожертвование”:

Abnégation (Nom féminin)

- 1) *Sacrifice total au bénéfice d'autrui de ce qui est pour soi l'essentiel*. [6, с. 106] - Полное принесение в жертву того, что важно для самого себя, ради блага других.
- 2) *Sacrifice de son intérêt personnel, renoncement, au bénéfice des autres*. [6, с. 106] - Жертвование собственными интересами, отказ от них ради блага других.

Например: *Ainsi fait l'homme vraiment spirituel quand il immole ses passions et qu'il fait l'abnégation, le sacrifice de tout ce qu'il y a de sensible et de mortel en lui*. [Maine de Biran, Journal, 1822, p. 356] – ‘Именно так поступает истинно духовный человек, когда приносит в жертву свои собственные влечения и отрекается от всего, что в нем есть чувствительного и смертного’.

Самопожертвование может быть связано с военными действиями или другими бескорыстными формами героизма, такими как спасение жизни.

Еще одной лексической единицей, входящей в понятийный компонент концепта героизм, является *gloire* "слава".

Gloire (Nom féminin):

- 1) *Éclat, renommée, honneur attachés* à une action, à une oeuvre, à une personne. *La gloire d'un écrivain, d'un artiste, d'un héros*. [5, с. 502] - **Блеск, слава и почет**, связанные с каким-либо действием, работой или человеком. Слава писателя, художника, героя.

- 2) *Réputation flatteuse, considération, admiration* qu'une personne, un groupe de personnes, un pays acquièrent aux yeux des autres. *La gloire de la France, de Paris, d'une école, d'un sportif*. [6, с. 416] - **Лестная репутация, внимание, восхищение**, которые человек, группа людей, страна приобретает в глазах других. Слава Франции, Парижа, школы, спортсмена.

Это слово описывает почет и уважение, которые заслужил человек своими подвигами, иногда даже спортивными. Во французской культуре слава также может быть связана с историческими личностями, такими как Наполеон, Жанн Д'Арк или Шарль де Голль.

Еще одной лексемой, входящей в понятийный компонент концепта героизм, является **résistance** "стойкость".

Résistance (Nom feminine):

- 1) Qui est *en guerre*, qui est *soldat*; qui appartient à *l'armée*, à *la guerre*. [5, с. 1354] - Тот, кто находится на войне, кто является солдатом; кто принадлежит к армии, к войне.
- 2) **Défense, riposte** par la force à un adversaire, à un ennemi qui a déclenché les hostilités. [8] – Защита, оборона, ответные силовые действия в отношении противника или врага, начавшего военные действия. Данной лексеме соответствует следующая трактовка – качество человека, который защищает свою Родину, свой дом и близких. Стойкость часто ассоциируются в контексте сопротивления против оккупантов.

Virilité "мужественность" – ещё одна лексическая единица, связанная с концептом *héroïsme* 'героизм'. В концептополе данная лексема занимает значимое место, часто ассоциируясь с героическими действиями и сопутствующими личными качествами.

Virilité (Nom feminin):

- 1) [Par oppos. à féminité] Ensemble *des attributs*, des *caractères physiques de l'homme* adulte. [8]- [Противоположный женственности] Все атрибуты и физические характеристики взрослых мужчин.
Par exemple: *Les richesses musculaires d'une virilité robuste* (A. France, *Île ping.*, 1908, p. 152). - Мышечное изобилие крепкой мужественности.
- 2) Ensemble des qualités (*fermeté, courage, force, vigueur*, etc.) culturellement attribuées à l'homme adulte. [8] - Все качества (**твёрдость, мужество, сила, энергичность** и т.д.), приписываемые взрослым мужчинам.

Еще одной лексемой, входящей в понятийный компонент концепта "героизм", является **martyr** 'мученик'

Martyr (Nom masculin): "мученик".

- 1) Personne *qui souffre* ou *qui est mise à mort pour sa foi, sa cause, sa patrie*. [7, с. 1094] - Человек, который **страдает** или предан смерти за **свою веру, дело или страну**.
- 2) Celui qui *se dévoue pour une cause, une idée, une passion*, et qui en souffre. [8, с. 890] - Тот, кто посвящает себя делу, идее или страсти и в результате страдает.

Это слово определяет человека, который страдал и умер за свои убеждения или веру. Во французской истории и культуре мученики часто связаны с религиозными лидерами, такими как Жан Кальвин или Жанна Д'Арк.

Лексической единицей, связанной с концептополем *héroïsme*, является **guerrier** 'воин'.

Guerrier (Nom masculin):

- 1) Qui est *en guerre*, qui est *soldat*; qui appartient à *l'armée*, à *la guerre*. [7, с. 1354] - Тот, кто находится на войне, кто является солдатом; кто принадлежит к армии, к войне. Эта лексема актуализирует значение «человек, который воюет за свою страну, участвует в битве, солдат». Во французской лингвокультуре воинственность и отвага часто ассоциируются с рыцарями, которые служат своему королю и защищают Францию.

Можно сделать вывод, что во французской культуре понятие «героизм» имеет глубокие корни и связано с давними традициями, воинскими доблестями и поступками, достойными восхищения. Таким образом, во французском языке существует серия лексем, которая входит в концептуальное поле *héroïsme* 'героизм', например: лексем, связанные словообразовательными отношениями, такими как *héros* 'герой'- *héroïsme* 'героизм'; *héroïque* 'героичный' - *héroïquement* 'героично', слова, связанные синонимическими отношениями: *exploit* "подвиг", *courage* "мужество", *abnégation* "самопожертвование", *virilité* "мужественность". Каждое из этих слов имеет свой оттенок и контекст употребления, но, в целом, эти слова описывают человека, который проявил свои лучшие качества и достиг чего-то значимого и важного для общества.

Изучение лексикографического представления семантики концепта «героизм» во французском языке позволяет лучше понять культурные и исторические особенности языковой картины мира французского народа, а также их ценностные ориентации и представления о достоинстве и мужестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
2. Современная теория языка. Карасик В. И. [Электронный ресурс]. Ссылка: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/96/73-79.pdf>
3. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии). Воркачев С. Г. [Электронный ресурс]. Ссылка: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-kontseptologiya-i-ee-terminosistema-prodolzhenie-diskussii?ysclid=lstkuozm4p668489176>
4. Актуализация понятий "концепт" и "концептуальное поле" в методологии историко-философских исследований. Ромашенко М. А. [Электронный ресурс]. Ссылка: <https://www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/41.html>
5. Le Grand Robert de la Langue Française, Éditions Le Robert, 2021. – 2156.
6. Le Petit Larousse Illustré, Éditions Larousse, 2022. - 1760.
7. Petit Larousse Illustré: nouveau dictionnaire encyclopédique, Paris: Librairie Larousse, 2020. – 1820.
8. Central National de Ressources Textuelles et Lexicales [Ressource électronique]. URL: <https://www.cnrtl.fr>

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT *HÉROÏSME* 'HEROISM' IN THE FRENCH LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Annotation. The article examines the means of verbalizing the concept *héroïsme* 'heroism' as one of the key components of the French linguistic picture of the world. The conceptual component of the *héroïsme* "heroism" is examined through lexicographic definitions of the concept name given in explanatory dictionaries. Lexical means of representation of the concept "heroism" are considered in their word-formation and synonymic relations.

Key words: concept, linguistic picture of the world, conceptual field, semantics.

Volkov D.R.

Scientific adviser: Doctor of Philology, Assoc. Prof., Chair of the Romance Philology Kremzikova S.E.

Donetsk State University

E-mail: himkienteroff@gmail.com

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ ВНЕШНЮЮ КРАСОТУ В РАЗГОВОРНОМ СЕГМЕНТЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Дудник В.Н.

Научный руководитель: Петрищева Е. И., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данном исследовании анализируются лексические единицы, номинирующие внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков. Рассматриваются особенности образования данных лексических единиц. Исследуется процесс формирования новых слов на основе уже существующих, также изучается зависимость изменения значения слова от контекста употребления.

Ключевые слова: способ образования, разговорный сегмент, лексическая единица, структура.

1. Введение

Данная работа посвящена анализу структурных особенностей лексических единиц, номинирующих внешнюю красоту (далее ЛЕНВК) в разговорном сегменте немецкого и русского языков.

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием комплексного изучения структуры разговорных ЛЕНВК в немецком и русском языках.

Объектом исследования являются лексические единицы, номинирующие внешнюю красоту в разговорном сегменте немецкого и русского языков, а **предметом** – их структурные особенности.

Материалом исследования послужили немецкие и русские ЛЕНВК, полученные из словарей разговорной лексики. Всего было проанализировано 355 ЛЕНВК (нем. – 147 ед., русск. – 208 ед.).

Цель исследования состоит в описании особенностей структуры ЛЕНВК в разговорном сегменте сопоставляемых языков.

Цель работы предусматривает решение следующих **задач**:

1. провести анализ многообразия лексических единиц, применяемых для описания внешней красоты в сопоставляемых языках;

2. классифицировать ЛЕНВК в соответствии с их структурными типами;

3. выявить сходства и различия в структуре немецких и русских разговорных ЛЕНВК.

2. Структурные особенности ЛЕНВК

Структурные особенности – это характеристики, описывающие внутреннюю структуру слов и выражений. В зависимости от языка и лингвистической традиции, структурные особенности могут включать в себя различные аспекты. Так и образование немецких и русских ЛЕНВК осуществляется различными способами и путями. Рассмотрим некоторые из них:

2.1. Аффиксация – образование производных посредством присоединения простых и смешанных аффиксов [1] (русс. – 115 ед.; нем. – 35 ед.), ср.:

(1) «Суффиксация» (нем. – 8 ед.; русск. – 85 ед.), ср.: нем. разг. *Mandarinchen* ‘маленькая грудь’, нем. разг. *goldig* ‘милый, прелестный, славный; русск. разг. *гламурный* ‘яркий, модный, очаровательный’, русск. разг. *фигурять* ‘ходить, появляться перед кем-л. в необычном виде, нередко надев что-л. модное, красивое, заметное и т.п’. Данный вид аффиксации представлен во всех сопоставляемых языках, при чем в русском языке он является самым продуктивным.

Только в немецком языке были выделены следующие виды простой аффиксации:

(2) «Префиксация» (8 ед.), напр.: нем. разг. *bemalen* ‘красить(ся), применять косметику’, нем. разг. *aufmakeln* ‘вырядиться, расфуфыриться’, нем. разг. *besext* букв. ‘фигуристая’.

Только в немецком языке были отмечены следующие виды смешанной аффиксации:

(3) «Полупрефиксация» (15 ед.), напр.: нем. разг. *aufstylen* ‘наводит марафет, наряжаться’, нем. разг. *anputzen* ‘наряжаться’, нем. разг. *Bombenform* ‘подтянутое телосложение’;

(4) «Полусуффиксация» (3 ед.), напр.: нем. разг. *tauf frisch* ‘новенький с иголки’, нем. разг. *kurvenreich* ‘фигуристая’.

Лишь в русском языке представлена такая смешанная аффиксация как:

(5) «Префиксально-суффиксальный способ» (12 ед.), напр.: русск. разг. *охорашиваться* ‘придавать себе привлекательный вид’, русск. разг. *принарядиться* ‘одеться нарядно или наряднее’, русск. разг. *приглянуться* ‘понравиться своим внешним видом, показаться привлекательным’;

2.2. Семантическая деривация – процесс образования слов с новым значением путем изменения смысла исходного слова [2]. Таким образом, семантическая деривация связана с изменением значения слова и формированием новых слов на основе уже существующих, что может происходить за счет добавления новых приставок, суффиксов или других морфем, или изменения значения слова в контексте его употребления, напр.:

(6) «Семантическая деривация» (нем. – 24 ед.; русск. – 74 ед.), ср.: нем. разг. *Zwickel* ‘красивый человек’, нем. разг. *Torte* ‘хорошая, привлекательная женщина’, нем. разг. *Biene* ‘легкость’; русск. разг. *антилопа* ‘худая девушка’, русск. разг. *перец* ‘красивый молодой человек’, русск. разг. *нава* ‘о величавой и статной, плавно двигающейся женщине’.

По продуктивности семантическая деривация занимает второе место в русском языке (74 ед.) и четвертое место в немецком языке (24 ед.)

2.3. Словосложение – безаффиксный способ словообразования, метод которого направлен на полнозначные слова или их основы в цельнооформленный комплекс [1]. Результатом этого типа словообразования является сложное слово (композит), которое сочетает значение исходных слов.

2.3.1. Композиты – сложные слова, имеющие особый тип словообразовательного значения, которое присуще вообще всем словам со сложной мотивирующей базой [2]. Данный способ образования ЛЕНВК является самым продуктивным в немецком языке (нем. – 61 ед.; русск. – 7 ед.). С точки зрения орфографии ЛЕНВК-композиты в разговорном сегменте немецкого и русского языков можно разделить на (7) полносложные, которые доминируют как в немецком (41 ед.), так и в русском (3 ед.) языках, (8) неполносложные и отдельно рассматриваются (9) сращения, ср.:

(7) «Полносложные» (нем. – 41 ед.; русск. – 3 ед.), ср.: нем. разг. *Storchbeine* разг. ‘стройные ноги’, нем. разг. *Halbstarke* ‘стиляга’; русск. разг. *фрейфёя* ‘хорошо одетый человек’;

(8) «Неполносложные» (нем. – 18 ед.; русск. – 2 ед.), ср.: нем. разг. *Marzipan-Puppe* ‘фарфоровая кукла’, нем. разг. *Löwenmähne* ‘объемная укладка’; русск. разг. *тамблер-герл* ‘крайне миловидная девушка, которая часто публикует селфи’, русск. разг. *фитоняша* ‘девушка со спортивной фигурой’;

(9) «Сращения» (нем. – 2 ед.; русск. – 2 ед.), ср.: нем. разг. *dauergelockt* ‘кудрявые волосы’; русск. разг. *бокорез* ‘физически сильный человек’.

2.4. Синтаксический способ – это один из компонентов структурной организации языка, конститутивными единицами которого являются словосочетание и предложение [1]. Данный способ образования представлен в немецком и русском языках лишь словосочетанием.

2.4.1. Словосочетание – синтаксическая единица, соединение двух или более знаменательных слов, связанных по смыслу и грамматически, выражающее единое, но

расчлененное понятие и представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности [1]. В данном исследовании все словосочетания делятся на две группы: (10) простые и (11) сложные.

(10) «Простое» (нем. – 15 ед.; русск. – 12 ед.), ср.: нем. разг. *lecker Mädche* ‘приятная привлекательная молодая женщина’; русск. разг. *красотка кабаре* ‘о внешности девушки’;

(11) «Сложное» (нем. – 13 ед.; русск. – 7 ед.), ср.: нем. разг. *sich in Gala werfen* ‘припарадиться, принарядиться’; русск. разг. *спортсменка, отличница, комсомолка* ‘о красивой девушке’.

2.5. Безаффиксный способ образования – это процесс словообразования без приставок, суффиксов или других аффиксов. В этом случае новые слова образуются путем объединения двух или более отдельных слов без добавления аффиксов [2]. Данный способ образования отличается от словосложения тем, что в процессе словосложения новые слова формируются путем соединения двух или более самостоятельных слов. В то время как в процессе безаффиксного способа – путем изменения основы слова или использования альтернативного значения. В данной работе были выделены такие способы, как (12) аббревиация и (13) контаминация. Данный способ образования представлен лишь в русском языке.

2.5.1. Аббревиация – способ образования слов (имен существительных) от других слов или словосочетаний [1].

(12) «Аббревиация» (1 ед.), напр.: русск. разг. *бру* (сокр. от *брутальный*) ‘о молодом человеке’;

2.5.2. Контаминация – возникновение нового слова или выражения посредством объединения частей слов или выражений [2].

(13) «Контаминация» (1 ед.), напр.: русск. разг. *швабдройд* ‘высокий человек’.

3. Выводы

Анализ структурных типов ЛЕНВК в сопоставляемых языках позволяет сделать следующие выводы:

3.1. Образование ЛЕНВК в разговорном сегменте немецкого и русского языков осуществляется путем аффиксации, словосложения, аббревиации (сокращения), синтаксической и семантической деривации и контаминации.

3.2. Аффиксация доминирует при образовании ЛЕНВК в разговорном сегменте русского языка (98 ед.). Анализ данного способа образования указывает на преимущественное использование в немецком языке такого способа образования в рамках аффиксации как полупрефикс (15 ед.), в то время как в русском языке преобладает суффиксация (85 ед.). Частое использование суффиксов при описании внешности в русском языке связано с тем, что с помощью суффиксов можно образовывать множество слов, относящихся к конкретным характеристикам внешности человека. Это удобный способ обогащения языка и создания новых слов, позволяющий точно выразить определенные черты внешности. Суффиксы позволяют создавать широкий спектр слов, относящихся к физическим особенностям человека. Кроме того, использование суффиксов при описании внешности также позволяет сделать язык более точным и разнообразным, что важно для передачи отношения говорящего к объекту номинации.

Использование полупрефиксов и полусуффиксов в процессе образования ЛЕНВК в немецком языке может быть обусловлено их менее строгим и более гибким значением и функцией. Таким образом, полуаффиксы могут применяться для формирования более неофициальной и разговорной лексики, что обогащает речь игровыми и колоритными элементами.

3.3. Регулярное применение семантической деривации при описании внешности в немецком и русском языках может быть объяснено потребностью передачи разнообразных оттенков внешних характеристик. Семантическая деривация позволяет формировать новые слова путем изменения значения или расширения конкретных особенностей уже

имеющихся лексических единиц, что способствует точности и выразительности в описании внешности.

3.4. Словообразование является самым продуктивным способом образования ЛЕНВК в немецком языке (61 ед.). В ходе исследования было установлено, что в обоих сопоставляемых языках преобладают полносложные композиты (нем. – 41 ед.; русск. – 3 ед.). Такие морфологически сложные конструкции позволяют создавать более точные и выразительные слова для передачи сложных понятий.

3.5. Синтаксический способ образования преобладает при образовании ЛЕНВК в немецком языке (28 ед.). Анализ данного способа образования указывает на преимущественное использование в немецком и русском языках такого структурного типа, как простое словосочетание (нем. – 15 ед.; русск. – 12 ед.). Преобладание простых словосочетаний может быть обусловлено стремлением к ясности и точности передачи информации. Такие конструкции позволяют описать конкретные внешние характеристики без излишней сложности и могут представлять собой более естественный и понятный способ выражения мыслей. В ряде случаев простые словосочетания могут быть более предпочтительными и эффективными для передачи определенных нюансов описания внешности.

3.6. Безаффиксный способ образования был выявлен только в русском языке и по продуктивности занимает самое последнее место (2 ед.). При анализе данного способа образования были установлены такие структурные типы, как аббревиация (1 ед.) и контаминация (1 ед.).

Ограниченное применение безаффиксного способа словообразования для описания внешности в сопоставляемых языках может быть обусловлено стремлением к точности и ясности передачи информации.

Таким образом, анализ структурных особенностей лексической единицы немецкого и русского языков позволяет лучше понять механизмы словообразования и специфику образования новых слов в сопоставляемых языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь лингвистических терминов Розенталя – [Словарь]. – [Электронный ресурс] –Режим доступа: https://gufo.me/dict/linguistics_rosenthal?ysclid=lsrxb73na1267940383
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило / Изд. «Пилигрим». – Назрань, 2010 – С. 489.
3. Петрищева Е. И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям: сопоставительный аспект [Текст]: дис.... канд. филол. наук: Донецк. 2021. – С. 272.
4. Шидловская И. А. Уникальные элементы в словообразовании современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Уфа. 2011. – С. 23.

STRUCTURAL TYPES OF LEXICAL UNITS NOMINATING EXTERNAL BEAUTY IN THE SPOKEN SEGMENT OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Annotation. This article analyses lexical units nominating external beauty in the colloquial segment of German and Russian languages. The peculiarities of the formation of these lexical units are considered. The process of formation of new words on the basis of existing ones is investigated. The article also studies the dependence of word meaning change on the context of use.

Keywords: spoken segment, lexical units, structural features, language comparison.

Dudnik V. N.

Scientific adviser: Petrischeva E. I. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: walerija_dudnik@mail.ru

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ
КОММУНИКАТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПЕРСОНАЖАМИ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»)**

Жилина С. А.

*Научный руководитель: Осташова О. И., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В статье рассматриваются гендерные особенности коммуникативного поведения персонажей в англоязычном художественном дискурсе, в частности, реализация стратегии коммуникативного сотрудничества. Выявлены и описаны ключевые различия и сходства выбора и использования коммуникативных тактик женщинами и мужчинами.

Ключевые слова: гендер, коммуникативное поведение, коммуникативная ситуация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Данная работа посвящена установлению и описанию гендерных особенностей коммуникативного поведения персонажей, направленного на реализацию стратегии коммуникативного сотрудничества внутри ряда коммуникативных ситуаций в англоязычном художественном дискурсе.

Актуальность работы обусловлена потребностью в систематизации гендерных маркеров коммуникативного поведения в ситуациях коммуникативного сотрудничества представителей англоязычного социума в эпоху динамичных социальных преобразований.

Цель – установить и описать гендерные особенности реализации стратегии коммуникативного сотрудничества в рамках коммуникативного поведения персонажей в художественном дискурсе.

Объектом настоящего исследования является коммуникативное поведение персонажей в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», анализируемого в качестве единого художественного дискурса. Предметом исследования выступают гендерные особенности реализации стратегии коммуникативного сотрудничества.

Сфера изучения современной гендерной лингвистики включает в себя множество различных и отчасти противоположных направлений, которые О. А. Воронина объединяет в следующие группы: псевдогендерное исследовательское течение, социополовое течение; социоконструктивистское течение [1, с.20-23]. Идеи, которые выдвигают представители последнего направления, О. Ю. Черных считает самыми эффективными с точки зрения изучения явлений гендерной лингвистики. Согласно исследовательнице, социальный конструктивизм фокусируется одновременно на создании и восприятии определённой модели мира человеком, благодаря его участию в социальной действительности, которая модифицируется языком [2, с.538]. К. Уэст в работе “Gender in discourse” также объясняет, что гендерные различия в коммуникативном поведении являются результатом принятых, установленных различий между женщинами и мужчинами в прагматической работе, которую они должны выполнять согласно способам отображения или «индексации» их гендера [3, с.131]. Поэтому в данной работе мы рассматриваем гендер как социокультурный феномен и будем понимать его как «большой комплекс социальных и психологических установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности» [4, с.194-195].

И. А. Стернин считает коммуникативное поведение «осознанным, национально оформленным, целенаправленным информационным обменом между людьми, сопровождающимся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [5, с.7]. Следовательно, каждая нация, каждый народ обладает набором стандартных норм поведения, которые реализуются в определённых коммуникативных ситуациях отдельными индивидами, в нашем случае, персонажами художественного дискурса. В толковании В. И. Карасика коммуникативному поведению присуща ситуативность, а также такие параметры ситуативных моделей, как личность и дискурс [6, с.262]. В нашем случае, первый параметр представляют персонажи художественного дискурса, иными словами, языковые личности, владеющие всеми коммуникативными характеристиками и функциями, реализация которых происходит непосредственно в коммуникативных ситуациях.

Корпус эмпирического материала исследования составляет 231 контекст, в котором реализуется определенная коммуникативная ситуация («Знакомство», «Прощание», «Ссора» и т.п.). Согласно определению Н. И. Формановской, она отличается «сложным комплексом внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату» [7, с.56].

КС реализуется посредством стратегий – «комплексов речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» и тактик – «совокупностей практических ходов, линий речевого поведения собеседников в реальном процессе речевого взаимодействия» [8, с.54]. В работе «Основы лингвистической теории текста и коммуникации» Е. А. Селиванова сформулировала три основные группы стратегий: а) коммуникативное сотрудничество, б) коммуникативный конфликт, в) коммуникативное соперничество [9, с.170]. Данные стратегии далее реализуются посредством различных тактик.

В ходе анализа коммуникативных ситуаций, в которых реализована стратегия коммуникативного сотрудничества, нами было определено, что персонажи-женщины и персонажи-мужчины оперируют приблизительно одинаковым объёмом тактик (см. таблицу 1).

Таблица 1

Соотношение использования персонажами-женщинами и персонажами-мужчинами тактик стратегии коммуникативного сотрудничества

Гендерная принадлежность	Реализовано тактик, ед.	Реализовано тактик, %
Женщины	126	47
Мужчины	141	53
Всего	267	100

Преобладание использованных тактик мужчинами объясняется их более активным участием в коммуникации, потребностью в установлении новых связей и поддержки контакта с уже знакомыми собеседниками. Однако, в ситуациях, где необходимо разрешить конфликт или принять важное решение, мужчины могут чаще прибегать к стратегиям коммуникативного конфликта или соперничества, в то время как женщины предпочитают сотруднический подход.

Детальный анализ эмпирического материала исследования позволили выделить коммуникативные ситуации, в которых реализуются различные тактики стратегии сотрудничества в художественном дискурсе (см. табл. 2).

Таблица 2

Количественная характеристика реализации тактик стратегии коммуникативного сотрудничества женщинами и мужчинами в художественном дискурсе

Тактика	Кол-во, %	Тип КС	Реализовано женщинами	Реализовано мужчинами
Побуждение	31 (11,61)	Приглашение, просьба	13 (10)	18 (13)
Комплимент	24 (8,99)	Встреча, похвала	13 (10)	11 (8)
Запрос информации	24 (8,99)	Знакомство, встреча	6 (5)	18 (13)
Демонстрация открытости и/или заинтересованности	22 (8,24)	Знакомство, встреча, признание	9 (7)	13 (9)
Оправдание	16 (5,99)	Признание, просьба	5 (4)	11 (8)
Позитивная вежливость	16 (5,99)	Похвала, знакомство	8 (6)	8 (6)
Извинение	13 (4,87)	Просьба, замечание	-	13 (9)
Косвенная самопрезентация	11 (4,12)	Знакомство	11 (9)	-
Юмор	11 (4,12)	Встреча, приглашение, прощание	8 (6)	3 (2)
Обещание	10 (3,75)	Встреча, ссора	-	10 (7)
Убеждение	10 (3,75)	Просьба	2 (2)	8 (6)
Усиление	9 (3,37)	Встреча, похвала	6 (5)	3 (2)
Переспрос	8 (3)	Знакомство, приглашение, встреча	3 (2)	5 (4)
Контраст	8 (3)	Встреча, признание	3 (2)	5 (4)
Перевоплощение	7 (2,62)	Похвала	5 (4)	2 (1)
Одобрение	7 (2,62)	Приглашение, похвала	5 (4)	2 (1)
Повтор	6 (2,25)	Похвала, просьба	6 (5)	-
Прямая самопрезентация	6 (2,25)	Встреча, знакомство	-	6 (4)
Смена темы	6 (2,25)	Спор, ссора	6 (5)	-
Обобщение	5 (1,87)	Поддержка, приглашение	5 (4)	-
Апелляция к чувству сожаления	5 (1,87)	Встреча, жалоба, признание	4 (3)	1 (1)
Снятие напряжения	3 (1,12)	Ссора	2 (2)	1 (1)
Прогнозирование	3 (1,12)	Предложение, встреча	3 (2)	-
Понижение своего имиджа	3 (1,12)	Встреча, слух	-	3 (2)
Уход от беспочвенных подозрений	2 (0,75)	Спор	2 (2)	-
Уступка	1 (0,37)	Жалоба	1 (1)	-
Всего	267 (100)		126 (100)	141 (100)

Исходя из данных таблицы 2, женщины наиболее часто реализуют такие тактики как комплимент, побуждение, косвенная самопрезентация, демонстрация открытости и/или заинтересованности, позитивная вежливость, юмор и запрос информации. Выбор таких тактик свидетельствует о принадлежности женщин, изображённых в романе к высшему социальному слою, где действовали строгие правила поведения, а также о необходимости привлечь внимание собеседника, получить больше информации о нём и поддерживать тему разговора. Исключительно женщинами использованы следующие тактики в рамках стратегии коммуникативного сотрудничества:

- косвенная самопрезентация, которая служит для того, чтобы наладить контакт с собеседником при самопредставлении через упоминание общих субъектов или объектов, а также для обозначения скромности женщин, умеренности в проявлениях;

- смена темы, уход от беспочвенных подозрений и уступка помогли женщинам сохранить гармонию и спокойствие в отношениях с окружающими персонажами, избежать конфликтов, а соответственно, обеспечить защиту своего имиджа и социальной позиции;

- обобщение, позволяющее женщинам создать более общий контекст для разговора и перейти от конкретных деталей к более общим идеям или темам, что является полезным, если они хотят перейти к более абстрактным понятиям или если им нужно выразить свою точку зрения в более широком контексте;

- переспрос, чтобы прояснить неточности и/или уточнить смысл высказывания другого персонажа – это может помочь им лучше понять, что хочет сказать собеседник, и дать более подходящий ответ на его высказывание; кроме того, переспросы могут также служить способом подтверждения того, что женщина действительно слушает и интересуется тем, что говорит коммуникант;

- прогнозирование, цель которого – предугадать, что может произойти в будущем, или как собеседник ответит на то или иное высказывание, как следует продолжать разговор, и как лучше поддерживать контакт.

Мужчины чаще прибегают к использованию тактик запроса информации, побуждения, демонстрации открытости и/или заинтересованности, извинения, комплимента, оправдания и обещания. Так как социальная и коммуникативная позиция мужчины представлялась более активной и инициативной, данные тактики способствуют установлению новых контактов, получению информации о них путём множества вопросов и поддержанию хороших отношений. Если же мужчина допускал ошибку или неудачу, ему было важно сохранить свою репутацию и имидж. Для этого он мог использовать тактики извинения и оправдания, чтобы показать, что он осознает свою вину или что события произошли не по его вине.

В отличие от женщин истинно мужскими по употреблению в романе являются следующие тактики:

- извинение, причина использования которого уже была раскрыта выше;
- обещание, реализуемое с целью достижения ожидаемого результата коммуникации, выступающее в качестве сильной мотивации для собеседника, особенно если это обещание затрагивает его личные интересы, также мужчины применяют данную тактику для того, чтобы убедить других персонажей в своей надёжности и добросовестности;

- прямая самопрезентация реализована мужчинами для демонстрации своей силы, уверенности и доминантности; тактика также связана с традиционными мужскими ролями, которые предписывали мужчинам проявлять силу, независимость и уверенность в себе;

- понижение собственного имиджа, которое в определённой степени противоречит предыдущей тактике, на самом деле, является достаточно продуктивным способом создания эмоциональной связи с другими коммуникантами, ведь демонстрация своей уязвимости (будь она действительной или нет) и несовершенства делает мужчину более доступным и привлекательным для людей, которые могут быть скептически настроены к нему.

Таким образом, наше исследование показало, что стратегия коммуникативного сотрудничества находит свою реализацию, как в коммуникативном поведении женщин, так и мужчин. В первой гендерной группе данная стратегия представлена более разнообразно и частотно, что совершенно естественно – женщины были вынуждены оперировать большим набором тактик для того, чтобы удержать внимание коммуникантов и утвердить свою социальную позицию. Данные различия во многом обусловлены культурными и историческими факторами, а также представлениями о гендерной роли. Это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения гендерных

различий в коммуникативном поведении, так как изучение гендерных особенностей коммуникативного поведения персонажей англоязычного художественного дискурса имеет важное значение для понимания гендерных отношений и социально-культурных изменений в нынешнем обществе, а также может быть полезным для формирования культурной компетенции и понимания различий в коммуникации между разными группами людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство [Текст] / О. А. Воронина – М.: Едиториал УРСС – 2004. – 320 с.
2. Черных, О. Ю. Гендер как социальный конструкт [Текст] / О. Ю. Черных // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 3(76). – С. 537-539.
3. West, C. Gender in discourse [Text] / C. West, M. M. Lazar, C. Kramarae // Discourse as social interaction. – 1997. – V. 2. – pp. 119-143.
4. Тарасенко, О. Н. Гендер с точки зрения его взаимодействия с социальными, психологическими и культурными факторами [Текст] / О. Н. Тарасенко // Современная научная мысль. – 2014. – № 1. – С. 193-200.
5. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки. – 2001. – 252 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис – 2004. – 390 с.
7. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Икар. – 2007. – 480 с.
8. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М.: ЛКИ. – 2008. – 288 с.
9. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: учебное пособие [Текст] / Е. А. Селиванова – К.: ЦУЛ. – 2002. – 336 с.

GENDER FEATURES OF THE COMMUNICATIVE COOPERATION STRATEGY IMPLEMENTATION BY CHARACTERS IN THE ENGLISH-LANGUAGE ARTISTIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF F. S. FITZGERALD'S NOVEL *THE GREAT GATSBY*)

Annotation: The article determines the gender peculiarities of characters' communicative behaviour in the English-language artistic discourse; the communicative cooperation strategy implementation in particular. The key differences and similarities between the choice and use of communication tactics by women and men are identified and described.

Keywords: gender, communicative behaviour, communicative situation, communicative strategy, communicative tactics.

Zhylina S. A.

Scientific adviser: Ostashova O. I. Candidate of Sciences (Philology)

Donetsk State University

E-mail: sofiazhylina@yandex.ru

LINGUISTIC FEATURES OF CONTRACTS CONCLUDED IN ENGLISH

Задирина Р.И.

*Научный руководитель: Жданова Н.А., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В данной статье раскрываются лингвистические и структурные особенности составления контрактов на английском языке. Автор рассматривает исторические истоки употребления определенных слов в юридическом английском языке, способы построения предложений в контракте, использование модификаторов, вспомогательных глаголов, а также некоторые грамматические и пунктуационные аспекты. В статье также рассматриваются проблемы неопределенности и двусмысленности, которые могут возникнуть при составлении контракта на английском языке, а также распространенные лингвистические ошибки и практические решения этих проблем.

Ключевые слова: контракт, юридический английский, лингвистические особенности, модификаторы, вспомогательные глаголы, пунктуация.

Currently, more and more people are becoming participants in business relationships, in the process of which various business documents are compiled and signed – most often these are various contracts and agreements, as a result of which there is a demand for specialists with knowledge of English and proficiency in such an important type of translation as translation of official documents, in particular, contracts.

Speaking of legal English, the so-called «legalese» is part of the legacy, echoes of the past, when Anglo - Saxon mercenaries, Latin-speaking missionaries, Scandinavian raiders and Norman invaders all left their mark on the language used by lawyers today [1, 178]. So, such words as, for example: *property (real estate), estate (property), chattel (movable property), lease (lease), executor (contractor), tenant (tenant) were transferred from Norman to English.*

Speaking about legal English, it is necessary to highlight its following features:

1) A peculiar sentence structure that can often resemble written French, which adds difficulties in translation, for example, "*The provisions for termination hereafter appearing or will at the cost of the borrower forthwith comply with the same*" [2, p. 24].

2) Insufficient use of punctuation: for example, in many documents, especially those related to the international trading system, there is a clear lack of punctuation marks, which is due to the widespread perception among lawyers that the meaning of legal documents is contained only in the words and context used. The famous judge Sir Robert Megarry once said that punctuation is the servant, not the master, of content and meaning [3].

Of particular interest is a case, in which an Australian court was called upon to analyze a worker's in - surance policy describing the employer's business as *fuel carrying and repairing*. The question was: Did the policy cover an employee who was injured when driving the employer's vehicle carrying bricks? The court interpreted the policy in the employee's favour by construing it to read either *fuel, carrying, and repairing* or *fuel carrying, and repairing* [4, 156].

Punctuation can eliminate ambiguities by using commas and distinguishing between "that" and "which": *Inventory that was purchased during the relevant period is a restrictive sentence; Inventory that was purchased... this is an unlimited offer*. Omitting the comma in the first sentence probably converts a restrictive sentence to a non-restrictive one. Interest in punctuation has been greatly revived in recent years in the UK, where a book on punctuation has become a bestseller, and the BBC has produced a number of programs (quizzes) that test participants' knowledge of grammar.

3) Using some foreign phrases instead of English ones: for example, "inter alia" instead of "among others".

4) Use older English words to avoid repeating names or phrases. These words include: *hero*, *its*, and *where*. For example, the parties here to (parties to this agreement) instead of the parties to this contract (parties to this agreement) [5, p. 101].

5) Using *the same*, *the said*, and *the anticipated* modifiers.

6) Use of phrasal verbs in a legal context, for example, *put down deposits - to make a contribution*; *serve [documents] upon other parties - to submit [documents] to other parties*; *write off debts - to write off debts* [6, p. 18].

A contract is a document that corresponds to the official business style of speech and has certain stylistic, grammatical, and lexical features.

Any function is regulated both syntactically and lexically. Common features include:

- impersonality of lexical constructions.
- conciseness and accuracy in the wording;
- completeness and timeliness of information;
- use a neutral tone and lack of emotion.

The accuracy and standardization of the presentation, which does not allow foreign interpretation, when drawing up a contract, is achieved by using cliches. Due to the need to implement the main regulatory functions of law, business speech is characterized by stylistic coloring [7, p. 133].

Thus, the texts of official documents should not contain words with emotional and expressive coloring, with diminutive and affectionate suffixes, with suffixes of exaggeration, interjections, colloquial vocabulary, words with a figurative meaning [8]. However, the style should not be simple, as it may seem uncultured and rude. Linguists who recommend using stylistic techniques that make contracts more polite (the use of complex sentences, the passive voice of the verb, the full form of words) include I. V. Arnold, H. Fries, E. M. Gordon, G. LeeEich, O. Jefferson, J. Swartwick, M. Joele, B. A. Elish [9, p. 25].

Using words in the correct sequence is also an important aspect when writing a contract, as in non-legal writing, authors tend to vary their language to make the prose more interesting. Contract drafters, however, should avoid variations and inconsistencies. Maintaining consistency is more important than avoiding repetition.

For example, if you refer to the subject of a sales contract as "*goods*" use the same term throughout the contract to refer to that item instead of calling it "*goods*" or something else.

In British, American, and Russian law, contracts also have certain grammatical features. English-language contracts are characterized, for example, by the use of compound sentences (SPS) and the passive voice, the use of the verb *shall* with the second and third person units in the sense of *must*, etc. For comparison, the Russian contract has the following grammatical features: the use of non-consonantal constructions or SPS with subordinate explanatory (union *what*), determinative (union *which*); the use of so-called performatives – a special form of verbs denoting speech action and used as an action; they are used in the first person singular and plural forms, less often. – in the form of a third party: *guarantees*, *undertakes*, etc. It can also be noted that in English, unlike in Russian, there are different ways to convey conditions and ought.

However, it should be noted that incorrect use of the verb *shall* can be a source of confusion: *shall* can be expressed as an imperative in the sense of "you should do as I say" or as an indicative action in the future "I will contact you soon". However, as practice shows, at the moment, *shall* is not used to indicate certain actions in the future, but to express circumstances. At the same time, Professor B. Wydick considers the use of *shall* to be a real problem and recommends not using it to specify a goal, but rather to refer to *will*. Lawyers tend to use *shall* all the time without thinking, just in case the present-time imperative is relevant. In fact, the present tense, rather than *shall*, is appropriate in definitional sentences, because the statement is being made.

It is important to understand that in both English and Russian, there are vague words and phrases, and there is a difference between ambiguity and ambiguity in the text. For example, ambiguity occurs when a word or phrase may have two or more contradictory meanings. This should be avoided at all costs when drafting a contract, as certainty is the ultimate goal of drafting a contract. Uncertainty, however, is a matter of degree. Too much uncertainty can invalidate the contract. Indefinite words get their content from the context and circumstances of the case without the sanction of invalidity. There are many of them that common law lawyers use both because of and in spite of their flexibility, well aware that full accuracy is impossible to achieve. These include: *about, adequate, as soon as possible, due, excessive, fair, few, just, forthwith, immediately and without any delay, material, substantial, sufficient, necessary, on demand, practicable, proper, reasonable (alone or in its many combinations, like reasonable doubt, beyond a reasonable doubt, consent not be unreasonably withheld), reputable, satisfactory, suitable, whenever possible* [10, с. 70].

We should also note the peculiarities of using other auxiliary verbs in English contracts:

- *Must* - means all necessary actions, regardless of whether the subject of the sentence performs the action of the verb. Therefore, the notification must be given within 14 days, and the employee must notify within 30 days. A must is sometimes mandatory because it explicitly imposes an obligation.

- *May* - is permissive and implies freedom of action. Therefore, the seller can deliver by air, road, or rail.

- *May not* - express prohibition, but ambiguously: may not transfer shares may mean (i) may not transfer shares, (ii) authorized not to transfer shares, and (iii) not authorized to transfer shares.

- *Use of the correct tense-language of performance* - when drafting a document, it should not be overlooked that documents usually take effect after both parties have executed or exchanged them. At the time of writing, the action covered by the document is in the future. However, the document should refer in the present tense to events occurring at the time of exchange or execution. The purchase or sale, lease or mortgage agreement is this agreement as of the execution date. It is easy for the originator to express this in the future tense when drafting a document, for example, "*the mortgagee agrees to lend an amount of \$ 10,000.*" The correct expression should be "*I agree to lend*", since this occurs during the execution of the document. Similarly, if an agreement concerns a period of time beginning from the date of its conclusion and continuing for the entire duration of its validity, it is preferable to use the present tense. For example, in a partnership agreement, when defining the mutual obligations of partners, it is better to say that they "*agree to be honest and loyal*", rather than that they "*must be honest and loyal*". This commitment is valid from the moment of execution and is valid for the entire duration of the transaction. In these cases, the present tense should be used instead of the modal auxiliary verb.

The "*and*" and "*or*" connectives can add more ambiguity. At first glance, the difference between these two words may seem obvious – "*A and B*" means both of them, and "*A or B*" is a choice between them-but in some cases it is not so simple. For example, the sentence "*Husbands and fathers have special rights*" does not necessarily mean that a person must be both a husband and a father to enjoy special rights. Using the singular form can make the sentence more understandable; assuming that the intention is that it is enough to be both, it is better to write: A person who is a husband or father has special rights.

Sometimes " and "is interpreted to mean" or", usually to correct incorrect compounding, as in the Re Capital Fire Insurance Association. Most often, the difficulty lies in determining whether "or" includes "and", for example, when a will authorizes trustees to use trust property for religious or educational purposes. Almost certainly, trustees can use the income for purposes that are both religious and educational, or partly in one way and partly in another, and are not

required to use the entire income for purposes that are religious but not educational, or educational but not religious.

Contracts also have certain lexical features: the use of stable expressions in both English-language and Russian contracts, for example, *under the contract – under this agreement, the above mentioned parties – the aforementioned parties*, and foreign-language inclusions (most often Latin or French), for example, *status quo, de facto, de jure*, in addition, contracts often contain various abbreviations, terms in their direct semantic meaning; and abbreviations [11, p. 158].

Contracts use Latin abbreviations, such as *eu. (and so on), E. D. (for example), I.E. (i.e.), English abbreviations Ltd. (limited liability), pcs. (pieces), tel. (phone)*. Abbreviations are also used: *"LLC" - a limited liability company, " JSC "- an open joint-stock company, " PE " - a private enterprise, and so on* [12, p. 214].

A special feature of contract texts is that they do not use the first-person singular representation. According to the rules for drawing up contracts, its content should be transmitted from the third singular number and expressed using nouns, such as: *seller (Seller), buyer (Buyer)*. Or from the third number, but plural of the same nouns. The pronouns he (he), they (they) are not used in the texts of contracts, in order not to violate the principle of impersonality and formality, so they are replaced by nouns.

When drawing up a contract, it is important to use the active syllable and keep the “Essence” in mind: as in court documents, contracts written with the active syllable tend to be easier to read. Since contracts oblige parties to take action, the active syllable is particularly preferred. When using an active pledge, it is useful to keep the “core” of the offer. The “core” consists of the subject, verb, and object of the sentence. Try to avoid creating a gap between the subject and the verb, or between the verb and the object, by using sentences and phrases.

For example *"Ten days before closing, the Borrower must provide an updated and up-to-date list of rents."* This sentence uses the active voice, and the “core” is stored together. The subject (“Borrower”), verb (“must provide”), and object (“updated and current rent list”) are located next to each other.

For example, *"Exelon may not transfer Class A shares to any person without the prior written consent of Empire Industries."* In this sentence, “without the prior written consent of Empire Industries” creates a gap between the subject “Exelon” and the verb «transfer”. This sentence can be rewritten as follows: *"Exelon may not transfer Class A shares to any person without the prior written consent of Empire Industries"* [13, p. 15].

Special attention should be paid to modifiers – the phrase or sentences that change the meaning of another part of the sentence-this is a thing to watch out for when drawing up a contract. Typically, modifiers are often used in contract clauses. For example, *"seller's note"* is a common modifier. Modifiers can add ambiguities when they precede or follow a complex phrase or a series of words.

A contract reader may be confused about whether the modifier applies to all elements in a compound phrase or series, or only to the element closest to the modifier. When composing, make sure that it is absolutely clear which elements the modifier actually modifies. Using commas can help eliminate potential ambiguity. For example, *"There is no legal action against the Seller and, as far as the Seller knows, it is not in danger"* In this sentence, the commas help make it clear that the “as far as the Seller knows” modifier only changes a lawsuit that is “at risk” and does not change a lawsuit that is “pending”.

Thus, pconsidering the peculiarities of the English legal language, we can say that today, in an era when interaction between (legal) entities has become the rule, translation becomes particularly important. Contracts are by their very nature forward-looking documents. Unlike legal memoranda and summaries, which are usually focused on past actions, contracts are future-oriented and serve with planning purposes to guide future behavior. An important reason for writing a contract is to perpetuate what the parties have agreed to, in the hope of preventing

future disputes. The goal in drawing up contracts should be to make each sentence so precise that only one possible interpretation follows from it — the one that the compiler expects.

Law is an inflexible and irreconcilable social science characterized by precision and unambiguity, thus establishing external boundaries and internal boundaries for the translator. This search for precision and unambiguity runs counter to the very nature of language, which tends to contain ambiguity and context ambiguity. As already mentioned, knowledge of the linguistic features of the English language and the origin of its legal variant allows you to identify these boundaries and create an adequate translation of it.

REFERENCES:

1. Курчинская-Грассо Н.О. — Особенности и основные характеристики юридического английского языка // *Litera*. – 2020. – № 12. – С. 177 - 182.
2. Агабекян И. П. Практический английский для юристов. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов н/Д: Феникс, 2003. - 410 с.
3. *Manufacturers' Manual Insurance Ltd. v. Withers* (1998) 5ANZ Insurance Case 60-853.
4. Бхатия В. К. Анализ жанрово-языкового употребления в профессиональной среде. Нью-Йорк: Routledge, 2013. - 264 с.
5. Cutts M. *Writing Plain English*. Stockport: Plain English Campaign, 1980. 42 p.
6. Умерова М.В. Особенности перевода документов и текстов официального характера // *Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук*. 2011. № 12. С. 132-137.
7. Рахманин Л.В. *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учеб. пособие*. М. : ФЛИНТА, 2015. 252 с.
8. Варшамова Н.Л. *Стилистические особенности текстов деловых контрактов* // *Вестник Саратовской государственной юридической академии* 2015. № 5. С. 24-27.
9. В. Wydick, *Plain English for Lawyers*, Carolina, 5th ed., 2005. 129 p.
10. Durneva, K. A. "Translation of Agreements and Contracts from English into Russian: Lexical and Grammatical Aspects." *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 4–2(60), 2014, pp. 155–160.
11. Budneva, G. N. *Civil and Commercial Law of Foreign Countries: Textbook in 2 vol.* Moscow, vol. 1, 2008, 560 p.
12. Dr. Volker Triebel Rechtsanwalt (Düsseldorf) and Solicitor (England and Wales), *Pitfalls of English as a Contract Language*, 2013. [electronic source]. – URL: <https://www.ulaplant.fi/loader.aspx?id=2c63782c-0293-4cd2-9c47-0731f297708e> (date of application: 28.12.2023);
13. Christina Costa, *Muyiwa Odeniyide TIPS FOR ACHIEVING CLARITY IN CONTRACT DRAFTING*, 2016. [electronic source]. – URL: <https://www.law.georgetown.edu/wp-content/uploads/2018/07/Tips-for-Achieving-Clarity-in-Contract-Drafting.pdf> (date of application: 28.12.2023);

LINGUISTIC FEATURES OF CONTRACTS CONCLUDED IN ENGLISH

Annotation: This article reveals the linguistic and structural features of drafting contracts in English. The author examines the historical origins of the use of certain words in legal English, the ways of constructing sentences in a contract, the use of modifiers, auxiliary verbs, as well as certain grammatical and punctuation aspects. The article also discusses the problems of uncertainty and ambiguity that may arise when drafting a contract in English, as well as common linguistic errors and practical solutions to these problems.

Keywords: contract, legal English, linguistic features, modifiers, auxiliary verbs, punctuation.

Zadirina R. I.

Scientific supervisor: Zhdanova N.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English for Economic Specialties
Donetsk State University
E-mail: zadirinaregina@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДЕРЕВЬЯ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Заякина В. В.

Научный руководитель: Ус Ю.Н., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. Статья посвящена описанию фразеологических единиц, включающих компонент «деревья». В статье проводится сопоставительный анализ фразеологических единиц в семантическом аспекте, выявляются общие и специфические черты культурных коннотаций фитонимов в немецком и русском языках.

Ключевые слова: дерево, фразеологическая единица, фитоним, сопоставительный анализ, семантический аспект.

1. Введение. На сегодняшний день нет однозначного подхода к определению понятия «фразеология», так как мнения ученых о сути и объеме этого понятия не всегда совпадают.

Фразеология — это раздел языкознания, который занимается изучением устойчивых словосочетаний и идиоматикой; совокупности устойчивых оборотов речи, выражений, словосочетаний, присущих какому-либо языку [1].

Наиболее распространенным и общепринятым термином является «фразеологическая единица» (далее ФЕ), которая указывает на отношение устойчивого выражения в системе языка [2].

Сходства и различия языков и культур можно выявить только путем сопоставительного анализа. По словам Ю. С. Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, «белые пятна» на семантической картине языка» [5].

Статья посвящена исследованию ФЕ с компонентом «деревья» в немецком и русском языках, где под термином «дерево» подразумевается многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону [11].

Актуальность исследования ФЕ с компонентом «деревья» в немецком и русском языках вызвана необходимостью раскрыть культурные и языковые особенности обоих языков. Анализ таких выражений может помочь понять менталитет, обычаи и отношение к природе в данных культурах, а также обогатить переводческую практику и межкультурное взаимопонимание.

Объектом исследования являются ФЕ с компонентом «деревья» в немецком и русском языках.

Предмет – семантика ФЕ с компонентом «деревья» в сопоставительном аспекте, а также особенности их межъязыковых соответствий.

Цель исследования – сопоставительное изучение ФЕ с компонентом «деревья» в немецком и русском языках, их семантическое описание, определение их примерного численного состава.

Эмпирическим материалом послужили 20 ФЕ с компонентом «деревья» в немецком языке, отобранных методом сплошной выборки из «Немецко-русского фразеологического словаря» Л. Э. Биновича [7], «Большого немецко-русского словаря» [8], немецкого словаря «Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik» [9] и 32 ФЕ с названным компонентом в русском языке, извлеченных из «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой [10], «Толковых словарей русского языка» В. И. Даля, С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова, [11,12,13], «Фразеологических словарей русского языка» А. И. Молоткова, М. И. Степановой [14,15].

2. Основная часть. На материале немецких и русских ФЕ с компонентом «деревья» проведён сопоставительный анализ, который даёт возможность изучить фразеологическую специфику данных языков, распознать их общеязыковые и индивидуально-языковые свойства.

2.1 ФЕ с компонентом «деревья» в немецком языке

Деревья стали неотъемлемой частью языковой культуры различных народов. В немецком языке они нашли своё отражение во множестве ФЕ, ставших не только средством передачи языкового наследия, но и окном в культурные особенности немецкого общества. В данном языке зафиксированы ФЕ с лексемой 'дерево', а также названия конкретных сортов (см. табл. 1).

Таблица 1

ФЕ с компонентом 'деревья' в немецком языке

№	Лексема	абс.
1.	<i>der Baum</i> 'дерево'	9
2.	<i>die Palme / Pinie</i> 'пальма / сосна'	6
3.	<i>die Eiche</i> 'дуб'	2
4.	<i>die Akazie</i> 'акация'	2
5.	<i>die Tanne</i> 'ель'	1
	Всего:	20

Наиболее значимыми для формирования немецкоязычного фразеологического фонда являются ФЕ с компонентом *der Baum* 'дерево' (9 ФЕ).

С семантической точки зрения значительное количество ФЕ с компонентом 'дерево' описывают характер человека, его внешние и физические данные, сравнивая его с деревом:

- (1) *Einen alten Baum versetzt man nicht* – 'Нельзя переместить старое дерево'.
- (2) *Wie der Baum, so die Frucht* – 'Каково дерево, таков и плод'.
- (3) *Alte Bäume sind böse biegen* – 'Старое дерево с трудом гнется' [7].

Названия деревьев легли в основу ряда устойчивых сочетаний слов. С ними связаны также некоторые народные приметы.

Лексема *die Eiche* 'дуб' (2 ФЕ) является олицетворением силы и мощи:

- (4) *Von einem Streiche fällt keine Eiche* – 'От одного удара топором ни один дуб не свалится'[8].

Также зафиксированы фразеологизмы с компонентом *die Akazie* 'акация' (2 ФЕ), которые обозначают безумие, разочарование:

- (5) *Es ist, um auf die Akazien zu klettern* – 'С ума сойти, лопнуть можно с досады'.

Лексема *die Palme / Pinie* 'пальма' (6 ФЕ) является олицетворением лидерства, раздражения:

- (6) *Die Palme des Sieges* – 'Пальма первенства'.
- (7) *Auf die Palme bringen* – 'Привести кого-либо в бешенство'.

В немецком языке существуют также ФЕ, где стержневое слово не находит себе аналога в русском:

- (8) *Auf die Pinie bringen* – 'Загнать на пинию (пиния – род итальянской сосны)' [7].

О человеке, имеющего стройную и подтянутую фигуру, говорят:

- (9) *Schlank wie eine Tanne* – 'Стройный как ель' [8].

Из этого следует, что ФЕ с компонентом «деревья» (20 ФЕ) в немецком языке несут в себе глубокие культурные и образные значения. Они служат не только средством передачи определенных идей, но и олицетворяют традиционные представления о силе, мощи, а также характере человека.

2.2 ФЕ с компонентом «деревья» в русском языке

Частотность упоминания деревьев в русских фразеологизмах соотносится с особенностями флоры России. В данном языке зафиксированы как ФЕ с лексемой 'дерево', так и лексемами, обозначающие отдельные части деревьев, а также названия конкретных сортов (см. табл. 2).

Таблица 2

ФЕ с компонентом 'деревья' в русском языке

№	Лексема	абс.
1.	'осина'	5
2.	'лыко'	5
3.	'береза'	4
4.	'сосна', 'ель'	4
5.	'дуб'	3
6.	'дерево'	3
7.	'лавр'	3
8.	'лист'	2
9.	'липа'	1
10.	'пальма'	1
11.	'каштан'	1
	Всего:	32

С семантической точки зрения значительное количество фразеологизмов с компонентом 'дерево' (3 ФЕ) сравнивает человека с деревом, описывает его характер, внешние и физические данные:

- (1) *Дерево держится корнями, а человек – друзьями* [11].
- (2) *Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын* [11];
- (3) *Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается* [11].

В современных фразеологических словарях зафиксированы фразеологизмы, включающие лексему 'береза' (4 ФЕ), которая выражает сильное чувство и бесконечную преданность:

- (4) *Любить до самой березки* – 'Любить до смерти'.

Значение глупого человека подчеркивается в следующем фразеологизме:

- (5) *Пень берёзовый* – 'Тупица, дурак' [14].

Для фразеологизмов с компонентом 'берёза' характерна отрицательная оценочная коннотация.

Лексема 'осина' (5 ФЕ) считается распространенным в России деревом, с ним связано представление о трусости:

- (6) *Дрожать как осиновый лист* – 'Сильно замерзнуть; трястись от страха' [14].

В русском языке 'осина' ассоциируется с пожеланием гибели:

- (7) *Вбивать (вбить) осиновый кол* – 'Окончательно избавляться от кого-либо или чего-либо, уничтожать, истреблять' [14].

Это устарелое пожелание славян связано с поверьем: осиновый кол вбивали в могилу колдунов, чтобы они не поднялись.

Как видно из анализа, идиомы с компонентом 'осина' несут отрицательную окраску.

В исследуемых русских ФЕ часто упоминается лексема 'дуб' (3 ФЕ), почитаемое дерево у славянских народов. Он является символом мужественности:

- (8) *Крепкий, как дуб* – 'Здоровый, сильный человек'.

Во фразеологических словарях указано выражение, связанное со значением 'глупый человек':

- (9) *Дубина стоеросовая* – 'Глупый человек' [14].

С русским обрядом захоронения под дубом связано следующее выражение:

(10) *Дать дуба* – ‘Умереть’ [14].

Таким образом, образ дуба имеет положительную и отрицательную коннотацию.

В русской фразеологии содержатся ФЕ с такими деревьями, как ‘*сосна*’, ‘*ель*’ (4 ФЕ):

(11) *Заблудиться в трёх соснах* – ‘Не ориентироваться, не разбираться в простом’
Выражение восходит к старинному народному анекдоту о пошехонцах, отправившихся путешествовать, но заблудившихся, едва дойдя до трех сосен [14].

(12) *С бору да с сосенки; с бору по сосенке набирать (набрать)* – ‘Случайно, отовсюду понемногу’ [14].

Согласно фразеологическому словарю современного русского языка Ю. А. Ларионовой ‘*ель*’ имеет отрицательную оценку:

(13) *Голова еловая* – ‘Глупый, бестолковый человек’ [14].

Часто встречаются и такие выражения:

(14) *Елки-палки (ёлки зелёные)* – ‘Выражение недоумения, восхищения’ [14].

Важную роль в жизни русского человека сыграла ‘*липа*’ (1 ФЕ). Значение данной ФЕ описано в фразеологическом словаре современного русского языка Ю. А. Ларионовой:

(15) *Обдирать как липку* – ‘Отбирать всё дочиста, грабить кого-либо’ [14].
Происхождение этого выражения связано с растительным миром России. Под верхним слоем коры у липы находится так называемое лыко, которое крестьяне обдирали и использовали для изготовления лукошек, лаптей, мочалок для бани. Для этого использовались в основном молодые липы, которые потом оставались посреди леса.

Лексема ‘*лыко*’ (5 ФЕ) происходит от праславянского языка *lyko*, которое означает кору липы или ивы. Образ данного растения нашёл своё отражение во фразеологии:

(16) *Лыка не вяжет* – ‘Так пьян, что не в состоянии связно говорить’ [12].

(17) *Лыком шит* – ‘Неотесанный, не имеющий знаний человек’ [11].

(18) *Не лыком шит* – ‘Не хуже других в каком-либо отношении, не лишен знаний, способностей’ [11].

Из всех ФЕ, содержащих компонент ‘*лыко*’, лишь один имеет положительную коннотацию (не лыком шит).

Лексема ‘*лист*’ (2 ФЕ) употребляется для передачи нечестных намерений, назойливости:

(19) *Фиговый листок* – ‘Лицемерная маскировка подлинных намерений, обычно предосудительных’ [11].

(20) *Как (будто, словно, точно) банный лист* – ‘Надоедливо’ [11].

Символом победы является компонент ‘*лавр*’ (3 ФЕ):

(21) *Пожинать (пожать) лавры чьи, кого* – ‘Пользоваться результатами признанных достижений’ [11] – значит бороться за лавровый венок, побеждать и пользоваться всеми преимуществами, которые он приносит.

Лексема ‘*пальма*’ (1 ФЕ) выражает полнейшее превосходство, лидирующую позицию относительно других, а компонент ‘*каштан*’ (1 ФЕ) указывает на безвозмездно выполненную трудную работу:

(22) *Пальма первенства; отбивать (отбить), отдавать (отдать) пальму первенства* – ‘Явное превосходство, преимущество в чем-либо’ [12].

(23) *Таскать каштаны из огня для кого, кому* – ‘Выполнять сложную работу, трудное дело, результатами которого воспользуется кто-то другой’ [12].

Семантически анализируя фразеологические единицы с компонентом ‘*деревья*’, можно выделить их важное значение в описании человеческих характеристик, поведения и физических данных.

2.3 Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом «деревья» в немецком и русском языках

Деревья произрастали на территории исследуемых культур и воспринимались их народами как живые существа. Лексемы 'пальма', 'ель', 'дуб', 'сосна' можно встретить в обоих языках. Только для немецкого языка характерны следующие компоненты: 'дерево', 'акация', только для русского языка – 'береза', 'осина', 'липа', 'лыко', 'лист', 'лавр', 'каштан'.

В немецкой фразеологии 'дуб' является олицетворением силы и мощи: *von einem Streiche fällt keine Eiche* – 'от одного удара топором ни один дуб не свалится', в русской культуре фитоним 'дуб' используется для характеристики глупого человека: *дуб дубом, с дуба рухнуть* (см. табл. 3).

Таблица 3

Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом 'деревья'

Лексема	нем. яз.	русс. яз.
'дерево'	+	–
'акация'	+	–
'пальма'	+	+
'ель'	+	+
'береза'	–	+
'осина'	–	+
'дуб'	+	+
'сосна'	+	+
'липа'	–	+
'лыко'	–	+
'лист'	–	+
'лавр'	–	+
'каштан'	–	+

ФЕ с компонентом 'дерево', является олицетворением надежности и символизирует человеческое начало: *wie der Baum, so die Frucht* – 'каково дерево, таков и плод'.

Русский народ склонен к использованию определенного вида дерева для характеристики отрицательных качеств человека: *балда осиновая* – 'глупый человек', *пень берёзовый* – 'тупица, дурак', *как осиновый лист дрожит* – 'трусость'.

В немецком языке существуют ФЕ, где стержневое слово не находит себе аналога в русском: *auf die Pinie bringen* – 'загнать на пинию' (пиния – род итальянской сосны).

3. Заключение. Подводя итог вышесказанному, ФЕ являются важной составной частью языка. Они придают речи выразительность и художественное своеобразие.

В русском языке ФЕ с компонентом «деревья» (32 ФЕ) больше, чем в немецком языке (20 ФЕ), так как для России деревья играют важную символическую роль. Только в русском языке зафиксированы следующие ФЕ: 'береза', 'осина', 'липа', 'лыко', 'лист', 'лавр', 'каштан', только в немецком языке: 'дерево', 'акация'.

Семантический анализ ФЕ, содержащих компонент 'деревья', выявил, что они могут иметь схожий образ и использоваться в одинаковом значении в рассматриваемых языках. Иногда они являются полными или частичными эквивалентами. Например, дуб в данных языках символизирует мощь, силу и величие; ель – глупость, недоумение, восхищение; пальма – первенство, лидерство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Современный русский язык: лексикология. Лексикография: хрестоматия и учебные задания. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та., 1996. – С. 181–191.
2. Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дис. канд. филол. наук. Москва: Московский гос. обл. университет, 2012. – 198 с.
3. Крепкогорская Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках: дисс. канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Крепкогорская. – Казань, 2012. – 233 с.
4. Кудрявцева Н. Б. Национально-культурный компонент семантики номинаций-фитонимов [Текст] / Н. Б. Кудрявцева // Диалоги без границ: язык, культура, карьера: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 10-11 нояб. 2016 г. / М-во образования и науки РФ, НИУ БелГУ; под ред. А. П. Седых. – Белгород, 2017. – С. 75–78.
5. Степанов Ю. С. Французская стилистика [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 1965. – С. 120.
6. Шарая О. В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: автореф. дисс. канд. филол. наук [Текст] / О. В. Шарая. – Москва, 2005. – 25 с.

СПИСОК ЯЗЫКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

7. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / Л. Э. Бинович. – Москва: Аквариум, 1995. – 773 с.
8. Большой немецко-русский словарь. В 3 т. / авт.-сост. Е. И. Лепинг. – Москва: Рус. Яз. – Медиа, 2008. – 3 т.
9. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik Stuttgart [Text]. – Dresden, 2002. – 1037 s.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – Т. 2 – 1209.
11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. – Москва, 2003. – 688 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 752 с.
14. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / А. И. Молотков. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 543 с.
15. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / М. И. Степанова. – СПб: Виктория Плюс, 2016. – 608 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT 'TREES' IN GERMAN AND RUSSIAN

Annotation. This paper is dedicated to describing phraseological units, including the component "trees". The article provides a comparative analysis of phraseological units in the semantic aspect, identifies common and specific features of the cultural connotations of phytonyms in German and Russian.

Keywords: tree, phraseological unit, phytonym, comparative analysis, semantic aspect.

Zayakina V. V.

Scientific adviser: J. N. Us, candidate of Philology

Donetsk State University

E-mail: valeriya.zayakina@mail.ru

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Йовенко А.С.

*Научный руководитель: Трофимова Е.В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию семантических особенностей английских фразеологизмов – средств репрезентации положительных и отрицательных эмоций. Выявляются и описываются семантические группы фразеологизмов, определяются типы метафор, репрезентирующих положительные и отрицательные эмоции человека в английском языке, и проводится их количественный анализ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, положительные эмоции, отрицательные эмоции.

1. Введение

Эмоции играют ключевую роль в передаче значения и смысла выражений и идиом, а также формировании эффективной коммуникации в различных культурных контекстах. Фразеологические единицы (далее ФЕ), особенно те, которые отражают эмоциональное состояние говорящего, представляют собой ценный материал для анализа. Одним из наиболее интересных аспектов является метафорическая репрезентация положительных и отрицательных эмоций во фразеологическом составе языка. Настоящее исследование направлено на анализ семантики и классификацию фразеологических единиц английского языка, которые используются для выражения положительных и отрицательных эмоций, а также на анализ метафорических образов, используемых в этих фразеологизмах.

Взаимопонимание и эмоциональная связь между людьми являются фундаментальными аспектами коммуникации. Отражение положительных и отрицательных эмоций позволяет выразить свои чувства и понять эмоциональное состояние других людей. Исследование семантики фразеологических единиц, связанных с эмоциями, может расширить наши знания о том, как язык отражает эмоциональные состояния, а также влияет на нашу психологию и поведение. Такое исследование может иметь практическое значение в различных областях, включая межличностные отношения, психотерапию и межкультурную коммуникацию. Вышесказанное обуславливает **актуальность** проведенного исследования.

Цель данного исследования состоит в анализе особенностей семантики фразеологических единиц, обозначающих положительные и отрицательные эмоции в английском языке, осуществлении семантической классификации ФЕ, а также анализе метафор, репрезентирующих положительные и отрицательные эмоции человека.

Материалом исследования послужили английские ФЕ общим объёмом 900 единиц (из них 450 единиц, выражающих положительные эмоции, и 450 единиц, отражающих отрицательные эмоции), которые были извлечены путём сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка.

2. Понятие ФЕ и ее основные свойства.

По словам русского лингвиста А. В. Кунина, «Фразеологизмы являются сочетаниями слов, т.е. раздельнооформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями. Для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом уровне, закономерны зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность [Кунин, 1990: 5].

Фразеология как языковое явление играет важную роль в передаче и интерпретации эмоционального состояния говорящего. Одним из самых распространенных способов выражения положительных эмоций в английском языке являются метафоры.

Метафора выступает одним из самых мощных и эффективных языковых инструментов, используемых человеком для выражения своих эмоций. По мнению А. Ричардса, метафора не может возникнуть без взаимодействия двух компонентов: «содержания» и «оболочки», которые в результате дают новый смысл, который в сумме превышает значение компонентов [Ричардс, 1990].

Эти выражения достаточно часто встречаются в обычной речи и литературе, они способны создать сильное воздействие на восприятие текста и описываемых ситуаций. Как утверждает профессор лингвистики Джонатан Чартерис-Блэк, использование метафорических фраз в английских идиомах позволяет более косвенно и творчески выражать эмоции, давая возможность говорящим передавать сложные эмоциональные состояния [Charteris-Black, 2004].

В своем труде «Emotion Concepts» венгерский лингвист Золтан Кёвечеш рассматривает метафорическую репрезентацию эмоций в английской фразеологии как культурное зеркало, отражающее ценности, убеждения и опыт конкретного общества. (Kövecses, 1990).

Психологи, также изучающие язык и эмоции, уделяют внимание метафорам и фразеологическим выражениям. Профессор психологии Калифорнийского университета Реймонд У. Гиббс в своих научных трудах пишет о том, что метафорические фразы в английском языке представляют собой мощный инструмент эмоциональной коммуникации и могут значительно обогатить наше понимание человеческого эмоционального опыта (Гиббс, 1994).

3. Семантическая классификация английских ФЕ, выражающих эмоции.

Метафорические выражения, такие как *as happy as a clam* или *over the moon*, используют образы и символы, чтобы передать радость и счастье. Например, выражение *on top of the world* воспроизводит образ нахождения на вершине мира, что символизирует крайнюю радость и удовлетворение. Идиоматическое выражение *on cloud nine* используется для описания состояния эйфории или безграничного счастья. Оно основано на метафоре облаков, которые символизируют чистоту, легкость и радость. Еще одним примером выступает идиома *to have a field day*, которая означает испытывать чувство радости и удовлетворения от успеха в чем-то. Она метафорически сравнивает успех с днем, проведенным в поле, где можно наслаждаться природой и заниматься любимыми делами.

Несмотря на богатство фразеологических единиц в английском языке, которые отражают положительные эмоции, также имеются идиомы, которые выражают негативные эмоциональные состояния. Например, *down in the dumps* или *to be on edge* используют метафоры, чтобы описать грусть, подавленность или беспокойство. Метафорические образы, такие как ‘на дне ямы’ или ‘на краю’, помогают создать эффект понижения и напряженности, что передает отрицательные эмоции и состояния. Метафора *to fly off the handle* используется для выражения внезапного и неконтролируемого гнева или ярости. Метафорически она сравнивает гнев с летящей рукояткой, которая может привести к серьезным последствиям. Еще один пример – идиома *to shed a tear*, которая выражает состояние печали или горя. Она основывается на метафоре слез, которые являются символом печали и потери.

Такие метафоры помогают нам лучше понять эмоциональный опыт человека и его внутренний мир.

Кроме того, фразеологические выражения также могут использовать метонимические отношения для передачи эмоций. Например, выражение *heartbroken*

использует метонимию, чтобы описать глубокое чувство потери и разочарования. Здесь сердце используется как символ любви и эмоциональной связи, которая разбивается, что вызывает глубокую боль и грусть. Еще одним примером является фразеологическое выражение *beaming with happiness*, которое передает идею крайней радости и удовлетворения. Метонимия здесь заключается в использовании образа "сиять" для описания внутреннего состояния счастья, придавая буквальные черты и эмоциональную окраску.

Наиболее продуктивными семантическими группами фразеологических единиц в английском языке, выражающих положительные эмоции, являются радость (17,3%), любовь (12,8%) и счастье (12%). Это свидетельствует о том, что данные эмоции играют важную роль в жизни носителей английского языка и имеют высокую степень значимости.

Интересно, что группа восторг (10,8%) и группа веселье (7,4%) также являются продуктивными, хотя и используются менее часто, чем предыдущие три. Они представляют собой важные эмоции для выражения положительных чувств и настроения. С другой стороны, метафоры, связанные с удачей и успехом, используются наименее часто.

Самыми часто используемыми группами отрицательных эмоций являются грусть (16,2%), злость (15,1%) и страх (9,3%). Это указывает на то, что эти эмоции считаются особенно значимыми и важными для носителей английского языка, и они активно используют фразеологические единицы для их выражения.

Остальные группы менее продуктивны, однако также важны для репрезентации отрицательных эмоций в английском языке. Например, печаль (7,5%), безумие (7,5%) и волнение (6,8%) также часто используются для выражения соответствующих эмоций.

Таким образом, данные группы фразеологических единиц отражают основные аспекты отрицательных эмоций и позволяют носителям английского языка эффективно выражать свое настроение и чувства в различных контекстах.

Фразеологические единицы, связанные с положительными и отрицательными эмоциями, имеют свою семантику и эмоциональный оттенок. Они могут зависеть от контекста, но позволяют нам передать свои эмоциональные состояния и отношение к определенной ситуации. Изучение и понимание этих фразеологизмов не только помогает в изучении языка, но и расширяет культурное общение.

4. Выводы

4.1 Исследование семантической репрезентации положительных и отрицательных эмоций в английском языке демонстрирует важность и значимость этой области для лингвистических исследований.

4.2 Фразеологизмы позволяют нам более точно и выразительно выражать наши эмоции и отношение к ситуациям, расширяя наши лингвистические возможности.

4.3 Исследование метафорической репрезентации эмоций во фразеологии английского языка также помогает нам лучше понять связь между языком и эмоциями, что может быть полезным для различных специалистов.

4.4 Во фразеосемантическом поле положительных эмоций человека нами были выделены группы ФЕ, характеризующие такие базовые понятия, как joy 'радость', любовь 'love', восторг 'delight', pleasure 'удовольствие', веселье 'mirth', cheerfulness 'жизнерадостность', laughter 'смех', bliss 'блаженство', luck 'удача', успех 'success'. Таким образом, с учетом количественных данных, были выявлены наиболее продуктивные группы, а именно: группа ФЕ, обозначающая эмоцию «радость» является наиболее продуктивной в количественном соотношении – 78 ФЕ, 17,3%. На втором месте по продуктивности находится группа «любовь». Среди них 58 ФЕ, что составляет 12,8% от общего количества исследуемого материала. Далее по значимости стоит группа «счастье», 54 ФЕ, что образует 12% от эмпирического материала. Самой маленькой

группой в количественном соотношении (2%) является группа «успех», состоящая из 9 ФЕ.

4.5 Из проведенного количественного анализа можно сделать вывод, что английский язык передает богатый эмоциональный спектр отрицательных эмоций, включающий большое количество метафор, выражающих различные эмоциональные состояния. Группы «грусть» включает 73 ФЕ, что составляет 16,2%, «злость» которая представлена 68 ФЕ, «страх» (41 ФЕ), «печаль» и «безумие», насчитывающие по 34 ФЕ каждая, являются наиболее продуктивными, в то время как группы «горе» (8 ФЕ, 1,7%), «тоска», включающая всего 7 ФЕ, насчитывают наименьшее количество единиц.

Анализ и понимание фразеологических единиц, связанных с положительными и отрицательными эмоциями, представляют интерес для исследования в контексте культурных и социальных особенностей. Они отражают наше отношение к миру и способность выразить свои эмоции. Поэтому изучение этих выражений поможет нам лучше понять и взаимодействовать с другими людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1990. – 200 с.
2. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 81 с.
3. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor. – Palgrave Macmillan, 2004. – 256 p.
4. Kovecses Z. Emotion Concepts. – New York, Frankfurt-am-Main: Springer Verlag, 1990. – 230 p.
5. Gibbs R.W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. – Cambridge University Press, 1994. – 527 p.

SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING POSITIVE AND NEGATIVE EMOTIONS IN ENGLISH

Annotation. This article is devoted to the investigation of semantic peculiarities of English phraseological units as means of representing positive and negative emotions. Semantic groups of phraseological units are identified and described, types of metaphors representing positive and negative human emotions in the English language are determined, and their quantitative analysis is conducted.

Keywords: phraseological unit, semantics, positive emotions, negative emotions.

Yovenko A. S.

Scientific adviser: E. V. Trofimova, Ph.D, Associate Professor
Donetsk State University
E-mail: yovenkoann786@gmail.com

ПОЭЗИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ В ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Костоглодова Э.А.

*Научный руководитель: Калиущенко В. Д., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье анализируются переводы произведений русской поэтессы Анны Ахматовой на немецкий язык. В ходе исследования происходит сопоставительный анализ переводов стихотворения «Муза», выполненных М. Я. Шиком и С. И. Бернштейном, освещаются переводческие особенности и сложности перевода поэзии.

Ключевые слова: поэтический перевод, Анна Ахматова, немецкий язык, стихотворение.

1. Введение. Одним из наиболее сложных и трудоемких видов переводческой деятельности принято считать художественный перевод, особенно поэтический, так как перед переводчиком стоит несколько непростых задач: передать смысл произведения и сохранить средства выразительности и стиль поэта [1, с. 190]. До сегодняшнего дня нет однозначного ответа на вопрос важно ли, чтобы перевод больше соответствовал особенностям переводящего языка, или же, напротив, читателю необходимо ощутить присутствия другой страны. По поводу перевода поэзии существуют различные мнения, что и обуславливает **актуальность** выбранной темы [2].

Стихотворения русской поэтессы Анны Ахматовой популярны во всём мире. Они переведены на многие языки, в том числе и на немецкий, что привлекает внимание лингвистов к переводам поэзии Анны Ахматовой на этот язык.

Объектом исследования являются тексты оригинала и авторских переводов на немецкий язык стихотворений Анны Ахматовой.

Предметом работы является сопоставительный анализ оригинала и авторских переводов на немецкий язык стихотворений Анны Ахматовой.

Цель данной работы – исследование особенностей поэтического перевода с русского на немецкий язык, анализ авторских переводов, использованных переводческих трансформаций, выявления актуальных сложностей и проблем, возникающих при переводе на примере творчества Анны Ахматовой.

2. Поэтическая организация художественной речи накладывает свой отпечаток на закономерности стихотворного перевода. Перед переводчиком стихотворного произведения стоит сложная задача: передать уникальный способ оформления различных поэтических приемов, которые создают особое художественное содержание с характерным индивидуальным стилем. Переводчику необходимо передать это с помощью слов и выразительных средств целевого языка, в связи с чем в ходе переводческой деятельности переводчику приходится сталкиваться с рядом проблем. Например, проблема эквивалентности перевода поэтического текста, которая связана с рядом нерешенных аспектов: потеря образности оригинала при сохранении формы стихотворного текста или потеря его формы при сохранении лексико-семантического содержания. Также одним из важнейших аспектов поэтического перевода, с которым столкнется любой специалист, является сопоставление систем стихосложения двух языков. Согласно Л.С. Бархударову, в основных чертах системы стихосложения в немецком и русском языках существуют сходства, поскольку обе они являются силлабо-тоническими. Во-первых, это обусловлено значительным сходством фонетической структуры обоих языков, особенно в наличии общего фонологически нефиксированного динамического ударения, на котором базируется силлабо-тоническая система стихосложения. Во-вторых, подобие стиховых систем немецкого и русского языков в

значительной мере объясняется воздействием европейской поэтической традиции, прежде всего греко-латинской и общезападноевропейской [2, с. 182].

Также как и любой другой перевод, поэтический перевод невозможен без использования переводчиком различных переводческих трансформаций, так как расхождения в семантических системах двух языков требует от переводчика умения произвести многочисленные и разнообразные межъязыковые преобразования для того, чтобы передать всю информацию оригинала при соблюдении норм языка перевода.

На данный момент лингвисты не пришли к единой классификации типов переводческих трансформаций. Особое место в лингвистике занимает классификация Л. С. Бархударова, который выделил следующие типы трансформаций: перестановки; замены; опущения; добавления.

Со всеми вышеперечисленными трудностями и особенностями сталкивались и переводчики поэзии XX века, в том числе поэзии Анны Ахматовой.

3. Анна Андреевна Ахматова (1889 - 1966) – поэт, переводчик, прозаик, по праву считается одной из выдающихся женщин-стихотворцев XX столетия, которая внесла свое творческое наследие не только в русскую культуру, но и в мировую. Все, что создала А.Ахматова, отличалось вдохновенным талантом, широтой кругозора, подлинной искренностью. Она опиралась в своем творчестве на традиции классиков мировой литературы. В свою очередь поэтесса как никто другой знакома со всей сложностью переводческой деятельности, так как запрет официальной власти на ее творчество обрекал А.Ахматову на голодное существование, в результате чего московским издательствам было поручено дать ей работу, связанную с переводами. Она перевела произведения 150 поэтов с 78 языков, среди которых были переводы немецких и австрийских поэтов. Единственный достоверно известный нам перевод Ахматовой, созданный до первой мировой войны, – шестистишие Райнера Марии Рильке.

Также А.Ахматову переводили и читали в Германии ещё при жизни поэтессы. К своим переводам на немецкий язык А.Ахматова была особенно внимательна и с сожалением констатировала неполноту знания этого языка, особенно в сравнении с языками романскими. Французские, итальянские, английские переводы своих стихов она находила почти несносными. А.Ахматова отмечала, что «по-немецки удастся, пожалуй, скорее почуять дыхание русского поэта». Немецкий писатель Генрих Бёлль читал ее стихи и по-немецки, и по-английски и отмечал, что ему гораздо больше нравятся переводы на немецкий язык, чем на английский. «Немецкий язык по духу, по степени свободы ближе русскому, чем английский» [3, с.183]. Максимилиан Яковлевич Шик (1884-1968) – немецкий поэт, переводчик, живший в Москве, в своем письме к Ахматовой от 27 января 1957 г. писал: «Лет 11 тому назад я послал Вам мой перевод Вашего стихотворения "Маяковский в 1913" Недавно я надумал его вновь напечатать вместе с Вашей "Музой" и чудесными Вашими стихами "Борис Пастернак". Увы! Редакция "убоялась" печатать "славословие" Борису Леонидовичу... Когда Вы в последний раз читали у нас в Москве в Союзе, Вы так быстро покинули нас, что я не мог к Вам подойти. А жаль, ведь наша лучшая поэтесса Вы» [4, с. 145].

4. Ефим Эткинд – советский и французский филолог, переводчик европейской поэзии, считал эти переводы одним из первых открытий поэзии Анны Ахматовой на немецком языке, в частности, стихотворение «Муза», которое увидело свет в 1960 году, являясь одним из первых переводов Анны Ахматовой на немецком языке [5, с. 228].

<p><i>Когда я ночью жду ее прихода, Жизнь, кажется, висит на волоске. Что почести, что юность, что свобода Пред милой гостьей с дудочкой в руке.</i></p>	<p><i>Erwarte nachts ich sehndend ihr Erscheinen. Dünkt mir, das Leben hängt an dünnem Band. Ruhm, Jugend, Freiheit wollen nichtig scheinen Vorm lieben Gast, der die Schalmei umspannt.</i></p>
--	--

Перевод М. Шика является графически схожим, переводчик также сохраняет попеременную рифмовку, однако мелодика перевода стихотворения и оригинала отличаются. Стихотворный размер оригинала – пятистопный ямб, перевода – анапест. Несмотря на то, что переводчик довольно часто прибегает к таким видам переводческих трансформаций как добавление и упущение, смысл стихотворения не искажается, а лишь приобретает новую форму, понятную иностранному читателю.

Например, *erwarte nachts ich sehndend ihr Erscheinen*, переводчик прибегает к добавлению: *sehndend* – жаждавший, ожидающий с нетерпением. Оригинальная фраза более прямолинейна и описательна, в то время как перевод более стилизован и поэтичен. В данной строке переводчик прибегает к соответствующей немецкому узусу перестановке языковых элементов.

Далее, *dünkt mir, das Leben hängt an dünnem Band*, М. Шик использует для перевода глагола *кажется*, вместо глагола *scheinen*, архаичный *dünken*, что придает переводу стихотворения тонкости и поэтичности.

В третьей строке, *Ruhm, Jugend, Freiheit wollen nichtig scheinen*, переводчик снова использует переводческую трансформацию добавления: *nichtig scheinen*, передающая смысл "не имеют значения". Данная трансформация является необходимой для понимания смысла иностранными читателями, хотя оригинальная фраза более проста.

В конце четверостишия, *vom lieben Gast, der die Schalmei umspannt*, для перевода существительного *дудочка* М. Шик использует *die Schalmei* – старинный духовой инструмент, что придаёт особой атмосферы переводу стихотворения.

В перевод М. Шика уделяется внимание поэтическому звучанию и стилистике, хотя изменения в структуре предложений и формулировках иногда могут отличаться от оригинала. Однако общий смысл и образы стихотворения остаются верными оригиналу. Данный труд относится к воссоздающему типу стихотворного перевода, т. е. воспроизводящему с возможной полнотой и точностью содержание и форму.

5. Для более полного понимания роли поэзии Анны Ахматовой для немецких читателей и детального сравнительного анализа переводов стихотворений поэтессы следует проанализировать еще один перевод стихотворения «Муза» на немецкий язык, выполненный филологом Сергеем Игнатьевичем Бернштейном [6, с. 101].

<p><i>Когда я ночью жду ее прихода, Жизнь, кажется, висит на волоске. Что почести, что юность, что свобода Пред милой гостьей с дудочкой в руке.</i></p>	<p><i>Wenn ich sie nächstens zu Besuch erwarte, Mein Leben, scheint mir, hängt an einem Haar. Was sind mir Ehren dann, das Jugendzarte Vor diesem Gast mit seiner Flöte klar.</i></p>
--	---

Перевод С.И. Бернштейна стилистически нейтрален несмотря на то, что переводчик довольно часто прибегал к использованию переводческой трансформации замены. Также сохраняется оригинальная рифмовка.

В первой строчке четверостишия, *wenn ich sie nächstens zu Besuch erwarte*, переводчик сохраняет общий смысл и контекст, однако использует *zu Besuch erwarten*, что подразумевает ожидание встречи или посещения, в то время как оригинал более образен и описателен.

Далее, *mein Leben, scheint mir, hängt an einem Haar*, перевод близок по смыслу, однако формулировка *mein Leben, scheint mir* добавляет личное отношение к ситуации, в то время как оригинал более нейтрален.

В третьей строчке, *was sind mir Ehren dann, das Jugendzarte*, для того чтобы перевод соответствовал немецкому узусу переводчик изменяет структуру предложения и формулировку. *Was sind mir Ehren dann* подразумевает вопрос о значимости, в то время как оригинал просто перечисляет понятия.

В финальной строчке четверостишия, *vor diesem Gast mit seiner Flöte klar*, сохраняется общий образ и смысл, однако для перевода существительного *дудочка*

переводчик использует стилистически-нейтральное *die Flöte*, что в определенной мере лишает перевод стихотворения особого колорита.

6. Сравнивая два фрагмента переводов, можно сделать вывод, что перевод М. Шика более поэтичен и стилизован, он более часто прибегает к использованию архаичных и поэтических выражений, что придает тексту особый колорит и атмосферу. С. И. Бернштейн же предпочитает более прямой и простой язык, сохраняя при этом общий смысл и образность оригинала. Оба перевода верно передают смысл стихотворения, хотя при этом использование разных стилистических приемов и языковых конструкций делает их уникальными в своем исполнении. В целом, анализируемые переводы стихотворений А. Ахматовой являются вполне адекватными с точки зрения перевода. Наиболее популярная трансформация, используемая переводчиками, – это перестановки, вызванные различиями синтаксических структур русского и немецкого языков. Также часто используются добавления, основная цель которых в данных переводах, – сохранение рифмы стихотворения. Чаще всего добавления приносят новый оттенок значения, что не вредит общему пониманию читателями произведения.

7. **Выводы.** Анализируя переводы поэзии и подводя итоги данной работы, можно сделать вывод, что переводчик играет роль посредника между двумя культурами. От его профессиональных навыков и усилий зависит, смогут ли читатели воспринять язык оригинального автора и уловить суть, которую он хотел до них донести.

Важно помнить, что переводчик не может полностью абстрагироваться от своей личности. Это особенно актуально в случае поэтических текстов, в которых содержатся разнообразные смысловые оттенки и используются красочные метафоры и стилистические приемы [7, с. 145]. Поэтому возникают различные варианты переводов, и разночтения могут быть неизбежны. Однако это не всегда указывает на несоответствие перевода оригиналу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. // М. : ЭТС, 2015. – С. 190-192.
2. Agnieszka Swierszcz: Die ‚literarische Persönlichkeit‘ von Anna Achmatova. Eine Rekonstruktion. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2003, S. 19.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод // Вопросы общей и частной теории перевода. // М. : Междунар. отношения, 2015. – С. 180-222.
4. Азадовский К. М. Генрих Бёлль и советские «диссиденты» [Текст] // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. // М. : Литфакт, 2019. – С. 284-301.
5. Азадовский К. М. Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903-1907) [Текст] // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. // М. : Литфакт, 2019. – С. 140-167.
6. Эткинд Е. «Как Феникс из пепла». Поэзия Анны Ахматовой на Западе. Германия и Франция [Текст] // Иностранная литература, 1989. – С. 226-232.
8. Богатырева С. И. Серебряный век в нашем доме. // М. : АСТ, 2019. – С. 98-169.
9. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. // Спб. : СОЮЗ, 2001. – С. 140-167

POETRY OF ANNA AKHMATOVA IN GERMAN TRANSLATIONS

Annotation. The translations of the works of the Russian poetess Anna Akhmatova into German is analysed in the article. In the course of the study, a comparative analysis of the translations of the poem "The Muse", performed by M. Ya. Schick and S. I. Bernstein was carried out, the translation features and difficulties of translating poetry were highlighted.

Keywords: poetic translation, Anna Akhmatova, German, poem.

Kostoglodova E.A.

Scientific adviser: Kaliushchenko V. D., Doctor of Philology, professor
Donetsk State University
E-mail: kostoglodovaelina@gmail.com

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ ЛЕКСИКО–ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Кудинова К. Д.

*Научный руководитель: Писарева В. В., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные подходы изучения концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, анализируются семантические особенности лексико-фразеологических единиц, вербализующие концепт *ЛЮБОВЬ* в английском, немецком и русском языках. *Ключевые слова:* концепт, языковая картина мира, лексема, фразеологическая единица.

1. Введение. Концепт *ЛЮБОВЬ* исследуется лингвистами на протяжении долгого времени в различных направлениях, на материале разных видов дискурса, в сопоставительном аспекте (Л. Е. Вильмс [1], С. Г. Воркачев [2], А. В. Керова [3], Е. С. Кубрякова [4], В. А. Маслова [5], М. Ю. Романюк [6], Э. Р. Хутова [7] и др).

Актуальность данной работы определяется необходимостью изучения эмоциональных концептов в когнитивной лингвистике, а также сложностью репрезентации многомерного и противоречивого эмоционального концепта *ЛЮБОВЬ* лексико-фразеологическими средствами английского языка.

В качестве **объекта** исследования выступает концепт *ЛЮБОВЬ*, вербализуемый в лингвокультурах английского, немецкого и русского языков.

Предметом исследования являются лексико-фразеологические единицы английского, немецкого и русского языков, репрезентующие данный концепт.

Материалом исследования послужили 168 ФЕ, вербализующих концепт *ЛЮБОВЬ*, отобранные путем сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина [8], немецко-фразеологического словаря Л. Э. Биновича [9], а также из словаря «Oxford Dictionary of Idioms» [10].

2. Имя концепта *ЛЮБОВЬ* в языковой картине мира. Концепт – сложное культурное явление, охватывающее различные аспекты жизни общества, такие как язык, традиции, образ жизни, история и национальная самобытность. Существует множество интерпретаций этого термина, но одна из наиболее распространённых рассматривает его как некий культурный элемент, который остаётся в нашей памяти [11; 12; 13; 14; 15; 16].

Многогранность концепта обуславливает его разнообразную типологию.

Концепты могут быть обиходными, повседневными, научными, художественными, социально-культурными, этическими, мифологическими и абстрактными [15; 17; 18].

Однако единой классификации на данный момент не существует. Структура концепта также сложна и является предметом многочисленных исследований. В целом, концепт состоит из ядра и периферии, хотя существуют и более детальные описания. Некоторые структуры рассматривают концепт как многослойное образование, позволяющее определить актуальные и устаревшие признаки.

Концепт *ЛЮБОВЬ* является одним из наиболее распространённых эмоциональных концептов. Эта тема актуальна с древнейших времен и находит отражение во всех сферах жизни, от повседневности до искусства, психологии и литературы.

Любовь – сложное и абстрактное чувство, которое может ассоциироваться с различными эмоциями, такими как боль, страсть, забота, восхищение и преданность. Первые упоминания о любви встречаются в мифах Древнего мира. В лирике появляется мотив верности любви и ревности (Овидий, Гомер, Архилох, Сапфо, Мосх), что можно считать признаком появления индивидуальной любви. *ЛЮБОВЬ* представляет собой

универсальный эмоциональный концепт. В «Новейшем философском словаре» можно найти следующую трактовку слова *ЛЮБОВЬ*: «Любовь – универсалия культуры субъектного ряда, фиксирующая в своем содержании глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, векторно направленное на свой предмет и объективирующееся в самодостаточном стремлении к нему» [16].

3. Семантические особенности фразеологизмов, вербализирующих концепт *ЛЮБОВЬ* в английском языке, немецком и русском языках.

3.1. Наиболее продуктивную лексико-семантическую группу в русском языке представляют ФЕ, в которых реализуется значение «Влечение, влюблённость, привязанность». В русском языке некоторые фразеологизмы отражают такие аспекты, как эмоциональный порыв или потеря контроля, например: (1) рус. *потерять голову от любви*; (2) рус. *закрутить голову*; (3) рус. *без памяти влюбиться*. В то же время, другие фразеологизмы выражают длительность, глубину и прочность чувств, например: (4) рус. *любовь всей жизни*, (5) рус. *владеть сердцем, покорять сердце*. В английском языке также присутствует множество фразеологизмов, выражающих влечение и привязанность. Выражения (6) англ. *to have the hots for someone* и (7) англ. *to be attracted to someone* отражают настоящее чувственное привлечение человека. ФЕ (8) англ. *to be hung up on someone* и (9) англ. *to be head over heels in love* подчеркивают более эмоциональный, одержимый аспект любви. В немецком языке также было обнаружено богатое разнообразие фразеологизмов, репрезентирующих данный признак: (10) нем. *auf Wolke Sieben schweben* ‘парить на седьмом небе от счастья’; (11) нем. *das Herz erobern* ‘покорить сердце’; (12) нем. *sich verlieben wie im Märchen* ‘влюбиться как в сказке’. В каждом из трёх языков можно наблюдать понятие «любовь с первого взгляда»: (13) англ. *fall in love (with someone)* ‘влюбиться в кого-либо’; (14) англ. *love at first sight* ‘любовь с первого взгляда’; (15) нем. *liebe auf den ersten Blick* ‘любовь с первого взгляда’; (16) рус. *влюбиться с первого взгляда*.

Во всех трёх языках были обнаружены соматические ФЕ. Данные фразеологизмы содержат в себе название частей тела: (17) англ. *to make eyes at someone* ‘не отводить взгляд, смотреть на кого-то’; (18) англ. *to be head over heels in love with* ‘быть по уши влюблённым в кого-то’; (19) нем. *sich Hals über Kopf verknallen* ‘влюбиться головой выше пят’; (20) нем. *das Herz zum Hüpfen bringen* ‘заставить сердце прыгать (от счастья)’.

3.2. Группа «Сила любви» также многочисленна. Данный признак присутствует во всех языках: (21) рус. *любовь преодолевает все преграды*; (22) англ. *love conquers all* ‘любовь все преодолет’; (23) нем. *die Liebe überwindet alle Hindernisse* ‘любовь преодолевает все преграды’. В английском, немецком и русском языках наблюдается одно сходство – использование образов, связанных со стихией: (24) нем. *die Liebe ist ein stürmischer Ozean* ‘любовь – это бурный океан’; (25) нем. *die Liebe ist wie ein Feuer*; (26) нем. *das alles verzehrt* ‘любовь подобна огню, который пожирает всё’; (27) нем. *die Liebe ist wie ein Vulkan, der alles zum Beben bringt* ‘любовь подобна вулкану, который всё сотрясает’.

Во всех трёх языках семантический признак «Настоящая любовь» выражает безусловную любовь: (28) рус. *люби меня такого, как есть, а хорошего всяк полюбит*; (29) нем. *jemanden bedingungslos lieben* ‘любить кого-то безоговорочно’.

Фразеологические и паремийные выражения играют важную роль в понимании особенностей русского и английского менталитета, так как отражают ценности обеих наций. Например, пословица (30) рус. *любовь живет в хижинах так же, как и во дворцах* является нейтральной по стилю, так как выражает факт без эмоциональной окраски. В то же время, русская пословица (31) рус. *с милым рай и в шалаше* более радикальна благодаря использованию необычной лексической сочетаемости и выражению «милый», что придает ей большую экспрессивность. Несмотря на это, и в английском, и в русском языках есть ПЕ, которые выражают противоположное значение, например, английская

пословица (32) англ. *when poverty comes in at the door, love flies out at the window* ‘когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно’ и русская пословица (33) рус. *любовь в лачуге с водой и коркой хлеба есть зола, пепел и пыль* отличаются выразительностью и экспрессивностью. В них можно увидеть отражение установок и особенностей языка и культуры англичан и русских, а также выявлять их уникальные образные значения.

3.3. Признак «скоротечность любви» также объективирован достаточным количеством ПЕ в английском, немецком и русском языках: (34) англ. *light love will change* ‘светлая любовь изменится’; (35) англ. *the love that is too violent will not last long* ‘слишком бурная любовь не продлится долго’; (36) англ. *love is sweet in the beginning but sour in the ending* ‘любовь сладка в начале, но кисла в конце’; (37) нем. *die Liebe erblüht und vergeht wie eine Sommerblume* ‘любовь расцветает и увядает, как летний цветок’; (38) нем. *die Liebe ist wie ein Sturm, der schnell vorüberzieht* ‘любовь как буря, которая быстро проходит’. В обоих языках отражается связь силы эмоций и скоротечности любви. В английском языке фразеологизм (39) англ. *hotter love will often sour* ‘более страстная любовь часто испортится’ указывает на то, что отношения со слишком сильными эмоциями быстро заканчиваются. В немецком языке ПЕ (40) нем. *eine Liebe geht so schnell, wie sie gekommen ist* ‘любовь уходит так быстро, как и пришла’ показывает схожее значение.

3.4. Признак «любовь-боль» выражается следующими ФЕ и ПЕ: (41) англ. *great love, great sorrow* ‘великая любовь, великое горе’ – фразеологизм английского языка, который описывает связь между сильной любовью и болью разрыва. Аналогичные выражения наблюдаются в русском языке: (42) рус. *любовь – крапива стрекучая* и (43) рус. *безответная любовь*, которые также подчеркивают связь между любовью и страданиями. (44) англ. *Love is a sweet torment* ‘любовь – сладкое мучение’ – данная ПЕ на английском языке описывает конфликт между приятными и неприятными ощущениями в любви. Пословица (45) рус. *не любишь – горе, а влюбишься – вдвое* в русском языке также отражает сложности и противоречия, связанные с любовью.

В немецком языке фразеологизмы имеют аналогичное значение жестокой любви в страданиях (46) нем. *lieb und leidenschaftlich sein (lieben und leiden)* ‘быть влюблённым и страдать’; (47) нем. *jemandem das Herz brechen* ‘разбить чье-то сердце’. Однако стоит отметить, что в английской и немецкой лингвокультурах, в отличие от русской, отсутствуют выражения, отражающие связь любви и насилия: (48) рус. *бьёт – значит любит*; (49) рус. *милый ударит – тела прибавит*; (50) рус. *милый побьёт, только потешит*; (51) рус. *милого побои недолго болят*. Существует множество причин, которые могут привести к появлению таких фразеологических оборотов, и они связаны с историей, культурой и социальными нормами конкретной нации. В русской истории и литературе можно обнаружить множество примеров, которые отражают использование насилия и силы во взаимоотношениях. Это может быть связано с традиционным представлением о роли мужчины и женщины, а также с социальными нормами, которые ранее позволяли физическое наказание в отношениях или относились к нему как к обычаю.

3.5. ФЕ, репрезентирующие признак «идеальная пара» в английском, немецком и русском языках, имеют сходства в представлении о гармоничных и идеальных отношениях, встречаются идеи судьбы и совершенства партнеров: (52) англ. *find Mr. Right* ‘найти достойного человека для брака’; (53) англ. *find (meet) the right girl/guy* ‘найти (встретить) достойного партнёра’; (54) нем. *auf einer Wellenlänge sein* ‘быть на одной волне’; (55) нем. *zwei Herzen, die im gleichen Takt schlagen* ‘два сердца, бьющиеся в одном ритме’.

3.6. Также стоит отметить признак «романтические отношения, половой акт». Фразеологизмы, которые отражают романтические отношения и половой акт, в русском языке, как правило, имеют негативную коннотацию: (56) рус. *отбросить приличия*; (57)

рус. *крутить любовь*. В английском языке фразы на тему романтических отношений и половой близости имеют схожее значение: (58) англ. *make whoopee* ‘предаваться любовным утехам’; (59) англ. *how's your father* ‘сексуальное общение; (60) англ. *play the field* ‘иметь множество романтических связей’. Семантический признак «романтические отношения, половой акт» в немецкой лингвокультуре по большей части связан с понятием страсти: (70) нем. *feuer und Flamme sein* ‘быть в огне и пламени (быть в страсти)’; (71) нем. *das Feuer der Leidenschaft entfachen* ‘разжигать огонь страсти’. В немецкой фразеологии семантический признак «романтические отношения, половой акт» связывается с понятием страсти и часто выражается через образы огня.

3.7. Значительная группа пословиц выражает значение «любовь-расставание». В этом поле паремий наиболее похожими по значениям и структуре являются (72) англ. *out of sight, out of mind* и (73) рус. *с глаз долой, из сердца вон*, но есть отличие в их второй части: в английской версии говорится ‘прочь из памяти’, а в русской – *из сердца вон*. Это указывает на большую рациональность англичан, которые больше прибегают к памяти и рассудку, в то время как русские чаще обращаются к сердцу в своих пословицах.

3.8. Фразеологизмы, отражающие признак «любовь-ненависть, предательство», существуют в трех языках. Ярким примером выступает фраза (74) рус. *от любви до ненависти – один шаг*: она выражает отношение к любовным отношениям как к чему-то нарушенному и ненадёжному. Выражение с похожим значением присутствует и в немецком языке: (75) нем. *aus Hass wird Liebe* ‘из ненависти рождается любовь’. В английском языке (76) англ. *love and hate are blood relation* ‘любовь и ненависть – близкие родственники’. Во всех трёх языках подчёркивается тесная связь между любовью и ненавистью, быстрое и резкое изменение эмоциональной составляющей от любви к ненависти.

3.9. Признак «любовь-брак» также находит реализацию в ФЕ и ПЕ английского, русского и немецкого языков: (77) англ. *an open marriage* ‘открытый брак’; (78) англ. *ask for (someone's) hand in marriage* ‘делать предложение’; (79) рус. *браки совершаются на небесах*; (80) рус. *медовый месяц; пока смерть не разлучит нас*; (81) нем. *den Ehebund festigen* ‘укреплять семейные узы’; (82) нем. *ehen werden im Himmel geschlossen* ‘браки заключаются на небесах’; (83) нем. *heirate ein schönes Weib und du hast Verdruss* ‘женишься на красивой, будешь иметь неприятности’.

В целом, во фразеологии на тему «любовь-брак» в английском языке наблюдается склонность к описанию формальных аспектов, в то время как в русском языке подчёркивается судьба и преданная любовь. В немецком языке фразеологизмы имеют ярко выраженный образный характер и используются для передачи определённого значения или нравственного урока. Однако в английском языке некоторые фразеологизмы различаются в своём подходе к описанию этих концепций: (84) англ. *love is a fair garden and marriage a field of nettles* ‘любовь – прекрасный сад и брак – поле крапивы’; (85) англ. *love is a flower which turns into fruit at marriage* ‘любовь – цветок, который в браке превращается в плод’. Данные фразеологизмы предлагают противоположные подходы к описанию отношений между любовью и браком. Первый фразеологизм подчёркивает трудности и разочарования в браке, в то время как второй ФЕ рассматривает брак как естественный, благоприятный результат любви.

3.10. Семантическая группа «любовь-расстояние»: (86) англ. *distance makes the heart grow fonder* ‘расстояние делает сердце лучше любить’; (87) рус. *без друга на сердце вьюга*; (88) нем. *in der Ferne wächst die Sehnsucht* ‘на расстоянии растёт тоска’. Все три языка содержат фразеологические выражения, которые ассоциируют любовь с расстоянием и тоской. Это связано с тем, что, когда влюбленные находятся вдали друг от друга, возникает грусть и тоска из-за нехватки близости и взаимодействия. Таким образом, в этих трех языках существуют фразы, которые подчеркивают важность близости и взаимодействия для успешных отношений.

3.11. Фразеологизмы, объективирующие признак «любовь-деньги», в английском и русском языках часто имеют негативный оттенок. Например, выражение (89) англ. *marriage of convenience* ‘брак по расчёту’ означает отношение к любовному браку как к сделке, основанной на мелочных причинах и расчетах. В русском языке фраза (90) рус. *любовь за деньги* также описывает отношение, основанное на материальных интересах.

3.12. Группа «любовь-расставание» в английском языке выражается фразеологизмом (91) англ. *dump (someone)* ‘бросить кого-то’, который передает идею окончания отношений со стороны одного из партнёров. В русском языке эта идея выражается фразеологизмом (92) рус. *любовь прошла, завяли помидоры*; (93) рус. *поматросил и бросил*, который также упоминает о прекращении отношений, но дополнительно подчёркивает их односторонность и жестокость.

3.13. Также в обоих языках выделяется группа «любовь-внешность» в английском языке: (94) англ. *love comes by looking* ‘любовь начинается со взглядов’. Данный фразеологизм имеет сходство с русским фразеологизмом: (95) рус. *любовь начинается с глаз*.

3.14. В английском и русском языке используются аналогичные образы и метафоры для описания признака «любовь-счастье», такие как солнце, цветы, сказки. Другим сходством является описание эмоций или состояния человека: (96) нем. *liebe ist wie ein Sonnenaufgang im Herzen* ‘любовь, как восход солнца в сердце’; (97) нем. *liebe ist der Schlüssel zum Glück* ‘любовь – ключ к счастью’; (98) нем. *liebe ist wie ein Märchen, das niemals endet* ‘любовь – как сказка, которая никогда не заканчивается’; (99) рус. *Любовь да лад – не надобен и клад*; (100) рус. *где любовь, там и согласие*; (101) рус. *где любовь да совет, там и горя нет*; (102) рус. *где любовь да согласие – там и двор красен*. Однако есть и отличия в использовании фразеологизмов: немецкий язык более ярко и поэтично описывает признак «любовь-счастье», используя образы восхода солнца, раскрытия цветов и метафорического описания любви. Русский язык, с другой стороны, более прямолинеен и использует простые образы, такие как бальзам, цветы, улыбка.

3.15. Был обнаружен также семантический признак «любовь-магия»: (103) нем. *liebeszauber wirken* ‘совершать магию любви’; (104) нем. *den Zauber der Liebe spüren* ‘ощущать магию любви’; (105) нем. *liebe wie durch Zauberhand* ‘любовь, как чудо’; (106) рус. *любовное зелье*; (107) рус. *приворожить к себе*. В обоих языках используются фразы, связанные с магией и заклинаниями, с целью описания силы и воздействия любви.

4. Выводы.

4.1. Максимальное количество ФЕ во всех трёх языках было представлено в группе «влечение, привязанность» (англ. 39 ед. (23 %), нем. 13 ед. (11%), рус. 18 ед. (18 %)).

4.2. Русский язык, в отличие от английского и немецкого, имеет негативную окраску во фразеологии, отражающей романтические отношения и половой акт. Английский язык больше ориентирован на изменения в эмоциональной сфере, в то время как немецкий язык связан с природными явлениями. В немецком и русском языках можно найти сходства в представлении идеальных отношений и совершенства партнёров.

4.3. Фразеологические единицы, связанные с любовью и браком, имеют разные акценты в английском и русском языках. Наблюдается использование образов и метафор, таких как солнце, цветы и сказки, для описания ФЕ, объективирующих признак «любовь-счастье». Отсутствуют фразеологизмы, связывающие любовь и насилие в английском и немецком языках.

4.4. Чувство грусти и тоски из-за отсутствия близости и взаимодействия также актуализируется во фразеологических выражениях. Фразеологические единицы, связанные с любовью и деньгами, часто имеют негативный оттенок.

4.5. На основании анализа лексемы-репрезентанты концепта *ЛЮБОВЬ – LOVE – LIEBE*, а также её синонимов можно выделить следующие этимологические признаки: «теплое, глубокое, нежное чувство привязанности к кому-либо»; «страсть, половое влечение к кому-либо»; «любимый человек»; «сильная симпатия к кому-либо»; «интерес и удовольствие»; «счастье и брак»; «способ обращения»; «восхищение, преданность кого-либо»; «половой акт»; «дружелюбие»; «любовь к Богу», «хвала».

4.6. Проанализировав лексему-репрезентанту концепта *ЛЮБОВЬ – LOVE – LIEBE* были выявлены следующие понятийные признаки: «романтические или сексуальные чувства», «симпатия», «забота», «привязанность», «удовольствие», «сексуальное желание», «страсть», «восторг», «лесть», «понимание», «наслаждение», «предпочтение» [19; 20; 21].

4.7. В результате анализа фразеологических единиц были обнаружены следующие семантические группы: «любовь-счастье», «любовные ссоры», «любовь-магия», «любовь-слепа», также были выделены общие универсальные значения, присущие концепту *ЛЮБОВЬ* в русских, английских и немецких ФЕ: 1. «сила любви»; 2. «настоящая любовь»; 3. «влечение, привязанность» 4. «любовь-брак»; 5. «любовь-расстояние»; 6. «романтические отношения, половой акт»; 7. «любовь-ненависть, предательство»; 8. «любовь-боль» [8; 9; 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вильмс Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь»: автореф. дис. канд. филол. наук / Л. Е. Вильмс. – Волгоград, 1997. – 21 с.
2. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284 с.
3. Керова А. В. концепт «любовь» в английском поэтическом дискурсе XVII-XVIII вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №11 (840). – С.92–102.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Романюк, М.Ю. Концепты «любовь», «дом», «семья» в паремиях русского, английского и немецкого языков: монография / М. Ю. Романюк; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2013. – 159 с.
7. Хутова, Э. Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – №1. – С. 20–23.
8. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь, М. 1996. – 944 с.
9. Болдачев А. В. Немецко-русский фразеологический словарь / А. В. Болдачев, Л. Э. Бинович – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
10. Oxford Dictionary of Phrase and Fable, 2nd Edition. – Oxford University Press, 2005. – 806 p.
11. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка: Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. – М.: Просвещение, 1993. – 400 с.
12. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13–22.
13. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
14. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От Теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–289.
15. Пименова, М.В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта душа) / М.В. Пименова // Язык. Этнос. Картина мира. Сб. науч. тр. Кемерово, 2003. – С.28–39.
16. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
17. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Москва : Гнозис, 2008. – 373 с.
18. Пономарёва Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь — Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф.... дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2008. – 22 с.

19. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. – М. :«Аделант», 2014. – 800 с.
20. Cambridge Idioms Dictionary [Текст] / Cambridge University Press, 2006. – 506 p.
21. Duden K. Das Bedeutungswörterbuch: in 12 Bänden; 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage; Band 10 / K. Duden. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002.

**OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF LOVE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL
MEANS OF ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES**

Annotation. This article examines modern approaches to the study of the concept in cognitive linguistics and linguoculturology. It also analyzes the semantic features of lexical and phraseological units that verbalize the concept of LOVE in English, German and Russian.

Keywords: concept, linguistic picture of the world, lexeme, phraseological unit.

Kudinova K.D.

Scientific adviser: Pisareva V.V. Ph.D., Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: kudinovaksenia09@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ДРАМ А.П. ЧЕХОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМЫ “ТРИ СЕСТРЫ”)

Кулик А.С.

Научный руководитель: Калиущенко В.Д., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация: работа посвящена изучению лексических и грамматических особенностей перевода с русского на немецкий язык.

Ключевые слова: художественный перевод, грамматические трансформации, лексические трансформации, анализ, способ перевода.

Введение. Настоящая работа посвящена исследованию лексических и грамматических трансформаций, их комплексного характера, классификаций, причин и случаев использования на примере драмы А.П. Чехова “Три сестры”. Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка [3, с. 12]. Преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями. Особое значение переводческие трансформации имеют в художественном переводе.

Актуальность избранной темы заключается в необходимости комплексного изучения передачи смысла и стиля произведений русских писателей-классиков лексическими и грамматическими средствами немецкого языка.

Объектом исследования является немецкие переводы драмы А.П.Чехова “Три сестры”.

Предметом исследования являются особенности применения и функционирования грамматических и лексических трансформаций, а также их способы перевода.

Целью данной работы является изучение проблем перевода драматургии Чехова на немецкий язык, а также проведение анализа лексических и грамматических трансформаций при переводе художественного произведения.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Описать понятие перевода, в частности художественного.
2. Осуществить классификацию грамматических и лексических особенностей.
3. Выявить особенности авторского стиля А.П. Чехова.
4. Найти в тексте перевода лексические и грамматические трансформации.

Эмпирическим материалом исследования послужила драма А.П. Чехова «Три сестры» в немецком переводе Томаса Браша, Генриха Штюмке, Й. фон Гюнтера, а также работы известных теоретиков переводоведения – В.Н. Коммисарова, Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова, Т.А. Казаковой, М.М. Морозова, Р. Левицкой, А. М. Фитермана.

1. Понятие художественного перевода. Прежде чем рассмотреть понятие художественного перевода, необходимо изучить определение самого перевода, так как он является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации.

Язык – основное средство перевода. Перевод не может быть понят, если не будет раскрыта его способность отражать и пересоздавать оригинал. Перевод является отражением оригинала. Чем правильнее это отражение, тем выше качество перевода. Перевод не может быть понят, если не будет раскрыта его психология [1].

Словосочетание «художественный перевод» на немецкий переводится как «*künstlerische Übersetzung*». Словарь Duden дает следующее определение: «*Künstlerische Übersetzung ist eine besondere Richtung der Übersetzungstätigkeit, bei der es sich um eine schriftliche Übersetzung von Kunstwerken von einer Sprache in eine andere handelt*», что в переводе на русский язык означает: «Художественный перевод - это особое направление

переводческой деятельности, которое представляет собой письменный перевод произведений искусства с одного языка на другой».

2. Переводческие трансформации в процессе перевода. Переводческие трансформации – это процесс перевода, заключающийся в применении определенных операций таким образом, что происходит трансформация смысла, заключенного в исходном тексте на одном языке, в более или менее аналогичный смысл, заключенный в тексте на другом языке [1].

К лексическим переводческим трансформациям относят: переводческое транскрибирование и транслитерацию; калькирование и лексико-семантические замены, которые включают в себя конкретизацию, генерализацию, модуляцию и другие. Одной из основных типов лексической трансформации является транскрипция и транслитерация - это такие способы перевода, которые воспроизводятся с помощью единицы языка оригинала при помощи букв переводящего языка [1].

Грамматические трансформации – это тот вид изменений, который неизбежен при переводе. Грамматические трансформации под собой подразумевают: перестройку предложений, синтаксические, морфологические замены [1].

3. Особенности перевода драматургии А.П.Чехова. В данной работе рассматриваются авторские особенности А.П. Чехова, которые представлены в его художественных текстах. Одной из этих особенностей является наличие позиции автора, а также его собственный стиль написания. Особенно известным вкладом Чехова является установление рассказа как отдельного и автономного жанра литературы, не уступающего значимости роману.

Рассмотрев ряд работ удалось выделить следующие авторские особенности А.П. Чехова: краткость повествования; индивидуализация речи героев; отсутствие яркого сюжета; малая форма и глубокое содержание; обыденное действие, приводящее к неожиданному результату; недоговоренность, скрытость позиции автора с целью заставить читателя размышлять; раскрытие образа героя через быт, повседневную жизнь; уделение большого внимания деталям; экспрессивность речи героев, а также использование говорящих фамилий.

4. Анализ перевода Томаса Браша. Перевод Томаса Браша, выпущенный в 1985 году, олицетворяет относительно современное и толкование русской классической литературы в виде произведения “Три сестры”. Автор перевода не только является переводчиком, но и драматургом, что значительно влияет на его переводческую позицию. Факт прямой связи между театром и оригинальной работой на другом языке играет важную роль в выборе данного перевода как символического для данного анализа. Т. Браш использует стилистические конструкции и мотивы, чтобы создать комедийно-абсурдное переосмысление чеховской пьесы, заменяя лирические элементы авторского текста.

1) *Чебутыкин. В голове пусто, на душе холодно. <...> ... И стало на душе криво, гадко, мерзко* [2]

Tschebutykin. Luft im Schädel<...> Und dieser faule Geschmack im Mund plötzlich [3]. (дословно: Пустота в черепе...И неожиданно этот тухлый вкус во рту).

Т. Браш произвольно обращается со стилем «Трех сестер», придавая ему резкость и жесткость, игнорируя колоритные речевые ситуации. Например, в переводе исчезает рифма, придающая ответу Чебутыкина юмористически-игровой оттенок, и остается лишь голое содержание его реплики:

2) *Соленый. Как здоровье?*

Чебутыкин (сердито). Как масло коровье [2].

Soljony. Was macht die werte Gesundheit (дословно: Как ценное здоровье)?

Tschebutykin wutend. Beschissen ist geprahlt [3] (дословно: Хуже и быть не может)

5. Анализ перевода Генриха Штюмке. Г. Штюмке, в своей интерпретации пьесы, возвращает ее к более традиционной структуре, где взаимоотношения персонажей играют

основную роль. В отличие от оригинала, это становится ясно уже из первой реплики, которая приобретает особый поэтический и смысловой оттенок. Штюмке, стремясь дать более реалистичное описание ситуации, добавляет дополнительные пояснения и расширяет реплики, что не согласуется с простотой и лаконичностью, к которой стремился Чехов [2].

Более того, манера речевого общения персонажей у этого переводчика заметно архаизирована по сравнению с оригиналом:

3) Тузенбах. *Toska no труде, о боже мой, как она мне понятна!* [2].

Tusenbach. Wissen Sie, meine Gnädige, die Sehnsucht nach Arbeit kann ich Ihnen vollkommen nachfühlen! [4]. (дословно: Знаете, моя сударыня, Вашей тоске по труду я могу вполне сочувствовать)

Штюмке, стремясь обрисовать ситуацию более реалистично, вносит в реплики свои дополнительные разъяснения, расширяет их, что совершенно не соответствует стремлению Чехова к краткости и простоте.

Более того, манера речевого общения персонажей у этого переводчика заметно архаизирована по сравнению с оригиналом:

4) Тузенбах. *Да, нужно работать* [2].

Tusenbach. Entschuldigen Sie, wenn ich auf unser Thema nochmals zurückkomme. Ich wiederhole: Man muß vor allen Dingen arbeiten [4]. (дословно: Извините, если я еще раз возвращусь к нашей теме. Я повторяю: прежде всего необходимо работать).

Ровная интонация заменяется на восклицательную, простое предложение превращается в сложноподчиненное с дополнительным вводным обращением:

5) Ирина. *Подполковник Вершинин, оказывается, из Москвы!* [2].

Irina. Denk Dir nur: es hat sich herausgestellt, daß Oberstleutnant Werschinin aus Moskau ist! [4] (дословно: Подумай только: оказывается, что подполковник Вершинин из Москвы!).

6. Анализ перевода Й. фон Гюнтера. А.П. Чехова Гюнтер переводит с 1922 г., имея большой опыт переводов.

В переводе происходит одно существенное отклонение в значениях слов авторских замечаний, когда речевая несовершенство Родэ (картавя) заменяется на «anstoßend» (шепелявя). Переводчик, вероятно, сделал эту замену, учитывая фонетические особенности немецкого языка, где шепелявое произношение является более существенной речевой недостаточностью.

Одним из наиболее характерных отличий в переводе Гюнтера является использование неточных значений [1]. Подмена лексики искажает характерологию, как, например, в случае с передачей вопроса Соленого:

б) Соленый. *Что вы кряхтите, старик?* [2].

Soljony. Warum seufzen Sie, alter Herr? [4] (дословно: Почему Вы вздыхаете, пожилой господин?).

Гюнтер не придерживается особенностей стиля Чехова, он не только добавляет объяснения в реплики, которые не нужны, но и усложняет речь персонажей нехарактерными для разговора длинными конструкциями, которые обычно используются в основном в письменной форме, даже на немецком языке [5].

7) Вершинин. *Но все же, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас* [2].

Werschinin. Trotzdem will mir scheinen, daß ich das Wesentlichste und das Wirkliche weiß, daß ich es sogar gut weiß. Und darum wünsche ich so sehr, Ihnen beweisen zu dürfen, daß es kein Glück gibt, daß es nicht sein darf und daß es für uns auch keines geben wird. (Johannes von Guenther “Die drei Schwestern”, S. 9) (дословно: Несмотря на это, мне кажется, что я знаю самое существенное и настоящее, что я это даже хорошо знаю. И поэтому мне очень хочется Вам доказать, что счастья нет, что не может быть и что для нас также никакого счастья не будет).

Выводы. Проведенная работа позволила выделить грамматические и лексические особенности при переводе драматургии А.П. Чехова на немецкий язык. Таким образом, Г. Штюмке, Т. Браш и Й. фон Гюнтер применяли различные грамматические трансформации при переводе. Они использовали синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложений, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения). В результате анализа различных вариантов перевода можно сделать вывод о значительных отличиях переводов от оригинала драмы. Это проявляется в усложненных синтаксических конструкциях, которые меняют ритм речи и интонацию персонажей.

Томас Браш сделал наиболее удачный перевод данной пьесы. Его перевод отличается от оригинала, однако он полностью передает специфику пьесы. Вместе с тем, Т. Браш сумел сохранить множество колоритных ситуаций. В отличие от перевода Г. Штюмке и Й. фон Гюнтера, который отдален от оригинала, в переводе Т. Браша нет излишних добавлений. Т. Браш придает авторскому тексту более стилизованную и мотивные конструкции, отбрасывая лирические элементы. Он заменяет слова и заменяет эмоциональное состояние героя на физическое, не до конца раскрывая его. Перевод Г. Штюмке также считается одним из лучших, поскольку он был написан исключительно для немецкой сцены. В его интерпретации пьесы возвращается традиционная схема, где акцент делается на взаимоотношениях персонажей. Важно отметить, что большое количество апострофов делает реплики более естественными. Й. фон Гюнтер при переводе учитывает определенные особенности языка, чтобы сохранить поэтичность на родном языке. В результате получается свободное сочинение, которое не всегда совпадает с оригиналом, но сохраняет совершенство формы. Авторские ремарки, которые являются основой внешней сценической концепции, переданы практически без изменений в содержании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров – М.: ЛКИ, 2007 – 165 с.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А.П. Чехов – М.: Наука, 1985 – Т.7.
3. Anton Tschechows Stümcke. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Mit einem Nachwort von Henning Rischbieter. Frankfurt am Main : Suhr-kamp Verlag, 1985.
4. Tschechow Anton. Drei Schwestern // Werke in 3 Bänden. Novellen. Erzählungen. Dramen. Deutsch von Johannes von Guenther. Hamburg und München: Heinrich Ellermann Verlag, 1963. Bd. 3. S. 613–697.
5. Адам Е.А. «Три сестры» А.П. Чехова в немецком переводе Й. фон Гюнтера / Е.А. Адам // Сибирский филологический журнал - 2013- Вып. 4 - С. 89-96
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов – М.: «Междунар. отношения», 1975 – 240 с.

FEATURES OF THE TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO GERMAN OF A.P. CHEKHOV'S DRAMAS (BASED ON THE MATERIAL OF THE DRAMA “THREE SISTERS”).

Abstract: the work is devoted to the study of lexical and grammatical features of translation from Russian into German.

Keywords: literary translation, grammatical transformations, lexical transformations, analysis, method of translation.

Kulik A.S.

Scientific supervisor: V.D. Kaliushchenko, Doctor of Philology. Professor
Donetsk State University
E-mail: akulik566@gmail.com

ФУНКЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА *in* И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Литвиненко М.А.

*Научный руководитель: Басыров Ш.Р., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье исследуется немецкий предлог *in*, выявляются функции данного предлога, определяются способы перевода немецких конструкций с предлогом *in* на русский язык.

Ключевые слова: предлог, части речи, семантика, перевод, немецкий язык.

1. Введение. Настоящая работа посвящена исследованию немецкого предлога *in* как средство выражения грамматических и семантических отношений между членами предложения. Предлоги занимают в грамматическом строе каждого языка одно из центральных мест, составляя немаловажную сторону его синтаксического строя, и представляют собой один из наименее разработанных разделов грамматики[1]. Предлог – это служебная часть речи, которая выражает зависимость одних слов от других. Предлоги помогают связывать слова в словосочетании, уточняют смысл высказывания, вносят в него различные обстоятельственные значения.

Актуальность избранной темы заключается в том, что предлоги выполняют одну из главных функций в языке, тем самым помогая глубже проникнуть в суть грамматических явлений данного языка. Обращение к исследованию данного предлога вызвано также тем, что он является наиболее употребляемым из предлогов немецкого языка и еще не получил должного описания. Хотя предлоги являются недостаточно хорошо исследованным классом слов, нет сомнений в том, что они играют в языке очень важную роль. Например, Г.А. Шиганова пишет о предлогах: «Роль предлогов в выражении отношений объективной действительности трудно переоценить. Они служат для организации текста, выполняют строевую функцию, делают текст связным, выражая отношения между словами». Таким образом, изучение предлогов и рассмотрение связанных с ними трудностей является важной и актуальной задачей[2].

Объектом исследования является немецкий предлог *in*, **предметом** – семантика и перевод конструкций с предлогом *in* на русский язык.

Цель настоящей работы состоит в изучении особенностей немецкого предлога *in*, его функций, а также способов перевода соответствующих предложных конструкций на русский язык.

В соответствии с поставленной целью в работе необходимо решить следующие задачи:

- 1) сформировать текстовую выборку примеров с предлогом *in*;
- 2) выявить функционально-семантические особенности немецкого предлога *in*;
- 3) установить особенности перевода предложных конструкций с *in* на русский язык.

Эмпирическим материалом работы послужили немецкие конструкции с предлогом *in*, полученные из оригинальных текстов немецкой художественной литературы (новеллы Ст. Цвейга «Случай на Женевском озере», «Гувернантка», «Амок»; роман П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», роман М. Фриша «Номо Faber»; роман Б. Шлинка

«Чтец»; романы Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», «Время жить и время умирать», «Тени в раю», «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне», роман К. Функе «Чернильное сердце»). Общий объем немецких конструкций с предлогом *in* составил 700 предложений.

2. Этимология предлогов. Необходимо отметить, что в вопросах происхождения предлогов в научной среде также нет единого мнения. Так, говоря о наречных предлогах, следует упомянуть, что не все ученые разделяют мнение, что такие предлоги исторически произошли от наречий. Например, М. В. Всеволодова пишет так: «Наш материал показал, что исторически процесс идет в противоположном направлении: наречия образуются от предлогов. Говоря о видах предлогов, следует отметить, что по данной проблеме у исследователей также нет единого мнения. Существует некоторое количество классификаций с учетом тех или иных аспектов, хотя основных классификаций, принятых большинством ученых, можно выделить две. Эти классификации выделяются на основе происхождения и морфологической структуры предлогов. Так, по происхождению предлоги можно разделить на первообразные (непроизводные) и вторичные (производные).

Первообразные предлоги немногочисленны: *in* ‘в’, *für* ‘для’, *vor* ‘до’, *hinter* ‘за’, *von* ‘из’, *zu* ‘к’, *auf* ‘на’, *über* ‘над’, *aus* ‘от’, *um* ‘через’. По своему происхождению эти предлоги древние. Состав первообразных предлогов оставался почти неизменным[3]. Их характерной особенностью является их многозначность. Некоторые предлоги могут выражать различные грамматические отношения и употребляться с несколькими падежами.

В то время как вторичные предлоги обычно употребляются с винительным и/или дательным падежами, и лишь в редких случаях с родительным падежом (*während* ‘в течение’, *wegen* ‘из-за’) и одинаково часто встречаются как в устной, так и в письменной речи, производные предлоги употребляются преимущественно с родительным падежом, иногда с дательным падежом (*entsprechend* ‘соответственно’, *gemäß* ‘в соответствии с’, *laut* ‘согласно’, *zufolge* ‘в соответствии’) и используются в основном только в письменной речи, например, в текстах СМИ или в деловой документации[3]. Вторичные предлоги образовались в более позднее время от других частей речи, в результате чего появились отыменные, отглагольные, отнаречные и составные предлоги. Именные предлоги образовались от существительных. Например: *wegen* ‘следствие – в следствие’. Глагольные предлоги образовались соответственно от глаголов. Например, *durch* ‘благодарить – благодаря’, *ausschließlich* ‘исключить – исключая’. Наречные предлоги образовались от наречий. Например: *hinter* ‘позади’[5].

К вторичным предлогам относятся также некоторые имеющие отдельное написание устойчивые сочетания, состоящие из предлога и имени существительного, за которым часто следует ещё один предлог, например: *in Anbetracht* ‘ввиду’, *mit Ausnahme* ‘за исключением’, *im Falle* ‘в случае’, *im Laufe* ‘в течение’, *zum Zwecke* ‘с целью’, *im Unterschied zu* ‘в отличие от’. Большинство непроизводных и производных предлогов в немецком языке оправдывают своё название и употребляются перед зависимым от них словом – существительным, местоимением и в некоторых случаях наречием.

3. Место предлога в кругу частей речи. Предлоги служат для выражения отношения имени существительного, числительного и некоторых местоимений к другим словам в речи. Они помогают связывать слова в словосочетании, конкретизируют смысл высказывания, добавляют обстоятельственные значения.

Изучая предлоги, следует обращать внимание на падежи, которыми они управляют. Так, предлоги *seit* ‘с тех пор как’, *mit* ‘с’, *nach* ‘после’, *aus* ‘из’, *zu* ‘в’, *von* ‘из’, *bei* ‘у’ всегда требуют рядом с собой существительное/местоимение в дательном падеже, а предлоги *gegen* ‘напротив’, *ohne* ‘без’, *für* ‘для’, *um(...herum)* ‘вокруг’, *durch* ‘сквозь’ используются только с зависимым словом в винительном падеже.

Некоторые предлоги могут употребляться и с дательным падежом, и с винительным падежами (*an* ‘в’, *auf* ‘на’, *hinter* ‘за’, *in* ‘в’, *neben* ‘около’, *über* ‘над’, *unter* ‘под’, *vor* ‘спереди’ и *zwischen* ‘между’). Наиболее многочисленную группу предлога в немецком языке составляют те, которые используются с родительным падежом – (*an*)*statt* ‘вместо’, *wegen* ‘из-за’, *aufgrund* ‘в связи’, *trotz* ‘несмотря’, *während* ‘вовремя’.

4. Значения предлога in. В немецком языке предлоги связывают слова или группы слов в одну смысловую единицу. Главная их функция – это обеспечение связи между отдельными словами или группами слов, создание, тем самым, целостной грамматической единицы[4].

Наиболее сложной проблемой при изучении предлогов является установление их функций, т.к. один и тот же предлог может иметь разнообразные значения и особенности употребления. Рассмотрим значения немецкого предлога *in*.

1) Предлог *in* может обозначать определенное место в пространстве и отвечать на вопрос «где?» (локативное значение). Частотность данного способа составляет 111 конструкций. При этом предложно-именные группы «*in* + существительное» обозначают пребывание предмета или человека в какой-л. среде (природной или общественной), в каких-л. условиях или обстановке, например:

(1) ... *in den Schatten* unter dem Schwanzsteuer - *kleiderlos, bloß in Schuhen* (wegen der Hitze des Sandes) und *in Jockey-Unterhosen*. (М. Frisch „Homo Faber“, S. 3) ‘**В тени** хвостовых рулей, сняв с себя все, кроме ботинок (песок был раскален) и трусов.’

(2) *Links und rechts von ihr steckten brennende Fackeln in der Erde*. (С. Funke „Tintenherz“, S. 76) ‘Слева и справа от нее горели факелы, воткнутые **в землю**.’

2) Предлог *in* может передавать также физическое состояние одушевленного или неодушевленного предмета, а также внутреннее состояние человека. Частотность конструкций с данным значением составляет 75 примеров. Например:

(3) *Ertrunken in Angst, unter die Erde gejagt und verfeindet mit Licht und Klarheit und Wahrheit*. (Е. М. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 125) Утонувшие **в страхе**, загнанные под землю, вместе со светом, с ясностью, с правдой.’

3) Предлог *in* употребляется для указания на одежду, в которую одет человек (орнативное значение). Частотность данного значения – 90 конструкций. Например:

(4) *Ich will heute versuchen, einen Platz für uns zu finden, wo wir nicht in Kleidern schlafen müssen*. (Е. М. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 381) ‘Сегодня я хочу попытаться найти для нас место, где нам не придется спать **в одежде**.’

(5) *Es waren zu viele Parteimitglieder in Uniform da*. (Е. М. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 401) ‘Там было слишком много партийцев **в мундирах**.’

4) Предлог *in* может передавать отношения объемности, степени, меры, интенсивности действия и количества предметов, т.е. реализует количественные, интенсивные значения (69 конструкций). Например:

(6) ***In dem Maße**, als im frühen Licht die Umrisse des Ufers aufglänzten, begann sich auch das Antlitz des nackten Menschen zu erhellen.* (S. Zweig „Episode am Genfer See“, S.2). **‘По мере** того как в лучах зари вырисовывались очертания берега, просветлялось и лицо голого человека.’

5) Предлог *in* имеет также значение образа действия, подобно предлогам *mit*, *auf*, *nach* (модальное значение). Частотность предложных конструкций с модальным значением составляет 135 ед. Например:

(7) ***In irgendeiner Weise** gingen diese Gedanken nicht in die Zukunft.* (P. Süskind „Das Parfum“, S. 52) **‘Странным образом** эти мысли не были устремлены в будущее.’

(8) *Ich hatte versucht, wenigstens das Geld zu bekommen, **in der einzigen Art**, die hier noch möglich war – durch Spielen.* (E. M. Remarque „Die Nacht von Lissabon“, S. 4) ‘Я попытался раздобыть деньги **единственным возможным здесь способом** – в казино.’

6) Предлог *in* может употребляться со словами, передающими понятия, которые могут указывать на временные периоды, с названиями месяцев года, с более общими названиями временных категорий. Частотность предложных конструкций с темпоральным значением составляет 220 примеров:

(9) *Als wären wir **in unsere Jugend** zurückgeworfen.* (E. M. Remarque „Die Nacht von Lissabon“, S. 61) ‘Как будто нас отбросило **в молодость**’.

(10) *Er hatte vergessen, daß er **in den letzten Jahren** kaum etwas anderes gesehen hatte.* (E. M. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 97) ‘Он забыл, что **в последние годы** почти ничего не видел.’

(11) *Es schien wie verhext **in diesen Tagen**.* (E. M. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 46) **‘В эти дни** это казалось волшебством.’

(12) ***In den drei ersten Tage** hatte die Linie gehalten.* (E. M. Remarque „Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben“, S. 423) **‘В первые три дня** позиции держались.’

5. Перевод немецких конструкций с предлогом *in* на русский язык. Одной из главных проблем, возникающих в процессе перевода в целом, является адекватная передача значения различных частей речи [7]. Рассмотрим некоторые предложные конструкции с *in* и их русские соответствия.

(13) ***In der Mitte** stand auf einem Tisch ein riesiger Strauß roter Gladiolen.* (E. M. Remarque „Arc de Triomphe“, S. 134) **‘Посередине** зала на столике стоял огромный букет гладиолусов.’ (перевод. М. Л. Рудницкий)

В примере (13) предложной группе *in der Mitte* ‘в центре’ языка оригинала соответствует в языке перевода наречное обстоятельство *poseredine*, которое обозначает нахождение предмета в определенном пространстве. В немецком и русском языках актуализируется сходное значение – локативное. Вместе с тем, в формальном отношении сопоставляемые конструкции обнаруживают отличия: если в немецком языке используется *предложно-именная группа* с локативным значением, то в русском языке – локативное *наречие*. Таким образом можно говорить о частичном эквивалентном переводе.

Эквивалентный перевод представлен в примере (14), с той разницей, что в языке перевода переводчик заменяет немецкое притяжательное местоимение *ihrem*, соответствующее личному местоимению *sie*, на русское универсальное *свой*:

(14) *Rolande stand an der Bar, kühl beobachtend, **in ihrem schwarzen Gouvernantenkleid**.* (E. M. Remarque „Arc de Triomphe“, S. 576) **‘В своем черном платье гувернантки** Роланда

стояла возле бара, холодно наблюдая.’ (перевод М. Л. Рудницкий)

В следующем примере (15) употребляются две предложные группы, при переводе которых реализуются различные способы перевода. В первом случае *in unserer alten Welt* → *в нашем старом мире* имеет место эквивалентный способ перевода. Во втором случае *in den Wahnsinn* → *сводило с ума* переводчик использует прием лексико-грамматической замены:

(15) *Weißt du, was mich **in unserer alten Welt** auch stets aufs Neue **in den Wahnsinn** getrieben hat, Staubfinger?* (С. Funke „Tintenherz“, S. 180) ‘Знаешь, что всегда **сводило** меня **с ума в нашем старом мире**, Сажерук?’ (перевод М. М. Сокольская)

(16) ***Im Schatten** der Häuser blieb er stehen.* (P. Suskind „Das Parfum“, S.41) ‘Он остановился **в тени** домов.’ (перевод Э. В. Венгеровой)

В примере (16) переводчик использовал прием перемещения местами компонентов предложения, что позволило ему сместить логический акцент повествования на новое положение субъекта в пространстве, сохранив при этом русский стиль высказывания. Добавим, что предложная группа *im Schatten* переведена на русский с помощью эквивалентного способа.

6. Выводы. По способу образования и структуре немецкие предлоги делятся на непроизводные (первообразные) и производные (вторичные) предлоги. Предлог *in* обычно сочетается с существительными, местоимениями и числительными. У предлога *in* отмечено несколько значений: локативное, орнативное, модальное, темпоральное.

Немецкие конструкции с предлогом *in* переводятся на русский язык в основном эквивалентным способом (430 примеров) и путем лексико-семантической замены (128 примеров).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чеботарева Г. Н. Колебания в функционировании предлогов в современном немецком языке: Семантика и структура [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чеботарева Галина Николаевна. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. – 23 с.
2. Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2002. – 52 с.
3. Грибкова Е. И. Тенденции в использовании предлогов в современном немецком языке [Текст] / Е. И. Грибкова // Язык и мир изучаемого языка. – 2016. – No 7. – С. 13-16.
4. Мальцева О. Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мальцева Ольга Леонидовна. – Тверь: Твер. гос. ун-т., 2004. – 18 с.
5. Jung, Walter „Grammatik der deutschen Sprache“ 1968.– 377с.
6. Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке . - М.:2017.– 74 с.
7. Арсентьева М. Ф. Особенности перевода немецких предлогов на русский язык, М.:2020.– 722с.

FUNCTIONS OF THE GERMAN PREPOSITION IN AND FEATURES OF ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Annotation. This article examines the German preposition *in*, identifies the functions of this preposition, and determines ways to translate German constructions with the preposition *in* into Russian.

Key words: preposition, parts of speech, semantics, translation, German language.

Litvinenko M.A.

Scientific adviser: BasyrovSh.R., Doctor of Philology, Professor

Donetsk State University

E-mail:maria.litvinenko190@gmail.com

ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Милохин Е.И.

Научный руководитель: Калиущенко В. Д., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются глаголы положительного отношения в немецком, английском и русском языках. Проведён сопоставительный семантический анализ исследуемых лексических единиц; произведена их классификация по семантическому признаку в тематические группы с последующим выделением их особенностей.

Ключевые слова: глагол положительного отношения, инхоативный глагол, каузативный глагол, семантический анализ, формула толкования.

1. Вступление. В данной работе исследуется семантика глаголов, выражающих положительное отношение (далее ГПО) в немецком, английском и русском языках, таких как *lieben* ‘любить’ в немецком языке, *to respect* ‘уважать’ в английском языке и *радовать* в русском языке. Л.Г. Бабенко, Р.М. Гайсина и Э.В. Кузнецова называют глаголами отношения такое лексико-семантическое поле, в пределах которого различаются подполя и лексико-семантические группы глаголов взаимоотношения, межличностных, социальных отношений и другие [1, с. 3].

Актуальность данной работы обусловлена интересом лингвистики к лексике эмоций [2; 3], недостаточным уровнем изученности ГПО в немецком, английском и русском языках как отдельно, так и в сопоставительном аспекте, вопреки довольно длительному периоду их изучения, а также отсутствием полного отображения всех особенностей и аспектов функционирования исследуемых единиц, вследствие чего они недостаточно представлены в справочной и учебной литературе.

Цель работы состоит в анализе и классификации ГПО в немецком, английском и русском языках по семантическому признаку.

Объектом исследования являются ГПО в немецком, английском и русском языках. Предмет исследования – семантические и синтаксические особенности ГПО.

Для решения поставленных в работе задач используются следующие **методы** лингвистического анализа: сопоставительный метод, описательный метод, метод компонентного анализа и количественный анализ полученных данных.

Материалом работы служат 26 ГПО на немецком языке, 15 ГПО на английском языке, и 26 ГПО на русском языке, полученные методом сплошной выборки из толковых словарей и рассмотренные на примерах из Deutsches Referenzkorpus [4] (215 предложений), iWeb: The Intelligent Web-based Corpus [5] (128 предложений) и Национального корпуса русского языка [6] (207 предложений).

2. Семантическая классификация немецких, английских и русских ГПО. Вслед за В. Д. Калиущенко [7, с. 58], в данном исследовании, рассматриваются глаголы исходного состояния, инхоативные и каузативные глаголы. В основе данного исследования лежит семантический анализ ГПО, дающий возможность выделить основные и дополнительные семы в значении рассматриваемых лексических единиц. В результате исследования, проведенного на материале немецкого (26 глаголов), английского (15 глаголов) и русского (26 глаголов) языков, выделены следующие семантические группы выражения положительного отношения: глаголы эмоционального состояния «Любовь», «Уважение» и «Радость», представленные в табл. 1.

Таблица 1. Семантические группы ГПО в немецком английском и русском языках

Эмоциональное состояние	Немецкий язык		Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ГПО	Кол-во предл. с ГПО	Кол-во ГПО	Кол-во предл. с ГПО	Кол-во ГПО	Кол-во предл. с ГПО
1. «Любовь»	13 (50 %)	102 (47,4%)	5 (33,3 %)	43 (33,6%)	14 (53,8 %)	107 (51,7%)
2. «Уважение»	8 (30,8 %)	71 (33,1%)	8 (53,3 %)	69 (53,9%)	6 (23,1%)	52 (25,1%)
3. «Радость»	5 (19,2 %)	42 (19,5%)	2 (13,4 %)	16 (12,5%)	6 (23,1 %)	48 (23,2%)
Всего:	26 (100 %)	215 (100%)	15 (100%)	128 (100%)	26 (100%)	207 (100%)

Исследование проводилось с использованием формул толкования, представляющих собой перифразы значений глаголов с сохранением основных семантических актантов предиката [5, с. 28]. Общие формулы толкования для всех семантических групп в немецком, английском и русском языках в зависимости от типа глагола имеют следующий вид: для глаголов исходного состояния – «X испытывает (по отношению к Y) эмоциональное состояние Z» и для инхоативных глаголов – «X начинает испытывать эмоциональное состояние Z (по отношению к Y)», где X – Экспериментер, Y – Стимул, а Z – значение эмоционального состояния (например, любовь), для каузативных глаголов – «X каузирует Y испытывать эмоциональное состояние Z», где X – Каузатор, Y – Экспериментер, а Z – значение эмоционального состояния (например, радость).

2.1 Семантическая группа глаголов любви

В данной семантической группе, осуществляется разделение лексических единиц на подгруппы по степени интенсивности испытываемого чувства: глаголы симпатии (более низкая), глаголы любви (нейтральная) и глаголы обожания (более высокая).

К глаголам более низкой степени интенсивности испытываемого чувства любви относятся глаголы симпатии, так как известно, что любовь начинается с симпатии. К ним относятся следующие глаголы исходного состояния: *gefallen* ‘нравиться’ в немецком, *to like* ‘нравиться’ в английском и *нравиться* в русском языках со значением *испытывать чувство симпатии к кому-, чему-л.*, содержащее глагольную сему *испытывать* и эмотивную сему *чувство симпатии*. Например:

(1) нем. *Das Kleid gefällt mir schon ganz gut* ‘Мне уже очень нравится это платье’ [4].

(2) англ. *...he has a really kind heart and when he likes you and respects you he'll do anything for you* ‘...у него действительно доброе сердце, и когда ты ему нравишься и он уважает тебя, он сделает для тебя все, что угодно’ [5].

(3) рус. *Мне тоже книга нравится, когда читала некоторые моменты смеялась до слез — цепляет...* [6].

В примере (1) Стимул *das Kleid* служит причиной, по которой Экспериментер *mir* начинает испытывать симпатию. В примере (2) объект, выраженный Стимулом *you*, является источником информации, вызывающей возникновение «связи», т. е. симпатии, между ним и субъектом, выраженным Экспериментером *he*. В примере (3) Стимул *книга* является причиной смены эмоционального состояния у Экспериментера *мне*, потому что книга вызвала у него интерес и произвела на него хорошее впечатление, вызвав смех до слёз. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более низкой степени».

А. А. Зализняк и А. Д. Шмелёв отмечают, что ингрессивный глагол *понравиться* выражает как начало эмоционального состояния, так и сам факт его наличия, по сравнению с глаголом *полюбить*, который описывает только начало эмоционального состояния [8, с. 110]. Можно также предположить, что глагол *понравиться* является также каузативным, так

как он имеет значение *вызвать чувство симпатии, расположить к себе*, содержащее основную каузативную сему *вызывать* и эмотивную сему *чувство симпатии*, например:

(4) русс. *Сайт магазина должен продавать товар, внешний вид одежды должен понравиться определенной аудитории* <...> [6].

В примере (4) Каузатором смены эмоционального состояния у Экспериментера *определенной аудитории*, выступает Стимул *внешний вид одежды*, который воздействует на Экспериментера, чтобы вызвать у него симпатию. В этом же примере глагол *понравиться* выражает начинательный способ действия, подразумевая, что *внешний вид одежды* должен быть хорошим, чтобы начать нравиться *определенной аудитории*, которая в таком случае покупала бы больше и увеличивала бы количество продаж магазина. Таким образом, учитывая то, что чувство симпатии намного слабее чувства любви, русский глагол *понравиться* имеет две формулы толкования: «X начинает испытывать по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более низкой степени» и «X каузатирует Y испытывать эмоциональное состояние любви Z более низкой степени».

К исходным глаголам нейтральной степени интенсивности испытываемого чувства относятся: *lieben* ‘любить’ в немецком, *to love* ‘любить’ в английском и *любить* в русском языках, значение которых содержит глагольную сему *испытывать* и эмотивную сему *любовь*. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z нейтральной степени».

Инхоативными глаголами нейтральной степени интенсивности испытываемого чувства любви являются *sich verlieben* ‘влюбиться’ в немецком и *влюбиться* в русском языках. В ходе сплошной выборки не были обнаружены английские инхоативные глаголы на подобии русского *влюбиться* или немецкого *sich verlieben*. Инхоативные глаголы выражения симпатии в немецком и русском имеют значение *проникнуться сильным чувственным влечением, любовью к кому-л. (чувство любви захватывает всего человека, но при этом может быть непрочным)*, содержащие сему начинательности *проникнуться*, т.е. *начать глубоко, напряженно переживать что-либо*, и эмотивные семы *чувственным влечением* и *любовью*. Таким образом, общая формула толкования данных инхоативных глаголов: «X начинает испытывать по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z нейтральной степени».

Единственными каузативными глаголами, выражающими нейтральную степень интенсивности испытываемого чувства любви, являются русские глаголы *влюблять* и *влюбить* со значением *внушить кому-н. чувство любви к кому-чему-н.* В значении данных лексических единиц на русском языке присутствуют каузативная сема *внушить* и эмотивная сема *чувство любви*. Таким образом, общая формула толкования данных каузативных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более низкой степени».

К исходным глаголам, выражающие более высокую степень интенсивности испытываемого чувства любви, относятся *vergöttern* ‘боготворить’, (*umgs.*) *anhimmeln* ‘(разг.) обожать’, *anbeten* ‘боготворить’ в немецком, *to adore* ‘обожать’, *to worship* ‘боготворить’ в английском, *обожать*, *боготворить* в русском языках со значением *питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви*, которое содержит глагольную сему *питать*, эмотивную сему *чувство любви* и дополнительную сему *сильной, доходящей до преклонения*. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более высокой степени».

Единственным инхоативным глаголом, выражающим более высокую степень интенсивности испытываемого чувства любви, является русский глагол *заобожать* со значением *начать восторженно и очень сильно любить кого-либо или что-либо; начать преклоняться перед кем-либо или чем-либо*, которое содержит сему начинательности *начать* и исходный глагол *любить*, в значении которого обнаруживается эмотивная сема

любовь, а также дополнительную сему *очень сильно*, указывающая на интенсификацию испытываемого чувства. Таким образом, общая формула толкования инхоативного глагола *заобожать*: «X начинает испытывать по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более высокой степени».

2.2 Семантическая группа глаголов уважения

По сравнению с глаголами любви, которые не требуют оснований для выражения положительного отношения (с этим связано понятие «безусловной любви», которую обычно испытывают матери к своим детям), глаголы уважения предполагают, что возникновение у субъекта положительного отношения к объекту основывается на признании заслуг, качеств, достоинств, поступков последнего, т. е. можно говорить о наличии пресуппозиции в значении этих лексических единиц. Глаголы данной семантической группы будут также разделены на подгруппы по степени интенсивности испытываемого чувства: глаголы оценки (более низкая), глаголы уважения (нейтральная) и глаголы почитания (более высокая).

Более низкую степень интенсивности испытываемого чувства уважения выражают следующие исходные глаголы: *schätzen* ‘ценить’ в немецком, *to value* ‘ценить’ в английском, *ценить* в русском языках, имеющие значение *признавать значение, достоинства, ценность кого-чего-л., высокое качество чего-л.* Оно содержит глагольную сему *признавать* и семы выражения категорий, являющихся причиной наступления эмоционального состояния уважения у субъекта, *значение, достоинства, ценность, высокое качество*. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние уважения Z более низкой степени».

К исходным глаголам, выражающие нейтральную степень интенсивности испытываемого чувства уважения, относятся *achten* ‘уважать’ в немецком, *to respect* ‘уважать’ в английском, *уважать* в русском языках, имеющие значение: *питать уважение к кому-либо или к чему-либо, высоко ценить кого-либо или что-либо*, содержащее глагольную сему *питать* и эмотивную сему *уважение*. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние уважения Z нейтральной степени».

Русский глагол *зауважать* является единственной лексической единицей выражения инхоативного способа действия в данной семантической группе со значением *начать уважать*, которое содержит сему начинательности *начать* и исходный глагол *уважать*, в значении которого содержится эмотивная сема *уважение*. Таким образом, общая формула толкования инхоативного глагола *зауважать*: «X начинает испытывать по отношению к Y эмоциональное состояние уважения Z нейтральной степени».

Каузативным глаголом является русский глагол *уважить* со значением *оказать кому-н. уважение чем-н., доставить кому-н. удовольствие, выполнив желания*, который содержит основную каузативную сему *оказать* и эмотивную сему *уважение*. Таким образом, общая формула толкования русского каузативного глагола *уважить*: «X каузирует Y испытывать эмоциональное состояние уважения Z нейтральной степени».

Более высокая степень интенсивности испытываемого чувства уважения выражается глаголами почитания, так как почитание имеет значение (*книжн.*) *глубокое уважение, испытываемое или проявляемое по отношению к кому-чем-н.* К ним относятся следующие лексические единицы: *hochachten* ‘глубоко уважать’ в немецком, *to honour* ‘почитать’ в английском, *читать* в русском языках со значением *относиться к кому-л. с глубоким уважением, любовью, выказывая уважение кому-л.*, которое содержит глагольную сему *относиться* и эмотивную сему *уважением* и дополнительную сему *глубоким*, указывающая на интенсификацию испытываемого эмоционального состояния. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние уважения Z более высокой степени».

2.3 Семантическая группа глаголов радости

К исходным глаголам данной семантической группы относятся немецкий глагол *sich freuen* ‘радоваться’ и русские глаголы *радоваться, порадоваться*, значение которых *sich froh fühlen, Freude empfinden* ‘чувствовать себя радостным, испытывать радость’, содержащее основную глагольную сему *empfinden* и эмотивную сему *Freude*. Таким образом, общая формула толкования данных исходных глаголов: «X испытывает эмоциональное состояние радости Z». В английском языке употребляется глагол *to rejoice* ‘радоваться’, но со значением *to feel or show great happiness about something* ‘чувствовать или демонстрировать большое счастье по поводу чего-либо’, содержащее эмотивную сему *great happiness*, которая подчеркивает глубину испытываемого эмоционального состояния радости, а дополнительная сема *great* указывает на интенсификацию чувства. Таким образом, общая формула толкования данных каузативных глаголов: «X испытывает по отношению к Y эмоциональное состояние любви Z более высокой степени».

К инхоативным глаголам данной семантической группы относятся *sich erfreuen* ‘обрадоваться’ в немецком и *обрадоваться* в русском языках, имеющие значение *испытать, почувствовать радость*, которое содержит сему начинательности *почувствовать* (т. е. *начать ощущать что-либо*) и эмотивную сему *радость*. Таким образом, общая формула толкования данных инхоативных глаголов: «X начинает испытывать эмоциональное состояние радости Z».

К каузативным глаголам данной группы относятся *freuen* ‘радовать’ в немецком, глагол *to gladden* ‘радовать’ в английском и *радовать* в русском языках со значением *jemandem Freude bereiten* ‘доставить кому-либо радость’ [Duden], которое содержат основную каузативную сему *bereiten*, а также эмотивную сему *Freude* например:

(5) нем. *Lebendige, fröhliche oder gebrochene Farbigkeit erfreut das Auge...* ‘Яркая, веселая или смешанная цветовая гамма радует глаз... [4].

(6) англ. *But to seaward, open water-leads gladden us in every direction* ‘Но проходы с открытой водой между льдами радуют нас по пути к морю в каждом направлении’ [5].

В примере (5) Каузатором приведения в состояние радости Экспериенцера *das Auge* является Причина *Farbigkeit*. В примере (6) Каузатором смены эмоционального состояния Экспериенцера *us* выступает Причина *open water-leads*. Рассмотренные значения и примеры свидетельствуют о том, что у глаголов *freuen, to gladden, радовать* отсутствуют дополнительные семы. Таким образом, их общая формула толкования: «X каузирует Y испытывать эмоциональное состояние радости Z».

В немецком языке *überraschen* имеет семантику: *jmdm. mit etw. eine unerwartete Freude bereiten* ‘доставить кому-либо чем-либо неожиданную радость’, где каузативная сема – *bereiten*, эмотивная сема – *Freude*. Дополнительная сема *unerwartete* указывает на интенсификацию эмоционального состояния радости у Экспериенцера, например:

(7) нем. *... gesellte sich der Nikolaus in Person von Fred Hahn auf den Weihnachtsmarkt und überraschte die kleinen Besucher* ‘... Николай в лице Фреда Хана присоединился к рождественской ярмарке и удивил маленьких посетителей’ [4].

В примере (33) Каузатором смены эмоционального состояния выступает Агнс *der Nikolaus in Person von Fred Hahn*. Внезапное (исходя из значения глагола *überraschen*) появление Фреда Хана в образе святого Николая на рождественской ярмарке каузировало у Экспериенцера *die kleinen Besucher*, под которым понимаются маленькие дети, эмоциональное состояние радости высокой степени. По степени интенсивности каузируемого чувства глагол *überraschen* находится на уровень выше глаголов *erfreuen* и *freuen*, поэтому его формула толкования: «X каузирует Y испытывать эмоциональное состояние радости Z более высокой степени».

3. Подводя итог, можно сделать следующие **выводы**:

3.1 Семантическая классификация ГПО в немецком, английском и русском языках включает 3 семантические группы: глаголы эмоционального состояния «Любовь»,

«Уважение» и «Радость» с разделением первых двух групп на подгруппы по степени интенсивности испытываемого чувства: более низкая, нейтральная, более высокая.

3.2 Данные табл. 1. (см. выше) показывают, что как в немецком, так и в русском языках группа глаголов выражения эмоционального состояния «любовь» является самой продуктивной (14 единиц на русском и 7 единиц на немецком языке). Наименее продуктивной оказалась семантическая группа глаголов эмоционального состояния «Радость» в английском языке (2 единицы). В целом можно утверждать, что высокая продуктивность именно семантической группы глаголов эмоционального состояния «Любовь», объясняется наличием широкого синонимического ряда как в немецком, так и в русском языке, так как помимо стилистически нейтральных единиц, в выборку включены единицы со стилистическими пометами (ср. нем *sich verknallen* ‘сильно влюбиться’ и аналогично русс. *втрескаться*), а также активно используются словообразовательные средства (в особенности приставки). В русском языке это также объясняется наличием широкого синонимического ряда, связанным с выделением у глагола категория вида: совершенный и несовершенный.

3.3. В каждой семантической группе и подгруппе встречаются глаголы с исходным значением. Различия проявляются в наличии инхоативных и каузативных глаголов в той или иной группе и подгруппе. Например, в ходе выборки ни в одном из исследуемых языков не были обнаружены каузативные глаголы, которые выражали бы более высокую степень интенсивности испытываемого чувства любви, имея в своих значениях эмотивную сему *любовь* или *влечение*. Исходные глаголы *sich freuen*, *радоваться*, *порадоваться* и инхоативные глаголы *sich erfreuen*, *обрадоваться* являются единственными лексическими единицами, в значении которых не выделяется объект, по отношению к которому субъект испытывал бы чувства, потому как он сам является Экспериенцером.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фахарова, Г. Р. Особенности функционирования глагольных форм в языке произведений И.А. Бунина [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.01 / Г. Р. Фахарова. – Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2013. – 23 с.
2. Wierzbicka, A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals [Text] / A. Wierzbicka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 349 p.
3. Харитончик, З. А. В поисках сущности имен. Избранное: сб. науч. ст. [Текст] / З. А. Харитончик ; Минский гос. лингвист. ун-т. - Минск : МГЛУ, 2015. – 252 с.
4. Deutsches Referenzkorpus [Electronic resource]. – URL.: <https://www.owid.de> (дата обращения: 05.02.2024).
5. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus [Electronic resource]. – URL.: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 05.02.2024).
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 05.02.2024).
7. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике [Текст] / В. Д. Калиущенко // Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12 / под ред. Л. Н. Ягуновой. – Донецк: ДонНУ. – 2016. – 281 с.
8. Зализняк, А.А. Введение в русскую аспектологию [Текст] / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М., 2000. – 226 с. – (Studia Philologica).

VERBS EXPRESSING A POSITIVE ATTITUDE IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN

Annotation. Annotation. This article discusses the verbs of positive attitude in German, English and Russian. A comparative semantic analysis of the studied lexical units was carried out; their classification by semantic feature into thematic groups was carried out, followed by the allocation of their features.

Keywords: positive attitude verb, inchoative verb, causative verb, semantic analysis, interpretation formula.

Milokhin Y. I.

Scientific adviser: Kaliushchenko V. D., Ph. D., professor

Donetsk State University

E-mail: yevgeniy.milokhin@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Михайловская А. В.

*Научный руководитель: Никулина И. Н., канд. филол. наук., доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «термин», изучаются особенности морфологического, синтактико-морфологического и синтаксического способов терминообразования в английском и русском языках – аффиксация, в частности префиксация и суффиксация, сокращения, аббревиация, многокомпонентные термины. Выявляются наиболее продуктивные модели, с помощью которых образуются военные термины.

Ключевые слова: военная терминология, способы терминообразования: морфологический, синтактико-морфологический, синтаксический.

В лингвистике «термин» означает «слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, используемое в науке, технике, искусстве» [1, с. 40].

Актуальность исследования обусловлена важностью термина в системе языковых единиц, изучением структурно-семантических особенностей военного термина в современном английском и русском языках и недостаточной исследованностью в данной сфере. В современной геополитической ситуации в мире возрастает роль армии, а соответственно возрастает и востребованность специалистов, работающих в этой сфере.

Объектом исследования в данной статье выступают терминологические модели в военной сфере английского и русского языках.

Предметом исследования являются способы образования военной терминологии в английском и русском языках.

Цель исследования заключается в выявлении и описание сходств и различий образования военных терминов в английском и русском языках, структурно-семантических особенностей терминов в английской и русской военных сферах и их семантических изменений.

Военная терминология английского и русского языков представлена четырьмя частями речи: существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Преобладают имена существительные (363 ТЕ: 93%) в английском языке и (402 ТЕ: 85%) в русском языке).

В процессе исследования, было отмечено, что морфологический, синтактико-морфологический и синтаксический способы терминообразования достаточно активно используется в терминосистеме военного дела. Синтактико-морфологический способ словообразования образуется представлен существительными, которые входят в синтаксическую связь, и образуют новый термин. Синтаксический способ терминообразования основан на изменении синтаксической структуры предложения или словосочетания [2, с. 123].

Морфологический способ терминообразования предполагает создание новых терминов, в основе которого лежит изменение морфемного состава слова [3].

Аффиксация – это вид морфологического терминообразования, в результате которого новые терминологические единицы при помощи словообразовательных аффиксов [4, с. 2].

Префиксация – это способ образования новых терминов путём присоединения к производящему префикса (приставки). Для этого способа характерно, что префикс присоединяется не к основе слова, а к целому слову. Производные принадлежат к той же части речи, что и производящие [4, с. 4].

Продуктивными префиксами в английском языке являются: *inter-* (29 ТЕ: 8%); *over-* (25 ТЕ: 7%); *non-* (18 ТЕ: 5%): *interactional*, (способный к действию, влиянию друг на друга); *interference*, (чинить препятствия, оказывать противодействие); *override*, (система переключения управления); *overcast*, (облачность) *noncombatant*, (военнослужащий, не принимающий непосредственного участия в боевых действиях); *nondirectional*, (ненаправленная (антенна)). В русском языке самыми продуктивными являются: *сверх-* (32 ТЕ: 5%), *контр-* (28 ТЕ: 7%), *анти-* (28 ТЕ: 7%), *противо-* (24 ТЕ: 6%): *сверхзвуковой*, *сверхдержава*; *контрразведка*, *контратака*; *антирадар*, *антитеррор*; *противоракета*, *противогаз*.

Суффиксация – это способ образования новых терминов путём присоединения к производящей основе суффиксов. В отличие от префиксации, не влияющей на лексико-грамматическую принадлежность термина, с помощью суффиксация могут быть образованы термины, относящиеся к другой части речи (Бюро переводов Фларус).

В процессе исследования были установлены наиболее продуктивные суффиксы в английском языке: *-ing* (29 ТЕ: 8%), *-age* (14 ТЕ: 4%), *-al* (14 ТЕ: 4%); *anchoring*, (постановка на якорь); *bearing*, (пеленг); *anchorage*, (якорная стоянка); *moorage*, (место причала; место стоянки судна); *arrival* (прибытие (судна), приход (волны)); *withdrawal* (отвод войск). Продуктивными суффиксами в русском языке являются: *-н-* (36 ТЕ: 9%); *-чик* (32 ТЕ: 8%), *-щик* (32 ТЕ: 8%): *пехотный*, *пулемётный*, *ротный*; *прокатчик*, *пулемётчик*; *бомбардировщик*, *бронбойщик*.

Синтактико-морфологический способ словообразования.

Сокращение является достаточно востребованным способом морфологического словообразования в английской военной лексике. При этом происходит сокращение (отпадение) некоторой части звуковой оболочки или графической формы слова [Коровушкин, 1990].

Различаются следующие основные виды сокращений слов путём усечения основ в английском языке:

1. усечение начала слова: *(heli)copter*; *(para)chute*;
2. усечение середины слова: *arty(artillery)*;
3. усечение конца слова: *demob(ilize)*; *frag(ment)*; *heli(copter)*; *prop(eller)*.

Возможны различные комбинированные варианты этих видов, например, *medico* (*medical officer*), *nukes* (*nuclear weapons*), *pentomic* (*penta + atomic*), *radome* (*radar + dome*), *siwa* (*side winder*).

Особое место занимают сложносокращенные слова типа: *A-bag* (*assault bag*), *A-bomb* (*atomic bomb*).

При образовании военных терминов в русском языке способ сокращения при помощи усечения слов используется реже: *гв.* (*гвардейский*), *сев.* (*северный*), *южн.* (*южный*), *компл.* (*комплект*), *запр.* (*заправка*).

Однако часто используются различные виды аббревиации:

1) инициальные аббревиатуры, в которых используется лишь начальные буквы исходных слов:

англ.: *HALO* – *high altitude low opening*, *МОАВ* – *Massive Ordnance Airburst Bomb*.
русск.: *БО* – *биологическое оружие*, *ВКП* – *воздушный командный пункт*.

2) аббревиатуры, в которых используются и первые буквы в сложных словах:
англ.: *AWOL* – *absent without leave*, *HEAT* – *high explosive anti-tank*;
русск.: *ВТО* – *высокоточное оружие*, *КПП* – *контрольно-пропускной пункт*.

3) аббревиатуры, в которых указывается первая буква термина-словосочетания и опускаются союзы:

англ.: *НОТ* – *high subsonic, optically guided, tube fire*.

русск.: *БТВ* – *бронетанковая техника и вооружение*, *АСУНО* – *автоматизированная система управления наведением и огнём*.

Синтаксический способ терминообразования.

Термины могут отличаться друг от друга по количеству компонентов. В процессе исследования были выявлены многокомпонентные термины. К ним относятся терминологические единицы, образованные путём сочетания нескольких лексических единиц в словосочетание.

1) двухкомпонентные термины, образованные по моделям:

а) Adj+N:

англ.: *territorial waters* (территориальные воды); *neutral territory* (нейтральная территория); *naval forces* (военно-морские силы); *cyber weapon* (кибероружие).

русс.: *танковый полк*; *авиационный кластер*; *морской флот*.

б) N+N:

англ.: *breakaway states* (отколовшиеся государства); *border patrol* (пограничная служба); *party to the conflict* (сторона в конфликте); *command and control* (командование и контроль).

русс.: *средство защиты*; *база армии*; *техника связи*.

в) Prt.+N:

англ.: *protected civilians* (защищенные гражданские лица); *deployed troops* (размещенные войска); *deployed artillery* (размещенная артиллерия).

русс.: *отдаляющийся поддон*; *атакующий отряд*; *огражденная зона*.

г) Adj+Abr:

англ.: *Customary IHL* (*international humanitarian law*) (международное гуманитарное право); *Strategic SAM* (*Surface-to-air missile*) (стратегический ЗРК (зенитно-ракетный комплекс));

русс.: *стратегический ПРО* (*стратегическая противоракетная оборона*); *тактический РЛС* (*тактическая радиолокационная система*).

2) трёхкомпонентные термины:

а) Adj+N+N:

англ.: *civilian population centres* (центры гражданского населения); *rapid reaction unit* (группа быстрого реагирования);

русс.: *артиллерийский огонь по объекту*; *артиллерийская подготовка наступления*.

б) N+N+N:

англ.: *shore relay station* (береговая ретрансляционная станция); *air defence radar* (радар противовоздушной обороны);

русс.: *система управления огнём*; *силы обеспечения безопасности*; *заместитель командира корпуса*.

в) Adj+Adj+N:

англ.: *non-international armed conflict* (немеждународный вооруженный конфликт); *lawful military objective* (законная военная цель);

русс.: *многоцелевой пехотный броневладелец*; *лёгкий пехотный миномёт*; *реактивный артиллерийский дивизион*.

г) N+Adj+N:

англ.: *information of military value* (информация, имеющая военное значение); *combat operational data* (оперативные боевые данные);

русс.: *формирования специального назначения*; *начальник оперативно-тактического отдела*; *войска ракетно-космической обороны*.

д) Prt.+Adj+N:

англ.: *organized armed groups* (организованные вооруженные группы); *reconnoitered hostile territory* (разведанная вражеская территория);

русс.: *обстрелянная боевая позиция*; *замаскированный командный пункт*; *уничтоженные вражеские позиции*.

3) четырёхкомпонентные термины:

а) Adj+N+Adj+N:

англ.: *incidental loss of civilian life* (случайные жертвы среди гражданского населения); *airborne reconnaissance surveillance team* (воздушная разведывательно-наблюдательная группа);

русс.: *эффективная эксплуатация военной техники; ракетные войска стратегического назначения; радиотехническая система дальней навигации.*

Таким образом, в английском и русском языках морфологический, синтактико-морфологический и синтаксический способы терминообразования достаточно активно используется в терминосистеме военного дела. Образование военных терминов при путём усечения основ более распространено в английском языке, чем в русском. Модели Prt.+N; Adj+Abr; Prt.+Adj+N чаще используются при образовании военных терминов в английском языке, чем в русском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лейчик, В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина [Текст] / В.М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – №2. – 66 с.
2. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970 – С. 122 – 126.
3. Валиахметова, Ю. А. Аффикация как способ морфологического словообразования английской терминологии таможенного дела [Электронный ресурс] / Ю. А. Валиахметова // Грамота. – 2017. – Режим доступа: <https://clck.ru/33eFLC> (дата обращения: 04.02.2023).
4. Попова, Ю. В. Общее сведение о морфологическом способе словообразования [Электронный ресурс] / Ю. В. Попова // Морфологический способ словообразования. – 2022. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/68eYDX> (дата обращения: 02.02.2023).
5. Суффиксация в английском языке [Электронный ресурс] // Бюро переводов Фларус. – Москва. – Режим доступа: <https://flarus.ru/?smid=364> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Коровушкин В.П. О типологии сокращений в английском и русском военных жаргонах [Текст]. Языковые проблемы подготовки военного специалиста: межвуз. сб. науч. тр. – Череповец, 1990. – С. 83 – 85.
7. Азимов, П.А. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык [Текст] / П.А. Азимов, Ю.Д. Дешериев, Л.Б.Никольский, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер// Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – 3–11 с.
8. Англо-русский военный словарь: ок. 50 000 терминов / сост. Г. А. Судзиловский [и др.]; под общ. ред. Г. А. Судзиловского. – М.: Воениздат, – 1960, – 965 с.
9. Англо-русский военный словарь: ок. 50 000 терминов / под общ. ред. Г. А. Судзиловского. – М.: Воениздат, – 1968. – 1064 с.
10. Англо-русский и русско-английский словарь:ЕСДИ БУДЕТ 150 000 слов и выражений / В. К. Мюллер [и др.]. – М.: Эксмо, – 2014. – 1198 с.

TO THE QUESTION OF METHODS OF TERMINOLOGY FORMATION OF MILITARY TERMS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Annotation. This article discusses the features of morphological, syntactic-morphological and syntactic methods of term formation in English and Russian languages, affixation, in particular prefixation and suffixation, contractions, abbreviation, multi-component terms. The most productive models with the help of which military terms are formed are identified.

Key words: military terminology, methods of terminology formation: morphological, syntactic-morphological, syntactic.

Mikhailovskaya A. V.

Scientific adviser: Nikulina I. N. Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: mikhaylovskaya2002@internet.ru

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ТЕРМИНОЛОГИИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Острянина А. А.

*Научный руководитель: Никулина И. Н., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках. В статье рассматриваются термины-заимствования финансовой сферы в английском и русском языках.

Ключевые слова: финансы, заимствование, термин

На сегодняшний день, в связи с изменениями, происходящими в мире в последние годы, тема финансов стала одной из самых популярных для специалистов и заинтересованных лиц, не имеющих прямого отношения к кредиту, обмену денег и производству. Актуальность данной работы вызвана тем, что финансовые отношения, независимо от государства и его политического и экономического устройства, вступили в новый этап своего развития. Это обусловлено их влиянием на экономику и появлением многоуровневых финансовых систем. На данный момент, деньги – это одни из важнейших орудий косвенного воздействия на людей и общество в целом; а именно: воспроизводство материальных благ, рабочей силы и производственных отношений, что в свою очередь предполагает формирование и перманентное развитие терминологической системы, описывающей все обозначенные процессы.

Цель работы – выявить и изучить особенности заимствования терминов финансовой сферы в английском и русском языке.

Отметим, что понятие «термин» насчитывает огромное количество определений. Эта проблема вызывает интерес у многих философов, филологов и лингвистов, в частности Л. Ольшки, О. Вюстера, П. А. Флоренского, Д. С. Лотте, Б. Н. Головина, В. М. Лейчика, М. Я. Блоха, В. П. Даниленко, К. Я. Авербуха, В. А. Татарина и др. Поэтому в данный момент нет возможности вывести общую формулировку термина, которая охватывала бы его целостность и глубину.

Большинством лингвистов принято такое определение: «Термин – это общепринятое частотное слово (словесный комплекс), характеризующееся единством звукового облика и соотнесенного с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области знания и деятельности, и отличающееся от остальных номинативных единиц системным характером, семантической целостностью, контекстуальной независимостью, моносемантической и стилистической нейтральностью» [3, с. 6].

Благодаря увеличивающимся международным экономическим связям, развитию рыночных отношений и появлению новых понятий, а также технологизации экономических процессов, происходит увеличение фонда терминологии финансовой сферы в английском и русском языках.

Известно, что финансовые отношения зародились в Древнем Риме, Вавилоне или Египте, когда государство стало собирать налоги и дань в денежной форме. Другие же полагают, что это произошло ещё раньше, когда ввели обязательный денежный взнос в религиозные организации [9].

В Киевской Руси развитие финансовых отношений было обусловлено приходом на Русь татаро-монголов, которые требовали уплаты дани драгоценными металлами – золотом, серебром. Ранее же государственные ресурсы формировались за счёт натуральных податей [9].

В Советское время: финансы – денежные ресурсы, сосредоточиваемые в распоряжении советского государства для осуществления его функций по хозяйственно-организационной и культурно-воспитательной работе, охране социалистической собственности и обороне страны [9].

Таким образом, появление финансов и финансовых отношений обусловлены рядом причин: во-первых, ограничение власти монарха после буржуазной революции. В результате переворота возникает общегосударственный фонд денежных средств, единолично пользоваться которым глава государства не может; во-вторых, возникновение целой системы учёта государственных доходов и расходов с определённым составом, структурой и законодательным закреплением; в-третьих, создание и повсеместное распространение налогов в денежной форме. Поскольку ранее доходы государству предоставлялись натуральными податями и трудовыми повинностями.

Становление и развитие финансовых отношений влекло за собой формирование лексического корпуса, способного описать эти отношения.

Так, термин «*finances*» впервые появился в Западной Европе в XVII веке и в переводе на русский означал «платёж в срок». [9].

Одной из особенностей английской финансовой терминологии является высокий уровень заимствования ключевых терминов. В результате количество заимствованных однословных терминов значительно превышает количество исконных. Это явление в основном обусловлено взаимодействием между историей и культурой разных стран, а также непосредственным контактом с бизнесом и обществом. Процесс заимствования элементов из других языков является естественной частью любого языка и действительно неизбежен в современных условиях интернационализации и глобализации.

Распространённость заимствований в английской финансовой терминологии обусловлена в основном историческими факторами. Более половины английской лексики заимствовано из латинского и французского языков. В то время как многие французские слова заимствованы из латыни.

Хотя процесс заимствования иностранных слов в английский язык актуален и сегодня, его интенсивность в последнее время резко снизилась. Однако нельзя сказать, что проникновение иностранных заимствований в английский язык полностью прекратится в будущем, так как на это могут повлиять различные причины и факторы (например, экономические, политические и т. д.).

Основная причина заимствований в английском языке заключается в том, что он является международным языком общения и используется в различных сферах деятельности по всему миру. Используя английский в различных ситуациях, участники коммуникации перенимают фонетические, семантические, грамматические и лексические особенности языка. В результате многократного использования иностранный язык проникает в речь. Важную роль в этом процессе играет процесс интерференции. Таким образом, иностранный язык проникает даже в письменную речь.

Как уже упоминалось, многие английские заимствования финансовой терминологии происходят от латинских или французских. Более того, японский, греческий, итальянский, испанский, немецкий, скандинавский языки также влияют на формирование английской финансовой терминологии.

Существует много терминологических словосочетаний, состоящих из заимствованных слов. Например, *balance analysis* – ‘анализ баланса’ (“*balance*” – лат., “*analysis*” – греч.), *budget deficit* – ‘дефицит бюджета’ (“*budget*”, “*deficit*” – фр.), *account bill* – ‘ведомость бухгалтерского учёта’ (“*account*” – фр., “*bill*” – лат.) [6].

Заимствованные слова из французского языка начали появляться в английском в XI веке [10], а согласно, исследованию Ф. Камба и Х. М. Томаса, около 7000 слов из

французского языка стали частью английского между 1066 и 1458 годами [14]. Сначала французского владычества начали формироваться английские экономические и финансовые термины, такие как «*raw*», «*rent*», «*market*», «*cost*». Например, термин «*price*» произошёл от старофранцузского слова «*prix*», которое означало: 1) стоимость; 2) отличное качество; 3) деньги, заплаченные за что-либо; 4) высокую ценность чего-либо [5].

Термины из французского языка, безусловно, являются наиболее широко используемыми иностранными словами в английском. Известно, что это явление объясняется географической близостью и историческими причинами. Например, многие французские термины закрепились в сфере биржевой торговли: *future(s)* – ‘*фьючерсный контракт*’, ‘*срочный контракт*’ *à la criée* = *openoutcry* – ‘*заключение биржевых сделок в торговом зале биржи голосом и жестом*’, ‘*метод биржевой торговли путём прямого контакта продавца и покупателя*’, ‘*продажа с торгов*’ и т. д. [4]. С точки зрения Ф. Катамба невозможно представить себе английский язык без заимствований из французского. «Было бы достаточно сложно говорить на какую-либо тему даже в течение нескольких минут, не используя слова иностранного происхождения» [11]. Многие другие термины, такие как «*debit*», «*profit*», «*savings*», «*fund*», «*option*», «*cash*», «*charge*», «*budget*» прочно укоренились в английской финансовой сфере.

Различные исследования показали, что многие французские заимствования в английском языке происходят из латыни. Более того, большое количество терминов заимствовано непосредственно из латыни. Поэтому иногда трудно определить, является ли заимствованное слово французским или латинским по происхождению: *relation* – ‘*соотношение*’, которое может иметь как французское (*relation* – ‘*отношение*’, ‘*связь*’), так и латинское происхождение (*relatio* – ‘*отнесение*’). Один из основных финансовых терминов *money* происходит от латинского *moneta* – ‘*деньги*’, ‘*монета*’; *cent* пришло от латинского слова *centi* – ‘*сто*’; а слово *round* – от *pondus* (‘*вес*’, ‘*количество*’) [12].

В английском языке существует множество японских терминов, особенно в финансовом секторе. В основном это связано с ведущим положением Японии в международной торговле. Кроме того, этому способствует и более высокий уровень развития в области электронных и биржевых технологий. Например, *tycoon* ‘*финансовый магнат*’, которое происходит от японского слова *taikun*, [*tie-coon*], первоначально означавшего ‘*великий принц*’. Также слово *keiretsu* – ‘*группа компаний с взаимосвязанными деловыми отношениями и пакетами акций*’. Ещё один термин, который можно привести в качестве примера – это *honcho* ‘*начальник, босс*’ проникло в английский из Америки. Сейчас слово часто упоминается по отношению к политикам, бизнесменам и CEO (Главным исполнительным директорам (амер. Chief Executive Officer)) корпораций.

В английском языке существует ряд терминов, заимствованных из немецкого языка, особенно в области валютных и финансовых операций. Многие из заимствованных из немецкого языка терминов, вошедших в английский биржевой лексикон, имеют военное происхождение [1]. Например, *blitzkrieg tender offer* в биржевой практике обозначает ‘*молниеносное тендерное предложение*’ (тендерное предложение, которое действует непродолжительное время из-за привлекательной цены). Термин *bank* был первоначально заимствован из немецкого языка, и изначально означал ‘*скамью*’, а только потом вошел в обиход, как крупное финансово-кредитное учреждение. Ещё один термин, пришедший из Германии – *ost-politik* ‘*восточная политика*’. В обиходе политиков и бизнесменов давно находится слово *zollverein* ‘*таможенный союз*’, оно давно употребляется в английских словарях иностранных слов.

Одним из наиболее известных примеров заимствования является слово *loan* ‘*заём*’, ‘*кредит*’, которое было введено в английский язык из скандинавских языков в начале XIII -го века.

На формирование финансовой терминологии в английском языке большое влияние оказали заимствования из французского языка, который широко используется в коммерции и в сфере бухгалтерского учёта. Заимствования из латинского языка играют важную роль в формировании юридических терминов, используемых в финансовой сфере. Японские заимствования повлияли на терминологию, используемую в техническом и рыночном анализе.

В терминологии финансов русского языка заимствованные понятия нашли особенно широкое распространение в последние годы в следствие социально-экономических изменений в стране.

В русский язык входит множество терминов англо-американского происхождения. Появление таких слов обусловлено необходимостью наименования новых процессов и явлений, так как в русском языке отсутствуют аналогичные понятия. Например, фьючерс (от англ. *futures*) – это обязательство купить или продать определённый актив (базисный) по определённой цене в определённую дату в будущем; дилер (от англ. *dealer*) – биржевой торговец, заключающий сделки за собственный счет; холдинг (от англ. *holding – to hold*) – компания, держащая пакеты акций ряда предприятий; промоутер (от англ. *promoter – to promote*) – представитель компании по сбыту, который поддерживает имидж фирмы, отвечает за продвижение проектов фирмы, продвигает для продажи все производимые фирмами товары, работает с сетью магазинов, содействует продажам товара.

Много терминов заимствованы из итальянского языка. Впервые, слова итальянского происхождения стали появляться в русском языке примерно к XVI в., но не прямо, а через языки-посредники (латинский, польский, немецкий). По мнению Е. С. Лукиной, так происходило потому, что торговые и экономические связи осуществлялись чаще всего через другие страны, поэтому все слова заимствованы опосредованно. XVIII в. связан с деятельностью Петра I, который «прорубил окно в Европу» [8]. Появилось много новых слов и понятий, в том числе и из итальянского языка. Так, например, сегодня мы активно пользуемся такими словами, как банк (от итал. *banco – скамья*); ависта (от итал. *a vista – ‘по предъявлению’*) – надпись на векселе, удостоверяющая, что оплата по этому векселю должна быть произведена по его предъявлению или по истечении определенного; ультимо (от итал. *ultimo – ‘последний, крайний’*) – последний день временного периода, устанавливаемого и качестве срока исполнения заключенной сделки о продаже, поставке, передаче товаров или ценных бумаг; предельный срок исполнения обязательств.; или валюта (от итал. *valuta – ‘монета, бумажные деньги’*) – денежная единица одной страны или групп стран, используемая для измерения величины стоимости товаров, работ, услуг, а также как общепринятое средство платежа и расчетов [15].

Кроме того, немалое количество слов вошло в наш вокабуляр из греческого языка. Отметим, что Киевская Русь вела оживленную торговлю с Византией, и проникновение греческих элементов в русскую лексику началось ещё до принятия христианства на Руси (VI в.) и усилилось под воздействием христианской культуры в связи с крещением киевлян (IX в.) и распространением богослужебных книг, переведённых с греческого языка на старославянский. Например, синдикат (от греч. *syndikos – ‘действующий сообща’*); ипотека (от греч. *hypothekē – ‘залог’*).

Заимствования из латинского языка начали проникать в русскую финансовую терминологию в Петровское время. Больше всего латинских терминов пришло в русский язык в период с XVI по XVIII в. Например, аккредитив (от лат. *accredo – ‘доверяю’*), актив (от лат. *activus – ‘действенный’*), аренда (от лат. *add – ‘при’ + reddo – ‘отдавать назад’*). [7]

Также, следует отметить, что многие термины русского языка были заимствованы из французского. В период царствования Петра I (XVIII в.) французский язык был

неотъемлемой частью российского общества. Многие учебники были написаны на данном языке, и обучение велось на нём же. В целом весь Петербург второй половины XVIII века был средоточием французского языка в России; придворное общество и высшая аристократия тяготела к нему. Отмечается, что в данный период русское дворянство являлось двуязычным, что поддерживалось французским влиянием в разных областях. Так, в обиход вошли слова: тариф (от франц. *tarif* – ‘ставка’), финансы (франц. *finance* – ‘денежные средства’), фонд (от франц. *fond* – ‘основание’), компенсация (от франц. *compensatio*) – возмещение убытков.

Необходимо подчеркнуть, что в английском языке у термина-прототипа есть глагольная форма, а в русский язык переходит только форма существительного.

Например:

англ.: *default – to default* ‘неплатёж, халатность – прекращать платёж’

русс.: *дефолт* ‘неспособность выполнить обязательства по возврату заёмных средств или выплате процентов по ценным бумагам’.

Выводы.

Современная английская и русская финансовые терминологии содержат значительное количество иностранных заимствований. Это обусловлено взаимодействием между историями и культурами разных стран, а также непосредственными деловыми и социальными контактами. Процесс заимствования является естественной частью любого языка и действительно неизбежен в контексте современной интернационализации и глобализации. Именно это объясняет такое обилие иноязычных элементов в словарном составе современного английского языка. Кроме того, английский язык почти на всём протяжении своей истории имел в большей или меньшей степени контакт, а, следовательно, и языковое взаимодействие с разными языками. На формирование финансовой терминологии в английском языке большое влияние оказали заимствования из латыни, французского, японского и немецкого языков. В свою очередь на русский язык оказали влияние английский, французский, латинский, итальянский и другие языки. Также, заимствуемые из английского языка в русский язык слова экономической сферы были, в основном, ранее заимствованы английским языком из других европейских языков (латинского, французского, итальянского и других), лишь некоторые лексические единицы из экономической сферы были исконно английскими. Это объясняется следующими причинами: появление новых экономических явлений в обществе и необходимость в их номенклатуре: ваучер, бизнес. После распада СССР новое правительство взяло за образец западную экономическую систему, поэтому была необходима эффективная интеграция в данный механизм, что способствовало развитию русского языка в финансовой сфере, в том числе за счёт иноязычных терминов. И последняя, но самая распространённая и актуальная причина – это мода. На общем фоне более «престижным» считается употребление иностранного слова вместо русского аналога. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в английском преобладают заимствования из разных языков-доноров, а в русском – непосредственно из английского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГТМСФОиА: Глоссарий терминов по международным стандартам финансовой отчетности и аудита [Текст] / Е. В. Закревская, Т. В. Сергеева и Д. Бескин и др. – 2002, 47с
2. Касьянов В. В. Сопоставительный анализ современной терминологии финансовой деятельности в английском и русском языках: дис. д-ра филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Касьянов Вячеслав Витальевич. – М., 2001. – 260 с.

3. Катышев П. А. Вариативность языковой нормы в текстах официально делового стиля [Электронный ресурс] / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-yazykovoy-normy-v-tekstahofitsialno-delovogo-stilya> (дата обращения: 12.01.2024).
4. Кинчина Е. В. Когнитивные аспекты перевода экономических терминов (на материале русского и английского языков): Автореф. дис...канд. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 23 с.
5. Клементьева Е. В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке / Е. В. Клементьева // ИСОМ. – 2014. – №5. – С. 260–264.
6. Кудокпаке Н. В. Проблема интернационализации термина в словообразовании и функционировании (политические и экономические термины): Автореф. дис. филол. наук. – Москва, 1992. – 143 с.
7. Лейчик В. М. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод: учебное пособие [Текст] / В. М. Лейчик. – М.: Наука, 1990. – 77 с.
8. Лукина Е.С. Лексика итальянского происхождения в русском языке: Автореф. дис. канд. филолог. наук. – М., 2012. – 25 с.
9. Финансы. Денежное обращение. Кредит: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Поляка. - М.: Финансы, ЮНИТИ, 2001. – с. 395.
10. Kaplan Robert B., Baldauf Richard B. Language Planning: From Practice to Theory [Текст] / Robert B. Kaplan, Richard B. Baldauf. – Clevedon: Multilingual Matters, 1997. – 404 с.
11. Loewenthal Marc. The Latin Heart of English: English Vocabulary Practice [Электронный ресурс] / Marc Loewenthal. – 2008. – URL: <https://www.lulu.com/shop/search.ep?keyWords=The+Latin+Heart+of+English%3A+English+Vocabulary+Practice&type=> (дата обращения: 10.02.2024)
12. Magdalena Bielenia-Grajewska. Linguistic Borrowing in the English Language of Economics [Электронный ресурс] / Bielenia-Grajewska Magdalena. – 2009. – URL: <http://journals.openedition.org/lexis/643> (дата обращения: 13.01.2024)
13. Stockwell Robert P., Minkova Donka. English words: history and structure [Текст] / Robert P. Stockwell, Donka Minkova. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 234 с.
14. Thomas Hugh M. The Norman Conquest: England After William the Conqueror [Текст] / Hugh M. Thomas. – Plymouth: Rowman & Littlefield, 2007. – 202 с.
15. АБВУУ Lingvo [Электронный ресурс] / электронный англо-русский, русско-английский словарь – URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 22.01.2024).
16. ТОРД: The Oxford Russian Dictionary [Текст] / англо-русский, русско-английский словарь. – М.: Прогресс академия, 1995. – 1340 с. (дата обращение: 22.01.2024)

FINANCIAL TERMINOLOGY IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Annotation. This research paper dwells on the analysis terminology of terminology of financial activity in English and Russian languages. The article considers the translation of borrowed terms in English and Russian languages.

Key words: finance, borrowing, term,

Ostrianina A. A.

Scientific adviser: Nikulina I. N., department of foreign literature, associate professor
Donetsk State University

E-mail: ostrianinaanastasia@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Просандеева Ю. В.

*Научный руководитель: Осташова О. И., канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу структурных особенностей негативно-оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном драматургическом дискурсе XX века. В статье охарактеризована структура оценочного высказывания в целом, представлена тематическая классификация негативно-оценочных высказываний согласно объекту оценки, описаны особенности языковой репрезентации отрицательной оценки в пьесах английских драматургов XX века.

Ключевые слова: негативно-оценочное высказывание, объект оценки, субъект оценки, оценочный предикат, драматургический дискурс.

1. Введение. Оценка – универсальная категория, свойственная любому языку. Вместе с тем, средства выражения оценочных значений, а также элементов оценочного высказывания для каждого отдельного языка индивидуальны, что вызывает неослабевающий интерес специалистов к исследованию данной категории.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью раскрытия специфики употребления негативно-оценочных высказываний в драматургическом дискурсе и систематизации тенденций в использовании лингвистических средств реализации отрицательной оценки.

Цель данного исследования заключается в установлении и описании особенностей структуры негативно-оценочных высказываний в англоязычном драматургическом дискурсе, а также их тематическая классификация.

Объектом исследования являются негативно-оценочные высказывания в пьесах английских драматургов XX века. Предметом исследования выступают структурные особенности негативно-оценочных высказываний в англоязычном драматургическом дискурсе, их тематическая принадлежность.

Материал исследования составили 462 негативно-оценочных высказывания, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных драматургических произведений начала XX в.

В соответствии с целью были использованы следующие методы исследования: описательный метод, метод сплошной выборки материала, метод контекстуального анализа, метод структурного анализа, метод количественного анализа.

2. Понятие оценочного высказывания, особенности драматургического дискурса

В процессе практической деятельности человек не только воспринимает явления и объекты окружающей действительности, но и выражает свое отношение к ним на основании того, насколько удовлетворены его желания, потребности или цели.

Несмотря на существование множества видов и форм выражения оценки, их объединяет наличие общих структурных компонентов. Так, Е. М. Вольф представляет структуру оценочного высказывания в виде модальной рамки, главными элементами которой являются ее субъект и объект, связанные оценочным предикатом со значением «хорошо/плохо». Оценочный предикат характеризуется рядом признаков («эмотивность», или «оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо», а также «эмоциональность/рациональность», «эффективность») и может быть разнообразно представлен в языке (как отдельными словами, так и семантикой высказывания в целом) [1, с. 11-12].

По мнению Н. Д. Арутюновой, для правильной интерпретации оценочного высказывания необходима информация практически обо всех компонентах контекста, среди которых важнейшую роль играют фактор говорящего и адресата, категория характеризуемого предмета, а также время и коммуникативная цель конкретного речевого акта [2, с. 6].

Таким образом, оценочным высказыванием считается речевое образование, содержащее модальную компоненту, посредством которого субъект выражает свое оценочное отношение к какому-либо объекту действительности в рамках определенной коммуникативной ситуации.

Оценка выступает неотъемлемой частью речевых взаимодействий персонажей драматургического дискурса. По И. П. Зайцевой, характерной чертой драмы является особый подход автора к изображению действительности, а именно его стремление достичь сходства описываемых событий с реальной жизнью, что в значительной степени сказывается и на языковом оформлении пьесы, в частности, композиционно-речевой зоны персонажей [3, с. 673-674].

Ю. С. Старостина и А. А. Харьковская рассматривают драматургический дискурс в качестве стилизованного разговорного дискурса. Воспроизводя разговорную речь, драматург использует типичные конструкции, избегая ненужных, случайных элементов. Следовательно, диалоги драматургических произведений отражают общую употребительность конструкций в сфере живой разговорной речи [4, с. 24].

Воспроизведение в драматургических произведениях живой разговорной речи в ее типической форме дает возможность проанализировать специфику употребления оценочных высказываний в зависимости от особенностей ценностной картины мира конкретного лингвокультурного сообщества в определенный период времени.

3. Субъект оценки в драматургическом дискурсе

Важнейшими элементами оценочной модальной рамки являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом. Субъектом оценки считают конкретизированную языковую личность или группу языковых личностей, выражающих свое отношение к объекту окружающей действительности, опираясь на шкалу оценок и стереотипные представления общества об этом объекте, а также на собственное субъективное представление о нем.

Субъект оценки является индивидуальным, если оценочное суждение принадлежит только одному отдельному индивиду; оценка в таком случае признается субъективно-объективной. В противном случае, если оценку разделяет несколько субъектов речи, объединенных определенными ценностями и стереотипами, субъект оценки будет считаться коллективным, а сама оценка – объективно-субъективной [5, с. 95].

В ходе анализа эмпирического материала были выявлены негативно-оценочные высказывания как с индивидуальным объектом оценки, так и с коллективным, однако, большинство корпуса анализируемого материала (97,8%) составили негативно-оценочные высказывания с индивидуальным субъектом оценки. Преобладание данных высказываний может свидетельствовать о стремлении коммуникантов выразить собственное отношение к объектам окружающей действительности и оценить их, опираясь на личные убеждения и жизненный опыт. Так, в примере “*MRS. BARTHWICK. ...How can you take it so calmly, John? To me it’s simply outrageous.*” [6] сам говорящий выступает субъектом оценки, поскольку выражает собственное оценочное суждение, направленное на конкретную ситуацию. В некоторых случаях, например, при самооценке, субъект и объект оценки могут совпадать: “*Joan: ...I’m rotten at this, you know, Kay. Don’t say I didn’t warn you.*” [7]

Группа высказываний, в которых субъект оценки представляет собой группу лиц (т.е. коллективный субъект), в количественном отношении значительно уступает группе высказываний с индивидуальным субъектом оценки. Примером коллективной оценки

может послужить следующий контекст: “Mrs. C.: ...*Everybody knows how ridiculous they were.*” [7]. В приведённом высказывании субъект оценки представлен местоимением *everybody*, которое указывает на принадлежность оценки группе лиц, разделяющих ценностные ориентиры и стереотипные представления об оцениваемом объекте.

Однако, говорящий не всегда передает только мнение группы посторонних лиц. Нередко автор высказывания является частью коллектива, чье оценочное мнение он выражает. Так, в примере “*Madge: We’re just saying, Mother, that it was absurd for you to keep on living here.*” [7] субъект оценки эксплицируется личным местоимением *we*, указывающим на конкретную группу людей и включающим самого субъекта речи.

Анализируя оценочные высказывания с точки зрения субъекта оценки, необходимо также отметить влияние социолингвистических характеристик участников коммуникации, в частности, гендерного фактора на специфику оценочных высказываний. Негативно-оценочные высказывания, в которых субъектом оценки является женщина преобладают и составляют 65,5% в корпусе материала исследования.

4. Объект оценки в драматургическом дискурсе

Источником возникновения оценки выступает её объект. Объектом оценки является лицо или группа лиц, предмет, явление или событие, которому оценивающий субъект приписывает определенные ценности в процессе акта оценки. Объект оценки, как правило, выражается эксплицитно, что обусловлено стремлением адресанта не допустить недопонимания в процессе коммуникации.

Объект оценки может быть непосредственно репрезентирован в структуре оценочного высказывания с помощью отдельного слова (существительного или местоимения) или присутствовать в контексте, в котором оценочное высказывание функционирует. Так, в примере “*RANDALL [angrily]. ...Her conduct is perfectly scandalous. I assure you, my dear fellow, I haven’t an atom of jealousy in my composition; but she makes herself the talk of every place she goes to by her thoughtlessness.*” [8, с. 570] объект оценки включен в структуру оценочного высказывания и выражен существительным *conduct*.

В случае отсутствия в рамках высказывания слова, называющего или указывающего на объект оценки, он может быть конкретизирован в контексте, например, в предшествующей реплике другого персонажа:

“*Gertrude: Mrs. Cedar has called, ma’am. ...*

Mrs. Ardsley: Tiresome woman. Tell her I’ve just come back from Stanbury and I’m very tired. Say, will she forgive me, but I don’t feel up to seeing anybody to-day.” [9].

Материал исследования продемонстрировал, что объектом оценки негативно-оценочных высказываний в драматургическом дискурсе может являться человек или группа людей, ситуация, абстрактное понятие, место, предмет, период времени или погода (см. Табл. 1).

Таблица 1

Тематическая классификация негативно-оценочных высказываний по объекту оценки

Объект оценки	Кол-во	Кол-во, %
1. Человек	344	74,5
2. Ситуация	92	19,9
3. Абстрактное понятие	9	1,9
4. Место	7	1,5
5. Предмет	4	0,9
6. Период времени	4	0,9
7. Погода	2	0,4
Всего	462	100

Как свидетельствует таблица 1, группа высказываний, в которых негативная оценка субъекта направлена на отдельного человека или группу людей, является наиболее многочисленной и составляет 74,5% от общего количества (344 оценочных высказывания). Преобладание подобных оценочных высказываний в драматургическом дискурсе исследуемого периода свидетельствует о повышенном внимании к личности и различным ее качествам.

Среди данных негативно-оценочных высказываний наиболее продуктивной группой (63,4%) является группа высказываний, посредством которых оценивается поведение человека как процесс его взаимодействия с окружающей средой: *“MAGISTRATE. Your conduct here has been most improper. You give the excuse that you were drunk when you stole the box. I tell you that is no excuse. If you choose to get drunk and break the law afterwards you must take the consequences.”* [7]. Количественное превосходство негативно-оценочных высказываний, характеризующих поведение, может быть следствием как высокой значимости и строгости социальных норм, доминирующих в обществе первой половины XX века, так и желанием говорящего подчеркнуть несоответствие поступков индивида данным нормам и повлиять на него.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на количественные различия, негативной оценке в англоязычном драматургическом дискурсе может подвергаться широкий спектр аспектов действительности, представляющих интерес для участников коммуникации.

3. Предикат оценочного высказывания в драматургическом дискурсе

Неотъемлемой составляющей оценочного высказывания является оценочный предикат, актуализирующий оценочное отношение в процессе коммуникативной ситуации и отражающий специфику оценочного отношения субъекта к объекту. Ведущими средствами реализации оценки являются морфолого-семантические средства, включающие единицы различных частей речи. Вместе с тем, отмечается и совместное использование лексических и грамматических средств, способствующее более полной передаче не только негативного отношения к объекту, но и различных оттенков чувств коммуникантов [4, с. 116].

Анализ материала исследования позволил выделить следующие компоненты оценочного предиката в англоязычном драматургическом дискурсе: (см. Табл. 2).

Таблица 2

Языковые средства выражения оценки в негативно-оценочных высказываниях

№ п/п	Средства	Кол-во	Кол-во, %
I	Морфолого-семантические средства	384	83,1
1	Прилагательное	251	54,3
2	Существительное	63	13,6
3	Глагол	35	7,6
4	Наречие	8	1,7
II	Комбинаторика языковых средств	105	22,7
	<i>Всего</i>	462	100

Из таблицы 2 видно, что ведущими средствами реализации оценки являются морфолого-семантические средства, включающие единицы различных частей речи. Вместе с тем, отмечается и совместное использование лексических и грамматических средств, способствующее более полной передаче не только негативного отношения к объекту, но и различных оттенков чувств коммуникантов.

Морфолого-семантические средства выражения негативной оценки в количественном отношении значительно превышают комбинированные средства. Данная тенденция может свидетельствовать о стремлении коммуникантов использовать

более простые способы выражения оценочного отношения, что способствует передаче спонтанного оценочного суждения говорящим, а также облегчает понимание адресатом в процессе коммуникации.

При анализе корпуса языкового материала было выявлено, что наибольшее количество (54,3%) негативно-оценочных высказываний содержит прилагательное как компонент оценочного предиката. Например: “*LADY UTTERWORD [heart torn]. It is dreadful to think how you have been here all these years while I have gone round the world.*” [8, с. 589]. Наиболее частотными прилагательными, используемыми в репликах персонажей драматургических произведений, являются: *bad, awful, dreadful, ridiculous, cruel, horrible, terrible, silly, absurd, stupid, vulgar*. Необходимо подчеркнуть, что негативно-оценочные прилагательные, функционирующие в драматургическом дискурсе XX в., находятся в рамках литературного языка, несмотря на отличия в степени интенсивности оценочного признака. Это свидетельствует о повышенном внимании участников коммуникации к нормам речевого поведения, принятым в обществе.

Как отмечают Ю. С. Старостина и А. А. Харьковская, такое частотное использование прилагательных с целью выражения отрицательной оценки объясняется в первую очередь характерными особенностями данного класса средств. Лингвисты указывают, что «качественные прилагательные зачастую содержат оценочные семы в своём значении, вследствие этого коммуникантам предоставляется возможность выразить своё негативно-оценочное отношение к собеседнику, третьему лицу или какому-либо явлению с помощью одной лексической единицы с отрицательной коннотацией».

Необходимо отметить, что для выражения отрицательного отношения к объекту действительности говорящий может использовать не только морфолого-семантические средства, но и комбинировать различные лексические и грамматические средства. Данный способ выражения дает возможность усилить или смягчить негативную оценку, передать оттенки своих чувств [4, с. 72-73].

Вариантами комбинаторики лексических и грамматических средств в англоязычном драматургическом дискурсе также может выступать использование слова с негативно-оценочным значением внутри повелительного наклонения – например: “*Robin (noisily): Don't be silly.*”, а также внутри вопросительного предложения, что можно продемонстрировать следующим примером: “*Gwen: ... What good can he be to you? How can you be so stupid?*”. Последние два типа высказываний относят к косвенным речевым актам, поскольку негативно-оценочное отношение передаётся здесь в форме приказа или вопроса [4, с. 103-104].

Исходя из анализа языкового материала, представляется возможным сделать вывод, что существуют различные способы актуализации негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе, самым распространенным из которых является использование морфолого-семантических средств, а именно прилагательных (54,3%) в качестве оценочного предиката. Необходимо подчеркнуть также возможность корректирования интенсивности оценочного признака с помощью вспомогательных средств: интенсификаторов и деинтенсификаторов.

Выводы. В процессе исследования описана структура оценочного высказывания, в состав которого входят субъект оценки, объект оценки, оценочный предикат, а также шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящего. Как показал анализ языкового материала, группа высказываний, объектом оценки которых выступает человек и его отдельные характеристики, такие как характер, поведение, знания и умения, является наиболее продуктивной. В процессе исследования было также установлено, что большинство негативно-оценочных высказываний имеет индивидуальным субъектом (97,8%). Более того, субъектом негативной оценки женщина является чаще, чем мужчина.

Также, представилось возможным отметить, что существуют различные способы актуализации негативной оценки в англоязычном драматическом дискурсе: морфолого-семантические средства и комбинирование языковых средств. Наиболее продуктивными средствами выражения оценочного предиката оказались прилагательные (54,3%).

В результате проведённой работы удалось прийти к выводу, что исследование негативно-оценочных высказываний в англоязычном драматургическом дискурсе позволяет раскрыть тенденции в использовании лингвистических средств отрицательной оценки в зависимости от социальных и психологических установок определенного исторического периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Зайцева, И. П. О своеобразии проявления эстетической функции в современном драматургическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – №. 3. – С. 673-686.
4. Старостина Ю. С., Харьковская А. А. Динамика негативной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе: монография. – Прага: Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – 140 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – 2-е изд., перераб., Москва; Дубна: Высш. шк., 1996. – 381 с.
6. Priestley J. V. Time and the Conways. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.531481/mode/2up> (Дата обращения 12.10.2022)
7. Galsworthy J. The Silver Box. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/2906/2906-h/2906-h.htm> (Дата обращения 12.10.2022)
8. Shaw B. The Heartbreak House // Complete Plays with Prefaces: In 6 v., New York: Dodd, Mead & Company, 1963. – Vol. I. – Pp. 447-598.
9. Maugham W. S. For Services Rendered. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.125970/page/n501/mode/2up> (Дата обращения 12.10.2022)

PECULIARITIES OF NEGATIVE-EVALUATIVE UTTERANCES IN THE ENGLISH DRAMA DISCOURSE OF THE 20th CENTURY

Annotation. The article is devoted to the analysis of the structural features of negative-evaluative utterances functioning in the English drama discourse of the 20th century. In the article the structure of an evaluative utterance in general is characterized, a thematic classification of negative-evaluative utterances according to the evaluative object is presented, and the features of the linguistic representation of negative evaluation in the plays of English playwrights of the 20th century are described.

Key words: negative-evaluative utterance, evaluative object, evaluative subject, evaluative predicate, drama discourse.

Prosandeyeva Yu. V.

Scientific adviser: Ostashova O. I., Candidate of Philology, associate professor

Donetsk State University

E-mail: julia.prosandeyeva@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Пузакова М. Д.

*Научный руководитель: Басыров Ш. Р., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В статье исследуются способы перевода немецких фразеологических единиц, обозначающих психоэмоциональное состояние человека, на русский язык. Рассматриваются эквивалентный, описательный и трансформационный способы перевода, устанавливается их частотность.

Ключевые слова: фразеологическая единица, психоэмоциональное состояние, эквивалентный перевод, описательный перевод, трансформационный перевод

1. Введение. Настоящая работа посвящена исследованию способов перевода немецких фразеологических единиц (ФЕ), обозначающих психоэмоциональное состояние человека, на русский язык.

Актуальность темы исследования определяется значительным ростом межкультурной коммуникации. Человечество имеет единое происхождение, поэтому такая исследуемая категория как психическое и эмоциональное состояние человека носит универсальный характер. Носители разных языков наследуют наряду с национально-специфическими чертами также универсальные (общечеловеческие), благодаря которым, возможны общение и взаимопонимание между представителями разных лингвокультур. Выбор данной темы для исследования обусловлен также тем, что данные ФЕ образуют репрезентативную группу во фразеологическом и паремийном фонде любого языка и позволяют выявить общие и специфические черты в антропоцентрической сфере языка. Отдельного внимания заслуживают также изучение сопоставительного и переводческого аспектов изучения названной фразеосемантической группы языковых единиц.

Целью работы является исследование способов перевода немецких ФЕ, обозначающих психоэмоциональное состояние, на русский язык.

Эмпирическим материалом работы являются немецкие ФЕ, характеризующие психоэмоциональное состояния человека общим объёмом 601 единицу (нем. - 301 ФЕ, рус. - 300 ФЕ), полученные путём сплошной выборки из одноязычных и двуязычных фразеологических, тематических и толковых словарей («Большой немецко-русский словарь», «Большой энциклопедический словарь», «Большой психологический словарь», «Русско - немецкий и немецко - русский словарь», Мальцева Д. Г. «Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием»)

2. Понятия «фразеологическая единица», её признаки, свойства и типы. Фразеология языка, как никакая другая наука в мире, тесно переплетена с культурой народа, говорящего на языке изучаемых фразеологизмов, его историей и традициями. Особое значение приобретает изучение фразеологии языков со сравнительной точки зрения. Исследование такого рода позволяет выявить сходные и отличительные черты во фразеологии конкретного языка, уточнить фразеологические особенности, а также выявить аналоги отдельных фраз в изучаемом языке.

Фразеологический оборот – «это такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве воспроизводимой языковой единицы или возникло в русском языке, или унаследовано из более древнего языка – источника» (Виноградов 1972: 221)

Согласно исследованиям В.В. Виноградова, различая три степени семантической слитности сочетаний слов, учёный выделяет фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания (Виноградов 1972: 240).

Широкое понимание фразеологии также представлено и в работе А. И. Ефимова. Автор утверждает, что к фразеологическим средствам языка относятся не только идиомы, но и поговорки, пословицы, афоризмы писателей, крылатые строки стихотворений, устойчивые формулы и обороты научно-терминологического характера, некоторые канцелярские штампы, производственно-технические выражения и т. д. (Ефимов 1971: 322).

Во фразеологических единицах замена слов невозможна, и одно слово зависит от другого. Фразы создаются в речи и требуют запоминания, а отличием фразеологизмов от обычных слов является ударение, отдельная форма и целостность семантики.

Использование ФЕ, пословиц и поговорок делает речь оратора более полной и красноречивой.

Большинство фразеологизмов допускают свободную замену лексики и грамматических форм в абсолютно любых пределах, допускаемых общими правилами языка, то есть образуют, казалось бы, бесконечную цепочку "родственных" фраз, которые легко переходят друг в друга по общим правилам и языка грамматических изменений и лексических замен на новые в соответствии с тем смыслом, который необходимо выразить.

Для изучающих иностранный язык набор выражений, пословиц и поговорок является одним из самых сложных этапов обучения. Это связано с тем, что вероятность формирования устойчивого выражения путем свободного выбора слов и их сочетания в соответствии со всеми грамматическими правилами крайне мала. Вариативность лексического состава и грамматической структуры фразеологических единиц данного типа значительно ограничена, а количество ограничений в разных группах фразеологических единиц сильно варьируется.

3. Способы перевода немецких ФЕ, обозначающих психоэмоциональное состояние, на русский язык

Анализ специальной литературы по проблемам перевода (Влахов, Флорин, 2009; Бреус, Дементьев, Сладковская, 1987) позволил выделить в эмпирическом материале следующие основные способы перевода немецких ФЕ на русский язык

3.1 Эквивалентный перевод

Эквивалентный перевод фразеологизма предполагает, что ФЕ в языке перевода во всех отношениях эквивалентна единице языка-источника, т.е. независимо от контекста она должна иметь одинаковые денотативные и коннотативные значения. Иными словами, между коррелирующими фразеологическими единицами не должно быть различий по семантике, стилистической отнесенности, метафоричности, эмоционально-экспрессивной окраске. Сравнимые ФЕ должны иметь примерно одинаковый компонентный состав и обладать сходной лексико-грамматической сочетаемостью (например, в отношении одушевленности/неодушевленности), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, связью с контекстуальными словами. Например:

(1) *Nimm dir diese Situation nicht zu Herzen* - Не бери ситуацию близко к сердцу; *Ich nehme mir alles zu Herzen* - Я всё близко принимаю к сердцу; *Seine Entlassung haben wir uns zu Herzen genommen* - Его увольнение мы приняли близко к сердцу.

(2) *Er ist so wütend, dass er anfangen wird, Blitz und Donner zu schleudern* - Он так зол, что вот-вот начнёт метать молнии и гром

(3) *Ich stimme Ihnen zu: Einer von uns muss vom Teufel besessen sein* - Я согласен с вами: один из нас должен быть одержим дьяволом; *Es ist absolut unmöglich, dass ein*

Säugling vom Teufel besessen ist- Абсолютно невозможно, чтобы младенец был одержим дьяволом.

(4) *Ich habe keinen Nerven für diesen Auftrag zu erledigen* - У меня нет никаких нервов, чтобы выполнять эту работу;

3.2. Описательный перевод

При описательном переводе фразеологизма имеет место его интерпретация, так как в языке перевода отсутствует его эквивалент. В этом случае при трансляции немецкой ФЕ используются другие языковые средства (часто нефразеологического типа – слова, свободные словосочетания и т.п.), позволяющие передать ее, иногда также используются устойчивые выражения, но отличающиеся от немецкого фразеологизма своим лексическим составом и/или образностью. Например:

(5) *Ja, aber ich habe kalte Füße gekriegt, weil ich noch nicht bereit war* - Но я струсил (в немецком : букв. получил холодные ноги), потому что не был готов

В примере (5) исходный немецкий фразеологизм *kalte Füße kriegen* переведен однословной языковой единицей, а именно: глаголом *струснуть*

Приведем другие примеры описательного перевода:

(6) *Als ich am nächsten Morgen sah, wie meine schönen Blumbeete zertreten waren, hätte ich alles in Klumpen hauen können* Когда я на следующее утро увидел, что мои прекрасные клумбы растоптаны, я готов был рвать и метать

(7) *Er ist außer Rand und Band* - Он как с цепи сорвался. В приведённых выше примерах (6) и (7) имеет место полное несоответствие фразеологических образов в исходном языке и в языке перевода, Так, немецкий фразеологизм (6) *alles in Klumpen hauen*, буквально означающий «разбить на куски», переведён на русский язык фразеологизмом с иным образом - «рвать и метать». Аналогичная ситуация представлена и в примере (7), где для трансляции немецкой идиомы *außer Rand und Band* (букв. быть за краем и лентой) переводчик использует фразеологизм с образом разъярённой собаки *сорваться с цепи*.

Добавим, что немецкие ФЕ в примерах (6), (7) и их русские соответствия передают адекватно возбужденное психо-эмоциональное состояние субъекта.

3.3. Трансформационный перевод

Трансформационный перевод связан с определенными лексико-семантическими преобразованиями исходной (переводимой) языковой единицы. Данные трансформации заключаются, в частности, в следующем:

1) добавление/замена отдельных слов, например:

(8) *Und das würde mich zu Tode erschrecken*. И мне было бы страшно до чёртиков (в немецком букв. запугать до смерти)

(9) *Fallen Sie nicht auf seine Provokationen herein, er versucht, uns mit Schreckpistolen schießen!* - Не поддавайтесь на его провокации, он пытается нас запугать! (в немецком букв. застрелить из запугивающего пистолета);

2) опущение отдельных лексических элементов:

(10) *Sie war so erschöpft, dass ihre Knie weich wurden und sie in meinen Armen schlaff wurde* - Она была настолько измотана, что у неё ослабели колени (в немецком букв. колени стали мягкими) и она обмякла у меня на руках.

3) фразеологическая замена, т.е. использование в языке перевода иного фразеологизма (с другим фразеологическим образом), но с сохранением фразеологического значения, например:

(11) *Um es mit einem Idiom der Menschen zu sagen: Da bekomme ich Gänsehaut* - Как говорят люди, аж мороз по коже (в немецком букв. получаю гусиную кожу);

(12) *Ich kriege Gänsehaut, wenn ich einen Horrorfilm schaue* - У меня мурашки по коже (в немецком букв. получаю гусиную кожу), когда я смотрю фильм ужасов

Выводы

В ходе исследования немецких фразеологизмов, обозначающих психоэмоциональное состояние человека, выявлено три основных способа их перевода на русский язык: эквивалентный, описательный и трансформационный способы. Большинство немецких ФЕ со значением психоэмоционального состояния переводятся на русский язык эквивалентным способом. Относительно частотным является также трансформационный перевод с заменой, опущением или добавлением отдельных компонентов, а также с использованием в языке перевода другого фразеологического образа.

Перевод фразеологизмов – очень важная и в то же время сложная задача для любого переводчика. На этот факт влияют особенности национального восприятия, колорита, расхождения в понятиях и представлениях разных народов. Эти факторы создают множество сложных ситуаций и трудностей при переводе.

Фразеология немецкого и русского языков развивается по-разному. Она подвержена различным воздействиям. Это объясняется тем, что языки принадлежат к разным группам, а страны географически удалены друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой немецко-русский словарь. В 3 т. / авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2008. – 3 т.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. а. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2004. – 1456 с.
3. Большой психологический словарь. Под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. -М.: 2004 – 580 с.
4. Русско - немецкий и немецко - русский словарь = Eurowörterbuch / Сост. В. Шенк. - М.: ООО "Издательство астрель": ООО "Издательство АСТ", 2001. - 624 с.
5. Мальцева Д. Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием [Текст] = Die Deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur : Около 1300 фразеологических единиц / Д. Г. Мальцева. - Москва : Азбуковник : Рус. слов., 2002.
6. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: 1977. - 141-161 с.
7. Бреус Е.В., Дементьев а.а., Сладковская Е.Н. Осторожно, - фразеологизм! / Тетради переводчика: Научно - теоретический сборник. Вып.22. / Под ред. С.Ф. Гончаренко. - М.: Высш. шк., 1987. - 160 с.
8. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. - Изд. - 4-е. - М.: "Р. Валент", 2009. - 360 с.
9. Ефимов А.И. История русского литературного языка / а.И. Ефимов. - М.: Высшая школа, 1971. - 322 с.
10. Шанский Н М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов - СПб., 1996. – 192 с.

WAYS OF TRANSLATING GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS INDICATING THE PSYCHOEMOTIONAL STATE OF A PERSON INTO RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. The article studies the ways of translating German phraseological units denoting psychoemotional state of a person into Russian. Equivalent, descriptive and transformational ways of translation are considered, their frequency is established.

Keywords: phraseological unit, psycho-emotional state, equivalent translation, descriptive translation, transformational translation

Puzakova M. D.

Scientific supervisor: Basyrov Sh. R., Doctor of Philology. Sc., professor

Donetsk State University

E-mail: dima.puzakov.81@mail.ru

УДК 811.111

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Селезень Е.А.

*Научный руководитель: Калиущенко В.Д., д-р филол. наук., профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: работа посвящена анализу трансформаций в переводах произведений Антона Павловича Чехова на немецкий язык. При этом оцениваются переводы различных переводчиков, а также определяются нормы и правила, по которым осуществляется перевод.

Ключевые слова: трансформация, антонимический, описательный перевод, деметафоризация, лексическое опущение

Введение.

Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа использования изменений и трансформаций при переводе с одного языка на другой с целью наиболее точной передачи содержания текста на языке оригинала на текст на языке перевода.

Проблематика данной работы заключается в выявлении наиболее приемлемых и часто используемых переводческих трансформаций, применяемых в переводе.

Цель исследования - проанализировать лексические и грамматические трансформации в переводах рассказов А.П. Чехова на немецкий язык.

Задачи работы следующие:

- изучить научную литературу по творчеству А.П. Чехова и по переводу в целом;
- проанализировать наиболее важные классификации грамматических и лексических трансформаций;
- проанализировать варианты перевода рассказов "Скучная история" и "Дама с собачкой" А. П. Чехова на немецкий язык;
- выявить переводческие трансформации, использованные в переводах, и проанализировать их влияние на смысл и содержание произведения;
- сделать выводы о применении всех видов переводческих трансформаций при переводе художественных текстов с русского языка на немецкий.

Объектом исследования в данной работе являются переводческие трансформации, их виды и классификации. Предметом исследования является применение лексических и грамматических трансформаций при переводе рассказов А.П. Чехова "Скучная история" и "Дама с собачкой" с русского языка на немецкий.

Новизна исследования заключается в том, что впервые проанализированы лексические и грамматические трансформации в немецких переводах произведений А. П. Чехова "Скучная история" (перевод Германа Рёля) и "Дама с собачкой" (перевод Александра Элиасберга).

Практическая значимость исследования заключается в возможности его использования в процессе обучения студентов специальности "Перевод и переводоведение".

В работе использован материал, включающий произведения А.П. Чехова "Скучная история" и «Дама с собачкой», их переводы на немецкий язык - "Eine langweilige Geschichte" в переводе Германа Рёля и "Dame mit dem Hündchen" в переводе Александра Элиасберга, - а также 236 и 155 лексических и грамматических трансформаций в каждом из переводов.

1. Переводческие (межъязыковые) трансформации обеспечивают переход от единиц оригинала к единицам перевода [2]. Существуют лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации.

Лингвисты А. М. Фиттерман и Т. Р. Левицкая среди грамматических трансформаций, используемых при переводе, выделяют перестройку предложения (изменение порядка слов в предложении или его структуры), синтаксические и морфологические замены, а также добавления или опущения

Лексические трансформации — это межъязыковые трансформации, которые изменяют лексические единицы языка оригинала в тексте перевода без нахождения соответствующего эквивалента в словаре. В. Н. Комиссаров в своей работе "Теория перевода" [1] различает следующие виды лексических трансформаций: транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (в том числе конкретизация, генерализация и модуляция).

Всего была выявлена 391 переводческая трансформация, большинство из которых являются лексико-грамматическими, что во многих случаях свидетельствует о невозможности разделения трансформаций на определенные языковые разделы. При анализе перевода книги Германа Рёля "Eine langweilige Geschichte" было выявлено 236 переводческих трансформаций. Чаще всего переводчик прибегает к лексическим дополнениям, контекстуальным заменам и экспликациям. При анализе перевода рассказа "Die Dame mit dem Hündchen" на немецкий язык было выявлено 155 переводческих трансформаций. Наиболее часто используемой трансформацией является лексическое дополнение.

2. А.П. Чехов - один из самых изучаемых российских писателей в Германии. Художественный перевод его драматургии на немецкий язык - задача, требующая от переводчика особых усилий. Необходимо не только передать смысловое значение слов, используемых в тексте, но и передать общую идею и мотивы, пронизывающие произведение Чехова, и адаптировать его для немецкого читателя. С 1902 по 1905 год в Германии вышло 42 издания произведений русского писателя. Особое внимание переводчиков привлекли пьесы "Чайка", "Три сестры" и "Дядя Ваня" [3].

Следует отметить, что восприятие Чехова в Германии не было однозначным. Исследователи выделяют три периода интереса к писателю: конец 90-х годов XIX века, первые десять лет после Первой мировой войны и конец Второй мировой войны вплоть до наших дней. Чехова переводили на немецкий язык такие известные переводчики, как И. фон Гюнтер, С. фон Радецкий, Р. Гофман, Г. Ангарова, Г. Дювель, Т. Браш, П. Урбан, П. Брюк, Г. Рель, А. Элиасберг и другие.

Переводы Ангаровой, выполненные в 1947 году, были ближе к разговорному языку. Ей удалось приблизить немецкий текст к оригиналу и сохранить авторскую структуру, а также исторические и культурные реалии. На распространение произведений Чехова в Германии значительное влияние оказал переводчик 1970-х годов Петер Урбан. Именно он добился краткости немецких предложений без ущерба для их смыслового содержания.

Чехов и сегодня заново открывается в Германии. Новые переводы рассказов и пьес писателя выходят примерно каждые 10 лет [6]. Это явление связано с неудовлетворенностью старыми переводами и поиском нового подхода к использованию переводческих трансформаций. По сей день не существует четкой системы критериев для переводов этого автора. Драматургия Чехова на немецком языке имеет долгую историю, но недостатки все же есть. Среди наиболее ярких примеров - отсутствие артистизма, краткость, вольное обращение с оригинальным текстом и неадекватное отображение русских реалий.

3. Александр Элиасберг (1878 - 1924) - немецкий переводчик, выходец из России. Особое место в его творчестве занимают переводы произведений А.П. Чехова - об этом свидетельствует сборник рассказов автора, вышедший в 5 томах. Несмотря на популярность юмористических рассказов, переводчик стремился представить иностранным читателям Чехова как автора серьезных произведений.

Одно из произведений, переведенных А. Элиасбергом, - рассказ "Дама с собачкой". Он утверждал, что "Дама с собачкой" - "...одна из самых прекрасных и самых печальных историй любви в мировой литературе". Элиасберг увидел основной мотив произведения в любовных отношениях героев, а не в мироощущении самого Чехова. Он обращает внимание на темпоральность, но упускает из виду общую ритмическую привязку к этим временным отрезкам. Он часто применяет лексико-грамматическую трансформацию опущения [Таблица 1], удаляя моменты, которые считает лексически пустыми. Индивидуальная драма Чехова в глобальном мире природы трансформируется Элиасбергом в контраст земного и небесного, в который ввинчивается история любви.

Рассказ "Дама с собачкой" был написан А.П. Чеховым в 1899 году. Важнейшей онтологической метафорой в "Даме с маленькой собачкой" является море [5]. Оно часто изображается в моментах сюжетных поворотов (Дмитрий Дмитриевич и Анна Сергеевна встречаются у моря). Чехов подчеркивает связь с вечной природой, с течением времени, которое неподвластно человеку. Об этом свидетельствует частота мотивов природы: "У нее опустились, завяли черты...".

Мотив жизни теряет в переводе свое всеобъемлющее значение и, несмотря на частое употребление, иногда становится частью сложных слов ("Badeleben"- «курортная жизнь», "Doppelleben" – «двойная жизнь»), что обусловлено языковыми структурами немецкого языка. Смена деталей свидетельствует о частой концептуальной замене. Переводя "движение" как "прогресс" (продвижение) и "совершенствование" (совершенствование), переводчик полностью отходит от авторских позиций [5]. Индивидуальная драма Чехова в глобальном мире природы трансформируется Элиасбергом в контраст земного и небесного, в который ввинчивается история любви.

Таблица 1: Примеры лексических трансформаций при переводе рассказа "Дама с собачкой" на немецкий язык

Пример из текста А.П. Чехова на русском языке	Перевод Элиасберга	Дословный перевод на русский язык
«Изменять ей он начал уже давно...»	« <i>Er nahm es mit der ehelichen Treue seit vielen Jahren nicht mehr genau</i> » - <i>antonymische Übersetzung</i>	«Он не был верен своему браку в течение многих лет»
«...теперь же ему было не до рассуждений...»	«... <i>aber jetzt lagen ihm alle Überlegungen fern</i> ...» - <i>Konvertierungstransformation</i>	„...теперь все соображения были далеки от него»
« не писала в письмах ъ»	« <i>schrieb die vereinfachte Reformorthographie</i> » - <i>beschreibende Übersetzung</i>	„...писала по правилам упрощенной реформированной орфографии“
«Его женили рано, когда он был ещё студентом второго курса...»	« <i>Er wurde jung verheiratet, als er noch Student in den ersten Semestern war</i> ...» - <i>kontextuelle Substitution</i>	„Его женили молодым, когда он был студентом первых семестров...»

4. Герман Рёль - немецкий переводчик, который перевёл "Скучную историю" на немецкий язык в 1919 году. Он переводил большое количество произведений русских писателей, в том числе Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других. Переводы Г. Рёля отличаются высоким уровнем эрудиции. Кроме того, переводчик обладал обширными базовыми знаниями - в своих переводах он использовал описания старых русских терминов, давно вышедших из употребления.

Проблема преодоления межъязыковых различий актуальна и для рассказа А.П. Чехова "Скудная история" 1889 года, в котором автор опирается на систему словесных и образных мотивов, в центре которых находятся понятия "скука" и "скудность". В произведении появляются мотивы однообразия жизни и отчуждения. Проникновение этого мотива через весь текст Чехов достигает с помощью лексических повторов. Часто используются слова с основой "обыкновенный" (обыкновенно, обыкновенный, по обыкновению). Ощущение предсказуемой неизбежности, атмосфера фатализма, схожая со сквозной темой рассказа "Дама с собачкой", реализуется автором в данном произведении через наречие "непреренно".

Таблица 2: Примеры лексических трансформаций при переводе рассказа "Eine langweilige Geschichte" на немецкий язык

Пример из текста А.П. Чехова на русском языке	Перевод Рёля	Дословный перевод на русский язык
«Я его не люблю»	« <i>Ich kann ihn nicht leiden.</i> » - <i>antonymische Übersetzung</i>	„Я его терпеть не могу»
«...как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и – пошла писать губерния!»	« <i>so kommen die Sätze in langer Reihe aus meinem Innern herausgeströmt, und nun bin ich im Zuge!</i> » - <i>Demetaphorisierung</i>	“..таким образом, фразы выходят из меня длинной чередой, и вот меня уже понесло!»
«Я холоден, как мороженое, и мне стыдно»	« <i>Ich bin kalt dabei, und darüber schäme ich mich.</i> » - <i>lexikalische Auslassung</i>	„Я холоден к этому. и мне стыдно за это»
«Чудачка, право»	« <i>Eine wunderliche Person bist du, wahrhaftig</i> » - <i>beschreibende Übersetzung</i>	„Ты действительно странная личность“

Наиболее обширной группой трансформаций, как и в случае с переводом "Die Dame mit dem Hündchen", является группа лексико-грамматических трансформаций (203). Что касается грамматических трансформаций, то Г. Рёль использует их 25 раз [Таблица 2]. Наиболее частотной является грамматическая замена (15). Всего в тексте перевода было выявлено 7 лексических трансформаций.

Закключение.

Изучение драматургии Чехова на русском языке и сопоставление с немецкими версиями показало, что в его произведениях присутствуют национальные явления, реалии и культурные реалии, передача которых может представлять серьезную проблему для успешного перевода. Особая сложность перевода произведений А.П. Чехова заключалась в том, что на немецком языке их невозможно сформулировать в лаконичных предложениях. Многие переводчики прибегали к описательному переводу, добавляя сноски и объясняя факты, что делало структуру текста громоздкой в отличие от оригинального произведения.

Сравнив переводы произведений А.П. Чехова на немецкий язык переводчиков Г. Рёля и А. Элиасберга, можно сделать вывод, что Рёлю удалось точнее передать мотивы оригинального произведения, сохранив при этом настроение, мелодичность текста и превысив норму увеличения текста при переводе в допустимом значении (23%). Что касается перевода А. Элиасберга, он, в первую очередь, смещает главный акцент в произведении на тему любви и романтических отношений, что противоречит замыслу оригинального произведения Чехова. Переводчик также нарушает норму увеличения объема текста при переводе с русского на немецкий язык на 50% (при норме 25-30%).

Немецкие чеховеды и театральные критики подчеркивают, что по своему значению Чехов превзошел не только других русских классиков, но и многих западных драматургов. А.П. Чехов и его произведения были и остаются популярными в Германии, его пьесы ставят, а рассказы переводят на немецкий язык. В связи с политической ситуацией последних лет его популярность снизилась, но он по-прежнему узнаваем. Его произведения таковы, что трансформации неизбежны, его мысли редко можно перевести буквально. Поэтому переводческие трансформации - важный инструмент в руках переводчиков, которые хотят донести смысл, метафоры и реалии автора до немецких читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод - М.: Международные отношения, 1975 г.
3. Hielscher K. «Aber die Wege, die ich gebahnt habe, bleiben heil und unversehrt...» Aktuelles zu Anton Pavlovič Čechov // Osteuropa. Vol. 54, No. 7. Juli 2004. S. 19–34.
4. Tigges S. Von der Weltseele zur Über-Marionette. Cechovs Traumtheater als avantgardistische Versuchsanordnung. Bielefeld : transcript Verlag, 2010. 450 S.
5. Разумова, Н.Е. «Дама с собачкой» А. П. Чехова: «непрерывное совершенство» и его переводческая трансформация. // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). [Текст] / Н. Е. Разумова, 2014. 7 (148). С. 157-165.
6. Чарыяров, С. Переводы произведений А.П. Чехова на языки мира // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей Материалы VI Международной научно-практической конференции : посвящается 10-летию кафедры русского и татарского языков Казанского государственного медицинского университета. [Текст] / С. Чарыяров, 2016.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF A.P. CHEKHOV'S WORKS INTO GERMAN

Annotation. The work is devoted to the analysis of transformations in translations of Anton Pavlovich Chekhov's works into German. At the same time, the translations of various translators are evaluated, and the norms and rules according to which the translation is carried out are determined.

Keywords: transformation, antonymic, descriptive translation, demetaphorization, lexical omission

Selezen E.A.

Scientific adviser Kaliushchenko V.D. Ph. D., professor
Donetsk State University
E-mail: liza.selezen@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Татарина Е.А.

*Научный руководитель: Басыров Ш.Р., д-р филол.наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной работе рассматриваются структурно-семантические особенности эвфемизмов в немецком, английском и русском языках, а также исследуются основные способы перевода данных языковых единиц на родной язык.

Ключевые слова: эвфемизм, табу, семантика, структура, перевод.

1. Введение. Настоящая работа посвящена изучению структурно-семантических особенностей эвфемизмов в немецком, английском и русском языках.

Актуальность данной темы определяется рядом факторов, среди которых особую роль играет необходимость систематизации большого количества эвфемизмов, распространенных в немецком, английском и русском языках.

Целью настоящего исследования является изучение структуры, семантики и способов перевода эвфемизмов в названных языках.

Объектом исследования являются эвфемизмы, используемые в немецком, английском и русском языках.

Предмет исследования – структурные и семантические особенности эвфемизмов в немецком, английском и русском языках.

Материалом для сопоставительного исследования эвфемизмов послужила выборка из немецких, английских и русских словарей и журналов (по 200 единиц из каждого языка).

2. Определение эвфемизма. Эвфемизм — это стилистическое средство, которое с древнегреческих времен используется в речи для замены грубых или непристойных фраз. Значение этого слова переводится с греческого как "благоразумие". Цель эвфемизма - замаскировать или смягчить выражения, связанные с такими темами, как смерть, война или болезнь. Однако до сих пор нет единой дефиниции этого понятия. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой предложено следующее определение: «Эвфемизм (от гр. ‘euphemia’ – воздержание) – слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное, например, «уснул последним сном» вместо «умер», и т.д.» [1].

Для более полного понимания эвфемизма, исследуемые определения были объединены в три группы.

Первая группа включает в себя эвфемизмы, целью которых является смягчение грубых выражений.

Вторая группа содержит эвфемизмы, которые помимо смягчения также отражают социальные мотивы. По мнению А. Кацева, «эвфемизмы есть способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или омерзительного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [2].

К третьей группе относятся определения, которые скрывают реальность. Так, Дж. Ниман и К. Сильвер пишут, что «эвфемизация – это употребление неоскорбительного или приятного термина вместо прямого, оскорбительного, при этом маскирующее истину» [3].

3. Основные функции эвфемизмов. Анализ вышеприведенных определений эвфемизмов позволяет сделать вывод о том, что данные языковые средства выполняют три основные функции:

1. Смягчение грубого или неприятного для человека высказывания.
2. Сглаживание резкого и неприятного для адресата высказывания.
3. Искажение реальности.

Таким образом, эвфемизмы являются заменой неприемлемых слов или выражений на более уместные в целях избежать прямого названия того, что может вызвать негативные эмоции как у говорящего, так и у собеседника, а также для маскировки определенных фактов реальности.

4. Взаимодействие понятий "табу" и "эвфемизма" представляет собой интересную динамику в лингвистике. Термин "эвфемизм" имеет определенную связь с другими языковыми понятиями, в том числе с "табу". "Табу" — это мощный запрет, затрагивающий определенные действия, места или объекты. В переводе с полинезийского "табу" означает "священный", но одновременно "ужасный, опасный, нечистый". Табу является этнографическим термином, возникающим на фоне легенд и верований [4].

Обсуждение актуализации устаревших представлений в современном языке вряд ли возможно, поскольку запреты на опасные темы, если и проявляются, то неосознанно. Мы не запрещаем себе обозначать определенные объекты или явления, но, из-за языковой привычки, стараемся избегать прямого упоминания неприятных вещей.

Первобытные народы применяли "табу" к различным категориям слов, таким как:

- 1) смерть;
- 2) наименования различных болезней;
- 3) имена богов и духов;
- 4) имена людей;
- 5) названия частей тела;
- 6) названия животных, растений, минералов и явлений природы.

Явление "табу", возникшее еще на заре развития человеческого общества, продолжает существовать и в современном цивилизованном мире, что позволяет рассматривать его в рамках единого процесса человеческой истории.

Приведем примеры предметно-понятийных сфер современных запретов, обнаруженных в немецком, английском и русском языках:

1. Наименования сверхъестественных сил: нем. *der Vater im Himmel*, (букв. «отец на небесах»), т.е. Бог; англ. *go to a better place* (букв. «уйти в лучшее место»), т.е. умереть; русс. «дышать на ладан», т.е. существовать последние дни.

2. Названия физических и умственных недостатков человека: англ. *special child* (букв. «особенный ребенок»), т.е. умственно отсталый; нем. *nicht alle auf dem Christbaum haben* (букв. «иметь не все на рождественской елке»), т.е. быть не в своем уме; русс. «Иванушка», т.е. дурак.

3. Наименования, относящиеся к внешности человека: англ. *big-boned* (букв. «ширококостный»), т.е. толстый; русс. «лицом не вышел», т.е. непривлекательный; нем. *wie eine Vogelscheuche* (букв. «как птичье пугало»), т.е. неопрятный.

4. Отношения между полами: англ. *safe sex* (букв. «безопасный секс»), т.е. женская мастурбация; нем. *Lustperle* (букв. «жемчужина удовольствия»), т.е. клитор; русс. «несвободный человек», т.е. женатый.

5. Названия пагубных привычек: англ. *tired and over-emotional* (букв. «уставший и очень эмоциональный»), т.е. пьяный; нем. *dicht* (букв. «густой»), т.е. пьяный; «до зеленого змия», т.е. сильно напиться.

6. Названия, относящиеся к криминальной сфере: русс. «черная биржа», т.е. рынок нелегальных товаров; англ. *Economically depressed neighborhood* (букв. «экономически депрессивный район»), т.е. трущобы; нем. *der Dealer* (букв. «дилер»), т.е. наркоторговец.

7. Названия, относящиеся к политике: нем. *das Atomunglück* (букв. «атомное несчастье»), т.е. атомный взрыв; англ. *ethnic cleansing* (букв. «этическая чистка»), т.е. геноцид; русс. «антиперестроечные элементы», т.е. политическая оппозиция.

8. Названия, относящиеся к профессиональной деятельности человека: русс. «разнорабочий», т.е. рабочий, выполняющий разные подсобные работы; нем. *Restaurantfachmann* (букв. «ресторанный специалист»), т.е. официант; англ. *get a career change* (букв. «сменить профессию»), т.е. уволиться.

Добавим, что предметно-понятийные сферы запретов в разных языках в целом совпадают.

5. Способы образования немецких, английских и русских эвфемизмов. Эвфемизмы могут образовываться следующими способами:

1. *Конверсия*, т. е. переход из одной части речи в другую без использования суффиксов, префиксов и т.п.: нем. *der Böse* ‘черт, дьявол, сатана’ (←*böse* ‘злой’); англ. *wash* ‘моча’ (←*to wash* ‘мыть’).

2. *Фразеологизация*, т. е. образование устойчивого выражения путем переосмысления свободного сочетания слов: русс. «пристать, как банный лист», т.е. крайне назойливо приставать; нем. *auf seinen letzten Weg begleiten* (букв. сопровождать в последний путь), т.е. ‘участвовать в похоронной процессии’; англ. *bear with the women* (букв. «медведь с женщиной»), т.е. мужчина, любящий общество женщин.

3. *Аббревиация*, т. е. сокращение исходного слова или словосочетания: англ. *bi* (←*bisexual*), «бисексуал»; русс. ЧСИР (←член семьи изменника родины); нем. *der BH* (←*der Büstenhalter*), «бюстгальтер».

4. *Непроизводные* (корневые) эвфемизмы, состоящие лишь из корневой морфемы, т.е. морфемно нечленимое слово: нем. *das Heu* (букв. «сено»), т.е. марихуана; русс. «нужда», т.е. необходимость срочно помочиться; англ. *to fire* (букв. «поджечь»), т.е. уволить.

5. *Суффиксальные эвфемизмы*, которые образуются путем прибавления суффикса к производящей основе: нем. *fröhlich* (букв. радостный), т.е. ‘пьяный’; англ. *potty* ‘туалетик’ (использован уменьшительный суффикс *y*); русс. «скучнѐхонький», вм. скучныйй.

6. *Префиксальные эвфемизмы*, образованные при участии префикса: нем. *einschlafen* (букв. заснуть), т.е. ‘умереть тихо, без агонии’; *overweight* (исп. преф. *over-*), т.е. ‘полнота’; русс. Незнайка, т.е. «глупец».

6. Способы перевода эвфемизмов. Одной из основных проблем современного переводоведения является адекватность и эквивалентность перевода. Важнейшая задача переводчика заключается в максимально точной передаче содержания оригинала.

Ниже представлены некоторые способы перевода немецких и английских эвфемизмов на русский язык:

1. Транскрипция

Задачей этого способа перевода является максимальное приближение передачи звучания слова, например: *Zoll schnappt 25-Jährigen mit Drogen; Ermittlungen führen zu weiterem Dealer*. – ‘Служащие таможни задержали двадцатипятилетнего мужчину с наркотиками; дальнейшее расследование вывело на дилера’ [5].

В приведенном примере англицизм *dealer* переводим на русский язык словом «дилер», так как в русском языке это общепринятое понятие наряду с синонимичной лексической единицей – «наркоторговец».

2. Описательный перевод

Когда проблематично найти эквивалент в переводимом языке, переводчик описывает фразеологическое явление или устойчивое выражение с помощью описательного перевода, например: англ. *The accusations have grown wilder and more inflammatory since then, as Democrats hype the dangers that Russia’s apparent election*

meddling posed [6] – ‘С тех пор эти обвинения стали еще более дикими и провокационными, поскольку демократы всеми возможными способами создают шумиху по поводу тех опасностей, которые возникают из-за предполагаемого вмешательства России в выборы’.

В данном примере речь идет об истерии демократической партии США по поводу вмешательства России в президентские выборы США. Контекстуальный дисфемизм ‘hype’ имеет в ПЯ эквивалент – пускать пыль в глаза. Однако для адекватности восприятия высказывания аудиторией ПЯ был использован описательный перевод.

Функциональная эквивалентность при переводе сохранилась, однако функция дисфемизма утратилась, лексема приобрела нейтральное значение в ПЯ.

3. Калькирование

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в переводящем языке. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в языке перевода, копирующего структуру исходной лексической единицы, например: нем. *Im Bundesstaat Minnesota kam ein 20-jähriger Afroamerikaner ums Leben.* – ‘20-летний афроамериканец был убит в штате Миннесота’[7].

Калькирование часто применяется для описания расовых и этнических групп.

7. Выводы

Использование эвфемистических единиц является эффективным способом преодоления различных неловких ситуаций и конфликтов в ходе коммуникации. С помощью эвфемизмов говорящий избегает дискомфортных моментов в процессе коммуникации, особенно в ходе межкультурного общения.

Эвфемистические обороты используются в сопоставляемых языках для обозначения сверхъестественных сил; внешности человека; его внутренних свойств; дурного поведения человека; для номинации общественно-политической сферы; профессиональной деятельности человека и т.п.

При переводе английских и немецких эвфемизмов на русский язык используются различные способы: транскрипция, описательный перевод, калькирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М.: Высшая школа, 1993. — 944 с.
2. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия [Текст] / А. М. Кацев. – Ленинград, 1988. – 45 с.
3. Ниман Дж. и Сильвер К. Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур, М., 2007 -245с.
4. <https://www.psychologies.ru/glossary/>
5. Die Welt [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <https://www.welt.de/> (дата обращения: 02.02.2024).
6. <https://www.cato.org/commentary/democratic-obsession-russia-explained>
7. <https://freedert.online/nordamerika/115785-proteste-rassismus-polizeigewalt-brooklyn-center-minnesota/>

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF EUPHEMISMS IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN

Annotation. This paper examines the structural and semantic features of euphemisms in German, English and Russian. The article also explores the main ways of translating these language units.

Keywords: euphemism, taboo, semantics, structure, translation.

Tatarinova E.A.

Scientific adviser: Basyrov Sh.R., Dr. of Philology, Professor

Donetsk State University

E-mail: liza.tatarinova01@gmail.com

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Трофимова Д. А.

*Научный руководитель: Басыров Ш. Р., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности устойчивых выражений с флористическим компонентом в английском и русском языках, их эмотивно-оценочное и экспрессивное значение, а также определяются типы оценки и продуктивность анализируемых единиц в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: флороним, устойчивое выражение, тип оценки, оценочность, коннотация.

1. Вступление. Настоящая статья посвящена исследованию устойчивых выражений (УВ) с флористическим компонентом в английском и русском языках.

Актуальность данной работы заключается в том, что УВ, содержащиеся в своей структуре флоронимы, представляют собой достаточно большой пласт лексики в английском и русском языках, часто используются в устной и письменной речи. Обращение к данной теме обусловлено также тем, что в семантическую структуру УВ с флористическим компонентом часто входят эмотивно-оценочный и экспрессивный компоненты, которые нередко придают всей языковой единице национальную специфику.

Цель данной работы заключается в комплексном изучении и описании эмотивности и оценочности английских и русских УВ с флористическим компонентом.

Материал исследования составляют 600 флористических устойчивых выражений (ФУВ) (англ. - 300 ед., рус. - 300 ед.), отобранные путем сплошной выборки из современных фразеологических, толковых и переводных словарей английского и русского языков.

2. Отличительные признаки устойчивых выражений в языке. Существуют различные подходы к определению фразеологии и ее ключевых единиц - фразеологизмов. Так, А. В. Кунин характеризует фразеологию как науку о фразеологизмах (фразеологических единицах), описывая фразеологические единицы как устойчивые словосочетания со сложной семантикой [1].

Чтобы отличить фразеологические единицы (ФЕ) от слов и свободных словосочетаний, необходимо описать отличительные признаки, присущие данным языковым единицам. Среди ключевых признаков ФЕ следует выделить:

1) *воспроизводимость ФЕ* в речи как готовых единиц. Устойчивые сочетания, представляющие собой совокупность предварительно созданных языковых формаций, существуют в каждом языке. ФЕ не создаются говорящим во время речи, а извлекаются из фразеологического фонда языка и памяти человека и используются в речи в готовом виде [2].

2) *Целостность значения ФЕ.* Несмотря на то, что фразеологические выражения имеют фрагментарную структуру, их обобщающее и целостное значение заключается в переосмыслении ее структурных элементов (слов), имеющих в основе определенное смысловое содержание. Таким образом, значение всей ФЕ не может быть напрямую связано со значением ее составляющих компонентов [3].

3) *Постоянство компонентного состава ФЕ.* Объем неизменности, присущий различным компонентам ФЕ, называется фразеологической устойчивостью. Эта устойчивость гарантирует, что фразеологизмы воспроизводятся в их первоначальном виде и идентичны во всех их обычных и окказиональных изменениях. ФЕ имеют

максимальную устойчивость. Они отличаются от свободного словосочетания по своей устойчивости, уникальны тем, что постоянны по составу и структуре. В результате ФЕ обладает как семантической слитностью, так и неразложимостью своих компонентов [4].

4) *Раздельность ФЕ.* ФЕ должна иметь два или более элементов, поскольку она генетически восходит к словосочетанию. Слово теряет свои признаки, когда оно преобразуется во ФЕ. Кроме того, существенным отличием ФЕ от слов является их раздельность [5].

5) *Эмоционально-экспрессивная окраска ФЕ.* Фразеологизмы не только называют определенные предметы, явления, действия, существующие в объективной действительности, но и оценивают эти предметы, явления, действия, тем самым не обозначая новых реалий, а оценивая уже существующие [3].

6) *Идиоматичность* фразеологизмов. Семантически неделимое значение ФЕ не зависит от значений его отдельных частей. Таким образом, невозможно обычно точно перевести фразеологизм с одного языка на другой язык. В большинстве случаев целостное значение достигается путем полного или частичного переосмысления элементов, а затем создания совершенно нового значения [4].

3. Устойчивые выражения в языковой картине мира. Взаимодействие между миром и человеком, опосредованное языком и мышлением, формирует картину мира. Поскольку язык тесно связан с познанием, язык является основным предметом когнитивной лингвистики. Современные лингвисты-когнитологи рассматривают язык как общий когнитивный механизм.

Язык представляет собой совокупность всех путей, по которым люди осваивали мир в течение своей истории. Это сложный процесс получения информации, а также сложный механизм речевого и словесного оформления мыслей. Язык меняется под воздействием людей и обстоятельств, потому что он гибкий и мобильный инструмент. Язык позволяет человеку понять себя и окружающий мир [6].

В языке содержатся элементы, которые выполняют две функции. Они отражают мировые представления и знания, а также служат инструментом активного воздействия на него. Таким образом, дуализм определяет взаимозависимость языка и мышления и позволяет воспринимать информацию в двух направлениях: универсальном и культурно-особенном. Это происходит, когда привычное обозначение того или иного явления действительности заменяется словом, одинаковым в разных языках (в нашем случае все, что связано с флоронимом), и когда подчеркивается национальная специфика, как например, в русском языке – *выжатый, как лимон*, в английском – *squeezed orange* (букв. апельсин).

Фразеология каждого языка чрезвычайно богата как универсальными, так и национальными выражениями, а некоторые УВ включают архаические (устаревшие) элементы.

В когнитивной лингвистике существует множество различных подходов и направлений исследования. Соотношение языковых форм и их ментальных представлений в контексте конкретной культуры, которая формирует языковую картину мира, играет важную роль в этом научном направлении.

На самом деле языковая картина мира — это совокупность всех знаний о мире, отраженных в языке, а также способ получения и понимания новой информации. Особый способ концептуализации действительности посредством языковых форм называется языковой картиной мира. Есть множество различных интерпретаций этого термина. До сих пор исследователи не могут прийти к единому мнению об этом явлении. Развитие языка и речевой деятельности поддерживается языковой картиной мира.

Таким образом, языковая картина мира – это знание об окружающей действительности, зафиксированное в человеческом сознании и представленное языковыми средствами. Язык играет важную роль в формировании мировоззрения,

поскольку он определяет картину мира и его природу. В процессе своей деятельности человек познает объективный мир и записывает эти знания в словах. Комплекс этих знаний, представленных языком, называется языковой картиной мира или языковой моделью мира. По своей природе языковая картина мира двусмысленна. Языковая картина мира человека зависит от материального мира, который его окружает, и от того, как он воспринимает мир. С другой стороны, языковая картина мира человека зависит от того, как он воспринимает мир, основываясь на том, как его родной язык, его семантика и грамматика, формируют структуры мышления и поведения.

4. Экспрессивность и оценочность фразеологической единицы (ФЕ)

Экспрессивность слова и фразеологизма зависит от образности, интенсивности или мотивации данной языковой единицы. Интенсивность – это ономаσιологическая категория, которая определяет степень признака, а экспрессивность – это функциональная категория воздействия, которая определяет интенсивность восприятия информации. [7]. Эмотивность и образность также являются ономаσιологическими понятиями. Экспрессивность может быть вызвана образностью, интенсивностью и мотивацией. Без экспрессивности эмотивность не существует, их практически невозможно разделить. Тем не менее, следует подчеркнуть, что экспрессивность не обязательно сопровождается эмотивностью. Как уже отмечалось, образность и интенсивность тесно связаны с экспрессивностью. Многие ФЕ в современных русском и английском языках подтверждают это, ср.: русск. *дать дуба* (умереть), *все трын-трава*; англ. *cool beans* ‘круто’, *for peanuts* ‘задарма’.

Оценка – это отношение человека к объекту, которое может быть эксплицитно или имплицитно выражено в языке. Оценка может быть интеллектуальной или коннотативной, положительной или отрицательной. Обычно в языке ФЕ с отрицательной оценкой преобладают над ФЕ с положительной оценкой. Такая картина наблюдается и в лексике. Данный факт объясняется тем, что позитивность воспринимается человеком как нечто само собой разумеющееся, а отрицательное сразу бросается человеку в глаза, он чутко реагирует на все негативные факты и закрепляет их в своем языковом сознании [6].

5. Коннотация ФЕ с флористическим компонентом

Многие английские и русские ФЕ с флористическим компонентом включают в свою семантику коннотативный компонент значения, связанный с оценочной, эмотивной и экспрессивно-стилистической окраской. В аксиологическом отношении ФЕ с флористическим компонентом распадаются в сопоставляемых языках на три группы:

- 1) ФЕ с отрицательной оценкой;
- 2) ФЕ с положительной оценкой;
- 3) ФЕ с нейтральной оценкой.

Группа ФЕ с отрицательной оценочной коннотацией является наиболее продуктивной как в английском, так и в русском языках. Следует отметить, что большинство ФЕ этой группы семантически ориентированы на человека, т.е. они носят ярко выраженный антропоморфный характер [9]. Данные ФЕ обозначают негативные внешние и внутренние черты и свойства характера человека, а именно:

- глупость человека, ср.: англ. *bean counter* ‘мелочный человек’; *banana(s) truck* ‘тупой’; русск. *голова еловая* ‘глупый бестолковый человек’; *дуб дубом* ‘глупый человек’;

- аномальное физическое состояние, ср.: англ. *lose one's roses* ‘зацахнуть’; русск. *во хмелю* ‘быть пьяным’; *дуба дать* ‘сильно замёрзнуть’

- психическое состояние человека: англ. *go off one's nut* ‘спятить, обезуметь’.

Ряд ФЕ с негативной оценочной коннотацией в обоих языках обозначают некорректное поведение человека с окружающими, ср.: англ. *lay someone out in lavender*

‘строго бранить, упрекать кого-либо’; *lily-livered* ‘трусливый’; русск. *жгучий как крапива* ‘раздражающий’.

Следует отметить, что отрицательные оценочные коннотации в семантике ФЕ часто отражают нормы мировосприятия англоязычных людей. Так, например, присутствие в структуре британского менталитета так называемого ‘идеала джентльмена’, включающего такие характеристики как хладнокровие, сдержанность, энергичность, честность, стоицизм и образованность, обуславливает ярко выраженную отрицательную оценку проявления противоположных качеств: бездельности, пассивности (*Be like watching grass grow* ‘ждать у моря погоды’; *Be not worth a fig* ‘никудашный, никчёмный’), недобросовестности, мошенничества (*hand somebody a lemon* ‘надуть, обмануть кого-л.’; *To beat about the bush* ‘Ходить вокруг да около’).

Аксиологическая ориентация русских ФЕ с компонентом-флоронимом показывает, что к отрицательным чертам людей в русскоязычных странах относятся:

- болтливость, пустозвонство: *шут гороховый* ‘посмешище’; *бобы разводит* ‘вести пустые разговоры’; *шишка на ровном месте* ‘человек, не обладающий властью’;
- трусость: *из-за куста и ворона востра!* *соломенная душа* ‘трусливый, малодушный человек’;
- гордость: *в брюхе солома, а шапка с заломом* ‘о человеке с завышенной самооценкой’;
- нерасторопность, неумелость, лень: *околачивать груши* ‘бездельничать’; *валить через пень колоду* ‘делать что-то неумело, неповоротливо’; *мешок с соломой* ‘нерасторопный человек’ [10].

Ряд английских и русских ФЕ выражают негативную оценку:

- предметов и явлений окружающей действительности, ср.: англ. *Not all roses* ‘не все гладко’; *a thorn in one’s side* ‘бельмо на глазу, источник постоянного раздражения’; *not worth a straw* ‘бесполезный, кудашный, гроша медного не стоит’; *In the cactus* ‘иметь проблемы’; русск. *яблоко раздора* ‘причина ссор’; *хрен редьки не слаще* ‘одно не лучше другого’.

Второй по продуктивности в сопоставляемых языках является группа нейтральных ФЕ с компонентом-флоронимом. Единицы данной группы могут обозначать различные действия человека, ср.: англ. *to spit out a plum* ‘перестать говорить в соответствии с произносительными нормам, принятыми в Великобритании’; русск. *брать под самый корень* ‘переделывать на новый лад’; *заронить зерно* ‘вызвать какое-либо чувство’. Нейтральная оценка характерна также пословицам и поговоркам, которые несут назидательный (воспитательный) характер, ср.: англ. *As the tree falls, so shall it lie* ‘Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай’, *Don’t cut the bough you are sitting on* ‘Не плюй в колодец – пригодится воды напиться’; русск. *Буря валит дубы, а тростник стоит как стоял; Не срубил дуба, не отдув губы*.

Третьей по продуктивности является группа анализируемых ФЕ с положительной оценочной коннотацией. Данные ФЕ обозначают в сопоставляемых языках:

- красивую внешность, ср.: англ. *as fair as a lily* ‘прекрасна как лилия’; *Peaches and cream* ‘нежно-розовый (о коже)’; русск. *стройная как березка* ‘стройная, о девушке’; *новорождённый лотос* ‘красавица’; *как маков цвет* ‘о румянце, цвете лица’;

- социальное положение человека, его финансовое положение, внутренние и физические свойства и качества, ср.: англ. *the top of the tree* ‘ведущее положение в какой-либо профессии’; *be in clover* ‘жить припеваючи’; русск. *Финиковая пальма* ‘символ богатства, изобилия’; англ. *as cool as a cucumber* ‘спокойный, хладнокровный’, *heart of oak* ‘отважный человек, удалец’; русск. *как дуб крепкий* ‘о сильном человеке’; *любит до самой березки* ‘долго и преданно любить’.

6. Выводы

6.1. Фразеология изучает устойчивые словосочетания, называемые фразеологическими единицами или фразеологизмами. Фразеологизм обладает рядом отличительных признаков по сравнению со словом и свободным словосочетанием (воспроизводимость, целостность значения, постоянство компонентного состава, разделенность, эмоционально-экспрессивная окраска, идиоматичность.).

6.2. Идея языковой картины мира представляет собой субъективное представление об объективном мире, которое включает в себя элементы антропоцентризма, присущие человеческому способу познания мира.

6.3. С точки зрения оценочности фразеологизмы с флористическим компонентом распадаются в английском и русском языках на ФЕ с положительной, нейтральной и отрицательной оценкой.

6.4. В обоих языках большинство ФЕ антропоцентрически направлены, т.е. описывают определенную сторону жизни и деятельности человека.

6.5. Наиболее многочисленной как в английском, так и в русском языке является группа ФЕ с отрицательными оценочными коннотациями, что обусловлено универсальностью человеческого психо-эмоционального восприятия окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1972 – 287 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Москва: Наука. 1986 – 284 с.
3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. [Текст] / А. И. Смирницкий – М.: Омен, 1998. – 255 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. [Текст] / Ш. Балли М.: Изд-во Иностр. лит., 1961. - 394 с.
5. Крепкогорская Е. В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках [Текст] / Е. В. Крепкогорская: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Казань – 2012 – 23 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. - 331 с.
7. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. [Текст] / Н. М. Шанский – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
8. Шумбасова С. С. Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. [Текст] / С. С. Шумбасова–Коломна, 2011. – 26 с.
9. Токарев, Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций / Г.В. Токарев // Филологические науки. - 2003. - № 3. - С. 56-60.
10. Цоллер, В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В.Н. Цоллер // Филологические науки. - 2000. - № 4. - С. 56-65.

EMOTIVE-EVALUATIVE FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A FLORISTIC COMPONENT IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract: This article deals with the peculiarities of stable expressions with floristic component in English and Russian languages, their emotive-evaluative and expressive meaning, and also determines the types of evaluation and productivity of the analysed units in the compared languages.

Key words: floronym, stable expression, type of evaluation, evaluative, connotation.

Trofimova D. A.

Supervisor: Basyrov S. R., Doctor of Philology, Professor
Donetsk State University
e-mail: darsiat7@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОПОРЕФЛЕКТОНИМОВ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ И. В. ГЁТЕ)

Чернов Д. А.

*Научный руководитель: Усова Н.В., д-р филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. Статья посвящена изучению топорекфлектонимов из автобиографического произведения немецкого писателя Иоганна Вольфганга Гёте “Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit” («Из моей жизни. Поэзия и правда») в сопоставительном и переводческом аспекте. Предметом исследования являются лингвистические характеристики онимов топонимической природы в немецкоязычном тексте и особенности их передачи на русский язык. Исследование проводится с помощью описательного, сопоставительного и структурного методов лингвистического анализа.

Ключевые слова: автобиографическое произведение, топоним, топорекфлектоним, Гёте, сопоставительный анализ

1. Топонимы составляют важную часть онимной лексики. Их численность огромна на любой освоенной человеком территории. Топонимы Земли состоят из миллионов единиц. Наука о топонимах развивалась в тесном взаимодействии с историей, географией, этнографией и картографией, поэтому изучение топонимов способствует восстановлению исторических фактов существования народов, границ поселений и ареалов раннего расселения.

Настоящая работа посвящена изучению топорекфлектонимов в автобиографическом произведении И. В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» [Goethe 1969] и в его переводе «Из моей жизни. Поэзия и правда» Наталии Ман [Гёте]. Поскольку Гёте считается создателем современного немецкого языка, то очень показательным является язык его автобиографических хроник, и это служит дополнительным мотивом для лингвистического анализа этого произведения с точки зрения ономастики. Автобиографическое сочинение является одним из самых значительных произведений писателя. Книга объясняет и эпоху жизни Гёте, и индивидуальность большого писателя. История одного из периодов его жизни и духовных исканий поучительна и ценна как для современников, так и для потомков. По этой причине «Из моей жизни. Поэзия и правда» – бесценный материал для всех, кто интересуется Гёте как творцом, описанным историческим отрезком его жизни и его становлением как великого писателя. Особое место автобиографических хроник среди произведений литературы подразумевает и уникальность их исследований, проводящихся в различных областях лингвистики, в том числе и в ономастике.

Топонимы или (в данной статье топорекфлектонимы) являются лексической группой, требующей особого внимания, так как, обозначая фрагмент действительности в языковой картине мира, они тем самым становятся её частью, функционируют по её законам, но с трудом подвергаются внешним влияниям [Гальцова, 2008].

Целью статьи является классификация и характеристика исследуемых единиц, а также сопоставление топорекфлектонимов, выявленных в оригинале произведения и в его переводе и установление основных способов перевода.

2.1 Автобиографическая проза – это единственный жанр с амплитудой от высокохудожественных творений, не настаивающих на документальности, до произведений, насыщенных специальными сведениями, «почти научных», и до интимных дневниковых записей [Янская 1981, с. 15]. Автобиографии соединяют в себе как документальность, представляющую собой реальные факты из истории и жизни

автора, так и художественные черты, так как автор создает автобиографическое воспоминание, что приближает произведение к художественному тексту.

Географические наименования являются отражением истории нации, в них зафиксированы различные периоды развития и процветания языка и культуры общества. Изучение географических названий – одна из актуальных проблем современного языкознания, ибо, появляясь в различные исторические периоды, топонимы развиваются в зависимости от особенностей развития общества, отражая её различные пласты жизни и жизнедеятельности. Человек отбирает из внешнего мира и затем закрепляет в названии только то, что коррелирует с его знаниями об окружающей действительности, отражает его личный взгляд на мир и соответствует его бытийным ценностям.

Топонимика – это раздел ономастики, изучающий топонимы (собственные имена географических объектов), закономерности их возникновения, развития, функционирования [Tent 2015]. Ценность топонимов автобиографических хроник, учитывая их специфическое положение в топонимии и лингвистике в целом, является уникальной. Изучение и анализ топорекфлектонов необходимы для дальнейшего их использования в лингвокультурологической переводческой практике, а также в историко-культурологических направлениях исследования. Основной единицей исследования в статье является топорекфлектоном, в основе которого лежит понятие топоним. Этим термином обозначается специфическая онимная лексика топонимической природы, включённая в автобиографическое произведение [Усова 2020, с. 76].

2.2 Рассмотрение и систематизация выявленных в тексте автобиографии единиц опирается на существующие в ономастике подходы. Наиболее полную и точную классификацию с точки зрения соотношения топонимов и специфики называемого им объекта представляет работа Н. В. Подольской. Исследовательница выделяет следующие наиболее обширные группы топонимов [Подольская 1988]:

Хоронимы – Собственное имя любой территории, области, района, в том числе хороним административный, городской, природный;

Астионимы – Собственное имя города;

Урбанонимы – Собственное имя любого внутригородского топографического объекта;

Годонимы – Название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка;

Агоронимы – Название городской площади; рынка;

Экклезионимы – Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии;

Ойкодомонимы – Собственное имя здания;

Гидронимы – Собственное имя любого водного объекта, которые далее разделяются на:

Пелагоним – Собственное имя любого моря или его части;

Лимноним – Собственное имя любого озера, пруда;

Потамоним – Собственное имя любой реки;

Гелоним – Собственное имя любого болота, заболоченного места;

Ороним – Собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного);

Ойконим – Собственное имя любого поселения;

Дримоним – Собственное имя леса, рощи, парка и их частей;

Кроме того, исследовательница разделяет топонимы на макротопонимы и микротопонимы, при этом микротопоним – это собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому

кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т. ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений.

2.3 В ходе работы над материалом проведена систематизация отобранной лексики, общий лингвистический анализ и сопоставление топорорефлектонимов оригинального текста с их переводческими соответствиями, предложенными переводчиком.

2.3.1 Несмотря на то, что топорорефлектонимы находятся в системе онимов на особом месте, занимая промежуточное положение между топонимами и поэтонимами, их можно систематизировать на основе общепринятого деления топонимов на разряды, предложенного Н. В. Подольской. В результате выборка была разделена на следующие группы топорорефлектонимов:

1. Хоронимы: *Tal Ajalon, Palästina, Ägypten, Kanaan, Hain Mamre, Tale Siddim, Elam, Judengasse, Sachsenhausen*;
2. Астионимы: *Höchst, Mainz, Augsburg, Nürnberg, Brandenburg, Regensburg, Aachen, Berlin, Bethlehem, Heidelberg, Aschaffenburg, Frankfurt, Nürnberg, Wien*;
3. Урбанонимы: *Katharinenpforte, Sankt-Gallen-Tor*;
4. Годонимы: *der kleine Hirschgraben, Fahrgasse, Zeile*;
5. Агоронимы: *Konstablerwache, Roßmarkt*;
6. Экклезионимы: *Liebfrauenkloster, Bartholomäuskirche*;
7. Ойкодомонимы: *Brückenturm, «Goldener Bär»*;
8. Гидронимы, а именно, потамонимы: *Main, Rhein, Iller*;
9. Оронимы: *Parnaß, Olymp, Parnassus, Hymettus*;
10. Ойконимы: *Auerstädt*.

2.3.2 При переводе автобиографической хроники на русский язык Н. Ман были использованы следующие способы: транслитерация, транскрипция, транспозиция, калькирование. Рассмотрим некоторые примеры перевода.

1) Транслитерация: *Leipzig* – ‘*Лейпциг*’. Благодаря этому способу переноса наименования в неизменной форме оно получает независимую от языка перевода идентификацию.

2) Транскрипция – графическая запись звучания слова на языке перевода. Этот принцип является самым частоиспользуемым. В результате перевода таким способом появляется возможность сохранить национальный колорит наименования: *Kompostell* – ‘*Компостель*’.

3) Транспозицией Н. Ман при переводе передает, что имена собственные в исходном языке и языке перевода имеют общее происхождение и смысл, но отличаются по морфолого-грамматической форме. В основном транспозиция используется для перевода библейских и исторических имён, которых в тексте в избытке: *Bartholomäuskirche* – ‘*Церковь Святого Варфоломея*’, *Katharinenpforte* – ‘*Ворота Святой Катрины*’.

4) Калькирование представляет собой перевод составных частей топонима на их соответствия в языке перевода, что позволяет создать больше соответствий при межъязыковых коммуникациях: *Engelsburg* – ‘*Замок Святого Ангела*’. В данном примере переводчик использует комбинирование калькирования с транспозицией.

Таким образом, Н. Ман с помощью использования всех четырёх способов воспроизвела топонимы с исходного языка на язык перевода.

2.3.3 В ходе работы был проведён количественный анализ исследуемых единиц с учётом их семантики и на основе представленной выше систематизации. Проанализированы топорорефлектонимы из выборки первых десяти книг автобиографической хроники, результаты отражены в таблице 1.

Таблица 1. Топонимия исследованного текста десяти книг: разновидности и количественная характеристика

Тип онима	Количество, ед.	Относительно, %
Астионимы	99	43,04
Хоронимы	43	18,7
Ойкодонимы	33	14,35
Годонимы	14	6,09
Экклезионимы	9	3,91
Агоронимы	8	3,48
оронимы	7	3,04
ойконимы	5	2,17
урбанонимы	4	1,74
потамонимы	4	1,74
пелагонимы	3	1,3
дримонимы	1	0,43
лимнонимы	0	0
гелонимы	0	0
Всего	230	100

Как следует из таблицы 1, наибольшее число топонимов относится к группам астионимов и хоронимов. При структурировании топорекфлектонимов по группам следует учитывать временной промежуток, в котором существует персонаж. К примеру, топоним *Wockenheim* в произведении относится к маленькому городу, и, соответственно, будет являться астионимом. Но в наше время данный топоним соотносится с районом Франкфурта, что производит этот оним в разряд городских хоронимов.

Топонимы не только устанавливают и отображают координаты повествования, но и дополняют повествование исторической точностью. Благодаря стремлению автора к достоверности изложения изучение топонимии и произведения в целом открывает новые возможности в исследовании не только жизни Иоганна Вольфганга Гете, что, безусловно, необходимо для литературного и культурного анализа его творчества и изучения его биографии, но и для исторического анализа отображаемой эпохи.

3. На основании освоения изученной темы можно сделать определённые выводы и наметить перспективы изучения проблемы в дальнейшем.

1. Автобиографические хроники И. В. Гёте имеют лингвокультурологическую ценность. Топонимия автобиографических хроник разнообразна, мало изучена и требует подробного научного анализа.

2. Сопоставительный анализ автобиографического текста в оригинале и переводе на русский язык устанавливает лингвокультурологические немецко-русские соответствия и поэтому имеет практическую ценность для переводоведения.

3. Количественный анализ показал, что наиболее многочисленную группу топонимов в произведении представляют астионимы и ойкодомонимы, наименее многочисленную – потамонимы.

4. В дальнейшем необходимо провести сопоставительный анализ всех книг оригинала с переводом Наталии Ман, а также с переводами других авторов, что позволит расширить знания о переводе топорекфлектонимов.

5. Дальнейшее и более подробное изучение топорекфлектонимов из остальных частей автобиографической хроники принесёт теоретическую и практическую ценность для ономастики, лингвокультурологии и персоналогии, поскольку даст возможность изучить не только биографию И. В. Гёте, но и историю стран и городов, которые встречаются в хронотопе произведения.

6. Сопоставительный анализ онимной лексики топонимической природы оригинала и переводов позволит обобщить принципы и методику поиска топонимических соответствий в немецком и русском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. [Электронный ресурс]. URL.:<http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Autobiographisches/Aus+meinem+Leben.+Dichtung+und+Wahrheit>.
2. Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и Правда / Пер. с нем. Н. Ман; вступ. ст. и коммент. Н. Н. Вильмонта. — М.: «Художественная литература», 1969. 606 с
3. Гальцова А. С. Лингвокультурологический потенциал топонимической лексики: автореф. дис. ...канд. фил. наук: 10.02.01 / С.-Петербург. гос. горный ун-т. СПб., 2008. 209 с.
4. Янская И. Кардин В. Пределы достоверности: очерки документальной литературы. М.: Сов. Писатель, 1981. 366 с.
5. Усова Н.В. Топонимия автобиографических хроник И. В. Гёте: Функционально-семантический аспект // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики: ежегодный научно-теоретический и прикладной журнал / Пятигорский гос. Университет; под ред. Т.А. Ширяевой. Пятигорск, 2020. Вып. 13. С. 73-80.
6. Tent J. Approaches to Research in Toponymy // Names. 2015. № 63. P. 65-74.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / АН СССР, Ин-т языкознания; под ред. А. В. Суперанской. 2-е изд. М. : Наука, 1988. 187 [2] с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TOPOREFLECTONIMES IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF J. W. GOETHE'S MEMOIRS PROSE)

Annotation. The article is devoted to the study of toprelectonyms from the autobiographical work of the German writer Johann Wolfgang Goethe “Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» («From my life. Poetry and truth») in a comparative and translational aspect. The subject of the study is the linguistic characteristics of toponymic names in the German-language text and the peculiarities of their transfer into Russian. The research is carried out using descriptive, comparative and structural methods and techniques of linguistic analysis.

Key words: autobiographical work, toponym, toprelectonym, Goethe, comparative analysis

Chernov D. A.

Scientific supervisor: Usova N.V., Doctor of Philology, Associate Professor

Donetsk State University

E-mail: chernovdenis28@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В БАЛЛАДАХ И.В. ГЁТЕ

Чернякова О.Д.

Научный руководитель: Усова Н. В., д-р филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются фонетические средства в поэтических произведениях на немецком языке. Проведен анализ мистических баллад И.В. Гёте, выявлены звуковые приемы и фонетические средства, выполняющие тексто- и смыслообразующую роль, их влияние на образование музыкальности и ритмичности, а также образности стихотворного текста. Исследование проводится с использованием метода абстрагирования, метода целостного анализа и описательного метода. В выводах констатируются наиболее часто употребляемые фонетические приемы.

Ключевые слова: баллада, Гёте, ассонанс, аллитерация, фонетика

1. Вступление. Работа посвящена изучению фонетических средств организации поэтического текста, что является важным аспектом лингвистического исследования, особенно в контексте рассмотрения поэзии Иоганна Вольфганга фон Гёте.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения фонетического уровня языковых средств организации текста как важного аспекта формирования содержательной стороны поэтических произведений разных жанров. Баллада как жанр, возникший в немецкой лингвокультуре, заслуживает более глубокого изучения всех её аспектов с точки зрения лингвистики на материале аутентичных произведений наиболее значительных авторов.

Объектом исследования являются мистические баллады Иоганна Вольфганга фон Гёте. Предметом исследования являются фонетические средства и приемы, используемые в текстах рассматриваемых баллад.

Цель исследования заключается в подробном рассмотрении фонетических средств организации поэтического текста на примере баллад И.В. Гёте и выявление их роли и значения в создании образов в данных произведениях и передаче эмоций.

Материалом исследования послужили оригиналы текстов баллад И.В. Гёте «Der Schatzgräber» («Кладоискатель»), «Der Zauberlehrling» («Ученик чародея») и «Die Braut von Korinth» («Коринфская невеста») [Projekt Gutenberg].

2. Основная часть.

2.1 Многие исследователи, в числе которых И.В. Арнольд, определяют стилистику как раздел лингвистики, исследующий использование лексических, грамматических и фонетических языковых средств, используемых для передачи мысли и эмоции в разных условиях общения. По мнению упомянутой лингвистики, фонетическая сторона речи представляет особый интерес для изучения, так как звуковая оболочка слов, ритмико-интонационные характеристики речи имеют особое воздействие на человека, и это все исследует особый раздел языкознания — фоностилистика [Арнольд 2010: 200]. Перечень фоностилистических средств отличается у разных исследователей. Наиболее полный список фонетических элементов организации стихотворного текста предлагают З.А. Алымбаева и Л.Т. Калчаева. Он включает повторение, ассонанс, аллитерацию, рифму, ударение, ритмомелодику, фоннику, ритм, экспрессию, тембр, паузу, темп, силу голоса, высоту тона, элементы интонации и звук. Все эти средства, по мнению исследователей, содержат в себе коннотации, которые автор стремился передать читателям [Алымбаева, Калчаева 2018: 67-70]. Особое место при анализе поэтических текстов отводится повторам, которые традиционно разделяются на метрические и эвфонические. К

метрическим элементам относят стопу, стих, строфу, анакрузу и эпикрузу, а к эвфоническим — рифмы, ассонансы, диссонансы, рефрен.

2.2. Фонетические средства и приемы в балладах, как и в поэтических произведениях в целом, являются важным элементом жанра и помогают создать неповторимый стиль. Исследователь жанра баллады А.А. Гугнин считает, что повторы, формулы, постоянные эпитеты, параллелизмы и ряд других формальных приемов нужны исполнителю баллады для достижения лучшего контакта со слушателями. Повторы усиливают художественное впечатление, потому что при постоянном повторении они словно усиливают ощущение неотвратимости трагедии, обусловленности ее чем-то, не подвластным человеку [Гугнин 1983: 12]. Подобное характерно и для рассматриваемых мистических баллад Гёте, для которых повтор имеет очень важное не только фонетическое, но и содержательное значение. Особенно это касается таких типов повтора, как аллитерации и ассонансы.

Аллитерация используется в балладе для выразительности и четкости слов героя, но также для увеличения магического элемента в балладе, ведь аллитерация является очень древней стилистической фигурой и происходит из речи оракулов и магических заклинаний, а также из молитвенных формул. Исследователями отмечается, что аллитерация является принципом древнегерманского стихосложения [Богатырева 2005: 63]. Ассонанс также является древним приемом, который, помимо прочего, придает балладе мелодичность.

Фонетический анализ баллад И.В. Гёте «Der Schatzgräber», «Der Zauberlehrling» и «Die Braut von Korinth» позволяет наглядно продемонстрировать частоту и конкретные случаи использования разных фонетических элементов в контексте немецкой мистической баллады.

2.3 Рассмотрим подробнее приемы, касающиеся метрического типа повторов. Метр и ритм в балладе «Der Schatzgräber» постоянны: четырехстопный хорей с ритмом abbc. Каждая строфа делится на две части рифмой и каденциями. В балладе «Der Zauberlehrling» преобладает хорей и используется перекрёстная рифма (abab cdcd) в строфах, которая пересекается со схемой рифмовки effgeg в рефренах. И.В. Гёте также выбирает хорей в качестве основы баллады «Die Braut von Korinth». Первые четыре строки каждой строфы – перекрестная рифма (пятистопный хорей), пятая и шестая строка – парная рифма (трехстопный хорей) и седьмая строка – пятистопный хорей, который рифмуется со второй и четвертой строкой.

2.4 Анализ эвфонических фонетических средств в балладах показал, что наиболее частыми в употреблении приемами являются ассонанс и аллитерация.

2.4.1 **Ассонанс** определяется как созвучие гласных звуков (преимущественно ударных), особенно в неточной рифме, а также повторение гласных в художественном тексте, имеющее текстообразующее значение. При полном ассонансе повторяются одинаковые звуки, при неполном – однотипные звуки [Словарь лингвистических терминов 2010: 44]. Основная функция ассонанса – усиление рифмы и создание мелодичности, но в некоторых связках слов он актуализирует коннотации, которые стремился передать И.В. Гёте.

В рассмотренных балладах встречаются следующие примеры ассонанса:

«Der Schatzgräber»: Arm am, größte – höchste, Blumenkranze – Himmelsglanze, Tages Arbeit! Abends Gäste!

«Der Zauberlehrling»: Walle! walle Manche Strecke, Oben sei ein Kopf, nieder – wieder, Denn wir haben Deiner Gaben, Teile – Eile.

«Die Braut von Korinth»: Neu – Treu, Und schon lag das ganze Haus im Stillen, Schimmer – Zimmer, Deren keines seinem Geist entgeht.

2.4.2 **Аллитерацией** называется повторение согласных в художественном тексте, имеющее текстообразующее значение. При полной аллитерации повторяются

одинаковые звуки, при неполной аллитерации повторяются однотипные звуки [Словарь лингвистических терминов 2010: 28]. Аллитерация реже несет в себе функцию создания рифмы, тем ярнее она выступает главным компонентом в образовании мистического настроения и фонетически подчеркивает происходящее в балладах, см. примеры ниже.

«Der Schatzgräber»: *Meine Seele sollst du haben!, Kreis' um Kreise, Kraut und Knochenwerk, Schwarz und stürmisch, fernsten Ferne, Frohe Feste!*

«Der Zauberlehrling»: *Seine Wort' und Werke, Stock, der du gewesen, Steh doch wieder still!, Völlig fertig in die Höhe, Nass und nasser.*

«Die Braut von Korinth»: *wacht – verbracht - Nacht, Schimmer – Schleier – still – Stirn – Schwarz, Ach, so hält man mich in meiner Klause, Wenn ich mich in stillen Klause quäle, Ach! In ihren Armen denk an mich.*

2.4.3 Следующий прием, который играет важное значение в фонетическом восприятии текста – это использование **звукоподражания**, под которым понимается «Неполнозначительная часть речи, служащая для имитации звуков живой и неживой природы и тем самым создающая представление о процессах, признаках и предметах реального мира» [Словарь лингвистических терминов 2010: 111]. Благодаря ему автору удается создать более живое и реалистичное описание событий, а также сделать определенные части текста более захватывающими.

Так, в балладе «Der Schatzgräber» содержатся фразы *Kraut und Knochenwerk zusammen, Kreis' um Kreise*, которые насыщены звуками и звуко сочетаниями, ассоциирующимися со звуками копания: [kr], [rk], [s], [z], [ts], [x]. Сопровождая описание сцен копания клада, эти фонетические структуры производят через звуковое восприятие впечатление таинственности. Помимо приведенных выше примеров, в стихотворении содержится много повторений звуков [s] и [k], концентрация которых имитирует звучание песка.

В балладе «Der Zauberlehrling» слова, повторяющиеся в рефренах: *Walle! Walle*, а также повторение *Wehe! Wehe!*, представляют собой звукоподражание шуму, который создают движущиеся потоки воды. Частое повторение в балладе звуков [ʃ], [h], [s] передает атмосферу переполоха, например:

Wahrlich! ist schon an dem Flusse, Ach, ich merk es!

Wehe! wehe! Hab ich doch das Wort vergessen!

В произведении «Die Braut von Korinth» повторяющиеся звуки [a] и [au] в строках: *Klag- und Wonnellaut Bräutigams und Braut* имитируют стоны и рыдания.

2.4.4 В ходе анализа стихов баллад выявлены ещё два важных на фонетическом уровне элемента формирования стиля – это **анафора** и **эпифора**. Анафорой в лингвистической поэтике считается единоначатие, повторение в начале предложений в художественной прозе или в начале стихотворных строк сходных звуков, слов, синтаксических или ритмических построений. Этот стилистический прием направлен на усиление выразительности, достижение лучшей передачи эмоций [Словарь лингвистических терминов 2010: 32]. Эпифорой называется стилистическая фигура, встречающаяся в художественной речи, противоположная анафоре [Словарь лингвистических терминов 2010: 468].

В балладе «Der Zauberlehrling» анафоры и эпифоры поддерживают и усиливают действие существующих ритмов и повторов. Анафора начинает первый и второй рефрены: *Walle! walle manche Strecke*. Эпифора повторяется в конце первых двух рефренов:

*Daß, zum Zwecke, Wasser fließe
und mit reichem, vollem Schwalle
zu dem Bade sich ergieße.*

В балладе «Der Schatzgräber» анафоры представляют собой слово *Und* в начале восьми строк во всей балладе. Использование этого приёма создаёт ощущение стремительного развития событий и их тесной взаимосвязи.

В балладе «Die Braut von Korinth» слово *Und* часто выдвигается на протяжении всего произведения в позицию анафоры, так же, как и предлог *Mit* употребляется в анафоре строк *Mit des Mädchens eignem Schleierflor*, *Mit dem Teppich die Geliebte decken*.

3. Выводы. В результате проведенного фонетического анализа можно сделать следующее заключение:

3.1 В мистических балладах И. В. Гёте используются как метрические, так и эвфонические фонетические средства. Преобладающей формой метрической организации стихов является хорей с перекрёстной рифмой.

3.2 Самыми часто встречающимися в рассмотренных балладах фонетическими средствами являются ассонанс и аллитерация, при этом ассонанс чаще используется для построения и усиления рифмы, тогда как аллитерация придаёт стиховым структурам экспрессию, что служит созданию определенного настроения в разных частях произведения.

3.3 Звукоподражание также присутствует во всех рассмотренных балладах и влияет на фонетическое восприятие читателя или слушателя, создавая дополнительную образность изображаемого.

3.4 Анафора, как и эпифора, поддерживает и усиливает действие использующихся в балладе ритмов и повторов. Анафора занимает в рассмотренных произведениях более значимое место, чем эпифора, так как встречается гораздо чаще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Projekt Gutenberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/goethe/gedichte/index.html>
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. 10-е изд., испр. и доп. М.& Флинта-Наука, 2010. 382 с.
3. Алымбаева З.А., Калчаева Л.Т. Фоностилистика – раздел лингвистики, исследующий коннотации фонетических средств, структуру звуковых символов в коммуникации // Вестник науки и образования. №6 (42), Том 1, 2018. С. 67-70
4. Гугнин А.А. Немецкая народная баллада: эскиз ее истории и поэтики // Немецкие народные баллады / Deutsche Volksballaden. Сборник на немецком и русском языках. Предисл. к кн. М.: Радуга, 1983. С. 5-25.
5. Bogatyreva N.A., Nozdrina N. A. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Moskva: Academia, 2005. 336 с.
6. Словарь лингвистических терминов / Жеребило Татьяна Васильевна. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 485 с.

PHONETIC DEVICES OF ORGANISATION OF POETIC TEXT IN GOETHE'S BALLADS

Annotation. This paper examines the phonetic devices in German poetry. The analysis of I.W. Goethe's mystical ballads is carried out, sound techniques and phonetic devices performing text- and meaning-forming role, their influence on the formation of musicality and rhythm, as well as imagery of the poetic text are revealed. The research is conducted using the method of abstraction, the method of imagery of the poetic text are revealed. The research is conducted using the method of abstraction, the method of holistic analysis and the descriptive method. The conclusions state the most frequently used phonetic devices.

Keywords: ballad, Goethe, assonance, alliteration, phonetic, anaphora, epiphora

Chernyakova O.D.

Scientific adviser: Usova N.V. Ph.S., associate professor

Donetsk State University

E-Mail: chernyakova2002@bk.ru

ШЕКСПИРОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПЬЕСЕ М. КАРР «ПОРЦИЯ КОХЛАН»

Шиянова А.А.

*Научный руководитель: Чуванова О.И., канд. филол.наук, доцент
ФГБОУ ВО «ДонГУ»*

Аннотация. В данной статье проанализированы шекспировские реминисценции в пьесе современной ирландской писательницы Марины Карр «Порция Кохлан» с учётом трансформации традиционных образов – мифологических и национальных – как отражения кризиса общества и отдельной личности.

Ключевые слова: интеллектуальная драма, Карр, Шекспир, аллюзия, реминисценция.

Гуманистические ценности, которые являются смысловым ядром творчества английского драматурга и поэта Ренессанса Уильяма Шекспира, на протяжении веков находят отклик в произведениях писателей различных эпох. Исследователи отмечают тонкий психологизм в изображении шекспировских героев, его интерес к пограничным состояниям личности, ситуациям нравственного выбора. В XIX – XX веках общество переживает кризис старых моральных ориентиров, вызванный бесчеловечностью Первой и Второй мировых войн и технократизацией всех сфер жизни в поствоенные годы. Во второй половине XX века в рамках постмодернистской поэтики реализуется игровое начало, обусловленное синтезом массовой и элитарной культур. Диалог с прецедентными текстами классической литературы часто рассматривается в качестве основы для интеллектуальной игры. Материалом для творческих экспериментов становится и наследие У. Шекспира, поскольку оно знакомо даже неподготовленному читателю. Система общечеловеческих ценностей, заложенная в произведениях английского драматурга, приобретает всё большую актуальность на рубеже XX-XXI веков.

Диалог с произведениями Шекспира сигнализирует об обращении современной литературы к гуманистическим принципам. Использование шекспировских аллюзий характерно для западноевропейской словесности, однако особенно симптоматично для англоязычных писателей. Яркими примерами произведений, имеющих аллюзивную связь с творчеством классика, являются пьеса Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1966), романы Айрис Мердок «Чёрный принц» (1973), Джона Апдайка «Гертруда и Клавдий» (2000), Изна Макьюэна «В скорлупе» (2016).

К шекспировским текстам обращается и ирландский драматург Марина Карр в пьесе «Порция Кохлан» (*Portia Coughlan*, 1996). Карр – один из ведущих представителей современной ирландской драматургии. Однако, несмотря на то, что её пьесы были отмечены многочисленными наградами и переведены на многие языки, они всё ещё остаются недостаточно исследованными в отечественном литературоведении. Тематика произведений писательницы вращается вокруг трагических ситуаций, возникающих в Мидленде, центральном регионе Ирландии. Отличительной особенностью её поэтики является вовлечение в текст аллюзий, связанных с классическими произведениями, в особенности с образами и мотивами древнегреческой и кельтской мифологии. Немаловажной составляющей становятся и шекспировские тексты. Таким образом, в фокусе Марины Карр оказываются как «детали индивидуальных конфликтов» [11], так и «поэзия крупномасштабной человеческой трагедии» [11].

Уже в названии пьесы Карр – «Порция Кохлан» – присутствует намёк на главную героиню шекспировской комедии «Венецианский купец» *Порцию*. В образах Порции Кохлан и её шекспировского прототипа прослеживаются схожие черты: обе женщины красивы, богаты, не имеют недостатка в поклонниках. Как отмечает А.С. Якунин,

Марина Карр также сохраняет шекспировский *мотив выбора* [5, с. 121]. В «Венецианском купце» он представлен наличием трёх ларцов и трёх претендентов на руку Порции – принца Марокканского, принца Арагонского и Бассанио. К иностранным женихам Порция испытывает лишь презрение, а соотечественник Бассанио сразу вызывает у неё симпатию. Хотя шансы равны у всех претендентов, лишь последний не мотивирован эгоизмом, потому делает правильный выбор (свинцовый ларец – «Со мной ты всем рискнешь, отдав всё, что имеешь» [3, с. 527]). Порцию Марины Карр не привлекает ни один из мужчин (Рафаэль, Дэймас, Финтан), желающих добиться её благосклонности. Никто из них не может удовлетворить её духовные потребности, и в конечном итоге, они все оказываются отвергнуты в конце первого акта.

Реминисцентная связь между пьесой Карр и прецедентным текстом усиливается благодаря дополнительным значениям имени главной героини. Связанная с ним античная аллюзия раскрывается в описании Порции, вложенном в уста Бассанио из «Венецианского купца»: «Богатая наследница в *Бельмонте* / Живет; красавица – прекрасней вдвое/ Высокой добродетелью; порой / Её глаза привет мне молча слали. / *Ей имя – Порция; она не ниже / Супруги Брута, дочери Катона.* / Все знают цену ей: из разных стран / Четыре ветра навевают ей / Искателей. А солнечные кудри / Как золотое светятся руно; / Бельмонт они в Колхиду обращая, / И не один Язон туда стремится» [3, с. 513] (Выд. нами – А.Ш.). Римская матрона стала олицетворением *верности*, поскольку совершила самоубийство, узнав о поражении и смерти своего супруга. Добродетельность как шекспировского, так и античного образов не характерны для Порции Марины Карр. В глазах ирландского общества она является изгоем: вместо забот о детях и муже, как предписано патриархальными и католическими нормами, она проводит свои дни в баре «Густой тростник» или на берегу реки *Белмонт*, где совершает адюльтер. Подобная трансформация верности в неверность позволяет Карр создать образ Анти-Порции. В кельтской мифологии тростник является символом очищения от грехов и оберегом от ведьм [7], однако в пьесе это название носит бар, в котором Порция приумножает свои грехи, и сама героиня у окружающих ассоциируется с существом потусторонним («подкидыш» [6], «злой гоблин» [6], «дьявол» [6]). Парадоксальность образов провоцирует слом «горизонта ожидания» читателя (Х.Р. Яусс).

Название «Белмонт», которое в прецедентном тексте обозначает поместье Порции, у Марины Карр становится топонимом реки и городка Белмонт-Вэлли. А.С. Якунин и Клэр Уоллес отмечают связь легенды об образовании реки с личной трагедией Порции [5, с. 122; 9, с. 444]. Девушку, обвиненную в колдовстве, приговорили к казни на этом месте, однако, как полагает Порция, истинной причиной была её инаковость. В подобном положении оказывается и героиня Карр: никто из окружающих не понимает её.

Образ отца Порции Кохлан, Слая Скалли, близок шекспировскому образу ростовщика Шейлока. Само имя персонажа является говорящим (англ. 'sly' – хитрый, пронырливый) и подчеркивает тот факт, что он не брезгует любыми методами для достижения финансового успеха. Под давлением отца Порция выходит замуж за нелюбимого, но богатого Рафаэля. В «Венецианском купце» Шейлок оправдывает свое стремление к обогащению библейской аллюзией об Иакове, который пошел на хитрость, чтобы разбогатеть: «Вот путь к наживе, – он благословен... / Благословен барыш, коль не украден!» [3, с. 517] Тот факт, что и Слай нажил свое состояние нечестным путем, становится очевиден во время ссоры Порции и её любовника Дэймаса. Любовник Порции обвиняет и её, и её отца в нечистоплотности: Слай купил участок земли с помощью махинаций.

Черты Шейлока угадываются и в образе мужа героини, Рафаэле. Несмотря на свое богатство, Рафаэль Кохлан не пользуется уважением у жителей Белмонт-Вэлли. Они подозревают, что он нарочно подстроил производственную травму, чтобы получить

компенсацию в полмиллиона. Кусок ступни, которого лишился Рафаэль, служит символическим «*фунтом плоти*», отданным взамен материального благосостояния. Физический недостаток героя придает ему inferнальные черты из-за укоренившегося в европейском сознании представления о хромоте как примете дьявола (ср. Мефистофель из «Фауста» Гёте). Контрастом по отношению к внешнему облику героя служит имя «Рафаэль», которое отсылает к образу архангела Рафаила. В ироничном ключе обыгрывается противопоставление между функциями Рафаила как ангела-целителя и искалеченностью мужчины, который носит его имя. Все внимание Рафаэля поглощено финансовыми вопросами, поэтому между ним и Порцией нет эмоциональной близости: «Смотрю я в последнее время на Рафаэля... Сидит он напротив меня в кресле: всегда усталый, больная нога на пуфике, проверяет что-то в конторских книгах, весь в себе... *Мне кажется, что лучше умереть*, чем так сидеть, — до того нам весело вместе. Дети спят, *дом скрипит, как гроб*, — дверьми, половицами. *Иногда мне становится нечем дышать*» [6] (Выд. нами – А.Ш.).

По мнению Кристины Вальд, и Порцию в пьесе Марины Карр, и шекспировскую Порцию роднит близость к гибели [8, с. 248]. Свинцовый ларец как символ замкнутого пространства отождествляется с метафорическим погребением. В ирландской пьесе протагонистка чувствует себя заточенной и ищет спасение в смерти: «мне кажется, что лучше умереть» [6], «дом скрипит, как гроб» [6], «иногда мне становится нечем дышать» [6]. В прецедентном тексте в свинцовом ларце, открытом Бассанио, заключался портрет Порции. В соответствии с теорией психоанализа З. Фрейда сундук как объект, обладающий особенностью «ограничивать полое пространство, способное быть чем-нибудь заполненным» [2, с. 39], связан с женским началом, а его открытие равнозначно «разгадыванию» Порции. Шекспировская героиня «разгадана», что приводит к обретению жизни, любви и счастья. Ирландка, напротив, остается «неразгаданной», что приводит к кризису витальности и к смерти.

Кристина Вальд также отмечает сходство между Порцией Кохлан и образом Антонио из «Венецианского купца» [8, с. 246]. Оба персонажа отягощены печалью, причина которой непонятна для окружающих. Очевидно, что уныние ирландки связано не только с личным душевным конфликтом, но и с утратой подлинных семейных связей, любви и тепла в окружающем её мире. Как справедливо отмечает З.М. Кескин, в пьесе Карр «любовь труднодоступна по сравнению с сексом и деньгами» [10]. Порция – не единственный персонаж, который нарушает моральные устои: тетя Мэгги Мэй занимается проституцией, муж Блейз Скалли уличен в изменах, Дэймас и Финтан ищут удовлетворения в плотских утехах.

З.М. Кескин противопоставляет пьесу Марины Карр произведениям драматургов ирландского литературного Возрождения, таких как Уильям Батлер Йейтс, Шон О'Кейси, Дж.М. Синг. В их драматургии персонажи, несмотря на трагические ситуации, находят опору в семье и религии. О католичестве в «Порции Кохлан» не идет речи. Героиня пьесы совершает самый страшный грех христианства – самоубийство. Семья Порции выглядит разобщенной: мать и отец признаются, что никогда не любили её, бабушка не скрывает ненависти по отношению к невестке и внукам. Образы женских персонажей конфронтируют с образом женщины как «смелой, сильной и верной» [10] в ирландской театральной традиции.

Фамилия рода матери Порции – Джойс – является отсылкой к фигуре ирландского писателя Джеймса Джойса. Он отказался от участия в кельтском возрождении, потому что считал, что Ирландия должна ориентироваться не на прошлое, а на знакомство с европейской культурой и модернизацию. Пьеса Карр тематически перекликается с рассказом Джойса «Эвелин» из сборника «Дублинцы». Обе героини испытывают чувства страха, беспомощности и потерянности. Их роднит деспотизм отца, жизнь в пространстве, маркированном смертью (у Эвелин – смерть матери и любимого брата

Эрнеста, у Порции – близнеца Габриэля). В произведении Джойса так же, как и в пьесе Карр, раскрываются сложные взаимоотношения с матерью. Кроме того, в рассказе «Эвелин» мать предстаёт надломленной, она полностью подчинена воле отца, что напоминает и Марианну из «Порции Кохлан». Мотив безумия также присутствует в обоих произведениях: в рассказе ирландского модерниста именно мать Эвелин лишается рассудка, а в пьесе Карр не мать, но хрупкая дочь лишается душевного равновесия. Эвелин, как и Порция, хочет вырваться из замкнутого пространства, обрести счастье и любовь: «Бежать! Надо бежать! Фрэнк спасет ее. Он даст ей жизнь, может быть, и любовь. Она хочет жить. Почему она должна быть несчастной? Она имеет право на счастье. Фрэнк обнимет ее, прижмет к груди. Он спасет ее» [1, с. 53-54]. Страх, вызванный образом морской пучины, который пресекает отъезд Эвелин, коррелирует с опасностью водной стихии в «Порции Кохлан». Музыка в обоих произведениях выступает символом победы прошлого над настоящим: Порция слышит пение призрака Габриэля, а Эвелин – звуки шарманки, которые напоминают ей об обещании позаботиться о доме, данное умирающей матери.

Единственный персонаж пьесы, с которым у Порции сильная связь, – это её брат-близнец Габриэль, который утонул в водах реки Белмонт 15 лет назад. В пьесах Шекспира часто встречаются двойники или альтер-эго героев, как в комических, так и в трагических пьесах. Смена ампула является одной из реализаций шекспировского представления о мире как о театре и реализуется посредством переодевания персонажей. Кристина Вальд пишет о том, что в прецедентной пьесе у Порции тоже есть двойник – её альтер-эго нотариус Бальтазар [8, с. 254]. Девушка заявляет Бассанио, что провела ночь с Бальтазаром, чтобы вернуть кольцо. Когда её жених осознаёт, что под личиной доктора права скрывалась сама Порция, он делает шутливое предложение: «Прелестный доктор, ложе мы разделим; / А без меня ты спи с моей женой» [3, с. 549]. Марина Карр обращается уже не к мотиву переодевания, но к изначально заложенному архетипическому единству. В пьесе Карр гармония между женским и мужским началами разрушается: соперничество близнецов заканчивается победой Порции (женского начала). Мотив двойничества, реализуемый близнечной парой, также служит для иллюстрации кризиса идентичности. Имя героини маркирует её неполноту (англ. portia – часть): Порция признается в том, что чувствует себя половиной Габриэля, причем худшей. Более того, мать близнецов Марианна ставит под сомнение ценность личности Порции, называя её «тенью» своего брата. Утрата Габриэля, которая была необходима для реабилитации «Я» героини, превращает остаток её жизни в пытку. Кризис идентичности приводит к алкогольной зависимости и адюльтеру, которые являются неудачными попытками героини заполнить внутреннюю пустоту и почувствовать себя полноценной.

В пьесе также присутствует мотив инцеста, который реализуется дважды: в отношениях между Порцией и Габриэлем и в браке между Марианной и Слаем, которые были единокровными братом и сестрой. С одной стороны, мотив кровосмешения подчеркивает ограниченность Белмонт-Велли, а с другой, он иллюстрирует крах человеческих взаимоотношений.

В образе Порции есть и реминисцентная связь с образом Офелии из трагедии «Гамлет». В одной из сцен пьесы Карр главная героиня бросает в воду букет фиалок. Так и обезумевшая Офелия накануне своей гибели раздаёт цветы: «А еще я хотела подарить вам фиалки, но они увяли, когда умер мой отец. Говорят, у него была лёгкая смерть» [4, с. 304-305].

Героинь также объединяет постепенное лишение рассудка и смерть в водах реки. Символика воды является одной из ключевых в пьесе Карр. Вода, олицетворяющая женское начало, одновременно связана и с темами опасности и смерти (самоубийства Габриэля и Порции через утопление), и с эротическим началом. Клэр Уоллес отмечает,

что именно на берегу реки Порция занимается любовью с Габриэлем, впервые встречает Рафаэля, совершает адюльтер с Дэймасом и назначает свидание Финтану [9, с. 444].

З.М. Кескин называет Порцию «современным Гамлетом» [10]. Пение призрака Габриэля, которое постоянно слышит героиня Карр, как и появление призрака отца датского принца, служит катализатором действия, которое в конечном итоге приводит к смерти протагонистов.

Шекспировские реминисценции в пьесе Марины Карр служат для отображения социальных проблем современности. Трансформация традиционной для ирландской литературы темы семьи обнажает кризис существующей системы ценностей. Драматург помещает в центр внимания не только общественные проблемы, но и трагедию отдельной личности. Так, созданный писательницей образ Анти-Порции иллюстрирует то, как закоснелость общественных установок ограничивает свободу женщины. Ещё одной значимой темой становится конфликт между «Я» и «не-Я», который не нашел гармоничного разрешения в душе Порции Кохлан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джойс Дж. Эвелин // Дублинцы. М.: Известия, 1982. С.50-54.
2. Фрейд З. О психоанализе. Лекции. Мн.: ООО Харвест, 2007. С. 132-151.
3. Шекспир У. Венецианский купец // Весь Шекспир в 2-х тт. Т.1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 509-550
4. Шекспир У. Гамлет / У. Шекспир // Весь Шекспир в 2-х тт. Т.2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 259-320
5. Якунин А.С. Интертекстуальность и мифопоэтика «мидлендской» трилогии М. Карр // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое Образование». 2019. № 4(36). С. 120-127.
6. Карр М. Порция Кохлан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ч/cherchilkeril/antologiya-sovremennoj-britanskoj-dramaturgii/5> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Тресиддер Дж. Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/19.htm (дата обращения: 26.02.2024).
8. Wald Ch. The Spectral Returns of The Merchant of Venice in Marina Carr's Portia Coughlan: "Only his shadow?", Shakespeare Bulletin, 39(2), 2021, pp. 241-260.
9. Wallace C. Tragic Destiny and Abjection in Marina Carr's "The Mai, Portia Coughlan" and "By the Bog of Cats...", Irish University Review, 31(2), 2001, pp. 431-449.
10. Keskin Z.M. National Identity's Death in Marina Carr's Portia Coughlan [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://leonardafinchie.wordpress.com/2014/06/11/national-identity-death-in-marina-carrs-portia-coughlan/> (дата обращения: 18.02.2024).
11. Rees C. "Marina Carr" // The Literary Encyclopedia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.litencyc.com/php/speople.php?rec=true&UID=5854> (дата обращения: 18.02.2024).

SHAKESPEAREAN ALLUSIONS IN THE PLAY «PORTIA COUGHLAN» OF MARINA CARR

Annotation. This paper analyses Shakespearean reminiscences in the play «Portia Coughlan» of contemporary Irish writer Marina Carr. The research dwells on the transformation of traditional images (mythological and national) as the representation of the society and individual crises.

Keywords: intellectual drama, Shakespeare, Carr, allusion, reminiscence

Shiyanova A.A.

Scientific adviser: Chuvanova O.I., Ph.D., associate professor

Donetsk State University

E-mail: sianovaangelina321@gmail.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ ШВЕЙЦАРСКИМ ВАРИАНТОМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И НЕМЕЦКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

Якушкина А.А.

Научный руководитель: Басыров Ш.Р., д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВО «ДонГУ»

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются лексико-семантические особенности словарного состава швейцарского варианта немецкого языка в сравнении с немецким литературным языком Германии. Выявляются общие и отличительные черты в лексико-семантических системах Швейцарии и Германии.

Ключевые слова: национальный вариант языка, швейцарский вариант немецкого языка, немецкий литературный язык Германии, заимствование.

1. Вступление. Немецкий язык является полицентрическим языком, который существует в различных национальных вариантах. Швейцарский вариант немецкого языка (ШВНЯ) представляет собой уникальное явление, обладающее специфическими особенностями на различных языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, семантическом). В настоящем исследовании проводится сопоставительный анализ языковых единиц ШВНЯ и соответствующих единиц литературного языка Германии с целью выявления схождений и расхождений между двумя вариантами немецкого языка. При этом основное внимание уделяется установлению лексических и семантических расхождений в системе литературного языка Германии и ШВНЯ.

Материалом исследования послужили лексические единицы (существительные и глаголы) ШВНЯ, отобранные методом сплошной выборки из словарей [1; 2]. Общий объем выборки швейцарской лексики составил 165 ед. Немецкие литературные соответствия, полученные из лексикографических словарей [3; 4], насчитывают 52 единицы.

2. Основные особенности швейцарского варианта немецкого языка. В Швейцарии возникла уникальная языковая ситуация, которая может быть охарактеризована как диглоссия, когда на одном языковом пространстве существуют две разновидности конкретного языка: стандартизированный литературный язык и нестандартизированный диалект. Следует отметить, что в немецкоязычных кантонах Швейцарии используется либо швейцарский национальный вариант, либо диалект. Как отмечают исследователи, не существует «переходных» форм, разговорных языков, которые бы служили «мостиком» между диалектом и стандартизированным произношением [5].

ШВНЯ обладает определенными лингвистическими расхождениями с собственно немецким, которые обусловлены языковыми контактами Швейцарии с романскими языками (французским, итальянским), ретороманскими языками и английским. Заметное влияние романских языков на ШВНЯ обусловлено тем, что французский и итальянский являются официальными языками в Швейцарии, на которых говорит большая часть населения. В эмпирическом материале ШВНЯ выявлено 20 заимствований из французского языка. Особенно много французских заимствований наблюдается в таких сферах как еда (швейц. *menu* – нем. *Speisekarte*), культура (швейц. *boulevard* – нем. *Allee*), мода (швейц. *smoking* – нем. *Abendanzug*).

Добавим, что в количественном отношении среди всех иноязычных единиц в ШВНЯ первое место занимают французские заимствования, в особенности, из

повседневной-бытовой, деловой и официальной жизни (17 ед.): *Affiche, Autocar, Balkon, Cachet, Décor, Email, Glase, Jupe, large, Manicure, Neglige, Omelete, Parfum, Rayon, Salar, Tablar, Velo* [6].

Французским заимствованиям количественно уступают заимствования из итальянского и ретороманского языков (12 ед.): *Kassa, Maggi, Peperoni, punkto, Ragione, Rustico, Sanitut, Sopraceneri, Sottoceneri, Zucchetto, Rilfe, Stabelle*. Заметим, что немецкие формы, например, *Kassierer, KassiererIn* не употребляется в Швейцарии, уступив существительным *Kassier, Kassierin*, образовавшимся от итальянского *Kassa*. В наименьшей мере на ШВНЯ повлиял ретороманский язык (2 ед.). Лексические несоответствия здесь наблюдаются в сфере природа (швейц. *bergli* – нем. *Hügel*) и сельское хозяйство (швейц. *senn* – нем. *Bauer*).

Много «иноязычных гельветизмов» пришло в швейцарский литературный вариант из английского (британского) и американского варианта английского языка, в частности, из сферы «Спорт» (14 ед.) (*Aussenback, Back, Center, Final, Goal, Hands, Keeper, Leader, Match, offside, Penalty, Ref, Skore, Trainer*) и других областей (10 ед.) (*Bluff, Cake, E-Mail, Flirt, handicapiieren, Komfort, Plastic, Radar, Sandwich, Tram*) [6].

Интерес представляет лексический слой, который демонстрирует полное несовпадения лексем ШВНЯ и литературного немецкого языка Германии. Эти расхождения фиксируются лексикографическими источниками, отражают реалии жизни швейцарцев и тематически относятся к таким сферам жизни, как предметы быта, продовольствие, одежда, животные. [3; 4], ср.: нем. *das Brot* – швейц. *das Broot* 'хлеб', нем. *der Apfel* – швейц. *der Öpfu* 'яблоко', нем. *das Salz* – швейц. *der Piuз* 'соль', нем. *die Kartoffel* – швейц. *die Häärpfel* 'картофель', нем. *der Backtrog* – швейц. *der Multe* – духовка, нем. *das Lamm* – швейц. *das Pääggel* – козленок, нем. *der Mann* – швейц. *der Maa* – мужчина.

Некоторые швейцарские слова первоначально были характерны только для национальной культуры Швейцарии, но со временем они распространились во всем мире и стали интернациональными. Примерами таких интернационализмов служат такие слова как *мюсли* (Muesli), *фондю* (Fondue), алкогольный напиток *абсент* (Abscent), также известные швейцарские товарные знаки типа: *нестле* (Nestle), *неспрессо* (Nesspresso), *линдт* (Lindt & Sprüngli), *ролекс* (Rolex) [7].

Отмечены также случаи лексико-семантических расхождений ШВНЯ и их немецких соответствий. Рассмотрим несколько примеров:

1) Швейцарское слово *das Bebe* и немецкое *der Säugling* переводятся на русский язык как 'младенец'. Однако, они используются в разных контекстах. Лексема *das Bebe* в ШВНЯ обычно используется для обозначения младенца. В то время, как *der Säugling* в стандартном немецком языке может использоваться как для обозначения младенца, так и ребенка в период кормления его грудью.

Таким образом, *das Bebe* имеет более узкое значение по сравнению с *der Säugling*.

2) Некоторые швейцарские слова имеют более широкое значение по сравнению с их немецкими соответствиями. Например, швейцарское слово *der Guetsli* означает не только печенье, как его немецкое соответствие *die Plätzchen*, но и различные сладости и кондитерские изделия.

3) Существуют слова, которые произносятся и пишутся одинаково в обоих вариантах немецкого языка, но обнаруживают совершенно различные значения. Например, швейц. *tönen* переводится как 'звучать, иметь подтекст', в то время как его немецкое соответствие *tönen* означает 'доноситься, слышаться'. Швейц. *zügeln* 'переезжать' и нем. *zügeln* 'обуздать лошадь, усмирять', а также швейц. *antönen* 'намекать' и нем. *antönen* 'отзвучать' имеют одинаковое произношение и написание, однако значение данных слов в рассматриваемых вариантах немецкого языка различаются.

Таким образом, лексико-семантические расхождения между швейцарскими и немецкими словами, имеющими одинаковое произношение и правописание, могут быть связаны с различным семантическим потенциалом слов

3. Лексические особенности ШВНЯ. На лексическом уровне швейцарский немецкий имеет некоторые особенности, которые охватывают существительные и глаголы. Так, для обозначения велосипеда в ШВНЯ употребляется заимствованное слово «*Velos*», которое происходит от французского слова «*vélo*», а в собственно немецком – «*Fahrrad*».

Появление заимствованных слов в лексике ШВНЯ объясняется влиянием французского языка, особенно их много в соседних франкоязычных кантонах Швейцарии, где французский язык выступает в качестве официального языка (8 ед.). Например: *der Plafond* ‘потолок’ (от фр. *plafond*), *der Habitué* ‘постоянный посетитель’ (от фр. *habitué*), *das Canape* ‘бутерброд’ (от фр. *canapé*), *der Restaurateur* ‘ресторатор’ (от фр. *restaurateur*), *die Drainage* ‘дренаж’ (от фр. *drainage*), *die Rösti* ‘решти’ (от фр. *rösti*) и др.; глаголы, *kumulieren* ‘накопить, производить подсчет’ (от фр. *cumuler*), *pressieren* ‘подгонять’ (от фр. *presser*).

В лексике ШВНЯ отмечены также заимствования из итальянского языка (3 ед.): *die Peperoni* ‘острый перец’ (от ит. *peperoni*), *die lavabo* ‘умывальник’ (от ит. *lavabo*), *fallieren* ‘не удаваться’ (от ит. *fallire*).

Из английского языка в лексику ШВНЯ попали некоторые футбольные термины (7 ед.), в частности, существительные, которые пишутся с прописной буквы и употребляются обычно без артикля, например; *captain* ‘капитан’, *cupfinal* ‘финал кубка’, *forfait* ‘упущение’, *goalie* ‘вратарь’, *offside* ‘вне игры’, *penalty* ‘пенальти’, *subtotal* ‘промежуточный итог’.

В лексической системе ШВНЯ встречаются также заимствования из латинского языка (11 ед.): лат. *biber* – швейц. *Biber* ‘бобер’, лат. *finken* – швейц. *Finken* ‘зяблики’, лат. *spatzung* – швейц. *Spatzung* ‘воробей’, лат. *Helvetia* – швейц. *Helvetia* ‘Гельвеция’, лат. *konkordanz* – швейц. *Konkordanz* ‘указатель’, лат. *quorum* – швейц. *Quorum* ‘кворум’, лат. *subsidium* – швейц. *Subsidium* ‘субсидиарий’, лат. *referendum* – швейц. *Referendum* ‘референдум’, лат. *visum* – швейц. *Visum* ‘виза’, лат. *per exemplum* – швейц. *zum Beispiel* ‘например’, лат. *eruiere* – швейц. *Eruieren* ‘определить, найти’.

А.И. Домашнев обращает внимание на швейцарскую особенность семантической структуры некоторых заимствованных слов. Так, существительное (*das*) *Genie* ‘гений’ используется в швейцарском варианте также в значении «военный», например, (*der*) *genieoffizier* ‘офицер инженерных войск’ [8].

Следует отметить, что гельветизмы, т.е. слова или выражения, характерные только для швейцарского немецкого языка, встречаются в разных сферах повседневной жизни, в частности:

1) транспорт (4 ед.): швейц. *der/das Perron* – нем. *der Bahnsteig* ‘перрон’; швейц. *das Velo* – нем. *das Fahrrad* ‘велосипед’; швейц. *das Tram* – нем. *die Straßenbahn* ‘трамвай’ и швейц. *der Automobilist* – нем. *der Autofahrer* ‘водитель’.

2) кулинария (4 ед.): швейц. *die Glacé / die Glace* – нем. *das Eis* ‘мороженое’; швейц. *die Rande* – нем. *die rote Rübe* ‘свекла’; швейц. *die Baumnuss* – нем. *die Walnuss* ‘лесной орех’; швейц. *das Guggelli* – нем. *das Brathähnchen* ‘жареный цыпленок’.

3) быт (4 ед.): швейц. *der Estrich* – нем. *der Dachboden* ‘чердак’, швейц. *das Gilet* – нем. *die Weste* ‘жилет’, швейц. *der/die zuhgeln* – нем. *umziehen* ‘переезжать’, швейц. *das Zuglete* – нем. *der Umzug* ‘переезд’.

Существуют лексические несоответствия между ШВНЯ и собственно немецким, т.е. когда для обозначения одного и того же предмета/явления в сравниваемых вариантах немецкого языка используются разные слова (5 ед.): швейц. *der Autocar* – нем. *der Gesellschaftswagen* ‘экскурсионный автомобиль, вагон-клуб’, швейц. *der Estrich* – нем.

der Dachboden ‘чердак’, нем. *die Straßenbahn* – швейц. *die/der/das Tram* ‘трамвай’, швейц. *der Anken – die Butter* ‘сливочное масло’; нем. *die Fahrkarte* – швейц. *das Billet/das Billett* ‘билет’.

4. Семантические особенности лексики ШВНЯ. На семантическом уровне можно обнаружить отличия некоторых слов и выражений между швейцарским и стандартным немецким. Приведём примеры, когда одна и та же лексема в различных национальных вариантах имеет нетождественную семантику.

Так, глагол *tönen* употребляется в ШВНЯ в значении «звучать, иметь подтекст», а в немецком литературном языке «доноситься, слышаться». Сходным образом соотносятся следующие пары: швейц. *zügeln* ‘переезжать’ – нем. *zügeln* ‘обуздать лошадь, усмирять’; швейц. *antönen* ‘намекать’ – нем. *antönen* ‘отзвучать’; швейц. *schmecken* ‘иметь вкус, быть вкусным’ – нем. *schmecken* ‘пахнуть’; швейц. *posten* ‘размещать пост в интернете’ – нем. *posten* ‘ходить за покупками’.

Отметим, что существуют частичные расхождения между лексемами: в немецком литературном языке и ШВНЯ у слов есть одинаковые значения, но в первом – есть дополнительное значение, отсутствующее у слова в ШВНЯ, то есть семантический потенциал немецкого слова шире, чем швейцарского, ср:

швейц. *der Brigadier* ‘бригадир’ – нем. *der Brigadier* ‘бригадир; командующий бригадой, бригадный генерал’,

нем. 1. *die Zimmerdecke* ‘потолок’; 2. *die Obergrenze (von Geldbeträgen)* ‘(верхний предел (денежных сумм))’ – швейц. 1. *der Plafond* ‘1. [оштукатуренный] потолок; 2. Верхний предел (денежных сумм)’,

нем. *der Stammgast* ‘постоянный клиент; человек, который хорошо разбирается в определенной области’ – швейц. 1. *der Habitué* ‘постоянный клиент’.

нем. *schlagen, Verprügeln, Verdreschen* ‘избивать’ – швейц. *Verklopfen* 1. взбивать, разбивать, смешивать; 2. избивать, бить.

Отмечены случаи частичного расхождения лексем, когда семантический потенциал у слова в ШВНЯ шире, чем у слова немецкого литературного языка, ср.: швейц. *das Billett* ‘1. проездной билет; 2. водительские права’ – нем. *das Billett* (устар.) ‘проездной билет’ швейц. *das Zügeli* ‘маленькая вещь, переезд’ – нем. *das Zügel* ‘поводья’.

Встречаются полные различия в значениях между ШВНЯ и немецким литературным языком, которые могут быть вызваны наличием у иноязычного слова ШВНЯ значения, отсутствующего в немецком литературном языке, ср.: швейц. *der Billeteur* – нем. *der Schaffner* ‘кондуктор, проводник’, швейц. *die Matura* – нем. *das Abitur* ‘экзамен на аттестат зрелости’, швейц. *das Panache* (размах) – нем. *das Panache/Panaschee* ‘мороженое с ягодами; компот из разноцветных компонентов’.

Небольшая группа изучаемых лексических единиц, представленная гельветизмами и немецкими словами, характеризуется наличием одинаковой словоформы и несовпадением значения: швейц. *die Pfanne* ‘кастрюля’ – нем. *die Pfanne* ‘сковорода, противень’; швейц. *das Pult* ‘письменный стол’ – нем. *das Pult* ‘пульт’; швейц. *der Rock*, ‘платье’ – нем. *der Rock* ‘юбка’.

Особую группу в швейцарском варианте немецкого языка составляют лексические единицы, совпадающие по словоформе и значению с немецкой стандартной лексикой, но приобретающие в силу расширения сфер своего употребления и другие значения. Так, немецкое существительное (*der*) *Schmutz* ‘грязь, мусор’ употребляется в швейцарском варианте также в значении «жир, сало». В значении «жир, сало» субстантивный компонент *-schmutz* употребляется в составе сложных гельветизмов типа (*der*) *Entenschmutz* ‘утиное сало’, (*der*) *Hasenschmutz* ‘заячье сало’. Если в немецком литературном языке для обозначения процесса «пропитать жиром» используется глагол

fetten, имеющий общий корень с существительным (*das*) *Fett* ‘жир, сало’, то в ШВНЯ в значении «пропитать жиром» используется глагол *schmutzen*.

Выводы. Швейцарский вариант немецкого языка обладает определенными лингвистическими отличиями по сравнению с собственно немецким, которые во многом обусловлены языковыми контактами Швейцарии с романскими языками (французским, итальянским), ретороманскими языками и английским. Швейцарский вариант немецкого языка обнаруживает определенные лексико-семантические расхождения с немецким литературным языком, которые связаны с семантическим потенциалом лексем, с различными сферами жизни и быта швейцарцев (еда, мода, быт, деловая и официальная сферы жизни, транспорт, кулинария, продовольствие, животные, природа, сельское хозяйство).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meyer, K. Schweizer Wörterbuch. So sagen wir in der Schweiz / Mit einem Beitrag von Hans Bickel. - Frauenfeld; Stuttgart; Wien: Verlag Huber & Co. AG, 2006. - 336 S. - ISBN -10: 3-7193-1382-4, ISBN -13: 978-3-7193-1382-1.
2. Siebenhaar B., Wyler A. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. Zürich: Pro Helvetia, 1997.
3. Ammon U. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol / U. Ammon. – Berlin: de Gruyter, 2004. – 954 S.
4. Meyer K. Wie sagt man in der Schweiz? / K. Meyer. – Mannheim: Dudenverlag, 2013. – 380 S.
5. Siebenhaar B., Wyler A. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. Zürich: Pro Helvetia, 1997.
6. Романенко, О. В. Лингвистические особенности "иноязычных гельветизмов" швейцарского варианта немецкого языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Романенко Олеся Викторовна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т].- Уфа, 2010.- 224 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-10/90
7. Воронко, Е. П. Лексика швейцарского варианта немецкого языка : лингвокультурологический аспект : автореферат дис. кандидата филологических наук : 10.02.04 / Воронко Екатерина Петровна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. - Москва, 2019. - 22 с.
8. Домашнев А. И. Социально-функциональная структура немецкого языка Швейцарии / А. И. Домашнев, Н. Г. Помазан // Варианты полинациональных литературных языков / АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни; отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. – К., 1991. – С. 160–170.

LEXICAL AND SEMANTIC INCONSISTENCIES BETWEEN THE SWISS VERSION OF GERMAN AND THE GERMAN LITERARY LANGUAGE

Annotation. This study examines the linguistic features of the vocabulary of Swiss German in comparison with standard German in Germany. Common and distinctive features in the phonetic, morphological, lexical and semantic structures of words are revealed.

Keywords: national variety, Swiss version of the German language, literary language, borrowing.

Yakushkina A.A.

Scientific adviser: Basyrov Sh.R., Doctor of Philology, Professor
Donetsk National University
E-mail: arina.yakushkina.02@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»
2024. – Вып. 16**

**Том 2
Социально-гуманитарные науки
Филология
Часть 2**

Оригинал-макет подготовлен: *А.А. Торба*

Подписано в печать 31.03.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 25,07

Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.